

«Нет ни одной Академии, которая для познания естественных произведений своей страны сделала бы столько, сколько наша Академия. Скажу даже более: нет ни одной Академии, которую в этом отношении можно было бы даже сравнить с нашею.»

К.С. Веселовский

Издательство
Дальнаука

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК – 300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ
Книга 2. XIX век

В.В. Богатов



В.В. Богатов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК – 300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Книга 2. XIX век



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Федеральный научный центр
биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии ДВО РАН

В.В. Богатов

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК –
300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ
РОССИИ**

Книга 2

XIX век



Владивосток
Дальнаука
2026

УДК 001(09)
ББК

Ответственный редактор
академик РАН **В.И. Сергиенко**

Рецензенты:
академик РАН **Н.Н. Крадин**
член-корреспондент РАН **А.А. Гончаров**

Богатов В.В.

Российская академия наук – 300 лет высокого служения России. Книга 2:
XIX век. – Владивосток: Дальнаука, 2026. – 480 с.

ISBN 978-5-8044-1762-9

В книге популярно рассказывается о научной и научно-организаторской деятельности Императорской (Санкт-Петербургской) академии наук в XIX в. Особое внимание уделено роли Академии наук и отдельных выдающихся отечественных ученых в организации новых научно-исследовательских учреждений, университетского образования, научных и научно-технических обществ, экспедиционных работ, включая первые кругосветные плавания, а также исследований, направленных на развитие естественно-технических наук, постижение производительных сил империи, решение медицинских проблем, модернизацию законодательства, осмысление российской истории, усовершенствование русского языка, стихосложения, гражданской литературы и т. п.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Bogatov V.V.

Russian Academy of Sciences – 300 years of high service to Russia. Book 2:
XIX cent. – Vladivostok: Dalnauka, 2026. – 480 p.

Утверждено к печати Ученым советом ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН
Издание осуществлено при финансовой поддержке
Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-8044-1762-9

© Богатов В.В., 2026
© Дальневосточное отделение РАН, 2026
© ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН, 2026
© ООО «Дальнаука», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первой книге настоящего проекта [Богатов, 2025] рассказано об учреждении Петром Великим в 1824 г. Академии наук и художеств и ее работе в XVIII – начале XIX в. За этот период Россия не только сумела выстоять в обстановке политической и культурной изоляции, в которой она находилась в допетровское время, но и, преодолев духовный разлад общества, смогла значительно расширить свои территории, создать свою промышленность, военный и торговый флот, обеспечить условия для развития науки, образования и культуры, укрепить собственную государственность.

Академия наук задумывалась Петром I как государственное учреждение, перед которым был поставлен широкий круг задач: от развития точных, географических, физико-химических и гуманитарных наук до распространения в стране знаний путем печатания научных книг и обучения юношества. Последнюю задачу – создание национальных кадров специалистов – Пётр относил к числу важнейших направлений деятельности Академии. Именно поэтому первоначальный проект «Положения об учреждении Академии наук» предусматривал открытие при Академии первых светских учебных заведений России – Академической гимназии и Академического университета.

В то время при непосредственном участии академиков были организованы масштабные экспедиции по изучению территории и народов России на всем ее протяжении, широко развернуты астрономические наблюдения, что позволило поставить на высокий уровень картографические работы и создать первую Генеральную карту Российской империи (1745 г.), а затем и более совершенный «Атлас Российской империи» (1796 г.). Для обеспечения научной деятельности академиков были созданы Библиотека, Кунсткамера, астрономическая обсерватория, ботанический сад, физический кабинет, химическая лаборатория. В структуре Академии сформировался комплекс художественных мастерских, которые позднее послужили основой для организованной в 1757 г. Академии трех знатнейших художеств (с 1764 г. – Императорская академия художеств).

Уже к середине XVIII в. Академия наук и художеств стала крупным центром распространения научных знаний и просвещения. С ее

становлением и участием расширилось книгопечатание, в т. ч. переводных книг научного и научно-популярного содержания, появились первые научные, научно-популярные и литературные журналы, заработали книжные лавки, библиотеки, заметное развитие получили исторические исследования, усовершенствована российская грамматика, организовано архивное дело, развита деятельность первого российского музея – Кунсткамеры, расширены контакты с зарубежными научными центрами. Стараниями выдающегося русского ученого Михаила Ломоносова и просветителя того времени графа Ивана Шувалова был открыт Московский университет (1755 г.). При содействии Академии наук было образовано первое научное общество – Вольное экономическое (1765 г.). По инициативе директора Академии наук Екатерины Дашковой и при участии Екатерины II для развития русского языка была создана Российская академия (1783 г.).

Члены Академии наук разработали основные положения школьной реформы, приняли участие в подготовке первых профессиональных педагогических кадров, составили и издали около 30 учебников и пособий. В результате в стране при Екатерине Великой впервые была введена трехступенчатая система образования, в которой был использован опыт и традиции европейского и отечественного просвещения. Таким образом, Академия наук и художеств сыграла важную роль в формировании российской системы образования, заложив основу для дальнейшего развития отечественной науки и культуры.

К концу XVIII в. Академия наук представляла собой многопрофильное научное учреждение, действительные члены которого – выдающиеся деятели науки с преобладанием иностранных ученых. Этот многопрофильный формат работы Академии перешел и в XIX в., когда началась дифференциация научных дисциплин, профессионализация науки, расширялся государственный заказ на новые знания, технологии и квалифицированные кадры.

На протяжении почти всего XIX в. Россия оставалась страной крестьянской: в сельской местности жила подавляющая часть населения (около 90 %), и земледельческие занятия оставались главными для большинства людей. В то же время XIX в. знаменовался крупной технической революцией, вызванной появлением теплового поршневого двигателя («паровой машины»). Это было приспособление, способное преобразовывать энергию водяного пара в механическую работу. Впервые в мире подобный двухцилиндровый паровой двигатель был разработан русским техником-самоучкой И.И. Ползуновым

(1728–1766) еще в 1763 г. Но тогда это открытие не получило поддержки. Рабочая сила была слишком дешева, а представленный проект казался чрезвычайно сложным и дорогостоящим. Тем не менее уже в первой половине XIX в. повсеместное внедрение этого новшества в производство стало основой для развития технических наук, способствовало масштабным социально-экономическим преобразованиям, что к концу века привело к бурному росту промышленности в России.

XIX в. стал временем расцвета не только науки и техники, но и русской литературы, русской музыки, живописи, архитектуры и театра. Именно поэтому XIX в. вскоре стали называть «золотым веком русской культуры».

Новая книга представляет собой сочетание очерков, посвященных, с одной стороны, деятельности Академии наук и ее роли в организации и становлении научных учреждений, университетов и наиболее крупных научных обществ со времени восшествия на престол императора Александра I до начала царствования Николая II, с другой – жизненному пути выдающихся ученых и первопроходцев, которые во многом обеспечили лидирующие позиции России в различных областях науки и техники, способствовали развитию русской культуры, укреплению российской государственности. На примере некоторых из множества знаменитых личностей автор попытался осветить высокую нравственную мотивацию исследовательской работы отечественных ученых.

Первостепенное место в данной книге отведено роли Академии наук и других научных организаций в географическом и физическом познании империи, что предписывалось положением Уставов Академии наук 1803 и 1837 гг. как *«главнейший предмет внимания Академии»*, для чего *«она (Академия. – Авт.), по временам, должна отправлять Астрономов и Натуралистов для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественныя произведения не довольно еще известны, или не описаны подробно»* [Полное собрание законов..., 1830, т. 27: с. 877; там же, 1837, т. 11: с. 15]. Кроме того, здесь представлены наиболее значимые географические и естественно-исторические исследования Мирового океана, включая первые русские кругосветные плавания, широко цитируются открытые архивные источники и законодательные акты, что позволяет более достоверно и полно оценить социально-правовую обстановку, при которой происходило развитие науки, образования и культуры в Российской империи. Книга построена по хронологическому и тематическому принципам. Деятельность Академия наук рассмотрена

на фоне исторических событий, происходивших на протяжении XIX в. в стране и мире.

Автор надеется, что знакомство с книгами 1, 2 «Российская академия наук – 300 лет высокого служения России» приоткроет читателю неоценимое историческое значение науки не только в области получения новых знаний и новых технологий, но и в сфере формирования гражданского общества и российской государственности, обеспечения технологической независимости страны, вдохновит почитателей всего неизведанного к дальнейшему более глубокому изучению и осмыслению истории науки как основополагающему институту развития мировой цивилизации. Кроме того, автор рассчитывает, что приведенные в книге 2 очерки о выдающихся ученых и первопроходцах прошлого послужат нравственным ориентиром при формировании мировоззрения нового поколения граждан России.

Как и в книге 1, исторические документы в книге 2 цитируются с учетом орфографической реформы 1917–1918 гг. в части удаления букв Ъ (ять), Ө (фита), І («и десятиричное») с написанием вместо них соответственно Е, Ф, И; исключением твердого знака (Ъ) на конце слов и частей сложных слов при сохранении синтаксических особенностей текстов. Вся персональная информация об ученых, представителях искусства и культуры, государственных или военных деятелях взята из официальных открытых источников, главным образом из архивных документов, энциклопедий и виртуального музея истории Российской академии наук (<https://virtmus.arran.ru/?q=ru/welcome>).

При изложении событий или фактической информации учитывались материалы четырехтомной «Летописи Российской Академии наук» [т. 1 (1724–1802). СПб.: Наука, 2000. 994 с.; т. 2 (1803–1860). СПб.: Наука, 2002; т. 3 (1861–1900). СПб.: Наука, 2003; т. 4 (1901–1934). СПб.: Наука, 2007], а также иные справочные пособия, монографии и сборники [Гумбольдт, 1837; Плетнёв, 1855; Веселовский, 1865; Сухомлинов, 1865–1866, 1874–1888, 1875; Материалы по истории..., 1885–1900; Литвинова, 1893; Лялина, 1898; Протоколы заседаний..., 1897–1911; Рыкчаев, 1899; Рождественский, 1910; Материалы для истории..., 1940; Русские флотоводцы, 1952; Зубов, 1954; Райков, 1961; Леонов, 1967; Гиллельсон, 1969; Балезин, Бесков, 1972; Пасецкий, 1974; Вернадский, 1988, 2002; Хисамутдинов, 1989, 2007; Челышев, 1993; Решетов, 1997; Виттекер, 1999; Материалы по истории..., 2001; Тункина, 2002, 2016, 2018 а, б; Бондаренко, 2004; Богатов, 2005; Петров, 2005; Миллер, 2006; Сгибнев, 2006; Томсинов, 2011; Малахова и др., 2012; Непомнящий, 2013; Ратманов, 2015;

Российская академия наук: 300 лет истории: в 2 т., 2024; Российская академия наук: Персональный состав..., 2024, и др.].

Законодательные акты приведены по «Полному собранию законов Российской империи с 1649 года» (далее – ПСЗРИ) (Собрание 1-е. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г.) [1830], (Собрание 2-е. С 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.) [1830–1885], (Собрание 3-е. С 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г. [1885–1916]. При ссылках на законодательные акты указывался год издания тома, его номер, дата публикации законодательного акта по старому стилю, его номер и страницы размещения.

Напомним, что со дня основания Академия наук носила следующие наименования:

- Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге (1724);
- Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге (ИАНХ) (1747);
- Императорская академия наук (ИАН) (1803);
- Императорская Санкт-Петербургская академия наук (ИСПБАН) (1836);
- Российская академия наук (РАН) (1917);
- Академия наук СССР (АН СССР) (1925);
- Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук» (РАН) (1991).

Автор выражает искреннюю признательность за содействие в издании данной книги советнику РАН академику РАН В.И. Сергиенко, директору Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН академику РАН Н.Н. Крадину, директору ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН чл.-корр. РАН А.А. Гончарову. Кроме того, автор благодарит издательство ООО «Дальнаука» за подготовку 1-й и 2-й книг к печати.

Особые слова благодарности председателю ДВО РАН академику РАН Ю.Н. Кульчину, поддержавшему финансирование этого проекта.

1. СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

1.1. Первые законодательные акты Александра I, в том числе в области образования

12 марта 1801 г. россиянам был оглашен Манифест «О кончине Императора Павла I, и о вступлении на Престол Императора Александра I с Приложением клятвенного обещания» [ПСЗРИ, 1830, т. 26: № 19.799, с. 583, 584], открывавшегося следующими словами: *«Я нижеименованный обещаюся и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилоостивейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому и Его Императорскаго Величества Всероссийскаго престола Наследнику, которой назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемая, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Императорскаго Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может...»* [там же, с. 583].

Начало своего царствования император Александр I ознаменовал рядом либеральных законодательных актов, раскрывающих максимальную чистоту замыслов самодержца, в т. ч. указом от 15 марта 1801 г. [там же, № 19.784, с. 584–588] «О прощении людей содержащихся по делам производившимся в Тайной Экспедиции, с присовокуплением 4-х списков оных», Манифестом от того же дня «О Всемилоостивейшем прощении беглецов, укрывающихся в заграничных местах» [там же, № 19.786, с. 588], и, наконец, Манифестом от 2 апреля «О облегчении участи преступников и о сложении казенных взысканий». В последнем Манифесте, в частности, по отношению к осужденным на смертную казнь предписывалось *«освободить от оной, сослать в работу; кои же осуждены к телесному наказанию с отсылкою на поселение или в работу, оных послать на поселение без наказания...»* [там же, 2 апр. 1801 г., № 19.814, с. 604]. Послабление



Портрет Александра I кисти Дж. Доу, 1825 г. Государственный Русский музей, экспозиция Михайловского замка. СПб.



Манифест Александра I о восшествии на Российский престол. Из: (<https://dzen.ru/a/ZsOkQBjCd0ekg8Ot>)

или освобождение от наказания были приняты и по иным преступлениям. Император выразил надежду, что *«Даруя все таковые милости Нашим подданным, Мы желаем, чтобы признали они в них единую благодать Бога чрез Нас к пользе их действующую»* [там же].

Среди законодательных актов императора первых дней и месяцев царствования, помимо указов по упорядочению государственной, военной, полицейской и судебной систем, обращают на себя внимание указы, связанные с налаживанием расстроенной хозяйственной жизни: «О снятии запрещения на вывоз из России разных продуктов и товаров» [там же, 14 марта 1801 г., № 19.783, с. 584], «О возстановлении Дворянских выборов» [там же, 15 марта 1801 г., № 19.790, с. 590, 591], «О снятии запрещения на вывоз разных товаров из чужих краев» [там же, 16 марта 1801 г., № 19.791, с. 591], «Об оставлении на прежнем основании привоза иностранной соли в Губернии, которые снабжались ею» [там же, 16 марта 1801 г., № 19.793, с. 591], «О возстановлении прежней формы сношений между военными и гражданскими местами и Начальниками» [там же, 17 марта 1801 г., № 19.796, с. 792], «Об отмене запрещения на вывоз за границу хлеба

[illegible]

сему принадлежат чиновники Московскаго Университета, кои как по правам заведению сему присвоенным, так и по роду службы их, повинность сия менее других свойственна...».

Среди важнейших государственных решений императора назовем еще Манифест от 2 апреля «Об уничтожении Тайной Экспедиции и о ведении дел производящихся в оной в Сенате» [там же, № 19.813, с. 603, 604]; Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором А.А. Беклешевым указ от 8 апреля «Об уничтожении виселиц поставленных в городах при публичных местах» [там же, № 19.824, с. 608], а также Именной указ, данный Сенату, от 27 сентября «Об уничтожении пыток» [там же, № 20.022, с. 797, 798], в котором Александр I выразил уверенность: *«чтоб наконец самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»* [там же, с. 798].

20 февраля 1803 г. был подписан еще один значимый для последующей истории страны Именной, данный Сенату, указ «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» [там же, т. 27: № 20.620, с. 462], впоследствии названный в народе «О вольных хлебопашцах». Помещики получали право освобождать крепостных крестьян поодиночке (крестьяне откупались) и селениями с выдачей земельного участка. Указ о вольных хлебопашцах имел важное идеологическое значение, поскольку в нем впервые утверждалась возможность освобождения крестьян с землей за выкуп. Это положение потом легло в основу крестьянской реформы 1861 г.

К наиболее показательным указам, определяющим последующую мотивацию императора в области образовательной и научной деятельности, можно отнести Именное указание «Об oznачении в представлениях Его Величеству о Дворянах желающих вступить в службу, умеют ли грамоте и каким наукам обучены», представленный Военной Коллегии генерал-адъютантом графом Х.А. Ливеном (1774–1838) 8 апреля 1801 г. [там же, т. 26: 8 апр. 1801 г., № 19.825, с. 608, 609]: *«Государь Император усмотря, что в полках находится очень много унтер-офицеров из Дворян, неумеющих совсем грамоте, указать соизволил, чтобы Ваше Превосходительство в представлении Его Императорскому Величеству о желающих Дворянах записываться в службу, означали именно о каждом, знают ли грамоте, и каким наукам обучены, и те, которые безграмотны, принимаемы будут не иначе, как рядовыми»* [там же, с. 608].

И еще один указ, относящийся к 1802 г., позволяет нам понять стремление императора к развитию в России просветительства и порядочности: «20.366. – *Августа 11. Именной, данный Сенату. – О нечинении никаких особенных распоряжений для встречи Государя Императора и Императорской Фамилии в городах и селениях на случай путешествия Высочайших Особ. ... Я признал нужным, чтоб... ...Правительствующий Сенат предварительно и раз навсегда предписал: 1) чтоб ни для встречи, ни для провожания никто и нигде от начальства наряжаем не был; 2) чтоб дороги на случай путешествий особенно нигде починиваемы не были, но были бы исправляемы в обыкновенное время. 3) Также самое разумеется еще с большею силою об украшении в селениях улиц и об усаживании их деревьями без корней к напрасному только истреблению леса без пользы и единственно для виду на случай путешествия...*» [там же, т. 27: с. 219].

Содержание перечисленных выше законодательных актов раскрывает образ просвещенного и высокогуманного, по крайней мере на начальных этапах правления, монарха, от которого страна несомненно ожидала поддержки в развитии образовательных и научных учреждений и обществ, продвижения гражданских свобод и освобождения крестьян*. Неслучайно уже на второй месяц после восхождения на престол последовал Именной указ, данный Вольному Экономическому обществу, – «Об отпуске ежегодно в оное по 5000 р.» [там же, т. 26: 13 апр. 1801 г., № 19.832, с. 610], где было отмечено, что «*Все полезные заведения, к благу верных подданных Моих относящиеся, всегда будут предметом особенного Моего внимания; а по сему и Вольное Экономическое общество может быть удостоверено в Моем покровительстве. Труды его, и по намерению их*

* Для продвижения своих идей о преобразовании страны император организовал так называемый **Негласный комитет** – круг советников Александра I в начале его правления. Свое название он получил, так как не был официально учрежден и действовал фактически тайно. В состав комитета входили ближайшие приближенные царя, знакомые ему с юности: граф П.А. Строганов, князь В.П. Кочубей, князь А.Е. Чарторыйский и граф Н.Н. Новосильцев. Причем граф Н.Н. Новосильцев вскоре возглавит Императорскую академию наук (см. ниже). В задачу комитета входила помощь «*в систематической работе над реформою безобразного здания государственной администрации*». Первое заседание Негласного комитета состоялось 24 июня 1801 г. в присутствии Александра I. Основная деятельность комитета завершилась 12 мая 1802 г. Члены комитета, будучи в доверительных отношениях с императором, два-три раза в неделю обсуждали с ним планы преобразований, высказывали свои пожелания и советы. С их непосредственным участием осуществлялись первые шаги нового царствования: была объявлена амнистия для 12 тыс. человек, пострадавших при Павле I; вновь открывались границы; разрешалось свободно ввозить западноевропейские книги и товары.

и последствиям, признаю Я уважения достойными; и дабы открыть путь влиянию их на на пользу общую, дал Я Государственному Казначейу повеление, отпускать на распространение их и все нужные по тому издержки ежегодно по 5000 рублей...» [там же]. Заметим, что уже 30 мая указом «О пожаловании Вольному Экономическому Обществу места на Петровском острове» [там же, № 19.896, с. 664] было определено местопребывание Общества: «Вняв прошению Вольного Экономического Общества и желая споспешествовать распространению в России хозяйственных и земледельческих познаний, признали Мы заблаго для произведения новых опытов в разных чествах его управлений пожаловать ему место на Петровском острове...» [там же].

Создание нового устройства Императорской академии наук заключалось в первую очередь в удалении из ее деятельности несвойственных Академии функций. Если художественная часть была отделена от Академии еще при Анне Иоанновне и Екатерине II, то в ведении Академии оставалась еще публикация карт в Академической Гравировальной палате. Сохранялась также образовательно-педагогическая деятельность академиков в Академической гимназии. Создание Московского университета в 1755 г. частично исправило проблему подготовки высококвалифицированных кадров для Российской империи, но не решило его кардинально.

Именно Александр I взял на себя миссию по развитию в стране университетского образования. А началом этой деятельности можно считать 12 апреля 1801 г., когда император направил Сенату Именной указ «Об утверждении прежнего назначения Университета в Дерпте» (ныне – Тартуский университет в Эстонии) [там же, т. 26: № 19.831, с. 610]: «Желая облегчить способы для воспитания и просвещения юношества, обратили Мы внимание Наше на основание Университета, прежде назначенного в Дерпте, потом перемещенного в Митаву*, и находя назначение Дерпта несравненно выгоднейшим

* 4 мая 1799 г. Павлом I был утвержден «План Протестантского Университета в Дерпте» [ПСЗРИ, 1830, т. 25: № 18.955, с. 629–638], в котором отмечалось, что «Учреждается Университет для всей Российской Империи, иначе же для Рыцарства Лифляндского, Эстляндского и Курляндского» [там же, с. 631]. Затем, 25 декабря 1800 г., император уточнил местоположение Университета, подписав Указ «О бытии назначенному к учреждению в Дерпте Университету в Митаве» [там же, т. 26: № 19.700, с. 482]: «Назначенному к учреждению в Дерпте Университету, для Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, повелеваем быть в Митаве со всеми прежде пожалованными ему выгодами, обращая в оный существующую там Гимназию с состоящими при оной строениями, библиотекою и прочими принадлежностями».

по причине положения оного в средоточии трех Губерний: Рижской, Ревельской и Курляндской, удобностей жизни, изобилия, обращения Государственной монеты и других обстоятельств, не менее важных, Всемилостивейше подтверждаем прежнее назначение Университета в Дерпте...» [там же]. Впоследствии были опубликованы еще несколько указов, нацеленных на становление этого Университета. Так, 5 января 1802 г. подписан Именной, данный Сенату Указ «О переменах в плане Дерптского Университета и об устройстве цензуры и факультетов при оном» [там же, т. 27: № 20.104, с. 7]. Затем, 26 мая 1802 г., последовал Сенатский указ «Об открытии Дерптского Университета» [там же, № 20.280, с. 154], в котором, в частности, было сказано: «Правительствующий Сенат, слушав рапорт Коллегии Кураторов Дерптского Университета, которым доносит, что открытие оного Университета минувшаго Апреля 21 и 22 чисел с торжественным обрядом действительно последовало...». Наконец, 23 августа 1803 г. были приняты «Высочайше утвержденныя правила для учащихся в Императорском Дерптском Университете» [там же, № 20.905, с. 848–858], открывавшиеся фразой, раскрывающей особенности и назначение этого учебного заведения: «Обязанности учащихся в Университете столь же многообразны, как и его отношения. До вступления в Университет, ему известен был только круг семейственной жизни; с сего же времени он вступает в круг жизни



Главное здание Дерптского университета в XIX в.
Фото из: [Петухов, 1902]

общественной, и должен принять на себя такие обязанности, кои были ему до того не ведомы, или о которых имел он понятия неопределенные. Он вправе ожидать истинного представления сих понятий, коль скоро принимает он на себя новые обязанности, и если, приняв оные, должен верно их исполнять...» [там же, с. 848, 849].

Оценивая развитие научно-исследовательской сферы в первой четверти XIX в. и роль в этом процессе Дерптского университета, В.И. Вернадский отмечал, что «в истории Академии наук особенное значение имело создание Дерптского университета. Он не только высоко поднял культуру и знание в захудалых в то время областях Остзейского края, резко отстававших до того времени в области научной работы от работы в России, поскольку она складывалась вокруг Академии наук, он объединял местных – немецких по языку и укладу жизни – ученых, он создал в пределах России крупный немецкий научный центр, находившийся в теснейшей связи с поднимающимися и растущими центрами научной мысли и работы Западной Европы – университетами немецкого языка» [Вернадский, 2002, с. 348].

1.2. Учебные округа, новые университеты и университетские научные общества

26 января 1803 г. императором был утвержден указ «Об устройстве училищ (здесь слово «училищ» употреблено в широком смысле, как учебные заведения. – Авт.)» [ПСЗРИ, 1830, т. 27: № 20.597, с. 437–439], открывавшийся следующими словами: *«Рассмотрев поднесенный Нам Министром Просвещения, обще с Членами Правления училищ доклад об устройении училищ и распространении наук в Империи Нашей, признали Мы за нужное утвердить предварительныя правила народного просвещения»* [там же, с. 437]. Приведем основные положения документа из главы I «О заведении училищ»:

«1. Народное просвещение в Российской Империи составляет особую Государственную часть, вверенную Министру сего отделения, и под его ведением распоряжаемую Главным училищ Правлением.

2. Для нравственного образования граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния, определяются четыре рода училищ, а именно: 1, училища приходския; 2, уездныя; 3, Губернския или Гимназии и 4, Университеты...

13. Училища нескольких соседственных Губерний, сходящихся между собой в местных обстоятельствах, составят особый округ (выделено мной: т. е. округа еще документально не определены. – В.Б.), который будет подведом одному из Членов Главного училищ Правления.

В округах учреждаются Университеты для преподавания наук в высшей степени; ныне назначается их шесть, а именно: кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте, учреждаются в округе Санктпетербургском, в Казани и в Харькове, во уважение патриотического приношения, предложенного Дворянством и гражданством сей Губернии. За тем предназначаются для Университетов города: Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными. Округи сих последних составятся в свое время из ближайших Губерний» [там же, с. 438].

В четырех пунктах указа определены предварительные правила организационной структуры учебных заведений, в том числе университетов:

«15. Каждый Университет имеет собственное правление. Председатель онаго есть Ректор Университета; он избирается общим Университета собранием, и Главным училищ Правлением, чрез

Министра Народного Просвещения, представляется на Высочайшее утверждение.

16. Профессоры избираются на сие звание общим собранием Университета, и по представлению попечителя утверждаются Министром Просвещения; для преподавания ж Богословия в каждом Университете, определяются духовные особы Святейшим Синодом. Ординарные Профессоры состоят в седьмом классе, а Ректор в пятом, доколе в должности пребывают.

17. Университет посылает ежегодно одного, или несколько своих Членов для личного обозрения училищ своего ведомства, и исследования их успехов.

18. Ректор, как Начальник Университета, получает донесения от Гимназий обо всех предметах, касающихся до учебного и хозяйственного распоряжения училищ в округе того Университета состоящих, и доносит о том Члену Главного училищ Правления, определенному от Императорского Величества Попечителем того Университета, и его округа» [там же, с. 439].

Двумя днями ранее указом императора Российская империя была поделена на 6 учебных округов, центром которых становились существующие и создаваемые университеты [там же, 24 янв. 1803 г., № 20.598, с. 442]. Смысл такого деления территории заключался в том, что на университеты возлагалась обязанность надзора за гимназиями и училищами своего округа:

20.598. — Января 24. Имевший, данный Сенату. — Обь учреждении учебных округов, съ назначеніемъ для каждаго особымъ Губерніи.

Въ слѣдствіе предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, указомъ Нашимъ сего Января 24 дня утвержденнымъ, повелѣемъ быть Попечителями Университетовъ и ихъ округовъ Членамъ Главнаго Училища Правленія: Тайному Совѣтнику Товарищу Министра Просвѣщенія Муравьеву Московскаго; Тайному Совѣтнику Товарищу Министра Иностранныхъ дѣлъ Князю Чарторяжскому Виленскаго; Генералъ-Маіору Клингеру Дерптскаго; Тайному Совѣтнику Графу Потциному учреждаемаго въ Харьковѣ; Тайному Совѣтнику Графу Мантейфелю учреждаемаго въ Казани; Двѣнадцатому Камергеру Новосильцову С. Петербургскаго округа, въ коемъ до учрежденія Университета преподаваемы будутъ вышія познанія при Академіи Наукъ. Округи же сіи имѣютъ составлять слѣдующія Губерніи: округъ Московскаго Университета: Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская,

Владимирская, Костромская, Вологодская, Ярославская и Тверская Губерніи; округъ Виленскаго Университета: Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Киевская и Подольская Губерніи; округъ Дерптскаго Университета: Инфляндская, Эстляндская, Финляндская и Курляндская Губерніи; округъ Санктпетербургскій: С. Петербургская, Невская, Новгородская, Олонецкая и Архангелогородская Губерніи; округъ учреждаемаго въ Харьковѣ Университета: Слободская-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская Губерніи, и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; наконецъ округъ учреждаемаго въ Казани Университета: Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Сибирская, Тобольская и Иркутская Губерніи.

Первые строки указа «Об учреждении учебных округов...».

Из: [ПСЗРИ, 1830, т. 27: с. 442]

«20.598. – Генваря 24. Именной, данный Сенату. – Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых Губерний.

В следствие предварительных правил народного просвещения, указом Нашим сего Генваря 24 дня утвержденных, повелеваем быть Попечителями Университетов и их округов Членам Главного Училищ Правления: (ниже указаны названия учебных округов без указаний имен их попечителей. – Авт.) ...Московского... Виленского... Дерптского ...учреждаемого в Харькове... учреждаемого в Казани... Петербургского округа, в коем до учреждения Университета преподаваемы будут высшие познания при Академии Наук. Округи ж сии имеют составлять следующие Губернии: **округ Московского Университета:** Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Вологодская, Ярославская и Тверская Губернии; **округ Виленского Университета:** Виленская, Гродненская, Витебская, Могилевская, Минская, Волынская, Киевская и Подольская Губернии; **округ Дерптского Университета:** Лифляндская, Эстляндская, Финляндская и Курляндская Губернии; **округ Санктпетербургский:** С. Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая и Архангелогородская Губернии; **округ учреждаемого в Харькове Университета:** Слободская-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская Губернии, и земли Донских и Черноморских казаков; наконец **округ учреждаемого в Казани Университета:** Казанская, Вятская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Оренбургская, Симбирская, Тобольская и Иркутская Губернии» [там же, с. 442].

Предстояла большая работа, ведь до начала XIX века в Российской империи действовал лишь Московский университет, основанный еще при Анне Иоанновне в 1755 г., поскольку созданный ранее Академический университет после смерти М.В. Ломоносова прекратил свое существование в 1767 г.

Как было сказано выше, первым университетом, созданным Александром I после восхождения на престол, стал Дерптский университет, открытие которого состоялось 21–22 апреля 1802 г., т. е. еще до учреждения учебных округов. В связи с этим 21 марта 1804 г. именной, данным Министру народного просвещения графу П.В. Завадовскому указом «О постановлении для Дерптского Университета», определялись правила надзора Университета над училищами подведомственного округа [там же, т. 28: № 21.220, с. 220–223]: «Университет, под ведением Главного Правления Училищ, надзирает за всеми

находящимися в Лифляндской, Курляндской, Эстляндской и Финляндской Губерниями Гимназиями, уездными и приходскими Училищами, а равно и всеми частными пансионами, выключая те Училищныя заведения, кои Высочайше вверены иному Начальству» [там же, с. 220]. Устанавливалось, что Университет обязан выработать для каждого училища постановление, содержанием которого должны стать: «1) Образ обучения. 2) Училищное благочиние. 3) Хозяйственно распоряжение общественных или казенных Училищ» [там же]. Университет должен назначать «учебныя книги для всех Училищ своего округа, печется о удобнейшем их доставлении и за сходныя цены, и издает их от себя в случае недостатка, соответствующих намерению» [там же]. В этом же указе оговаривались наиболее общие университетские правила. В частности, каждый университет для каждой губернии своего округа был обязан избирать губернских директоров училищ, с последующим их представлением на утверждение в Главное правление училищ. Губернские директора имели в своем ведении гимназии, уездные училища и все частные учебные заведения. Кроме того, для каждого учебного округа университет представлял своего особого училищного смотрителя.

В обязанность университетов входило также «тех из состоящих в ведении его Учителей и Чиновников (выключая Пастеров), кои окажутся по нерадению их, или по дурному поведению недостойными своего звания, учинив строгое изследование, удалить от должности на время или навсегда, судя по обстоятельствам» [там же, с. 221]. Для управления училищами в университетах создавалась «Училищная непрременная Комиссия», состоящая из 7 ординарных профессоров, включая ректора (он же председатель комиссии), которая имела собственную канцелярию. Директора, смотрители училищ и учителя имели право представлять непосредственно в соответствующие университеты предложения, полезные для училища. В то же время учителя имели право подавать жалобы на их начальников, а смотрители – на губернских директоров.

<...>

Следующим шагом по организации сети российских университетов стал «Акт утверждения для Императорского Университета в Вильне» [там же, т. 27: 4 апр. 1803 г., № 20.701, с. 526–530] (ныне – Вильнюсский университет в Литве). Александр I в связи с его открытием указал: «...сим Актом Нашим обеспечить на всегда существование древняго Университета Виленскаго, основаннаго

в 1578 году, а в 1781 возобновленного сообразно настоящей степени познаний у просвещеннейших народов Европы. А дабы Университет сей, огражденный в своей неприкосновенности, имел все способы достигнуть до важного своего предмета... то Мы соизволили Императорским Нашим словом за Нас и за Преемников наших постановить следующее:

I. Университет сей, восприяв отныне наименование Императорского Виленского Университета, пребудет особенным сословием на основании Устава своего, свойственного заведениям сего рода...

II. Университет, состоя под непосредственным покровительством нашим... будет иметь свой Совет, составленный из Профессоров заслуженных (emeritus) и действительных, и своего Президента, то есть: Ректора Университета, который всегда имеет быть избираем по Уставу из Профессоров заслуженных, или действительных сего ж самого Университета» [там же, с. 526].

Ниже приведены некоторые положения Акта, раскрывающие особые права Университета.

«VI. Университету принадлежит начальство и внутренняя расправа над всеми Членами его, подчиненными и семействами их, пребывающими при Университете, так, что в случае тяжбы Члена или подчиненного Университету с каким либо другим частным человеком или обществом, производится дело в Университете, ежели ответчик к нему принадлежит...

IX. Университет должен иметь свою Цензуру для разсмотра Академических сочинений и других книг и произведений, относящихся к наукам и словесности, следующих к напечатанию в его типографии, или выписываемых им для своего употребления из чужих краев (с современных позиций ныне в первом случае выполняют редакционно-издательские советы, а во втором – библиотечные советы или органы, их заменяющие. – Авт.)...

XIII. Университет, Ректор оного, Профессоры и занимающие степени имеют пользоваться отличительными знаками, именованиями и почестями, присвоенными им издревле» [там же, с. 527, 528].

«Устав или общия постановления Императорскаго Виленскаго Университета и училищ его округа» были утверждены 18 мая 1803 г. [там же, № 20.765, с. 610–620]. Таким образом, новые функции Университета, связанные с организацией работы и надзором за гимназиями и училищами, впервые были сразу вписаны непосредственно в устав вуза.

Надо подчеркнуть, что Виленский университет уже к 1823 г. стал одним из крупнейших в Европе и по числу студентов вскоре стал превосходить Оксфордский университет. Однако из-за прямого или косвенного участия студентов и преподавателей в восстании 1831 г. (Виленский университет был известен как один из центров польского движения против России, причем подготовка восстания происходила одновременно с так называемыми холерными бунтами в центральной России. – *Авт.*) 1 мая 1832 г. рескриптом Николая I Университет был упразднен с преобразованием Медицинского факультета в Медико-хирургическую академию, теологического – в католическое Духовное училище, *«употребив для преподавания в оных науках и для других должностей тех из нынешних Профессоров и Чиновников Университета, кои окажутся благонадежными»* [ПСЗРИ, 1833, т. 7: № 5317, с. 225].

Другое постановление в области формирования сети российской высшей школы касалось Санкт-Петербурга. Так случилось, что в столичном учебном округе не было университета, поэтому 16 апреля 1804 г. был «Высочайше» утвержден доклад министра народного просвещения «Об учреждении Педагогического Института в Санкт-Петербурге из бывшей прежде Учительской Гимназии» [ПСЗРИ, 1830, т. 28: № 21.265, с. 270–281] (учреждена Высочайше 20 мая 1803 г. – *Авт.*). Одновременно были утверждены «Правила для Педагогического Института». В этом документе разъяснялось, что педагогическая гимназия *«составляет Отделение, имеющего учредить в Санкт-Петербурге Университета; по чему и принять должна название Педагогического Института, сообразно тому, как называются таковыя Отделения в других Университетах»* [там же, с. 270].

1804 г. стал годом становления еще двух российских университетов – Казанского и Харьковского. Исходя из новых функций университетов, их открытию предшествовало утверждение «Устава о цензуре», подготовленного министром народного просвещения [там же, 9 июля 1804 г., № 21.388, с. 439–444], в обосновании которого сказано: *«Ваше Императорское Величество, купно с прочими обязанностями, возложенными на Министерство Народного Просвещения, предоставили попечению онаго цензуру книг. Министерство, при устройении учебной части, не замедлило сделать приличные по сему предмету распоряжения, поручив смотрение за изданием книг Университетам, и таковое распоряжение, удостоено будучи Высочайшаго утверждения, действует в своей силе во всех Учебных Округах, где есть уже Университеты... Сими постановлениями*

ни мало не стесняется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя меры против злоупотребления оной» [там же, с. 439].

Уже в первых пунктах устава определялось назначение цензуры:

«1. Цензура имеет обязанность разсматривать всякаго рода книги и сочинения, назначаемыя к общественному употреблению.

2. Главный предмет сего разсматривания есть доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противныя сему намерению» [там же, с. 439].

Знаменательной датой для становления национальной образовательной системы стало 5 ноября 1804 г., когда императором был подписан ряд важнейших указов и постановлений [там же, № 21.497–21.501]. Первым из них, под номером 21.497, стал указ «Об Уставах Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго Университетов и подведомых оным учебных заведений», с определением зон влияния и отпуске дополнительных сумм на курирование имеющихся и открывающихся гимназий и училищ [там же, с. 569, 570]. Затем были утверждены: «Устав Императорскаго Московскаго университета» [там же, № 21.498, с. 570–589], а также Харьковскаго [№ 21.499, с. 589–607] и Казанскаго [там же, № 21.500, с. 607–626] университетов. Следующим указом в тот же день [там же, № 21.501, с. 626–647] был утвержден универсальный «Устав учебных заведений, подведомых Университетам»*.

Создаваемая образовательная система несомненно позволяла получить молодым людям достойное начальное образование. Например, цель уездных училищ, представляющих собой промежуточное звено между гимназиями и приходскими училищами, заключалась в подготовке юношества для Гимназии, *«если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2. Открыть детям различнаго состояния необходимые познания, сообразных состоянию их и промышленности»* [там же, с. 636]. Предметы, включенные в программу обучения, охватывали широкий спектр основных наук и были направлены на выработку полезных навыков: *«Во всех училищах преподаются следующие предметы: 1. Закон Божий*

* В реализацию образовательной реформы была вовлечена и Императорская академия наук. Так, в 1803 г. академик Василий Михайлович Севергин (1765–1826; минералог, химик, ординарный академик с 1793 г.) по заданию президента ИАН Н.Н. Новосильцева, бывшего в то время и попечителем Петербургского учебного округа, был командирован в Новгородскую и Псковскую губернии для осмотра и дачи заключений о состоянии имеющихся там школ. В добавление к этому он принял аналогичное поручение попечителя Виленского учебного округа князя Адама Чарторийского по школам Могилевской и Витебской губерний [Материалы..., 1940, с. 147–148].

и Священная История; 2. Должности человека и гражданина; 3. Российская Грамматика, а в тех Губерниях, где в употреблении другой язык, сверх Грамматики Российской, Грамматика местного языка; 4. Чистописание; 5. Правписание; 6. Правила слога; 7. Всеобщая География; 8. География Российскаго Государства; 9. Всеобщая История; 10. Российская История; 11. Арифметика; 12. Начальные правила Геометрии; 13. Начальные правила Физики и Естественной Истории; 14. Начальные правила Технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности; 15. Рисование» [там же, 636–637]. Обращает на себя внимание региональная направленность обучения: указание на изучение местных языков и условий, в т. ч. промышленных предприятий. Гимназии в свою очередь были призваны готовить учащихся к поступлению в университеты [Уваров, 1813].

Особая группа указов касалась «Утвердительных грамот» Московскому [ПСЗРИ, 1830, т. 28: 5 ноября 1804 г., № 21.502, с. 647–650], Харьковскому [там же, № 21.503, с. 650–653] и Казанскому [там же, № 21.504, с. 653–656] университетам, передававшихся этим вузам «для хранения на вечные времена».

В качестве примера приведем некоторые ключевые параграфы из главы 1 Устава Московского университета, названной «Об Университете вообще» (№ 21.498):

«§ 1. Императорский Московский Университет есть высшее ученое сословие (выделено мной. – В.Б.), для преподавания наук учрежденное. В нем приуготовляется юношество для вступления в различныя звания Государственной службы.

§ 2. Университет пользуясь Высочайшим покровительством, состоит под главным Начальством Министра Народнаго Просвещения, и в особом ведении того из Членов Главнаго училищ правления, на котораго о нем попечение возложено.

§ 3. Университет составляют: 1) Преподающие в науках наставления Ординарные и Экстраординарные Профессоры, которые по различию наук разделяются на Факультеты или отделения; 2) Адъюнкты; 3) Магистры; 4) Студенты, пользующиеся Университетскими наставлениями; и 5) Учителя языков, приятных искусств и Гимнастических упражнений.

§ 4. Профессоры всех отделений и Адъюнкты под председательством ректора составляют Совет, или общее собрание Университета. Оно располагает учебною частию Университета и его Округа.

§ 5. Университет имеет собственное Правление; Председатель оного есть Ректор, а Члены Деканы Факультетов. К ним присоединяется назначаемый Попечителем из Ординарных Профессоров непрременный Заседатель. Правлению вверяется вся хозяйственная часть Университета.

§ 6. **Правлению препоручается суд и расправа** (выделено мной. – В.Б.) между чинами, к Университету принадлежащими, и при решении тяжб присутствует еще Чиновник, **избираемый Университетом из своего сословия** (выделено мной. – В.Б.), с названием Синдика.

§ 7. При Университете должны быть: 1) Учебные пособия; 2) Учительский или Педагогический Институт; 3) Медицинский Клинический Институт; 4) Хирургический Клинический Институт; 5) Институт повивального искусства» [там же, с. 571].

Утвержденные Александром I университетские уставы и утвердительные грамоты расширяли не только автономию высших учебных заведений, но и их функции: вузам было предоставлено право самоуправления, самостоятельного выбора ректоров, определения цензоров и проведение цензуры. Сверх того, университетам в подведомственных округах поручалась организация и руководство всеми средними и начальными образовательными заведениями. Помимо всего прочего, во все университетские уставы был вписан пункт, касающийся научной деятельности: «К особливому достоинству Университета отнесется составление в недре оного ученых обществ, как упражняющихся в словесности Российской и древней, так и занимающихся распространением опытных и точных, основанных на достоверных началах (*exactes*). Университет может споспешествовать им печатанием трудов их и периодических сочинений на изживание хозяйственной суммы» (§ 11 Устава Московского [№ 21.498, с. 570] университета; § 9 Харьковского [№ 21.499, с. 509] и Казанского [№ 21.504, с. 608] университетов).

В последующем при Александре I были также открыты Варшавский (1816 г.) и Петербургский (1819 г.) университеты, а в 1811 г. состоялось открытие Императорского Царскосельского лицея – привилегированного высшего учебного заведения для детей дворян, действовавшее в Царском Селе с 1811 по 1843 г.; с 1843 по 1917 г. – Александровский лицей.

Несомненно, особое значение для развития научных исследований стали приобретать научные общества, организуемые при Императорском Московском университете. Так, в 1804 г. при Университете

по инициативе профессора Августа Людвига Шлёцера (1735–1809; немецкий историк и статистик, состоявшей на русской службе в 1761–1767 гг., адъютант ИАН по истории с 1762 г., профессор ИАН с 1765 г., иностранный почетный член ИАН с 1769 г.) было основано **Московское общество истории и древностей Российских**. В него вошли преподаватели Университета, а также историки, архивисты и археографы Николай Михайлович Карамзин (1766–1826; русский писатель и историк, официальный историограф с 1803 г., почетный член ИАН с 1818 г.), Николай Николаевич Бантыш-Камёнский (1737–1814; русский историк, археограф и издатель, с 1800 г. управляющий Московским главным архивом), Алексей Фёдорович Малиновский (1762–1840; крупный русский археограф, сенатор, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел), Константин Фёдорович Калайдович (1792–1832; историк, археограф, археолог, чл.-корр. ИАН с 1825 г.), граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744–1817; государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей, президент Академии художеств в 1794–1797 гг.) и др. Первоначально Общество имело целью публикацию летописей и древних актов, а после получения в 1837 г. наименования *Императорского* началась его исследовательская деятельность.

В 1804 г. по инициативе попечителя Московского университета и одновременно Московского учебного округа академика Императорской Российской академии Михаила Никитича Муравьёва (1757–1807) было организовано **Общество соревнователей врачебных и физических наук**, с 1845 г. – Московское физико-медицинское общество. В состав ординарных членов общества при его учреждении вошли профессора медицинского и физико-математического факультетов Московского университета, такие как Пётр Иванович Страхов (1757–1813; русский физик, профессор и ректор Московского университета в 1805–1807 гг., чл.-корр. ИАН с 1803 г.), Фёдор Фёдорович (Фердинанд Фридрих) Рейсс (1778–1852; заслуженный профессор химии, доктор медицины и хирургии, чл.-корр. ИАН с 1805 г., президент Общества в 1822–1835 гг.), Фёдор Герасимович Политковский (1753–1809; ординарный профессор и декан медицинского факультета), Вильгельм Михайлович Рихтер (1757 или 1767–1822; заслуженный профессор и декан медицинского факультета, лейб-медик, действительный статский советник, президент Общества в 1810–1822 гг.) и др. Первым президентом Общества был избран Франц Францевич Керестури (1735–1811; российский медик венгерского происхождения,



Слева направо: Академик Императорской Российской академии М.Н. Муравьёв. *Неизвестный художник*; Первый директор МОИП Г.И. Фишер фон Вальдгейм работы И.Ф. Вагнера. *Зоологический музей МГУ*; Первый президент МОИП А.К. Разумовский, 1810 г. *Художественный музей в Вене*

ординарный профессор анатомии и хирургии Московского университета, доктор медицины, статский советник).

В 1808 г. была напечатана 1-я часть трудов Общества на латинском языке, а также 1-я часть «Медико-физического Журнала». В 1811–1812 гг. президент Общества В.М. Рихтер на собственные средства издал на немецком языке «Историю медицины в России». Деятельность Общества прерывалась дважды: в 1812–1815 гг. (из-за войны с Наполеоном) и в 1830 г. (вследствие эпидемии холеры). В 1917 г. Общество было распущено.

Существовали аналогичные медицинские научные общества и при других университетах: Виленское медицинское общество (1805 г.), Варшавское медицинское общество (1820 г.) и др. В 1833 г. ряд врачей, бывших участников Отечественной войны 1812 г., создали Общество русских врачей в Санкт-Петербурге, которое в первые годы своего существования было малочисленным и имело академический характер.

В 1805 г. при Московском университете было создано **Московское общество испытателей природы**. Идея его создания также принадлежала М.Н. Муравьёву. Устав Общества был подготовлен естествоиспытателем Григорием Ивановичем Фишером фон Вальдгеймом (1771–1853; автор научных работ по палеонтологии, зоологии и энтомологии, заведующий кафедрой Натуральной истории (Демидовской) и Музеем естественной истории Московского университета с 1804 г., чл.-корр. ИАН с 1805 г., почетный член ИАН

с 1819 г.), ставшим его первым директором (в 1805 г.), а затем и вице-президентом (с 1822 г.), редактировал «Записки МОИП» (с 1806 г.), «Бюллетень МОИП» (с 1829 г.) [Бессуднова, 2021]. Высшее покровительство Обществу согласился оказывать граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836; русский дипломат из рода Разумовских, меценат, сенатор в 1776–1807 гг., министр народного просвещения в 1810–1816 гг., действительный тайный советник с 1807 г.), который стал его первым президентом. Со временем Общество стало крупным научным центром практически во всех областях естествознания. Далее, уже при императоре Александре II, подобные общества естествоиспытателей стали создаваться в других университетах: в Санкт-Петербургском (1868 г.), Казанском, Киевском и Харьковском (1869 г.), Новороссийском (1870 г.), Варшавском (1882 г.).

Таким образом, если в начале XVIII в. Академия наук была единственным центром научной деятельности, то при организации Московского университета, ряда высших учебных заведений (Горный институт, Медико-хирургическая академия) и особенно новых университетов в Российской империи возникли новые точки научной работы. В.И. Вернадский по этому поводу отмечал, что все они *«явились прочными и сильными рассадниками научной работы»*. И далее: *«Личная связь между Академией наук и новой высшей школой все время была здесь прочной и непрерывной. Она явилась опорой новым научным учреждениям»* [Вернадский, 2002, с. 346].

1.3. Реформирование Академии наук

Для нас, тем не менее, важно познакомиться с самым первым именным указом, касающимся Академии наук. Он был направлен 16 мая 1801 г. президенту Академии барону А.Л. Николаи «О составлении Регламента для оной и о преподавании публичных лекций» [ПСЗРИ, 1830, т. 26: № 19.871, с. 634]. Так как этот документ для научной общественности малоизвестен, приведем его полный текст: *«На доклады, от вас Мне донесенные, даю следующие разрешения: 1. Регламент для Академии, определяющий с точностию распорядок дел ея и должности всех лиц ей принадлежащих, признавая совершенно для нее нужным, не только дозволяю, но и особенно препоручаю вам его составить и внести Мне на утверждение. 2. Библиотеку Радзивиловскую препоручите Библиотекарю под собственным вашим наблюдением, вместе с Обер-Священником Озерецковским разобрать, и отделив книги церковныя и Богословския, для отдачи в Семинарию, а прочих родов для оставления при Академии, представьте Мне каталоги порознь по каждой из сих частей. 3. Крайне бы жалко было, если бы произведение столь изящное и столь для Академии полезное, как Гершелев 20 футовой телескоп, остановились единственно за недостатком в Академии 11.000 рублей. Я приказал деньги сии отпустить из Кабинета и поручаю Академии заняться скорейшим приведением сего телескопа в порядок и действие. 4. Французскаго Астронома де ла Ланда (речь идет о французском астрономе Лаланде ле Франсуа Жозефе-Жероне де (1732–1807) почетном члене Академии наук с 5 марта 1764 г. – Авт.), ученостию и трудами своими толико свету известнаго, причислить по прежнему в Члены Академии, и не только производить на будущее время определенную ему пенсию, но и за прошедшее оную ему выдать. 5. Академика Бовилье (в современных списках членов Академии наук это имя отсутствует – Авт.) для излечения в чужие края отпустить, с сохранением настоящего его жалованья. 6. Признавая публичныя лекции полезными, нахожу нужным, чтоб Академия продолжала их преподавать на прежнем основании до составления и утверждения новаго ея Регламента»* [там же, с. 634].

Сходный Именной указ от 13 июня 1801 г. [там же, № 19.913, с. 696], был направлен президенту Российской академии А.А. Нартову (1737–1813; литератор, переводчик, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук с 1796 г., президент Императорской Российской академии в 1801–1813 гг.), в котором повелевалось:

«Вняв представленному Нам описанию настоящего положения Российской Академии, и желая возвратить все пособия к пользе и просвещению, сообразно цели ея учреждения, повелели Мы ежегодный отпуск из Кабинета определенных на содержание ея 6250 рублей восстановить; о доме, приличном для ея помещения, приказали Мы собрать нужные сведения. Регламент, яко главное основание всех сего рода заведений, возлагаем на вас сочинить, с подробным разделением в порядке упражнений и должностей, и представить Нам на утверждение» [там же, с. 696].

Вскоре, 12 февраля 1802 г., в Академию наук поступил указ *«Именной, объявленный Президенту Академии Наук Барону Николаю. – О извлечении из иностранных журналов и сочинении всего относящегося до открытий по разным частям ремесел, художеств и земледелий; о переводе оных на Российский язык и о издании при публичных ведомостях.*

Находя, что изобретение и открытие в разных частях ремесел, художеств и земледелия, разными учеными обществами и лицами на иностранных языках издаваемая для Россиян, кои бы могли обратить их по хозяйству своему и мануфактурам в употребление, остаются по большей части неизвестными, Его Императорское Величество желает, чтоб описание таковых открытий в Академии Наук из иностранных журналов и сочинений были извлекаемы и, по переводе их на Российский язык, издаваемы при публичных ведомостях, наблюдая, чтоб слог их и образ изложения был, сколько можно, прост и приспособлен к практическому употреблению. При чем воля Его Императорского Величества есть, чтоб известия сии прежде печатания их читаны были и одобряемы в общем Академическом Собрании и представляемы на Высочайшее Государя Императора утверждение» [там же, т. 27: № 20.144, с. 45–46]. Этот документ открывал научной общественности империи и студентам университетов свободный доступ к научным достижениям мирового научного сообщества, что позволяло оживить в стране научно-исследовательскую и экспедиционную деятельность.

18 марта 1802 г. был образован Комитет для разработки уставов Академии наук, Российской академии и Московского университета в составе президента Академии наук барона А.Л. Николаи, а также М.Н. Муравьева (1796–1866; государственный деятель), С.О. Потоцкого (1762–1829; государственный деятель), Ф.Г. Баузе (1752–1812; историк права, чл.- корр. ИАНХ с 1801 г.), и Н.И. Фуса (Фусса) (1755–1825; математик, ординарный академик с 1783 г., неперенный

секретарь ИАНХ / ИАН с 1800 по 1825 г., муж внучки Л. Эйлера) [там же, № 20.187, с. 75, 76].

Продолжая реформирование государственного аппарата, император 8 сентября 1802 г. провозгласил Манифест «Об учреждении министерств» [там же, № 20.406, с. 243–248], по которому вместо 12 коллегий, учрежденных еще Петром I в 1718 г., было образовано 8 министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, юстиции, коммерции, народного просвещения, финансов и внутренних дел. По отношению к Министерству народного просвещения в Манифесте сказано: *«Министр Народнаго Просвещения воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное Училищное Правление (выделено мной. – В.Б.) со всеми принадлежащими ему частями, Академию Наук, Российскую Академию, Университеты и все другия училища, кроме предоставленных особенному попечению Любезнейшей Родительницы Нашей Императрицы Марии Федоровны, и находящимся по особенному повелению Нашему в управлении других особ или мест, Типографии частныя и казенныя, исключая из сих последних состояющия также под непосредственным чьим-либо ведомством Цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народныя Библиотеки, собрания крепостей, натуральные кабинеты, музеи и всякия учреждения, какия впредь для распространения наук заведены быть могут»* [там же, с. 246]. Для совместного обсуждения общегосударственных проблем был образован Комитет министров. Органы местной власти закреплялись за «профильными» министерствами. При императоре также в 1810 г. по предложению статс-секретаря **Михаила Михайловича Сперанского*** появился Государственный совет, а 25 июня 1811 г. утверждено «Общее Учреждение Министерств»

* **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839) – общественный и государственный деятель, реформатор, основатель российской юридической науки и теоретического правоведения, почетный член ИАН с 12 мая 1819 г. С 1808 г. ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810 г.). В 1810–1812 гг. – первый государственный секретарь Российской империи. В 1812–1816 гг. находился в ссылке в Нижнем Новгороде. В 1816 г. возвращен на государственную службу и назначен пензенским гражданским губернатором. В 1819–1821 гг. генерал-губернатор Сибири. 11 июля 1821 г. император назначает Сперанского управляющим Комиссией составления законов. 17 июля Сперанский назначен членом Государственного совета по департаменту законов, ему было поручено возобновить работы по составлению гражданского и уголовного уложений. С 1826 г. возглавлял II отделение, кодифицировал законы (см. главу 5). Участвовал в воспитании цесаревича Александра Николаевича, который через полвека возобновил либеральные реформы в России.

[там же, т. 31: № 24.686, с. 686], ставшее законодательной основой для регламентации внутреннего устройства и порядка деятельности министерств на многие десятилетия вперед. Созданная Александром I система администрирования просуществовала с минимальными изменениями вплоть до 1917 г.

Возвращаясь к итогам работы Комитета по разработке уставов научно-образовательных учреждений, Высочайшим повелением 25 июля 1803 г. был введен в действие новый Регламент (Устав) Академии наук [там же, т. 27: № 20.863, с. 786–800], состоящий из 12 глав и 139 параграфов. Считается, что с этого момента Академия стала именоваться «Императорской академией наук» (далее – ИАН). Однако в самом документе Академия была обозначена исключительно как «Академия наук», а первым юридическим документом, подтверждающим императорский статус Академии и опубликованным в «Полном собрании законов...», стал Именной указ, объявленный министром юстиции 31 декабря 1803 г. «О мундире для чиновников Императорской Академии Наук» [там же, № 21.106, с. 1114]. Кроме того, на обложке изданного в 1803 г. текста Регламента также применено название «Императорская Академия Наук» (Регламент, 1803). В дальнейшем обновленную Академию чаще всего неофициально продолжали называть Санкт-Петербургской академией наук. Сам же «Регламент» был опубликован в Собрании законов под названием «Устав Академии Наук» [там же, 25 июля 1803 г., № 20.863, с. 786–800].

Рассмотрим основные положения утвержденного Устава (Регламента).

В соответствии с Регламентом, Академия передавалась в созданное в 1802 г. в рамках общей реформы органов управления Министерство народного просвещения. Император продолжал самостоятельно назначать президента Академии, который, однако, утратил право личного обращения к императору, и все доклады теперь подавались через министра народного просвещения. В то время Министерство возглавлял граф Пётр Васильевич Завадовский (1739–1812), организовавший полную перестройку учебного процесса в Российской империи. Напомним, что именно Завадовский еще в 1782 г. был разработчиком «Плана к установлению народных училищ в Российской империи» [Богатов, 2025].

В рескрипте Александра I, сопровождавшего академический Регламент, было отмечено, что Академия: *«неоднократно доказала, особенно ж в Славное Царствование Императрицы Екатерины II ту пользу, какую подобныя заведения, благоразумно распоряжаемые*



П.В. Завадовский кисти И.Б. Лампи,
1795 г. Из открытых источников



Титульный лист «Регламент
Императорской Академии
Наук». СПб., 1803 г.

и сильно подкрепляемые Правительством, могут принести Государству; что свидетельствуют многие подвиги, Ею предпринятые, наипаче ж славные и с успехом оконченныя путешествия для исследования и описания естественных произведений России и Экспедиции для Астрономических наблюдений» [ПСЗРИ, 1830, т. 27: 25 июля 1803 г., № 20.863, с. 787]. Понимая, в каком бедственном положении оказалась Академия наук к началу своего царствования, и поясняя назначение нового Регламента, император заявил: «*обратили Мы особенное внимание Наше на Академию Наук, и нашед, что прежний Регламент ея не соответствует настоящему времени, что назначенная ей сумма весьма недостаточна, и что разные препятствия, от сего происходящие, в последствии времени ослабили ея деятельность; разсудили Мы за благо издать для нее новый Регламент и штат, настоящим обстоятельствам соответственные и сообразные с целию, ей предназначенною*» [там же]. Тем не менее следует заметить, что в дальнейшем из-за начавшихся войн с Наполеоном денег на науку стало недоставать, и, как следствие, Академия наук хронически недофинансировалась, а с 3 апреля 1810 г. по 12 января 1818 г., т. е. более 8 лет, она и вовсе оставалась без президента...

В Регламенте при обозначении миссии обновленной Академии провозглашалось: «*Главнейшие обязанности Академии следуют из самой цели ее назначения, общей со всеми академиями и учеными*

обществами: расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями, распространять просвещение, направлять, колико возможно, познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений; се в кратких словах книга ее обязанностей» [§ 1 по документу, с. 787]. Перечень наук, входящий в сферу деятельности Академии, был изложен в § 3 [с. 787, 788] Регламента: «высшая Математика и Физикоматематика, Механика твердых и жидких тел, Астрономия, Химия, Минералогия, Ботаника, Зоология, Анатомия и Физиология, и Технология; сверх того История, Статистика и Экономия Политическая». Здесь обращает на себя внимание появление в перечне исторических и близких к ней наук, игравших крупную роль в начальный период деятельности Академии, но которые почти исчезли из научной среды к концу XVIII столетия [Вернадский, 2002]. Однако изучение русского языка и литературы все еще не находилось в ведении Академии наук, несмотря на то, что упорядочением научного русского языка продолжали заниматься академические переводчики. Эта деятельностью в основном занималась Российская Академия*, многие члены которой одновременно входили и в состав Академии наук, а также всевозможные литературные общества, устав одного из которых – «Вольного Общества любителей наук, словесности и художеств» был утвержден вслед за Уставом Академии наук (см. ниже).

Помимо научно-исследовательских за Академией наук сохранялись просветительские и экспертные функции, закрепленные соответственно в §§ 2 и 6:

«§ 2. К обязанностям, общим ей с другими Академиями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесл и художеств – сих источников богатства и силы Государств» [с. 787].

«§ 6. Академия, как первое ученое общество в Империи, решит все ученые суждения и споры, также сомнения и вопросы тех мест, которым нужно будет в таких случаях ее мнение. Она рассматривает безпристрастным образом все машины и открытия, представляемые ей для исследования» [с. 788].

* Российская Академия войдет в состав Академии наук в 1841 г., образовав Отделение русского языка и словесности.

Объявление Академии наук «первым ученым обществом» было связано с расширением в Российской империи сети иных научных и научно-образовательных учреждений, обществ и академий, таких, например, как Императорский Московский университет (1755 г.), Императорская академия художеств (1757 г.), Вольное экономическое общество (1765 г.), Горный институт (1773 г.), Императорская Российская академия (1783 г.), Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия (1798 г.), Вольное Общество любителей наук, словесности и художеств (1801 г.), сеть обсерваторий и др. Кроме того, научная работа вскоре стала налаживаться и в новых российских университетах, которые стали еще одной площадкой для создания научных обществ.

Состав действительных членов Академии наук определялся в Регламенте следующими позициями: *«Для сего Академия должна состоять из 18 ординарных академиков и 20 адъюнктов, между коими полагается неопределенное число экстраординарных академиков (в Уставе 1803 г. эта академическая ступень введена как переходная от адъюнкта к ординарному академику. – Авт.). Сии три класса действительных членов составляют Академическое собрание, или Конференцию. Академия имеет своего президента, непременно (постоянного. – Авт.) секретаря* и Комитет правления; также принимает почетных членов и корреспондентов как из числа российских подданных, так и чужестранных...»* [§ 4, с. 788]. И далее: *«Академия без всякого разделения наук на классы, имеет состоять из следующих ординарных Академиков, а именно: для высшей Математики, Астрономии, Химии, Зоологии, Технологии и Механики твердых и жидких тел, назначается по два Академика для каждой науки; для Физико-математики, Анатомии и Физиологии, Ботаники, Минералогии, Экономии Политической и Статистики, и наконец Истории, по одному для каждой науки»* [там же, § 46, с. 792]. Причем *«Каждый из числа академиков, означенных в § 46, должен иметь своего адъюнкта, академик же ботаники и минералог – по два, так что число всех*

* Должность неперменного секретаря была введена вместо должности вице-президента, введенной 3 ноября 1800 г. по указу еще Павла I, и на которую был назначен академик С.Я. Румовский. В обязанности неперменного секретаря входило управление корреспонденцией *«со всеми Академиями и учеными обществами в Европе, с иностранными членами и в особенности с членами, получающими пансионы из Академии, и Корреспондентами...<...>...Из сего следует, что Секретарь должен быть известен отличною ученостию, а для того он всегда будет избираем из числа Академиков»* [§§ 38, 39, с. 791].

адъюнктов имеет простирается до 20. Прослужившие из них с отличным усердием в сем звании 6 лет производятся в экстраординарные академики» [§ 64, с. 793].

Класс почетных членов Академии разделялся на почетных российских и почетных иностранных [§ 77, с. 794]. Первые из них *«состоят из неопределенного числа знатных особ, которые своими познаниями и любовью к наукам возбуждают в Академии желание принять их в члены, и также из неопределенного числа российских ученых, известных с хорошей стороны своими сочинениями, относящимися к какой-нибудь из наук, коими Академия занимается»* [§ 78, с. 794]. *«Вторые состоят из известнейших своею ученостию чужестранцев, от присоединения которых Академия, отдавая сим образом принадлежащую честь достоинству, могла бы вместе заимствовать себе славу и доставить некоторое содействие, хотя посредством корреспонденции; число их не должно превышать 50-ти»* [§ 79, с. 794].

«Почетный член или корреспондент, если имеет сообщить Академии какой-либо новый опыт, или повторить его, или же читать ей какое-либо разсуждение, испрашивает позволение у Президента, который назначает день Академического собрания для присутствования ему в оном» [§ 85, с. 795].



Комплект предметов для тайного голосования по выборам членов Академии наук. Голосование проводилось белыми и черными шарами. Если академик голосовал за предлагаемого кандидата, он бросал белый шар в урну с надписью «Голос», а оставшийся черный шар – в другую урну; если же он голосовал против кандидата, то в урну «Голос» клал черный шар. Кандидат считался избранным, если в свою пользу получал не менее двух третей голосов.

Фото из открытых источников

«Шесть почетных Членов иностранных и шесть Российских Членов или Корреспондентов, имеют получать из Академии пансион; первые 300, а последние 200 рублей в год» [§ 86, с. 795].

В Регламенте определялся порядок деятельности Академии и условия принятия в ее члены, объяснялись обязанности всех служащих на разных должностях.

Приведем в этой части документа его некоторые положения:

- Академия обязывалась сообщать правительству о любых открытиях, которые могут быть полезны для сохранения здоровья жителей или усовершенствования промышленности, искусств, фабрик, мануфактур, торговли, мореплавания и проч. [§ 7 по документу, с. 788].

- Академия обязывалась ежегодно издавать один том «Умозрительных исследований» на русском и на одном из известнейших европейских языков... Равным образом Академия обязывалась издавать один том записок, связанных с практической пользой, в виде Технологического журнала [§ 9, с. 788]*.

- Как усовершенствование географии и физического познания империи должно стать одним из главнейших предметов внимания Академии, то она по временам обязывалась *«отправлять астрономов и натуралистов для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественные произведения недовольно еще известны или описаны. Мы обещаем всегда вспомоществовать ей в таких полезных предприятиях и содействовать исполнению оных теми мерами, кои не зависят от самой Академии»* [§ 11, с. 788, 789].

- Академия должна ежегодно публиковать научную программу, для решения которой требовалось приглашать иностранных ученых [§ 12, с. 789].

- Академии предоставлялось право избирать академика или адъюнкта на освободившееся место, причем при равных достоинствах приоритет должен отдаваться российскому ученому [§ 23, с. 790].

* Академия наук в 1804 г. начала издание нового печатного органа – «Технологического журнала, или Собрания сочинений и известий, относящихся до технологии, и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению», выходившего под таким названием до 1815 г. Выход журнала отражал стремление укреплять связи науки с практической деятельностью. Журнал издавался по 4 книги в год. Первым главным редактором стал академик В.М. Севергин. В 1806 г. к журналу были даны прибавления, содержавшие в себе математические, физические, химические, минералогические, зоологические, ботанические и другие известия. Кроме того, на русском языке стали выходить и такие периодические научные издания, как «Умозрительные исследования» и «Труды Академии наук».

- Первая должность академика состояла в том, чтобы употреб-
лять все свои силы к усовершенствованию своей науки, к обогащению
ее новыми открытиями [§ 47, с. 792].

- Каждый академик обязан был ежегодно представлять, по край-
ней мере, две диссертации для помещения в издаваемых Актах [§ 50,
с. 792].

- Каждый академик, сделавший новое открытие, опыт или полез-
ное наблюдение, должен был сперва объявить о них Академии и по-
том объяснить в диссертации, которая будет отпечатана в Актах [§ 51,
с. 792].

- Академикам запрещалось вносить в список кандидатов в акаде-
мики людей неизвестных и посредственных [§ 58, с. 793].

- Всем типографиям запрещалось «*под опасением конфиска-
ции в пользу Академии перепечатывать без особенного ее позволения
книги, изданные в академической типографии*» [§ 113, с. 798].

- Академии предписывалось иметь собственного цензора, изби-
раемого из своих членов [§ 114, с. 798].

- Все типографии империи обязаны были присылать в Библио-
теку Академии наук по одному экземпляру из изданных книг [§ 116,
с. 798].

В соответствии с § 111 Регламента Академия в своем пользо-
вании имела «*свою Типографию и книжную лавку, а также Биб-
лиотеку, Музей Ботаники, Зоологии и Минералогии, Кабинет медалей
и редкостей, Астрономическую Обсерваторию, Физический Кабинет,
собрание моделей, Анатомический театр, две Химические лабора-
тории и Ботанический сад*» [§ 111, с. 797, 798], среди которых новыми
для Академии были музей ботаники, зоологии и минералогии, кабинет
медалей и редкостей, собрание моделей, анатомический театр и две
химические лаборатории*.

По Регламенту из структуры Академии были официально
выведены образовательные учреждения: академические Университет
и Гимназия. Напомним, что Академический университет фактически
прекратил свое существование со смертью Ломоносова (1766 г.)
и в 1767 г. был упразднен. Академическая гимназия в начале XIX в.
еще продолжала существовать и была закрыта в 1805 г., а ее 55 уче-
ников составили первый набор вновь учрежденной Петербургской
губернской гимназии.

* Имевшийся ранее в составе Академии «Анатомический театр» полностью сгорел
в пожаре 1747 г., а созданная при академиках Ломоносове и Лемане Химическая лабо-
ратория к концу XVIII столетия «сошла на нет» [Вернадский, 2002, с. 333].

После того, как в 1767 г. Академический университет был ликвидирован, остро встал вопрос подготовки научных кадров для самой Академии. В то время имевшиеся в России учебные заведения не удовлетворяли необходимым требованиям к подготовке будущих ученых. В связи с этим в Регламент была включена глава IX «О воспитанниках» [§§ 99–110, с. 796, 797], в которой Академии было предписано *«содержать под именем Академических воспитанников, известное число молодых людей из Российских уроженцев, выбранных с надлежащею осмотрительностию»* [§ 99, с. 796]. *«Сии воспитанники числом 20 будут избираемы из университетских студентов и учеников гимназий, имеющих постоянную склонность и отменную способность к одной из тех наук, коими Академия занимается»* [§ 100, с. 796].

Здесь к месту можно напомнить мнение В.И. Вернадского, который в свое время отмечал, что *«Вначале в Академии наук соединялись очень разнообразные культурные задачи, которые для своего развития и правильного использования требовали гораздо больших сил и средств, чем те, которыми она располагала. Так, уже по первому уставу Академия должна была являться не только ученым собранием; при ней должны были быть организованы учебные заведения – среднее и высшее. При ней существовала гимназия, был университет; она издавала учебники; академиками велись разнообразные экзамены... Однако Академия никогда не считала эти свои обязанности основными, не могла для них жертвовать своей научной работой. Она не стремилась к их развитию. Реформы, приведшие к созданию самостоятельных высших и низших школ, совершенно независимых от Академии, и к освобождению Академии наук от педагогических или школьно-административных обязанностей, были проведены в России при деятельном участии академиков, игравших крупнейшую роль в ее жизни и самых влиятельных в ее управлении. Сами академики сознательно умаляли права Академии в этих областях жизни и в конце концов привели к совершенному исключению из жизни Академии этой стороны культурной деятельности. Такое стремление получило окончательное выражение в новом регламенте Академии 1803 г., который был выработан при деятельном участии академиков, главным образом Н.И. Фусса, и который окончательно закрепил освобождение Академии наук от преподавания. После 1803 г. продолжали существовать только «воспитанники» Академии наук, очень близкий к старым «студентам Академии» XVIII в... Может быть, эта сторона старой деятельности Академии, тесно связанная*

с научной работой, заслуживает вновь возникновения в изменившейся обстановке XX в.*» [Вернадский, 2002, с. 324, 325].

Заметим, что создаваемая в начале XIX в. новая сеть высших учебных заведений осуществлялась при непосредственном участии членов Академии наук. Причем связь академиков с университетами не только не прекращалась, но по новому Регламенту получала свое продолжение: *«Академия, имея сама деятельное участие в распространении полезных знаний, может входить во все касающиеся до просвещения. На сей конец она **должна быть** (выделено мной. – В.Б.) в сношении со всеми Университетами в Империи, которые с своей стороны будут относиться к ней во всех случаях, где может быть полезно ее содействие или советы. Академия со своей стороны будет относиться в Университеты касательно всех нужных известий сведений и естественных предметов их округа, также об учениках, кои окажутся способными быть Академическими воспитанниками»* [§ 8, с. 788].

В последней 12 главе Регламента [§§ 127–139, с. 799, 800] устанавливался новый порядок управления административно-хозяйственными делами Академии. В частности, для выполнения канцелярских функций был организован Комитет правления, состоящий из президента, двух ординарных академиков и двух советников, сведущих *«в законах и Гражданском обряде»* [§ 127, с. 799]. С привлечением академиков к непосредственному участию в управлении делами усилилось их влияние на хозяйственное обеспечение научной деятельностью.

В завершающей части Регламента Александром I были выражены надежды на полезность созданного документа: *«Таким образом, совершив все, что казалось Нам удобнейшим к преобразованию Нашей Академии наук и к возбуждению ее ревности и деятельности,*

* В конце XVIII – начале XIX в. в России появилась сеть университетов и научных обществ, за счет чего педагогические функции Академии стали упраздняться, а ее деятельность приобретала в основном исследовательский характер. 30 января 1830 г. «Дополнительными пунктами к Регламенту Императорской Академии Наук 1803 г.» было признано нецелесообразным в будущем содержание при Академии воспитанников, складывалась практика их отправки на учебу за границу. В советское время, в 1926 г., в Академии наук СССР был организован институт практикантов. Из числа студентов старших курсов отбирались те, кто имел склонность и способности к научной работе. В 1929 г. институт практикантов был упразднен, и на его месте создана аспирантура АН СССР. В принятом позже «Положении об аспирантурах при АН СССР» основной упор был сделан на подготовку специалистов по естественно-техническим наукам, в которых страна испытывала недостаток. Первый выпуск 13 аспирантов состоялся в 1931 г.



Президент ИАН граф Н.Н. Новосильцев работы С.С. Щукина, до 1808 г. Государственный Русский музей



Граф М.М. Сперанский работы А.Г. Варнека, 1824 г. Иркутский областной художественный музей имени В.П. Сукачева

Мы ожидаем от нея усугубления ея стараний и в особенности точного исполнения всех статей, предписанных в сем уставе, который повелеваем в первое заседание каждого года читать как Конференции, так и в Комитете Правления, дабы всякой, исполняя свои должности, мог наблюдать в то же время, не вкрались ли какие злоупотребления по части ученой или по части управления» [§ 139, с. 800].

Менее чем за полгода до утверждения Устава Академии 8 февраля 1803 г. императором была принята отставка одного из авторов Регламента, президента Академии наук барона А.Л. Николаи. Следом, 13 апреля 1803 г., на должность президента Академии был назначен один из ближайших сподвижников Александра I в первые годы его правления **Николай Николаевич Новосильцев (Новосильцов)***. Еще в августе 1801 г. ему было поручено рассмотрение проектов по части земледелия, торговли, промыслов, ремесел, искусств и художеств. Новосильцев был одним из активных деятелей Негласного комитета – неформальной группы приближенных Александра I, а в 1820 г. он разработал проект «Уставной грамоты Российской империи» – первой конституции в истории России. Документ предусматривал формирование двухпалатного парламента: Государственной

* Граф (с 1 июля 1835) **Николай Николаевич Новосильцев** или **Новосильцов** (1761–1838) – русский государственный деятель, член Негласного комитета (1801–1803), президент ИАН (1803–1810), председатель Комитета министров (1834–1838), председатель Государственного совета (1834–1838), действительный камергер (1801), сенатор (1806), действительный тайный советник (1824).

думы и Государственного сейма. Без согласия этого органа монарх не мог самостоятельно издавать законы. Год спустя (в 1821 г.) Новосильцев вместе с графом М.С. Воронцовым (1782–1856) и князем А.С. Меншиковым (1787–1869) представил Александру I доработанную версию проекта по отмене крепостного права, ранее составленного графом А.А. Аракчеевым (1769–1834; военный и государственный деятель, один из важнейших приближенных императоров Павла I и Александра I, с 1812 г. главный начальник Императорской канцелярии) и министром финансов графом Д.А. Гурьевым (1758–1825), который так и не был реализован. В 1821 г. Новосильцев был назначен советником наместника Царства Польского. В 1824–1831 гг. он занимал пост попечителя Виленского университета и возглавлял комиссию по расследованию тайных студенческих организаций.

1.4. Передача изготовления топографических карт в военное ведомство

Перед Отечественной войной 1812 г. от Академии была окончательно отделена функция по изготовлению топографических карт, причем имевшаяся при Академии Гравировальная палата была ликвидирована еще в феврале 1805 г. по предложению академиков Я.Д. Захарова (1765–1836) и Н.Я. Озерецковского (1750–1827), так как она *«стоила Академии великих издержек, ни малой пользы не приносила»* [Вернадский, 2002, с. 350, со ссылкой на Журн. Комитета правления от 10 янв. 1805 г., § 43].

В 1812 г. было учреждено Военное министерство [ПСЗРИ, 1830, т. 32: 27 янв. 1812 г., № 24.971, с. 23–39], в состав которого помимо прочих были включены особенные научные и топографические установления: Военный ученый комитет, Военное топографическое Депо, Особенная канцелярия, Типография, структура которых по основным позициям членства повторяла аналогичную структуру Академии наук.

Приведем Положения особенных установлений для Военного ученого совета и Военного топографического депо:

«Положение для Военного Ученого Комитета.

I. Состав Комитета.

Военный ученый Комитет состоит из Председателя и шести Членов, из коих два по части Артиллерийской, два по части Инженерной и два по Квартирмейстерской.

Председатель и Члены Комитета определяются, по представлению Военного Министра, Его Императорским Величеством.

Сверх неперменных членов, Комитет имеет Членов почетных и Корреспондентов, Российских и иностранных.

Почетные члены и Корреспонденты предлагаются Председателем на баллотирование Комитета, и утверждаются Военным Министром.

II. Обязанности Комитета

Главная обязанность Комитета состоит в распространении сведений по ученой части военного искусства, а по сему:

1. Военный Ученый Комитет собирает все вновь издаваемые лучшие сочинения о военном искусстве и разных частях, к нему принадлежащих.

2. Назначает лучшие и полезнейшие из них к переводу на Российский язык, рассматривает и исправляет переводы сия, и по мере трудов, ходатайствует в награждении переводивших.

3. Рассматривает разные проекты и новыя предположения по ученой воинской части, делает опыты и исследования по введению их в употребление, и представляет о них мнения свои Военному Министру.

4. Издает Военный Журнал.
5. Производит экзамены всем чиновникам, вступающим в ученые корпуса Военного Департамента, и представляемых от оных к производству...» [там же, с. 32].

«Положение для Военного Топографического Депо.

I. Состав Военного Топографического Депо.

1. Военное Топографическое Депо есть установление, учрежденное под непосредственным начальством Военного Министра для собрания, составления и хранения карт, планов, чертежей, Топографических и Статистических описаний, журналов и донесений о военных действиях, проектов и диспозиции наступления наступательной и оборонительной войны, и особенно для сочинения их всех собираемых материалов основательных записок и таблиц из Исторических военных сведений.

2. Военное Топографическое Депо состоит из шести отделений.

3. Оно управляется Директором, который назначается Его Императорским Величеством из Генералитета или Полковников.

4. В каждом Отделении Военного Топографического Депо полагается Начальник Отделения.

II. Предметы Военного Топографического Депо вообще.

1. Занятия по особым поручениям.

2. Астрономические наблюдения и Тригонометрические съемки, к сочинению карт нужные.

3. Составление и черчение карт.

4. Надзор над архивами планов и карт и над библиотекою; содержание их в надлежащем порядке, составление нужных выписок

5. Гравирование и отпечатание карт и планов.

6. Письмоводство, управление и распоряжение суммами.

III. Предметы и обязанности каждого Отделения Военного Топографического Депо в особенности.

Занятия по особым поручениям.

Обязанности сего Отделения определяются особою Инструкциею Его Императорского Величества Директору Военного Топографического Депо.

Астрономические наблюдения и Тригонометрические съемки, к сочинению карт большего пространства нужные.

Обязанности сего Отделения суть: проверка инструментов и нормальная мера; усовершенствование Военных Географов в Астрономических наблюдениях и вернейшим снятии углов; определение Географического положения мест, для съемки карт нужных; поверок по новым исправнейшим таблицам изчисления прежних наблюдений; снятие углов главных и частных треугольников; измерение базисов и изчисление и составление по оным вернейших

Тригонометрических съемок разных, и между прочим пограничных карт; исследование и проверка склонения магнитной стрелки; определение возвышения мест по барометру.

Составление и черчение карт как Топографических, так и Географических по лучшим подлинникам.

Обязанности сего Отделения суть: определение масштаба каждой составляемой карты и плана, соответственно их цели и пространства; составление съемки издаваемых карт, с означением на оных по лучшим подлинникам всех предметов, к составу их принадлежащих, и правильное и ясное расписание оных.

Корректурa гравировемых карт и планов; составление Систематических таблиц вступающим Топографическим и Статистическим описанием, и Исторических выписок из разных Российских реляций.

Надзор над Архивами планов и карт и над Библиотекою.

Содержание их в надлежащем порядке.

Обязанности сего отделения суть: составление всем картам, планам, запискам и книгам исправных Систематических списков.

Наблюдение, дабы они хранились в порядке в портфелях и шкафах под ключом и печатью Архиварикаса.

Сочинение выписок для составления военной Истории Российской Империи; составление Истории Российской Географии и Топографии; выдача по приказанию Директора Военного Топографического Депозита карт и книг под росписки...

Гравирование и отпечатание карт и планов.

Обязанности сего Отделения суть: осмотр медных, к гравированию приготовленных, досок, и последняя их политура. Выбор и содержание в исправности инструментов и припасов для гравирования нужных; гравирование как по грунту, так и на сухой меди Географических, Топографических карт и военных планов; вырезывание слов на медных досках; приготовление красок к отпечатыванию; исправное отпечатание выгравированных досок и сбережение оных; содержание в исправности станков и всех прочих принадлежностей.

Письмоводство, управление и распоряжение суммами. Приход и расход по продаже карт. Приход и расход припасов по чертежной, письменной, гравировальной и печатной части» [там же, с. 35–38].

Впоследствии литографические работы из Военного ведомства перешли в частные типографии. Первой из них была организована полковником Генерального штаба В.А. Полторацким, который в 1858 г. от Штаба военно-учебных заведений получил задание по изданию военно-исторического атласа войн 1812–1815 гг. Для выполнения этого ответственного поручения полковник на следующий год основал картографическую литографию и пригласил в компанию

А.А. Ильина*. Вскоре Полторацкий получил назначение в Туркестан, а литография перешла в собственность Ильина и с 1864 г. стала именоваться «Картографическим заведением». С начала 1870-х гг. заведение выпустило значительное число географических атласов и карт для разных министерств и департаментов, ученых обществ, в том числе для Академии наук и Русского географического общества. К изданию карт Ильин привлек видных ученых, таких как Александра Ивановича Воейкова (1842–1916; климатолог, географ, чл.-корр. ИСПБАН по разряду физическому с 1910 г.), Ивана Афанасьевича Стрельбицкого (1828–1900; геодезист, картограф, член РГО с 1869 г., член Русского астрономического общества с 1890 г., генерал от инфантерии с 1899 г., за картографические работы в 1875 г. удостоен Константиновской медали РГО) и др. Наиболее известным картографическим изданием заведения стал «Подробный Атлас Российской империи с планами главных городов» [Ильин, 1876], карты которого долгое время считались самыми точными и подробными картами губерний Российской империи.

* Алексей Афиногенович Ильин (1834–1889) – генерал-лейтенант, картограф. Образование получил в 1-м кадетском корпусе и школе гвардейских прапорщиков. Для получения специального образования вступил в Академию Генерального штаба и в 1856 г. состоял картографом при Военно-топографическом депо и на других разных должностях, в т. ч. при начальнике Главного штаба чиновником особых поручений. В дальнейшем имя Ильина было связано с возникновением и развитием первого в России частного картографического заведения.

1.5. Академические экспедиции начала XIX в.

Нашествие в 1812 г. Наполеона серьезно затормозило научно-технологическое развитие страны и работу Академии наук. Вернадский, в частности, замечал, что в этот период: *«Академия наук была на границе полного научного замирания. К этому присоединилось и тяжелое материальное состояние Академии наук. В связи с наполеоновскими войнами наша страна переживала тяжелый финансовый и экономический кризис. Штаты 1803 года к 1818 году совершенно не отвечали потребностям жизни; рубль чрезвычайно понизился в своей цене; на старое содержание академиков нельзя было найти нужных людей, а на отпускавшиеся средства нельзя было вести сколько-нибудь правильно дело научной работы и даже поддерживать элементарные потребности академической организации»* [Вернадский, 2002 в, с. 353].

Тем не менее именно в этот отрезок времени Академией наук было организовано более 20 экспедиций, направленных на изучение России и сопредельных стран [Материалы..., 1940]. Среди научных поездок выделяются, например, путешествия выдающегося астронома Викентия Карловича Вишневого (1781–1855; адъюнкт ИАН по астрономии с 1804 г., экстраординарный академик с 1807 г., ординарный академик с 1815 г., профессор астрономии в Санкт-Петербургском университете с 1819 г.), заложившего основы современной географической карты России. Как отмечал В.И. Вернадский: *«В течение десяти лет, с 1806 по 1815 г., Вишневский совершил чрезвычайно трудное при тогдашних путях сообщения колоссальное путешествие по России, произведя точнейшие астрономические наблюдения для астрономического определения географических пунктов; он в своей работе достиг исключительной точности, причем применял для этого новые, остроумные методы работы. Точности работы, необычной в то время, он добился исключительной выдержкой характера: для сохранения хронометров при постоянной температуре он носил из всегда на себе и в течение всех 10 лет спал сидя в особо устроенном кресле. Всю обработку материала он тоже произвел один в течение 15–20 лет после окончания своих поездок и достиг действительно исключительных результатов. До Вишневого было определено 67 точек в Европейской России – он один точно определил и вычислил их 223!»* [Вернадский, 2002, с. 334].

Высоко научной общественностью оценивались минералогические экспедиции академика В.М. Севергина, предпринятые



Слева направо: В.М. Севергин. *Из открытых источников*; В.К. Вишневский. *Из открытых источников*; Г.И. Лангсдорф работы А. Флоренца, около 1828 г. Национальный музей Рио-де-Жанейро

в 1808–1809 гг. в разные районы Европейской России, академика А.И. Шерера (1771–1824; химик, иностранный чл.- корр. ИАНХ с 1797 г., экстраординарный академик с 1807 г., ординарный академик с 1815 г.) в Финляндию в 1809 г. и академика А.К. Шлегельмильха (1777 – не ранее 1831 г.; минералог, адъюнкт ИАН с 1808 г., экстраординарный академик с 1812 по 1820 г.) на Кавказ в 1810 г. Помимо прочего выделяется экзотическая экспедиция Г.И. Лангсдорфа (1774–1852; ботаник, зоолог, путешественник, иностранный чл.- корр. ИАН с 1803 г., экстраординарный академик с 1812 по 1831 г.) в Бразилию в 1821–1829 гг., и др.

В первой четверти XIX в. при участии Академии наук были организованы первые кругосветные путешествия русских мореплавателей, в том числе легендарные экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806 гг.) на шлюпах «Надежда» и «Нева», а также Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821 гг.) на шлюпах «Восток» и «Мирный» (см. главы 2 и 4). Отметим, что М.П. Лазарев в те годы командовал еще одним кругосветным плаванием, которое состоялась на фрегате «Крейсер» в 1822–1825 гг. (см. главу 4). Кроме того, были проведены 2 экспедиции Отто Евстафьевича Коцебу в 1815–1818 гг. на бриге «Рюрик» и в 1823–1824 гг. на шлюпе «Предприятие» (см. главу 3). Первая из этих экспедиций была исключительно научным предприятием, ставившим не только географические, но и океанографические задачи. Можно еще упомянуть кругосветное плавание М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарёва на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» в 1819–1822 гг. (см. главу 4).

В дальнейшем русские кругосветные экспедиции с приобрели систематический характер.

1.6. Научно-просветительские и научно-технические общества

Вольное Общество любителей наук, словесности и художеств

В развитии творческих инициатив среди ученых, писателей, поэтов и художников по Высочайшему соизволению 23 сентября 1803 г. был утвержден устав Общества любителей наук, словесности и художеств [ПСЗРИ, 1830, т. 27: № 20.946, с. 899–901]. В соответствии с § 1 предметом занятий Общества были определены науки, словесность и художества.

Первоначально новое Общество значилось под названием «Дружеское общество любителей изящного» и было создано 15 июля 1801 г. группой выпускников Академической гимназии, в которую, например, входили И.М. Борн (1778–1851; литератор, первый президент Общества), В.В. Попугаев (1778 или 1779–1816; писатель, будущий член Комиссии составления законов), В.И. Красовский (1782–1824; писатель и переводчик, будущий секретарь Санкт-Петербургского цензурного комитета), А.Г. Волков (1780–1826; русский поэт и ученый-химик, будущий адъюнкт ИАН по химии), и др.

В соответствии с Уставом Общество состояло из действительных членов, членов-корреспондентов и почетных членов. Кроме того, в состав Общества входили действительные члены-художники. Руководство деятельностью Общества осуществляли президент, секретарь, казначей и библиотекарь, избираемые из действительных членов. Из действительных членов также назначались члены Комитета, *«разсматривающего труды Членов, и прочие представляемые в Общество сочинения и переводы»* [там же, с. 899, § 2 по документу].

Каждый член и корреспондент (тот, кто живет в провинции. — *Авт.*) был обязан один раз в год представить Обществу, по крайней мере, одно сочинение или перевод, или часть своего труда, если этот труд обширен (§ 11). Действительный член-художник также был обязан один раз в год представить свое художественное произведение, которое выставлялось в Общественной зале (§ 12). Члены Общества, желавшие печатать свои сочинения или переводы от себя или в других периодических изданиях, кроме общественных, обязаны были об этом уведомлять Общество (§ 13). Желавшие вступить в действительные члены Общества должны были предварительно представить свои произведения, причем известные своими произведениями (сочинениями) люди принимались «без сего» (§ 15). Сочинения или переводы членов Общества заслушивались на собраниях,

которые проводились не менее одного раза в две недели и публиковались в общественных изданиях.

Позже Общество стали именовать «Вольным Обществом любителей словесности, наук и художеств», которое фактически стало представлять собой литературно-общественную организацию, существовавшую с перерывами до 1826 г.

Минералогическое общество

7 января 1817 г. произошло важное событие для геологической науки: в Михайловском замке на квартире Лаврентия Ивановича Панснера (1777–1851; русский ученый немецкого происхождения, геолог, минералог и топограф, служащий Военно-Топографического депо) состоялось учредительное собрание Минералогического общества. В нем участвовали 33 учредителя. Высочайше утвержденное постановление об учреждении Санкт-Петербургского минералогического общества состоялось 12 июня того же года [ПСЗРИ, 1830, т. 34: № 26.920, с. 385–389]. Устав Общества содержал следующие положения:

«§ 1. Предмет, которым сие Общество предполагает заниматься, есть Минералогия во всем пространстве сего слова. Земля наша, ее атмосфера, все неорганические (не рудные) произведения природы в земле и на поверхности оной находящиеся, приведение в систематический порядок сих тел, а потому и точное испытание их свойств, многообразных отношений и действий одних на другие и взаимных соединений, действительное и даже возможное употребление и испытание средств к достижению сей последней цели, собирание и сообщение новых открытий иностранных земель и примечаний о Минералогических сочинениях, суть существенные предметы созерцания и обрабатывания Общества.

§ 2. Цель сего, по добровольному согласию учрежденного Общества, есть: 1) Дружеския занятия и взаимное наставление по предметам, означенным в § первом. 2) Усовершенствование и всеобщее распространение познаний о неорганическом царстве природы. 3) Труды, по означенным в § 1 частям, преимущественно должны быть обращаемы на произведения пространного Российскаго Государства, и чрез то сделаться полезными Государству» [там же, с. 385].

Общество брало на себя обязанность собирания минералогических коллекций:

«§ 21. Общество предположило завести следующие собрания (коллекции): 1) Одно сколь возможно совершенное собрание односложных



Слева направо: Б.И. фон Фитингоф-Шель и Л.М. Панснер.
Из открытых источников

минералов (земель, камней, солей, горючих минералов, металлов и руд), по предназначенному систематическому порядку. 2) Одно сколько возможно совершенное собрание горных пород и всех к образованию земли принадлежащих сведений. 3) Собрание всех в Российском Государстве находящихся, одинаких и сложных материалов, с изъяснением мест рождения их по Географическому расположению. 4) Собрание продуктов и эдуктов, искусственно добытых при употреблении минералов для какого либо предмета. 5) Собрание вспомогательных средств и инструментов, для испытания неорганических тел. 6) Собрание литературных сведений, относящихся до предметов, которыми Общество занимается, или Библиотеку. Всеми сими собраниями позволяется пользоваться всем Действительным Членам» [с. 388–389].

Первым президентом Общества был избран естествоиспытатель, ботаник, почетный член ИАН с 1802 г. Борис Иванович фон Фитингоф-Шель (1767–1829).

Выполняя задачу по созданию коллекций, в период становления Минералогического общества его членами был создан «Минеральный кабинет», превратившийся впоследствии в музей минералов, горных пород и полезных ископаемых. Позже эти коллекции были переданы в Санкт-Петербургский горный институт, который с 1869 г. стал местом пребывания президиума и библиотеки Общества. Ко второй половине XIX в. Общество постепенно стало выполнять функции государственной геологической службы, которая указом императора Александра III была создана в 1882 г., а в основу ее деятельности

легли методики, разработанные Обществом. Во второй половине XIX в. Общество получило право снаряжать экспедиции для геологического исследования территории России. С 1865 г. такие исследования с составлением карт стали систематическими (из информ. источников).

Московское общество сельского хозяйства

Среди прочих значимых научно-технических обществ, возникших в первые годы после нашествия Наполеона, выделяется организация Московского общества сельского хозяйства (далее – МОСХ). Идею создания Общества в Москве приписывают князю Сергею Ивановичу Гагарину (1777–1862; действительный тайный советник, деятель русского сельского хозяйства, владелец усадьбы Ясенево). Основателями МОСХ также стали князь Дмитрий Владимирович Голицын (1771–1844; участник наполеоновских войн, военный генерал-губернатор Москвы с 1820 г., почетный член ИАН с 1822 г.), граф Пётр Александрович Толстой (1770–1844; российский военный и государственный деятель, участник наполеоновских войн, военный губернатор Санкт-Петербурга в 1802–1805 гг.) и др.

Учредительное собрание МОСХ состоялось 5 марта 1818 г., а само Общество было учреждено Министерством внутренних дел, по-видимому, 3 сентября 1818 г., на что указывает «Положение Комитета Министров “О учрежденном в Москве Обществе сельского хозяйства”», принятое 4 января 1819 г. [там же, т. 36: № 27.623, с. 8–13]. Министерство в своем первом заседании приняло в основание, *«что Общество, добровольно составляющееся и предназначенное себе единственно целью своих занятий одобрение земледелия, яко главного основания народного благосостояния и всякой промышленности, действуя и распоряжая первоначально собственными своими способами, тем более будет иметь права на признательность к ему и Правительства и соотечественников, полагал: дозволить Московскому Обществу руководствоваться уставом, им составленным, не делая впрочем ему ни денежного, ни отводом земли пособия* (выделено мной. – В.Б.)...» [там же, с. 8]. Таким образом вопросы о денежной помощи и, главное, о выделении земельного участка остались на то время нерешенными.

К «Положению Комитета министров» прилагалась записка князя Д.В. Голицына *«и некоторых других особ»*, направленная на Высочайшее имя, с прошением *«о позволении им (учредителям. – Авт.) составить в Москве общество под названием Московского общества*

сельского хозяйства и об утверждении устава онаго...» и фрагментами «наиважнейших» пунктов Устава МОСХ, в первой статье которого говорилось, что *«Общество поставляет себе целью стараться об усовершенствовании в России сельского хозяйства во всех его отраслях»*. Кроме того, к «Положению» было приложено письмо князя к министру иностранных дел (совместно с К.В. Нессельроде) тайному советнику князю И.И. Каподистрию (1776–1831; почетный член ИАН с 1818 г.) с прошением: *«1. Иметь свою печать с приличной надписью. 2. Отправлять переписку наравне с казенными местами, без платежа на почте весовых денег. 3. Пожаловать единовременно 10.000 рублей. 4. Даровать близ Москвы 100 десятин земли для учреждения практической фермы, и наконец 5. Поместить общество в одном из Императорских Дворцов»* [там же, с. 9].

В Высочайшем рескрипте на имя Голицына от 17 апреля 1818 г. Его Величество изъявил Обществу *«Монаршее благословение за столь полезное предприятие»* и передал полученную записку министру внутренних дел Осипу Петровичу Козодавлеву (29 марта 1754–24 июля 1819 г.) на рассмотрение. Причем по поводу одного из пунктов прошения о предоставлении Обществу одного из дворцов Москвы император заметил, *«что как после войны 1812 года Дворцовые строения не приведены еще в совершенный порядок, то и просьба общества по сему не может быть удовлетворена»* [там же, с. 9, 10]. Комитету было объявлено, что государь утвердил мнение министра внутренних дел, с тем, чтобы был решен вопрос о выделении «способной» Обществу земли, *«и наконец обо всем, что окажется, он вошел бы с представлением в Комитет Министров... Комитет определил: сообщить о том Министру Внутренних дел и Министру Финансов к исполнению выписками из журнала»* [там же, с. 8].

В части основной просьбы князя Голицына – поиска земельного участка вблизи Москвы для отвода его новому Обществу – принимался во внимание опыт работы Вольного экономического общества, так как *«цель учреждения онаго общества для усовершенствования сельского хозяйства есть та же, как и вольного экономического общества. Но внутреннее управление Московского общества много отличается от правил, принятых вольным экономическим обществом, и именно в том, что Члены московского общества «обязуются ежегодноно вносить по 50 рублей; предметы разделены на 4 отделения, в коих назначаются непременно Начальники; Президент и Вице-президент полагаются также непременно; и наконец учреждается непременно Совет, между тем как в вольном экономическом обществе*

не положено никакого от Членов ежегодного взноса: Президент, равно и особые Комитеты избираются ежегодно» [там же, с. 12].

Министр внутренних дел, учитывая ранее данное монаршее благоволение, предложил Комитету министров дозволить «сему обществу руководствоваться составленным им уставом, предоставляя ему делать по оному уставу и дополнения, клонящиеся к усовершенствованию цели его.

Равным образом согласно всеподданейшему прошению сего общества, дабы споспешествовать к прочному основанию оного и дать ему способы к распространению полезных сведений, я полагаю:

1. Находящуюся в Московском уезде казенную пустошь Толмачеву, Горбово тож, заключающую в себе 70 десятин с саженьями, если общество в полном собрании своем на пользу оной изъявит согласие, предоставить в распоряжение его для произведения на оной хозяйственных опытов и для учреждения школы земледелия...

2. Позволить отправлять бумаги и посылки на почте без платежа весовых денег до одного пуда...

3. Выдать единовременно из Государственного Казначейства 10.000 рублей...

4. Дозволить иметь свою печать с изображением на оной также Государственного герба... (впоследствии в качестве девиза МОСХ был выбран девиз святого Бенедикта Нурсийского – «Ora et labora» / «Молись и трудись», символически соединившего воедино физическую работу и молитвенное служение. – Авт.).

...Что же касается до просимой Генерал от Кавалерии Князем Голицыным ежегодной суммы; то я бы думал назначить оную, по примеру вольного экономического общества, в то время, когда успехи Московского общества и обстоятельства оного покажут на самом деле необходимость и пользу такового вспоможения. На сей конец и нужно бы постановить, чтобы общество сие ежегодно сообщало сведения о деяниях и упражнении своих Министру Внутренних дел, которое и будет доносить о том Его Императорскому Величеству по учрежденному порядку» [там же, с. 12, 13].

Годом основания МОСХ считается 1820 г., а первым его президентом стал князь Д.В. Голицын.

Для распространения знаний МОСХ основало «Земледельческий журнал», редактором которого был назначен секретарь Общества Степан Алексеевич Маслов (1793–1879; действительный статский советник, российский деятель сельского хозяйства, агроном и писатель). В 1841–1850 гг. журнал стал именоваться «Журнал



Медаль «Благодарное Императорское Московское общество сельского хозяйства». Автор П. Лялин. На лицевой стороне в центре венка из лавровых и дубовых листьев, перевитого снизу лентой, помещено изображение императора Александра I. На оборотной стороне в центре венка из хлебных колосьев, перевитого лентой, прямая надпись «БЛАГОДАРНОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА», сверху по дуге «BENE MERUIT DE PATRIA» (Заслужившему внимание отечества). *Из открытых источников*

сельского хозяйства и овцеводства», в 1851–1862 гг. – «Сельское хозяйство». Издание журнала помогло установить отношения с землевладельцами из разных местностей России, а затем и с заграничными сельскохозяйственными обществами. 15 августа 1822 г. в Москве была учреждена Земледельческая школа при МОСХ, а в 1857 г. МОСХ приняло решение об основании высшей сельскохозяйственной школы, следствием чего 21 ноября 1865 г. при участии МОСХ была основана Петровская земледельческая и лесная академия, с 1889 г. – Петровская сельскохозяйственная академия*. В своей работе МОСХ изучало положение различных отраслей сельского хозяйства, распространяло теоретические и практические знания; заботилось о выработке наиболее правильных способов ведения хозяйства; производило испытания новых культур; устраивало выставки и аукционы; издавало справочную литературу и т. д. С 1873 г. МОСХ получило возможность учреждать губернские отделы Общества; первым из которых был организован воронежский отдел, к 1889 г. их было уже 10, а к 1914 г. – 26. В 1930 г. МОСХ было ликвидировано [Курёнышев, 2012; Козлов и др., 2020; Историческое наследие..., 2020; Козлов, 2021; и др.].

* Началом сельскохозяйственного образования как специальной дисциплины в России считается организованный М.В. Ломоносовым в 1765 г. класс земледельчества при Императорской академии наук и художеств. В 1790 г. в районе города Николаева открыта первая сельскохозяйственная школа, а в 1797 г. под Санкт-Петербургом – практическая школа земледелия [Минеева, 2020].

1.7. Сергей Семенович Уваров – первый президент Академии наук в постнаполеоновский период

В условиях наполеоновских войн и преодоления их последствий Академия наук в течение почти 8 лет (с 3 апр. 1810 г. по 12 янв. 1818 г.) оставалась без президента и пришла в те годы буквально в состояние разрухи. Достаточно сказать, что ее двухэтажное здание на берегу Невы до того обветшало, что в нем опасно было находиться [Виттекер, 1999, с. 175].

12 января 1818 г. президентом Академии наук был назначен граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), который с 16 января 1811 г. уже состоял в Академии ее почетным членом. Вот как описывает представление Уварова в Академии наук в качестве ее президента академик П.А. Плетнёв: 28 января 1818 г. в собрание Императорской академии наук *«прибыл молодой человек лет тридцати, прекрасной наружности, с явными привычками к высшему светскому обществу. Для него приготовлено было посреди Академиков почетное место, которое занял он без притворной застенчивости, с сознанием своих прав и некоторого достоинства. Обращаясь к собранию, он открыл заседание одушевленною речью, в которой прежде всего изобразил, как ему лестно быть Президентом в Академии, с давних пор пользующейся заслуженною славою. Он просил Академиков верить всегдашней его готовности содействовать похвальной ревности каждого из них в обработывании его науки»* [Плетнёв, 1855, с. 5].

По мнению Вернадского, *«с назначением президентом Академии наук графа С.С. Уварова Академия начала выходить из периода упадка и начиналась в ней новая жизнь...»* [Вернадский, 2002, с. 349]. Уварову действительно вскоре удалось увеличить бюджет Академии, завершить строительство многих зданий. В состав членов Академии с 1820 по 1832 г. были привлечены крупные ученые: Х.Г. Пандер (1794–1865; зоолог, эмбриолог, палеонтолог), Е.И. Паррот (1767–1852; физик), К.М. (К.Э.). фон Бэр (1792–1876; естествоиспытатель), В.Я. Буняковский (1804–1889; математик), Э.Х. Ленц (1804–1865; физик), А.Я. Купфер (1799–1865; химик, минералог, физик), Г.И. Гесс (1802–1850; химик, минералог), М.В. Остроградский (1801–1861; математик), Я.И. Шмидт (1779–1847; востоковед-монголовед, тибетолог), А.М. Шёгрэн (1794–1855; языковед, историк, этнограф), Ф.Ф. Брандт (1802–1879; зоолог, палеонтолог), В.Я. Струве (1793–1864; астроном, геодезист) и др. Среди крупных зарубежных ученых членами Академии стали: Жан-Батист-Жозеф Фурье (1768–1830; математик), Карл



Портрет С.С. Уварова работы
О. Кипренского, 1815 г. *Государст-
венная Третьяковская галерея*



Титульный лист брошюры
С.С. Уварова «О преподавании
истории относительно к народ-
ному воспитанию».
Из: [Уваров, 1813]

Фридрих Гаусс (1777–1855; астроном, математик, геодезист), Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832; поэт, мыслитель), Джон Фредерик Уильям Гершель (1792–1871; астроном), Жозеф-Луи Гей-Люссак (1778–1850; химик, физик), Андре-Мари Ампер (1775–1836; физик, математик), Карл Густав Якоби (1804–1851; математик) и некоторые другие.

Благодаря предпринятым С.С. Уваровым мерам Академия наук в короткий срок смогла занять одно из лидирующих мест среди научных учреждений Европы.

С.С. Уваров стал наиболее известен как создатель в 1834 г. идеологии официальной народности. Девиз этой деятельности Сергей Семёнович сформулировал в знаменитой впоследствии формуле «Православие. Самодержавие. Народность», переделав, по мнению некоторых историков, старый девиз военных «За Веру, Царя и Отечество». Формула Уварова стала идеологической основой всей системы гуманитарного образования и воспитания России в XIX в. Тем не менее данная триада оказалась не столь однозначной для понимания. Сам Уваров, судя по оставленным им запискам, понимал православие и самодержавие утилитарно. Самодержавие – как консервативный инструмент управления, без которого Российская империя не могла бы устойчиво функционировать и развиваться. Однако самодержавие для Уварова вовсе не являлось синонимом монархического абсолютизма. В своих

политических эссе Уваров всегда подчеркивал, что абсолютизм – несовершенная политическая форма. Идеальной формой он полагал конституционную монархию. Православие определялась как традиционная, народная и господствующая религия, которую государство обязано было защищать; причем здесь речь шла не только о православии, но и о всякой религии (будь то ислам или протестантизм), господствующей традиционно в той или иной области России. Под народностью имелось в виду единство народов Российской империи и ориентация деятельности самодержца на народное благоденствие.

В 1818 г. Уваров создал Азиатский музей, ставший первым российским научно-исследовательским центром в области востоковедения. Как попечитель столичного учебного округа, Уваров в том же году преобразовал Главный педагогический институт в Санкт-Петербургский университет, организовав в нем обучение восточным языкам, реформировал учебные планы уездных училищ и гимназий. При этом основным орудием (предметом) просвещения Сергей Семёнович обозначил историю: *«В народном воспитании преподавание Истории есть дело государственное. Не каждому гражданину нужно читать Тацита, но каждому необходимо ясное понятие о главнейших происшествиях Истории...»* [Уваров, 1813, с. 2]. Уваров указывал, что именно преподаватель истории формирует у учащихся их национальный характер, с которым неразрывно связана гордость за свою страну и ее героическое прошлое: *«История, на таком основании преподаваемая, образует граждан умеющих чтить обязанности и права свои, судей знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей»* [там же, с. 25].

Особые успехи в области научно-просветительской деятельности Уваров добился в первые десятилетия царствования Николая I, старт которой пришелся к празднованию 100-летнего юбилея Академии, организованного ее президентом в 1826 г. Именно в этот год Сергей Семёнович стал сенатором (22.08.1826), а в 1832 г. был назначен товарищем (с апреля 1832 г.), а затем – министром народного просвещения (1833–1849), действительным тайным советником (02.04.1838).

За преданную службу Отечеству Уваров получил многочисленные награды: Ордена Св. Владимира, Св. Анны, Белого Орла, Св. Александра Невского, Св. Андрея Первозванного. С.С. Уваров скончался в Москве 4 сентября 1855 г. и был погребен в родовой усыпальнице в селе Холм Гжатского уезда Смоленской губернии.

2. ПЕРВОЕ РУССКОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

2.1. Организация кругосветного плавания и его проведение

В 1803–1806 гг. в Российской империи предпринято Первое русское кругосветное плавание [Крузенштерн, 1809, 1810, 1812, 1813 а, б, 1823, 1824, 1826 а, б, 2007; Лисянский, 1812 а–в, 2007; Материалы..., 1940; Зубов, 1954; Пасецкий, 1974; Петропавловск-Камчатский, 1994; Левенштерн, 2003; Пирагис, 2014; Васильев, 2022; Докучаев и др., 2022; и мн. др.]. Его обоснование, подготовка и проведение были осуществлены при непосредственном участии **Ивана Фёдоровича Крузенштерна** (Адама Иоганна фон Крузенштерна).

Император Александр I явно благоволил Крузенштерну, взяв на свое попечение не только организацию кругосветного плавания, но и публикацию дневников путешественника за счет казны в трех томах [Крузенштерн, 1809, 1810, 1812] с приложением карт и рисунков [Крузенштерн, 1813 а, б]. Поэтому неслучайно, что воспоминания Крузенштерна открываются посвящением Государю:

«Всемиловейший Государь!

Первое путешествие Россиян вокруг света, которым я по велению ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА имел счастье управлять, заслуживает быть особо замеченным в летописях Российскаго мореплавания. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО благоволили позволить мне издать в свет описание сего счастливо оконченного предприятия. Теперь, совершив сей труд, осмеливаюсь повергнуть оный к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ежели токмо простое повествование, чуждое всяких витийственных украшений, не совсем недостойно Высочайшаго Имени, которое имею позволение поставить в начале оного. Сие Всемиловейшее позволение служит мне новым доказательством, что с начала путешествия до окончания оного я имел счастье быть удостоенным одобрения ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Преисполненный неизреченною благодарностию за многоразличные знаки ВАШЕГО ВЫСОКОМОНАРШАГО благоволения, с глубочайшим благоговением имею счастье называться,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Всеподданнейший

Крузенштерн» [Крузенштерн, 1809, без указания страниц].

Показательно, что в свои дневники путешественник включил не только сведения о походе, новых землях и народах, но и обстоятельный анализ (социальный, экономический и бытовой) бедственного положения жителей Камчатки. Публикация этих материалов в открытой печати указывает на поддержку императором-преобразователем позиции Крузенштерна, направленной на подъем жизненного уровня населения в дальних уголках империи.

Родился Иоганн Крузенштерн 8 [19] ноября 1770 г. в имении Хаггута близ Ревля (Эстляндия). Достигнув 16 лет, он поступил в Морской кадетский корпус (январь 1785 г.), где русифицировал свое имя и с тех пор именовался «Иван Фёдорович». Первейшим его товарищем стал Юрий Лисянский*, который был младше по возрасту, но поступил в корпус двумя годами ранее. В 1787 г. Крузенштерн досрочно был выпущен из-за начавшейся Русско-шведской войны 1788–1790 гг., где ему довелось поучаствовать под началом Г.И. Муловского**. Осенью 1793 г. Крузенштерн был включен в группу из шестнадцати молодых офицеров, направленных на британский флот для повышения квалификации. Среди командированных оказался и его товарищ по учебе и службе Ю.Ф. Лисянский, ставший в скором времени партнером Ивана Фёдоровича по кругосветному плаванию. Посетив Новый Свет, Индию и Китай, Крузенштерн сумел детально познакомиться с организацией международной торговли, что позволило ему впоследствии составить подробную записку о развитии в России морских торговых

* **Юрий Фёдорович Лисянский** (1773–1837) – русский мореплаватель и исследователь. В 1786 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в Русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1793–1800 гг. стажировался на кораблях британского флота, участвовал в военных действиях в Северной Америке. Командир шлюпа «Нева» во время первой русской кругосветной экспедиции. В 1809 г. вышел в отставку, в 1812 г. опубликовал описание своего путешествия за собственный счет, в 1814 г. осуществил публикацию «Путешествия вокруг света» в Лондоне в собственном переводе на английский язык. Жил в имении Кобрино близ Гатчины, погребен в Александро-Невской лавре. Сын Лисянского Платон дослужился до адмирала.

** **Григорий Иванович Муловский** (1757–1789) – русский морской офицер. В 1787 г. в чине капитана 1-го ранга определен Екатериной II начальником отряда из четырех судов, предназначенных для первого русского кругосветного плавания. Экспедиция не состоялась из-за начавшейся Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., которая на Балтике перешла в войну со Швецией (1788–1790). В период военных действий Муловский получил фрегат «Мстислав», в команду которого были зачислены гардемарины, только что закончившие Морской корпус, – Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский. Эта кампания стала для них боевым крещением. В 1789 г. в чине капитана бригадирского ранга Муловский участвовал в сражении у острова Эланд, во время которого был убит. Со смертью Муловского русское правительство надолго отказалось от плана кругосветных путешествий.



Александр I.
Неизвестный автор,
начало XIX в. Государ-
ственный Эрмитаж

маршрутов вместо сухопутных для доставки грузов из Кронштадта на Камчатку и Русскую Америку, а также продажи востребованных за рубежом товаров, включая пушнину.

Когда в 1799 г. Крузенштерн возвратился в Россию, он сразу предложил императору Павлу I план проведения морского кругосветного похода с посещением дальневосточных владений. Павла проект не заинтересовал, однако его сын Александр I через 3 года принял решение о реализации замысла. Дело в том, что после восхождения на престол новый император стал пайщиком Российско-американской компании (РАК)* и соответственно был напрямую заинтересован в ее развитии. Вскоре Александр I удовлетворил ходатайство главы РАК Н.П. Резанова об отправке грузов в тихоокеанские колонии морским путем.

Мало кто знает, что экспедиция в тот период могла бы вновь не состояться, поскольку государь пожелал, чтобы Крузенштерн стал *«сам исполнителем своего предназначения»*. Как вспоминал Крузенштерн: *«Сие неожиданное последствие привело меня в немалое смущение. Обстоятельства мои переменились и сделали принятие сей возлагаемой на меня важной обязанности несравненно труднейшим против прежнего. Более полугода уже прошло, как я разделял счастье с любимой супругою и ожидал скоро имяноваться отцем. Никакие лестные виды уже не трогали сильно меня. Я намеревался было оставить службу, дабы наслаждаться семейственным счастьем...*

* **Российско-американская компания (РАК)** – полугосударственная колониальная торговая компания, основанная Григорием Ивановичем Шелиховым (1749–1795; русский исследователь, мореплаватель, промышленник и купец) и Николаем Петровичем Резановым (1764–1807; русский дипломат, путешественник, предприниматель). Утверждена указом императора Павла I 8 [19] июля 1799 г. *«О именовании компании, составившейся для промыслов и торговли по Северо-восточному морю промыслов и торговли Российско-Американскою компаниею»* [ПСЗРИ, 1830, т. 25: № 19.030, с. 699–718]. Основная цель создания РАК – установление монополии на торговлю пушниной и освоение новых территорий в Америке. В частности, в параграфе 1 *«Правил для учреждаемой компании»* сказано: *«Учреждаемой компании для промыслов на матерой земле Северо-Восточной Америки на островах Алеутских и Курильских и во всей части Северо-Восточного моря, по праву открытия России принадлежащих, именоваться, под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством, Российскою Американскою компаниею»* [там же, с. 700].

<...>...Но Адмирал Мордвинов объявил мне, что если не соглашусь быть сам исполнителем по своему начертанию; **то оно будет вовсе оставлено** (выделено мной. – В.Б.). Я чувствовал обязанность к отечеству в полной мере и решился принести ему жертву. Мысль сделаться полезным, к чему стремилось всегда мое желание, меня подкрепляла; надежда совершить путешествие счастливо ободряла дух мой, и я начал всемерно пецисся о приготовлениях в путь, неиспытанный до того Россиянами» [Крузенштерн, 1809, с. XXV].

К сказанному надо добавить, что в ту пору никто не мог гарантировать успех плавания и возвращение его участников на родину. Именно поэтому император еще до выхода Крузенштерна в поход принял на себя обязательство выплачивать его семейству по 1500 рублей ежегодно в течение 12 лет.

Экспедицию было решено проводить на двух парусниках, которых еще предстояло закупить в Европе. Назначенный руководителем кругосветного рейса капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн предложил Ю.Ф. Лисянскому, бывшему к тому времени старшему по званию, стать товарищем по экспедиции.

Сам Лисянский в своих воспоминаниях писал: «Долговременное мое с сим отличных дарований человеком знакомство, прежнее путешествие наше в Америку и в Восточную Индию, а наипаче желание быть полезным отечеству при столь важном случае, были причиною, что я, не взирая на старшинство своей службы, с великою охотою согласился совершить сие толико отдаленное путешествие под его начальством с тем однакож, чтобы мне самому позволено было избрать для корабля, управлению моему вверенного, чиновников и морских служителей по собственному моему усмотрению» [Лисянский, 1812 а, с. III–IV]. Крузенштерн так объяснил свой выбор: «Я избрал Капитан-Лейтенанта Лисянского, отличного морского Офицера, служившаго со мною вместе во время последней войны в Аглинском флоте, и уже бывшаго в Америке и Ост-Индии; почему я и имел случай узнать его» [Крузенштерн, 1809, с. 2]. Несомненно, Крузенштерн нуждался в проверенном и надежном помощнике, на которого можно было бы полностью положиться в столь сложном предприятии. Лисянский, по мнению Крузенштерна, в полной мере отвечал этим представлениям.

Повелением императора плавание должно было проходить под флагом Военно-Морского флота, в связи с чем его задачи были значительно расширены. Помимо коммерческих целей в путешествии предусматривались научные работы. Этому предшествовало избрание



Портрет И.Ф. Крузенштерна кисти Я.Ф. Гревизирского, вторая половина XIX в. *Центральный военно-морской музей, СПб.*



Портрет Ю.Ф. Лисянского кисти В.Л. Боровиковского, 1810 г. *Центральный Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, СПб.*

13 апреля 1803 г. Крузенштерна членом-корреспондентом ИАН, которая приняла участие в подготовке научной программы экспедиции и формировании состава участников научной группы. С самого начала странствия каждому кораблю была поставлена своя задача – исследовать определенные районы океана, острова и участки побережья Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. В частности, на Дальнем Востоке Крузенштерну предстояло обследовать Сахалин, Курильские острова и южное побережье Камчатки, Лисянскому – острова архипелага Александра и северо-западное побережье Аляски. Кроме того, экспедиции поручалось установить дипломатические отношения с Японией и открыть рынок Китая для торговли русскими мехами.

Вскоре Ю.Ф. Лисянским в Англии были приобретены парусники водоизмещением 450 и 350 т, названные соответственно «Надеждой» и «Невой». В командование «Надеждой» вступил капитан-лейтенант и начальник экспедиции И.Ф. Крузенштерн, в командование «Невой» – капитан-лейтенант и кавалер Ю.Ф. Лисянский. Кроме того, Лисянским в Англии были закуплены для экспедиции лекарства и самые современные научные приборы, в том числе шесть хронометров, а «также полное собрание астрономических и нужных физических инструментов...» [там же, с. 9]. Приобретенные измерительные приборы были переданы в академическую обсерваторию академику

Фёдору Ивановичу Шуберту*, «принявшему с охотою на себя труд оные поверить...» [там же, с. 9]. Экспедиция получила «знатное собрание морских карт и отборных книг». Кроме того, «драгоценная вещь, которую мы имели, и коюю одолжены достохвальному рвению к общей пользе Барона Цаха**, состояла в прекрасной копии новых Бирговых лунных Таблиц... Нам предоставлено было сделать первое употребление славных таблиц сих, исправленных даже до Апреля сего года. Удивительная верность делает их для мореплавания чрезвычайно полезными. Посредством оных определяется географическая долгота на море с такою точностью, которая превосходит все изобретенные до сего к тому способы» [там же, с. 11].

При подготовке кругосветного вояжа Крузенштерн учитывал опыт участников предыдущих экспедиций, в том числе последнего Третьего путешествия Джеймса Кука***, кругосветного плавания французского мореплавателя Жана-Франсуа де Лаперуза**** и русскую экспедицию 1785–1794 гг. по описанию берегов северо-восточной Сибири и Алеутских островов под руководством И.И. Биллинга*****

* **Фёдор Иванович (Фридрих Теодор) Шуберт** (1758–1825) – русский математик, астроном, геодезист и популяризатор науки немецкого происхождения, иностранный почетный член ИАНХ с 1786 г., академик с 1789 г., ординарный академик по астрономии с 01.07.1803 г. Принимал участие в проверке астрономических приборов для первой русской кругосветной экспедиции. В 1805 г. И.Ф. Крузенштерном в честь ученого была названа гора Шуберта [Комацу] (Тихий океан, остров Кюсю, 31°41' с. ш., 131°15' в. д., в настоящее время русское название на карты не наносится).

** **Франц Ксавер фон Цах**, барон (1754–1832) – немецкий астроном венгерского происхождения. Иностранный почетный член Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и член Шведской королевской академии наук с 1794 г.

*** **Джеймс Кук** (1728–1779) – английский военный моряк, исследователь и первооткрыватель, член Лондонского Королевского общества, возглавлял три кругосветных похода по исследованию Мирового океана в 1768–1771, 1772–1775 и 1776–1779 гг.

**** **Жан-Франсуа де Лаперуз** (1741 – около 1788) – французский мореплаватель. В 1785 г. возглавил кругосветную морскую экспедицию, целью которой стало упорядочивание открытий, сделанных Джеймсом Куком в Тихом океане. Его корабли оставались в Чили, на Гавайях, на Аляске, в Калифорнии, Макао, на Филиппинах, в Корее, России, Японии, Самоа, Тонге и Австралии. Пройдя у побережья Кореи и через Японское море, Лаперуз открыл пролив между Сахалином и Хоккайдо, который ныне называется проливом Лаперуза. 6 сентября 1787 г. Лаперуз посетил Петропавловскую гавань. Погиб со всем составом экспедиции у острова Ваникоро группы Санта-Крус.

***** **Иосиф Иосифович (Осип Осипович) Биллингс** (при рождении Джозеф Биллингс) (около 1758–1806) – английский и российский мореплаватель, капитан-командор русского флота, гидрограф, исследователь восточных берегов Сибири и островов, лежащих около них и Северной Америки. Участник Третьего кругосветного плавания Джеймса Кука (1776–1779), где проводились исследования берегов Аляски, Камчатки и Алеутских островов. Совместно с Гавриилом Сарычевым руководил

(совместно с **Г.А. Сарычевым**^{*}). Оценивая результаты путешествия Биллингса–Сарычева, Крузенштерн, в частности, писал: *«Сия Экспедиция не соответствовала ожиданиям, судя по усилиям и издержкам, употребленным для оной правительством в продолжении десяти лет. Между Офицерами Российского флота находились тогда многие, которые, начальствуя, могли бы совершить сию Экспедицию с большим успехом и честью, нежели как то учинено сим Англичанином. Все что сделано полезного, принадлежит Господину Сарычеву толико же искусному, как и трудолюбивому мореходцу. Без его неусыпных трудов в Астрономическом определении мест, снятии и описании островов, берегов, портов и проч. не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей Экспедиции»* [Крузенштерн, 1809, с. XII].

Зная острый недостаток морских специалистов в российском флоте, Крузенштерн в опубликованных дневниках счел необходимым обосновать отмену исключительного права дворянства на учебу в Морском кадетском корпусе, предложив готовить в Корпусе будущих капитанов и из других сословий. Годных к учебе ребят путешественник предлагал подыскивать в первую очередь среди юнг: *«Я полагал, преимущественно, чтобы возложить на капитанов флота обязанность обращать внимание на корабельных юнок, то есть мальчиков, и по открытии в котором либо оказывающихся дарований представлять о таковом для принятия его в Корпус»*. Путешественник напоминал, что *«Кук, Бугенвиль, Нельсон не сделали бы никогда таковыми, каковыми являлись в своем отечестве, если бы выбирали людей по одному только рождению»*^{**} [там же, с. XX].

русской экспедицией 1785–1794 гг. по исследованию берегов Северо-Восточной Сибири и Алеутских островов.

^{*} **Гавриил Андреевич Сарычев** (1763–1831) – гидрограф, путешественник, русский генерал-гидрограф, адмирал императорского флота, морской министр и член Адмиралтейств-коллегии. Известен как полярный исследователь, основоположник полярной археологии и первый русский прозаик-маринист. Один из руководителей русской экспедиции 1785–1794 гг. по исследованию берегов северо-восточной Сибири и Алеутских островов. В 1802–1806 гг. возглавлял Балтийскую гидрографическую экспедицию, а с 1808 г. руководил гидрографическими исследованиями в России. Почетный член ИАН с 05.04.1809 г. Скончался от холеры 30 июля 1831 г. в возрасте 68 лет.

^{**} Капитан британских Королевских военно-морских сил и всемирно известный мореплаватель **Джеймс Кук** (1728–1779) родился в семье бедного шотландского батрака; руководитель первой французской кругосветной экспедиции 1766–1769 гг. **Луи Бугенвиль** (Бугенвиль) (1729–1811) родился в семье нотариуса, а командующий Британским флотом и национальный герой Великобритании **Горацио Нельсон** (1758–1805) – в семье англиканского приходского священника.

Следуя своим представлениям, Крузенштерн сформировал состав кругосветной экспедиции только из русских моряков и в процессе похода ни разу не пожалел об этом: *«Мне советовали принять несколько иностранных матрозов; но я, зная преимущественныя свойства Российских, коих даже и Английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился. На обоих кораблях, кроме Гг. Горнера*, Тилезиуса**, Лангсдорфа*** и Лабанда, в путешествии нашем ни одного иностранца не было»* [там же, с. 19]. Первые три иностранных участника, о которых упомянул Крузенштерн, составили научную группу, базирующуюся на «Надежде», а доктор медицины Мориц Лабанд, который был родом из Силезии, обслуживал «Неву». Что касается научной группы, то *«Приглашенные и принятые для путешествия Астроном Горнер и Естествоиспытатель Тилезиус должны были по предписанию ожидать нас в Копенгагене. Первый находился уже там, когда мы прибыли, другой же явился через неделю по приходе нашем. Через два дня после сего последнего предстал и натуралист Лангсдорф, коего прозба о принятии в число ученых путешественников прислана была в С. Петербург поздно; в прочем приняли бы его так же, поелику знания его в Естественной истории одобрены были многими сочленами ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии*

* **Иоганн Каспар Горнер** (1774–1834) – астроном, адъютант по астрономии (1806–1808) и иностранный (Швейцария) чл.- корр. ИАН с 21.09.1808 г. Участвовал в первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда» в 1803–1806 гг., выполнял астрономические, картографические и гидрометеорологические работы. Затем в течение двух лет занимался обработкой наблюдений. Работы «О колебании барометра между тропиками», «Степень теплоты морской воды в разных глубинах» и «Удельная тяжесть морской воды» вошли в третий том изданного И.Ф. Крузенштерном отчета о плавании [Крузенштерн, 1812].

** **Вильгельм-Готтлиб Тилезиус фон Тиленау** (1769–1857) – естествоиспытатель и врач, художник-иллюстратор и гравёр, экстраординарный академик ИАН с 12.04.1809 г., иностранный (Германия) почетный член ИАН с 10.09.1817 г., член Геттингенской, Баварской, Королевской Прусской академий наук и Германской академии наук Леопольдина. В 1803–1806 гг. участвовал в первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда» в качестве врача, натуралиста и художника. В 1817 г. возвратился в Германию.

*** **Григорий Иванович (Георг Генрих фон) Лангсдорф** (1774–1852) – немецко-русский исследователь, натуралист и этнограф, иностранный (Германия) чл.- корр. ИАН с 19.01.1803 г., экстраординарный академик ИАН по зоологии с 01.04.1812 по 01.07.1831 г. В 1803–1805 гг. участвовал в первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда», которую оставил 25 июня 1805 г. на Камчатке, чтобы на судне Американской компании «Мария» отправиться к Северо-Западному берегу Америки. Завершил кругосветное путешествие в 1807 г., приехав в Петербург через Сибирь из Охотска. Впоследствии был начальником первой русской экспедиции в Бразилии, где затем долгое время был дипломатическим представителем России.



Слева направо: И.К. Горнер. *Литография Энгельмана*; В.Г. Тилезиус фон Тиленау, 1852 г. *Гос. художественные собрания Дрездена*; Г.И. Лангсдорф. *Национальный музей Рио-де-Жанейро*

Наук. Г-н. Лангсдорф находился сперва в Португалии, потом в Англии, и не прежде как уже по прибытии своем в Геттинген узнал о намерении нашего путешествия. Хотя и отвечали ему, что принять его уже не можно, однако ревность сего ученаго была так велика, что он, не взирая на то, приехал к нам в Копенгаген, чтоб попытаться, не льзя ли победить невозможности» [там же, с. 34, 35].

Общепризнано, что благодаря профессиональной научной команде, первое российское кругосветное плавание внесло значительный вклад в изучение мирового океана, многие отрасли естественных и гуманитарных наук. Участники экспедиции собрали ценные этнографические, ботанические и зоологические коллекции, измерили температуру воды на глубине до четырехсот метров, выяснили причину свечения моря, открыли и нанесли на карту новые географические объекты.

Особо отметим, что кругосветное путешествие стало блестящей школой для подготовки молодых офицеров флота. Так, на шлюпе «Надежда» служили будущие руководители морских путешествий, принеших славу России, Фаддей Беллинсгаузен (1779–1852), Макар Ратманов (1772–1834) и Отто Коцебу (1787–1846).

В «Предуведомлении» к своему труду «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях “Надежда” и “Нева”» Крузенштерн так распределил роли участников экспедиции в выполнение научной программы:

«XII. Карты, находящиеся при сем путешествии, сочинены под моим надзиранием, Астрономом Горнером и Лейтенантами Левенштерном и Биллингсгаузеном. Астрономическая часть снятия берегов

принадлежит однакож больше Г-ну Горнеру, которой не упустил также участвовать в тригонометрических трудах Господ Левенштерн и Биллингсаузен. Все почти карты рисованы сим последним искусным Офицером, который в то же время являет в себе способности хорошаго Гидрографа; он же составил и Генеральную карту.

XIII. Виды берегов и изображения предметов, касающихся до натуральной истории, в Атласе все рисованы Г-ном Тилезиусом. Исторические виды также его работы, хотя Г-н Тилезиус и не был в должности живописца. Как бы ни была принята ученая, особливо Географическая часть сего путешествия, но в художественном отношении всегда будет иметь свою цену богатым и любопытным Атласом, приложенным к оному, и которым я обязан единственно трудам Г-на Тилезиуса...» [Крузенштерн, 1809, с. III, IV].

Выйдя 26 июля [7 авг.] 1803 г. из Кронштадта, шлюпы пересекли Атлантический океан с остановкой на Канарских островах и прибыли в Бразильский порт Дестеро для капитального ремонта и пополнения запасов. В феврале 1804 г. экспедиция обошла мыс Горн и вошла в Тихий океан. Затем «Нева» посетила о-в Пасху, а «Надежда» двинулась к Вашингтоновым (ныне – Маркизским) островам, где парусники встретились.

На Гавайских островах путешественники в очередной раз разделились: «Надежда» направилась на Камчатку и в Японию, а «Нева» – на о-ва Кадьяк и Ситку (старое написание – Ситха, с 1805 г. – о-в Баранова).



Маршрут первой русской кругосветной экспедиции. Путь «Надежды» выделен сплошной линией, путь «Невы» – пунктирной.

Из открытых источников

Хотя оба шлюпа участвовали в одной экспедиции, у каждой команды был свой план работы, расписанный еще в Санкт-Петербурге. Фактически корабли выполняли два самостоятельных плавания: только 375 дней парусники следовали рядом, а 720 дней – порознь. После завершения программы похода «Надежда» и «Нева» в ноябре 1805 г. встретились в Кантоне, нынешнем Гуанчжоу (Китай), где помимо ремонта шлюпов была сделана неудачная попытка договориться с властями о морской торговле. Крузенштерн, в соответствии с инструкциями, рассчитывал, что прибывшее в Пекин российское посольство уже решило этот вопрос. Однако русские посланники к данному времени даже не пересекли китайской границы. Экспедиции при участии британского персонала удалось лишь разово с некоторыми издержками продать привезенную пушнину.

9 февраля 1806 г. оба шлюпа покинули Гуанчжоу. На случай разлуки кораблей Крузенштерн назначил встречу на о-ве Св. Елены, с ожиданием не более четырех дней. Так случилось, что во второй половине апреля у мыса Доброй Надежды парусники из-за тумана разминулись, и Лисянский решился безостановочно следовать прямо в Англию: *«К этому смелому подвигу меня побуждало также и само желание моих подчиненных, которые, будучи в совершенном здравье, только о том и помышляли, чтобы отличиться чем-нибудь чрезвычайным. Я сожалел единственно об одном, что подобное путешествие должно нас разлучить с кораблем «Надежда» до самого нашего прибытия в Россию»* [Лисянский, 2007, с. 329]. Чуть больше четырех с половиной месяцев длился переход «Невы» в Портсмут, что не удавалось еще никому в мире. *«При этом, – как писал Лисянский, – находившиеся на моем корабле люди были совершенно здоровы и не терпели ни в чем ни малейшего недостатка»* [там же].

Крузенштерн, в свою очередь, при заходе на о-в Св. Елены узнал о начале войны России с Францией. В связи с этим мореплаватель, имея на борту всего 12 орудий, принял решение идти на родину окружным путем в обход Шотландии.

В августе 1806 г. сначала «Нева», а через две недели и «Надежда» благополучно вернулись домой. С приходом Крузенштерна в Кронштадт завершилось первое русское кругосветное плавание, которое длилось 3 года и 12 дней.

2.2. Плавание И.Ф. Крузенштерна

На «Надежде» в период плавания при каждом удобном случае проводилась научная работа. Вот как описывает некоторые исследования сам Крузенштерн: *«Сегодня перешли мы северной тропик в долготе 181°56'; западной. Наставшее тогда безветрие продолжалось двое суток. Поверхность моря была без всякаго колебания, и в точном значении слова уподоблялась зеркалу, чего непримечено мною нигде, кроме Балтийскаго моря. Господин Горнер и Лангсдорф пользуясь сим случаем отправились на шлюпке. Первой для испытания в разных глубинах степени теплоты воды; второй для разпространения познаний относительно морских животных, над коими он в сие плавание произвел многия полезныя наблюдения. Ему и в самом деле удалось присем поймать животное, доставившее ему великое удовольствие. Оно принадлежало к породе Медуз, описанное в третьем Куковом путешествии и названное Андерсоном *Onifius*. Господин Лангсдорф осмотрел с точностию сие прекрасное, разпущенное животное. Нельзя сомневаться, чтоб он не издал о нем описания, долженствующаго дополнить сообщенное Андерсоном»* [там же, с. 246].

Особой признательности современников заслуживает художественная работа участника плавания Тилезиуса фон Тиленау. Помимо зарисовок пейзажей, объектов природы или каких-либо научных артефактов, он сумел скрупулезно точно изобразить уникальные татуировки на телах полинезийцев с символикой старинных верований и богов. С древности и до XIX в. эти ритуальные «патутики» играли в Океании большую роль в культовой жизни островитян. На протяжении последующей миссионерской деятельности католических священников традиционное искусство «патутики» было сведено на нет. И сегодня предпринимаемые попытки возрождения этого уникального искусства и его духовного наполнения базируются в первую очередь на портретах татуированных воинов, сделанных академиком Тилезиусом на крупнейшем острове в Маркизском архипелаге Нуку-Хива^{*}. В наши дни эти изображения являются основой для восстановления традиционной культуры и самосознания островных народов.

^{*} Жители Маркизских островов были самыми татуированными в Полинезии: татуировки наносили всю жизнь, начиная с 15–18 лет, и с годами человек мог стать совсем черным, поскольку новые рисунки наносились поверх старых и сливались с ними. У каждого рисунка было свое название и значение, новая татуировка знаменовала важное событие в жизни человека или изменение его социального статуса.



Жители острова Нуку-Хива, покрытые татуировками. Рис. Готлиба Тилеизуса фон Тиленау, 1813 г. Из [Крузенштерн, 1813 б]

Так случилось, что на долю Крузенштерна выпала обязанность по поиску мифического острова близ Японии, «богатого серебром и золотом». В частности, путешественник сообщал, что *«Его Сиятельство Граф Николай Петрович Румянцов* при отправлении нашем из России снабдил меня наставлением, для искания того острова, которого в прежния времена уже искали Гишпанцы и Голандцы многократно. Открытие онаго и поныне весьма сомнительно. Оно утверждается на одних древних, может быть, баснословных повествованиях. Гишпанцы, услышав, что на востоке от Японии открыт богатой серебром и золотом остров, послали в 1610 м году корабль из Акапулки в Японию с предписанием найти на пути сем оной остров и присоединить к их владению. Предприятие сие было неудачно»*. Неудачами заканчивались и последующие экспедиции европейцев. Крузенштерн откровенно отметил в своем дневнике следующее:

* **Николай Петрович Румянцев**, граф (1754–1826) – русский государственный деятель, в годы Наполеоновских войн занимал пост министра иностранных дел. Меценат, коллекционер, основатель Румянцевского музея, покровитель первого русского кругосветного плавания. По поводу необходимости поиска близ Японии неизвестного острова Румянцев 13 июня 1803 г. писал Крузенштерну: *«Вам известно также, что Испанцы древние около 1610 года на данной поверхности нашли остров... Они описывали, что этот остров высок и огромен, населен жителями белыми, взрачными, кроткими, в градожителстве просвещенными, и чрезвычайно богатыми золотом и серебром... мореплаватели после некоторых легких попыток приняли предание Испанское за баснь... Как бы то ни было, но тем доказывается только то, что терпеливому духу предприимчивости осталось еще много делать в истории открытий на Тихом море. Я призываю вас к сему подвигу именем славы России и вашей собственной»* [Крузенштерн, 1812, с. 407, 408].

«Хотя весьма малую имел я надежду быть счастливее моих предшественников в отыскании сего острова, а особливо при пасмурной бывшей тогда погоде; однако, не взирая на то, почитал обязанностию воспользоваться довольно свежим восточным ветром, дабы испытать, не доставлю ли каких либо сведений о таком предмете, о котором с давних времен многие Географы и мореходцы безуспешно помышляли. Широта сего острова нигде не определена точно и есть неодинакова. Разность оной составляет несколько градусов. Почему каждый из мореплавателей и должен избирать параллель по своему усмотрению и следовать по оной к востоку или западу... Густой туман продолжался по прежнему. Сие обстоятельство большие опасностями нам угрожавшее, нежели льстившее успехами, побудило меня оставить дальнейшее искание острова» [там же, с. 249].

Следующим пунктом для «Надежды» стала Петропавловская гавань, откуда осенью 1804 г. И.Ф. Крузенштерн повел «Надежду» в Нагасаки (Япония), чтобы доставить туда русского посла Н.П. Резанова. Однако японцы посольство не приняли, судно было задержано, при этом во время стоянки, продолжавшейся с 11 октября 1804 г. по 17 апреля 1805 г., Крузенштерн наладил метеорологические наблюдения, а японская сторона, запретив какие-либо покупки, оказала помощь в ремонте шлюпа и предоставила продовольствие, в том числе крайне ценную для жителей Камчатки поваренную соль, не взяв за это платы (по возвращении в Петропавловскую гавань Крузенштерн распорядился соль и 75 пудов риса безвозмездно передать нуждающимся жителям Камчатки). В аннотации к VIII главе Крузенштерн так пояснил эту ситуацию: *«Они (жители Камчатки. – Авт.) терпят нужду во всех жизненных потребностях, даже в соли и хлебе. – Надежда снабдила Камчатку солью на несколько лет» [Крузенштерн 1810, с. 240]. И далее: «Сделанный по прибытии нашем кому либо подарок, состоявший из нескольких фунтов соли, почитался важнейшим... <...> ...При сем не могу я никак умолчать и не отдать справедливой похвалы своим служителям, которые оказали величайшее безкорыстие принятием истинного участия во жребии своих собратьев, живущих в Камчатке. По получении нами соли в Японии, объявил я им, что Офицеры не хотят взять из оной своей доли; а потому принадлежит им одним все количество; “вы знаете“ сказал я, “что можете продать ее в Камчатке высокою ценою и получить для себя знатной прибыль; однако, не взирая на то, надеюсь я твердо, что вы роптать не будете, если отдам я всю соль Камчатскому Губернатору, для разделения оной между тамошними жителями, которые*

претерпевают в ней крайнюю нужду“; ни один из них не попротиворечил; все единогласно отвечали: “мы на сие охотно соглашаемся, бедные Камчатские жители долго корабля Надежды не забудут; они станут верно напоминать об нас с благодарностию а сего для нас уже и довольно“» [там же, с. 253–256].

По пути в Петропавловскую гавань Крузенштерн обследовал западный вход в Сангарский пролив, западный берег острова Хоккайдо и побережье Южного Сахалина (заливы Анива, Мордвинова и Терпения). Здесь же он впервые описал айнов (древнейшее население Японских островов) и их быт.

<...>

После высадки Н.П. Резанова в Петропавловской гавани, ремонта и пополнения запасов Крузенштерн вновь вернулся к берегам Сахалина, где в течение месяца продолжил изучение его восточного (севернее мыса Терпения), северного и северо-западного побережий. Экспедицией, в частности, на восточной стороне были описаны новые мысы, вершины и заливы, а на севере – залив Северный с обрамляющими его мысами Елизаветы и Марии. На северо-западной оконечности Сахалина, в заливе, названном Крузенштерном по имени судна – залив Надежды, состоялась встреча с местными жителями* и посещение их деревни: *«Свидание было наше самое приятное. Мы обнимались как друзья... Знав, что коренные жители Сахалина должны быть Аины, коих видели мы много у южной оконечности Сахалина, и не приметив ни одного из них между сими Островитянами, удивился я не мало, что нашли здесь другую породу людей, одинаковых во всем с Татарами. Первое внимание обратили мы на их лодку. По осмотрении оной уверились, что они, принимая нас как приятелей, притворно радовались прибытию нашему; одне и под видом чистосердечия скрывали хитрость и лукавство. В лодке находилось много пик, луков, стрел и саблей... Островитяне видево, что мы хотели потом идти к их селению, старались всевозможно от того нас удерживать. Но когда приметили, что ни что не помогало и мы не оставляли своего намерения; тогда побежали все к своей лодке, стащили ее в воду и начали грести сколько возможно поспешнее к деревне.*

По приходе нашем к оной, увидели мы около 20 ти человек, стоявших в нескольких стах саженьях от жилищ своих. Между ими узнали

* Речь идет о нивхах – малочисленном народе, проживающем на Дальнем Востоке России. Устаревшее название этого народа – гиляки.

мы и приезжавших к нам на встречу. Один из сих показался теперь в пышном, шелковом платье, со многими истканными на нем цветами, и которое сшито было по образу Китайцев. Прочий убор его не соответствовал сему дорожному верхнему платью. Он был без сомнения Начальник селения» [там же, с. 184, 185].

Несмотря на одаривание начальника селения и его жителей подарками, все селяне выразили недовольство в связи с желанием гостей пройти в деревню: *«Сначала мы сопротивления их не уважали, и шли медленно далее со всем своим сообществом. Тогда сбежались они все в кучу, кричали громко и изъявляли выразительно свой страх и ужас; но за нами не следовали. Я не хотел подать сим недоверчивым людям никакой основательной причины к негодованию на наше посещение, возвратился тотчас назад к ним, подошел к Начальнику, взял его за руку и старался вразумить, что мы не имеем ни малейшаго против их неприязненного намерения, в доказательство чего снял с себя шагу. Сверх того обнадежил я, что мы не пойдем в их дома, а только посмотрим на оные в близости» [там же, с. 186].*

Итоги встречи Крузенштерн сформулировал следующим образом: *«Итак в северной части Сахалина не обитают коренные онаго жители (имеются в виду айны. – Авт.). Их добросердечие и кротость, вероятно, были причиною, что они вытеснены оттуда своими соседями, которые безспорно суть Татары, перешедшие с берегов Амура на землю, принадлежавшую собственно Аинам, посредством перешейка, который может быть не давно соединяет*



Вид зал. Надежды. Сев. Сахалин. Рис. Вильгельма Готлиба Тилезиуса фон Тиленау. Из: [Крузенштерн, 1813 б, л. 83]

Сахалин с Татарию. Подобной участи подверглись и коренные обитатели южной части Сахалина, где поселились Японцы, почитающие ту страну своею собственностью, а жителей оныя своими подданными... но Пекинской двор конечно не знает о поселении подданных своих на Сахалине. Сим-то образом истребляется неприметно народ, который населял может быть за два столетия еще Сахалин, Ессо (яп. – Хоккайдо. – Авт.) и большую часть островов Курильских, будучи вытесняем воинственнейшими и сильнейшими своими соседями. Теперь нет уже более сего народа в северной части Сахалина. Между живущими у залива Надежды приметил я только одного, походившего на Аина» [там же, с. 189, 190].

Как первый из европейцев, посетивший Северный Сахалин, Крузенштерн постарался описать жителей селения и их быт. Приведем некоторые фрагменты из наблюдений путешественника: «Обыкновенное платье людей сих составляет парка из собачьяго меху или из кишек рыбьих, которая называется на Кадыяке и Алеутских островах Камлейкою, широкие и длинные ширавары из толстой холстины, и рубашка из синей бумажной ткани, застегиваемая двумя медными пуговицами. Сапоги носят вообще из тюленей кожи, а на голове соломенную шляпу, подобную той, какую обыкновенно употребляет простой народ в Китае...

Их пища должна состоять в одной рыбе; ибо нигде не видали мы признаков земледелия, хотя близ селения и находятся многия великия равнины, казавшиеся по высокой хорошей траве весьма к тому удобными. Мы не заметили даже и мест, где бы разводились огородныя овощи, которыя впрочем как у Китайских, так и у других Татар весьма обыкновенны. Итак пицци из царства растения не имеют они вовсе, равномерно ничего и мяснаго. Кроме собак не видали мы ни домашних четвероногих животных, ни птиц дворовых. Напротив того у каждого дома находились многия сушильни (балаганы), наполненные рыбою, приготовленную особенно хорошо. В чищении и сушении рыбы должны быть они искуснее Камчадалов, по крайней мере живущих около Петропавловска и Нижнекамчатска. Но только у каждой сушильни находилось множество малых червей, покрывавших на дюйм землю, чего в Камчатке мы не видели... ..Домы их довольно велики и построены все, выключая один видимый нами пустой, на столбах высотой от 4 до 5 футов над землею. Пространство между столбов под домами занимают их собаки. На передней стороне дома сделано крыльцо, шириною около 10 футов, на которое всходят по лестнице, состоящей из 7 и 8 ступеней. Дверь



Команда Крузенштерна в Авачинской губе. Фридрих Вейч, около 1808 г.
Национальный музей в Варшаве

находится на самой середине крыльца; она ведет в сени, которые занимают большую часть дома, но совершенно пусты. Таков был дом Начальника, из чего заключить следует и о прочих. Одна только дверь дома Начальника была отворена; но за то охраняли ее два человека, которые не могли впрочем воспрепятствовать нам заглянуть в сени, в коих ничего мы не заметили, кроме стен и второй двери, находящейся прямо перед первой. Сия, вероятно, ведет в покой жен их, которых скрывали они от нас так строго, что мы ни одной не видали. Главнейшею причиною их боязни и нехотения познакомиться с нами короче конечно были их жены, для скртия которых заколотили они двери и окна, что учинено в короткое время, с великою поспешностию собранными досками, укрепленными жердями и гвоздями» [там же, с. 190–192].

Исследуя северо-западное побережье Сахалина, мореплаватель пришел к заключению, что Сахалин является полуостровом. Это вероятное «недоразумение» было опровергнуто только в 1849 г. адмиралом Г.И. Невельским*, который сумел доказать, что устье Амура доступно для входа морских судов и что Сахалин – остров. Тем не менее, учитывая скрупулезность Крузенштерна при изучении географических

* Геннадий Иванович Невельской (1813–1876) – военно-морской деятель Российской империи, русский адмирал (1874), исследователь Дальнего Востока, основатель города Николаевска-на-Амуре. Доказал, что устье Амура доступно для входа морских судов и что Сахалин – остров.

[Лаперуз, 2014]. Однако, подойдя к северному входу в Амурский лиман, парусник встретился с отмелями и сильным встречным течением: *«Лишь только начали приближаться к северной оконечности Сахалина, нашли мы великую разность в тяжести воды морской. Сия разность не может быть приписана реке, здесь впадающей в море, потому находясь в возможной близости к северо-восточной стороне его, нельзя бы было не увидеть его. Близость Амура долженствовала быть тому причиною. Сверх сего была вода мутна и желтоватого цвету* (выделено мной, пояснения см. ниже. – В.Б.)... <...> ...Если бы существовал пролив между Сахалином и Татариею, тогда южные ветры, господствующие по свидетельству Лаперуза чрез все лето, долженствовали бы вгонять соленой воды в Лиман, в который впадает Амур, такое множество, что при выходе оной в северный нами открытой пролив, не может она лишиться всех соляных частиц своих. Но как мы испытали совсем тому противное, то и служит сие ясным доказательством, что между Сахалином и Тартариею вовсе не существует пролива» [там же, с. 202, 203]. Вода явно была опреснена, и Крузенштерн решил, что недалеко от этого места находится устье Амура. Поскольку глубина быстро падала, на воду было спущено гребное судно, на котором лейтенант Феодор Ромберг провел промеры дна. Глубины не превышали 7–8 м и быстро уменьшались к азиатскому берегу. Дальнейшие исследования были прекращены, так как Крузенштерн при всем желании не имел возможности детально обследовать Амурский лиман из-за политических ограничений: *«Сколько я ни желал изведать канал и весь берег Татарии от устья Амура до Российских пределов, что для вернейшаго географического определения сей части почитал весьма нужным; однако не смел отважиться на то ни под каким видом. При вторичном отходе нашем из Камчатки, остерегали меня не приближаться к берегу Татарии, принадлежащей Китайцам, дабы не возбудить в недоверчивом и боязливом сем народе какого либо подозрения и не подать чрез то повода к разрыву выгодной для России Кяхтинской торговли...»* [там же, с. 196]. В своем дневнике он вскоре еще раз повторит: *«...при отходе моем из Петропавловска к Сахалину как то уже выше объявлено, остерегали меня письменно* (выделено мной. – В.Б.) *не приближаться ни под каким видом к берегам Китайской Татарии»* [там же, с. 199]. И далее: *«По окончании нашего изследования Сахалина уверился я точно, что к S (югу. – Авт.) от устья Амура не может быть прохода между Татариею и Сахалином, в чем согласны со мною и все прочие на корабле бывшие и могшие судить о сем. Итак хотя*

следствие подобного предприятия может только быть подтверждение наших заключений, но не взирая на все сие, почитаю я такое предприятие не бесполезным для того, что осталось и еще неизведано пространство, составляющее от 80 до 100 миль, и положения устья Амура не определено с точною достоверностию... <...> ...Поелику я неоднократно уже упоминал о своем мнении, что между Татариею и Сахалином не может быть прохода, и поелику предмет сей может быть останется на долго еще спорным, то я и намерен привести здесь кратко причины, побудившие меня утверждать мое мнение. Оныя основываются собственно на испытаниях, учиненных Лаперузом на юге, а нами на севере от перешейка, соединяющего Сахалин с Татариею. Лаперуз надеялся найти здесь проход в Охотское море, который для него был бы весьма важен; ибо чрез то сократилось бы много плавание его в Камчатку. Он продолжал идти так далеко по каналу, пока глубина позволяла величине кораблей его, которая уменьшалась чрез каждую милю одною саженью...» [там же, с. 200].

Следом, в «Прибавлении» (Примечании. – Авт.) к материалу, Крузенштерном был приведен еще один немаловажный аргумент, связанный с исследованиями британского мореплавателя Уильяма Броутона*, проведенными в этом же районе в 1797 г. и опубликованными в период плавания Крузенштерна: «Капитан Бротон (Броутон. – Авт.), имевший малое судно, которое ходило не глубже 9 ти футов, простер свое плавание с южной стороны к северу между Сахалином и Татариею 8 ью милями далее Лаперуза, где глубина была две сажени, и нашел, что канал оканчивался заливом, вдающимся в землю на три или на четыре мили. Он приказал объехать залив сей на гребном судне и удостоверился, что оной окружается повсюду низменными, песчаными берегами, так что нигде не оказалось ни малейших признаков к проходу. Итак здесь-то открыт им предел великаго залива Татарии...» [там же, с. 203]. Крузенштерн был убежден, что матросы Броутона не могли просмотреть канал, если бы тот существовал, ибо «в таком случае неминуемо заметили бы они течение» [там же, с. 204].

* Уильям Роберт Броутон (Бротон) (1762–1821) – британский мореплаватель, известный своим открытием архипелага Чатем, а также экспедициями к берегам Сахалина и Курильских островов. В частности, в сентябре 1797 г. Броутон обследовал Татарский пролив и 8 сентября 1797 г. достиг острова Монерон. В течение последующей недели Броутон пытался пройти проливом на северо-запад для выяснения географического положения Сахалина. В результате исследователь пришел к выводу, что Сахалин соединен с материком песчаными косами и проход корабля далее невозможен. 16 сентября 1797 г. Броутон прекратил поиск пролива.

Учитывая все сказанное, Крузенштерн однозначно заключил: *«Итак теперь доказано совершенно, что Сахалин соединяется с Татариею низменным песчаным перешейком, и есть полуостров, а не остров. Почему справедливость и требует означаемый на картах со времени Лаперузова путешествия пролив Татарии, изображать и называть заливом оной, хотя весьма вероятно, что Сахалин был некогда, а может еще в недавния времена, островом, как представляется оный и на Китайских картах, но что наносные пески реки Амура соединяли его с матерой землею»* [там же].

Не исключено, что выводы об отсутствии пролива между островом и континентальной сушей Крузенштерном были сделаны на основе сопоставления сведений, полученных в годы с разной водностью Амура, причем при изначальной установке, что пролив в то время существовал. Известно, что в теплый период года основной сток Амура направлен в сторону Охотского моря, и лишь незначительная его часть – в Татарский пролив [Жабин, Дубина, 2008]. По-видимому Крузенштерн проводил свои исследования в условиях высокой водности Амура, когда вода в «канале» была *«мутна и желтоватаго цвету»* [там же, с. 202], а встречное течение – сильное, что наблюдается в периоды крупных паводков, а Лаперуз и Броутон – в условиях крайне низкой водности реки, когда течения в лимане, и особенно в южном направлении сильно ослаблены и при доминирующих южных ветрах могут быть незаметны: *«Но Броутон говорит ясно, что совершенное спокойствие водной поверхности в сем месте, служило для него доказательством, что берег нигде не прерывается...»* [Крузенштерн, 1810, с. 204]. Тем не менее с учетом вышесказанного нельзя исключить вероятность того, что во времена Лаперуза, Броутона и Крузенштерна Сахалин мог соединяться с континентом временным песчаным перешейком в районе современного узкого и мелководного пролива Невельского (наименьшая ширина до 8 км, глубина на фарватере до 7,2 м), впоследствии размытого в результате сочетания гидрологических, тектонических и метеорологических событий.

<...>

Крузенштерн сетовал, что ему не хватило времени для обследования Шантарских островов, т. к. *«опись Сахалина задержала меня более нежели я ожидал; сверх того я был обязан уважить и то, что нам надлежало придти в Кантон в начале ноября...»* [Крузенштерн, 1810, с. 204] для встречи с Лисянским. Таким образом, в начале августа 1805 г. мореплаватель поспешил на Камчатку, где ему для

ремонта шлюпа и пополнения запасов предстояло пробыть еще 4 или 5 недель. Крузенштерн, тем не менее, отмечал: *«Но чтобы плавание наше не было совсем бесполезным для Географии, то и вознамерился я при сем случае определить некоторы места западного Камчатского берега... полагая что оный неопределен еще астрономическими наблюдениями»* [Крузенштерн, 1810, с. 205]. Из-за туманов и штормов попытка завершить описание западной Камчатки оказалась невозможной, в то же время, по пути к Петропавловску Крузенштерн серьезно уточнил координаты о-ва Иона (Охотское море), а также исследовал побережье Парамушира, где описал южный мыс, названный мысом Васильева* (первоначально назывался мысом графа Васильева), и один из наиболее высоких пиков юго-западной оконечности острова, названный пиком Фуса** – *«именем известного в Российских ученых Академика»* [там же, с. 211]. Кроме того, Крузенштерном был открыт «высокий пик», расположенный на южной оконечности Камчатки и получивший название в честь правителя Камчатской области в 1803–1806 гг. Павла Ивановича Кошелева*** [там же, с. 213].

<...>

Во время стоянок в Петропавловской гавани научной группой «Надежды» проводились исследования в окрестностях поселка: собирався гербарий растений и коллекции животных, зарисовались камчатские пейзажи. Например, В.Г. Тилезиус здесь обнаружил камчатского краба, описание которого он поместил в статье «О крабах Камчатки, мокрицах и низших раках» в «Записках Императорской Академии Наук» [Tilesius, 1815]. Сам Крузенштерн составил план Авачинской губы [Крузенштерн 1813 а, л. 10], но главное – в главе

* **Граф Алексей Иванович Васильев** (1742–1807) – крупный финансист и законодатель, первый министр финансов Российской империи (1802–1807), почетный член ИАН (1796), член Российской академии (1801).

** **Николай (Николаус) Иванович Фус** (нем. Nikolaus Fuss; 1755–1826) – швейцарский и российский математик, секретарь Л. Эйлера, адъюнкт по математике Императорской академии наук и художеств (1776), ординарный академик по высшей математике (1783), непреременный секретарь с 17 сент. (исполняющий обязанности с 7 сент.) 1800 г. по 23 дек. 1825 г. Основные научные исследования относятся к областям алгебры, анализа, геометрии, механики.

*** **Павел Иванович Кошелев** (1764 – после 1831) – российский генерал-майор, участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Комендант Севастополя (1800–1801) и Нижнекамчатска (1802–1806), правитель Камчатской области (1803–1806). Сыграл существенную роль в обеспечении первого русского кругосветного плавания.

VIII «О нынешнем состоянии Камчатки» он впервые подробно описал тяжелейшие условия, в которых существовали жители и военный гарнизон полуострова, предложив при этом мероприятия по повышению жизненного уровня населения [Крузенштерн, 1810]. Поражает, например, судьба пос. Паратунка: *«известное довольно из путешествия Кука, сделалось ныне обиталищем медведей. В 1768 году считалось жителей в оном 360 человек; но в 1779 м только 36. Повальная болезнь, свирепствовавшая в 1800 и 1801 годах, истребила и последних»* [там же, с. 234]. Предваряя обрисовку бедственного положения жителей Петропавловска, Крузенштерн заверял: *«При сем должен уверить могущих подозревать меня в пристрастии к сей мало хвалимой земле, что я не привожу и не утверждаю ничего такого, в чем бы не был сам свидетелем, или чего не почерпнул бы из достоверных источников, имев к тому весьма удобные случаи»* [там же, с. 241].

Приведем лишь некоторые факты, отмеченные Крузенштерном:

– *«Не имеющий сведений в повествованиях о сих Российских владениях, при первом взгляде своем на Петропавловской порт почел бы его за колонию, поселенную только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, чтобы могло заставить помыслить, что издавна место сие населяют Европейцы... Берега Петропавловска покрыты разбросанною вонючею рыбою, над которою голодные собаки грызутся за согнивающие остатки, что представляет вид крайне отвратительный. По выходе на берег тщетно будешь искать сделанной дороги или даже какой либо удобной стези, ведущей к городу, в коем не находит глаз ни одного хорошо построенного дома. Оный состоит из бедных, по большей части разрушающихся хижин, из сушилен для рыбы (балаганами там называемых) и из юрт, в которых от нечистоты и сырости воздуха люди, так сказать гниют. Около его нет ни одной зеленеющейся хорошей равнины, ни одного садика и ни одного порядочного огорода, кои показывали бы следы земледелия»* [там же, с. 242–244].

– *«Черной хлеб и рыба без всякой приправы, без уксусу, хрену, перцу и даже без соли составляют все, что как Офицер, так и солдат ставят на стол свой. Перемене в пище и помышлять не можно! Но к чему не привыкает здоровой Российский солдат. Когдаж он болен, то в каком бедственном, беспомощном, находится он тогда положении! Нет ни врачей, ни лекарств ни здоровой пищи! Как может он в таком состоянии даже и при малых болезнях избавляться от смерти!»* [там же, с. 257].

– «Я не мог смотреть на малых детей без сердечного сожаления. Мало стран в целом свете, в коих бы находились дети в таком крайне суровом положении. Естли родители и столько достаточны, что могут иметь корову, каковых однако очень мало; то и тогда детская пища состоит в одном только молоке. Юкола и худой черной хлеб составляют для робенка 12 или 18 месяцев грубую пищу, которая при малейшем болезненном припадке угрожает ему смертью» [там же, с. 263].

– «Жители Камчатки едят редко аргалов, оленей, зайцев, гусей и уток; единственную сему виною недостаток в порохе. Перевоз онаго из областей Европейской России не только сопряжен с великими трудностями и уроном, но и опасен... По сей причине Камчадал, имеющий порох, которой стоит ему так дорого, хранит его для своей собственной безопасности, или стреляет только такого зверя, коего кожа могла бы вознаградить ему за труды и порох; не лзя думать, чтобы употребил он его когда либо для доставления себе куска лакомаго» [там же, с. 272].

– «Малое число оставшихся от поветрия в Камчатке Россиян и природных сей страны жителей не обещает скорого народоразмножения более потому, что женскаго полу в сравнении с мужеским очень мало. Число жителей в Петропавловске простирается до 180; но женскаго полу не более 25» [там же, с. 274].

Исключительное внимание в своем исследовании Крузенштерн уделил положению камчадалов – коренного населения Камчатки (название «камчадалы» изначально применялось к потомкам местных коренных народов – ительменов, айнов, коряков и чуванцев; в наши дни камчадалами называют потомков русских поселенцев смешанного происхождения, живших в XVIII–XIX вв. – Авт.). В частности, мореплаватель писал: «Теперь осталось Камчадалов весьма мало: может быть через несколько лет и сей остаток совсем истребится; однако, не взирая на то, не могу я умолчать о сих честных людях, которые в доброте сердца, в верности, гостеприимстве, постоянстве, повиновении и преданности к начальникам не уступают многим самым просвещенным народам. Совершенное истребление Камчадалов будет великою потерей для сей страны (выделено мной. – В.Б.). Они полезны во многих случаях, а часто даже и необходимы. Камчадалы не живут в городах, построенных Россиянами, но разсеянны во внутренних Камчатки малыми селениями, называемыми Острогами различной величины. После повальной болезни, похитившей в 1800 и 1801 годах более 5000 Камчадалов, осталось в Острогах только

по 15 или 20 человек, а во многих гораздо меньше» [там же, с. 278]. Крузенштерн показал несовершенство налоговой политики, оказавшейся непосильной ношей для коренного населения, ведь «подати» оплачивались по последним переписям мужского населения, без учета потерь от эпидемий: *«Последняя ревизия состояла в 1795 году. После оной в несчастные 1800 и 1801 годы от повальной болезни умерло более 5000 Камчадалов; но не взирая на сие, оставшиеся принуждены были платить подать по числу мужеских душ, записанных по оной ревизии, что для Камчадалов было чрезмерно трудно по тому, что во многих Острогах, в коих было прежде от 30 до 40 музчин осталось теперь по 8 ми и 10 ти только»* [там же, 280, 281].

По мнению Крузенштерна, *«Камчадалы весьма бедны, но могут служить образцом честности. Между ими трудно найти достаточно, но не легко сыскать и обманщика или бездельника... Единственный порок Камчадалов состоит в наклонности к горячим напиткам; но сим обязаны они купцам, старающимся питать оную всевозможно»* [там же, с. 284]. Особое возмущение в связи с этим вызвала у Крузенштерна практика обмана камчадалов купцами при торгах: *«Приехавший в Острог купец подносит тотчас чарку вина своему хозяину безденежно; Камчадал выпивает и просит другую, за которую уже платить должен... Сего последнего дает купец Камчадалу до тех пор, пока он не упадет безчувствен; после сего берет купец у Камчадала всех его соболей, и прочия звериные шкуры, говоря, что Камчадал выпил у него горячаго напитка на столько, чего оныя стоят. Сим образом лишается Камчадал в короткое время всего промышленнаго им в продолжении многих месяцев с великими трудностями. Вместо того, чтобы запасти порохов, свинцом, мукою и другими необходимыми потребностями для себя и своего семейства, променивает он все свое богатство на кратковременное веселье»* [там же, с. 281, 282].

Исследуя природные особенности и хозяйственную жизнь полуострова, Крузенштерн выразил уверенность, что *«В Камчатке можно бы жить столько же хорошо или еще и лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры, совсем разныя от прежних. Бдительное и совестное исполнение начертаний, относящихся до благоустройства и управления Камчатки, есть притом предмет важнейший. Успех в оном по чрезвычайной отдаленности однакож весьма труден. За несколько лет назад знал я Камчатку из описаний, большею же частию и из устных*

известий, которые не редко бывают вернее напечатанных, и основываясь на том, сообщил об оной письменно мое мнение» [там же, с. 249].

Основываясь на собственных наблюдениях, путешественник разработал и обосновал серию мероприятий, которые, по его мнению, могли бы заметно поднять жизненный уровень поселенцев и камчадалов. В их число вошли предложения об экономическом стимулировании регионального земледелия и животноводства, развитии медицинского обслуживания, налаживании работы собственных солеварен, организации охотхозяйств (включая снабжение камчадалов свинцом и порохом) и рыбного промысла, строительстве качественного жилья, создании маломерного флота, выработке системы экономического стимулирования русских поселенцев, ценовой и демографической политики, изменении характера взаимодействия русской администрации и промышленников с камчадалами и, главное, налаживании доставки необходимых грузов и специалистов морским путем. Ведь *«Чиновники и Офицеры, посылаемые в Камчатку должны переезжать 15000 верст и во многих местах с чрезвычайною трудностью. Путь от Якутска до Охотска не только труден, но даже и опасен. Доставка самых легких товаров возвышает цену на оные многими сотнями процентов. Итак каждый, желающий безспорно, что сии люди, долженствующие провести в Камчатке по крайней мере 4 года, заслуживают, что бы определить им достаточное содержание; но если бы они будут усердными исполнителями своих обязанностей, что в таком случае несколько 1000 рублей не будут употреблены напрасно. Определяемых для Камчатки врачей надобно отправлять туда водою потому, что бы можно было им удобно взять с собою всякое платье, мебель, книги, пособия, инструменты и другая не только нужная, но и к изобилию относящиеся вещи, которые необходимы для сохранения в тамошней стране здоровья, и всем сим заботиться на все время своего пребывания» [там же, с. 260, 261].*

После завершения экспедиции Крузенштерн принял живейшее участие в организованном в Петербурге в 1811 г. особом «Комитете для внутреннего устройства Камчатской, Охотской и Якутской областей» под председательством сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля. В комитет, помимо капитана 1-го ранга И.Ф. Крузенштерна, вошли эксперты, хорошо знавшие местные условия: вице-адмирал Г.А. Сарычев, капитан-лейтенант флота Л.А. Гагемейстер (1780–1833; исследователь, в 1817–1818 гг. – главный правитель Русской Америки), профессор Г.И. Лангсдорф (1774–1852; иностранный чл.-корр. ИАН

с 1803 г., адъюнкт по ботанике с 1808 г., экстраординарный академик ИАН с 1812 по 1831 г.). Результатом работы Комитета стало «Новое положение о Камчатке», названное «*О преобразовании в Камчатке Воинской и Гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошняго края*» и утвержденное 9 апреля 1812 г. императором Александром I [ПСЗРИ, 1830, т. 32: № 25.081, с. 282–292].

«Положение» содержало 90 параграфов, объединенных в 4 отдела: «Распоряжения, касательно находящихся в Камчатке войск» [§§ 1–35, с. 282–285], «О образовании новаго управления в Камчатке и о тамошних Чиновниках» [§§ 36–66, с. 285–289], «О улучшении состояния Камчадал» [§§ 67–77, с. 289, 290] и «Некоторые общие распоряжения касательно Камчатскаго края» [§§ 78–90, с. 290–292], детально определявших основные преобразования в управлении полуостровом. «Положением» определялось пребывание начальника Камчатки в Петропавловской гавани с подчинением сибирскому генерал-губернатору. Петропавловская гавань становилась административным центром Камчатки (ранее им был Нижне-Камчатск. — *Авт.*).

Практически все предложения Крузенштерна, в том числе по военно-морским, кадровым и хозяйственным вопросам, отношению к поселенцам и коренному населению (камчадалам), вошедшие в его вторую книгу [Крузенштерн, 1810], нашли свое отражение в новом документе. В частности, в первом отделе «Положения» было указано, что уволенным досрочно в отставку военнослужащим, пожелавшим остаться на Камчатке, предоставлялся ряд существенных льгот для обзаведения семьей и хозяйством: бесплатное отведение удобных для хлебопашества земель, при этом единовременно передавались казенный конный и рогатый скот, казенные землепашотные

25.081. — Апрель 9. Высочайше утвержденное Положение. — *О преобразовании в Камчатке Воинской и Гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошняго края.*

Отд. I. — *Распоряжения, касательно находящихся в Камчатке войск.*

§ 1. Всех нижних чинов и унтер-офицеров Камчатскаго батальона, роты в Удском остроге находящейся, команды штатной, Провиантской и Коммисариатской, выслуживших уazonченный срок, уволить в отставку.

Начальству сдать им распределение по его усмотрению.

§ 5. Таким образом из нижних воинских Чинов останутся в Камчатке те только, кои сами добровольно сего пожелают, с тем, чтобы вступить в звание поселен и управляться в хлебопашестве. Новое сие словие людей, приобщенное к поселенным уже прежде в Камчатке Русским землепашцам, примет название Государственных крестьян, и дети их останутся при них, как дети всех прочих поселен.

§ 6. В следствие сего уничтожить находящиеся в Камчатке Военно-спиртское Отдѣ-

Начальная часть текста Положения «О преобразовании в Камчатке Воинской и Гражданской части...». Из: [ПСЗРИ, 1830, т. 32, с. 282]

инструменты и семенной хлеб. Кроме того, все поселенцы на три года освобождались *«от всяких казенных податей и общественных повинностей»* [§ 8, с. 282]. Для тех из поселян, кто в течение двух лет не покажет успехов в хозяйстве, предписано *«обращать паки в службу для окончания выслуги указанного срока»* [§ 10, с. 283]. В § 11 [с. 283] указывалась, что правительственные закупочные цены на собранный хлеб должны полностью компенсировать крестьянский труд и приносить определенную прибыль с назначением наград *«тем из них (хлебопашцев. – В.Б.), кои преимущественно пред другими поставляет более хлеба...»*. Взамен расформированных камчатских военных подразделений в Камчатской гавани создавалась «флотская экипажная рота» в составе 122 чел., в т. ч. 30 артиллеристов, основная задача которой заключалась в защите Петропавловска [§§ 12–20, с. 283, 284]. Находящимся на Камчатке неспособным к службе по старости или инвалидности казакам назначалось инвалидное содержание [§ 22, с. 284].

Во втором отделе «Положения» управление Камчаткой поручалось особому начальнику на правилах *«сколь можно простых и единообразных»* (ранее в Камчатке действовало «многосложное» Областное правление. – *Авт.*), местопребывание которого определялось в Петропавловской гавани [§§ 36, 37, с. 285]. Начальник назначался из морских чиновников, но должен иметь *«нужные способности для управления толь отдаленной области»* [§§ 40, 41, с. 285]. Главнейшие обязанности начальника Камчатки в части хозяйственной деятельности состояли *«в поправлении состояния жителей поощрением их к промышленности, тамошнему краю свойственной, к хлебопашеству и скотоводству, ровно и в изыскании способов или источников к приращению по возможности доходов казны и к приумножению выгод тамошних жителей»* [§ 43, с. 286]. Всем определенным на Камчатку чиновникам полагалось производство следующего чина по службе, погонные деньги и половинное жалование не в зачет. При увольнении после пятилетнего срока чиновнику также выплачивались погонные деньги и половинное жалование не в зачет, а если этот чиновник показал особые успехи в распространении промышленности и усиления хлебопашества, то ему назначенное половинное жалование переходило в пансион пожизненно. Если же чиновник соглашался остаться на Камчатке на второй срок, то *«по окончании оною с такою ж пользою»* ему назначалось пожизненно полное жалование [§ 59, с. 287].

В третьем отделе «Положения», разъяснявшего права и условия быта коренного населения, заявлялось: *«В отвращении притязаний, какие не редко делают неблагонамеренные Чиновники к Камчадалам под разными видами, **подтвердить строго** (выделено мной. – В.Б.), чтобы никто не касался внутренних распоряжков их в селениях и острожках...»* [§ 67, с. 289]. А для облегчения камчадалам в платеже ясака, который они вынуждены были выплачивать и за умерших в результате эпидемий, на что особо в своем отчете указывал Крузенштерн, впредь ясак должен взиматься *«только с наличного числа душ»* [§ 68, с. 289]. Начальник Камчатки обязан был *«иметь прилежный надзор, чтобы и Камчадалы, внося ясак натурою, не теряли ничего в ценах...»* [§ 71, с. 289]. Особо регулировалась продажа камчадалам на льготных условиях соли, свинца и пороха [§§ 73–75, с. 289, 290]. Запрещалось торговцам и купеческим приказчикам, разъезжающим по Камчатке, развозить в камчадалские селения *«горячие напитки»*, включая *«фруктовые водки и всякого роду спиртовые напитки»* [§ 77, с. 290].

Общие распоряжения, помещенные в 4-й отдел «Положения», касались в основном плана действий по защите Камчатской гавани в случае нападения неприятеля. Эти мероприятия включали в себя организацию боеспособной воинской команды, в т. ч. флотской экипажной роты и особой полицейской казачьей команды, а также



Памятник капитану Клерку и Делилю де ля Кроеру в Петропавловске. Рис. Вильгельма Готтлиба Тилезиуса фон Тиленау. Из: [Крузенштерн, 1813 б, л. 32]

укрепление гавани артиллерией. Сверх того, для защиты Авачинской губы, а также встречи и отвода транспортных судов предусмотрено строительство трех легких канонерских лодок или баркаса и двух четырехвесельных яликов. Принято решение о возобновлении работы казенных магазинов, строительстве казарм и госпиталя. Одной из важнейших мер по облегчению условий жизни населения и развитию региона, предложенных ранее И.Ф. Крузенштерном, была отправка на Камчатку каждые два года транспортного судна и военного фрегата из Кронштадта [§ 85, с. 291]*. Этим судам предписывался заход на Сандвичевы (Гавайские. – *Авт.*) острова для закупки соли для Камчатки и Охотска, как наиболее дешевой. Предусматривалось налаживание и собственного солеварения.

Камчатский начальник по прибытии военных судов был обязан организовать их посылку в Америку, на Курильские и Алеутские острова *«для обозрения живущих там, подвластных России Народов и донесения Правительству о состоянии сих народов и всех вообще Американских селений»*, а также *«для приведения в большее совершенство морских карт отдаленных тамошних мест, и даже к самому открытию при благоприятном случае новых островов»* [§ 86, с. 291]. Последние три параграфа «Положения» касались решения нравственных проблем: *«При сих так сказать вещественных распоряжениях к улучшению состояния Камчатки и ея обитателей, нужно обратить внимание и на нравственность сих последних. Почему предоставить главному духовному Правительству печись всемерно иметь там благонадежных Священников...»* [§ 88, с. 291, 292]. Заключительный 90-й параграф «Положения» был посвящен строительству в Петропавловске церкви *«по неимению там оной»* [с. 292].

<...>

На Камчатке команда «Надежды» исполнила еще одну миссию, связанную с установлением нового надгробного памятника Чарльзу Клерку** – соратнику Кука, место погребения которого первым

* Несмотря на небольшое число камчатского населения, регион, полностью зависимый от центральной России, страдал нехваткой продовольствия. Снабжение Петропавловского порта проходило долгий и сложный путь: Иркутск – Якутск – Охотский порт – Петропавловский порт. Поставка продовольствия и грузов морским путем позволила создать мощный стимул в развитии Камчатки [Васильев, 2022; и др.].

** Чарльз Клерк (1749–1799) – английский мореплаватель, участвовал в нескольких экспедициях, снаряжавшихся для открытий в Южном океане, среди прочих – в кругосветных путешествиях Джеймса Кука 1768, 1772 и 1776 гг. Во время последнего путешествия Клерк был капитаном на «Discovery» (британский корабль, участвовавший

обозначил еще Лаперуз, и астроному Санкт-Петербургской академии наук Людовику Делилю де ла Кройеру*. В аннотации к главе VII Крузенштерн указал, что эта акция была проведена по постановлению офицеров «Надежды» [Крузенштерн, 1810, с. 217]. Рядом с захоронениями была установлена деревянная пирамида: *«На одной стороне оной прибили мы медной лист Лаперузов, на другой живо-написанный Г. Тиллезиусом герб Клерка, а на третьей следующую надпись на Российском языке:*

Англинскому Капитану Клерку,
Усердіемъ Общества фрегата Надежды,
Въ первую Экспедицію Россіяньъ вокругъ свѣта,
Подъ Командою флота Капитанъ-Лейтенанта
Крузенштерна. 1805 го года, Сентября 15 го дня.

На четвертой стороне к югу написано следующее:

Здѣсь покоится прахъ Делиль-де ла Кроѳра,
Бывшаго въ Экспедиціи Командора
Беринга, Астрономомъ 1741 года»
[Крузенштерн, 1810, с. 229, 230].

Кругосветное путешествие Крузенштерна продлилось три года и 12 дней. Отдавая должное научной команде «Надежды», Крузенштерн в 3-м томе своего труда написал: *«Между сочинениями, сию часть составляющими, находятся и такія, кои принадлежат некоторым ученым, в Экспедиции нашей бывшим, и именно: Г.Г. Горнеру, Эспенбергу и Тилезиусу. Я совершенно уверен, что почтенная публика за сія труды их столькоже будет благодарна, сколько и я сам обязан им признательностію за то ревностное усердіе, с каковым они, как во время путешествія, так и при издании сего сочинения непрестанно мне сотовариществовали»* [Крузенштерн, 1812, с. I].

После успешного окончания экспедиции Крузенштерн был избран почетным членом Императорской академии наук (1810), а впоследствии – членом Шведской, Стокгольмской, Геттингенской и Эдинбургской научных академий, иностранным членом Лондонского Королевского общества. Кроме того, Дерптский (ныне – Юрьевский) университет избрал Крузенштерна почетным доктором философии,

в третьей экспедиции Джеймса Кука), и когда Кук был убит, принял командование всей экспедицией. Умер Чарльз 22 августа 1779 г. от чахотки в Беринговом море у Камчатки.

* Очевидно, что Крузенштерн с глубоким уважением относился к Делилю де ла Кройеру и в период плаванія в его честь назвал мыс, находящийся на восточном побережье средней части острова Сахалин.

а Институт Франции – своим корреспондентом. С 1828 г. путешественник стал почетным членом Московского университета. Он был награжден многими орденами, в т. ч. Орденами Святого Георгия 4-й степени (1803), Святой Анны 2-й степени (1805), Святого Владимира 3-й (1806) и 2-й (1826) степени, Белого орла (1834), Святого Александра Невского (1838) и алмазными знаками к нему (1839) и др.

В 1811 г. Крузенштерн был назначен инспектором классов Морского кадетского корпуса, а в 1827–1842 гг. стал его директором, с августа 1827 г. – членом Адмиралтейств-совета. По инициативе Крузенштерна была снаряжена первая научная кругосветная морская экспедиция 1815–1818 гг. под командованием Отто Коцебу (см. главу 3). Вскоре Крузенштерн получил отпуск для подготовки фундаментального «Атласа Южного моря» [1823, 1824, 1826 а, б], за который его создатель в 1836 г. был удостоен Демидовской премии (российская негосударственная премия для ученых, внесших выдающийся вклад в развитие наук, ежегодно вручалась в 1832–1865 гг. по представлению публичного собрания ИАН). После отставки с должности директора Морского кадетского корпуса 14 октября 1842 г. Крузенштерн был удостоен звания адмирала, состоящего при Особе Его Величества. В 1845 г. Крузенштерн совместно с такими российскими учеными, как Ф.П. Врангель, Ф.П. Литке и К.М. Бэр, принял непосредственное участие в создании Русского географического общества (см. главу 5), которое спустя некоторое время стало одним из крупнейших центров географических наук не только в Российской империи, но и во всем мире.

Иван Фёдорович скончался 12 [24] августа 1846 г. Похоронен в Домском соборе Таллина.

2.3. Плавание Ю.Ф. Лисянского

Если возвратиться к путешествию Ю.Ф. Лисянского, то известно, что после расставания с Крузенштерном на Гавайях, «Нева» направилась в сторону Русской Америки к острову Кадьяк (административный центр Русской Америки до 1809 г., зал. Аляска), куда подошла 10 июля 1804 г., однако из-за погодных условий вход в бухту Св. Павла состоялся лишь 13 июля. *«Когда подошли мы к селению, – писал Лисянский в своих воспоминаниях* – крепость нам салютовала 11-ю пушечными выстрелами; а вскоре потом Г. Бандер (помощник правителя РАК. – Авт.) и несколько жителей приехали поздравить меня с благополучным прибытием. Каждый вообразить себе может, с каким чувствованием надлежало мне принять сие поздравление, видя, что я первый из Россиян, предприняв столь трудный и дальний путь, достиг до места назначения своего не только не имея на корабле своем ни одного человека больного, но с такими людьми, которые были тогда еще здоровее прежнего»* [Лисянский, 1812 а, с. 245].

По прибытии на Кадьяк со шлюпа сошел иеромонах Гедеон (Гавриил Федотов), который получил от главы РАК Н.П. Резанова поручение взять на свое попечение кадьякскую школу и образовать из нее «правильное училище» для детей аборигенов**. Гедеону рекомендовалось также среди местного населения настойчиво проводить опыты по внедрению хлебопашества, огородничества, скотоводства [Ляпунова, 1979]. Следом, 14 июля, Лисянский получил просьбу А.А. Баранова*** о помощи в освобождении русского поселения

* В 1812 г. Ю.Ф. Лисянский издал за свой счет книгу под названием «Путешествие вокруг света в 1803. 4. 5. и 1806 годах, по повелению Е. И. В. Александра Первого на корабле Неве, под начальством Флота Капитан-Лейтенанта, ныне Капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского» в 2-х частях [Лисянский, 1812 а, б]. В 1814 г. последовало английское издание в Лондоне в собственном переводе автора, сильно отличавшееся от русского текста [Lisiansky, 1814].

** Российский историк А.В. Гринёв, исследуя причины вооруженного конфликта колошей с русскими поселенцами на о-ве Ситка в 1802 г., писал: *«Другой существенной причиной возмущения индейцев было то, что служащие РАК забирали их детей в “школу” и использовали их там для “рабских” работ. Речь, очевидно, шла об отправке детей-аманатов в школу на о-ве Кадьяк, которую организовал там еще Г.И. Шелихов. Учащиеся этой школы использовались на легких работах для нужд компании. Но, с точки зрения туземцев, это было рабство»* [Гринёв, 1991, с. 132].

*** Александр Андреевич Баранов (1746–1819) – русский государственный деятель, предприниматель, с 1787 г. – почетный член Императорского Вольного экономического общества. В 1790 г. принял предложение промышленника Г.И. Шелихова возглавить управление его Северо-Восточной компанией, реорганизованной в 1799 г.



Шлюп «Нева» в гавани Св. Павла на острове Кадьяк. Рис. Ю.Ф. Лисянского, 1804 г. *Из открытых источников*

на о-ве Ситка (Ситха, совр. – о-в Баранова, архипелаг Александра), захваченного ранее индейцами-тлинкитами (русские поселенцы называли их колошами или колюжами – от *колюжка* – деревянная пластинка, которую тлинкитские женщины носили в проколотой и растянутой нижней губе). Лисянский писал: *«Шедши к Кадьяку я воображал, что в сем году путешествие мое кончится, но ошибся; ибо Г. Бандер на другой же день нашего прибытия вручил мне бумагу от правителя Американской Компани Коллежского Советника Баранова»* [Лисянский, 1812 а, с. 245]. Из бумаги правителя следовало, что парусник, прибыв к берегам Русской Америки, сразу попал в эпицентр крупного Русско-тлинкитского вооруженного конфликта, когда большая группа колошей (по разным источникам – до тысячи и более человек) в июне 1802 г. напала на Михайловский (Ситкинский) гарнизон, численностью всего в 15 чел., захватив *«до трех тысяч шкур морских бобров и прочие меха»* [Тихменев, 1863, с. 88], и на две ситкинские промысловые партии. Считается, что в результате нападения погибло 24 русских и около 200 кадьякских эскимосов, чучачей и алеутов.

Лисянский, понимая *«сколько важно сие занятие Ситкенского селения для Российской торговли»* [Лисянский, 1812 а, с. 245] и, не теряя времени, начал вновь готовиться в поход. Несомненно, появление у берегов Русской Америки 14-пушечного шлюпа с запасом

в Российско-американскую компанию (РАК). Первый Главный правитель русских поселений в Америке (1790–1818). Умер по пути в Россию 16 апреля 1819 г. на корабле «Кутузов» (капитан судна – капитан-лейтенант Л.А. Гагемейстер) недалеко от острова-вулкана Кракатау. На следующий день его тело с пушечным ядром, привязанным к ногам, опустилось на дно Индийского океана.

пороха, ядер и иного вооружения было крайне своевременным и сыграло ключевую роль в восстановлении порядка в русских владениях. Как видно из описания случившегося боя, именно пушки «Невы» решили исход сражения.

Итак, 26 августа Лисянский подошел к Ситке, где уже дежурили 2 судна РАК, ожидая Баранова с «флотилией» байдар и «Неву». Впечатления от увиденного на компанейских судах Лисянский выразил следующими словами: *«В самый день моего приезда был я на обоих Компанейских судах, и нашел на оных большой недостаток. На каждом из них находилось по две шестифунтовых пушки и по два четырех-фунтовых картауна, не было однакож ни пороха ни таке-лажу столько, чтобы могли исполнить предприятие свое с желаемым успехом. Я удивился, как можно было отправить сих два перевозных бота (ибо судами назвать их не лзя), в толь худом состоянии противу народа, который, сделав преступление, употребил все зависяция от него меры для своего защищения и снабдил себя достаточным количеством огнестрельного оружия. И потому войдя в хозяйственное распоряжение сих обоих судов, я приказал начальникам оных требовать от меня всего нужного, а между тем прибавил на каждое из них по две пушки с довольным количеством снарядов»* [Лисянский, 1812 б, с. 6, 7].

Пока правитель Русской Америки находился в пути, команда «Невы» занималась рыбной ловлей и «другими мелочами», проводя время *«в скучной праздности»*, поскольку разъезжать на гребных судах для описания заливов из-за враждебных действий колошей было опасно. Наконец, 19 сентября Баранов на судне «Ермак» и его индейская «флотилия» прибыли на Ситку. *«Требуется великий дар красноречия – писал Лисянский, – чтобы надлежащим образом описать картину, представившуюся мне при выходе из шлюпки. Некоторые семейства успели уже построить шалаши, иные ж еще начинали делать оные, и байдарки ежеминутно приставали к берегу во множестве. Казалось, все окружавшие нас места были в сильном движении; приставшия к оным люди иные развешивали свои вещи для сушения, другие варили пищу, третьи разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить силы своим сном»* [там же, с. 13]. Затем Лисянский уточнил, что *«Партия Г. Баранова была составлена из жителей Кадьякских, Аляскенских, Кенайских и Чугатских. Она, при отправлении из Якутата* состояла из 400 байдарок*

* Русское поселение в зал. Якутат (басс. зал. Аляска) служило перевалочным пунктом

и около 900 человек; но ныне первых считается в оной не более 350, а последних 800. Таковой ущерб в людях приписывают простудным болезням, от которых несколько человек померло, а другие для излечения отправлены назад в Якутат. При ней находится 38 тайонов или старшин, которые управляют своими подчиненными и во всем относятся к Российским промышленникам. Обыкновенное вооружение партии составляют длинные копья, стрелы, и другие орудия, делаемые для промыслу морских зверей, а иногда употребляемые и для защиты. Но на сей раз выдано было ей множество ружей; однако же и сие неприятелей наших Ситкинцов, по видимому, весьма мало устрашает» [там же, с. 15–16].

Переговоры с главой колошей – тойоном Котлеаном, на которых Баранов потребовал сдать индейскую крепость, освободить пленных и передать русским надежных аманатов (заложников, передаваемых в обеспечение выполнения договора. – *Авт.*), потерпели неудачу. 1 октября 1804 г. началась бомбардировка индейского укрепления из корабельных орудий, не имевшая успеха, поскольку калибр орудий был небольшой, частокол толстый, а индейцы укрывались во рвах или подземных ходах. Поэтому Лисянский высадил десант под командой лейтенанта П.П. Арбузова с полевой пушкой, а Баранов и лейтенант «Невы» П.А. Повалишин при четырех орудиях наступали с другой стороны: *«Осаждавшие не теряя ни мало времени и закричав ура, бросились на крепость. Но неприятель, уже давно приготовившийся к сильной обороне, произвел ужасный огонь. Пушки наши действовали также весьма успешно, и крепость была бы непременно взята, если бы Кадьякцы и некоторые Российские промышленники, употребленные для перевозки артиллерийских орудий, не разбежались. Неприятель пользуясь сим случаем, усилил пальбу свою по нашим матросам и в короткое время переранил всех и одного из них убил. ГГ. Арбузов и Повалишин, видя, что нападение было неудачно, решились отступить. В сие время убит был другой матрос, которого варвары подняли на копья. Приметив, что неприятель делает вылазку в намерении преследовать отступавших, приказал я палить с судов, дабы удержать стремление варваров и прикрыть отступление. Г. Арбузов, посадив всех людей своих на гребные суда и взяв с собою артиллерию, возвратился к нам к вечеру. По его словам, если бы все поступали с таковою ж храбростию, каковую показали*

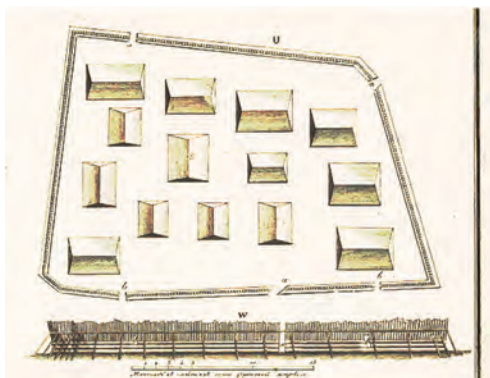
между Кадьяком и более южными поселениями РАК. Уничтожено тлинкитами в 1805 г. С тех пор территория не заселялась.

матросы; то крепость не могла бы долго держаться: пушки были уже у самых ворот, и несколько выстрелов решили бы победу в нашу пользу; но трусость Кадьякцов все испортила. Г. Баранов, Г. Повалишин и все матросы, в деле сем находившиеся, были ранены, из коих один матрос на другой день умер.

2 числа (октября. — Авт.) поутру неприятель, ободренный успехом, производил пушечную пальбу по нашим судам, но не причинил ни малейшаго вреда. Г. Баранов, уведомив меня, что за болезнью (при штурме он был ранен пулей в правую руку. — Авт.) на корабле быть не может, просил принять меры, какия только сочту я нужными, к окончанию начатаго дела. Я приказал с судов, при всяком удобном случае, тревожить неприятеля пушечною пальбою, не делая ни какой высадки на берег. Таковое распоряжение имело желаемый успех. Неприятель принужден был просить мира» [там же, с. 24, 25].

Переговоры начались 3 октября, и, наконец, сам главный тайон согласился покинуть крепость, запросив у Баранова позволения в ней переночевать до рассвета. Однако уже в ночь на 7-го октября основные силы колошей, не доверяя русским, в тайне бежали через горы. Вот что по этому поводу написал Лисянский: «В следующий день (7 октября) поутру, не видя никакого движения, я заключил, что Ситкинцы занимаются приготовлением к выезду из крепости. Спустя несколько времени, заметив, что повсюду насело великое множество ворон, я послал переводчика на берег. Он скоро возвратился с известием, что в крепости, кроме двух старух и мальчика, не было уже ни одного человека. Г. Баранов немедленно послал несколько человек природных Россиян и партовичиков разорить крепость до основания. Надобно думать, что Ситкинцы почитали нас стольже вероломными и злыми, как они сами. Опасаясь, чтобы при выезде их на лодках не произвели мы пушечной стрельбы по оным, решились бросить все и бежать

U — план разоренной крепости Ситкинских жителей; W — крепостной профиль; а — крепостные ворота, б — амбразуры. Внизу — масштаб в сажнях семифутовой меры. Из: [Лисянский, 1812 в, рис. III]



лесом, оставляя нам лодок до двадцати, из коих многия были еще новы. Таким образом за учиненное ими злодеяние они самих себя наказали жесточайшим образом.

8-го числа судьба Ситкинского укрепления решилась. По выведении некоторых вещей, все прочее предано было пламени. Сошед на берег, увидел я самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Злодеи полагая, что по голосу младенцев и собак можем мы отыскать их в лесу, предали всех их смерти» [там же, с. 29–30].

Впоследствии разные специалисты, пытаясь исследовать «глубинные причины» вооруженного конфликта, указывали на некую освободительную миссию «индейской войны» против русских колонизаторов, при которой колоши отстаивали «свои охотничьи угодья и независимость». Между тем не принималось во внимание одно существенное обстоятельство, описанное Лисянским. Мореплаватель, в частности, поведал о визите на «Неву» представителя соседнего хуцновского племени колошей, которые не принимали участия в военных действиях, а сам визитер оказал русской администрации помощь по доставке аманатов от ситкинских индейцев: *«Ныне ж явился он в виде посланника от народа Хуцновскаго с уверением, что они желают жить с Россиянами дружески, и что тайоны давно бы у нас были, ежели бы не опасались помешать нам в продолжении крепостных строений...»* [там же, с. 32–33]. Затем, по завершении миролюбивых изречений, посланник потребовал от руководителей РАК позволения, *«что бы Хуцновские жители взяли Ситкинцов в свое владение, утверждая, что последние не заслуживают ни какой доверенности, и в Хуцнове имеют к ним столь великое пренебрежение, что имя их обратилоя в брань или поношение...»* [там же, с. 33]. То есть речь шла о получении дозволения взять в рабство побежденных ситкинских колошей соседними хуцновскими колошами. Дело в том, что рабство у колошей было широко распространенным и наследственным явлением, что свидетельствует о длительном развитии этого института. Рабами у колошей становились чужеплеменники и их потомство, захваченные во время набегов или купленные у племен юга. Были также рабы из собственного народа, происходившие обычно из отдаленных куанов (территориальных подразделений индейцев) и взятые в плен на войне [Гринёв, 1991]. Здесь необходимо добавить, что рабы в тлинкитском обществе были полностью лишены каких-либо прав (подробнее см. в главе 3). Лисянский свидетельствовал: *«Но здесь такое обыкновение,*

что на побежденный народ нападают все без изъятия и разоряют совершенно, делая пленных своими невольниками. На толь странную прозъбу Г. Баранов отвечал, что он в домашния их обстоятельства мешаться не намерен, а желает иметь дружбу со всеми» [Лисянский, 1812 б, с. 33, 34]. Таким образом, не дав своего позволения на «овладение» побежденных ситкинцев, Баранов тем самым предотвратил порабощение ситкинского племени его ближайшими соседями. Более того, уже на следующий год Баранов в Ново-Архангельской крепости в присутствии Лисянского 18 и 19 июля 1805 г. принимал посольство ситкинских тойонов для заключения мира. Лисянский так описал это событие:

«После полудня (18 июля. – Авт.) съехал я на берег и был при переговорах, по окончании которых Г. Баранов подарил посланнику алой байковой, убранной горностоями капот, а другим по синему; в знакже примирения на каждого из гостей сих приказал он навесить по оловянной медали. Потом посольство было угощаемо; и я с великим удовольствием видел, что в угощении сем участвовали все наши Американцы...<...>...По утру (19 июля. – Авт.) Ситкинцы отправились во свояси; они отъехали также с песнями и в сопровождении наших Американцов. Можно сказать, что со стороны Г. Баранова сделано было все, могущее убедить соседей наших жить в мире и согласии, и потому, ежели они по буйству своему вздумают после сего сделать какой либо вред Американской нашей Компании, то достойны будут строжайшаго наказания. В знак дружелюбия подарил он тайону медный Российский герб, убранный орлиными перьями и лентами. Подарок сей принят был с великим удовольствием» [там же, 119, 120–121].

<...>

После победы над колошами и с наступлением зимы «Нева» 10 ноября 1804 г. вернулась на Кадьяк, где к 16-му числу шлюп был «разоснащен», и команду перевели на берег. В двадцатых числах марта 1805 г. началась подготовка судна к возвращению в Кронштадт, а с 22 марта Лисянский с штурманом Данило Калининым и одним матросом отбыл на трех байдарках для географических съемок. К 12 апреля они составили карту Кадьякского архипелага, Чиниатского залива и гаваней Павловской и Трех Святителей. Последующие пару месяцев Лисянский занимался сбором научных коллекций, астрономическими съемками, знакомился с условиями жизни аборигенов. И если И.Ф. Крузенштерн в своем отчете впервые заявил о бедственном

положении жителей Камчатки, то Лисянский по результатам собственных наблюдений впервые описал трагическое положение эскимосов Алеутских островов, причем столь трудные обстоятельства были, по утверждению путешественника, порождены как некоторыми традициями аборигенов, так и дороговизной любых грузов и товаров, доставляемых в РАК сухопутным путем через Сибирь.

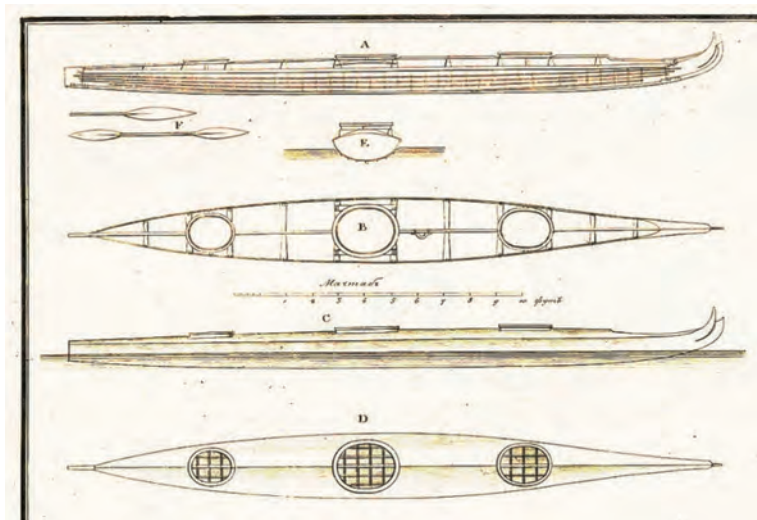
В этом плане полезно ознакомиться с записями беседы Лисянского с индейцами Игатского залива (восточная часть о-ва Кадык): *«После обеда ходил я в Игатское жилище, где кроме одних ребят, не нашел ни кого. Ибо все прочие, пользуясь убылью воды, ушли за ракушками, которые в нынешнее время служат единственною здесь пищею. Мне вздумалось зайти в разные бараборы (которых в здешнем селении находится одиннадцать). В них живет совершенная бедность и неопрятность... После обеда пришел ко мне Игатской тайон с женою. Перекрестясь несколько раз они сели на пол без всяких околичностей, и показывали знаками, что хотят нюхать табак. Я не замедлил исполнить их требования и вступил с ними в разговор. Я старался представить им крайнюю нищету, в которой они по собственному своему нерадению находятся, и объяснял им способы, коими могут они облегчить свою участь и наслаждаться лучшею жизнью. Советовал им строить порядочные дома, на зиму запастись достаточным количеством съестных припасов, и наблюдать во всем чистоту и опрятность. Уверял их, что ежели они разведут огороды, то избавятся от продолжительных и весьма скучных трудов собирать полевые корни. Во время сего разговора я узнал, что хотя китовина почитается у них первою и необходимою пищею, однакож китовых промышленников, во время ловли, почитают нечистыми, а потому ни кто с ними не токмо из одной посуды не ест и не пьет, но даже к ним не приближается. Мне рассказывали о следующем весьма странном суеверии, каковым заражены здешние ловцы: по окончании лета прячут они инструменты свои в пещерах, где тщательно хранят до времени; но всего нелепее есть то, что они крадут тела тех умерших, которые при жизни своей особенно славились своим искусством и разторопностию, и также держат их в пещерах. Сии украденные мумии хранятся, как некоторые говорят, для большего счастья в промысле, а по мнению других, для того, будто из сих тел вытапливается жир или сок, коим намазывают стрелы, дабы раненный ими кит скорее умер»* [там же, с. 41, 42].

Пребывая в начале апреля в гавани Трех Святителей (о-в Кадык) и узнав, что сюда прибыли тайоны из некоторых селений, Лисянский приказал позвать их к себе. При попытке очередных увещаний о выгодах от *«домашнего рукоделия»* тайоны привели в ответ обстоятельства, препятствующие, *«или лучше сказать отнимающие у них способы к рукоделию»*. Лисянский вынужден был с сожалением признать: *«мне стыдно было слушать о сих препятствиях. Тайоны представляли мне, что они не имеют средств покупать инструменты из Компанейских лавок, ибо принуждены бывают платить за самой простой топор два бобра, а за нож по одному. Из всего всякой заключить должен, что не возможно завести хлебопашества в таком месте, где самая необходимая для человека вещи продаются столь дорого»* [там же, с. 49, 50]. Таким образом, Лисянский подтвердил справедливость суждения Крузенштерна о разорительном способе по доставке грузов к дальним окраинам империи сухопутным путем, что *«возвышает цену на оные многими сотнями процентов»* [Крузенштерн, 1810, с. 260]. Между тем как раз в те дни из трюмов «Невы» впервые выгружались доставленные морским путем из Петербурга необходимые колонистам более дешевые товары.

Лисянский восхищался качеством и мореходностью морских байдар, которые строили кадыкские индейцы: *«Кадыкцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые строят они из тонких жердей, прикрепленных к шпангоутам, или лучше сказать к обручам, китовыми усами и обтягиваются нерпачьими кожами, так хорошо вместе сшитыми, что ни капли воды никогда не проходит во внутрь оных. Теперь их три рода в употреблении т. е. трех лючные, двух лючные и однолючные. До прихода Россиян были только два последние, а вместо первых строились байдары или кожанные лодки, из которых в каждую помещалось до 70-ти человек. Все сии суда ходят на малых веслах, и не токмо особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении...»* [Лисянский, 1812 б, с. 96, 97]. При этом Лисянский тут же с недоумением замечал: *«Удивительно, что люди сии, могшие выдумать вышеозначенные суда, оставили почти без всякого внимания самую главную и необходимо нужную в жизни вещь, то есть строение своих жилищ»* [там же, с. 99]. Постройка жилищ (барабор) у эскимосов самая простая: *«для сего выкапывается четырехугольная яма футов до двух глубиною, по углам врываются столбы вышиною футов около четырех, на которые кладутся переклады и довольно высокая крышка на стропилах, стены обиваются стоячими досками; крыша снаружи*

устилается весьма толсто травой, а бока обмазываются землею, так что все строение со внешней стороны походит на навозную кучу. Вообще сказать можно, что Кадыякцы не имеют ни малейшей склонности к наблюдению чистоты, они не для какой нужды не сделают лишнего шагу; мочатся обыкновенно у дверей в кадушки, которых множество стоит всегда в готовности. Воду сию употребляют они для мытья тела и платья, а также и для выделки птичьих шкурок. Правда, что как мужчины, так и женщины великие охотники до бань, но они ходят в оныя только потеть; естли же у кого голова слишком грязна, то моет ее уриною; впрочем платье надевают прежнее, как бы оно запачкано ни было» [там же, с. 100, 101].

Проанализировав сложившуюся в индейских селениях обстановку Лисянский предложил правителям РАК ряд рекомендаций, которые впоследствии были применены на практике: «...надлежит по мнению моему, сделать по крайней мере следующее распоряжение: 1) Все вещи, (кроме дорогих), для одежды тамошних жителей необходимо нужные, и Компании почти ни чего не стояущия, продавать гораздо дешевле людям, ей принадлежащим, без которых она даже существовать не может. 2) Ввести в употребление железныя орудия, без которых не можно ни чего сделать не потеряв напрасно много времени. 3) Не посылать партий на байдарках в отдаленнейший путь, а отправлять оныя на парусных судах до места ловли, и на тех же



Корпус трех-лучей байдары (А, Е, В), то же, обтянутая кожей (С, D), весло (F). Из: [Лисянский, 1812 в, рис. III]

судах привозить их обратно. 4) Оставлять половину молодых людей дома, и не употреблять стариков в тяжкия и летам их не соразмерныя работы, ибо преждевременная их смерть не редко влечет за собою раззорение целаго семейства. Ежели таковыя разпоряжения будут приняты и проводимы в действо, то можно ожидать, что не токмо на острове Кадыяк умножится число жителей, для промыслов необходимо нужных, но и все они мало по малу просветятся и сделаются достойными Высокомонаршаго покровительства гораздо удобнее и скорее, нежели какими либо другими способами» [там же, с. 104, 105].

Помимо всего прочего Лисянский одним из первых обратил внимание общественности на истощительные способы добычи морского зверя, применяемые промысловиками РАК, по сравнению с промыслом аборигенов: «Ситкинские жители в промыслах не могут равняться с нашими байдарочными промышленниками; ибо они бьют морских зверей из ружей по большей части сонных. Впрочем таковой род ловли для них выгоден, по тому что морские бобры не переводятся; напротив того в тех местах, где поживут наши ловцы, оные приметным образом уменьшаются, а напоследок и совсем пропадают. Примером тому служит берег от залива Кенайскаго до входа Креста где ныне и ста из сих дорогих зверей промыслить не можно, хотя в прежние времена партии в один выезд более сего числа доставали» [там же, с. 150].

<...>

14 июня 1705 г. «Нева» перед возвращением на родину вышла к Ново-Архангельску, куда прибыла 22 июня. Лисянский с удивлением обнаружил произошедшие за зиму перемены: «Во время краткаго отсутствия нашего успел он (Баранов. – Авт.) построить восемь зданий, которыя по величине и по виду своему могут почтены быть красивыми и в самой Европе, и кроме того развел пятнадцать огородов по близости селения. Теперь находится у него 4 коровы, 2 телки, 3 быка, овца с бараном, 3 козы и довольно количество свиней и кур. Таковое имущество в стране сей драгоценнее всяких сокровищ» [там же, с. 112, 113].

Кроме того Лисянский не преминул заметить, что «все народы, живущие около остров Ситкинских, принялись за укрепления; а как по проливам ежегодно ходят суда Американских Соединенных Областей и меняют там ружья, порох, и прочие военные снаряды на бобров; то ожидать должно, что земляки наши

в непродолжительном времени окружены будут довольно опасными соседями» [там же, с. 114].

Между тем, 2 июля Лисянский направил штурмана Калинина к горе Эджком (потухший вулкан. – *Авт.*) для отыскания за ней пролива, идущего в гавань Крестовскую, и его детального описания: «7-го числа поутру Г. Калинин возвратился из своего путешествия, исполнив сделанное ему поручение. Он описав вышепомянутый пролив, отделил остров, на коем лежит гора Эджком, и доставил мне случай назвать Крузовым в память Адмирала Александра Ивановича Круза, которому я много обязан» [там же]. Кроме того, вулкан настолько заинтересовал Лисянского, что 21–23 июля вместе с Повалишиным и в сопровождении проводников кадьякцев он совершил сложное восхождение на кратер и исследовал его: «Обойдя жерло сие, я написал на бумаге имена всех бывших со мною и положил оную в кувшин, который велел закласть камнем в знак памяти, что прежде нас никто из Европейцев не посещал сего места...<...>...На сем месте провели мы около трех часов, удивляясь неисповедимому могуществу Творца вселенныя, и возвращались прежнюю дорогою к своим шаламам около вечера» [там же, с. 125, 126].

Наконец, 1 сентября 1805 г. около шести вечера «Нева» вышла в море в направлении Кантона. Одной из задач, возложенных на Лисянского, был поиск неизвестных земель к востоку от Японии. Впередсмотрящие безуспешно наблюдали горизонт, пока в десятом часу вечера 15 октября на 26°43' с. ш. и 173°23' з. д. «Нева» не села на мель посредине коралловой банки. Сбросив за борт запасные реи и стеньги, а потом и пушки, удалось вытянуть шлюп на глубину, однако наутро шквал бросил корабль обратно на мель. Рискуя разбить корабль о кораллы (был поврежден фальшкиль), команда в штормовых условиях сумела спасти судно, а затем и выловить из моря все сброшенные детали. Так был открыт необитаемый остров Лисянского, название которому было дано по настоянию команды*. Несмотря на сильную жару, капитан сошел на берег. Свои впечатления от посещения острова он описал следующим образом: «...не говорю уже о несносном жаре, мы почти на каждом шагу проваливались по колена в норы, заросшие сплетшеюся травою и наполненные молодыми птицами, из коих многие лишились от нас жизни, ибо под

* Остров Лисянского – маленький необитаемый остров в составе Северо-западных о-вов Гавайского архипелага. В 1857 г. король Гавайи Камеамеа IV присоединил этот остров к своему королевству. В настоящее время входит в состав штата Гавайи (США). Гавайское название – Папаапохо.



«Остров Лисянского, у коего корабль Нева стал на мель». Слева: «Мили Итальянские»; справа – «вид острова Лисянского». Из: [Лисянский, 1812 в]

ногами слышан был непрерывной писк. Однакож, не взирая на все встречавшиеся препятствия, дело кончено было к вечеру. Воткнув шест в землю, сперва я зарыл подле онаго бутылку с письмом о нашем открытии сего острова, а потом возвратился на корабль в полном уверении, что ежели судьба не удалит нас от сего места, то надлежало ожидать скорой смерти» [там же, с. 220, 221]. Шлюп при первой возможности покинул эти негостеприимные берега.

Повреждения шлюпа после столкновения с коралловой банкой были столь велики, что Лисянский больше не имел возможности проводить поиски новых земель. Тем не менее по пути в Китай помимо о-ва Лисянского были открыты риф Нева, причисляемый к Гавайскому архипелагу, а к юго-западу от него – риф Крузенштерна. Из Кантона, где удалось выгодно продать меха, капитан «Невы» за 140 дней совершил беспрецедентный безостановочный переход вокруг мыса Доброй Надежды в Портсмут (Англия), но при этом в условиях тумана разлучился с «Надеждой» у юго-восточного берега Африки. 5 августа 1806 г. Лисянский прибыл в Кронштадт, завершив кругосветное плавание, первое в летописи русского флота.

В период своего похода Лисянский проводил систематические астрономические наблюдения, установил координаты многих географических объектов, выполнил ряд самостоятельных съемок на основании которых были составлены или уточнены карты Кадьяка и других островов, прилегающих к северо-западному побережью Аляски.

Проводил регулярные замеры глубин, что было важно для будущих плаваний в мало изученных акваториях. Эти измерения отличались большой точностью и в ряде случаев близко совпадают с современными данными. Капитан «Невы» впервые в морской практике обозначил на картах в Атлантическом океане сильное экваториальное течение в восточном направлении, подтвердив тем самым идею об экваториальном противотечении. «Нева» стала первым кораблем России, пересекшим меридиан мыса Горн и посетившим остров Пасхи. Она проложила надежный маршрут из Кронштадта в Русскую Америку, а в ходе его прокладки открыла остров Лисянского в Тихом океане, а также рифы Нева и Крузенштерна. Кроме того, был установлен своеобразный рекорд безостановочного перехода от Кантона в Портсмут.

Помимо обстоятельных описаний географии и политических событий на Кадьяке, Ситке и его окрестностях, капитан опубликовал несколько словарей жителей островов Русской Америки и этнографические заметки. Коллекции, собранные Лисянским и его людьми на островах, включали праздничные и ритуальные ложки из рога, маски, рыболовные крючки и плетеные сосуды. Индейские предметы быта и культа колошей преимущественно были даром правителя Баранова. Эскимосские изделия были представлены орудиями морской и сухопутной охоты. Собранные коллекции Лисянский разделил на три части, которые были переданы: в музей Адмиралтейского департамента, Кунсткамеру и в дар министру коммерции графу Н.П. Румянцеву, который поместил свою часть в личный Музеум. Пережив ряд реорганизаций, румянцевское собрание Лисянского в 1939 г. поступило в фонд Музея антропологии Московского университета. К коллекции Кунсткамеры был составлен «Реестр». В 1828 г. часть предметов из музея Адмиралтейского департамента также поступила в Кунсткамеру.

После экспедиции Лисянский получил ряд наград, в том числе Орден Св. Владимира III степени, денежные премии и пенсию. В 1809 г. мореплаватель вышел в отставку в чине капитана I ранга. Здесь он занялся приведением в порядок своих путевых записей, которые вел в виде дневника. Жил в имении Кобрино близ Гатчины.

Юрий Фёдорович скончался 22 февраля 1837 г. Погребен в Некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры.

2.4. Послесловие

Общепризнано, что кругосветная экспедиция Крузенштерна–Лисянского обогатила географию и естественные науки новыми открытиями и сведениями о малоизвестных странах и территориях, внесла существенный вклад в исследовании географического положения и природы Сахалина, Курильских островов, полуострова Камчатка и Русской Америки. Государь в память об этом важном событии даже приказал выбить особую медаль.



Медаль «За путешествие кругом света в 1803–1806 гг.», которой награждались моряки, участвовавшие в кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. Учреждена Александром I 15 августа 1806 г. На лицевой стороне изображен портрет Александра I в мундире Преображенского полка. На оборотной стороне в овальном картуше изображен корабль, плывущий по морю. Вокруг корабля в овале надпись: «ЗА ПУТЕШЕСТВІЕ КРУГОМЪ СВѢТА». Сверху и снизу даты путешествия – «1803» и «1806». *Из открытых источников*

Благодаря изысканиям Крузенштерна, направленным на выявление причин бедственного состояния русских поселенцев и коренных жителей Камчатки, в Российской империи было разработано «Новое положение о Камчатке» – передовой на то время законодательный акт, регулирующий экономико-хозяйственные отношения на присоединенных территориях, в котором в широком объеме учитывались права и возможности как поселенцев, так и коренных народов.

Экспедиция Лисянского к берегам Русской Америки позволила защитить экономические интересы РАК и восстановить мир на Ситке. В Ситкинском заливе после одержанной победы над колошами была основана крепость Ново-Архангельск, ставшая в 1808 г. столицей

Русской Америки, а русское влияние полностью распространилось на Архипелаг Александра. С приходом «Невы» повысился престиж РАК среди местных жителей и иноземных купцов, доказана эффективность перевозки грузов в тихоокеанские колонии морским путем. Предложенные Лисянским меры по оптимизации взаимоотношений российских колонистов и американских индейцев были учтены руководством РАН и, как показали дальнейшие события, оказали существенное влияние при сохранения индейских племен Аляски, в отличие от политики европейских колонизаторов и католических миссионеров, приведшей к вымиранию или резкому сокращению численности американских индейцев и жителей Океании (см. главу 3).

Любопытно, что следующая экспедиция, отряженная полностью за счет Российско-американской компании, вновь осуществлялась на шлюпе «Нева» под командованием Леонтия Андриановича Гagemейстера (1780–1833; мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания), который в августе 1806 г. принял командование шлюпом у Лисянского, только что завершившего кругосветное путешествие. В новом походе «Нева» стала первым российским кораблем, посетившим Австралию, а ее капитан стал первым русским мореплавателем, проложившим восточный вариант перехода в Тихий океан, впоследствии названный «путем Гagemейстера». Из-за начавшейся войны с англичанами обратное плавание «Невы» оказалось невозможным. Корабль был оставлен на Камчатке, а экипаж возвратился в Санкт-Петербург сухим путем.

Кругосветное плавание Крузенштерна–Лисянского послужило началом регулярных морских переходов из центральной России на Дальний Восток, а также иных дальних плаваний отечественных парусников первой половины XIX в. В частности, только по инициативе Крузенштерна были снаряжены и отправлены еще несколько научных кругосветных экспедиций, в т. ч. Отто Коцебу (1815–1818; 1823–1826), Михаила Васильева и Глеба Шишмарева (1819–1822), Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева (1819–1821), Михаила Станюковича и Фёдора Литке (1826–1829).

3. КРУГОСВЕТНЫЕ ПЛАВАНИЯ ОТТО КОЦЕБУ

3.1. Организация первого научного кругосветного плавания

В Российской империи практически сразу после победы над Наполеоном были организованы первые исключительно научные кругосветные плавания для исследования Арктики, Антарктики и Мирового океана. Императорская академия наук активно участвовала в разработке научных программ этих плаваний, подборе и подготовке состава научных отрядов [Богатов, 2025 а]. Общее курирование путешествий осуществлял выдающийся мореплаватель, возглавлявший в 1803–1806 гг. первое русское кругосветное плавание, почетный член ИАН Иван Фёдорович Крузенштерн.

Самое первое научное кругосветное путешествие проходило с 18 [30] июля 1815 г. по 22 июля [3 авг.] 1818 г. под командованием увлеченного наукой и путешествиями молодого флота лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу́ (Котцебу́) на бриге «Рюрик» (двухмачтовое судно, водоизмещением 180 т, предполагается, что его длина составляла около 30 м, ширина – 7,1 м, осадка около 2 м; вооружение – восемь орудий, экипаж – 34 добровольца). Экспедиция была призвана обеспечить открытие и освоение северо-западного прохода из Берингова моря в Атлантический океан вдоль берегов Северной Америки. В довершение всего планировалось провести обширные географические и океанографические исследования в Тихом океане (Южном море).

Отто Коцебу родился 19 [30] декабря 1788 г. в Ревеле (ныне – Таллин) в зажиточной дворянской семье. Мать Отто умерла, когда ему еще не исполнилось и двух лет. Его отец Август Коцебу, часто переезжавший с места на место и подолгу живший за границей, почти не занимался воспитанием сына. В восьмилетнем возрасте Отто был отправлен в Морской кадетский корпус, а в 15 лет в качестве юнги-добровольца стал участником первого русского кругосветного плавания (с 1803 по 1806 г.) на парусном шлюпе «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна (брата мачехи Отто). Вернувшись в 1806 г. в Россию, Коцебу получил свой первый офицерский чин мичмана, а в 1811 г. был произведен в лейтенанты.

Вскоре на долю Отто Евстафьевича выпала честь возглавить первое российское научное плавание вокруг света, по окончании



Герб рода Коцебу.
Из открытых источников



Капитан-лейтенант Отто Коцебу
(Котцебу). Из: [Коцебу, 1821 а]

которого молодой офицер опубликовал свои дневники и материалы в 3 частях под характерным для того времени длинноватым названием «Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода предпринятое в 1815, 1816 и 1817 годах иждивением его сиятельства, господина государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева на корабле Рюрика под началом флота лейтенанта Коцебу» [Коцебу, 1821 а, б; 1823] с персональным посвящением графу Николаю Петровичу Румянцеву (1755–1838; государственный деятель, почетный член ИАН с 14 марта 1810 г., крупный меценат), снарядившему экспедицию Отто. Со страниц этих изданий перед нами предстает *«Облик Коцебу, гуманного и просвещенного мореплавателя, человека редкой наблюдательности и оригинального ума...»* [Тумаркин, 1981, с. 4]. Опубликованные книги позволяют читателю познакомиться не только с делами, но и с образом мыслей и этических взглядов одного из крупнейших русских мореплавателей XIX в.

Показательно, что «Введение» к дневникам Коцебу было сочинено И.Ф. Крузенштерном сразу по окончании похода – в декабре 1818 г. Знаменитый путешественник отметил исключительную роль нового плавания: *«В продолжение нескольких уже столетий две важныя задачи занимали Географов, особенно мореплавателей. Задачи сии суть: отыскание матерной земли в странах южнаго полюса, и открытие в севере морскаго прохода из Атлантическаго моря в Южный океан, или же обратно из Южнаго океана в Атлантическое море. Первая задача была решена безсмертным Куком... Вторая задача осталась еще и до ныне предметом умозрительных предположений и усиленнаго напряжения в опытах. В течение трех*

сот лет сряду тщетно искали сообщения обоих Океанов» [Крузенштерн, 1821 а, с. III–IV]. Крузенштерн подчеркивал: «При всем том не предпринято нами еще в большом виде такого путешествия, коего цель состояла бы и с к л ю ч и т е л ь н о (разрядка оригинала. – Авт.) в распространении учености по части Географии, Естественной Истории и Физики» [там же, с. XXII]. Иван Фёдорович особое внимание обращал на значимость астрономических изысканий: «...не могу не повторить еще раз, что мы на всем берегу Сибири, от Вайгацкаго до Берингова пролива, следовательно на пространстве 130 градусов долготы, не имеем еще ни одного пункта, коего долгота и широта определены были бы астрономическими наблюдениями, и что мы отнюдь не знаем, как далеко простирается северная оконечность Азии, а потому самому и не можем с точностию исчислить плоскостнаго содержания Сибири» [там же, с. XXVI, XXVII].

Крузенштерном для первого научного путешествия при участии академика Августа Лерберга (1770–1813; историк, адъютант ИАН с 1807 г., экстраординарный академик с 1810 г.) было составлено подробное «Обозрение всех Путешествий, предпринятых к отысканию кратчайшаго пути из Атлантического в Южный Океан» [Крузенштерн, 1821 б]. Кроме того, мореплаватель разработал для экспедиции «Мореходные инструкции» [Крузенштерн, 1821 в], разделенные на 3 периода: «Плавание по Южному океану», «Исследование внутренности Америки» и «Возвратный путь в Европу».

Еще одну инструкцию для Коцебу – «Об астрономических и физических наблюдениях, во время путешествия его на корабле Рюрик», подготовил Иоганн Горнер (1774–1834; астроном, адъютант ИАН по астрономии с 1806 г., иностранный чл.-корр. с 1808 г.). Наиболее общее предписание данной инструкции гласило: «...”внимательно наблюдать каждое необыкновенное явление и описывать оное подробно”, особенно же **измерять** все, что **подлежит измерению**» [Горнер, 1821, с. CXLIX] (в тексте инструкции здесь и ниже выделено Горнером. – Авт.). Помимо подробнейшего руководства по постановке астрономических наблюдений и «описи берегов и изображение оных на картах», в наставление был включен впечатляющий перечень иных наказов, основные из которых приведены ниже.

«– К общим наблюдениям, не менее важным для науки мореплавания, как и для физики, принадлежат преимущественно исследования состояния атмосферы в отношении тяжести и степени теплоты или стужи. Отличная простота, точность и удобность обоих потребных к тому инструментов (барометра и термометра)

соделывают оные также совершенно способными к употреблению на море...

– Перемены состояния атмосферы связаны с действующею силою всякаго мореплавания, то есть, **с ветром**. Поелику же наблюдение онаго составляет уже само по себе ежечасное занятие мореплавания...

– ... в Океане существуют два большия главныя течения, из коих одно по поверхности моря имеет направление от Экватора к полюсам, а другое в глубине имеет свое действие от полюсов к экватору. Весьма полезно будет, если мореплаватель обратит внимание на те явления, которыя послужить могут к подтверждению или к опровержению означеннаго мнения...

– Слишком мало еще употребляемое средство к узнаванию больших морских течений, есть бросание в море крепко закупоренных бутылок, содержащих в себе записку, с означением на оной числа и тогдашней долготы и широты корабля... а посему должно бы мореплавателю запастись некоторым числом таковых бутылок...

– Другое явление движения моря суть **валы** морские. Теория сего движения еще весьма несовершенна, и самый предмет столь скоротечен и мало удобен к объятию, что и общия даже определения длины, ширины, вышины и скорости сих водных масс, приемлющих однако же чрезвычайно разнообразные виды, могут споспешествовать к распространению сведений в математической физике.

– В связи с прочими мореходными упражнениями состоит также исследование **глубины** моря, познание коей особенно важно для физической Географии.

– К особнным свойствам моря принадлежит преимущественно **соленость** морской воды... А как от количества соли растворенной в воде, зависит и тяжесть последней, то определение удельной тяжести морской воды преподает удобный способ к определению соответствующаго количества содержащейся в оной морской соли...

– Не довольно еще исследована связь, в которой находится соленость морской воды с весьма важным вопросом о количестве ежедневнаго **испарения** сей огромной водяной поверхности. Исследования о сем могут всего удобнее произведены быть посредством ареометра...

– Исследование **степени теплоты** морской воды, как на **поверхности моря**, так и в **глубине**, чрезвычайно важно для общаго познания климатов... Непрерывный ряд наблюдений над степенью теплоты морской воды, произведенных в одинаковое время года и в одинакой

глубине чрез каждые пять градусов широты, начиная от экватора до полюсов, доставил бы нам общия заключения о средней степени нагревания земного шара...

– К действиям зависящим от температуры морской воды принадлежит также явление **образования льда** на море в большом виде. Во первых обязан мореплаватель определить всеми возможными способами величину плавающих ледяных громад... На сей конец нужно определить посредством опытов, на месте чинимых, удельную тяжесть льда... Весьма желательно бы было получить, как верные рисунки таковых ледяных гор, которыя образовались сгромождением ледяных гор, скользивших один на другие...

– Наконец заслуживает еще внимание мореплавателя, наружные, взор поражающия свойства морской воды, и именно, ея **цвет**, ея **прозрачность**, также **издавание** морем **света** во время ночи...

– Надлежит нам еще упомянуть о явлениях в атмосфере светящихся, и именно, о **северном сиянии**, о **огненных шарах** и о **падающих звездах**» [там же, с. CLVII–CLXXIX].

3.2. Кругосветное плавание на бриге «Рюрик»

Стартовав из Кронштадта 18 июля 1815 г. (здесь и далее все даты приведены в старом стиле. – *Авт.*), экспедиция первую остановку сделала в Копенгагене, где к ней присоединились приглашенные ученые Адельберт фон Шамиссо (1781–1838; немецкий ботаник и зоолог) и Мартин Вормскильд (Мортен Вормшёльд) (1783–1845; датский ботаник, покинул экспедицию на Камчатке, где последующие два года путешествовал самостоятельно). Важная роль в успешном решении научных задач плавания отводилась входившим в состав команды парусника врачу Иоганну Фридриху фон Эшшольцу (Эшгольцу) (1793–1831; натуралист, профессор анатомии Дерптского университета) и художнику Людвигу (Логгину) Андреевичу Хорису (1795–1828).

В Копенгагене Коцебу нашел судового кока: *«зная из прежних опытов, сколь трудно в жарких странах должность корабельного повара, и сколь вредное влияние имеет климат на тех людей... Я нашел уроженца Западной Индии, которого мы приняли: он перенес счастливо все путешествие, хотя даже под самым Экватором не отходил от огня»* [Коцебу, 1821 а, с. 10]. Затем «Рюрик» с остановками в Хельсингёре и Плимуте вышел в Атлантический океан, где для пополнения запасов посетил гавань Санта-Крус на острове Тенерифе и бразильский порт на острове Святой Екатерины. Близ мыса Горн парусник попал в шестидневный жестокий шторм, во время которого Коцебу чуть не погиб: *«Одна волна, попавшая в корабль с кормы, причинила нам много вреда, и едва не лишила меня жизни; я был на шканцах для соблюдения всякой осторожности и для смотрения за управлением корабля, но не мог предвидеть никакой опасности, как вдруг сия волна сбросила меня за борт. Я вцепился в пук веревок, и таким образом был спасен. После того приметил я все опустошения, причиненные сею бедственной волною: все перилы, подле которых я стоял, были раздроблены; даже крепкие члены, составляющие пушечные амбразуры, были сломаны, а пушка переброшена на другую сторону: к счастью не попала она при сем случае в человека, которого бы непременно убила...»* [там же, с. 32].

Важнейшей политической миссией экспедиции стала демонстрация российского военно-морского флага в иностранных портах. Вот как, например, в этом плане Коцебу описал посещение порта Талкагуано (центральная часть Чили): *«Едва стали мы на якорь, как Комендант города Дон Мигуель Риваса, Подполковник Испанской*



Слева направо: Адельберт фон Шамиссо. Robert Reinick, 1831 г. *Из открытых источников*; Мартин Вормскильд. Bertha, 1949 г. *Из открытых источников*; Иоганн Фридрих фон Эшшольц, 1829 г. *Из: [Zoologischer Atlas..., 1829]*; Людвиг (Логгин) Андреевич Хорис, 1850 г. *Из открытых источников*

пехоты, прибыл со своим адъютантом к нам на корабль и после первого приветствия спросил, к какой мы принадлежали нации? (Российский военный флаг был здесь совершенно неизвестен). Узнав, что мы Русские, не мог он скрыть своего изумления; между тем однако же принял вид учтивый и сказал: “с тех пор, как свет стоит, никогда Российский флаг не развевался в сей гавани; вы первые ее посетили! Мы радуемся приветствовать у себя народ, который в царствование Великого Александра, жертвуя собою, доставил Европе свободу”» [там же, с. 35].

После пребывания в Талкагуано, в соответствии с инструкциями, Коцебу безуспешно пытался обнаружить значившиеся на картах мифические «Дависову землю» и «Вархамову скалу». Затем, 28 марта 1816 г., капитан «Рюрика» подошел к острову Пасхи с намерением изучить его внутреннюю часть, но из-за враждебного настроения островитян отказался от этого занятия: *«Я наверное надеялся, что люди сии, оказавшие столь великую доверенность Лаперузу (выдающийся французский мореплаватель XVIII в. – Авт.), встретят и нас с таковым же чистосердечием; но, к величайшему изумлению моему сего не последовало»* [там же, с. 46, 47]. При попытке высадиться на берег Коцебу увидел, что знаменитые огромные каменные статуи сброшены со своих пьедесталов и разрушены: *«Недоверчивое обращение островитян заставило меня думать, что они может стать поссорились когда либо с Европейцами, и что сии последние отметили им за то, разрушением их статуй. Удивило меня также, что во все времена деятельной мены нашей на берегу и в воде не видно было ни одной женщины, на докучливость коих предшественники мои жаловались, и сие еще больше утвердило меня в предположении*

моем, что Европейцы конечно в недавнем времени производили здесь великаго рода безчинства. Удостоверясь в том, что добрые островитяне ни под каким видом не позволят нам пройти во внутренность земли, и замечая притом, что шлюбки наши подвержены опасности от сильных волн, я старался возвратиться к своим судам; но и должно было сделать несколько выстрелов ружейных, чтобы оградить себя от их (островитян. – Авт.) докучливости и очистить себе дорогу. Мы одарили их еще несколькими кусками железа и поспешили потом на Рюрик, поелику всякое дальнейшее здесь пребывание причинило бы только, в сих обстоятельствах, одну потерю времени, для меня весьма драгоценнаго» [там же, с. 51, 50].

Впоследствии на Сандвичевых (Гавайских) островах капитан английского брига Александр Адамс объяснил причину столь неприязненного отношения жителей Пасхи к европейцам. Оказалось, что один из американских капитанов в 1805 г. злодейски, после кровопролитного сражения, захватил на острове 12 мужчин и 12 женщин, заковал их в оковы с намерением перевезти в Массфуэро (ныне – о-в Алехандра Селкирка, архипелаг Хуан-Фернандес, входит в состав островной части Чили), чтобы основать там колонию, «*исключительное занятие которой состояло бы в ловле морских котиков*» [там же, с. 52]. По прошествии 3 дней, когда оковы были сняты, все захваченные мужчины бросились в море, женщины также хотели за ними последовать, но были силой удержаны. Подобрать беглецов на спущенную шлюпку не удалось, «*ибо коль скоро она приближалась к пловцам, то сии последние ныряли в воду, и сострадательное море принимало их в свою защиту. Наконец представил Капитан людей сих на произвол судьбы, женщин же привез на остров Массифуэро, и часто еще возобновлял покушения свои, похищать людей с острова Пасхи*» [там же].

По пути к Камчатке Коцебу обнаружил несколько новых, по его мнению, островов. Методика их поиска была крайне проста: «*Основываясь на многократных опытах, я могу кажется смело утверждать, что появление большого числа морских птиц, особенно же пеликанов, может служить мореплавателю вернейшим признаком близости необитаемого острова; но сие относится токмо до стран, лежащих между поворотными кругами (тропиками. – Авт.). Легко можно заметить, что при захождении солнца все сии птицы летят по одному направлению (исключая тех, кои и во всю ночь остаются на море); по чему, следуя за ними, можно найти их обиталище*» [Коцебу, 1821 а, с. 56].

Итак, Коцебу, ориентируясь на полеты птиц, 16 апреля в пределах архипелага Туамоту обнаружил небольшой остров, названный им Сомнительным из-за неуверенности, не является ли он островом «Собачьим», открытым еще в 1616 г. голландцем Шоутоном (Скоутоном): *«Надо полагать, что вблизи находится еще несколько таких островов: это доказывается бесчисленным множеством морских птиц, которых мы видели в продолжение минувших двух дней и которые никак не могут гнездиться на одном виденном нами острове»*. 20 апреля в районе того же архипелага был обнаружен еще один *«маленький остров, длиною в 3 мили, отличавшийся от острова Сомнительного тем, что на нем не видно было озера (лагуны. – Авт.), а вместо того множество кокосовых деревьев, возвышавшихся гордо над прочими»*. Капитан «Рюрика» писал: *«На сей раз уверен я был в том, что имел полное право назвать сие новым открытием. Мы все страстно желали пристать здесь к берегу, и единодушно решились, не смотря на все опасности, удовлетворить сему желанию»* [там же, с. 58]. В понимании Коцебу это было первым достоверным открытием новой земли: *«Я почитал себя несказанно счастливым на сем маленьком островку; при всей незначительности сего открытия, не променял бы я чувствуемого мною от того душевного удовольствия на все сокровища в мире!...<...>... Достигнувши до того места, у которого мы пристали, я велел подать бутылку вина; мы пили за здоровье Его Сиятельства Графа Николая Петровича Румянцева при громком восклицании ура! и я назвал остров сей по его имени (ныне атолл Тикей. – Авт.). Мы подняли флаги на наших шлюбках и сделали несколько ружейных выстрелов; на Рюрике, где ожидали сего сигнала, поднят был Императорский флаг и производилась пушечная пальба»* [там же, с. 60, 61].



Каное аборигенов Туамоту. Акварель Л. Хориса. Из открытых источников

22 апреля в 9 ч. с салинга вновь был обнаружен берег: *«Я не мог сомневаться в том, что остров сей есть также новое открытие, почему и назвал оный по имени прежняго моего начальника Адмирала Спиридова (ныне атолл Такапото. – Авт.)»* [там же, с. 62]. На следующую день в северо-западной части Туамоту была открыта еще одна цепь мелких необитаемых островов: *«Дорожа каждою минутою времени, я принужден был оставить дальнейшее исследование цепи и наименовал новое сие открытие ее цепью Рюрика (ныне атолл Арутуа. – Авт.)»* [там же, с. 64, 65]. Через некоторое время экспедиция вновь достигла новой земли, состоявшей также из небольших соединенных рифами коралловых островов, протяжение которых составляло 13 миль: *«Острова сии образовали сомкнутый круг, который можно легко узнать по находящемуся внутри онаго озера (лагуне. – Авт.), в середине коего есть остров, покрытый густым лесом. Поелику группа сия есть, без сомнения, новое открытие, то и назвал я оную по имени Капитана Крузенитерна, под начальством коего я совершил первое путешествие вокруг света»* [там же, с. 67].

Далее, следуя инструкции, «Рюрик» взял курс к так называемым Бауманновым островам, *«но не усмотрели никаких признаков, заставляющих обыкновенно заключить о близости земли... Теперь направил я путь к Пенриновым островам (атолл Пёнрин. – Авт.), виденным обретателем оных только издали, и никем в последствии времени не исследованным; но как сие самое должноствовало продлить плавание наше, то и нашел я в необходимости уменьшить обыкновенную порцию воды и давать с нынешняго дня каждому только по одной кружке»* [там же, с. 68, 69].

30 апреля участники экспедиции увидели, наконец, Пенриновы острова: *«Мы приведены были в удивление, когда нашли, что острова сии покрыты густым лесом из кокосовых дерев, но крайнее восхищение овладело нами, когда мы увидели поднимавшийся дым, служивший нам доводом, что эта небольшая купа (группа. – Авт.) островов, весьма удаленная от других обитаемых земель, населена людьми»* (там же, с. 69). Коцебу наладил с островитянами меновую торговлю: *«Мена производилась весьма живо и чрезвычайно шумно; каждый старался предупредить другаго в том, чтобы сбыть свои товары, и таковыя их усилия простирались иногда до того, что лодки их опрокидывались; при всем том однако же и самый жестокий спор оканчивался всегда только смехом и шутками... Судя по росту и сил сих островитян, можно сравнить их с жителями Мендановых островов; даже вид лица кажется тот же... Подобно всем островитянам Южнаго*

моря, они имеют веселый и ребяческий нрав... Странно и примечания достойно, что жители Пенриновых островов не испещряют себя узорами, и в том отступают от обычаев всех других островитян Южного океана...» [там же, с. 71, 72].

Наконец, 19 мая «Рюрик» взял курс на Камчатку, но так, «чтобы пересечь северную часть цепи Мульгравовых (Маршалловых. – Авт.) островов, которые, не будучи почти вовсе известны, заслуживали, по мнению моему, быть исследованы» [там же, с. 76]. В этом районе действительно были обнаружены две новые группы атоллов, первая из которых была названа островами Кутузова (ныне – атолл Утирик), а вторая – островами Суворова (ныне – атолл Така) «в честь сим знаменитым мужам, оказавшим величайшия услуги отечеству» [там же, с. 82].

<...>

19 июня 1816 г. «Рюрик» прибыл в Петропавловскую гавань (первое название города Петропавловск-Камчатский), откуда уже в июле отправился исследовать американское побережье Северного Ледовитого океана. Буквально в самом начале плавания при подходе к острову Св. Лаврентия на палубе парусника была обнаружена крыса, на что Коцебу отреагировал с долей «исторического» юмора: «Несмотря на все старание, употребленное при построении Рюрика, для предохранения онаго от крыс, могущих причинить большой вред во время столь продолжительнаго путешествия, извёстился я сегодня, что одна показалась на палубе. Посему приступили тотчас к их травле и убили трех крыс, которых вероятно зашли на корабль в Петропавловском порте, где оных имеется безчисленное множество. А как и там не виданы были никогда сии животные, до прибытия туда корабля Надежды, то и вероятно, что убиты нами потомки прежних моих сопутников» [там же, с. 92].

Летний сезон 1816 г. для О. Коцебу сложился вполне плодотворным. В этот период им были открыты и описаны остров Ратманова (назван в честь известного мореплавателя, участника первого российского кругосветного плавания под руководством Крузенштерна), залив Шишмарёва (назван именем офицера с «Рюрика»), острова Сарычева (названы именем вице-адмирала) и Шамиссо (назван именем естествоиспытателя с «Рюрика»), губа Эшгольца (названа именем врача с «Рюрика»), мыс Обманчивый, горы Ослиные Уши и Чертова, залив Доброй Надежды (Гудхоуп), залив Эспенберга (назван именем врача, сопровождавшего И.Ф. Крузенштерна



Исследования в Беринговом море и зал. Коцебу (англ. Kotzebue Sound).

Из открытых источников

во время его кругосветного плавания), мыс Крузенштерна и, наконец, залив Коцебу, названный именем капитана «Рюрика» *«вследствие общего желания всех моих спутников»* [там же, с. 134]. Именно в этом заливе впервые был обнаружен и описан ископаемый лед, хотя данное открытие могло бы и не состояться. Случилось так, что после одного из наземных маршрутов группа, возглавляемая Коцебу, из-за шторма задержалась на берегу: *«Кажется, что судьба нанесла нам сей шторм, дабы доставить случай, сделать здесь еще достопримечательное открытие, которому мы одолжены Доктору Эшгольцу. Хотя мы во время первого нашего здесь привала много прогуливались, но при всем том не заметили, что ходим по ледяным горам. Доктор, предприняв теперь дальнейшую прогулку, нашел, что одна часть берега обрушилась, и с удивлением усмотрел, что внутренность горы состоит из чистого льда... Мы видели здесь громады чистейшего льду, во 100 футов вышины, которые покрыты были мишистым и травой поросшим черепом...»* [там же, с. 118]. Здесь же



Ледяные горы (ископаемый лед) на берегу зал. Коцебу
работы Людвиг Чориса. *Из открытых источников*

были найдены останки мамонтов: *«Множество мамонтовых костей и клыков (в числе коих нашел я один прекраснейший), выходявших чрез таяние льда на поверхность онаго, служит неоспоримым доказательством тому, что лед сей есть первородный...»* [там же, с. 119].

Острова и северное побережье Аляски оказались плотно заселены эскимосскими племенами. В задачу экспедиции входило изучение образа жизни аборигенов, что стало одной из ключевых обязанностей и самого Коцебу. При контактах с местными жителями, которых путешественник называл «американцами», мореплаватель старался подмечать малейшие детали их быта, принимал участие в обрядах. Одно из первых знакомств командира «Рюрика» с туземцами произошло на острове Св. Лаврентия: *«Между тем, как Естествоиспытатели странствовали в горах, беседовал я с своими новыми знакомцами, которые узнав, что я начальник, пригласили меня к себе в шалаши. Здесь постлали на землю неопрятную кожу, на которую я должен был сесть; потом один за другим подходил ко мне, и каждый обнимал меня, сильно тер свой нос об мой, и оканчивал свои ласки тем, что плевал себе в руку и несколько раз потирал мне тем лицо. Сколь ни противны мне были сии изъявления дружества, однако же я переносил оныя терпеливо... Но еще большая беда меня ожидала: желая угостить меня в полной мере, притащили они кадку с китовым жиром (самое большое лакомство всех северных народов, живущих у морских берегов), и сколь сия пища ни противна и вредна для Европейскаго желудка, я однако же мужественно за оную принялся. Сие, равно как и несколько еще подарков, после того между ими розданных, утвердили дружественную нашу связь»* [там же, с. 95, 96].

В районе острова Сарычева произошла встреча с людьми, чей облик, по мнению Коцебу, был сходен с обитателями Алеутских островов: *«Обогнув на возвратном к кораблю пути (после высадки на берег. – Авт.) северную оконечность острова Сарычева, усмотрели мы две лодки, с 10^ю человеками на каждой, которые гребли на всех веслах, стараясь нас догнать... Одна из шлюбок наших ушла вперед, а на остальной находился я с Лейтенантом Шишмаревым и 4^{мя} матросами; вскоре догнали нас Американцы на легких своих байдарках. Дикий крик их и множество их оружия, соделывали мне поспешность их подозрительною; и в самом деле, едва успели мы взять ружья в руки, как одна из их байдаров подошла к нам и двое Американцев с яростью ухватились за нашу шлюбку. При жесточайшем крике и ужаснейших кривляньях, грозили они нам своими стрелами, между тем, как другая их байдара всеми силами старалась притти на помощь своим*

товарищам. Матросы мои, имевшие при себе заряженные ружья, ожидали только приказа палить... переносили мы терпеливо их угрозы и ограничились тем, что обнажили сабли...» [там же, 106, 107]. Отметим, что при встречах с воинственными жителями Аляски дело до серьезного конфликта так и не доходило. И в этот раз, при виде сабель, дикари «отступили и удовольствовались тем, что провожали нас до самого Рюрика». Несмотря на сложную ситуацию, Коцебу, тем не менее, подметил внешний вид нападавших: «Одежда их состоит из коротких рубаш, сшитых из оленьих и собачьих шкур; некоторые из них ходят полунагие, поелику 10^о теплоты летом кажутся им уже несносным жаром; волосы на голове у них коротко стрижены, и головы они никогда не накрывают, каковое обыкновение я заметил на всем здешнем берегу; в губах носят они моржевые кости, которые обезображивают еще более и без того уже отвратительныя их лица; вообще имеют они вид гораздо более дикий и свирепый, нежели обыватели острова Св. Лаврентия» [там же, 107].

Еще одна встреча с эскимосами была описана мореплавателем следующим образом: «Я имел было намерение продолжать на шлюбках исследование берега, но удержало меня от того большое число байдар... на каждой из которых было от 8 до 10 человек, вооруженных копьями и луками. На носу каждой байдары выставлен был лисий мех на длинном шесте, которым дикие нам махали, производя при том громкий крик. Приказав матросам приготовиться к отпору, я сам пошел с Гг. Учеными на встречу Американцам...<...>...Американцы сии вероятно в первый раз только видели Европейцев, и мы взаимно осматривали друг друга с большим любопытством. Они несколько выше средняго роста, крепкаго сложения и вида здороваго; все движения их весьма живы; они кажутся склонны к шуткам и имеют вид необузданности, но не глупости; лица их безобразны



Коренные жители зал. Коцебу.
Из: [Коцебу, 1821 г]



Лодка с коренными жителями
в зал. Коцебу. Из: [Коцебу, 1821 г]

и неопрятны и отличаются маленькими глазами и выпуклыми скулами; по обеим сторонам рта имеют они дырья, в которых носят моржевые кости, украшенные бисером, что и придает им ужасный вид. Длинные волосы висят на плечах, но череп острижен весьма коротко, а голова и уши украшены также бисером. — Одежда их составлена из кож, на покрой так называемой Камчатской парки (верхняя одежда из оленьих шкур. — Авт.), с тем только различием, что в Камчатке достигает она до ног, а здесь едва покрывает колени; сверх того носят они длинные шаровары и маленькие полусапожки из тюленьей кожи» [там же, с. 109–111]. Отдельно Коцебу обратил внимание на вооружение и бисер эскимосов, что позволило ему говорить об их связях с чукчами: «Оружие их состоит из копий, луков, стрел и из ножей длиною в два фута, хранящихся в ножнах; воинское сие вооружение, которого они никогда не снимают, доказывает, что они находятся в непрерывной войне с другими народами. Весьма хорошо выделанные железные копья их похожи на те, которые Россиянами продаются Чукчам; да и бисер, коим они украшаются, есть того же самого рода, как употребляемый в Азии, из чего и можно заключить, что Американцы сии находятся в торговых сношениях с Чукчами» [там же, с. 111–112].

Коцебу пытался с помощью миролюбивых жестов и подарков наладить более тесные контакты с местными жителями. Интересной в этом плане оказалась встреча с семейством одного из встреченных эскимосов: «Вскоре открыли мы с расстояния от нас на 300 шагов хижину, из коей два американца, один старик, другой — мальчик 16 лет, вооруженные луками, стрелами и копьями, вышли к нам на встречу. Пройдя половину расстояния от хижины к нам, взошли они на возвышение и заняли там крепкую позицию; потом натянули свои луки и целили стрелами на нас, а старик кричал что-то ревущим голосом. Имевши с собою еще трех матросов, и полагая, что, может быть, стать сие сил их устрасило, я приказал всем остановиться, снял с себя оружие и пошел один на встречу сим героям; коль же скоро они увидели меня безоружным, то бросили тотчас и свое оружие. Мы сердечно обнимались, несколько раз взаимно и сильно прикасались носами; и я обнаружил им во всей ясности дружественное мое расположение, подарив им нож и зеркало. Не могли они однако же отложить скрытной боязни; а когда я позвал к себе матросов своих, то недоверчивость их достигла до высочайшей степени; они тотчас нацелили стрелы свои на проводников моих и производили крик, как и прежде. Я отослал матросов и подал знак Лейтенанту Шшимареву,

чтобы он подошел ко мне без оружия; в таком положении приняли они его точно так как и меня, и пригласили нас в свое жилище. Мы вошли в небольшой шалаш, имевший вид конуса и сделанный из моржовых кож; в углу сидела женщина с двумя детьми. Подле шалаша стояли две лодки, одна весьма маленькая, похожая на лодки, употребляемые на Алеутских островах, а другая большая, могущая поднять 10 человек, и служившая для перевозу шалаша и всего хозяйства с одного места на другое. Лежавшие здесь во множестве различные меха служили мне доказательством, что люди сии упражняются в звериной ловле.

16-летний мальчик, сын хозяйский, имел весьма приятное лицо, выражавшее большую живость и любопытство; он был особенно внимателен, когда заметил, что мы записываем их названия различных вещей; с большим удовольствием наименовывал он нам всякие вещи на их языке и прилежно смотрел, как мы записывали слова сии на бумаге...<...>...Старик был росту средняго и крепкого сложения и имел вид здоровый; большими казистыми скулами и маленькими глазами походил он на всех здешних обывателей, равно как и вырезанными под нижней губою двумя дырками, кои украшены были моржовыми костями; дырья сии, особенно обезображивают человека, когда кости вынимаются, поелику слюна течет тогда беспрестанно по бороде. Оба провожали нас в легких кожаных рубахах и босоногие, имея остриженную ничем не покрытую голову; отцу было лет около 40. С живостию беседовали мы на пути, и записывали на их языке множество слов; мы нашли, что оные имеют сходство с собранными Куком в Нортонском зунде. На мой вопрос, откуда он получил бисер синяго цвета, подержанный нож и другие тому подобные Европейские изделия, указал он мне на вход в залив, которым приходят к ним на лодках люди, меняющие бисер, табак и дерево для делания луков и стрел на меха и готовую одежду. Образ производства их мены объяснил он мне весьма понятно следующим образом: приезжий кладет сперва на берег несколько товаров и удаляется; Американец приходит, рассматривает сии вещи, кладет подле них столько мехов, сколько за оные примерно дать хочет, и потом также уходит; за сим приближается опять приезжий, осматривает, что ему дают, и когда доволен, берет меха, оставляя свои товары; в противном же случае не берет ничего, удаляется еще раз и ожидает от покупателя прибавки. Таким образом, весь торг производится безмолвно; нет сомнения, что Чукчи выменивают здесь меха для торговли с Россиянами» [там же, 123–126].

После чрезвычайно рискованного путешествия вдоль берегов Аляски, сопровождавшегося проходом опасных мелей и бурунов, высадками на берег при враждебном настрое местных жителей и т. п., Коцебу посчитал должным отдать дань мужественному поведению экипажа «Рюрика»: *«Неустрашимое мужество служителей и твердость духа их в пренесении трудностей службы, всегда меня радовали; поведение их было примерное, и везде, как в местах известных, так и в странах чуждых, видно было тщательное их старание предотвратить всякое дурное на счет их мнение. Таким образом и самое затруднительное предприятие, совершаемое с Рускими матросами, обращается в удовольствие»* [там же, с. 131].

Заключительная встреча с жителями обследованного побережья состоялась непосредственно перед отплытием: *«Когда ветер в 5 часов утра совершенно утих, то посетили нас на 2х байдарках Американцы, которые всячески старались обманывать нас при мене мелочных своих изделий, и потом от всего сердца смеялись, когда сие им не удавалось... <...> ...Когда же наступило время их обеда, то положили они на середину лодки убитого не за долго пред тем тюленя и разрезали ему брюхо: потом каждый по очереди совал голову свою в тюленя и высасывал кровь. Напившись таким образом в доволь, каждый отрезывал себе по куску мяса и ел оное с большим удовольствием. Легко себе представить можно, каковы были во время сего обеда лица их, и без того уже гнусныя. В 9 часов утра, при ясной погоде, начал дуть слабый ветер от Ю, и мы не медля ни мало снялись с якоря...»* [там же, с. 131, 132].

Оценивая значимость открытия зал. Коцебу, сам капитан «Рюрика» указал на следующее: *«Плавание в Беринговом заливе подвержено было донныне большой опасности; ибо мореходам не была известна гавань, в которой они могли бы укрыться от шторма или других несчастных приключений. Теперь отвращено сие затруднение, и корабли, которые впредь пожелают посетить Берингов пролив, почувствуют всю важность сего открытия»* [там же, с. 135].

Завершив работы на Аляске, экспедиция вернулась к берегам Азии, где исследовала залив Святого Лаврентия на Чукотке. По поводу населяющих его жителей мореплаватель заметил: *«Народ сей мало отличается по виду от Американцев, лодки и оружие у них те же. Копья их снабжены также как у жителей берегов Америки широкими железными концами; они равным образом украшаются бисером, который однако же у Чукчей несколько мельче. Главное различие обоих сих народов состоит в том, что Чукчи не носят под губою моржевых*



Вид острова Отдя в группе графа Румянцева. Из: [Коцебу, 1821 б]

костей; а притом превосходят они, кажется, Американцев в росте и крепости» [там же, с. 140]. В заливе Св. Лаврентия Коцебу описал два новых острова, один из которых был назван островом Храмченко (ныне – Беннета), по имени старшего штурмана «Рюрика», впоследствии мореплавателя, а другой – островом Петрова (ныне – Балка), по имени второго штурмана «Рюрика».

После захода на о-в Уналашка (входит в состав Алеутских островов, открыт Витусом Берингом в 1741 г., с 1796 г. – основная база Российско-американской компании – РАК, учреждена 8 июля 1799 г. указом императора Павла I) путешественники посетили Сан-Франциско, Сандвичевы и Маршалловы острова, открыв еще несколько групп коралловых островов, в том числе названных именем графа Румянцева (ныне – атолл Вотье, Марианские острова).

Ночью 12 апреля 1817 г. при возвращении к Уналашке путешественники попали в жесточайший шторм. В 4 ч. огромная волна обрушилась на бриг, сломав бушприт и штурвал. Один из матросов повредил ногу, а унтер-офицера чуть не смыло в море. Самого Коцебу волной ударило грудью о какой-то острый угол, в результате чего он потерял сознание.

В Уналашке после исправления повреждений «Рюрик» вновь направился в Берингов пролив, который к северу от о-ва Св. Лаврентия был еще покрыт льдом. Новое исследование северной части пролива стало невозможным, к тому же капитан брига еще не оправился от удара. Состояние его здоровья резко ухудшалось: стали наблюдаться судороги в груди, обмороки и кровохарканье. Было решено возвращаться на юг, и после прощального посещения Уналашки 18 августа парусник проследовал на Филиппины, по пути к которым

Коцебу посетил Гавайи, а затем открыл обитаемый атолл Гейдена (ныне – атолл Ликиеп), названный в честь капитан-командора графа Логина Петровича Гейдена (1773–1850; контр-адмирал с 1817 г., вице-адмирал с 1827 г., адмирал с 1833 г., командовал русскими кораблями в знаменитом Наваринском сражении 1827 г.).

В Манилу «Рюрик» прибыл 16 декабря, где ему предстоял капитальный ремонт перед длительным переходом на родину. 17 декабря *«Два офицера, посланные от Губернатора, получившего уже известие о нашем прибытии, приветствовали нас от его имени и уверяли, что он чрезвычайно рад увидеть и Российский флаг в своем порте, чего доныне еще не случалось»* [Коцебу, 1821 б, с. 294]. В период стоянки судна Коцебу занимался поверкой хронометров и черчением набело составленных карт, а Шамиссо при содействии губернатора исследовал внутренние области острова Лусон (Люсон), в южной части которого расположена Манила. Позаботился капитан и о том, чтобы привить «коровью оспу» шести алеутам, находящимся на «Рюрике» и следующим в Санкт-Петербург. Здесь же Коцебу отмечал, что *«на острове Люсон Хирургам дано строгое повеление, еженедельно прививать в деревнях коровью оспу младенцам»* [там же, с. 300, 301]. Мореплавателю сообщил также о страшной болезни, распространенной среди беднейших слоев населения, именуемой Св. Лазарем, когда все тело больного покрывается проказой, *«члены отгнивают, и несчастный больной, видя неизбежную смерть пред очами и страдая жесточайшею болью, остается в полном уме и памяти до самой последней минуты»* [там же, с. 301]. Капитан «Рюрика» допустил, что болезнь происходит от *«дурной пищи и неопрятности»*. Упомянул командир брига и об антисанитарных условиях в местной больнице, наполненной таковыми больными. На вопрос Коцебу смотрительно больницы *«не могли ли чистое белье и здоровая пища облегчить их состояние, получил я в ответ, что сие слишком бы дорого стоило»* [там же, с. 302].

29 февраля экспедиция, отсалютовав 15 пушечными выстрелами, оставила Манилу. При пересечении экватора русские моряки заметили малайский пиратский корабль, который обогнал бриг, а ночью преградил ему путь. Коцебу приказал повернуть к неприятелю правым бортом и дать залп из пушек. Пираты, не ожидавшие такого отпора, быстро отошли. Бриг благополучно прошел Зондский пролив, пересек Индийский океан и 30 марта 1818 г. обошел мыс Доброй Надежды. Затем парусник посетил Кейптаун, остров Св. Елены, где англичане охраняли заключенного там Наполеона, Портсмут, Копенгаген, Ревель

и, наконец, как писал Коцебу, «27^{го} июля оставил я Ревель и 3^{го} Августа 1818 года бросил якорь в Неве перед домом Его Сиятельства Господина Государственного Канцлера, Графа Николая Петровича Румянцева» [там же, с. 319].

Результаты экспедиции на «Рюрик» оказались весьма значимы. Коцебу провел многочисленные метеорологические и океанографические наблюдения: всего было произведено свыше 300 измерений температуры и плотности поверхностных вод океана, 83 измерения температуры на океанических глубинах, в том числе в 10 местах с помощью термометра Сикса определялись вертикальные ряды температуры. Наибольшая глубина, на которой фиксировалась температура, была 1.829 м. Впервые в океанологической практике Коцебу измерял относительную прозрачность морской воды. Кроме того, в Беринговом проливе путешественник обнаружил довольно сильное постоянное северо-восточное течение. Измерения показали, что в наиболее глубоком месте фарватера оно имеет скорость до 3 миль в час. Учитывая, что в Баффиновом заливе (ныне – известен как море Баффина – окраинное море Северного Ледовитого океана, расположенное между островом Баффин и западным побережьем Гренландии) течение направлено к югу, Отто Евстафьевич счел течение в Беринговом проливе доказательством существования прохода вокруг северных берегов Америки в Атлантический океан.

В период плавания на карту было положено множество новых островов или доказано, что другие острова, до того показанные на картах, либо не существуют, либо положены на карту неверно. Береговые астрономические наблюдения сопровождались магнитными наблюдениями и наблюдениями над приливами. Помимо прочего, экспедицией были собраны богатейшие минералогические коллекции, уникальные образцы наземной и морской флоры и фауны.

Мореплавателем впервые были описаны северо-американские эскимосы, открыт ископаемый лед, в котором найдены останки мамонта, получены первые этнографические сведения о жителях Маршалловых островов, а также новые сведения о жителях Сандвичевых и Марианских островов. Ознакомившись с основами полинезийских и микронезийских языков, лингвистически одаренный А. Шамиссо пришел к выводу, что они родственны малайским, и выдвинул теорию азиатского происхождения полинезийцев и микронезийцев. Собранные Коцебу предметы быта жителей Дальнего Востока и тихоокеанских островов и поныне хранятся в Санкт-Петербурге в фондах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамере).

Во время пребывания «Рюрика» на Маршалловых островах было не только изучено строение коралловых островов, но и впервые высказана верная гипотеза об их происхождении, позднее разработанная Чарльзом Дарвиным. О.Е. Коцебу также сделал предположение о соединении в прошлом двух континентов, «*ибо вид и положение берегов (Берингова пролива. – Авт.) рождает вероятие, что Азия некогда была соединена с Америкой*» [Коцебу, 1821 а, с. 139].

Куратор экспедиции Крузенштерн, говоря о географических открытиях Коцебу в первом научном кругосветном плавании, справедливо заметил: «*Великий Океан преплываем был в продолжение последних 50^{ти} лет, во всех возможных направлениях, не только купческими, но и такими кораблями, которые отправлены были собственно для открытий; а потому мореплаватель, предпринимающий ныне путешествие для открытий, может ожидать токмо скудной жатвы; но может стать же уважительно, а для Географии Южнаго моря неоспоримо гораздо важнее, разрешить существующия еще доныне сомнения на счет некоторых прежних открытий, в последствии времени не найденных, нежели открыть кое-где новый остров. Открытие новых островов льстит, может быть, более тщеславию нации, к которой принадлежит мореплаватель, делающий оныя, нежели отыскание старых открытий; но польза для наук от первых гораздо меньшая, особливо если положение новооткрытых островов не определено с астрономическою точностию*» [Крузенштерн, 1821 г, с. 323].

3.3. Кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие»

С 28 июля [9 авг.] 1823 г. по 10 [22] июля 1826 г. по рекомендации И.Ф. Крузенштерна состоялась еще одна кругосветная экспедиция О.Е. Коцебу, назначенного в январе 1823 г. командиром еще строящегося 24-пушечного трехмачтового шлюпа «Предприятие». Длина нового шлюпа составляла 130 футов (1 фут = 0.3048 м), ширина – 34, глубина – 17 футов, полный груз – 650 т, экипаж – 116 чел. Свои впечатления об экспедиции капитан «Предприятия» опубликовал в 1828 г. в России [Коцебу, 1828] и в более развернутом виде – в 1830 г. в Веймаре (на немецком языке) [Kotzebue, 1830]. Перевод веймарской книги на русский язык был осуществлен главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в трех изданиях лишь во второй половине XX в.: ниже приводятся цитаты по второму изданию [Коцебу, 1981].

Новой экспедиции предстояло доставить груз на Камчатку, а затем в течение года находиться у побережья Русской Америки для защиты русских поселений от американских контрабандистов и воинственных племен тлинкитов (колошей). Коцебу предписывалось вести научные наблюдения попутно и после того, как ему на смену придет в Америку другое военное судно. Контр-адмиралу Крузенштерну поручалось составить особые наставления по исследованиям и предоставлялось право в выборе ученых для экспедиции.

В состав научной команды «Предприятия» были включены студенты Дерптского университета Вильгельм Прейс (1793–1839; астроном), Эмиль (Эмилий) Ленц (1804–1865; физик, адъютант ИАН с 1828 г., экстраординарный академик с 1830 г., ординарный академик с 1834 г.) и Эрнст Гофман (1801–1871; русский путешественник, географ, минералог). Естественнонаучные наблюдения вели также доктор Иван (Иоганн) Эшшольц, плававший ранее на «Рюрик», и известный врач Генрих фон Зивальд (1797–1830; доктор медицины с 1823 г.). Крузенштерн выработал для путешествия инструкцию, а Прейсу, Ленцу и Гофману были вручены «превосходные правила» для научных наблюдений, составленные профессорами Василием Яковлевичем Струве (1793–1864; астроном, геодезист, чл.-корр. ИАН с 1822 г., ординарный академик по астрономии с 1832 по 1861 г.), Егором Ивановичем Парротом (1767–1852; физик, чл.-корр. ИАН с 1811 г., ординарный академик по прикладной математики с 1826 г., по кафедре физики с 1830 г., почетный член ИСПБАН с 1840 г.)

и Морицом Фёдоровичем фон Энгельгартом (1779–1842; минералог, геолог, чл.-корр. ИАН с 1816 г.).

Морской департамент снабдил экспедицию необходимыми картами, книгами и инструментами. Мало того, *«Крузеитерну, принимавшему участие в снаряжении экспедиции, поручено было от Начальника Морского Штаба употребить меры к заготовлению лучшими мастерами в Лондоне и Мюнхене Астрономических и Физических инструментов, которые бы Шлюп мог получить, по прибытии своем в Копенгаген и Портсмут»* [Коцебу, 1828, с. 6]. При океанологических работах впервые было предусмотрено использование батометра (первого морского прибора для взятия проб воды с разных глубин с теплоизолирующими стенками и глубомером, фиксирующим точные глубины до 2000 м), созданного Э. Ленцем совместно с Е. Парротом.

14 июля 1823 г. судно посетил Александр I. Император остался весьма доволен и кораблем, и его экипажем, объявил свое «благоволение» и распорядился выдать нижним чинам по 1 рублю серебром. 28 июля 1823 г. шлюп покинул Кронштадт и, сделав небольшие остановки в Копенгагене и Портсмуте, направился в порт Рио-де-Жанейро для пополнения запасов воды и продовольствия. После противоборства с многочисленными штормами судно взяло курс к Канарскому острову Тенерифе, где Коцебу намеревался провести научные наблюдения и запастись вином. Случилось так, что на переходе один матрос по неосторожности упал за борт. Попытка спасти его не удалась, так как налетевший в этот момент шквал отбросил парусник в сторону. Капитану к чувству скорби примешивалось еще опасение, *«что данное происшествие может оставить тяжелый осадок в душах матросов»* [Коцебу, 1981, с. 31]. Когда же экспедиция подошла к крепости Санта-Крус, шлюп был обстрелян из крепостных орудий. Столь явная и совсем непонятная демонстрация враждебных действий (ведь войны с Испанией не было) вынудила Коцебу, не заходя на остров, устремиться к берегам Бразилии.

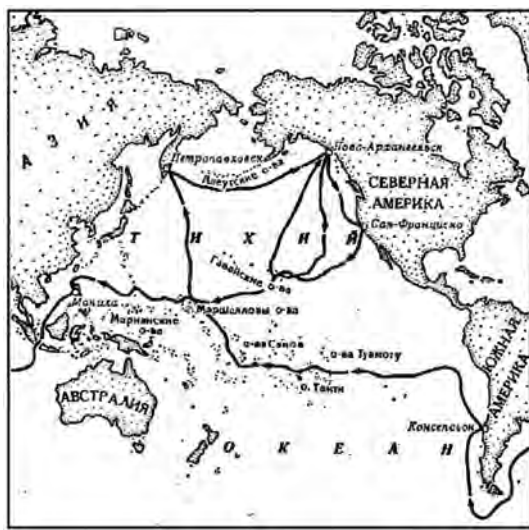
В приэкваториальных водах Атлантики впервые в мировой практике была взята проба глубинной воды (с глубины 500 саженей / 265 м), которая у экватора имела температуру всего 6 °С, тогда как на поверхности она составляла +25 °С. Вторая попытка измерения с опусканием батометра на 1000 саженей из-за обрыва троса, не выдержавшего давления воды, окончилась потерей уникального прибора. Однако второй батометр, предусмотрительно взятый в плавание, до конца экспедиции действовал безаварийно.

1 ноября 1823 г. «Предприятие» подошло к входу в бухту Рио-де-Жанейро. Впечатления от знакомства с городом Коцебу выразил следующим образом: *«Только обладая самым богатым воображением, можно представить себе эти живописные ландшафты, эту пышную исполинскую растительность, которая во всем своем многообразии, сверкая тончайшими переливами красок, щедро покрывает долины и горы вплоть до морского побережья... Все говорило о том, что природа предназначила этот край для беззаботного наслаждения жизнью и для счастья своих созданий. Но для негров-рабов, обреченных на тяжкий труд под плетью своих мучителей, этот рай оказался адом»* [Коцебу, 1981, с. 37]. В течение почти месячной стоянки путешественники наблюдали пребывающие корабли с невольниками из Африки. Работоторговлю Коцебу назвал *«возмутительным контрастом к прелестям чудесной природы Бразилии»*, отметив, что *«Торговля людьми – позорное пятно на цивилизованных государствах, которого большинство из них уже стыдится. Но здесь она еще процветает под защитой закона и производится со всей бесчеловечностью, порожденной корыстолюбием»* [там же].

Завершив астрономические и магнитные измерения, а также ремонт и необходимую погрузку, 28 ноября парусник взял курс к мысу Горн, при подходе к которому путники попали в шторм, продолжавшийся четверо суток. Корабль получил сильную течь, и 16 января 1824 г. для его ремонта была сделана остановка у берегов Чили в бухте Консепсьон, где во время стоянки удалось составить подробный план залива. Затем, 3 февраля, при выходе в открытое море Коцебу решительными действиями предотвратил захват «Предприятия» двумя чилийскими кораблями, которые, выпустив по пушечному ядру, понеслись наперерез судну. Только твердая решимость команды при необходимости вступить в бой помогла избежать столкновения и продолжить путь к архипелагу Туамоту.

Ранее, в 1820 г., на Туамоту побывала первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева. Мореплаватель уточнил координаты некоторых сделанных ими открытий, а также островов, описанных им самим в 1816 г. Плюс ко всему 2 марта Коцебу удалось открыть новый обитаемый атолл, названный по имени судна островом Предприятие (ныне – Фангахина). Следом Коцебу усмотрел, сам того не подозревая, атолл Аратика, который он принял за остров Карлсгоф, обнаруженный ранее голландским мореплавателем Я. Рогтевенем. Успешно выйдя из кораллового лабиринта, 14 марта «Предприятие» подошло к о-ву

Таити (главный остров архипелага Острова Общества). Здесь капитан шлюпа занялся описанием и Таити, и близлежащих островов, отыскал новую удобную гавань, в которой впоследствии расположилась столица всей французской Океании – Папэте. После 10-дневной стоянки парусник направился к о-вам Самуа, по пути к которым 26 марта Коцебу открыл остров Беллинсгаузена (атолл Моту-Они, западная часть архипелага Общества). В течение 3–7 апреля экспедиция уточняла положение некоторых островов архипелага, а 28 апреля вошла в лагуну о-ва Румянцева (атолл Вотье, цепь островов Радак / Ратак в восточной гряде Маршалловых остров), где произошли теплые встречи с островитянами, с которыми путешественник познакомился еще в 1816 г. Вот как описывал радакцев сам Коцебу: *«Радакцы высокого роста, хорошо сложены и имеют темно-коричневую кожу. Их черные волосы изящно связаны в пучок и украшены, особенно у женщин, цветами и нанизанными на шнурки маленькими раковинами. У островитян мягкие, приятные черты лица; многих мужчин и женщин можно даже назвать красивыми. Питаясь исключительно растительной пищей и рыбой, местные жители обладают прекрасным здоровьем и доживают до глубокой старости. Радакцы несколько уступают другим островитянам Южного моря в физической силе, зато своей кротостью и добродушием они превосходят, пожалуй, даже таитян»* [Коцебу, 1981, с. 154].



Плавание О.Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие» в Тихом океане.
Часть рис. из: [Коцебу, 1981]

9 июня 1824 г. шлюп прибыл в Петропавловскую гавань. Здесь *«Июня 14-го, Астрономом нашим (Прейсом. – Авт.) было наблюдаемо солнечное затмение...»* [Коцебу, 1828, с. 127], что позволило значительно уточнить долготу Петропавловска (158°49'29" в. д.). Кроме того, *«Физик экспедиции Г. Ленц и минералог Гофман, презирая все трудности, предприняли путешествие на Авачинскую сопку (действующий вулкан. – Авт.), и достигнув благополучно вершины оной, нашли по барометрическому вычислению высоту сей горы над поверхностью моря 7.200 футов (2193,56 м над уровнем моря; по современным данным 2738 м. – Авт.)»* [там же, с. 128]*. Наконец, 20 июля «Предприятие» направилось к берегам Русской Америки и 10 августа прибыло в Ново-Архангельск – укрепленное поселение, основанное в 1799 г. А.А. Барановым на о-ве Ситка (или Ситха, с 1804 г. – о-в Баранова) как форт Архангела Михаила (в 1802 г. уничтожен колошами, с 1804 г. – Ново-Архангельск, с 1808 г. – центр русских владений в Америке, в 1867 г. получил имя Ситка). Здесь экспедицию дожидался российский фрегат «Крейсер» под командованием капитана 2-го ранга М.П. Лазарева: *«Этот фрегат был послан сюда правительством для защиты наших торговых интересов, и мы должны были его сменить»* [Коцебу, 1981, с. 188, 189].

Главный правитель российских колоний в Америке капитан-лейтенант Матвей Иванович Муравьев (1784–1836; русский мореплаватель) официально уведомил Коцебу, что шлюпу до 1 марта 1825 г., т. е. до открытия торгового сезона, нет необходимости находиться в Ново-Архангельске. Поэтому уже 10 сентября парусник устремился к берегам все еще слабо исследованной Калифорнии и 27 сентября бросил якорь в порту Сан-Франциско. Проведя научные наблюдения и запасшись продовольствием, экспедиция 25 ноября направилась к Сандвичевым островам. В гавань Гоноруру (Гонолулу) Коцебу вошел 14 декабря через узкий канал, показав умение в управлении кораблем: *«Здесь все уверяли нас, что такие большие суда, каков Шлюп Предприятие, до сего времени никогда еще не входили в гавань Гоноруру...»* [Коцебу, 1828, с. 145]. Во время стоянки силами местных туземцев удалось отремонтировать подводную медную обшивку судна,

* В Веймарском издании [Kotzebu, 1830] было указано, что в восхождении на Авачинскую сопку помимо Ленца и Гофмана участвовал еще и Зивальд. Сообщалось также, что в период подъема *«Кратер сопки время от времени дымился. Шапка, опущенная туда на глубину нескольких футов, была вытащена обратно обгоревшей. В доказательство того, что они исследовали сам кратер, ученые принесли на корабль несколько кусков кристаллической серы»* [Коцебу, 1981, с. 186].

и к 31 января 1825 г. шлюп «был приведен в такое состояние, что мог противостоять зимним жестоким погодам, которые ожидали нас на пути в Ситху...» [там же, с. 151]. Возвращение в Ново-Архангельск состоялось 24 февраля. На протяжении 5 месяцев парусник нес охрану российских колоний. Наконец, 30 июля 1825 г. в Ново-Архангельск из Кронштадта пришло судно РАК «Елена», передавшее для главного правителя известие о заключении между Россией и Американскими Штатами конвенции, позволяющей американским купцам вести свободную торговлю на всей северо-западной части Америки. Таким образом, отпадала необходимость дальнейшего присутствия «Предприятия» в Ново-Архангельске, так как для защиты порта от колошей было достаточно «Елены» и нескольких вооруженных судов компании.

Итак, 11 августа Коцебу вышел в обратный путь. Сделав 4-дневную остановку в Гонолулу, мореход 11 сентября двинулся к Маршалловым островам для поиска неизвестной западной цепи Ралик. Подойдя к ее северной оконечности, Коцебу нанес на карту атоллы Ронгерик и Ронгелап. Первый из атоллов он принял за остров Пескадорес, открытый в 1768 г. английским мореплавателем Уоллесом, а второй назвал именем офицера шлюпа островами Римского-Корсакова. Затем, 9 октября, путешественник открыл атолл Бикини, дав ему имя врача экспедиции Эшшольца, и, продолжая плавание на запад, уточнил координаты атолла Эниветок*.

19 октября 1825 г. «Предприятие» подошло к о-ву Гуахам (Гуам, Марианские острова). Здесь у Коцебу состоялась встреча с одним из шкиперов английских китобойных судов, промышлявших у берегов Японии, который с большой теплотой отзывался о картах, составленных еще Крузенштерном: «Сей шкипер и другие Капитаны китобойных судов, с ним бывшие, говоря об опасностях, каковым они подвергаются при берегах Японии, с особенною похвалою и благодарностию относились о картах Японских берегов г. Контр-Адмирала Крузенштерна, которую они по ее подробности и верности предпочитают всем картам Японских берегов, изданным в Европе, исключительно употребляют оную для своей безопасности во время плавания по Японским водам» [там же, с. 173, 174].

Вскоре судно посетило Манилу, где с разрешения испанского губернатора перешло в порт Кавите для продолжительного ремонта. 10 января 1826 г. парусник покинул Филиппинские острова, пересек

* Атоллы Бикини и Эниветок (у Коцебу – Бронус) были использованы в 1946–1962 гг. в качестве полигонов для испытаний американских атомных и водородных бомб, причинивших огромный ущерб населению Маршалловых островов.

Индийский океан, а затем через мыс Доброй Надежды и о-в Св. Елены прибыл Портсмут 3 июня. Здесь экипаж присягнул новому императору Николаю I, уже подавившему к тому времени восстание декабристов. Наконец 10 июля 1826 г. *«не ранее 3-х часов по полудни достигли Кронштата... Путешествие наше продолжалось три года без десяти дней»* [там же, с. 200].

Считается, что проведенная экспедиция была менее значимой по результатам географических открытий, по сравнению с предыдущей. Однако на «Предприятии», в отличие от плавания на «Рюрике», осуществлялся больший объем научных исследований атмосферы и океанов, что положило начало точным систематическим метеорологическим и океанографическим наблюдениям.

Научные исследования совершались как в открытом море, так и на берегу. Наиболее обширные наблюдения во второй экспедиции велись на Камчатке и в Русской Америке. Обобщение полученных материалов по физической океанографии определило начало научной деятельности знаменитого в будущем ученого Э.Х. Ленца в Императорской академии наук. Причем при избрании Ленца адъюнктом Академии (1828) молодой естествоиспытатель прочитал доклад «О солёности морской воды и температуре ее в океанах на поверхности и в глубине», а в 1831 г. в «Записках Императорской Санкт-Петербургской академии



Российские владения в Северной Америке.
Из: [Атлас Российской Империи..., 1835]



Барометр Ленца и Паррота.
Из: [Lenz, 1831, tab. I.]



Эмиль Ленц.
Из открытых источников

наук» (Memories...) он опубликовал обширный труд на немецком языке «Физические наблюдения, проведенные во время кругосветного путешествия под командованием капитана Отто фон Коцебу в январе 1823, 1824, 1825 и 1826 гг.» [Lenz, 1831], в русском переводе: [Ленц, 1950]. В данной публикации Ленцем были представлены материалы по солености и температуре воды в океане на поверхности и глубине (до 2 тыс. м), барометрические наблюдения, сравнительные таблицы температур воздуха и воды океана, а также рисунки сконструированных им приборов. Основываясь на своих наблюдениях, ученый сделал важные выводы о глубинной океанической циркуляции, предвосхитившие современные представления в этой области. Особую известность Ленц приобрел своими работами в области электродинамики и магнетизма. В 1836 г. он возглавил кафедру физики и физической географии Санкт-Петербургского университета, а в 1863 г. был избран его ректором. В 1842 г. точными экспериментами Ленц независимо от английского физика Дж. Джоуля обосновал закон теплового действия электрического тока (закон Джоуля–Ленца).

Отметим, что Ленцу в год выхода экспедиции исполнилось всего 19 лет. Но именно его исследовательская работа определила огромную роль плавания «Предприятия» в развитии новой науки – океанографии. По оценке Юлия Михайловича Шокальского (1856–1940; выдающийся русский и советский ученый-географ, гидрограф, океанограф, почетный академик Академии наук СССР с 1939 г., член Вашингтонской академии наук с 1935 г., почетный чл.-корр. Королевского географического общества в Лондоне с 1904 г., председатель Русского географического общества в 1917–1931 гг.): «Второе плавание вокруг света кап.-лейт. О. Коцебу в 1823–1826 г. на военном

шлюпе Предприятие, отмечено еще более важными в океанографическом отношении работами, благодаря сотрудничеству известного физика Эмилия Ленца, сопровождавшего Коцебу. Ленц обстоятельно подготовился к научным исследованиям в плавании, построил первый батометр, приносивший воду с глубин с очень мало измененною температурою; пользовался термометром, предохраненным от давления, и вводил поправки на влияние давления воды и изменений от перемен температуры во время поднятия прибора с глубины... В течение всего плавания Ленц производил правильныя наблюдения над удельным весом воды, это были первыя наблюдения такого рода и к тому же замечательныя по своей точности. Таким образом труды Коцебу и Ленца в 1823–1826 г. представляют во многих отношениях не только важный вклад в науку, но и действительное начало точных наблюдений в океанографии, чем русский флот и русская наука могут гордиться» [Шокальский, 1917, с. 34, 35].

3.4. Этнографические и социологические исследования

Исключительное научное и общественно-политическое значение имели этнографические и социологические наблюдения Коцебу. Вместе с научной группой капитан «Предприятия» лично участвовал в сборе информации о населяющих исследуемые территории народах, их этническом составе, оставил неоценимые сведения о культуре и условиях быта аборигенов. Особый интерес представляют уникальные суждения Коцебу о наиболее воинственном народе северо-западной Америки – колошах, с которыми пришлось иметь дело руководителям РАК при освоении значительной части североамериканских территорий.

В частности, говоря об особенностях устройства колошевского общества, Коцебу писал: *«Чем богаче колош, тем он могущественнее. Он имеет множество жен, что способствует увеличению численности его семьи, а также покупает рабов и рабынь, которые называются калга. Рабы ловят для него рыбу и занимаются другими работами, а на войне входят в войско хозяина вместе с членами его семьи. Эти рабы состоят из военнопленных и их потомства. Хозяин обладает неограниченной властью над ними и даже имеет право убить, чем нередко пользуется. Когда же хозяин умирает, на его могиле умерщвляют двух рабов, чтобы у него были слуги и на том свете. Последних заранее отбирают для этой цели, но они не кажутся опечаленными своей судьбой. Слабая населенность этого края, по-видимому, объясняется многочисленными межплеменными войнами, которые ведутся с редкой даже для диких народов яростью и ожесточенностью. Эти войны стали гораздо более частыми и кровопролитными после появления у колошей огнестрельного оружия, которым их на их же погибель снабжают приходящие главным образом из Североамериканских Штатов суда»* [Коцебу, 1981, с. 199].

Коцебу утверждал, что колоши не имели постоянных поселений, а кочевали вдоль берегов, передвигаясь в больших лодках, в которых помещалось все их имущество. Сами колоши обладали высоким ростом и крепким, но непропорциональным телосложением: *«Гладкие черные волосы беспорядочно свисают на их широкие и мясистые лица. У них резко выступающие вперед скулы, широкий и плоский нос, большой рот с толстыми губами, маленькие черные глаза, горящие диким огнем, и удивительно белые зубы... Тотчас же после рождения детям сжимают череп, чтобы придать ему, как они*



Женщины из народа колоши (колюжи) с о-ва Баранова.
Художник М. Тиханов, 1818 г. Из открытых источников

полагают, красивую форму. В результате брови у них поднимаются вверх, а ноздри расширяются... Одежда колошей состоит чаще всего лишь из небольшого передника. Более зажиточные носят шерстяные одеяла, полученные от русских или доставленные на кораблях Североамериканских Штатов... Мне кажется, что ни один народ в мире не закален так, как этот. Зимой здесь случаются десятиградусные морозы, но и тогда колоши разгуливают нагишом. Если им становится холодно, они опускаются по шею в воду, утверждая, что это хороший способ согреться...» [там же, с. 196, 197]. Мореплаватель отмечал, что колошским женщинам, как только они достигали половой зрелости, делали разрез в нижней губе и втыкали туда кость, которую для расширения отверстия время от времени заменяли все более толстой: «Наконец в это отверстие вставляют колюжку – кусок дерева с утолщениями на обоих концах, овальный в сечении... Вследствие этого нижняя губа настолько выпячивается вперед, что всегда видны нижние зубы. Наружный край губы, окаймляющий этот кусок дерева, становится тонким, как веревка, и имеет темно-синий цвет. При быстрой ходьбе губа раскачивается вверх и вниз, касаясь то носа, то подбородка. Как сообщают, у колошей, живущих на материке, колюжка отличается еще большими размерами, а женщина, которая может прикрыть нижней губой все лицо, считается совершенной красавицей» [там же, с. 197, 198].

Для понимания остроты взаимоотношений, которые могли возникать между полами индейцев, полезно познакомиться с одним из «любовных» происшествий, случившихся в ситкенском племени колошей, свидетелем которого оказался Коцебу:

«Колоши, по всей вероятности, остались бы равнодушными к самым красивым европейским женщинам. Однако своих соотечественниц, с корытообразными губами они находят очаровательными и способны пылать к ним сильнейшей страстью. Об этом свидетельствует следующее событие, которое произошло во время пятого пребывания в Ситхе.

У одной девушки из племени колошей, расположившегося лагерем вблизи крепости, было четверо возлюбленных. Соперники вступили в борьбу, долго избивали друг друга, но ни один из них не хотел уступить. Наконец они решили убить свою возлюбленную и пронзили ее копьями. Несчастливая тотчас же истекла кровью. Вокруг костра, на котором был сожжен труп, собралось все племя. Наши соотечественники, местные старожилы, перевели нам слова песни, сопровождавшей эту церемонию. Песня имела следующее содержание: «Ты была слишком прекрасна. Ты должна была умереть. Достаточно было взглянуть на тебя, чтобы обезуметь от любви» [там же, с. 200].

Говоря о прочих пороках колошей, Коцебу выделял их страсть к игре: «Обычно они (колоши. – Авт.) пользуются для игры небольшими деревянными палочками, окрашенными в разные цвета и имеющими особые названия: «рак», «утка», «морской бобр», «кит» и т. п. Палочки перемешивают, разделяют на отдельные кучки и покрывают эти кучки мхом. Требуется отгадать, в какой кучке лежит «рак», «кит» и т. п. Некоторые игроки проигрывают при этом все свое имущество и даже жен и детей, которые становятся рабами выигравшего» [там же, с. 202].

Командир «Предприятия» высказал свое мнение и о наиболее крупном вооруженном конфликте, когда большая группа колошей в июне 1802 г. напала на малочисленный Михайловский (Ситкинский) гарнизон и на две ситкинские промысловые партии (информацию об этом нападении см. также в главе 2). Как отмечал биограф первопроходцев Русской Америки и один из чиновников РАК Кирилл Тимофеевич Хлебников*, после захвата гарнизона индейцы «истребили

* **Кирилл Тимофеевич Хлебников** (1776?–1838) – русский ученый, этнограф, этнолог, путешественник; чл.- корр. ИСПБАН с 22 дек. 1837 г., биограф первооткрывателей Русской Америки. В 1801 г. стал приказчиком РАК. В 1814 г. назначен правителем главной (Кадыякской) компанейской конторы (помощником А.А. Баранова); в этой должности он пробыл 16 лет. В 1818–1832 гг., после отставки Баранова, – правитель Новоархангельской конторы РАК на острове Ситка и помощник пяти сменившихся за это время главных правителей Русской Америки. С 1833 г. состоял правителем дел, а с 1835 г. – одним из директоров РАК. Занимался изучением быта и культуры народов Дальнего Востока и Северо-Западной Америки.

мучительною смертью Русских, разграбили хранившихся в магазинах бобров (каланов. – Авт.) и превратили в пепел селение и строившееся судно» [Хлебников, 1835, с. 69]. Считается, что в результате столкновения погибло 24 русских и около 200 кадьякских эскимосов, чугачей и алеутов.

За прошедший период были опубликованы многочисленные работы, посвященные российско-тлинкитским вооруженным конфликтам. Среди последних отечественных публикаций выделяются фундаментальные монографии А.В. Гринёва [1991] и А.В. Зорина [2017], а среди зарубежных изданий – сборник «Russians in Tlingit America» («Русские в Тлинкитской Америке») [Dauenhauer et al., 2008]. С особой детальностью вооруженный набег индейцев был реконструирован в книге Зорина [2017]. Однако воспоминания Отто Коцебу в этой работе отсутствовали, а в публикации Гринёва [1991] были упомянуты лишь вскользь.

В то же время мнение О. Коцебу, как лица незаинтересованного, т. е. не являвшегося служащим РАК, должно представлять определенный интерес. В частности, Коцебу оценивал колошей как храбрый, но свирепый, вероломный и *«самый порочный народ на свете»* [Коцебу, 1981, с. 196]. Это не было случайным высказыванием, т. к. колошей мореплаватель наблюдал весь период нахождения в Ново-Архангельске и даже принимал у себя на корабле с визитами. Особенно возмущало Коцебу наличие у этих индейцев рабов. Коцебу особо акцентировал внимание на вероломстве индейцев, утверждая, что *«Колоши никогда не нападают открыто, а стремятся применить хитрость, причем им часто удается застигнуть врага врасплох. Достаточным основанием для неожиданного нападения является возможность грабежа или захвата нескольких рабов»* [там же, с. 199]. Здесь следует принять к сведению, что индейцев в русской колонии действительно ожидала чрезвычайно богатая добыча. Так, по данным историка РАК Петра Александровича Тихменева*, колоши в Михайловском гарнизоне разграбили *«до трех тысяч шкур морских бобров и прочие меха»* [Тихменев, 1863, с. 88], несколько человек, главным образом женщины и дети, были захвачены в рабство**.

* Пётр Александрович Тихменев (1824–1888) – капитан 1-го ранга, автор трудов по морской истории, историк Русской Америки. В 1857–1865 гг. состоял на службе в РАК. Составил очерк *«Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени»* в двух томах (1861–1863 гг.), за который в 1861 г. получил Высочайшую благодарность и две Демидовские премии (1862, 1864).

** Сразу после разгрома Михайловского гарнизона на Ситку прибыл английский бриг «Юникорн» (англ. *Unicorn*). Его капитан Генри Барбер заманил на корабль тлинкитских

В архивных документах РАК при обозначении причин конфликта основной акцент делался на подстрекательстве индейцев к мятежу со стороны иностранных купцов – конкурентов Компании [Зорин, 2017]. Гринёв тем не менее писал: *«Нельзя, например, слепо доверять архивным документам, исходившим из Главного правления РАК, поскольку последнее порой было заинтересовано в намеренном и тенденциозном искажении фактов. Так, основную и единственную причину выступления индейцев в 1802 г. Главное правление усматривало в подстрекательствах иностранцев... чтобы оправдать таким образом свои **просчеты в колониальной политике на Аляске** (выделено мной. – В.Б.)»* [Гринёв, 1991, с. 7].

Действительно, неизбежных просчетов в колониальной политике РАК было, по-видимому, предостаточно. В этом плане П.А. Тихменев обоснованно указывал: *«По самой силе обстоятельств и с неизбежною необходимостью период этот (имеется в виду ранний период деятельности РАК. – Авт.) должен был отличаться жестокостью, своеволием и вообще неустройством всякого рода. Так было везде и во все времена при вступлении европейца в среду дикарей, которых он должен был подчинить своей власти, и вместе с тем положить между ними начало нового лучшего порядка...»* [Тихменев, 1861, с. IV].

Версия Коцебу о вероломстве колошей выглядела в те дни вполне правдоподобно. Ведь Барановым еще 25 марта 1800 г. главному ситкинскому тоену (местному вождю) Скаутлелъту был выдан Открытый лист со следующими словами: *«занятое Русскими под крепость место уступлено сим Тоеном и его родом за плату; что Тоен изъявил свою преданность России, и за сие Русские обещают снабжать его нужными вещами и охранять от набегов соседственных враждующих народов»* [Хлебников, 1835, с. 34, 35]. Вовлеченность же иностранцев в российско-гликитский конфликт не вызывала сомнений не только у руководителей РАК [Хлебников, 1835; Тихменев, 1863; и др.], но и современных исследователей [Гринёв, 1991; Dauenhauer et al., 2006; Зорин, 2017; и др.].

вождей и пушечным огнем потопил несколько индейских каноэ. Колоши были вынуждены в обмен на своих тоенов выдать Барберу награбленные меха и плененных женщин. Капитан «Юникорна» прибрал к рукам пушнину, а затем отправился на Кадьяк, где в это время находился Баранов. Здесь он за пленников потребовал выкуп в 50 тыс. рублей, но после переговоров получил от Баранова каланых шкур на 10 тыс. руб. [Хлебников, 1835; Зорин, 2017; и др.].

Поясняя свою позицию, Гринёв заключает, что *«главную причину восстания* тлинкитов... следует искать в столкновении экономических интересов индейцев и Российско-Американской компании... В исконно тлинкитских территориальных водах партовщики, возглавлявшиеся русскими, развернули интенсивный промысел калана, шкурки которого были основной статьей торговли индейцев с английскими и американскими скупщиками пушнины»* [Гринёв, 1991, с. 118]. По словам самого Коцебу: *«Их (колошей. – Авт.) главное богатство составляют шкуры морских бобров, которые заменяют здесь деньги»* [Коцебу, 1981, с. 198]. Этих животных *«упорно преследовали и ежегодно убивали в великом количестве (имеется в виду деятельность РАК. – Авт.)... Всего за несколько лет морские бобры были почти полностью истреблены на Камчатке и Алеутских островах. По этой причине Компания решила распространить свои поселения к югу»* [там же, с. 191]. Вне всякого сомнения в добыче каланов, причем в возможно больших масштабах, и был основной смысл присутствия русских промышленников на американской земле. Парадокс заключался том, что если добыча каланов и являлась одной из ключевых причин конфликта, то в то время такая промысловая деятельность РАК никак не могла относиться к ее «просчетам».

Несомненно, промысел чужаков в традиционных угодьях тлинкитов мог подать повод к определенному недовольству индейцев, однако промысловые бригады РАК, в состав которых, между прочим, в основном входили представители разных североамериканских племен, добывали морского зверя от Камчатки до Калифорнии, и только колоши «осмелились» выступить против русских промысловиков с оружием. Судя по всему, вооруженный конфликт мог возникнуть не столько из-за промысла каланов русскими, сколько из-за комплекса иных факторов, связанных в первую очередь с особо воинственным менталитетом этих индейцев на фоне возможности легкой добычи. Известно, например, что российские поселенцы не позволяли колошам грабить алеутов, запрещали рабство, что могло вызвать большее недовольство у агрессивных от природы индейцев, чем добыча

* А.В. Зорин считает некорректным характеризовать противостояние колошей и русских как «восстание». По мнению ученого, подобный термин предполагает подчинение тлинкитов русской власти, против которой они должны были бы восстать. Однако этого никогда не отмечалось, в том числе и на Ситке. В данной ситуации более уместным было бы применение понятия «индейская война», так как обе враждующие стороны по обоюдному признанию были равны по своему статусу. Тлинкиты выступили против русских, скорее, как против враждебного племени, вторгнувшегося в чужие охотничьи угодья [Зорин, 2017].



Ново-Архангельск. Рисунок П.Н. Михайлова, первая половина XIX в.
Из открытых источников

каланов, запасы которых в начале XIX в. еще не были истощены. Так называемых ошибок со стороны РАК с позиций современных аналитиков, по всей видимости, было действительно многовато. Но если русские колонисты и просчитались в чем-то серьезном, то в первую очередь со своим наивным доверием к индейцам (в условиях напряженных с ними отношений) в части соблюдения имевшихся договоренностей, а также в недостаточной охране собственных поселений от набегов индейцев. Известно, например, что управляющий ситкинским гарнизоном В.Г. Медведников крайне равнодушно отнесся даже к предостережениям самого Скаутлелльта [Зорин, 2017].

Важно понимать, что поддержание версии о подстрекательской деятельности иностранцев было судьбоносным для служащих РАК без всякого лукавства. Показательно, что когда в 1820-х гг. у руководства РАК возникла мысль оставить Ново-Архангельск и перенести главную резиденцию вновь на остров Кадьяк, Коцебу справедливо заметил: «...будет крайне прискорбно, если подобное намерение осуществится, ибо другая нация легко сможет этим воспользоваться, прочно обоснуется в данном крае и начнет мешать деятельности Компании» [Коцебу, 1981, с. 193]. Что же касается американских купцов, то, по мнению Коцебу, «граждане Соединенных Штатов на поприще торговых спекуляций превосходят все другие нации смелостью, предприимчивостью и выдержкой» [там же, с. 203]. Следуя логике мореплавателя, скорее, в данной ситуации необходимо говорить о конфликте экономических интересов РАК с английскими и главным образом американскими купцами, а не с первобытными колошами.

Очевидно, что с усилением русского присутствия прибыли англо-американских торговцев заметно снижались. Колоши в этом противостоянии выступали лишь как слепое, но крайне эффективное средство

для вытеснения РАК с занимаемых американских территорий. Подобная политика вполне могла привести к успеху, ведь с учетом малочисленности русских поселенцев, а их на всю Аляску насчитывалось около 350–400 чел. [Зорин, 2017], конкурентные возможности РАК к началу XIX в. уже были исчерпаны. Дело в том, что практически вся европейская продукция, в т. ч. военная, доставлялась в Российскую Америку через Охотск крайне сложным сухопутным путем, что возвышало цену на товары в десятки раз [Крузенштерн, 1810]. Английские и американские мореплаватели, торговавшие с колошами, безусловно, были более свободны в доставке и выборе товаров. В этих условиях дальнейшая экспансия РАК могла сойти на нет, если бы в 1803–1806 гг. не состоялось первое русское кругосветное плавание, предпринятое на парусниках «Надежда» и «Нева» под командованием капитан-лейтенантов И.Ф. Крузенштерна (руководитель экспедиции) и Ю.Ф. Лисянского соответственно (см. главу 2). Успех этого похода позволил Крузенштерну добиться от Александра I одобрения регулярной доставки товаров на Дальний Восток и Аляску морским путем [Богатов, 2025 б]. Таким образом, экспедиция Крузенштерна–Лисянского послужила началом постоянных морских переходов из центральной России к северо-тихоокеанским владениям империи, создав, тем самым, предпосылки для дальнейшего развития Русской Америки. Экспедиция Коцебу на «Предприятии» явилась продолжением этой практики, так же как и приход 30 июля в Ново-Архангельск на смену «Предприятию» парусника «Елена», который, по свидетельству Коцебу, доставил из Петербурга *«богатый груз, состоящий из всевозможных припасов. Таким образом, колония оказалась на длительный срок обеспеченной всем необходимым...»* [Коцебу, 1981, с. 204].

Нельзя не отметить, что политика РАК с самого начала ее образования была ориентирована на налаживание с «дикими племенами» сотрудничества, не допускающего раздоров и кровопролития*. В частности, при первоначальном заселении Ситки Баранов дал В.Г. Медведникову строгое письменное наставление: *«не подавать Колошам ни малейшего повода к огорчению и ничего не брать от них без*

* В начальный период колонизации Алеутских островов и американских территорий возникали многочисленные эпизоды жестких, в том числе кровавых, столкновений русских промышленников с индейцами, включая колошей [Давыдов, 1812; Зорин, 2017; и др.]. По словам Коцебу: *«При помощи огнестрельного оружия эти компании захватывали все более обширные пространства и жестоко обращались с робкими алеутами. Они, возможно, и вовсе истребили бы данный народ, если бы не вмешался император Павел»* [Коцебу, 1981, с. 190], который своим указом от 8 [19] июля 1799 г. учредил Российско-американскую компанию.

платы...» [Хлебников, 1835, с. 56]. В то же время поведение некоторых американо-британских купцов с колошами складывалось, по сведениям, например, лейтенанта корпуса флотских штурманов Гавриила Ивановича Давыдова (1784–1809; состоял на службе в РАК в 1802–1807 гг.), на основе взаимной неприязни: *«Американцы Соединенных штатов чрезвычайно их (колошей. – Авт.) ненавидят и всякое судно долгом почитает, получив весь груз при отправлении в Кантон, сжечь несколько селений природных жителей»* [Давыдов, 1812, с. 113].

Надо подчеркнуть, что Баранов не упускал случая позаботиться об образовании уроженцев и аборигенов колонии: *«При нем в Ситхе существовала уже школа, в которой обучались грамоте и арифметике. Под его же надзором после упражнялись в счетоводстве; иные исправляли должности помощников командиров судов; иные обучались ремеслам, а другие (в т. ч. колоши. – Авт.) отправлены в Петербург для воспитания (обучения. – Авт.)»* [Хлебников, 1835, с. 199, 200]. Когда же Баранов в 1818 г. уходил в отставку и покидал Русскую Америку: *«Он благодетельствовал прежде всем и теперь прощаясь, разстовался со всеми и навсегда. Самые Колоши трепетавшие пред ним, но уважавшие смелый и решительный дух, с каким-то смешанным чувством страха и радости, с ним прощались. Славный Тоен Котлеяц, уважаемый Барановым за ум и неустрашимость, и более всех сделавший ему вреда в истреблении и крепости, явился к нему, и Баранов примирясь с ним, свидетельствовал своему преемнику о его уме и способностях»* [там же, с. 176].

Коцебу с уважением отмечал терпеливый труд правителей РАК и самих колонистов по налаживанию деловых отношений с колошами и другим коренным населением американских территорий. Восхищаясь деятельностью правителя российской колонии капитан-лейтенанта Матвея Муравьёва, мореплаватель подчеркивал, что правитель *«стремится предотвратить какие бы то ни было столкновения между русскими и колошами. Благодаря своим разумным распоряжениям он пользуется большим уважением среди коренных жителей, вследствие чего в настоящее время отношения с ними хороши как никогда. Вообще управление этого достойного человека весьма способствует подъему благосостояния колоний»* [Коцебу, 1981, с. 203].

<...>

За время плаваний Отто Коцебу собрал большой материал о деятельности колонизаторов в странах Латинской Америки и на островах Океании. Мореходу были чужды насильственные методы вовлечения

индейцев в христианскую веру, которыми широко пользовались калифорнийские миссионеры, ставшие, по его мнению, закулисными правителями Таити и Гавайских островов. Капитан «Предприятия» крайне негативно отзывался о так называемой христианской миссии католических монахов в Калифорнии: *«Порт Св. Франциска я нашел точно в таком же положении, в каковом оный находился во время моего здесь пребывания в 1816-м году на бриге Рюрик, с тою только разницею, что тогда жители Калифорнии считали себя зависящими от Испании, а ныне, следуя общему отложению всей западной части Америки от Испанской короны, также объявили себя независимыми... <...>... Духовенство и поныне продолжает насильственно обращать Индейцев в Христианскую веру. Пастыри духовные с конвоями отправляются в леса, подобно как на охоту, и нахватав там арканами полудикарей, в минуту из идолопоклонников превращают их в Христиан, и потом употребляют для возделания полей, засеваемых пшеницею, которая произрастает здесь в изобилии и составляет исключительную собственность духовенства»* [Коцебу, 1828, с. 136–138].

В монографии 1830 г. [Kotzebue, 1830] Коцебу привел примеры невыносимых условий жизни новообращенных христиан: *«Тяжкие работы каждый день, за исключением воскресений, проводимых почти исключительно за молитвой, телесные наказания, тюремное заключение и ножные кандалы за недостаточно точное исполнение требований монахов, дурная пища, убогие жилища, лишение всякой собственности и почти всех радостей жизни – все это, разумеется, ни в коей мере не может удовлетворить даже самые нетребовательные человеческие существа»* [Коцебу, 1981, с. 217]. Смертность среди индейцев-христиан, по сведениям мореплавателя, составляла до трети в год! Коцебу констатировал: *«...численность индейцев, живущих в миссиях, быстро уменьшается вследствие высокой смертности; часто смерть уносит за год до одной трети индейцев-христиан. Поэтому святые отцы вообще не могли бы здесь существовать, если бы не беспрестанная вербовка силой или хитростью новых рекрутов из числа диких индейцев. В Старой Калифорнии уже закрылось несколько миссий, ибо индейцы, обитавшие в тех местах, были полностью истреблены* (выделено мной. – В.Б.)» [там же, с. 219].

Аналогичные факты Коцебу привел и для населения Таити: *«После многих бесплодных попыток, которые предпринимались начиная с 1797 г., английским миссионерам удалось наконец распространить среди таитян то, что они называют христианством,*

и даже обратить в свою веру самого короля Тайо, спокойно и мирно управляющего обоими полуостровами. Но тем самым в пороховую бочку была брошена искра, вызвавшая ужасный взрыв.

Новая религия была введена силой. Марай (священное место, которое служит религиозным целям в полинезийских обществах. – Авт.), как и все то, что могло напоминать о дотоле почитавшихся божествах, были внезапно разрушены по приказу короля. Были убиты все те, кто не хотел сразу переходить в новую веру. Религиозное рвение породило тигриную ярость в сердцах прежде столь кротких людей. Поились потоки крови, целые племена были истреблены. Многие мужественно предпочли смерть отказу от старых верований ...» [Коцебу, 1981, с. 96]. «Миссионеры убедили таитян принять составленную ими конституцию» [там же, с. 98], которая, по оценке Коцебу, «специально рассчитана на то, чтобы сделать еще более тесными оковы, наложенные миссионерами на этот добродушный народ; она должна помочь им полностью сохранить свою власть над островитянами» [там же, с. 104].

Путешественник указывал, что по подсчетам Форстера старшего* на острове до прихода миссионеров обитало не менее 130 тыс. коренных жителей. Считая эту цифру завышенной, мореход допустил, что в то время на острове насчитывалось около 80 тыс. островитян (такую цифру поддерживают и современные исследователи), а в период пребывания самого Коцебу на Таити число коренных жителей не превышало 8 тыс. человек. Столь резкое снижение числа аборигенов русский мореплаватель объяснял следующими обстоятельствами: «Спиртные напитки, введенные в употребление европейцами и американцами, а также занесенные ими заразные болезни могли, конечно, способствовать резкому увеличению смертности.

* **Иоганн Рейнгольд Форстер** (1729–1798) – немецкий орнитолог, ботаник, зоолог и путешественник английского происхождения. Его сын **Георг Адам Форстер** (1754–1794) – немецкий ученый-естествоиспытатель, этнограф, писатель, общественно-политический деятель. В 1765 г. Форстер старший по предложению правительства Екатерины II в сопровождении Георга обследовал немецкие поселения на Волге. Вместе с сыном был участником второго кругосветного плавания Дж. Кука (1772–1775). Это путешествие Георг Форстер описал в книге «Путешествие вокруг света» (переведена на многие языки, в том числе и на русский). Говоря о своем отношении к коренным жителям Океании, Форстер младший писал: «Все народы Земли в равной мере могли рассчитывать на мою доброжелательность. Этого я придерживался всегда. Я считал, что у других людей такие же права, как и у меня, мне хотелось, чтобы написанное мной служило общему благу и моя похвала, как и мое неодобрение, были независимы от национальных предрассудков, какими бы словами они ни прикрывались» [Форстер, 2008, с. 22].

Но европейцы и американцы посещают многие острова Южного моря, что не сопровождается, однако, заметным уменьшением их народонаселения. Нет никаких сведений о том, что на Таити свирепствовала оспа или чума. Значит, главной причиной убыли населения явилось кровавое насаждение миссионерской религии, которое сыграло здесь роль самой опустошительной эпидемии...» [там же, с. 101].

Что касается политики миссионеров Соединенных Штатов по отношению к аборигенам Гавайских островов, то в своей книге 1828 г. Коцебу сообщал: *«Я нашел на сем острове множество перемен против того, как видал оный в первый раз, но ни одной к лучшему»* [Коцебу, 1828, с. 147]. На взгляд Коцебу, деятельность миссионеров входила в противоречие с уровнем развития, характером и природным поведением островитян: *«Вообще жители островов Южнаго моря, не имеют никакой образованности, никаких привычек введенных приличием и силою законов, и потому склонности их во всем сообразны с климатом: характер мягкий, но непостоянный и беспечный, живость и веселое расположение духа, которыя по недостатку занятий, рождают в них необходимую потребность искать препровождения времени в разных играх, плясках и пении; таковы отличительныя их свойства. Жители Сандвичевых островов имеют сии качества в высшей степени, посему они всегда до чрезвычайности были пристрастны к увеселениям. Надлежало бы мало по малу облагораживать в них все сие мерами благоразумия; но господа Миссионеры, не входя в природный характер сих дикарей... начали приводить в исполнение введение Христианства тем, чем бы должно было кончить. Прежде всего они (миссионеры. – Авт.) крестили всех без разбору, не обращая ни малейшаго внимания на то, понимает ли новокрещенный важность сего священнодействия, и способен ли знать, ценить и выполнять возлагаемую на него званием Христианина обязанность; сверх сего, строжайшие запретили всякаго рода игры, пляски и даже пение песен. По Воскресным дням и прочим праздникам, не должны новые Христиане разводить огня, несколько раз в день обязаны ходить в церковь... Таковыя насильственные и недостойныя звания Апостольскаго меры искажают только Религию»* [там же, с. 148, 149].

<...>

В противоположность жесткой практике западноевропейских и американских миссионеров, действия российских православных священников, по убеждению Коцебу, отличались добросердечием

и терпимостью*. По словам мореплавателя: *«Православная церковь не распространяет свое учение силой. Она свободна от фанатизма и проповедует любовь и терпимость. Эта церковь не стремится, во что бы то ни стало привлечь людей иной веры, а позволяет им принимать православие лишь по искреннему внутреннему убеждению. Для тех же, кого она допускает в свое лоно, она навсегда остается любящей матерью. Сколь отлично это от образа действий католических священников и протестантских миссионеров!»* [Коцебу, 1981, с. 230].

В подтверждение сказанного полезно познакомиться с примерами миссионерской деятельности святителя **Иннокентия** (в миру – Иван Евсеевич Вениаминов) (1797–1879) – первого православного епископа Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, сподвижника генерал-губернатора Восточной Сибири графа **Николая Николаевича Муравьёва-Амурского** (1809–1881; государственный деятель, с 5 дек. 1858 г. почетный член ИСПБАН), которую он осуществлял на Дальнем Востоке и в Русской Америке. В 1823 г. Вениаминов был назначен миссионером в Америку и в 1824 г. со своим семейством прибыл на остров Уналашка, где прожил пятнадцать лет. Святитель просвещал обитателей Камчатки, Алеутских островов и Аляски, крестил тысячи людей, строил храмы, при которых основывал школы и сам обучал в них детей. Массово проводил прививание оспы, что позволило остановить эпидемии этой болезни у просвещаемых им народов. По утверждению архиепископа Якутского и Ленского Романа (А.А. Лукина): *«Миссионерское служение имеет смысл лишь в том случае, когда в его основе лежит уважение к национальной культуре и традициям каждого народа. Объезжая свою огромную епархию,*

* По сообщению Г.И. Давыдова, первые попытки распространения христианской веры среди индейцев из-за незнания православными священниками и монахами местных языков были формальны и малоэффективны даже при задействовании переводчиков, поскольку *«сии не могли понимать совершенно новых и высоких для них мыслей, а еще и того менее растолковать оныя своим соотечественникам...<...> ...Можно посудить, что такой образ приведения в христианскую веру, весьма малое оставляет впечатление в понятиях диких, кои вероятно и не стали бы принимать крещения, если бы при сем обряде не получали креста, рубашки и исподнего платья»* [Давыдов, 1812, с. 87, 88]. Сложившуюся ситуацию подтверждает и капитан «Невы» Ю.Ф. Лисянский: *«Кадьякцы, до прихода к ним Россиян, ни какой установленной веры не имели... Теперь они почти все почитаются Христианами; но вся вера их состоит только в том, что имеют по одной жене, и входя в дом Россиянина крестятся. Впрочем же ни какого понятия о догматах наших не имеют; а переходят в веру единственно из корысти, т. е. чтоб получить крест, или другой какой либо подарок. Я знал многих, которые трижды крестились, получая за то каждый раз рубашу, или платок»* [Лисянский, 1812, с. 75].

святитель Иннокентий убеждался в том, что местное население сознательно может усвоить христианские истины только на родном наречии» [Святитель... 2012, с. 12]. Поэтому неудивительно, что уже в 1826 г. Вениаминов создал алфавит для алеутского языка, приложив к теоретической части труда 12 текстов древних алеутских песен, и свои проповеди читал на языке коренного народа. Благодаря святителю собственную письменность получили также колоши (тлинкиты), якуты и тунгусы.

22 августа 1834 г. Вениаминов был переведен в Ново-Архангельск для просвещения колошей. Миссионер сумел быстро завоевать доверие индейцев. Отметим, что к моменту его прибытия на Ситку половина колошинского населения вымерла от эпидемии оспы. Тлинкиты заметили, что русские не болеют и, получив от святителя представления о вакцинации, принимали вакцину прямо из рук миссионера. Эпидемия быстро закончилась. На Ситке святитель создал духовную семинарию, построил собор Архангела Михаила и собственноручно собрал для него часы (по материалам газеты «Амурская правда» от 21.03.2013 г.). Любопытно, что в противовес крайне негативному мнению Коцебу о колошах, Вениаминов, наблюдавший тлинкитов в течение ряда лет, высказывал по этому поводу противоположную точку зрения: *«Колоши, по моему замечанию, могут быть и на верное со временем будут господствующим народом из всех северо-Американцев, начиная от Берингова пролива и до Калифорнийского залива, а может быть и далее. <...> Мне удалось видеть и жителей берегов Берингова моря, и Уналашкинцев (алеутов о-ва Уналашка. – Авт.), Кадьякцев (эскимосов о-ва Кадьяк. – Авт.), Колоши и Калифорнийских индейцев – разноязычных, и по возможности узнать их способности и свойства – и, мне кажется, что **Колоши из всех их лучший народ по своим способностям и деятельности**»* (выделено мной. – В.Б.) [Вениаминов, 1840, с. 112, 113]. Тем не менее святитель уточнил: *«Правда, Колоши, не имеют некоторых добрых и похвальных качеств, например, Алеутов; но за то они всех превосходят своею деятельностью, сметливостию и склонностию к торговле»* [там же, с. 115].

14 декабря 1840 г. в Казанском соборе святитель был поставлен в сан епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, принял монашество и новое имя – Иннокентий. Собранные им на Алеутских островах уникальные коллекции были переданы в дар Этнографическому музею Географического общества. В 1858 г. вместе с Николаем Муравьевым он отправился по Амуру для переговоров с китайскими



Благословение православным священником алеутов на промысел.
Художник В. Латынцев. *Из открытых источников*

послами о границе между государствами, в результате которых в мае в городе Айгуне был заключен новый мирный договор с Китаем, по которому весь Амурский край перешел к Российской империи. Вкупе с графом Н.Н. Муравьевым-Амурским считается основателем Благовещенска. За свою подвижническую и исследовательскую деятельность святитель Иннокентий 12 декабря 1857 г. был избран почетным членом ИСПБАН, а 8 января 1869 г. – почетным членом РГО. С 5 января 1868 г. Иннокентий стал митрополитом Московским и Коломенским. Известно, что обнародованная в 1883 г. книга «Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский» была Императорской Санкт-Петербургской академией наук удостоена Уваровской премии. Сам Иннокентий за свой трехтомный научный труд «Записки об островах Уналашкинского отдела» [1840] был награжден Демидовской премией*.

<...>

Политика руководителей Российско-американской компании при колонизации новых территорий, по мнению Коцебу, глубоко

* Более подробно о деятельности святителя можно ознакомиться, например, в книге писателя Александра Михайловича Бачурина «Апостол Америки и Сибири. Сказание о миссионерских трудах Московского митрополита Иннокентия (Вениаминова), апостола Америки и Сибири, по его сочинениям, письмам и рассказам современников», вышедшей в свет в 2012 г. в издательстве «Дальнаука» [Бачурин, 2012].

контрастировала захватнической практике западноевропейских колонистов. В частности, описывая историю возникновения форта Росс*, Коцебу заверял, что эта крепость *«была основана в 1812 г. с согласия коренных жителей»* (выделено мной. – В.Б.), *которые с готовностью помогали подвозить строительные материалы и даже участвовали в возведении построек»* [Коцебу, 1981, с. 228].

Говоря о взаимоотношениях русских поселенцев с индейскими племенами, мореплавателю выделил следующие моменты: *«Обитатели селения Росс живут в мире и согласии с местным населением... Многие индейцы приходят в крепость и работают там за поденную оплату. Ночи они обычно проводят вне крепости. Индейцы охотно выдают своих дочерей замуж за русских и алеутов. В результате возникают многочисленные родственные связи, которые способствуют дальнейшему укреплению уз дружбы и взаимопонимания. Обитатели Росса, в одиночку охотясь на оленей и другую дичь, удаляются от крепости на большие расстояния. Они часто проводят ночи среди индейцев различных племен, причем с ними никогда еще не случалось ничего плохого. Испанцы никогда бы на это не решились. Чем разительнее контраст между угнетением индейцев в миссиях и обращением с ними в нашем селении, тем больше должен радоваться всякий гуманный человек, вступая на русскую территорию»* [Коцебу, 1981, с. 229, 230]**.

Коцебу, безусловно, верил, что *«при благоприятных условиях»* и *«благодетельных реформах»* индейцы и островитяне могли бы сравняться с цивилизованными нациями. По этому поводу мореход указывал, что благодетельные реформы смогли бы быстро поставить

* Форт Росс – укрепленное поселение, основанное в 1812 г. на побережье Северной Калифорнии Российско-американской компанией. Служило опорной базой для промысла морской выдры и центром очага земледелия и скотоводства. В колонии работали и служили русские, алеуты, эскимосы (кадьякцы), индейцы (атапаски, тлинкиты и калифорнийские индейцы), а также полинезийцы (гавайцы) и уроженцы Финляндии (финны и шведы). Общая численность населения составляла от 170 до 290 чел. В апреле 1839 г. разрешением правительства форт был упразднен.

** Начиная с 1830-х гг. индейцы стали привлекаться в форт Росс на уборку урожая и насильственно. Данный вид их эксплуатации определялся, с одной стороны, нехваткой рабочей силы, с другой – кочевым (а не оседлым, как на Алеутских островах и Кадьяке) образом жизни части коренного населения и его независимостью от русской администрации. По окончании уборки пригнанные в Росс индейцы отпускались, получив небольшое вознаграждение в виде нескольких ниток бисера, рубашки или, иногда, одеяла. Однако если в Росс индейцы пригонялись лишь на время полевых работ, то в протестантских миссиях захваченные индейцы были обречены на пожизненное пребывание [Истомин, 1980].

таитян «в один ряд с цивилизованными нациями», что гавайцы, «возможно, уже сравнялись бы с европейцами», если бы не «злополучные обстоятельства, задержавшие их дальнейшее развитие» [Тумаркин, 1981, с. 20]. Коцебу не сомневался, что «Истинное христианство и либеральное правительство быстро смогли бы поставить этот народ, так щедро одаренный задатками всех общественных добродетелей, в один ряд с цивилизованными нациями. Под столь благотворным влиянием здесь вскоре укоренились бы науки и искусства, распространилось бы подлинное просвещение, а правильные понятия о вечных истинах, добром и прекрасном облагородили бы нравы. В скором времени Европа начала бы удивляться происходящему на Таити, а может быть, даже стала бы завидовать этой стране. Но учение миссионеров не есть подлинное христианство, хотя в нем и содержатся догматы последнего, отчасти ложно понятые самими проповедниками. Та религия, которую приходится распространять силой, уже по этой причине не может быть истинно христианской» [Коцебу, 1981, с. 100].

Тем не менее Коцебу не был наивным мечтателем. Он, в частности, писал: «Жители многих островов Южного моря все еще занимаются людоедством. В большинстве своем они, во всяком случае, хитры и коварны. Вот почему при общении с островитянами приходится соблюдать величайшую осторожность. Их приветливость порождается страхом, который сразу исчезает, как только они начинают считать себя более сильными и потому перестают опасаться мщения. Я не советовал бы полностью доверять даже жителям Радака, хотя их можно считать самыми добродушными из островитян Южного моря. **Человек становится человеком лишь тогда, когда в его развившемся сознании выкристаллизовываются понятия добра и зла. Без этого он раб своих инстинктов и, следовательно, подобен животному** (выделено мной. — В.Б.)» [Коцебу, 1981, с. 141, 142].

Личный опыт общения со свободными индейцами позволил составителю дневниковых записей заметить: «Они (свободные индейцы — Авт.) кажутся не столь глупыми и, по-видимому, более развиты, чем те, которые находятся под опекой “разумных людей” (*gente rational*), как называют себя здесь испанцы» [там же, с. 217]. Здесь же Коцебу изложил собственные взгляды по способам привлечения туземцев к цивилизации: «Если бы из индейцев хотели сделать не мнимых христиан, а настоящих людей, то тогда следовало бы обучить их строительству домов, земледелию и скотоводству на землях, оставленных

в их собственности, а также разрешить им свободно распоряжаться продуктами своего труда. В этом случае между ними сама собой распространилась бы человеческая культура, и тогда, быть может, «варвары» (los barbaros) сравнялись бы с «разумными людьми» [там же].

По утверждению Д.Д. Тумаркина – автора предисловия и комментариев к русскоязычному изданию веймарской книги мореплавателя: *«Сочинение Коцебу, изданное в 1830 г. в Веймаре и тогда же опубликованное в переводе на английский язык, вызвало немалый переполох в кругах миссионеров, поспеивших объявить автора клеветником и безбожником. Капеллан военно-морского флота США, бывший миссионер Стюарт, английские миссионеры Тайермен и Беннет выпустили книги, в которых пытались опровергнуть факты, сообщенные Коцебу, а недостаток аргументов не постеснялись возместить бранью по адресу русского мореплавателя. Их резкие выпады свидетельствуют о том, что обвинения, выдвинутые Коцебу, попали не в бровь, а в глаз» [Тумаркин, 1981, с. 19].*

3.4. Послесловие

По возвращении в 1826 г. из своего третьего кругосветного плавания в Санкт-Петербург О.Е. Коцебу был произведен в капитаны 2-го ранга. Дальнейшую службу проходил в Ревеле, командовал кораблем «Император Пётр I». В 1829 г. был произведен в капитаны 1-го ранга. Из-за проблем со здоровьем, которое было подорвано в кругосветных путешествиях, Отто Евстафьевич был вынужден подать в отставку. Последние шестнадцать лет жизни Коцебу провел в своем имении под Ревелем. Осенью 1845 г. путешественник занемог особенно серьезно. Пять месяцев его организм сражался со смертью. 3 [15] февраля 1846 г. первопроходца не стало. Похоронен О.Е. Коцебу на кладбище поселка Коце в эстонском уезде Харьюмаа.

Походы О.Е. Коцебу на «Рюрике» и «Предприятии» были чрезвычайно плодотворны. В этих плаваниях было открыто 399 новых островов и среди них такая крупная группа, как цепь Радак [Головнин, 2014]. Мореплавателю уточнил координаты многих ранее открытых земель, доказал несостоятельность некоторых прежних открытий. В периоды плаваний проводились астрономические и географические работы, осуществлялась точная опись берегов, изучались рельеф, геологическое строение, внутренние воды, почвы, растительный и животный мир, выполнялись этнографические исследования. Сам Коцебу оставил детальное описание открытий, опасностей и приключений, которые испытали команды парусников за годы кругосветных плаваний, показал мирный характер освоения русскими промышленниками новых американских территорий, основанный на договорных началах, а также добровольную христианизацию коренных народов, проводимую православными священниками, в отличие от аналогичных действий западноевропейских колонизаторов и миссионеров.

Высокую оценку экспедиции Коцебу получили со стороны выдающихся русских ученых, таких как Степан Осипович Макаров (1848–1904; военно-морской деятель, океанограф, полярный исследователь, вице-адмирал, герой Русско-японской войны), Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940; географ, гидрограф, океанограф), Николай Николаевич Зубов (1885–1960; океанолог, исследователь Арктики, контр-адмирал, профессор), причем отдельные наблюдения, проведенные на «Предприятии», С.О. Макаров ставил выше наблюдений, проведенных английской экспедицией на судне «Челленджер» (1872–1876), и даже своих – на судне «Витязь» [Есаков и др., 1964].

Кругосветные плавания под руководством Коцебу, так же как и многих других плаваний русских путешественников, способствовали более углубленному пониманию явлений на Земле, подъему естественных наук на более высокий уровень развития. Общеизвестно, что экспедиции Коцебу существенно повлияли не только на ход и развитие океанологической науки, но и на смежные области знаний, включая биологию, географию, астрономию, геофизику, этнографию, историю и политическую экономию.

Характеризуя личность самого О.Е. Коцебу, необходимо отметить его уникальные организационные способности, умение наладить в условиях морского похода творческую атмосферу. Вот как, например, характеризовал созидательную обстановку во время плавания на «Предприятии» Иоганн Эшшольц в письме (до 25 окт. 1826 г.) к своему другу и коллеге А. Шамиссо: *«Путешествие было для меня вполне удачным, это были три незабываемых года. Никогда не вернется и не может возвратиться время, которое я смог исключительно посвятить моей науке, когда постоянно находил интереснейшие материалы»* (цит. по: [Лукина, 1975, с. 151]).

Интересно, что когда в 1815 г. еще велись отделочные работы при строительстве брига «Рюрик», общительный О. Коцебу, уже назначенный капитаном парусника, приобрел много друзей. Один из них в день спуска судна на воду посвятил Коцебу пространное стихотворение, впоследствии напечатанное анонимно в 1817 г. в журнале «Neue inlälische Blätter». Приведем здесь лишь первые строки этого произведения в переводе Т.А. Лукиной:

«Счастлив будь, моряк отважный,
Твой корабль лобзуют волны,
Управляя же им надежно,
Когда он с тобой помчится
В неизведанные страны...
Финский берег тогда вспомни,
Где из дуба был он сделан...
Его вымпелы трепещут,
Надуваемые ветром
К полюсам Земли летит он,
В бесконечность он стремится...

Новый Свет наградой будет.
Воплотишь свою мечту ты,
Как Колумб и Магеллан...
Храбрых спутников собрал ты:
Русские всегда бесстрашны,
С ними «Рюрик» не погибнет! ...
Закричит однажды юнга:
«Вижу землю!». И сойдете
На неведомый вы берег
И открыто, и по-братски
Руки жителям пожмете...»

Легко увидеть, что *«автор стихотворения, посвященного Отто Коцебу, проникнут чувством гордости за Россию, верой в ее мореплавателей, в их гуманные цели»* [там же, с. 14].

4. КОМПЛЕКСНЫЕ КРУГОСВЕТНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ НАЧАЛА XIX В.

4.1. Кругосветные плавания В.М. Головнина и М.П. Лазарева

Среди самых первых научных кругосветных плаваний, совершенных в царствование Александра I, обращают на себя внимание экспедиции **Василия Михайловича Головнина*** и **Михаила Петровича Лазарева****.

В.М. Головнин совершил два кругосветных вояжа на шлюпах «Диана» в 1807–1809 гг. и «Камчатка» в 1817–1819 гг. Целью первого плавания была доставка военного и морского снаряжения, материалов и продовольствия в Русскую Америку, а также выполнение научной работы, в которую главным образом входило описание Курильских островов. Уже в начале путешествия при заходе в порт Саймонстаун (ныне – военно-морская база ЮАР в окрестностях Кейптауна), где базировался английский военный флот, корабль Головнина был захвачен

* **Василий Михайлович Головнин** (1776–1831) – русский мореплаватель и мемуарист, вице-адмирал и исследователь, чл.-корр. ИАН с 27 мая 1818 г. В 1801–1805 гг. служил под командованием Нельсона, участвовал в Русско-шведской войне, руководил двумя кругосветными экспедициями, где совершил важные географические открытия. В последние годы жизни занимался интендантской частью флота, строительством кораблей, включая первые российские пароходы.

** **Михаил Петрович Лазарев** (1788–1851) – русский флотоводец и мореплаватель, адмирал (1843), один из основателей Новороссийска (1838). Сын сенатора Петра Гавриловича Лазарева, происходившего из дворян Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Незадолго до смерти, в 1800 г., отец определил троих сыновей – Андрея, Михаила и Алексея – в Морской кадетский корпус. Попечение над осиротевшими братьями взял на себя друг их отца поэт Гавриил Романович Державин, не имевший своих детей. В 1803 г. Михаил выдержал экзамен на звание гардемарина, став третьим по успеваемости из 32 учеников. В числе 30 лучших выпускников корпуса отправлен в Великобританию. 21 мая 1808 г. произведен в мичманы как «прибывший из Англии». В 1808–1813 гг. служил на Балтийском флоте. Участвовал в Русско-шведской 1808–1809 гг. и Отечественной войне 1812 г. В 1813 г. в возрасте 25 лет лейтенант Лазарев получил назначение командовать фрегатом «Суворов», отправлявшимся в кругосветное плавание. В качестве командира шлюпа «Мирный» совместно с Ф.Ф. Беллинсгаузеном участвовал в первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. В 1822–1825 гг. Лазарев в качестве командира фрегата «Крейсер» принял участие еще в одном кругосветном плавании. В 1832 г. стал начальником штаба Черноморского флота. В феврале – июне 1833 г., командуя эскадрой, возглавил экспедицию русского флота в пролив Босфор, в результате которой был заключен Ункяр-Искелесийский договор. Умер 11 (23) апреля 1851 г. в Вене. Похоронен в Севастополе в склепе Владимирского собора.



Портрет капитана 1-го
ранга В.М. Головнина кисти
О.А. Кипренского, 1814 г.
Государственный Эрмитаж



П.И. Рикорд. Неизвестный
художник. *Центральный
военно-исторический музей*

в плен в связи с началом войны между Россией и Англией. Год спустя мореплаватель совершил дерзкий побег и после 62-дневного перехода прибыл на о-в Танна в южной части Вануату (Меланезия). Здесь он собрал ценные сведения о местных жителях и богатую этнографическую коллекцию (в 1819 г. передана в Кунсткамеру). Спустя 5 дней Головнин безостановочно проследовал в Петропавловскую гавань. Во время описи Курильских о-вов В.М. Головнин и его спутники при высадке на о-в Кунашир обманом были захвачены в плен японцами. В отсутствие капитана командование «Дианой» взял на себя старший офицер лейтенант **Пётр Иванович Рикорд** (1776–1855; российский адмирал, дипломат, географ, чл.-корр. ИАН с 20 мая 1818 г.). После тщетных попыток добиться освобождения Головнина Рикорд направился в Охотск, чтобы оттуда добраться до Санкт-Петербурга и там хлопотать об освобождении командира. В Иркутске Рикорд получил приказ возвратиться в Охотск. Русские власти стали предпринимать попытки для освобождения пленников, и в 1813 г. моряков удалось освободить. В 1814 г. Головнин прибыл в Санкт-Петербург, совершив путешествие через Сибирь.

В ходе второго кругосветного плавания 1817–1819 гг. Головнин и его команда, в которую входили будущие известные мореплаватели **Фердинанд Петрович Врангель** (1796–1879; исследователь Русского Севера, чл.-корр. ИАН с 19 дек. 1827 г., почетный член ИАН с 3 дек. 1855 г.) и **Фёдор Петрович Литке** (1797–1883; мореплаватель, географ, чл.-корр. ИАН с 16 дек. 1829 г., почетный член с 3 дек.



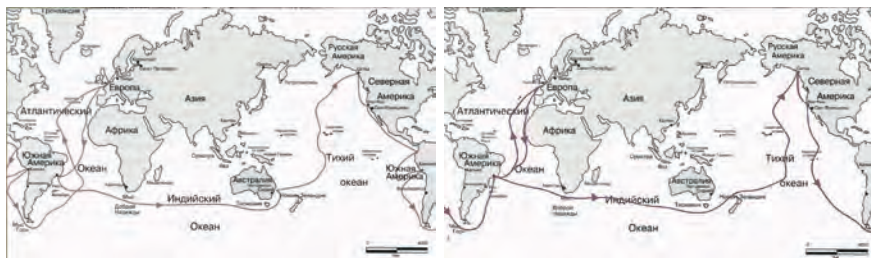
Часть карты кругосветных плаваний В.М. Головнина.

Из: (<http://rus-travelers.ru/golovnin-vasilij-mihajlovich/>)

1855 г., президент ИСПБАН с 23 февр. 1864 г. по 25 апр. 1882 г., основатель Русского географического общества), провели обширные исследования в Тихом океане. Мореплаватели занимались метеорологическими и океанологическими наблюдениями, изучили северо-западные берега Северной Америки, исследовали берега Камчатки, составили карты и описания изученных объектов, побывали на Гавайских и Марианских островах. 27 мая 1818 г. за научные достижения, полученные в этой экспедиции, В.М. Головнин был избран членом-корреспондентом ИАН.

<...>

Первое кругосветное плавание М.П. Лазарева состоялось на шлюпе «Суворов» в 1813–1816 гг. с целью доставки грузов в Ново-Архангельск, а также посещения портов Бразилии, Австралии, Перу, испанской Калифорнии и других стран [Кругосветное плавание..., 2023]. По пути из австралийского Порто-Джексона в Русскую Америку Лазарев открыл группу из пяти необитаемых коралловых островов, которая в честь корабля была названа островами Суворова. На обратном пути в Россию парусник зашел в перуанский порт Кальяо, где Лазарев принял в дар императору Александру I собрание перуанских древностей.



Плавание М.П. Лазарева на фрегатах «Суворов» в 1813–1815 гг. (слева) и «Крейсер» в 1822–1825 гг. (справа). *Из открытых источников*

В 1819–1821 гг. мореплаватель в качестве командира шлюпа «Мирный» участвовал в походе к Антарктиде под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена (см. ниже). Наконец в 1822–1825 гг. Лазарев командовал еще одним кругосветным плаванием на фрегате «Крейсер» в сопровождении шлюпа «Ладога» под командованием капитан-лейтенанта Андрея Лазарева (родной брат М.П. Лазарева). В этом плавании также участвовали мичман Павел Степанович Нахимов, впоследствии знаменитый флотоводец и герой обороны Севастополя, мичман Ефим Васильевич Путятин, впоследствии известный мореплаватель и дипломат, почетный член ИАН с 3 дек. 1855 г., другие будущие известные мореплаватели. Экспедиция исследовала Тихий океан, проводя географические, гидрографические и метеорологические наблюдения. Затем около года корабль провел у берегов северо-западной Америки, охраняя русские территориальные воды от контрабандистов. Летом 1824 г. «Крейсер» сменил прибывший в Ново-Архангельск шлюп «Предприятие» под командованием капитан-лейтенанта О.Е. Коцебу, очерк о путешествии которого приведен в главе 3.

4.2. Подготовка научных экспедиций в антарктическую и арктическую зоны земного шара

В 1818 г. по повелению императора Александра I была начата подготовка кругосветных плаваний в арктическую и антарктическую зоны земного шара. С этого момента в рамках единого проекта стали формироваться два отряда по два шлюпа в каждом. Известно, что в организации столь масштабного предприятия принимали участие И.Ф. Крузенштерн, направивший по этому поводу письмо морскому министру маркизу Ивану Ивановичу де Траверсе (1791–1850), Гаврила Андреевич Сарычев (1760–1831; видный отечественный мореплаватель, ученый и вице-адмирал) и недавно вернувшийся из кругосветного плавания на бриге «Рюрик» капитан-лейтенант О.Е. Коцебу. Отправка отрядов планировалась на 1820 г., однако так как проект получил Высочайшее одобрение, было решено перенести дату начала экспедиции на 1819 г. Изменение сроков не позволило Императорской академией наук подготовить научные группы, поэтому все намеченные Академией исследовательские работы легли на плечи командиров и офицеров парусников.

Первый или южный отряд, предназначенный для похода к южному полюсу, состоял из шлюпов «Восток» и «Мирный», из которых шлюпом «Восток» командовал руководитель отряда **Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен***, шлюпом «Мирный» – **Михаил Петрович**

* **Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен** (1778–1852) – русский мореплаватель, адмирал (1843), первооткрыватель Антарктиды. По происхождению – балтийский немец из остзейского дворянского рода Беллинсгаузен. Родился 18 [29] августа 1778 г. на мызе Лагентаге, о-в Эзель (Сааремаа, Лифляндская губерния). В 1789 г. поступил в Морской кадетский корпус. 1 мая 1797 г. произведен в мичманы (первый офицерский чин во флоте) и получил назначение в Ревельскую эскадру. В 1803–1806 гг. Беллинсгаузен участвовал в первом русском кругосветном плавании на шлюпе «Надежда», которым командовал Иван Фёдорович Крузенштерн. Затем он до 1811 г. служил на Балтийском море, а последующие семь лет – на Черном море, где занимался в том числе гидрографическими работами. В 1819–1822 гг. возглавил морскую кругосветную экспедицию, в результате которой была открыта Антарктида. С сентября 1826 г. по июнь 1827 г. командовал отрядом кораблей Балтийского флота. Как командир Гвардейского экипажа Фаддей Фаддеевич участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. 6 декабря 1830 г. произведен в чин вице-адмирала и назначен начальником 2-й дивизии Балтийского флота, а в 1839 г. стал главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта. Ежегодно на время морской кампании Беллинсгаузен назначался командующим Балтийским флотом. В 1847 г. был удостоен звания генерала, состоящего при Особе Его Величества. Действительный член РГО с 19 сентября [1 окт.] 1845 г. Умер Беллинсгаузен 13 [25] января 1852 г. в Кронштадте в возрасте 73 лет, похоронен на Кронштадтском лютеранском кладбище, где сейчас установлен его кенотаф, сама могила не сохранилась.

Лазарев, а всего в плавании на «Востоке» участвовало 111 человек, на «Мирном» – 70. Причем первоначально южный отряд должен был состоять из шлюпа «Восток» и транспорта «Ладога» под общим руководством капитан-командора **Макара Ивановича Ратманова** (1772–1833; российский мореплаватель, вице-адмирал), принимавшего ранее участие в кругосветном путешествии Крузенштерна на шлюпе «Надежда». Однако состояние здоровья не позволило Ратманову принять участие в экспедиции. Руководство отрядом было предложено Беллинсгаузену, а транспорт «Ладога» был заменен на шлюп «Мирный».

Второй отряд состоял из шлюпов «Открытие», которым командовал капитан-лейтенант **Михаил Николаевич Васильев** * (он же начальник отряда), и «Благонамеренный» под командованием капитан-лейтенанта **Глеба Семёновича Шишмарёва** **, принимавшего участие в кругосветном плавании на «Рюрик» в 1815–1818 гг. В плавании на «Благонамеренном» участвовало 83 человека, на «Открытии» – 74, причем с экспедицией в родные места возвращались 3 жителя Камчатки и 2 жителя о-ва Уналашка, привезенных ранее в Санкт-Петербург «Рюриком» и которые также были включены в состав экспедиции в качестве переводчиков с назначением жалования.

* **Михаил Николаевич Васильев** (1777–1847) – русский мореплаватель и исследователь, вице-адмирал (1835). Образование получил в Греческом кадетском корпусе, в 1796 г. получил звание мичмана. В 1799 г. отличился при штурме островка Девиго и взятии Корфу. Отличился также в войне с Наполеоном в 1812 и 1813 гг. В 1819–1822 гг. возглавил кругосветную арктическую экспедицию. В 1823–1826 гг. командовал 13-м флотским экипажем в Кронштадте, затем 18-м флотским экипажем в Архангельске. В 1827 г. был произведен в контр-адмиралы и 4 апр. 1828 г. стал капитаном над Кронштадтским портом. В 1831 г. был назначен генерал-интендантом флота. 6 апреля 1835 г. получил чин вице-адмирала, пользовался особым благоволением императора Николая I. Умер в Кронштадте 23 июня (5 июля) 1847 г., похоронен на Смоленском кладбище, могила не сохранилась.

** **Глеб Семёнович Шишмарёв** (1781–1835) – путешественник, исследователь, контр-адмирал, командир гвардейского экипажа. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, откуда выпущен гардемарин в 1801 г. Через три года произведен в мичманы. С 1801–1809 гг. проходил службу на разных судах в Балтийском море. В 1815–1818 гг. в качестве старшего офицера участвовал в кругосветном плавании О.Е. Коцебу, где принимал участие в геодезических исследованиях. В 1819 г. был произведен в капитан-лейтенанты. В этом же году отправился в арктическое кругосветное путешествие под общим командованием М.Н. Васильева в качестве командира шлюпа «Благонамеренный». С 1824 по 1827 г. командовал в Санкт-Петербурге флотскими экипажами. 7 августа 1829 г. произведен в контр-адмиралы, затем был назначен командиром Гвардейского флотского экипажа. Умер 22 октября 1835 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском кладбище.

Выбранные морским министерством для путешествия шлюпы «Восток» и «Открытие» (длина кораблей 39,7 м, ширина – 10 м, максимальная осадка – 4,4 м, водоизмещение около 900 т, вооружение – 28 пушек) были построены в 1818 г. на Охтинской верфи Санкт-Петербурга с учетом полученного опыта плавания капитана Головнина в 1817 г. на шлюпе «Камчатка» той же конструкции. Одного и того же типа были шлюпы «Мирный» и «Благонамеренный», которые изначально числились военным транспортом, но в 1818 г. переквалифицированы в шлюпы. Их длина составляла 36,5 м, ширина – 9,1 м, осадка – 5 м, водоизмещение – 530 т, вооружение – 20 пушек. Подводная часть всех кораблей была обшита медью.

<...>

Руководитель южного отряда Ф.Ф. Беллинсгаузен после завершения похода в 1831 г. опубликовал дневники путешествия под названием «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах “Восток” и “Мирный” под начальством капитана Беллинсгаузена, командира шлюпа “Восток”» [Беллинсгаузен, 1831 а, б]. По результатам экспедиции мореплаватель также подготовил «Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена...» [Атлас..., 1831].

Путешествие обоих отрядов имело исключительно научное назначение. В частности, в начале первой главы Беллинсгаузен поместил объявление морского министра адмирала маркиза де-Траверзе следующего содержания: «...ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно отправить, для открытий (выделено мной. – В.Б.), две экспедиции: одну к Южному, а другую к Северным полюсам.

Первой предназначено осмотреть те части Южного Океана, в которых никто еще не бывал, или в тех частях, которые уже известны, обозреть острова, коих не видали прежние мореплаватели. Сия экспедиция названа первым отрядом.

Другой надлежало войти в Берингов пролив, искать прохода по северную сторону Северной Америки и обойдя оную, Западным Океаном возвратиться в Россию. Сия экспедиция названа вторым отрядом» [Беллинсгаузен, 1831 а, с. 1].

Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, несомненно, выделялась среди всех прочих крайней амбициозностью поставленных задач и высокой степенью риска их исполнения. Известно, что результатами путешествия Беллинсгаузена–Лазарева стало открытие шестого материка – Антарктиды, а также 29 островов в Южном



Адмиралы Ф.Ф. Беллинсгаузен по лит. У. Штейбаха, ок. 1835 г. (слева)
и М.П. Лазарев с грав. И. Томсона, ок. 1835 г. (справа).

Из открытых источников

полушарии. Открытие Антарктиды относится к одному из самых значительных географических открытий в истории человечества, тем более, что русским кораблям впервые удалось обойти всю Антарктиду. Кроме того, в путешествии были собраны богатые естественнонаучные и этнографические коллекции, сделаны превосходные зарисовки антарктических пейзажей и обитающих там животных.

Надо отметить, что шансы открыть Южный ледяной континент не были иллюзионными. Еще знаменитый русский ученый Михаил Ломоносов обосновал возможность существования неизвестной Южной земли, основываясь на айсбергах. В трактате 1761 г. «Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях» Ломоносов утверждал, что наличие падунов (глетчерных айсбергов) свидетельствует о расположенных поблизости берегах, от которых отрываются эти ледяные глыбы. Раз падунов в южной части встречается больше, чем в северной, то можно предположить, что там надо искать Terra Australis Incognita (Неведомая Южная земля). Однако реальных доказательств существования Южной земли до начала похода русских моряков обнаружено не было.

Известно, что активные исследования южных широт проводились на протяжении XVIII в. голландскими, французскими и английскими мореплавателями, но только Джэймс Кук приблизился к антарктическому льду в 1773 г., однако континент так и не увидел. Ему удалось достигнуть только о-в Южная Георгия и Земли Сандвича. Великий мореплаватель предположил, что если земля и существует, то добраться до нее практически невозможно из-за ледяных барьеров.

Кук писал: *«Риск, связанный с плаванием в этих покрытых льдами морях в поисках материка, настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше (выделено мной. – В.Б.), чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы»*. Цит. по: (<https://dzen.ru/a/Z5f0-ijkvzNlOFeh>. Дата обращения: 29.06.2025). Куку поверили, и на протяжении последующих 45 лет южно-полярные экспедиции не совершались. Именно поэтому еще в начале XIX в. вопрос о существовании Южного материка оставался открытым.

Многие российские моряки не разделяли вывод Кука и больше соглашались с Ломоносовым. И когда с началом царствования императора Александра I русский флот приступил к масштабным исследованиям Мирового океана, все больше отечественных мореплавателей склонялось к мысли, что континент на юге существует. Император, впечатленный результатами уже проведенных экспедиций и запиской Крузенштерна о плавании в арктических широтах, решил полезным для престижа страны достичь крайних южных рубежей, куда не смогли добраться европейцы.

Экспедиции к южному и северному полюсам проходили тщательную подготовку. Причем перед отплытием командиры обоих отрядов получили по 4 инструкции от Морского министра, включающие общий план компании (маршрут) и детальное расписание действий командира и его отряда в разных условиях плавания.

Например, в первой инструкции морского министра, направленной Беллинсгаузену от имени императора, в частности, говорилось:

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО полагаясь на усердие, познания и таланты Капитана 2^{го} ранга Беллинсгаузена, и не желая стеснять его в действии, ограничивается указаниями главнейших предметов, для которых он отправлен, и уполномочивает его, судя по обстоятельствам, поступать как он найдет приличным для блага службы и успеха в главной цели, состоящей в открытиях в возможной близости Антарктического полюса.

В особенности рекомендуется ему (Беллинсгаузену. – Авт.) иметь неусыпное попечение о сохранении здоровья экипажей, что во всякое время и во всех случаях должно быть предметом ревностнейших его стараний.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО повелевает также во всех землях, к коим будут приставать и в которых будут находиться жители, поступать с ними с величайшего приязнию и человеколюбием, избегая сколько возможно всех случаев к нанесению обид или неудовольствий, а напротив

того стараясь всемерно привлечь их ласкою и не доходить никогда до строгих мер, разве только в необходимых случаях, когда от сего будет зависеть спасение людей, вверенных его начальству.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изъявляет ВЫСОЧАЙШУЮ волю Морскому Министру, о вручении ему особенных инструкций касательно подробностей его плавания, о снабжении его всеми нужными сведениями, картами, сочинениями, инструментами, приличными цели его назначения, а также и вещами, нужными для мены с народами, с коими он будет иметь сношения.

ВЫСОЧАЙШАЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА воля есть, дабы чиновники, по ученой и художественной части назначаемые в сию Экспедицию, были равным образом снабжены всеми потребностями, нужными для их взаимных действий и работ.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ также благоугодно, дабы в случае весьма важных открытий, Капитан 2^{го} ранга Беллинсгаузен отправил немедленно один из состоящих в команде его шлюпов с донесениями в Россию, но сие отправление судна должно быть учинено в несомненной уверенности о важности случая, продолжая между тем на другом предписанныя ему действия» [Беллинсгаузен, 1831 а, с. 18, 19].

В дополнение к указаниям императора и тех инструкций, которые Беллинсгаузен должен был получить от Государственной Адмиралтейств-коллегии и Государственного Адмиралтейского департамента, министр направил к исполнению более детальные указания:

«Во всех местах, где будете приставать, должны стараться узнавать: нравы народов, их обычаи, религию, военные орудия, род судов ими употребляемых и продукты, какия имеются, также по части Натуральной Истории и проч., равно узнавать, какой нации люди посещают более диких народов, кого они более любят, и другия подробности, касающиеся до торговли, мены и выгоды оных.

Должно всегда быть осторожну и на море и на якоре от нападения морских разбойников и диких народов.

Имеете стараться разведывать о военном положении тех стран и портов, в коих быть случится, как там велики силы, крепости, пушки, оружия и проч., описывая все сие подробно и делая карты и планы всех портов, заливов и видимых берегов.

Чиновники ученой и художественной части, в конце кампании обязаны отдать вам, как Начальнику отряда, все журналы, подписав на оных каждый свое имя, дабы после можно было возвратить их, кому принадлежат, когда на сие последует ВЫСОЧАЙШАЯ воля.

Когда случится быть у диких народов, то должно, лаская их, стараться обрести дружбу их, однако никогда не выпускать из виду опасения и быть всегда готовым предупредить не только покушение, но не подавать им и мысли к нападению. Дикие, видя таковую осторожность, не осмелятся нанести вред» [там же, с. 20, 21].

В инструкции Государственного Адмиралтейского департамента содержались положения, «служащие к руководству наблюдений», и включали в себя следующие основные пункты:

«...3^е Нужные для сего вояжа астрономические, математические и физические инструменты, некоторые отпущены вам из приуготовленных здесь, а прочие недостающие получите, по прибытии в Англию; от Морского Министра писано о заготовлении оных к находящемуся там Российскому Послу. Все оные инструменты должны вы поверить, и ежели найдутся какая либо в них погрешности, исправить.

4^е. Для сего должны вы иметь разныя карты, и на всех оных прокладывать счисление, замечая как несходства между ими, так и то, которую из них в какой части именно найдете вы вернейшею. А потому старайтесь делать, сколько можно, более Астрономических наблюдений. Необходимо нужны для сего морския карты тех морей, по коим совершать будете плавание, многия препровождены уже к вам от Департамента, а те, которых не достает, можете купить в Англии из числа издаваемых от Английского Адмиралтейства...

...9^е. Везде, где случай и время позволят, старайтесь сами делать наблюдения о высоте морского прилива и сыскивать прикладный час; но когда того по краткости пребывания вашего сделать будет невозможно, то по крайней мере разведывать чрез лоцманов обо всем оном; также если случится вам заметить построение кораблей, отличное чем нибудь от нашего; особенное средство для сбережения лесов; судно, построенное особенным образом для особливаго какого нибудь намерения, морской порядок, наблюдаемый в команде и содержании служителей, инструмент какой нибудь новый, или употребляемый с лучшим успехом нежели у нас, не оставляйте ничего без описания. Сверх того вы должны не только описывать, но и снимать модели со всех отличных судов, примеченных в разных странах, равно как и с лодок, употребляемых дикими народами. Также стараться собирать любопытныя произведения натуры для привезения в Россию, в двойном числе, для Академии и для Адмиралтейскаго Департамента, равно собирать оружия диких, их платья и украшения, что более любопытно.

10°. Когда же случится вам быть в местах, мало посещаемых мореплавателями, и которые не были еще утверждены Астрономическими наблюдениями, и Гидрографически подробно не описаны, или случится открыть какую нибудь землю или остров не означенные на картах, то старайтесь как можно вернее, описать оныя, определяя главные пункты наблюдениями широты и долготы*), и составьте карту с видами берегов и подробным промером, особливо тех мест, кои пристанищем служить могут. При описи же руководствоваться правилами, изложенными в Морской Геодезии, соч. Г. Вице-Адмирала Сарычева.

*) Самое вернейшее средство для определения долготы почитается чрез закрытие звезд луною» [там же, с. 32–34].

И далее: «15°. С вами отправляются Астроном, Натуралист и рисовальщик, которым даны будут от Академии Наук особая инструкции; а вы со своей стороны, обязаны доставлять им все возможные вспомоществования в их занятиях. Рисовальщик, должен снимать виды всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одеяния и игры. Все и всякого рода собрания вещей, описания всего, рисунки и прочее, в конце кампании, обязаны художники вручить Командующему отрядом, который все без изъятия должен представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, чрез Морского Министра, по возвращении в Россию» [там же, с. 36].

Вторая инструкция от морского министра содержала специальное Начертание некоторых предметов по ученой и художественной части:

«Предпринимаемая по ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелению кампания, имея целию приобретение полнейших познаний о нашем земном шаре, доставит отправляющимся в оную Ученым, способ и частые случаи, производить полезные для наук наблюдения.

По Геометрической, Астрономической и Механической части, они не упустят заниматься исследованием всех заслуживающих любопытства предметов, до сих наук относящихся, будут делать свои замечания, и вести журналы о последствиях ими извлекаемых...

По Физической части, путешественники обязаны делать наблюдения до сего предмета касающиеся, к числу коих, относится изменение компаса. Любопытно было бы испытать магнитную силу в тех точках, где есть наибольшее и наименьшее склонение магнитной стрелки.

Они должны вести верную записку о высоте барометра в разные часы дня.

Состояние атмосферы и ее непрерывныя изменения, будут ими прилежно замечаемы, равно как и направление высших и низших ветров, в сравнении с дующим близ поверхности моря; различие высших и низших ветров в безоблачную погоду, можно замечать посредством небольших воздушных шариков, которыми они будут снабжены.

Они обязаны стараться замечать течения моря везде где только будет возможно, и вести записки о учиненных ими по сему предмету наблюдениях.

Феномены, как то: Метеоры, Северныя и Южныя сияния, будут прилежно замечаемы, и желательно было бы, чтобы означена была высота и полнота оных.

Должно внимательно наблюдать тромбы (предметы или явления, которые могут быть опасными для плаванья. — Авт.), и поелику еще по сие время не согласны в причине оных, стараться изследовать сей феномен, дабы можно было достигнуть до изъяснения онаго.

Следует производить опыты касательно различной степени температуры моря, и его солености, в разных местах и глубинах в разсуждении различия тяжести вод, и степени ее горькости, а также и на счет изменения теплоты, в известной глубине противу замечаемой на поверхности моря.

Нужно делать наблюдения над льдинами различного рода, как плоскими, так и возвышающимися на подобие гор, и изъяснить мысли на счет образования оных.

Равным образом следует замечать свет, блистающий часто на море; было бы весьма занимательно и любопытно изъяснить причины онаго, с большею подробностью, нежели как то до сего было делается.

Относительно Химии нужно обращать внимание, по всем изысканиям, до сей науки относящимся, замечать краски употребляемая народами для окрашения их изделий, вещества, из коих они их извлекают, и способы, изобретенные ими для их употребления.

По Анатомической части будут вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как то: в цвете, росте, сложении и проч. и проч. и не упустят распространить сих изследований и на внутренныя части, если то представится возможным посредством анатомирования трупов; будут также осведомляться о долготе жизни и о времени возмужалости обоих полов.

По Зоологии будут делаемы все наблюдения относительно сей части, и сколько возможность позволит, коллекцию.

Равным образом и по Минералогической части и не оставят собирать коллекции, в особенности будут замечать почву земли и отношения оной в противоположных берегах проливов и различные слои, словом: не упустят никаких полезных по сей части наблюдений.

Равное старание будет употреблено и по Ботанической части, как относительно коллекции растений, так и описания оных и собрания образчиков всякого рода деревьев; полезно было бы познавать силу и свойство тех, которые еще мало известны.

Живописцы в их художестве имеют средство представлять зрению понятия о всем том, что имеется видимого в природе, и от трудов их ожидается верное изображение всех заслуживающих любопытство предметов.

Наконец мореплаватели не упустят случая во всякое время делать изследования, замечания и наблюдения о всем том, что может споспешествовать вообще успехам наук и в особенности каждой части» [там же, с. 38–41].

На высокий государственный уровень организуемых плаваний указывает проведенный смотр кораблей на Кронштадтском рейде, устроенный 24 июня в связи с их посещением императором Александром I. Вместе со шлюпами «Восток» и «Мирный» на малый рейд также вышли шлюпы северного отряда «Открытие» и «Благонамеренный»: «...мы имели счастье видеть ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, прибывшаго для обозрения тех судов, которые по собственному ЕГО назначению понесут Российский флаг в отдаленнейшие пределы Юга и Севера. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил удостоить своим ВЫСОЧАЙШИМ посещением шлюпы «Восток и «Открытие», осмотрев все, и пожелав нам благополучного плавания...» [там же, с. 41, 42].

Следом, 25 июня, Беллинсгаузен и Васильев были приглашены в Петергоф для представления императору. Позже Беллинсгаузен написал: «При сем случае ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил изъявить свою ВЫСОЧАЙШУЮ волю, „чтобы мы во время пребывания у просвещенных, равно и у диких народов, снискивали любовь и уважение; сколь можно дружелюбнее обходились с дикими народами, и без самой крайности не употребляли огнестрельного оружия.“ Потом мы были представлены ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии и удостоены приглашения к столу ГОСУДАРЯ; после обеда возвратились на шлюп. Изъявленная нам милость останется незабвенною в сердцах наших» [там же, с. 42]. Немаловажная деталь: наверняка в течение приема разговор заходил на разные темы. И, тем не менее, Беллинсгаузен счел необходимым выделить только пожелание императора о дружелюбном

обхождении с «просвещенными» и особенно с «дикими» народами, подчеркивая тем самым миролюбивую политику государства – победителя Наполеона. Эта политика в те годы представляла собой разительный контраст с завоевательной и поработительной политикой западно-европейских государств и миссионерской деятельности их церковей по отношению к местным жителям собственных колоний и в новоприобретенных землях (см., например, отчет о кругосветном плавании О. Коцебу в предыдущей главе).

Южный и северный отряды оправились в плавание из Кронштадта 4 [16] июля 1819 г. Первоначально корабли обеих экспедиций взяли курс к южным широтам и, после захода в Копенгаген, Портсмут (здесь состоялась встреча со шлюпом «Камчатка», возвращавшегося из Северо-Западной Америки) и Санта-Крус (о-в Тенерифе, Канарские о-ва), в начале ноября прибыли в Рио-де-Жанейро*. Оттуда Васильев через Атлантику направился к Индийскому океану и далее в Русскую Америку, а Беллинсгаузен – к архипелагу Южная Георгия.

* Первоначально М.Н. Васильев после Портсмута планировал идти к мысу Доброй Надежды, но в процессе первых переходов выяснилось, что загруженные для экспедиции сухари были испорчены, и руководитель отряда принял решение на заход в Рио-де-Жанейро для закупки свежего продовольствия.

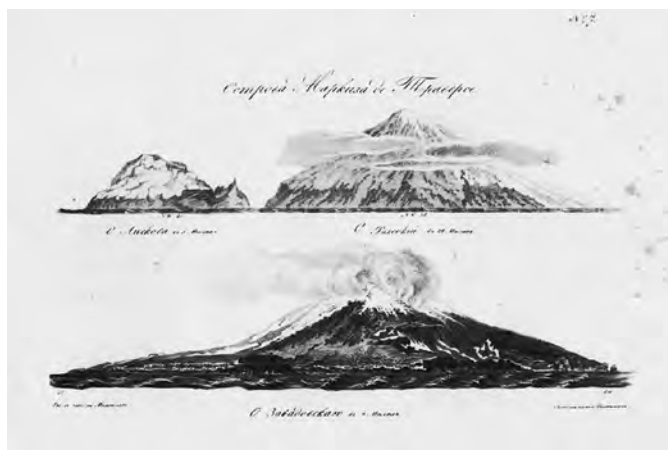
4.3. Плавание Беллинсгаузена–Лазарева

Уже в районе архипелага Южная Георгия южной экспедицией были описаны новые мысы: Парядина (назван в честь штурмана с «Востока» Якова Парядина), Демидова (назван в честь мичмана с «Востока» Дмитрия Алексеевича Демидова), Куприянова (назван в честь мичмана и астронома с «Мирного» Ивана Антоновича Куприянова), залив Новосильского (назван в честь мичмана Павла Михайловича Новосильского) и небольшой о-в Анненкова (назван в честь лейтенанта с «Мирного» Михаила Дмитриевича Анненкова). Затем были открыты еще три небольших острова, названные архипелагом Траверсе (в честь морского министра Российской империи маркиза де Траверсе), причем один из этих островов был назван островом Лескова (в честь лейтенанта Михаила Петровича Лескова, третьего офицера шлюпа «Восток»), другой, вулканический, – островом Завадовского (в честь зам. командира шлюпа «Восток» капитан-лейтенанта Ивана Ивановича Завадовского, впоследствии контр-адмирала) и остров Торсон (в честь участника экспедиции, будущего декабриста Константина Петровича Торсона; после восстания декабристов остров был переименован в о-в Высокий). Следом Беллинсгаузен осмотрел открытую Куком в 1775 г. Сандвичеву землю, установил островной ее характер и дал архипелагу старое название Южные Сандвичевы острова, выразив тем самым уважение предшественнику.

16 [28] января 1820 г. члены экспедиции впервые в истории увидели один из шельфовых ледников Антарктиды, приблизившись к нему в точке 69°21'28" ю. ш. и 2°14'50" з. д. (район современного шельфового ледника Беллинсгаузена, берег Принцессы Марты)*. Двигаясь в восток, 21 января [2 февраля] мореплаватели вторично наблюдали обнаруженный ими ледник, а 5 и 6 [17 и 18] февраля экспедиция подошла к леднику практически вплотную.

Таким образом, день 16 [28] января 1820 г. считается днем открытия Антарктиды. Здесь, тем не менее, следует заметить, что в XIX в. не все признавали открытие южного материка. Вот, например, что писал об итогах путешествия Беллинсгаузена–Лазарева выдающийся отечественный океанолог Ю.И. Шокальский: *«В 1819–1821 г. Морское ведомство предприняло замечательное дело, – оно снарядило*

* Двумя днями позже, 18 [30] января, британский мореплаватель Эдвард Брансфилд (1785–1852) также увидел Антарктиду. Но он подошел не только к шельфовым льдам, но и к гористой «Земле Тринити» (о-в Тринити, северная оконечность Антарктического полуострова), поэтому его часто считают одним из первооткрывателей Антарктиды.



Вид островов маркиза де Траверсе. Из: [Атлас... 1831, л. 7]

первую и единственную русскую антарктическую экспедицию, благодаря которой и русские моряки и ученые оказались причастны к изучению этой отдаленнейшей области земного шара, возбуждающей столь большой интерес в настоящее время. Эта экспедиция плавала на военных шлюпах Восток и Мирный, под общим начальством кап. 2 р. Ф. Беллинсгаузена (Мирным командовал лейт. М.П. Лазарев). Беллинсгаузен совершил в течение трех лет и двух зим замечательное плавание в больших южных широтах, где он доходил во многих местах до 69° ю. ш. (см. карту II, стр. 31), и обследовал гораздо большее пространство за пределами полярного круга, нежели его знаменитый предшественник Кук в 1772–1775 г. Беллинсгаузен открыл о-в Петра I*) и Землю Александра I, лежащие к югу от м. Горна, и составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области, имеющее значение и до сих пор. Кроме того, им были обследованы многие архипелаги южной части Тихого океана...»

Как видно из процитированного текста, среди перечисленных открытий экспедиции Беллинсгаузена–Лазарева Шокальский не упомянул континент Антарктида. Экспедиция, как выяснилось много позже, действительно подходила наиболее близко к континенту в четырех точках, но говорить в то время с уверенностью, что это был

* Точность астрономических определений Беллинсгаузена была доказана в 1910 г., когда французская экспедиция д-ра Шарке в тумане нашла о-в Петра I, руководясь только его положением, определенным русскими моряками за 90 л. до того [Шокальский, 1917, с. 33, 34].

именно континент, и тем более судить о его размерах было преждевременно. Плотные льды и туманы помешали русским морякам удостовериться полностью, что же они открыли: группу островов с ледяной мантией или континент?

В период плавания экспедиция обошла Антарктиду на широтах от 60 до 70° и неопровержимо доказала существование земель в районе Южного полюса. И хотя часть научного сообщества уже в первой четверти XIX в. признала и существование Антарктиды, и выдающееся географическое открытие Беллинсгаузена–Лазарева, но окончательно подтвердить материковый характер Антарктиды удалось только в середине XX в. на основании исследований с применением сложной техники.

Для понимания сложившейся в экспедиции обстановки обратимся к дневникам непосредственных ее участников: Беллинсгаузена и Лазарева. Вот как описывает день 16 [28] января 1820 г. Беллинсгаузен: *«В девять часов утра (16 января. – Авт.) в широте 69°, 17', 26", долготе 2°, 45', 46" найдено склонение компаса 8°, 48' Западное. Продолжая путь на Юг, в полдень в широте 69°, 21', 28", долготе 2°, 14', 50", мы встретили льды, которые представились нам сквозь шедший тогда снег, в виде белых облаков. Ветр был от NO умеренный, при большой зыби от NW, по причине снега, зрение наше не далеко простиралось; я привел в бейдевинт на SO, и пройдя сим направлением две мили, мы увидели, что сплошные льды простираются от Востока чрез Юг на Запад; путь наш вел прямо в сие ледяное поле, усеянное буграми* (выделено мной. – В.Б.). *Ртуть в барометре спустилась от 29, 50, до 29, предвещала еще худшую погоду; морозу было 0°, 5. Мы повернули на NWTW, в надежде, что сим направлением не встретим льдов... ...Пасмурность и снег не переставали во всю ночь. В два часа следующего утра оба шлюпа повернули на левый галс»* [Беллинсгаузен, 1831, ч. 1, с. 171, 172].

Из спокойного тона письма следует, что для руководителя экспедиции встреченное *«ледяное поле, усеянное буграми»*, не воспринималось, как открытие континента. Очевидно, что по разовому подходу к ледяным полям говорить об этом было бы безответственно. Предстояло еще разобраться о смысле и значении увиденного, ведь представшая перед глазами путешественников картина была необычна, причем попытка измерить в точке подхода к леднику глубину моря не увенчалась успехом, а в омываемых ледник водах отсутствовала морская трава, которая всегда указывала мореплавателям на близость берега. Все это требовало осмысления...

Итак, после обнаружения обширного и бугристого ледяного поля шлюпы продолжили движение в восточном направлении вдоль его края, но на безопасном расстоянии. Интересна запись Беллинсгаузена в дневнике от 18 января, т. е. через два дня после открытия: *«Пользуясь безветрием и ясным днем с утра, посредством телеграфа мы пригласили к обеду с шлюпа Мирного Г. Лазарева и всех от должности свободных Офицеров; они прибыли в час по полудни и не ранее 11^{ти} часов вечера возвратились на Мирный. Погода была ясная, штиль и маловетрие от Севера. День сей соответствовал 18му Июля в Северном полушарии; термометр стоял на полградуса выше точки замерзания.*

Г. Лазарев между прочим донес мне, что 9 го числа в половине третьяго часа утра, когда проходил в тесноте между полями льдов и мелкими плавающими льдинами, шлюп набежал на довольно большую низменную льдину, и ударился так сильно, что все выбежали на верх. Последствием сего удара было, что у форштевня, под водою выломилло грёф около 4х футов длиною и в один фут толщиною. Таковый удар, вероятно, устрасит и самых смелых. Вахтою тогда управлял Г. Лейтенант Обернибесов; он находился на баке, и оттуда командовал о действовании рулем.

Мы проводили сей день в дружеской беседе, рассказывая об опасностях и приключениях после последнего нашего свидания и совершенно забывая, что находимся в стране, никем необитаемой, кроме китов, пингвинов и бурных птиц, в стране, в которой почти непрерывно господствуют густые туманы и часто выпадающие снега» [там же, с. 174, 175]. То есть по прошествии двух дней после открытия ледника за обеденным столом это выдающее событие мирового уровня даже не упоминалось, обсуждались текущие дела. Наконец 21 января при новом подходе к кромке припайного льда стало приходить понимание сути и масштаба обнаруженного: *«В час по полуночи увидели впереди льды, а в два часа уже находились между мелкими плавающими льдинами; далее к Югу представилось до пятидесяти льдяных разнообразных громад, заключающихся в середине льдяного поля. Обозревая пространство сего поля на Восток, Юг и Запад, мы не могли видеть пределов онаго; конечно было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16^{го} Генваря* (выделено мной. – В.Б.), *но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли.*

В сем месте уже не было никакой возможности продолжать путь далее на Юг. Мы находились в широте Южной 69°, 25', долготе

1°, 11' Западной; воздух был сух; морозу 2°; лотом на ста саженьях не достали дна. Поворотя на другой галс на NOTN, мы крайне сожалели, что ветер не позволял идти вдоль льда, или хотя по сей параллели, на Восток, дабы в другом месте достигнуть большей широты» [там же, с. 177].

Новая запись о леднике датируется 5 февраля: «Пред полднем усмотренный с салинга к Югу лед, чрез час виден был с баку, отдельными льдяными островами. В исходе третьего часа, мы уже входили в средину льдов; тогда волнение приметно уменьшалось, и чем далее мы шли, тем лед становился чаще и чаще, наконец в четверть четвертого часа по полудни, увидели множество больших, плоских, высоких льдяных островов, затертых плавающими мелкими льдами, и местами один на другом лежащими. **Льды к SSW примыкаются к льду гористому, твердо стоящему; закраины онаго были перпендикулярны и образовали заливы, а поверхность возвышалась отлого к Югу, на разстояние, пределов котораго мы не могли видеть с салинга** (выделено мной. – В.Б.). Между плавающим мелким льдом усмотрели несколько китов, в разных местах пускающих фонтаны.

Видя льдяные острова, поверхностью и краями сходные с поверхностью и краями большего вышеупомянутого льда, пред нами находящегося, мы заключили, что сии льдяныя громады и все подобные льды, от собственной своей тяжести, или других физических причин, **отделились от матераго берега** (выделено мной. – В.Б.), ветрами отнесенные, плавают по пространству Ледовитаго Южнаго Океана;



Вид ледяных островов. Из: [Атлас... 1831, л. 12]

прочие же островершинные ледяные острова, происходят от сих последних. Когда буря, или другая причины, отторгают от больших островов, некоторые части оных, то сии острова, потеряв равновесие, плавают которым либо краем или углом кверху или низом в верх; от сего составляют разнообразные их виды; мелкия плавающие льдины произошли из глыб, отделившихся от сих островов, и от того под ветром каждого ледяного острова, видно не мало плавающих обломков льда» [там же, с. 188, 189].

Наконец, в записи от 6 февраля читаем: «В четыре часа утра мы находились близко к мелким плавающим льдам. Я решился между оными сколько можно подойти к дальним ледяным горам, дабы их ближе рассмотреть. Мы безпрестанно переменяли направление курса, располагая так, чтобы избежать сильных ударов от льда. Плавающий лед похож на застаивающийся в заливах, т. е. плоской, толщиной от дюйма до четырех фут и более. Вода во круг густа и подернута салом, которое ветром сжимаемое производит начало льда; когда зыбь не доходила к сему месту, то при первом штиле поверхность воды превращается в гладкой лед, а первый ветер от Севера, разведав волнение, изломает оный в куски. В 6^м часов утра плавающие льды становились так часты и крупны, что дальнейшее в сем месте покушение к Z, было невозможно, а на полторы мили по сему направлению видны были кучи льдов, одна на другую взгроможденных. Далее представлялись ледяныя горы, подобныя вышеупомянутым, и вероятно, составляют продолжение оных (выделено мной. — В.Б.). Мы тогда находились в широте Южной 69°, 6', 24", долготы 15°, 51', 45", Западной; лотом на глубине 180^м сажень не достали дна; морозу было 4°; поворотили по ветру и старались рулем править так, чтоб избегнуть ударов плавающего льда» [там же, с. 190].

В рапорте Беллинсгаузена министру И.И. Траверсе об открытии ледяного материка уже были изложены обобщенные материалы наблюдений:

ИЗ РАПОРТА Ф.Ф. БЕЛЛИНСГАУЗЕНА И.И. ТРАВЕРСЕ
О ПЕРЕХОДЕ ШЛЮПОВ «ВОСТОК» И «МИРНЫЙ» ИЗ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО В ПОРТ ДЖЕКСОН

Датированного 8 апреля 1820 г.

«16-го числа, дошедши до широты S69°25' и долготы 2°10' W, встретил сплошной лед, у краев один на другой набросанный кусками, а внутрь к югу в разных местах по оному видны ледяные горы. Отсюда я намерен был плыть в виду льда, чтоб пробраться более к S, но противный ветер от O препятствовал мне выполнить сие мое намерение.

Вылавировав несколько к востоку, с 19-го на 20-е число снова пошел к S, однако ж, и в сей раз встретил сплошной лед в широте $S69^{\circ}20'$, долготе $W\ 0^{\circ}50'$. Ветер продолжался от востока. Я, видя упорство восточного ветра, спустился в широту несколько меньшую в надежде получить скорее западные ветры, которые в средних широтах господствуют. 1 февраля, находясь в широте $S64^{\circ}30'$, долготе $O\ 16^{\circ}15'$, выиграв 17° к O, я снова пошел к S при восточном ветре и не прежде как с 5-го на 6-е число дошел до широты $S69^{\circ}7'30''$, долготы $O\ 16^{\circ}15'$. Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами **виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу. Плоские ледяные острова, близ сего материка находящиеся, ясно показывают, что они суть отломки сего материка, ибо имеют края и верхнюю поверхность, подобную материке** (выделено мной. – В.Б.). С 7-го числа снова пошел к S, однако ж в сей раз ранее встретил льды, ветры же всегда по мере приближения к югу были восточные, почему, чтобы увеличить наше плавание по долготе, я снова пошел при восточном ветре к N, чтобы получить западные ветры и снова сделал покушение к S. 14-го числа, находясь в широте $66^{\circ}54'$, в долготе $41^{\circ}33'$, видел несколько ледяных островов. Однако ж сплошного льда не видал» [Русские флотоводцы, 1952, с. 147].

Наблюдая над льдами в период плавания, Беллинсгаузен к январю 1821 г. пришел к однозначному выводу: «Огромные льды, которые по мере близости к Южному полюсу поднимаются в отлогия горы, называя матерыми, предполагая, что когда в самый лучший летний день морозу бывает 4 градуса, тогда далее к Югу, стужа конечно не уменьшается, и по тому заключаю, что **сей лед идет чрез полюс, и должен быть неподвижен** (выделено мной. – В.Б.), касаясь местами мелководиям или островам, подобным острову Петра Перьваго, которые несомненно находятся в больших Южных широтах, и прилежит также берегу, существующему (по мнению нашему) в близости той широты и долготы, в коей мы встретили морских ласточек. Сии птицы, хотя пальцы их соединены тонкою плавительною перепонкою, принадлежат к приморским, а не к морским птицам. Замечания достойно, что все морския птицы, особенно в больших широтах живущия, питаются на поверхности моря, имеют загнутые верхние клевы, а у морских ласточек, чаек, и других приморских птиц, клевы прямые. Мы также видели морских ласточек около Южного Георгия и острова Петра Перьваго, а в отдаленности от берегов никогда не встречали» [Беллинсгаузен, 1831 б, с. 250].

Несколько позже М.П. Лазарев в своем письме Алексею Антиповичу Шестакову (сослуживец и друг Лазарева) «О целях экспедиций к южному и северному полюсам, о качестве судов, назначенных в эти экспедиции, и о переходе шлюпов «Восток» и «Мирный» из Кронштадта в порт Джексон» от 24 сентября 1821 г. (Кронштадт) так описал встречу с Южным континентом: «16 января [1820 г.] достигли мы широты 69 23' S, где **встретили матерой лед чрезвычайной высоты** (выделено мной. – В.Б.) и в прекрасный тогда вечер, смотря на салингу, простирался онный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурило и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2 35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюйду, но всегда **встречали льдинный материк** (выделено мной. – В.Б.), не доходя 70° ...» [Русские флотоводцы, 1952, с. 150–151, со ссылкой на: ЦГАВМФ. Ф. 315. Д. 775. П. 1. Л. 1–2. Афтограф].

В марте 1820 г., в связи с приближением в южном полушарии зимнего периода, шлюпы «Восток» и «Мирный» разделились и пошли в порт Джексон (ныне – Сидней, Австралия*), а затем в Тихий океан. Видимо, на первом переходе Пётр Михайлович Новосильский, обобщив проведенные в экспедиции наблюдения, разработал классификацию льдов Антарктиды, а также сделал важные выводы о существовании материка. В частности, Новосильский в своей записи, отмеченной 1 февраля 1821 г., все льды Антарктиды разбил на 4 разряда: «1. Неподвижный ледяной берег или ледяная стена. 2. Отдельные ледяные острова, плоские и островершинные. 3. Ледяные поля. 4. Разбитый лед.

1. Неподвижный высокий ледяной берег или ледяная стена, встречаемые за полярным кругом, судя по их наружному виду и протяжению на многие десятки и даже сотни миль, очевидно, не могут составиться от холода в открытом море, а образуются на Южном великом материке, от которого по разным причинам отламываются и потом ветром и течением относятся в море на большее или меньшее расстояние, представляя почти всегда мореплавателю непреодолимую преграду к достижению берега».

* Название «Австралия» было предложено британским мореплавателем Мэтью Флиндерсом в 1814 г. и официально утверждено Британским адмиралтейством в 1824 г., до этого континент назывался «Новая Голландия», либо «Terra Australis Incognita» (Неведомая Южная земля).



Вид города Сиднея в Порт-Жаксоне. Из: [Атлас... 1831, л. 21]

2. Отдельные ледяные острова суть отломки от ледяного берега или настоящих островов, что большей частью показывает самый их вид.

3. Ледяные поля происходят от замерзания морской воды при морозе от 5 до 6 Реом(юра)...

4. Разбитый лед происходит от разбиваемых ветром и волнением ледяных полей и ледяных островов.

Наконец, должно еще присовокупить, что множество разбитых полей и льда есть верный признак близости островов и земли, **а достижение настоящей ледяной стены означает близость скрывающегося за нею южного материка** (выделено мной. – В.Б.)» [Русские флотоводцы, 1952, с. 213, 214 со ссылкой на: Новосильский, 1853, с. 71–88].

<...>

В Тихом океане экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева открыла несколько островов и атоллов, в том числе о-ва Россиян (Туамоту), в пределах которых было описано 13 островов (еще 5 атоллов архипелага были открыты ранее О. Коцебу), названных в том числе именами героев войны 1812 г.: Милорадовича, Раевского, Кутузова, Ермолова, Барклай-де-Толли, Волконского, а также именами других

известных государственных и военных деятелей, выдающихся мореплавателей, включая командира шлюпа «Мирный» Лазарева (ныне – Матаива). Кроме того, были открыты о-в Восток (назван по имени шлюпа «Восток»), о-ва Великого Князя Александра (ныне – Ракаханга, северная группа о-вов Кука), о-в Симонова (назван по имени астронома экспедиции Ивана Михайловича Симонова, ставшего 1829 г. членом-корреспондентом ИАН, а в 1846–1954 гг. – ректором Императорского Казанского университета; ныне – о-в Тувана-и-Толо), о-в Михайлова (назван по имени художника экспедиции, академика Императорской академии художеств Петра Николаевича Михайлова; ныне – о-в Тувана-и-Ра).

Не всегда первооткрывателям на новых островах были рады. Вот как, например, описывает одну из попыток высадки на берег П.М. Новосильский:

«В 9 часу пополудни открылся новый атолл. Ночью держались близ него, а с рассветом, при тихом ветре, лавировали к острову, и только 8 июля могли подойти к северной его оконечности. Ялик с «Востока» и катер с «Мирного» отправились к берегу; на первом находились капитан Беллинсгаузен, мичман Демидов и живописец Михайлов, на втором капитан Лазарев, лейтенант Анненков, доктор Галкин и я. Все офицеры и гребцы были вооружены. К тому месту, куда мы хотели пристать и где ходил сильный бурун, сбегалось человек 60 диких с пиками и короткими лопатками; они были нагие за исключением известного пояса. Число островитян на взморье беспрестанно возрастало; по-видимому, они намеревались неприязненно нас встретить. Женщины стояли в некотором отдалении и также вооружены были пиками.

Между тем как мы подходили к самым коралловым рифам, чтоб выйти на берег, островитяне с криком размахивали руками и готовы были не на шутку с нами сразиться. Дабы склонить их к миру и доброму приему, брошены им были разные вещицы, которые они тотчас подбирали, но на берег не хотели добровольно пустить нас. Сделано было несколько ружейных выстрелов дробью поверх их голов; они присели и плескали на себя воду, а женщины бросились бежать в лес. Дикари, видя однако ж, что выстрелы вреда им не делают, продолжали махать пиками и держались крепко в позиции своей на взморье. Натурально, настоящий выстрел заставил бы их обратиться в бегство, но мы не имели никакой особой надобности войти на остров, жители которого не желали быть с нами в сообщении; притом капитан Беллинсгаузен помнил данное ему государем

императором изустное повеление: «без самой крайности не употреблять огнестрельного оружия», и поэтому приказал только сделать с «Мирного» пушечный выстрел в лес, повыше голов. Когда это было исполнено, все опять присели и лили на себя воду, а женщины в испуге зажгли лес. Огонь длинной лентой обвился по взморью, лес горел и трещал, облака густого дыма неслись по ветру.

Когда шлюпки наши пошли назад и довольно удалились от берега, женщины выбежали на взморье и делали нам выразительные знаки, как бы говоря: «что, взяли!», потом принялись скакать и плясать... Атолл этот не был прежде известен и назван в честь контр-адмирала А.В. Моллера островом Моллера» [Из записок..., 1952, с. 186].

Наконец, 9–10 сентября 1820 г. шлюпы возвратились в Джексон, откуда после ремонта и пополнения запасов 31 октября вновь отправились в южно-полярные моря, но уже в западную часть Антарктики. Лавируя среди льдов и айсбергов, парусники дважды пересекли Южный полярный круг.

10 января 1821 г. моряки увидели остров. Из-за сплошного льда, покрывавшего море, кораблям не удалось к нему приблизиться ближе, чем на 14 морских миль (26 км), поэтому высадка оказалась невозможной*. Однако это открытие вызвало у участников экспедиции много больше эмоций, чем открытие шельфового ледника Антарктиды, и было отмечено особо. Беллинсгаузен в своем дневнике по поводу открытия острова оставил вполне эмоциональную запись:

«В 3 часа по полудни со иханец увидели к ОНО мрачности чернеющее пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал что вижу берег; но Г. г. Офицеры, смотря также в трубы, были разных мнений. В 4 часа телеграфом известил Г. Лазарева, что мы видим берег. Шлюп Мирный был тогда по близости от нас за кормою и поднял ответ; усмотренный берег находился от нас на NO 76 градусов.

Солнечные лучи выходя из за облаков, осветили сие место и к общему удовольствию все удостоверились, что видят берег покрытый снегом, одни только осыпи и скалы, на коих снег удержаться не мог, чернелись.

Невозможно выразить словами радости, которая являлась на лицах всех при восклицании, берег! берег! Восторг сей был неувидителен после долговременного единообразного плавания в непрерывных

* Лишь через 108 лет после открытия о-ва Петра I на нем 2 февраля 1929 г. смогли высадиться участники норвежской полярной экспедиции на судне «Норвегия». Они установили норвежский флаг и провозгласили принадлежность острова Норвегии. В 1931 г. эту претензию подтвердил Норвежский парламент.



Встреча с жителями о-ва Моллера. Рис. П.Н. Михайлова. Коллекция ГИМ

гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах. Мы не могли достоверно полагать, что в сих местах находился берег, ибо обыкновенных признаков онаго, как то: плавающей морской травы и пenguins не встретили. Вероятно, что в Южном полушарии в широте 69, природа и в вода мертва, так что не производит морских трав; когда же мы подходили к островам Южного Георгия, Южным Сандвичевым и Макварию (Макварий/Маккуори – остров в южной части Тихого океана, принадлежит Австралии и относится к штату Тасмания. – Авт.), морская трава во множестве плавающая по морю, предвещала близость сих островов.

Ныне обретенный нами берег подавал надежду, что непременно должны быть еще другие берега, ибо существование токмо одного в таковом обширном водном пространстве нам казалось невозможно» [Беллинсгаузен, 1831, ч. 2, с. 238, 239].

Далее читаем запись от 11 января: «...С полудня, когда ветер отходил более к Югу, мы поворотили к Северной оконечности острова, мрачность уменьшилась. В 5 часов по полудни, подойдя на расстояние 14^{ми} миль от берега, встретили сплошной низменный лед, который нам воспрепятствовал еще приблизиться, лучше обозреть берег, и взять что либо любопытства и сохранения достойное в Музеум Адмиралтейскаго Департамента. Достигнув с шлюпом Востоком до самых льдов, я привел на другой галс в дрейф, чтоб дожждаться шлюпа Мирнаго, который был далеко позади нас. В 6 часов, по приближении Мирнаго, мы подняли флаги; Г. Лазарев поздравлял меня

чрез телеграф с обретением острова и когда подходил под корму шлюпа Востока, на обеих шлюпах поставили людей на ванты и прокричали по три раза взаимное ура! В сие время, телеграфом с Востока приказано дать служителям по стакану пунша. Все единогласно провозгласили здравие Государя Императора. Я пригласил к себе Г. Лазарева, он сообщил мне, что все оконечности берега видел ясно, и хорошо определил положение оных; ежели бы хотя малейшее было сомнение, что сей берег не остров, а составляет только продолжение материка, я непременно осмотрел бы оный подробнее, ибо ничто не препятствовало сего исполнить. Г. Лазарев сказал, что они хорошо рассмотрел и даже все мысы острова, и что нет ни какого сомнения в достоверности их обозрения... Я назвал сей остров высоким именем Виновника существования в Российской Империи военного флота, Остров Петра I^{го}» [там же, с. 240–242].

17 января экспедицией был открыт гористый берег, получивший название Земля Александра I. В этот день Беллинсгаузен писал: «В 11 часов утра, мы увидели берег; мыс онаго простирающийся к Северу, оканчивался высокою горою, которая отделена перешейком от других гор, имеющих направление к SW; я известил о сем Г. Лазарева.

День был прекрасный, какового только можно ожидать в большой Южной широте... Мы почитали себя весьма счастливыми, что ясная погода, и небо совершенно безоблачное, позволили нам увидеть и обозреть сей берег.

Простирая плавание в Южных больших широтах для исполнения воли Государя Императора, я почел обязанностью назвать обретенный нами берег, берегом Александра I^{го}, яко виновника сего обретения... » [там же, с. 254, 255].

Далее мореплаватель поясняет, почему эту землю он назвал берегом: «Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к Югу исчезала за предел зрения нашего» [там же, с. 255]. Щепетильность в вопросах открытия не позволила Беллинсгаузену и Лазареву утверждать что-либо иное.

Затем экспедиции удалось исправить ошибку английского мореплавателя Уильяма Смита (1790–1847), открывшего в 1819 г. Южную Шетландию. Не исследовав новую землю, Смит решил, что Южная Шетландия представляет собой материк. Беллинсгаузен уже на заключительном этапе плавания решил направить шлюпы к этому месту «в намерении обозреть Новую Шетландию с Южной стороны, дабы удостовериться, точно ли сей новообретенный берег принадлежит

к предполагаемому матерому Южному берегу» [там же, с. 256, 257]. В действительности Новая Шетландия оказалась архипелагом, среди островов которого на карту были нанесены о-в Бородино (в память знаменитой битвы; ныне – о-в Смит), берег Малый Ярославец (в память победы, одержанной Кутузовым при Малоярославце в 1812 г.; ныне – о-в Сноу), о-в генерал-майора барона Тейля (по имени российского полномочного министра при португальском дворе генерал-майора барона де Тейля, известившего находившегося в Новой Голландии/Австралии мореплавателя об открытии земель к югу от Огненной земли; ныне – о-в Десепшен), Смоленск (в честь Смоленского сражения 1812 г.; ныне – о-в Ливингстон) и др.

В Россию «Восток» и «Мирный» вернулись 24 июля [5 авг.] 1821 г. *«сальтовали крепости и стали на якорь на самом том месте, с которого отправились в путь»* [там же, с. 326]. Экспедиция длилась 751 день, из которых 527 были проведены под парусами, за это время шлюпы прошли почти сто тысяч километров (86,475 версты, или 49860 морских миль).

Итог плаванию Беллинсгаузен подвел таким образом: *«В продолжении плавания нашего обретено двадцать девять островов, в том числе в Южном холодном поясе два, в Южном умеренном восемь, а девятнадцать в жарком поясе; обретена одна коральная мель с лагуном»* [там же, с. 326]. Про ледовый материк Антарктиды Беллинсгаузен все-таки не упомянул. Тем не менее к берегам Антарктиды шлюпы подходили 9 раз, в том числе 4 раза на расстояние 3–15 км.

Поход антарктического отряда считается одним из самых значимых и трудных, когда-либо совершенных. Подвиг Беллинсгаузена–Лазарева вызвал восхищение не только в России, но и за рубежом. В частности, выдающийся немецкий географ и картограф Август Петерманн (1822–1879) в 1867 г. писал: *«...имя Беллинсгаузена можно поставить наряду с именами Колумба и Магеллана, с именами людей, не отступавших перед воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, шедших самостоятельным путем, и потому разрушивших преграды к открытиям, которыми обозначаются эпохи»* (цит. по: [Зубов, 1954]). Несомненно, это был удивительно слаженный поход двух военных парусников, когда в тяжелейших ледовых и погодных условиях Антарктики корабли всегда были вместе и не потеряли друг друга, чему способствовало мастерство командиров шлюпов и отличная выучка команд. Отмечая роль И.И. Завадовского и М.П. Лазарева в экспедиции, Беллинсгаузен 5 марта 1821 г. из Рио-де-Жанейро доносил морскому министру



Плавание Ф.Ф. Беллинсгаузена на шлюпе «Восток» и М.П. Лазарева на шлюпе «Мирный» в 1819–1821 гг. Из открытых источников

И.И. Траверсе: *«При сем побуждаюсь долгом, возложенным на меня, особенно вашей доверенностью избранием меня начальником так важной экспедиции, рекомендовать в. в. пр-ву г. капитан-лейтенанта Завадовского, который ревностно содействовал в трудах, в сем плавании встречающихся, также г. лейтенанта Лазарева, который приобрел ту похвалу, что в продолжении двукратного плавания к Южному полюсу при непрестанных ненастных погодах, как то: мрачностях, густых снегах, нередко бурях, внезапно застигавших нас среди густых ледяных островов, не разлучался, **чего в истории путешествий как иностранных, так и отечественных примера до сего времени не было** (выделено мной. – В.Б.). А посему и рекомендую в. в. пр-ву искусных офицеров и почитаю себя счастливым, что могу доставить вам случай оказать ободрение таковым превосходнейшим офицерам»* [Русские флотоводцы, 1952, с. 197].

Общепризнано, что экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева внесла огромный вклад в науку и лишний раз показала возможности русского флота, которому начиная с царствования Александра I стали доступны практически все океанские просторы.

4.4. Плавание Васильева–Шишмарёва

Арктическая экспедиция покинула Рио-де-Жанейро 22 ноября 1819 г., взяв курс на мыс Доброй Надежды и далее вокруг Тасмании к берегам Австралии. На переходе из-за сильных штормов шлюпы разлучились и встретились с Сиднее, куда «Благонамеренный» прибыл 16 февраля, а «Открытие» – 18 февраля 1820 г. Здесь экспедиция простояла до 15 марта, был проведен ремонт шлюпов, запасена провизия. Во время стоянки были организованы экскурсии во внутренние районы континента, где Фёдор (Фридрих) Штейн (медик и штатный натуралист на «Благонамеренном») описал геологическое строение Санайских гор и сернистые источники. Кроме того, была собрана богатая коллекция растений и птиц.



М.Н. Васильев (слева) и Г.С. Шишмарёв, 1835 г. (справа).

Из открытых источников

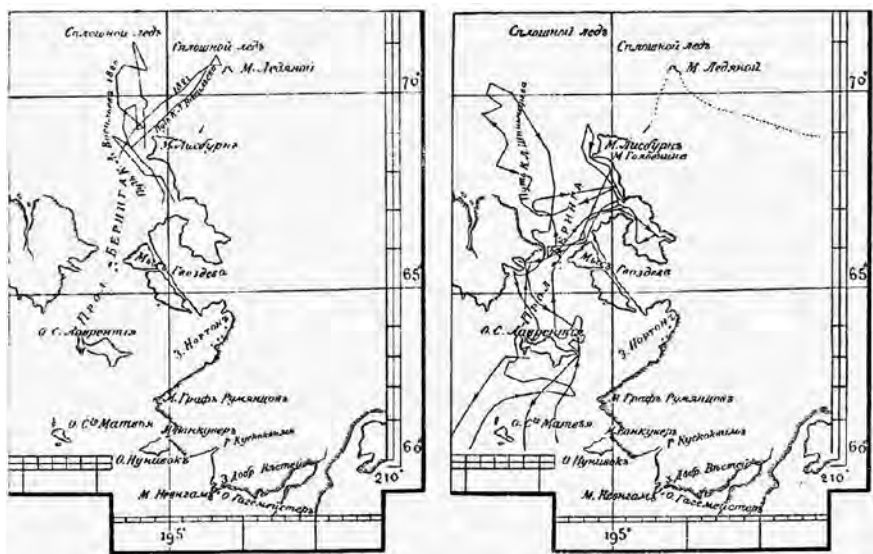
Из Сиднея парусники вышли 24 марта и, согласно предписания, разделились: «Открытие» взяло курс на Камчатку, а «Благонамеренный» – на Сан-Франциско, однако из-за ветров шлюпы вскоре снова соединились. 7 апреля на «Благонамеренном» были *«усмотрены и положены на карту»* одиннадцать низменных коралловых островов, названных по имени корабля островами Благонамеренного. Позже выяснилось, что эти острова были уже открыты другими мореплавателями, однако их точное географическое положение и описание жителей было проведено русской экспедицией.

13 мая 1820 г. по распоряжению Васильева парусники вновь разделились: «Открытие» ушло в Петропавловск, «Благонамеренный» – в Уналашку. В течение летних периодов 1820 и 1821 гг. участники похода занимались астрономическими и гидрографическими

работами в Беринговом и Чукотском морях. На зиму моряки переходили в Сан-Франциско, где была проведена опись и геодезическая съемка залива и низовьев р. Сакраменто, и на Гавайские острова.

15 октября 1821 г. оба шлюпа из Петропавловска направились в обратный путь через Гавайские острова и мыс Горн с длительной остановкой в Рио-де-Жанейро, где команды получили основательный отдых. Наконец 2 августа 1822 г. «Благонамеренный» и «Открытие», предварительно сделав 16 июля остановку в Копенгагене, вернулась в Кронштадт. Плавание длилось три года и четыре недели.

Результаты арктической экспедиции Васильева–Шишмарёва, к сожалению, не получили должной оценки в научной литературе, т. к. дневники и отчеты экспедиции не были доступны широкой общественности. Известно, что по объективным причинам, т. е. из-за тяжелой ледовой обстановки, парусники не смогли пройти из Берингова пролива в Атлантический океан. В частности, Васильев не смог пройти севернее широты $71^{\circ}6'$, а Шишмарёв – севернее $70^{\circ}13'$. В то же время весьма важными оказались проведенные географические исследования, в том числе 11 июля 1821 г. в Беринговом море у побережья Аляски был открыт остров, названный по имени корабля Открытие (ныне – Нунивак), сделаны детальные описи



Плавания Васильева и Шишмарёва на «Открытии» (слева) и «Благонамеренном» (справа) в Беринговом и Чукотском морях. 1820–1821 гг. Из: [Зубов, 1954, с. 84]

малоизученных побережий, проведены разнообразные океанологические работы, выполнен комплекс наблюдений астрономического, магнитного и метеорологического характера, организованы многочисленные этнографические исследования.

За успешное проведение экспедиции Васильев в феврале 1823 г. был произведен в капитаны 1-го ранга и награжден Орденом Св. Владимира III степени, а «за совершение 18-ти морских кампаний» – Орденом Св. Георгия 4-й степени. Капитан-лейтенант Шишмарёв был произведен в капитаны 2-го ранга, а за беспорочную выслугу и проведение 18 морских кампаний был награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени.

4.5. Исследование Русского Севера

В Российской империи в начале XIX в. помимо кругосветных плаваний предпринимались морские походы по исследованию Русского Севера. В частности, в 1819 г., в то самое время, когда готовились известные кругосветные экспедиции к северу и югу, последовало Высочайшее повеление о снаряжении у г. Архангельск экспедиции для описи Новой Земли. Управление экспедицией было поручено лейтенанту Андрею Петровичу Лазареву (1787–1849; вице-адмирал, исследователь Арктики, старший брат М.П. Лазарева). К сожалению, из-за сложной ледовой обстановки и вспыхнувшей среди экипажа цинги это плавание не имело успеха. Как писал впоследствии Федор Литке: *«Экспедиция сия, столь худой конец восприявшая, не могла объяснить сомнений и неизвестностей, в отношении к Новой Земле существовавших. Она оставила берега ее неисследованными, определив только вообще, что они на новейшей карте (которая, по словам Лазарева, составлена была Адмиралтейств-Коллегией) положены приблизительно на 90 миль восточнее, чем должно»* [Литке, 1828 а, с. 118, 119].

Наиболее успешным оказалось плавание к Новой Земле самого Ф.П. Литке, который в 1821–1824 гг. совершил к ней четырехкратное путешествие на военном бриге «Новая Земля» [Литке, 1828 а, б]. В 1819 г., сразу после возвращения из второго кругосветного плавания под началом Василия Головнина, Литке по рекомендации Головнина был назначен начальником экспедиции по описи берегов Новой Земли, о которой до того имелись лишь поверхностные сведения. По этому поводу морской министр выдал следующее предписание: *«Цель поручения, вам делаемого, не есть подробное описание Новой Земли; но единственно обозрение на первый раз берегов оной и познание величины сего острова по определению географического положения главных его мысов и длины пролива, Маточкиным Шаром именуемого – буде тому не воспрепятствуют льды или другая какая важные помешательства»* [Литке, 1828 а, с. 126]. При этом участникам похода строго предписывалось не оставаться на Новой Земле на зимовку.

В результате проведенных в 1821–1824 гг. плаваний Фёдором Литке были описаны западный берег Новой Земли, острова Вайгач и Колгуев, составлены 18 генеральных и путевых карт, открыто течение, идущее вдоль западного берега Новой Земли и впоследствии названное именем Литке. Кроме того, были собраны достоверные сведения о ледовой и метеорологической обстановке в Баренцевом море,

определено астрономическими методами положение ряда пунктов побережья. Литке первый в Баренцовом море сделал попытку измерить температуру на различных глубинах. Полученные географические и особенно гравиметрические и гидрографические описания и измерения представляют научную ценность и до настоящего времени.

В 1828 г. Литке издал книгу «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге „Новая Земля“ в 1821–1824 годах» [1828 а, б], которая принесла ему известность и признание в научном мире. Труд мореплавателя фактически явился отчетом о четырехлетних работах по описи берегов Новой Земли.

Кругосветные и прибрежные плавания русских моряков продолжились и после восхождения на престол Николая I в 1825 г. В частности, вслед за Литке изучение принадлежащего России европейского берега продолжили его сослуживцы: лейтенант Дмитрий Алексеевич Демидов (мореплаватель, участник первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. и арктической экспедиции 1824 г.) и штурман Илья Автономович Бережных (также Бережной) (1799?–1839; навигатор, русский мореплаватель, один из участников экспедиции Врангеля 1820 г.). Кроме того, штурман Иван Никифорович Иванов (1784–1847; российский военный моряк, исследователь Арктики, гидрограф, первооткрыватель многих географических пунктов на ямальском и гыданском побережье Карского моря и в Обской губе) с весны 1825 г., по словам Литке, продолжил *«свою опись от Югорского Шара к востоку до реки Оби и потом далее до реки Оленека, где кончилась опись Капитана Анжу*, и таким образом весь берег Ледовитого моря, России принадлежащий, от Берингова пролива даже до границ Швеции, будет наконец описан со всею точностию, какой только желать можно»* [Литке, 1828 б, с. 251].

Сам Ф.П. Литке совместно с М.Н. Станюковичем в 1826 г. отправились на военных шлюпах «Сенявин» и «Моллера» в новое кругосветное плавание, продолжавшееся три года [Литке, 1835]. Программа экспедиции была обширной. Литке должен был произвести опись азиатского побережья Берингова и Охотского морей, а также Шантарских островов. Станюковичу надлежало выполнить опись полуострова Аляска и близлежащих островов. В зимнее время планировалось

* **Пётр Фёдорович Анжу** (1797–1869) – русский адмирал, член совета Министра государственных имуществ, полярный исследователь. В 1820–1824 гг. Анжу участвовал в Усть-Янской полярной экспедиции, в ходе которой составил первую точную карту северного побережья Сибири от Оленёка до Индигирки и достоверную карту Новосибирских островов.

заниматься исследованиями в тропической части Тихого океана. По рекомендации академика Карла Антоновича Триниуса (1778–1844; ординарный академик по ботанике с 1823 г.) в эту экспедицию от Академии был отправлен адъюнкт ботаники Андрей Карлович Мертенс (1796–1830; адъюнкт по ботанике с 9 сент. 1829 г.; по зоологии с 5 мая 1830 г.). Подводя научные итоги плавания, Феодосий Фёдорович Веселаго (1817–1895; историк военного флота, чл.-корр. ИСПБАН с 1878 г., почетный член с 1884 г.) отмечал: *«В продолжении этого трехгодичного плавания Литке открыл в Каролинском архипелаге 12 и описал 26 групп и отдельных островов. Из них одну обитаемую коралловую группу, имеющую до 50 миль в окружности, он назвал, по имени своего шлюпа, группю «Сенявина». Кроме того, он отыскал и описал бо́льшую часть островов Бонин-Сима. В Беринговом море описал несколько островов и берег Чукотской Земли, от мыса Восточного почти до устья р. Анадыри. В плавании на шлюпе «Сенявин», кроме определения множества астрономических пунктов, промеров и других, обычных при подобных путешествиях исследований, были проведены еще важные наблюдения над часовыми колебаниями барометра...»* [Материалы..., 1940, с. 27]. Станюкович открыл остров Лайсан, названный им островом Моллера, а также атолл Куре, сделал опись значительной части берегов Аляски и определил астрономическое положение многих островов в Тихом океане. Признано, что по своим результатам плавание «Сенявина» и «Моллера» было одной из наиболее успешных экспедиций российского флота первой половины XIX столетия.

Еще один из участников кругосветной экспедиции Василия Головнина 1817–1819 гг. **Фёдор (Фердинанд) Петрович Врангель*** в 1820–1824 гг. в чине лейтенанта возглавил экспедицию по исследованию Северо-Востока России. Целью экспедиции помимо уточнения

* **Фёдор (Фердинанд) Петрович Врангель** (1796/97–1870) – российский военный и государственный деятель, мореплаватель и полярный исследователь. В 1820–1824 гг. руководил экспедицией, описавшей побережья Сибири от р. Индигирка до Колычской губы; по опросным данным определил положение острова, названного впоследствии его именем. В 1825–1827 гг. Ф.П. Врангель в чине капитан-лейтенанта возглавил кругосветное плавание на военном транспорте «Кроткий». Чл.-корр. ИСПБАН с 19.12.1827 г., почетный член с 3.12.1855 г., один из учредителей РГО. Главный правитель русских поселений в Америке (1829–1835), директор РАК (1840–1849), генерал-адъютант (15.04.1856), адмирал (26.08.1856), управляющий Морским министерством (18.05.1855–27.07.1857). С 1857 г. член Государственного совета. В 1864 г. по состоянию здоровья ушел в отставку. Поселился в Эстляндии в имении Роэла, где занимался метеорологическими наблюдениями.



Сергеевхъ флотъ-Врангеля.



Петръ Филаретовъ Анжу.



Графъ Фёдоръ Петровичъ Литке.

Слева направо: Ф. Врангель. Из: [Лялина, 1898, с. 101]; П.Ф. Анжу.
Из: [там же, с. 107]; граф Ф.П. Литке. Из: [там же, с. 215]

карты северо-восточного побережья Сибири были розыски к северу от Чукотского полуострова земли, о наличии которой ходили упорные слухи, «когда другая экспедиция, под начальством флота лейтенанта Анжу (ныне капитан 1-го ранга), осмотрела в тоже время из устья Яны острова: Котельный, Фадеевский, Новую Сибирь и берег Сибири от Индигирки до Оленека...» [Врангель, 1841, с. I, II]. Как уточняла впоследствии Лялина: «В 1820 году, по повелению императора Александра I отправлены были две экспедиции для исследования Ледовитого океана и северо-западной Сибири. Первая, под начальством Врангеля, должна была описать берега Ледовитого моря от Колымы до острова Колючина и сделать несколько поездок по льду для отыскания предполагаемой на севере земли. Другая, под начальством Анжу, имела целью изучить берега от Яны до Колымы



Тяга лодки собаками в экспедиции Ф. Врангеля.
Рис. из: [Лялина, 1898, с. 133]

и осмотреть острова, известные под именем „Новой Сибири“» [с. 105]. Напомним, что почти одновременно с экспедициями Врангеля и Анжу, работавших на побережье, проводились кругосветные плаванья О. Коцебу на «Рюрике» (1816–1817) и Васильева–Шишмарёва на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» (1820–1821).

В результате походов Врангеля была составлена карта морских берегов и островов северо-восточной России с опорой на 115 астрономических пунктов, что для того времени было крупным достижением. Материалы, собранные в экспедиции о коренных народах и их обычаях, были высоко оценены этнографами. В 1841 г. вышла книга Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля», к которой Академия наук присовокупила «Прибавления» [Врангель, 1841; Прибавления..., 1841]. В них вошли замечания о Ледовитом море, о полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения, таблицы географического положения мест с приложением «13 литографированных раскрашенных рисунков северных сияний и походных принадлежностей». Работа оказалась настолько значимой, что Академия наук удостоила ее своей высшей награды – Демидовской премии.

В 1825–1827 гг. Ф.П. Врангель в чине капитан-лейтенанта возглавил кругосветное плавание на военном транспорте «Кроткий», который был оснащен самыми современными на то время навигационными, метеорологическими и астрономическими приборами. Однако это плавание имело больше коммерческий характер.

<...>

Высоко оценивая работу российских мореходов периода царствования Александра I и начала правления Николая I, контр-адмирал Степан Осипович Макаров отмечал: *«Капитаны начала XIX ст., оказавшие крупные услуги в свое время, послужат примером любви и преданности делу. Будущим морякам предстоит плавать не с теми кораблями и не с теми средствами, но можно пожелать, чтобы в них была та же любовь к изучению природы. Любовь эта поможет им быть достойными последователями знаменитых капитанов начала нынешнего столетия (т.-е. XIX)»* (цит. по: [Шокальский, 1917, с. 32 со ссылкой на: Макаров, «Витязь и Тихий океан», с. 337]).

5. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

5.1. Реформы в области образования

19 ноября [1 дек.] 1825 г. в Таганроге после неожиданной и короткой болезни преставился 47-летний Александр I. Эта неожиданная смерть обострила вопрос о престолонаследии, так как у скончавшегося императора не было детей от официального брака. В соответствии с законом трон должен был перейти ко второму лицу по мужской линии в династии – брату Константину. Однако еще в 1822 г. Константин официально уведомил императора об отказе от престола. Сам Александр незадолго до своего ухода из жизни написал завещание, в котором согласно закону о престолонаследии в случае своей кончины передавал трон третьему по старшинству сыну Павла I – Николаю Павловичу, у которого к этому времени родился наследник, будущий император Александр II. В то же время Александр I оставил отказ Константина от престола и свое завещание в тайне.

Вскоре после смерти императора столица и армия присягнули Константину, потому что официального отказа великого князя от трона так никто и не увидел, а о завещании Александра знал лишь ограниченный круг лиц. Только после 27 ноября [9 дек.], когда сам Николай, его семейство и Сенат присягнули Константину, появились и завещание Александра I, и некоторые подтверждения отказа от престола самого Константина. 12 [24] декабря 1825 г. был опубликован Манифест «О вступлении на Престол Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА» [ПСЗРИ, Собрание второе (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.): в 55 т., 1830, т. 1: № 1, с. 1–8].

Переприсяга была назначена на 14 [26] декабря. Сложившейся ситуацией воспользовались члены тайных обществ, которых впоследствии назовут «декабристами». Заговорщики решили помешать присяге Николая Павловича и в этот день вывели на Сенатскую площадь верные им войска для последующего захвата Зимнего дворца и ареста царской семьи. Предполагалось, что после свержения императора ими будет собрано Учредительное собрание и вынесены на его усмотрение некие программы переустройства России.

Николай знал о наличии заговорщиков и отдал приказ о начале их арестов, но ход заговора предотвратить уже не удалось.

Как известно из истории, восстание декабристов потерпело неудачу. Однако предпринятая заговорщиками попытка свержения самодержавия, несомненно, повлияла на последующие решения нового императора и направления его внешней* и внутренней** политики. В дальнейшем император стремился всеми доступными способами бороться с революционным движением, в том числе и Академии наук. Так, 14 июня 1826 г. через Министерство внутренних дел Николай потребовал от академиков *«немедленной подписки в установленной форме обязательства не принадлежать к тайным обществам»* (цит. по: [Хартанович, 1995, с. 1119 со ссылкой на ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 37. Л. 51]).



Портрет Николая I кисти
Георга фон Бутмана.
Государственный Эрмитаж

Николай I, несомненно, был способен поддерживать талантливые начинания. Так, уже во время своей коронации в 1826 г. в Москву из ссылки был вызван А.С. Пушкин, с которого еще раньше император снял опалу и вскоре стал его личным цензором. Известно

* Во внешней политике перед Николаем I стояли две основные задачи. Во-первых, ему необходимо было защитить границы Российской империи на Кавказе, в Крыму и в Бессарабии от наиболее воинственных соседей, т. е. персов и турок. С этой целью были проведены две войны – Русско-персидская 1826–1828 гг. и Русско-турецкая 1828–1829 гг., в результате которых Россия не только укрепила границы, но и заметно усилила свое влияние на Балканах. Более того, некоторое время (правда, короткое – с 1833 по 1841 г.) действовал Ункяр-Искелесийский договор между Россией и Турцией, согласно которому последняя должна была в случае необходимости закрывать проливы Босфор и Дарданеллы (то есть проход из Средиземного моря в Черное) для военных кораблей противников России, что делало Черное море, по сути, внутренним морем России и Османской империи.

** Известно, что многие из требований декабристов император принял во внимание при проведении ряда социально-экономических реформ. В то же время Николаю I был нужен инструмент, который позволил бы контролировать жизнь в стране и все в ней происходящее. Таким инструментом, своего рода глазами и руками монарха, стала Собственная Его Императорского Величества канцелярия – и в первую очередь ее Третье отделение, которое возглавил участник войны 1812 г. граф Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844; русский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии, шеф корпуса жандармов, сенатор с 1826 г., почетный член ИСПБАН с 1827 г., член Государственного совета и Комитета министров с 1831 г.).

и доброжелательное отношение Николая к другому художественному гению, Н.В. Гоголю, написавшему в 1836 г. комедию «Ревизор», которую многие приближенные самодержца посчитали крамолой. Император же разрешил постановку пьесы на сцене, сам ее не раз смотрел, заметив, что «ему в ней больше всех досталось».

Тем не менее Николай I стремился создать такую систему образования и воспитания, которая бы исключала возможность развития революционных настроений и была бы направлена на формирование верноподданнических взглядов. Исполнителем этого курса выступил президент ИАН граф **Сергей Семёнович Уваров**, который принял активное участие в формировании нового устройства учебных заведений. В 1826 г. он вошел в состав «Комитета для сличения и уравнивания Уставов Учебных заведений и определения курсов учения в оных» [ПСЗРИ, 1830, т. 1: 14 мая 1826 г., № 338, с. 459, 460], учрежденного под председательством министра народного просвещения **Александра Семеновича Шишкова** (1754–1841; писатель, Государственный секретарь в 1812–1814 гг., член Государственного совета, адмирал с 1824 г., почетный член ИАНХ с 1800 г., президент Российской академии с 1813 г.). В начальных фразах этого рескрипта Николай I возвещал: *«Обозревая с особенным вниманием устройство Учебных заведений, в коих Российское юношество образуется на службу Государству, Я с сожалением вижу, что не существует в них должного и необходимого единообразия, на коем должно быть основано как воспитание, так и учение.*

Предмет сей столь быстрое может иметь влияние на благо Государственное, что нужно без всякого отлагательства поспешить исправлением сего недостатка в Нашей учебной системе...» [там же, с. 459, 460].

Членами комитета помимо Уварова были назначены генерал-лейтенант граф **Карл Андреевич Ливен** (1767–1844; попечитель Дерптского учебного округа, почетный член ИАН с 20 дек. 1826 г., министр народного просвещения с 25.04.1828 г. по 18.03.1833 г.), тайные советники **Михаил Михайлович Сперанский** (1772–1839; русский государственный и общественный деятель, реформатор, законодотворец, правовед, почетный член ИАН с 12 мая 1819 г.), граф **Карл Осипович Ламберт** (1773–1843; генерал от кавалерии с 1823 г., сенатор с 1826 г., член Верховного уголовного суда по делу декабристов) и др. Предстояла большая работа по сличению и разработке уставов всех учебных заведений – от приходских школ до университетов, *«сообразуясь со степенями их возвышений»*, а также содержанию курсов

предметов с определением необходимых учебников и иных учебных сочинений. Для разработки недостающих предметов предстояло рекомендовать *«надежнейших Профессоров и Академиков»*.

Уже в 1826 г. в образовательной сфере последовали кадровые перестановки: в мае император уволил известного обскуранта попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого (1778–1844), который, как известно, разработал «целую программу уничтожения науки» в высших учебных заведениях, а 25 июня – попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича (1778–1860), учинившего в 1821 г. «разгром» новооснованного Санкт-Петербургского университета. Несмотря на то что Магницкий был отстранен от должности, 10 июня 1826 г. Николай I подписал «Устав о Цензуре» [ПСЗРИ, 1830, т. 1: № 405, с. 550–571], подготовленный ранее Магницким и поданный императору министром народного просвещения А.С. Шишковым [Высочков, 2022].

Напомним, что первый в истории Российской империи «Закон о Цензуре» был издан еще в 1804 г., второй – в 1926 г., а третий,



«Бунт на Сенатской площади». Художник Карл Кольман, 1830-е гг. На Картине видны здания Сената и Синода, которые были построены позже. Налево изображен забор строящегося Исаакиевского собора, на переднем плане – рельсы, проложенные для перевоза камня с берегов Невы. Всадник на белом коне – это Николай I. Увидев эту картину, Николай I выразил свое одобрение и похвалил А.Х. Бенкендорфа за то, что тот заказал ее художнику. Единственную неверную деталь, которую он нашел: это масть коня. Из: (<https://textarchive.ru/c-1620018.html>)

более мягкий, чем устав 1826 г., подготовленный президентом ИАН С.С. Уваровым, был принят в 1828 г. [ПСЗРИ, 1830, т. 3: 22 апр. 1828 г., № 1979, с. 459–480; Устав..., 1828: 1–92]. Одновременно было утверждено «Положение о правах сочинителей» [ПСЗРИ, 1830, т. 3: 22 апр. 1828 г., № 1980, с. 478–480; Устав..., 1828, 93–101], в котором впервые регулировалась правовая охрана литературной собственности. В переработанном виде это «Положение» 8 января 1830 г. было Высочайше утверждено под названием «О правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей» [ПСЗРИ, 1831, т. 5, отд. 1: № 3411, с. 17–21].

В параграфе 3 Устава 1828 г. говорилось: *«Произведения Словесности, Наук и Искусств, подвергаются запрещению Цензуры.*

1) Когда в оных содержится что-либо клонящееся к поколебанию учения Православной Грекороссийской Церкви, ея преданий и обрядов, или вообще истин и догматов Христианской Веры.

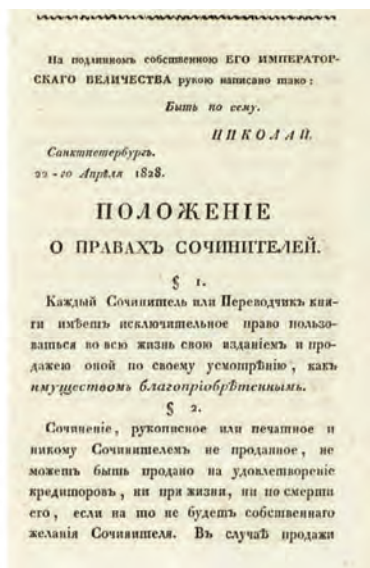
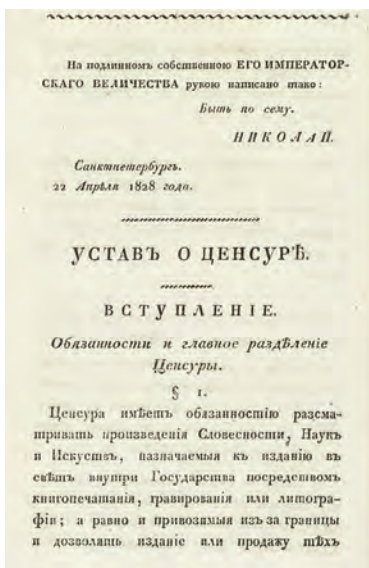
2) Когда в оных содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной власти или уважение к Императорскому Дому и что-либо противное коренным Государственным постановлениям.

3) Когда в оных оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и

4) Когда в оных оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями или предосудительным обнародованием того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тем более клеветою» [Устав..., 1828, с. 4, 5].

Цензура учреждалась при Министерстве народного просвещения и делилась на внутреннюю и иностранную (§ 4; здесь и ниже приведены ссылки на номера параграфов Устава..., 1828). Первая рассматривала произведения *«Словесности, Наук и Искусств»*, вторая определяла разрешение на продажу книг, эстампов и т. п., привозимых из-за границы. Для общего надзора за работой цензуры, как внутренней, так и иностранной, учреждалось Главное управление цензуры (§ 5).

В соответствии с § 26, внутренняя цензура возлагалась в городах, имеющих университеты, *«на учреждаемые при оных Ценсурные Комитеты; в других же городах на определяемых для сего Ценсоров»* [там же, с. 18]. В § 27 определялось, что *«Членами Ценсурных Комитетов определяются Университетские Ординарные и Экстраординарные Профессоры и Адъюнкты; а в отдельные Ценсоры назначаются преимущественно Директоры важнейших из находящихся в помянутых городах учебных заведениях, подведомственных Университетам...»* [там же, с. 18, 19]. Рассмотрение привозимых



Первые страницы Устава о цензуре и Положения о правах сочинителей.
[Устав..., 1828]

из-за границы книг возлагалось на учрежденный при Министерстве народного просвещения Комитет цензуры иностранной (§ 82). Что касается Главного управления цензуры, то в соответствии с § 116 оно состояло из шести членов, «а именно: из *Президентов Императорской Академии Наук, Художеств и Российской; из Товарища Министра Народнаго Просвещения и двух сторонних Членов, назначаемых от Министерства Внутренний дел и Министерства Иностранных дел, Именными Указами за Высочайшим подписанием*» [там же, с. 59].

Несмотря на «строгости» Устава о цензуре, ввозимая из-за границы учебная и научная литература досмотру не подлежала: «*Книги, вытисываемыя для высших учебных заведений, как то: Академій и Университетов, пропускаются Таможнями без требований от предъявителя подписки о представлении оных в Цензуру; но обо всяком таком пропуске уведомляется Комитет Цензуры Иностранной*» [§ 132, п. 3, с. 66]. Со временем это положение будет включено в Общий устав университетов и в Устав Академии наук.

Утвержденные варианты Устава о цензуре вызвали неоднозначную реакцию среди литературной общественности. Например, литератор и цензор в 1827–1830 гг. Сергей Николаевич Глинка (1775–1847) из-за запрета на ввоз масонских книг прозвал Устав 1826 г. «Чугунным»; критике литератора подвергся и Устав 1828 г.



Портрет С.С. Уварова кисти
Я.К. Каневского, 1844 г.
Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН)

[Виноградов, 2021]. В то же время принятый в 1826 г. будто бы «чугунный» Устав, как и положение «О правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей», высоко оценивал А.С. Пушкин. В частности, в письме (около 27 мая 1832 г.) Александру Христофоровичу Бенкендорфу поэт писал: *«Несчастливые обстоятельства (восстание декабристов. – Авт.), сопроводившие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание Его Величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной. Ограждение сей соб-*

ственности и цензурный устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. т о р г о в о е (разрядка Пушкина. – Авт.). Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами» [Пушкин, 1979, с. 500; Есипов, 2021, с. 106]. Спустя четыре года, в письме к А.Г. Баранту (1782–1866; французский писатель, дипломат и историк) от 16 декабря 1836 г., написанному на французском языке, Пушкин напоминал о введении правовой охраны литературных произведений: *«...Литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние двадцать лет или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное аристократическое занятие... Литературная собственность была признана нынешним монархом* (выделено мной. – В.Б.). *Вот собственные выражения закона:*

Всякий автор или переводчик книги имеет право ее издать и продать как собственность приобретенную (не наследственную).

Его законные наследники имеют право издавать и продавать его произведения (в случае, если право собственности не было отчуждено) в течение 25 лет...

Вопрос о литературной собственности очень упрощен в России, где никто не может представить свою рукопись в цензуру, не назвав

автора и не поставив его тем самым под непосредственную охрану со стороны правительства» [Пушкин, 1949, с. 694 (пер. с фр.)].

Благоприятное отношение Пушкина к новому императору поэт выразил в письме Елизавете Михайловне Хитрово (1783–1839; приятельница Пушкина, дочь М.И. Голенищева-Кутузова) (не позднее 9 февраля 1831 г., из Москвы в Петербург): *«Вы говорите об успехе “Бориса Годунова”: право, я не могу этому поверить. Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году – и потребовалась смерть Александра, неожиданная милость нынешнего императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет»* [Пушкин, 1979, с. 653 (пер. с фр.)].

<...>

Надо отметить, что в период правления Николая I расширилась возможность получения образования – постоянно увеличивалось число гимназий и уездных училищ, а также количество учащихся. Одновременно предпринимались меры по упорядочению системы народного просвещения, основанной на *«твердых и единообразных правилах»*, при этом император затруднил детям из непривилегированных сословий поступление в университеты и существенно ограничил университетские свободы. В этих направлениях была разработана и утверждена серия законодательных актов, первым из которых стало положение Комитета министров «Об утверждении рисунков мундиром для чиновников и воспитанников высших учебных заведений в С. Петербурге» [ПСЗРИ, 1830, т. 1: 29 дек. 1825 г., № 22, с. 34–35]. Среди прочих первых правовых документов отметим Высочайший рескрипт «О допущении в Университетах и других высших учебных заведениях к слушанию лекций одних людей свободных состояний, а помещичьих людей к обучению только в приходских и уездных Училищах и в заведениях особенного рода, для усовершенствования промышленности учрежденных; и о распространения надзора Министерства Народного Просвещения на все без изъятия Училища, кроме Военных и Духовных» [там же, т. 2: 19 авг. 1827 г., № 1308, с. 675–677]; положение «О Военно-учительском Институте при С. Петербургском батальоне каншонистов (малолетних и несовершеннолетних сыновей нижних воинских чинов Российской империи. – *Авт.*)» [там же, 8 сент. 1827 г., № 1366, с. 774–776]; положение Комитета министров «О распространении на все казенные учебные заведения предоставленного Университетам права выписывать из-за

границы беспопытно разные учебные и художественные предметы» [там же, 18 окт. 1827 г., № 1478, с. 915–916]; положение Комитета министров «О назначении пособия Университетским Студентам при определении их в Учителя» [там же, т. 3: 14 февр. 1828 г., № 1809, с. 146–148]; «Устав Главного Педагогического Института» (Санкт-Петербург) [там же, 30 сент. 1828 г., № 2315, с. 852–869]; «Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» [там же, 8 дек. 1828 г., № 2502, с. 1097–1127]; указ, данный Министру народного просвещения, «О распоряжениях к преобразованию Гимназий и Училищ, на особенных положениях устроенных, на основании нового Устава Учебных заведений» [там же, № 2503, с. 1127, 1128]; Именной, данный Сенату, указ «О дополнительных правилах по устройству Белорусских учебных заведений» [там же, т. 4: 17 янв. 1829 г., № 2599, с. 25, 26]; сенатский указ «с прописанием Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета “Об учреждении фельдшерских школ при больницах Приказов Общественного Призрения, по прилагаемому у сего Положения”» [там же, 10 мая 1829 г., № 2862, с. 313–317]; положение Комитета министров «Об учреждении при Губернских Гимназиях по всем Сибирским Губерниям Ветеринарного класса» [там же, 25 мая 1929 г., № 2887, с. 342, 343]; представление «О предположениях к лучшему устройству Училищ Белорусского Учебного Округа» [там же, 1831, т. 5, отд. 2: 9 сент. 1830 г., № 3902, с. 21, 22]; Именной, данный Сенату, указ «О новом распределении Губернских Гимназий и прочих Училищ на Округи» [там же, 1832, т. 6, отд. 1: 12 янв. 1831 г., № 4251, с. 14], и мн. др.

Весной 1832 г. Уварова назначили товарищем министра народного просвещения князя Карла Ливена. После отставки князя, последовавшей в марте 1833 г., Сергей Семёнович стал управляющим Министерства народного просвещения, а спустя год утвержден министром народного просвещения.

26 июля 1835 г. был Высочайше утвержден новый **Общий устав императорских российских университетов** [там же, 1836, т. 10, отд. 1: № 8337, с. 841–855], одним из инициаторов и разработчиков которого вновь оказался С.С. Уваров. Устав распространял свое действие на Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский университеты. Особенные уставы вводились для Дерптского университета и для Университета Св. Владимира. Как было указано в преамбуле к Общему уставу, «...Мы (Николай I. – Авт.) обратили

деятельность Университетов Наших на существенную пользу наук и публичного воспитания» [там же, с. 841].

Новый Устав серьезно изменил статус университетов и значительно ограничил их автономию, что проявлялось в усилении власти попечителя, ликвидации университетского суда, ограничении выборного начала. На ужесточение автономии университетов, несомненно, повлияло восстание преподавателей и студентов Вилейского университета в 1831 г., в результате которого 1 [13] мая 1832 г. рескриптом Николая I Университет был упразднен. В то же время если по прежнему уставу 1804 г. университеты стояли во главе управления образованием, то по новому уставу они отстранялись от заведования учебными делами в среднем и низшем звеньях, руководство которыми возлагалось теперь на попечителей учебных округов. Проведение этой меры Уваров справедливо объяснял тем, что профессора не имели ни времени, ни *«способностей к практическому управлению»* учебными заведениями, рассеянными на расстоянии трех-четырёх тысяч верст. Таким образом, Устав освобождал университеты от реально обременявшей их обязанности *«обозревать училища»*.

В соответствии с новым уставом университет стал состоять из определенного числа факультетов, Совета и Правления университета. В полном составе университета вместо четырех факультетов было определено три: Философский с двумя отделениями – Историко-филологическим и Физико-математическим, а также Юридический и Медицинский факультеты. Преподаватели разделялись на профессоров, адъюнктов и лекторов, число которых могло быть увеличено *«по мере надобности»*.

В Совете университета под председательством ректора присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, а Правление университета под председательством того же ректора составляли деканы, причем вместо *«непременного заседателя»* в его состав был введен синдик*. Ординарные и экстраординарные профессора факультетов под председательством декана составляли Факультетское собрание,

* В университете XIX в. синдик – это **администратор по вопросам судопроизводства**. По Уставу 1804 г. синдик избирался Советом университета из числа профессоров-юристов. Вместе с ректором и деканами он входил в Правление университета с правом совещательного голоса. По Уставу 1835 г. синдик назначался попечителем из чиновников, имеющих ученые степени по юридическому факультету, и утверждался министром народного просвещения. Он осуществлял контроль за ходом дел в канцелярии Совета университета и управлял канцелярией Правления, наблюдал за правоммерностью осуществлением дел в университете.

в котором один из адъюнктов исполнял должность секретаря. Синдик, имея надзор за канцелярией Совета, присутствовал на его заседаниях для наблюдения *«чтобы производство и решение дел было согласно с законами»* [там же, с. 844]. В ведение Совета входило избрание ректора, почетных членов и корреспондентов, профессоров и адъюнктов, а также назначение их к разным должностям, определение и увольнение лекторов и учителей. По представлениям факультетов Советом обсуждались меры по усовершенствованию преподавания наук и пр.

В новом Уставе определялось, что *«Каждый Университет, под главным ведением Министра Народного Просвещения, вверяется особенному начальству Попечителя»* [там же, п. 8, с. 842] (здесь и ниже приведены номера пунктов Устава, а при цитировании текстов – и номера страниц), которому была отведена центральная роль в университетской иерархии. Попечитель мог по своему усмотрению назначать заседания совета и брать на себя функцию председательствующего, причем в соответствии с п. 51 Устава попечитель в важных и не терпящих отлагательства случаях имел право самостоятельно принимать надлежащие меры при условии доведения их до сведения министра. Однако право реального контроля над ходом и качеством преподавания предоставлялось ректору. Таким образом, по новому Уставу возросло значение административной вертикали, прежде всего попечителя учебного округа и ректора как его представителя в университете.

В соответствии с Уставом для соблюдения порядка между *«принадлежащими к Университету лицами, содержания в чистоте зданий и предохранения их от опасности огня»* учреждалась Университетская полиция [п. 42]. Ближайшим блюстителем по ее части определялся экзекутор, кандидатуру которого назначал попечитель. В ведении экзекутора состояли все нижние служители университета.

Надзор за нравственностью всех учащихся поручался инспектору, состоящему под непосредственным начальством попечителя [пп. 71, 72]. Инспектор по выбору попечителя утверждался министром [п. 69]. В то же время помощники инспектора по его выбору утверждались попечителем [п. 70].

По новому Уставу срок обучения в университетах увеличился с 3 до 4 лет, а по медицинским специальностям – до 5 лет [п. 100], при этом университетское образование разделялось на полугодия. Была введена практика двухгодичной стажировки молодых ученых из российских университетов за границей. Советам университетов предоставлялось

право «возводить» в ученые степени кандидатов, магистров и докторов по факультетам [п. 109]. В университетах сохранялась собственная цензура для оценки издаваемых профессорами различного вида сочинений [п. 120]. Кроме того, университетам предоставлялось право свободно и беспошлинно выписывать из-за границы учебные пособия [п. 121], причем книги, рукописи и повременные издания, получаемые университетами «из чужих краев», не подлежали рассмотрению Комитетов цензуры иностранной [п. 122]. Кроме того, университетам давалось право иметь собственные типографии и книжные лавки [п. 124].

При университетах учреждались педагогический и медицинский институты. Целью педагогического института была подготовка учителей для гимназий и уездных училищ [п. 151]. Медицинские институты готовили врачей [п. 160] и открывались при университетах, в состав которых входили медицинские факультеты. После окончания учебы молодые учителя обязаны были прослужить не менее шести лет в Учительском ведомстве [п. 158], а врачи – шесть лет в военном или гражданском медицинских ведомствах [п. 163].

Университеты имели право учреждать особые ученые общества *«для усовершенствования совокупными изысканиями какой-либо определенной части наук, каковы суть: Общество Российских Древностей, Общества Минералогический, и тому подобные»* [п. 164, с. 854]*. Научным обществам давалось право иметь действительных и почетных членов и корреспондентов из российских подданных и иностранцев [п. 165].

В университетах постоянно происходило расширение и углубление образования за счет введения новых курсов и усиления внимания к классическому образованию. Согласно новому Уставу значительно увеличилось количество профессоров и кафедр, чему способствовал обозначенный в главе IX впечатляющий перечень университетских учебных и вспомогательных пособий и заведений: *«При Университетах состоят разные учебныя пособия, коих число и состав определяется особым распоряжением Министерства Народнаго Просвещения по мере способов, кои к образованию их представиться могут. Таковы суть: 1) Библиотека. 2) Астрономическая Обсерватория. 3) Физический Кабинет. 4) Химическая и вместе Фармацевтическая Лаборатория. 5) Минералогический Кабинет. 6) Ботанический Кабинет. 7) Ботанический сад – Студенты Санкт-Петербургскаго*

* «Общество российских древностей» основано в 1804 г. при Московском университете, «Минералогическое общество» основано в 1817 г. (см. главу 1).

Университета пользуются Ботаническим садом, состоящим в ведении Министерства Императорскаго Двора. 8) Зоологический кабинет. 9) Технологический Кабинет и собрание машин и моделей для прикладной Математики. 10) Собрание Архитектурных моделей. 11) Музей изящных искусств и древностей. 12) Собрание для рисовальной школы. 13) Анатомический театр и собрание препаратов. 14) Зоотомический театр и собрание препаратов. 15) Фармакологическое собрание. 16) Собрание хирургических инструментов. 17) Собрание акушерских инструментов. 18) Медицинский Клинический Институт. 19) Хирургический Клинический Институт. 20) Повивальный Институт. 21) Практическое Ветеринарное Заведение. 22) Манеж» [п. 167, с. 854, 855].

На посту министра народного просвещения Уваров стремился усилить правительственный контроль над университетами и гимназиями. Вместе с тем при Уварове было положено начало реальному образованию в России и восстановлена практика командирования ученых за границу. Поднималось значение университетов и университетского образования.

5.2. Систематизация законодательства, проведенная М.М. Сперанским

Одной из задач, которую Николай I попытался решить уже в самом начале царствования, кстати, сформулированную декабристами, была систематизация законодательства Российской империи. Дело в том, что к 1825 г. единственным сводом российских законов оставалось Соборное уложение 1649 г. Решением императора систематизация законов была возложена на возвращенного из ссылки законодотворца и правоведа, почетного члена ИАН **Михаила Михайловича Сперанского** (см. главу 1). Именно Сперанский 13 декабря 1825 г. составил проект манифеста о вступлении на престол Николая I. Позже он был введен в состав Верховного уголовного суда по делу декабристов и завоевал доверие Николая I, но как отмечается в разных информационных источниках, при вынесении приговора декабристам, Сперанский плакал. Свидетельством неоднозначного отношения Сперанского к самодержавной власти и самодержцам может служить факт того, что именно Сперанского декабристы прочили в первые президенты русской республики в случае удачного восстания и свержения Николая I.

Вскоре Николай I возложил на Сперанского кодификацию законодательства империи за последние 180 лет. Для этой цели в структуре императорской канцелярии было выделено специальное Второе отделение, председателем которого был назначен бывший первый ректор Санкт-Петербургского университета Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847; правовед, экономист, ректор Санкт-Петербургского университета в 1819–1821 гг., начальник Второго отделения в 1826–1847 гг., тайный советник с 1828 г., сенатор с 1839 г.), а Сперанский занял должность главноуправляющего. Следом, 24 апреля 1828 г., от императора последовал *«Высочайший рескрипт, данный на имя Управляющего Министром Юстиции князя Долгорукова “О составлении Комитета для обозрения полного Свода Законов Гражданских”»* [ПСЗРИ, 1830, т. 3: № 1983, с. 490]. В тексте рескрипта указывалось: *«Князь Алексей Алексеевич! По распорядку, в составлении Законов с 1826 года принятому, начаты и в течение двух минувших лет во 2 Отделении Собственной Моей Концелярии окончаны полные Своды Законов Гражданских. Работа сия должна служить основанием к Уложению. Чем она будет полнее и точнее, тем и Уложение может быть совершеннее»* [там же, с. 490].

Надо отметить, что в Российской империи существовало огромное количество распоряжений, указов и других законодательных актов. О многих из них уже мало кто помнил. Поэтому, работая над «Полным собранием законов Российской империи», Сперанский одновременно занимался поиском актов для «Собрания древних узаконений». С просьбой помочь ему в этом деле Михаил Михайлович обращался в Императорскую академию наук к историку-археографу **Павлу Михайловичу Строеву** (1796–1876; чл.-корр. ИАН с 20 дек. 1826 г., ординарный академик с 19 окт. 1841 г.), который путешествовал по России в поисках старинных русских книг и документов (об Археографической экспедиции Строева см. ниже). В 1830 г. Сперанский писал его родному брату, Владимиру Михайловичу Строеву: *«Напомните братцу, что в прежние времена он помогал мне; надеюсь, что и теперь будет тоже. Я хочу составить Собрание древних наших законов и хочу отнести к вашему братцу, чтобы он поименовал мне все древние памятники нашего законодательства. Но теперь мне желательно было бы узнать подробнее о том, что им открыто в последнюю поездку и когда он будет в Петербурге. Вести переписку неудобно и я отложу до его приезда дальнейшее исполнение по сему предмету»*. Получив от брата это напоминание, П.М. Строев направил в Академию наук рапорт, в котором указал, что во Втором отделении предпринимают, по Высочайшему повелению, издание Собрания древних русских законов и Академия наук может *«весьма удобно вспомоществовать сему важному государственному предприятию»*, поскольку в последнее время Археографическая экспедиция* открыла много *«доселе неизвестных памятников отечественного права»*. П.М. Строев, в свою очередь, заверил Сперанского, что *«вменит себе в особую честь представить ему свои находки»* и *«готов служить в пользу истинно-патриотического и государственного издания»*, задуманного Сперанским [Томсинов, 2011, с. 249]. 16 января 1831 г. историк, пребывавший в то время в Москве, сообщал Сперанскому, что он изготовил для законотворца, с позволения Академии наук, *«три больших тома, списанных археографической экспедицией в разных архивах, историко-юридических актов»*. Эти акты числом более 400, добавлял Строев, *«относятся к XV–XVII столетиям; наибольшая*

* Данная Археографическая экспедиция работала под руководством П.М. Строева с 1829 по 1834 г. В 1834 г. она была переименована в Археографическую комиссию, на которую была возложена задача подготовить собранные документы к изданию. «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук» были изданы в 1836 г. в четырех томах.

часть их не была известна и весьма многие особенно любопытны для истории отечественного права [там же, с. 250].

Несомненно, дискуссия по проблеме юридической силы Свода законов Российской империи стала еще одним доказательством, что этот правовой памятник, так же как и Полное собрание законов Российской империи, имел огромное значение для дальнейшего развития русской научной юриспруденции.

По завершении этой трудоемкой работы в 1830–1832 гг. было издано «Полное Собрание законов Российской империи» в 45 томах, где было собрано около 30 тысяч законов, начиная с «Соборного Уложения» 1649 г. Затем был опубликован 15-томный «Свод законов Российской империи», где законодательные акты, не потерявшие свою актуальность, были расположены по тематико-хронологическому принципу.

За труды по систематизации законов М.М. Сперанский в 1839 г. получил титул графа, а ранее, 20 января 1833 г., награжден высшими орденами Российской империи: Орденом Белого орла (один



Памятник императору всероссийскому Николаю I. Скульптор Пётр Клодт, архитектор Огюст Монферран. Открыт в 1859 г. *Из открытых источников*



Барельеф «Награждение М.М. Сперанского, собравшего и издавшего в 1832 году „Свод законов Российской Империи“» – один из четырех барельефов на постаменте памятника Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге. Это связано с тем, что Сперанский руководил работами по составлению Свода законов Российской империи, который был подготовлен в царствование Николая I. На постаменте изображены четыре барельефа (три из них работы Н.А. Рамазанова, один – Р.К. Залемана), которые описывают события из жизни царя: восстание декабристов в 1825 г., подавление холерного бунта 1831 г., награждение Сперанского за свод законов Российской империи 1832 г. и строительство Веребьинского моста (это мост через овраг на железной дороге Санкт-Петербург – Москва). *Из открытых источников*

из старейших польских орденов, в 1831 г. причислен к российским орденам как *Императорский и Царский*) и Андреевской Звездой – Орденом Святого апостола Андрея Первозванного (императорский Орден Святого апостола Андрея Первозванного – первый по времени учреждения российский орден, высший орден Русского царства и Российской империи с 1698 по 1917 г.; в 1998 г. орден был восстановлен как высшая награда Российской Федерации. – *Авт.*), а 17 апреля 1837 г. – алмазными знаками к ордену.

Сама процедура награждения Орденом Святого апостола Андрея Первозванного выглядела следующим образом: 19 января 1833 г. на специальном заседании Государственного совета Сперанский представил императору 45 томов «Полного собрания законов Российской

империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи». Следом Николай I произнес речь, полностью посвященную завершению работ по систематизации российского законодательства. Император отметил, что наконец решена задача упорядочения русских законов – составлен *«из всех многочисленных указов свод тех узаконений, которые действительную силу имеют»*. Николай подчеркнул, что прежние законодательные комиссии шли по пути сочинения новых законов, а при составлении Свода во Втором отделении обратились к противоположным «началам» – *«собрали и привели в порядок старые»*. В конце торжественной церемонии Николай I в присутствии всех членов Государственного совета снял с себя и надел на Сперанского Андреевскую звезду. Впоследствии по воле императора Александра II эта сцена была изображена барельефом на пьедестале установленного перед Исаакиевским собором памятника Николаю I работы скульптора Петра Клодта.

5.3. Реформа Императорской академии наук

В конце 1826 г. в Санкт-Петербурге с большим размахом отмечалось столетие Академии наук. Празднование было призвано отдать дань уважения заслугам ученых XVIII в. и подчеркнуть значимость Академии как интеллектуального центра страны. Президент Академии наук С.С. Уваров продумал программу столетнего торжества до мельчайших подробностей и лично составил порядок церемонии. Залогом успеха академического праздника стало присутствие на нем императора с семьей. В своей речи Сергей Уваров, обращаясь к императору Николаю I, назвал Академию последним творением Петра, с которым тот связывал будущее величие империи.

Император Николай I и его братья великие князья Константин Павлович, Михаил Павлович и Александр Николаевич (будущий император Александр II) были избраны в почетные академики, что способствовало росту авторитета основного научного учреждения страны, а также росту ассигнований на науку. Согласие принять звание членов Академии коронованными особами обеспечило соответствующее отношение к ней у дворянства, делая занятия наукой столь же почетными, как государственная служба и военное дело.

В честь столетия Академии была выбита особая медаль, в окончательном варианте которой на аверсе был изображен император Николай I в профиль, на реверсе Афина восседала на троне, наверх которого украшали фигурки богини победы Ники. Афина осеняла лавровым венком герму с изображениями Петра I и Александра I. Медаль соединила воедино имена трех монархов: Петра I – основателя Академии наук, Александра I – охранителя ее прочного существования в конце первого столетия и Николая I – надежды нового столетия. Медаль представила ученому миру нового императора Николая I как просвещенного государя и покровителя науки, готового принять под свою опеку высшее научное учреждение страны.

Как отмечал академик **Пётр Александрович Плетнёв** (1792–1865; литератор, критик, ординарный академик с 1841 г.) на торжественном собрании Императорской академии наук 29 декабря 1855 г.: *«Но важнее всего было высокое внимание и полная доверенность, которых начал удостаивать с этой эпохи Академию Государь император. Его Величество всемилостивейше поощрял ее всеми средствами к дальнейшим успехам и подавал способы к процветанию. Возвышенная столь благоприятными обстоятельствами Академия*



Медаль «В память 100-летия Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук». *Из открытых источников*

неуклонно и твердо пошла по пути высшего самостоятельного учреждения» [Плетнёв, 1855, с. 38].

Будучи президентом Академии наук, С.С. Уваров постоянно способствовал успешной деятельности научного учреждения. Основное внимание он уделял привлечению к работе в Санкт-Петербургской академии наук выдающихся иностранных ученых, чему способствовало Высочайше утвержденное 29 января 1829 г. положение Комитета министров «*О дозволении лицам, вызываемым Академиею Наук, для занятия в оной ученых мест, привозить с собою в Россию, или по приезде выписывать из-за границы принадлежащих им вещей на 2000 рублей серебром беспошлинно*» [ПСЗРИ, 1830, т. 4: № 2634, с. 78]. В начале 1830 г. при содействии Уварова были утверждены «Дополнительные пункты к Регламенту Императорской Академии Наук» [там же, 1831, т. 5, отд. 1: 30 янв. 1830 г., № 3453, с. 103, 104], благодаря которым увеличилось число академиков и проведено новое разделение Академии по наукам в связи с развитием научных направлений. В частности, в дополнение к § 4 Регламента определен новый состав Академии: «*Академия наук состоит из двадцати одного Ординарного Академика, в число коих 18 назначены уже Регламентом 1803 года, а три прибавлены были впоследствии особыми Высочайше утвержденными докладами*» [там же, с. 103]. Разделение академиков по специальностям учреждены в § 46 «*на следующем основании: а) По Математическим наукам: для Чистой математики 2 Академика; для Прикладной Математики 1; для Астрономии 2, и для Географии и Навигации 1. б) По Естественным наукам: для Физики 2 Академика; для Общей Химии 1; для Технологии и Ремеслам 1; для Зоологии 2; для Ботаники 1; для Минералогии 1; и для Сравнительной Анатомии и Физиологии 1. с) По Историческим*

и *Политическим Наукам*: для Политической Экономии и Статистики 1 Академик; для Истории и Древностей Российских 1; для Греческих и Римских древностей 2, и для Истории и Словесности Азиатских народов 2» [там же, с. 103]. В дополнение к §§ 4 и 64 число адъюнктов «вместо прежних бывших двадцати, ограничивается ныне десятью, без предварительного разделения их по вышеупомянутым разрядам Наук» [там же, с. 103], причем Академии наук дано право самой решать, по каким разрядам необходимо проводить их избирание. Назначенные Регламентом воспитанники «на будущее время» признавались «ненужными» [там же, с. 103].

8 [20] января 1836 г. Императорская академия наук получила **новый Устав** [там же, 1837, т. 11, отд. 1: № 8765, с. 14–26] и Штат [там же, т. 11, отд. 2: штаты и таблицы к № 8765, с. 3, 4], высочайше утвержденные императором. В заголовке Устава и Штатного расписания Академия стала именоваться «**Императорской Санкт-Петербургской академией наук**» (далее – ИСПБАН), причем в тексте Устава чаще всего применялись сокращенные названия: «Академия наук» и «Академия», а в последующих официальных документах, как и в начальной фразе Устава, употреблялось и прежнее название «Императорская академия наук»: «*Признав за благо даровать Императорской Нашей Академии Наук образование и средства, настоящим потребностям и состоянию сего ученаго сословия...*» [там же, т. 11, отд. 1: 8 янв. 1836 г., № 8765, с. 14]. В соответствии с Уставом Академия вновь была объявлена «*первенствующим ученым сословием в Российской Империи*» [там же, § 1, с. 15] (здесь и ниже указаны параграфы Устава по документу, а при цитировании текстов – и номера страниц). Состав Академии после утверждения «дополнительных пунктов к Регламенту» 1830 г. не изменился: 21 ординарный академик и 10 адъюнктов, причем последние могли быть и экстраординарными академиками, число которых Уставом не определялось*. Все перечисленные три «класса» действительных членов составляли Академическое собрание или Конференцию. Кроме действительных членов Академия избирала почетных членов и членов-корреспондентов. Избранные ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты представлялись на «Высочайшее утверждение».

* В противоположность Регламенту 1803 г. адъюнкты рассматривались в Уставе 1836 г. как самостоятельные молодые ученые с правом голоса во время выборов. Звание экстраординарного академика предназначалось исключительно для поощрения адъюнктов, поэтому вакансий экстраординарных академиков не предусматривалось.

По Уставу 1836 г. руководство ИСПБАН осуществляли президент, вице-президент и непременный секретарь. Президент назначался императором и был представителем правительства. Порядок замещения и обязанности вице-президента в Уставе не были четко прописаны. На практике выборы вице-президента не устраивались, он назначался императором по представлению президента. Поначалу он замещал президента во время его отсутствия, позднее президенты начали подбирать себе помощника в академической среде, и вице-президент становился, как правило, его правой рукой. Непременный секретарь избирался академической корпорацией пожизненно (поэтому он и назывался непременным, т. е. постоянным) и выражал ее интересы. Он отвечал за делопроизводство, осуществлял всю официальную переписку, вел протоколы заседаний, составлял годовые отчеты, вел архив, следил за ходом издания трудов ИСПБАН и курировал работу типографии.

Кроме того, в Академии был сохранен главный административно-хозяйственный орган – Комитет правления (глава XI «О Комитете Правления»), состоящий из президента, вице-президента, двух ординарных академиков и двух советников, сведущих в законах и порядке делопроизводства. Основная функция Комитета заключалась в наблюдении за порядком в отделениях, сохранности собственности, казны и научных коллекций, слежении за денежными потоками, содержанием зданий и пр. Комитет был уполномочен определять и увольнять нижних академических служащих.

Новым Уставом расширялись основные задачи Академии наук. Как первое ученое сословие Академия помимо получения новых знаний была призвана разрешать научные споры и сомнения, *«рассматривать все машины и открытия»*, передаваемые для исследования и заключения [§ 6, с. 15]. Академия была обязана *«доводить до сведения Правительства всякое сделанное ею Членом или иностранном ученым открытие, коего приспособление к практике может с какой либо стороны быть полезно...»* [§ 7, с. 15]. За Академией была сохранена ведущая роль в курировании университетского образования: *«Академия может входить во все, касающееся до просвещения. На сей конец она должна быть в сношении со всеми Университетами в Империи* (выделено мной. – В.Б.), *для получения нужных сведений о естественных предметах их округов и проч.; Университеты же с своей стороны относятся к ней во всех случаях, где может быть полезно ее содействие или совет»* [§ 8, с. 15].

Одна их важнейших задач Академии заключалась в продолжении изданий трудов своих членов как в журнале «Записки (Memoires) Императорской академии наук», так и в виде отдельных сочинений для распространения в империи и «*в чужих краях*» [§ 9, с. 15]. Академия была призвана развивать связи с другими академиями и научными сообществами Европы «*посредством исправных и непрерывных сношений*» [§ 10, с. 15]. Среди главнейших предметов внимания Академии наук предписывалось географическое и физическое познание империи, для чего «она (Академия. – Авт.), по временам, должна отправлять Астрономов и Натуралистов для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественныя произведения не довольно еще известны, или не описаны подробно» [§ 10, с. 15]. Наконец, по примеру других научных обществ, Академия ежегодно должна была обнародывать программу, в «*которую будут приглашаемы ученые всех государств к решению предлагаемых ею задач... Награды назначаются соразмерно способам Академии и важности или трудности задачи...*» [§ 12, с. 16].

Академия наук и ее члены состояли под особым Высочайшим покровительством, оставаясь в ведении Министерства народного просвещения, через которое «*восходят все дела Академии, требующия Высочайшаго разрешения*» [§ 13, с. 16].

В результате реформы общая сумма финансирования Академии увеличивалась вдвое и составила 239 400 руб. (без учета жалования президента и вице-президента, назначаемого по особому указу, и особого штата Центральной обсерватории). Новое финансирование обеспечивало работу Кабинета Петра Великого, библиотеки, главной и малой Астрономической и Магматической обсерваторий, Физического кабинета, инструментарной мастерской, химической лаборатории и восьми различных по своему профилю музеев: Минералогического, Ботанического, Зоологического и Зоотомического с лабораториями, Ботанического сада, Нумизматического кабинета, Собрания азиатских и египетских древностей и Этнографического кабинета. Кроме того, в собственности Академии находились типография, словолитная палата и, по мере надобности, печатная палата для гравировальных досок и литография. В Уставе оговаривалось, что доходы, получаемые от типографии при издании книг и их продажи, поступают в распоряжение Академии и составляют ее неприкосновенную собственность. А чтобы Устав все члены Академии не забывали, заключительный его параграф, как и в Уставе 1803 г., содержал соответствующее требование: «*Дабы всякий, исполняя в точности*

свои обязанности, мог наблюдать в то же время, не вкрались ли какая упущения по части ученой или хозяйственной, Устав сей имеет быть читан как в Конференции, так и в Комитете Правления, в первом заседании каждого года (выделено мной. – В.Б.)» [§ 125, с. 26].

<...>

Формирование новой структуры Академии наук при С.С. Уварове завершилось ее соединением в 1841 г. с Российской академией и разделением ведущего научного учреждения на три отделения: Физико-математическое, Русского языка и словесности, Историко-филологическое. В первоначальном варианте новое Отделение состояло из 16 академиков и 4 адъюнктов, кроме того, 3 почетных академика были «введены» в круг деятельности отделения наравне с академиками (подробнее об объединении двух академий см. в главе 6). К середине XIX в. Академия наук смогла полнокровно синтезировать достижения мировой научной мысли, а в отдельных отраслях знания вышла на передовые рубежи науки.

Вернадский подчеркивал, что в результате прихода С.С. Уварова в Академию ее деятельность в короткие сроки вышла на общемировой уровень. Отмечая выдающуюся роль Уварова в сохранении и развитии Императорской академии наук, Вернадский писал:

«Его (Уварова. – Авт.) деятельность в Академии была особенно энергична до назначения его в 1838 г. министром народного просвещения, но до самой своей отставки от министерских обязанностей и болезни в 1849 году принимал близкое участие в организации и жизни Академии. То состояние, в каком он нашел Академию в 1818 и в каком она была в 1849 году – было несравнимо и в этом огромном росте Академии роль Уварова была первостепенной...»

Первыми же мерами в ближайшие годы Уварову удалось улучшить материальное финансовое положение Академии наук, внести некоторый порядок в распоряжение ее средствами, достроить десятки лет недостроенные здания, увеличить ее бюджет. В конце концов это выразилось в новом государственном бюджете Академии, ее штатах 1836 года, которые сразу поставили всю работу в Академии на прочную базу. В общем устав 1836 года остался неизменным в Академии до сих пор, а штаты получили полное изменение только в 1912 году.

Но, конечно, улучшение штатов – увеличение средств Академии и усиление ее персонала могло получить значение только при условии правильного использования нового создавшегося орудия научной

работы. В этом отношении новые течения сказались очень быстро в жизни Академии за несколько лет до устава 1835 года. Ко времени этого устава в состав членов Академии вошло несколько крупных ученых, некоторые из которых имели уже мировое имя при избрании в ее члены; это были Х.Г. Пандер (1820), Е.И. Паррот (1826), Э.Х. Ленц (1828), В.Я. Буняковский (1828), К.Э. фон Бэр (1828), Г.И. Гэсс (1828), М.В. Остроградский (1828), Я.И. Шмидт (1829), А.М. Шёгрэн (1829), Ф.Ф. Брандт (1830), В.Я. Струве (1832). Академия наук сразу в этот промежуток времени заняла первенствующее место среди ученых учреждений цивилизованного мира. Если в 1818 году она была совершенно забытым и неизвестным учреждением, про которое правильно говорил один из историков Академии, что «в последние десять лет (до 1818 года) она держалась одною недвижимостью внутреннего и внешнего своего устройства» [К], в 1836 году она стояла в первых рядах человечества, в ее составе, видными ее деятелями были первоклассные ученые, ее работа была энергична, а достигаемые ею результаты огромны. В 1818 году она вступила на путь научного развития, с тех пор не прерывавшегося и не ослабевавшего...» [Вернадский, 2002, с. 357, 358].

5.4. Организация Пулковской обсерватории

В 1838 г. в Императорской Санкт-Петербургской академии наук произошло знаменательное событие: была образована **Пулковская обсерватория** – будущий главный астрономический центр Российской империи. 19 июня именным указом Сенату был утвержден Устав Обсерватории [там же, 1839, т. 13, отд. 1: № 11352, с. 992–995], в котором от имени императора провозглашалось: *«Желая споспешествовать успехам Астрономии в Империи Нашей, Повелели Мы соорудить в окрестностях Санктпетербурга, на Пулковской горе, Главную Астрономическую Обсерваторию и снабдить ее полным набором совершеннейших инструментов»* [там же, с. 992]. Устройство зданий Обсерватории к этому времени приближалось к завершению, в связи с чем начало астрономических наблюдений было запланировано на 1839 г., при этом устав и штат Обсерватории Николай повелел привести в действие с 1 января.

В соответствии с Уставом, Астрономическая обсерватория состояла *«под непосредственным ведением Императорской Академии наук»* и именовалась *«Главною Астрономическою Обсерваториею (Imperialis primaria Rossiae Specula Academica)»* [там же, § 1, с. 992] (здесь и ниже приведены номера параграфов Устава Обсерватории и страницы при цитировании текстов). Ее учреждение осуществлено со следующими целями: *«а) постоянных и сколь можно совершеннейших наблюдений, клонящихся к преуспеянию Астрономии, и б) соответствующих наблюдений, необходимых для географических предприятий в Империи и для совершаемых ученых путешествий. Сверх того в) она должна содействовать всеми мерами к усовершенствованию практической Астрономии, в приспособлениях ея к географии и мореходству, и доставлять случай к практическим упражнениям в географическом определении мест»* [§ 2, с. 993].

При Главной обсерватории были определены: *«1) Директор или первый Астроном; 2) четыре Помощника, в числе коих один имеет звание второго Астронома; 3) Письмоводитель при Директоре; 4) Механик, и 5) Смотритель»* [§ 3, с. 993]. Звание Директора Главной Обсерватории, или первого Астронома, возлагалось на Ординарного академика *«по части практической Астрономии. Академия, впредь при избрании Академика по сей части, будет особенно иметь в виду сие важное его назначение»* [§ 4]. Было установлено, что *«Главная Обсерватория употребляет для дел своих печать с изображением государственного герба и с надписью: Императорской Академии Наук»*

Главной Обсерватории. Присылаемые из губерний на имя Главной Обсерватории и отправляемые за ее печатью во внутрь Империи письма и посылки, – последние до одного пуда весом, принимаются во всех Почтамтах и Почтовых Конторах Империи без платежа весовых денег» [§ 19, с. 995].

На Главную обсерваторию возлагалось «*попечение о том, чтобы занятия на прочих Обсерваториях были соответственны современному состоянию Обсерватории...*» [§ 26, с. 995].

Известно, что создание Пулковской обсерватории неразрывно связано с именем выдающегося астронома и геодезиста **Василия Яковлевича Струве** (1793–1864)*, ставшим основным организатором и первым ее директором. Вторым директором стал его сын Отто Васильевич Струве (1819–1905)**.

В.Я. Струве (при рождении – Фридрих Георг Вильгельм Струве) родился 15 апреля 1793 г. в семье директора гимназии Христианеум математика Якова Струве (1755–1841), происходившего из крестьян, в датском (ныне – немецком) городе Альтона близ Гамбурга. В 1808 г. из-за угрозы насильственного призыва в Великую армию Наполеона он перебрался из Германии в Дерпт, где получил филологическое образование в Дерптском университете. Следом, в течение трех лет, Струве изучил астрономию и после защиты в 1813 г. диссертации, посвященной географическому положению Дерптской обсерватории, поступил в эту обсерваторию на работу с одновременным преподаванием в Университете. В 1819 г. он стал директором Дерптской обсерватории и ординарным профессором Университета.

В 1826 г. В.Я. Струве был избран в почетные члены Академии наук, при этом он продолжал читать лекции в Дерптском университете и заниматься научными исследованиями в области астрономии.

* **Василий Яковлевич Струве** (1793–1864) – русско-немецкий астроном, геодезист, один из основоположников звездной астрономии в России. Первый директор Пулковской обсерватории, чл.-корр. ИАН с 9 янв. 1822 г., ординарный академик по астрономии с 18 янв. 1832 г. по 21 дек. 1861 г., почетный член ИАН/ИСПбАН с 20 дек. 1826 г. по 18 янв. 1832 г. и с конца 1861 г., иностранный член Лондонского королевского общества с 1827 г., член Американского философского общества с 1853 г. Тайный советник с 1856 г.

** **Отто Васильевич Струве** (1819–1905) – российский астроном. В 1852 г. избран адъюнкт-астрономом, в 1856 г. утвержден в звании экстраординарного академика. В 1858 г. в связи с тяжелой болезнью отца приступил к исполнению обязанностей директора обсерватории. В 1862–1889 гг. – директор Пулковской обсерватории. За время его руководства был увеличен штат сотрудников, обсерватория обогатилась новыми инструментами, в частности, в 1886 г. был установлен знаменитый 30-дюймовый рефрактор, в то время – крупнейший в мире. В 1895 г. вышел в отставку и переехал в Германию.



В.Я. Струве.

*Из: [Портретная галерея...,
1869]*



О.В. Струве кисти

И.И. Крамского, 1886 г.
*Государственный Русский
музей*

Отметим, что в то время Дерптская обсерватория обладала самым совершенным телескопом – большим рефрактором Фраунгоффера, который отличался своей силой, точностью и многими другими достоинствами, облегчавшими его использование. Струве сразу задействовал его для своих наблюдений, в том числе над двойными звездами. Своими успешными занятиями астрономией и геодезией ученый привлек внимание правительства, которое стало присылать на стажировку в Дерпт офицеров флота и Главного штаба.

В 1827 г. Академия наук приступила к составлению плана новой астрономической обсерватории взамен прежней, сгоревшей, находившейся в Петербургской Кунсткамере. Среди приглашенных к его разработке были привлечены бывший ректор Дерптского университета ординарный академик ИАН Егор Паррот* и почетный член ИАН Василий Струве. В 1830 г. Струве был послан Академией наук за границу для знакомства с лучшими обсерваториями Европы. В декабре того же года он имел честь представить результаты своего путешествия Николаю I. Ученый сумел убедить императора в необходимости новой обсерватории, но, несмотря на внимание государя, реализации проекта пришлось ждать почти 9 лет.

* **Егор Иванович (Георг Фридрих) Паррот** (1767–1852) – физик-изобретатель, организатор восстановления и первый ректор Императорского Дерптского университета. Отец альпиниста и путешественника Иоганна Фридриха Паррота. Чл.-корр. ИАН с 1811 г., ординарный академик по прикладной математике с 1826 г., по кафедре физики с 1830 г., почетный член ИСПБАН с 1840 г.

После аудиенции у императора главная роль в создании будущей обсерватории стала принадлежать Струве, хотя формально он считался одним из членов комиссии, председателем которой был адмирал Грейг*. В состав комиссии помимо Струве также входили Ф.Ф. Шуберт**, Е.И. Паррот и неприменный секретарь ИСПБАН П.Н. Фус***. Любопытно, что в судьбе обсерватории император также принимал непосредственное участие и сам выбрал для нее место на Пулковской горе, в восьми верстах от Царского Села. Этот участок земли (около 20 десятин) относился к императорским владениям и был принесен Николаем в дар Академии наук [Литвинова, 1893].

Струве отмечал, что выбранная императором местность была удачна во всех отношениях. Пулково было окружено отличными лугами, что обеспечивало почти совершенное отсутствие пыли. Само Пулково было свободно от туманов, причем его удаление от Петербурга, по мнению Струве, было *«полезно для астрономов, мешая им развлекаться»* [там же, с. 44].

Торжественная закладка Обсерватории состоялась 21 июня [3 июля] 1835 г., а открытие – 7 [19] августа 1839 г. Стараниями Струве, Обсерватория была оснащена самыми совершенными на то время астрономическими инструментам (в том числе самым большим в мире рефрактором с 38-сантиметровым объективом), поступившими из Мюнхена, Англии и Гамбурга.

Видное место в работе Обсерватории с самого начала ее основания заняло географическое определение различных, в том числе новых, территорий. Одной из первых таких работ стало более строгое определение долготы самого Пулково относительно Гринвича, а затем и объектов внутри империи. Подобные работы послужили развитию

* **Алексей Самуилович (Самойлович) Грейг** (1775–1845) – русский военно-морской деятель шотландского происхождения, адмирал (1828), генерал, состоящий при Особе Его Величества (1829); командующий Черноморским флотом (1816–1833), президент Вольного экономического общества (1840–1845), почетный член ИАН с 30 января 1822 г. Стоял у истоков создания Пулковской обсерватории.

** **Фёдор Фёдорович Шуберт** (Теодор Фридрих фон Шуберт) (1789–1865) – русский астроном, геодезист, нумизмат, генерал от инфантерии, директор Военно-топографического и гидрографического депо, первый руководитель Корпуса топографов, почетный член Морского ученого комитета. Почетный член ИАН с 20 июня 1827 г., действительный член РГО с 19 сент. 1845 г. Дед Софьи Васильевны Ковалевской.

*** **Павел Николаевич Фус** (Фусс) (1798–1855) – математик, адъютант по математике ИАН с 1818 г., экстраординарный академик с 1823 г., ординарный академик с 1826 г., неприменный секретарь с 11 янв. 1826 г. (исполняющий обязанности с 23 дек. 1825 г.) по 10 янв. 1855 г. Более 17 лет (с 1826 г.) исполнял обязанности секретаря Императорского Вольного экономического общества. Сын Н.И. Фуса (Фусса), праправнук Д. Эйдера.



Общий вид Пулковской обсерватории. *Из открытых источников*

новых взглядов на способы и подходы, необходимые для достижения высокой точности наблюдений. Результаты этой работы – тысячи определений географических мест, причем при участии офицеров корпуса топографов Генерального штаба, что стало основой самой точной картографии в России.

В.Я. Струве оказывал содействие **Русскому географическому обществу** (основано в 1845 г., подробности см. ниже), в котором он состоял председателем в его математическом отделении. Обсерватория участвовала при организации экспедиций на Урал, в Восточную Сибирь, на Китайскую границу, в подготовке наблюдений и обработке собранных материалов. Известно также, что обсерватория оказывала различные услуги государственным учреждениям по составлению инструкций для геодезических экспедиций, от департамента горных и соляных промыслов для составления подробной карты Уральских горных округов. Аналогичные услуги были оказаны министерству государственных имуществ при геодезических работах в Алтайских горных округах. Под руководством В.Я. Струве была определена система астрономических постоянных, получившая в свое время всемирное признание и использовавшаяся в течение 50 лет. С помощью построенного по его идее пассажного инструмента (в астрономии служит для определения времени прохождения светил через какую-нибудь вертикальную плоскость, обыкновенно меридиан или

первый вертикал) Струве определил постоянную аберрацию света (из открытых информ. источников).

В области звездной астрономии Струве открыл реальное сгущение звезд к центральным частям Галактики и обосновал вывод о существовании и величине межзвездного поглощения света. Много времени уделял Струве изучению двойных звезд. Составленные им два каталога двойных звезд были опубликованы в 1827 и 1852 гг. Струве принадлежит одно из первых в истории (1837) успешное измерение годичного параллакса звезды (Веги в созвездии Лиры). Совместно с военным геодезистом **Карлом Ивановичем Теннером** (1783–1860; астроном, геодезист, почетный член ИАН с 12 декабря 1832 г.) было проведено градусное измерение дуги меридиана на огромном пространстве от побережья Северного Ледовитого океана до дельты Дуная (см. Дуга Струве) и получены ценные материалы для определения формы и размеров Земли.

Один из ведущих астрономов конца XIX в. **Саймон Ньюком (Ньюкомб)** (1835–1909; член Национальной академии наук США с 1869 г., иностранный член Лондонского королевского общества с 1877 г., Парижской академии наук с 1895 г., иностранный чл.-корр. ИСПБАН по разряду математических наук с 1875 г. и почетный член с 1896 г.), приехавший из Америки в Пулково, *«нашел там так много для себя интересного, что возвратился на родину, не взглянув на нашу столицу. В памяти Пулковских астрономов сохранились следующие слова Ньюкомба о Пулковской обсерватории: “Когда мне в Америке рассказывали о чудесном устройстве Пулковской обсерватории, я смеялся, потому что не мог поверить всему этому; теперь же, когда я приеду и буду в свою очередь рассказывать о том же, мои слушатели будут смеяться, также находя все это невероятным!”»* [Литинова, 1893, с. 52].

5.5. Академические научные экспедиции

В период правления Николая I Академия наук организовала около 50 научных экспедиций [Материалы..., 1940], среди которых историко-археологические были под особым вниманием С.С. Уварова. Дело в том, что сам президент Академии наук, получив блестящее домашнее образование, серьезно изучал историю античности и древние языки. Он рассматривал историю как основное орудие «истинного просвещения» (см. главу 1). Его единственный сын, граф **Алексей Уваров** (1825–1884; чл.-корр. ИСПБАН с 7 дек. 1856, почетный член с 12 дек. 1857 г.), впоследствии стал крупным собирателем древностей, археологом и историком, основателем Московского археологического общества (1864 г.), одним из основателей Московского исторического музея (1872 г.), учредителем Уваровских премий, инициатором проведения Всероссийских археологических съездов.

Среди первых историко-археологических экспедиций следует отметить поездки академика по греческой и римской литературе и древностям **Егора Егоровича (Генриха Карла Эрнста) Кёлера** (1765–1838; начальник I Отделения, Иностранной библиотеки и антиков Императорского Эрмитажа в 1805–1817 гг. и в 1819–1837 гг.; чл.-корр. ИАН с 13 апреля 1803 г., ординарный академик с 3 сент. 1817 г.) в Крым в 1804 и 1821 гг. В 1805 г. и 1822 г. по его докладам были приняты первые правительственные распоряжения об охране памятников [Тункина, 2002, с. 65–84]. Немаловажно, что одним из первых указов Николая I стал *«Именной, объявленный гражданским Губернаторам Управляющим Министерством Внутренних дел. – О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспреещении разрушать оныя»* [ПСЗРИ, 1830, т. 1: 31 дек. 1826 г., № 794, с. 1373, 1374].

В 1828 г. Академией наук по проекту члена-корреспондента ИАН П.М. Строева была организована Археографическая экспедиция, которая имела целью *«обстоятельное познание всех (буде возможно) письменных памятников и пособий отечественной истории, дипломатики, древней статистики, прежняго законовещения и проч., кои находятся в монастырских соборных духовно-училищных и других библиотеках, в старых архивов городов, судебных мест и проч.»* [Строев, 1930, с. 3]. В § 19 проекта Экспедиции было отмечено: *«Чтобы устранить все препятствия, кои могли бы встретить археографа при обозрении им монастырских и других библиотек и архивов, Академия Наук испросит Высочайшее Его Императорского Величества*

повеление, дабы все хранилища древностей были доступны для Археологической; а городския и земския начальства вспомогали ей, вразсуждении покойнаго квартирования в городах и переездов из места в место» [Строев, 1930 а, с. 6]. Экспедиция выполняла и отдельные поручения академиков. Так, в письме Строеву академика И.Х. Гамели (1788–1862; химик-технолог, чл.-корр. ИАН с 1813 г., ординарный академик с 1829 г.) читаем: «Составляя ныне описание отечественных фабрик, стараюсь я при том показать, кем именно из иностранцев первоначально перенесены к нам разныя искусства, каковыя сведения могут быть почерпаемы только из старых бумаг, скрытых в разных архивах.

Как Вы ныне находитесь в Архангельске, через который порт большая часть иностранцев в прежния времена к нам прибыла, то прошу Вас покорно, при Ваших изысканиях, обращать внимание и на все то, что относится до начального заведения фабрик в России иностранными мастерами, а равно и на то, что касается до прежней иностранной торговли России, производившейся через Архангельский порт» [Гамель, 1930, с. 71]. И несмотря на то что Строев при получении письма уже покинул Архангельск, он в ответном письме уверял академика Гамели: «что, разбирая архивы в других губернских городах, я не премину иметь в виду требования, изложенныя в оном письме Вашем» [Строев, 1930 б, с. 77].

За 6 лет исследований (с 1829 по 1834 г.) экспедиция на северо-востоке и в центральных регионах России объездила 14 губерний, осмотрела более 200 архивов и библиотек. В результате было собрано около 3 тыс. исторических и юридических актов до XVIII в., составлен каталог рукописей и старопечатных книг, хранящихся в монастырских библиотеках. Собранные Экспедицией материалы были частично опубликованы в 1836 г. в 4 томах «Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук», составленных Строевым и Я.И. Березниковым (1793–1865; историк, археограф, адъюнкт ИСПБАН по Отделению русского языка и словесности с 1841 г., ординарный академик с 1847 г.).

Экспедиция Строева сыграла заметную роль в развитии отечественной исторической науки – показала богатство исторических источников в русских монастырских архивах. Среди уникальных находок экспедиции были Изборник Святослава 1073 года, Судебник 1497 года, Софийский временник и другие памятники. В 1837 г. Экспедиция была преобразована в «Археографическую Комиссию при



Слева на право: П.М. Строев. Из: [Kraushar, 1906, s. 73]; В.П. Васильев. Фотогалерея РАН; А.М. Шёгрэн. Из открытых источников

Министерстве Народного Просвещения в Санкт-Петербурге». В ее задачи, помимо издания письменных памятников, входило также изучение памятников вещественных (нумизматика). Однако деятельность комиссии сосредоточилась преимущественно на письменных памятниках, и ее издания в этой области имеют первенствующее значение для древней русской истории (преимущественно до 1700 г.). По материалам: [Археографическая экспедиция..., 1930; Андреева, 1990; и др. источники].

Заметным этапом в развитии востоковедения стала Экспедиция «духовной» миссии в Китай в 1839–1851 гг. при участии студента Казанского университета **Василия Павловича Васильева** (1818–1900; историк, востоковед-синолог, буддолог, маньчжуровед, чл.- корр. ИСПБАН с 1866 г., ординарный академик с 1886 г.), получившего неофициальное звание «агента Академии наук». Десятилетнее пребывание В.П. Васильева в Китае позволило ему в совершенстве изучить китайский, монгольский и тибетский языки, собрать огромный материал по буддизму и истории Китая. За свою работу в области востоковедения он в 1866 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1886 г. – ординарным академиком ИСПБАН по Историко-филологическому отделению.

Еще одним из значимых путешествий стала этнографическая экспедиция академика **Андрея Михайловича Шёгрена** (1794–1855; языковед, историк, путешественник, чл.- корр. ИАН с 1827 г., адъюнкт по истории с 1829 г., экстраординарный академик с 1831 г., ординарный академик с 1844 г.) на Крымский полуостров, в Грузию и на Кавказ в 1835 г. «для разыска о языках и нравах кавказских народов», а также в Литву и Курляндию в 1846–1852 гг. для изучения

этнографо-лингвистических особенностей исчезающего племени ливов и кривингов, составлявших когда-то основное ядро населения Литвы и Курляндии. В ходе экспедиций Шёгрэн не только изучал языки и фольклор, например, составил грамматику осетинского языка, но и фиксировал все нерусские названия местных географических объектов и имена людей, что позволило ему собрать уникальные данные по финно-угорской ономастике.

<...>

Кроме историко-археологических и этнографических экспедиций наиболее крупными научными походами, проведенными Академией наук в николаевское время, стали комплексные географические экспедиции, направленные в крайние северные и дальневосточные регионы страны. К наиболее сложным и результативным путешествиям того времени можно отнести поездки выдающегося естествоиспытателя **Карла Максимовича Бэра***. Еще в 1837 г. ученый совершил первое путешествие на Новую Землю. В задачу этой экспедиции входило изучение условий и характера растительной и животной жизни в крайних северных широтах. Отметим, что до Бэра Новую Землю не посещал ни один натуралист. Именно новоземельская экспедиция повлияла на организацию дальнейших северных естественно-научных путешествий, проведенных Академией наук.

В 1839 г. К.М. Бэр обследовал острова Финского залива, а в 1840 г. совместно с А.Ф. Миддендорфом (см. ниже) совершил экспедицию в Лапландию. Ученый много сделал в области рыболовства и рыбодства. В частности, Бэр исследовал рыболовство на Чудском озере

* **Карл Максимович Бэр (Карл Эрнст фон Бэр)** (1792–1876) – российский естествоиспытатель немецкого происхождения, один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии. Иностранный чл.- корр. ИАН в 1826–1828 гг., ординарный академик с 1828 г., иностранный почетный член с 1830 г., вторично ординарный академик ИАН / ИСПбАН с 1834 по 1862 г., почетный член ИСПбАН с 1862 г., президент Русского энтомологического общества, один из основателей Русского географического общества. Иностранный член Лондонского королевского общества (1854), Парижской академии наук (1876; корреспондент с 1858), действительный статский советник с 1847 г. В 1810 г. поступил на медицинский факультет Дерптского университета. Во время Отечественной войны 1812 г. как врач-доброволец поступил в лазарет в Риге. После Дерпта Бэр направился в Венский университет, чтобы углубить свои знания по медицине. В 1819 г. работал профессором зоологии при созданном им зоологическом музее Кёнигсбергского университета. В 1834 г. переехал в Санкт-Петербург, где опубликовал работу «Всеобщий закон развития природы» (1834 г.), став, фактически, предвестником Ч. Дарвина и его концепции. С 1841 по 1852 г. Бэр – ординарный профессор сравнительной анатомии и физиологии в Медико-хирургической академии.



К.М. Бэр, 1860-е гг.
Из: [Портретная галерея..., 1869]



А.Ф. Миддендорф.
Из открытых источников

и в Балтийском море (1851–1852 гг.). Особенно большое значение имеют осуществленные Бэром экспедиции на Каспийское море (1853–1856 гг.), где он исследовал местную фауну, изучал состояние рыбных промыслов на Волге и Каспии и другие вопросы.

Среди выдающихся научных достижений Бэра отметим открытие яйцеклетки у млекопитающих, описание стадии бластулы; изучение эмбриогенеза цыпленка, установление сходства эмбрионов высших и низших животных, описание развития всех основных органов позвоночных, объяснение закономерности подмыва берегов рек (Закон Бэра). В.И. Вернадский так оценивал вклад Бэра в науку: *«Академия вошла в связь с Бэром сто лет тому назад и независимо от избрания его в члены-корреспонденты. Сто лет тому назад он сделал великое открытие, завершившее многовековую работу естествоиспытателей, – он открыл яйцо млекопитающих, сперва на собаке. Эту свою работу он посвятил нашей Академии наук, не будучи еще ее членом.*

Его главная основная заслуга – создание нового отдела знания – эмбриология позвоночных животных. Другой наш знаменитый сочлен, один из его заместителей – Александр Онуфриевич Ковалевский довершил эту работу созданием эмбриологии беспозвоночных. <...> Бэр опубликовал – сперва в Астраханских Губернских Ведомостях, так как мысль явилась ему во время его работ в Каспийском море – другое обобщение, так называемый закон Бэра – объяснение характера берегов рек вращением Земли. Простая идея, связывающая геологические и географические явления с общими свойствами планеты, имела огромные последствия и была более важной, чем думал сам Бэр» [Вернадский, 1988, с. 254].

В 1861 г. Карл Бэр получил высшую награду Императорского Русского географического общества – Константиновскую медаль. Через год вышел в отставку. В начале лета 1867 г. переселился в Дерпт. Карл Максимович умер 16 [28] ноября 1876 г. Похоронен на кладбище Раади (Тарту) [Райков, 1961; энциклопедические словари; и др.].

<...>

Широко известны комплексные экспедиции, организованные выдающимся естествоиспытателем **Александром Фёдоровичем Миддендорфом***, среди которых всемирную известность получила так называемая Северная экспедиция 1842–1845 гг. в Северную и Восточную Сибирь, ставшая наиболее значительным мероприятием Академии наук по изучению России в первой половине XIX в. Организацию этой экспедиции Санкт-Петербургская академия наук поручила Миддендорфу по рекомендации К.М. Бэра. Путешественник стал первым исследователем полуострова Таймыр, Северо-Сибирской низменности, Амурско-Зейской равнины, Станового хребта, нижней части бассейна Амура, южного побережья Охотского моря, Удско-Тугурского Приохотья, Шантарских островов. Отчет Миддендорфа об экспедиции был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири. Любопытно, что, готовясь к путешествию, Миддендорф составил по съемкам и описи С.И. Челюскина и Х.П. Лаптева карту Таймыра. Впоследствии ориентируясь по ней, он давал проводникам отряда настолько точные указания, что они прозвали его «великим шаманом».

Путешествие Миддендорфа длилось 841 день, при этом было пройдено на лошадях, собаках, оленях и пешком около 30 тыс. км.

* **Александр Фёдорович (Александр Теодор) Миддендорф** (1815–1894) – российский путешественник, географ, зоолог, ботаник и натуралист, адъютант ИСПБАН по Физ.-мат. отделению (зоология), ординарный академик (1852) и непременный секретарь ИСПБАН (1855–1877), почетный член с 1865 г., тайный советник с 1873 г., основоположник мерзлотоведения. Образование получил на медицинском факультете Дерптского университета (1832–1837). В 1837 г. получил степень доктора медицины. Еще в течение двух лет занимался в университетах Берлина, Вены, Гейдельберга, специализируясь в области зоологии, этнографии, антропологии. В 1839 г. назначен адъютантом при кафедре зоологии в Университете Святого Владимира (Киев). В 1840 г. Миддендорф, будучи профессором зоологии Киевского университета, участвовал в Лапландской экспедиции К.М. Бэра, собирал материалы по орнитологии, малакологии и геологии. В период экспедиции 1842–1845 гг. исследовал и составил естественно-историческое описание Северной и Восточной Сибири и Дальнего Востока, определил реальное местоположение пограничных китайских знаков, что позволило в скором времени присоединить левобережную часть бассейна Амура к России.

По охвату территории и обилию новых данных Сибирская экспедиция оказалась сопоставима лишь с академическими экспедициями 1768–1774 гг.

Как известно, результаты путешествия Миддендорфа превосходили все ожидания. В числе научных достижений Миддендорфа – первое этнографическое описание ряда сибирских народов и первая научная характеристика климата Сибири, первое научное описание многолетней («вечной») мерзлоты и определение ее южной границы распространения, определение зональности растительности, формулировка так называемого закона Миддендорфа, объясняющего причины извилистости северной границы лесов. Миддендорф был первым исследователем природных условий Таймырского полуострова и Приамурского края, открыл плато Путорана, хребты Бырранга и Буреинский, впервые нанес на карту пространство, лежащее к югу от Станового хребта. Результаты его орографических, климатических и этнографических исследований сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX столетия. По материалам Сибирской экспедиции было подготовлено девять обобщающих трудов, объединенных в четыре тома «Путешествия на север и восток Сибири».

Особое геополитическое значение имел вклад Миддендорфа в решение вопроса присоединения Приамурья к России. В частности, в ходе экспедиции было выявлено, что китайские пограничные знаки между российскими и китайскими владениями установлены намного южнее Станового хребта. Сразу по возвращении в Петербург ученый был приглашен в Главный военный штаб к генералу Ф.Ф. Бергу (1794–1874; военный деятель, геодезист, почетный член ИСПБАН с 1844 г.), начальнику корпуса топографов, где представил свои сведения о ситуации на российско-китайской границе [Антонов, Махинов, 2019]. В связи с этим Миддендорф впоследствии вспоминал: *«...совсем иначе смотрит теперь Россия на свои дальние восточные берега. 15 лет назад, когда я осмелился переступить цветную полосу, означавшую на картах Русскую границу, и когда я целые месяцы странствовал за этой мнимой границей по так называемой Китайской Манджурии, Академия не отважилась даже взять на себя официальную ответственность за этот шаг»* [Миддендорф, 1860, с. 187]. По словам неперменного секретаря ИСПБАН в 1857–1890 гг. К.С. Веселовского, результаты Северной экспедиции позволили изменить *«существующий в России взгляд на Амурский край и послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению этого края в пределы империи»* (цит. по: [Антонов, Махинов, 2019, с. 13]). Случившееся вскоре столь

скорое присоединение Амурского края к России Миддендорф оценил следующим образом:

«За год до того, как я приступил к изданию предлагаемой части путешествия, положение дел на Амуре было еще прикрыто хотя уже прозрачною занавесью. Теперь наконец она поднята. С стремительной быстротой совершил свое дело дух времени. Передовым вождем напора в те края, без отдыха и без усталости, даже предупреждавшим дух времени, во всемирную летопись внесен будет граф Муравьев-Амурский.

Великая река, единственный судоходный путь, открывающий внутренность Сибири для всемирной торговли, постановлена границей, и тем вековые преграды, воздвигнутые варварством, разрушены. Для спасения от суровой зимы, царствующей на устье реки, корабли находят, до десяти градусов южнее по тому же берегу, превосходные гавани, в которых они спокойно могут стоять на якоре, защищаемые Европейскою силой и с тыла прикрываемые местностью до реки Уссури. Сообщение уже в полном ходу. Паракорды разсыплют дары тропиков по материковому Забайкалью; заведена правильная почтовая гоньба; с уверенностью рассчитывают, что в скором времени мысли отдаленных колоний будут перелетать в метрополию с телеграфной молнией. Одно за другим и одно лучше другого являются сочинения о произведениях того края, – плоды терпеливого наследования и основательного знания. Объявлен периодический листок – «Амурский Вестник». Питаются даже дерзкие



Маршруты путешествий А.Ф. Миддендорфа. Из: [Юргенсон, 1964]

надежды на железную дорогу по низовому течению Амура» [Миддендорф, 1860, с. 188].

К.М. Бэр, оценивая результаты «Сибирской экспедиции» Миддендорфа, замечал, что *«представлявшиеся подобной экспедиции трудности могли быть преодолены только таким исключительно приспособленным к суровым условиям лицом, каким ему известен был по поездке в Лапландию А.Ф. Миддендорф»* [Материалы..., 1940, с. 57].

На протяжении 1860–1870-х гг. Миддендорф совершил еще несколько научных экспедиций: побывал на Черном и Средиземном морях, изучал системы течений от берегов Исландии до Новой Земли, открыл теплое Нордкапское течение в Баренцевом море. За исследования 1842–1845 гг. ученый был награжден Большой золотой (Константиновской) медалью ИРГО (1861), а в 1887 г. Академия наук присудила ему золотую медаль Бэра – высшую награду в России для зоолога.

Расстроенное во время Сибирской экспедиции здоровье заставило Миддендорфа последние десять лет жизни провести в Эстонии в своем имении Гелленорм (ныне – уезд Валгамаа). По материалам: [Миддендорф, 1860, 2004, 2006; Материалы ..., 1940; Леонов, 1967; Антонов, Махинов, 2019; Петров, 2005; и др.].

<...>

В академических экспедициях второй четверти XIX в. участвовали братья **Александр и Леопольд Шренки**. Оба выпускники Университета в Дерпте. Старший **Александр Иванович Шренк**, или Александр Густав фон Шренк (1816–1876; российский путешественник и естествоиспытатель, доцент минералогии Дерптского университета), в 1842–1844 гг. по заданию Санкт-Петербургского Ботанического сада находился в экспедиции в Джунгарии и Киргизских степях. Основные сборы путешественник проводил по берегам оз. Балхаш, в горах Каратау и на р. Коксу. Во время своего путешествия А. Шренк через академиков К. Бэра, Ф. Брандта и др. присылал в Академию разнообразные естественно-исторические коллекции и их описания, которые печатались в академических изданиях. 6 ноября 1859 г. император Александр II пожаловал А.И. Шренку дворянскую грамоту. В последние годы жизни Шренк увлекался поэзией, выпустил два стихотворных сборника на немецком языке. Умер 25 июня 1876 г. Похоронен в Дерпте (ныне – Тарту, Эстония).

Леопольд Иванович фон Шренк (1826–1894; российский зоолог, этнограф, географ, адъюнкт ИСПбАН по Физ.-мат. отделению

по специальности зоология с 1862 г., экстраординарный академик с 1863 г., ординарный академик с 1865 г.) прославился своими путешествиями по Восточной Сибири и Русской Америке. Все детство Леопольда прошло в Москве. Затем юноша учился в Дерптском университете, где получил степень магистра зоологии. Позднее совершенствовал свои знания в Берлинском и Кенигсбергском университетах. В последнем был удостоен звания доктора. В Дерпте началась научная карьера Леопольда. 21 августа 1853 г. по приглашению особой комиссии Академии наук Шренк в сопровождении рисовальщика С.Д. Поливанова и препаратора Шиля отправился из Кронштадта в кругосветную экспедицию на фрегате «Аврора» под командованием будущего адмирала Ивана Николаевича Изюльметьева (1813–1871). В период кратковременной остановки в Перу в 1854 г. Шренк исследовал в районе г. Лимы несколько древних погребений, находки из которых поступили в Этнографический музей. 19 июня 1854 г. фрегат достиг Петропавловского порта. Оттуда на корвете «Оливуца» и затем шхуне «Восток» Шренк обследовал Тихоокеанское побережье до устья Амура, а «Аврора» в августе 1854 г. приняла участие в обороне Петропавловска*. Зимой 1854/55 г. путешественник посетил западное побережье острова Сахалин и долину реки Тымь, где изучал жизнь аборигенов Сахалина. В 1855 г. исследовал нижнее течение Амура и Уссури (до устья р. Хор). Возвратившись осенью 1855 г. в Николаевск, ученый снова посвятил зиму новым экскурсиям на Сахалин. Весной 1856 г. был предпринят обратный путь, проделанный в длительном и трудном плавании вверх по Амуру от Николаевска до Усть-Стрелачного Караула и дальше по р. Аргуни до сел. Мулачи. На основании собранных материалов Л.И. Шренком был составлен капитальный труд «Путешествия и исследования в Амурском крае в 1854–1856 годах» с ценнейшей информацией по этнографии, географии и зоологии, который издавался на немецком языке отдельными выпусками с 1856 по 1895 г. На русском языке была издана этнографическая часть этой работы «Об инородцах Амурского края» (1883–1903, т. 1–3).

В начале 1860-х гг. Л.И. Шренк вместе с академиками Ф.Ф. Брандтом (1802–1879; зоолог, палеонтолог, адъюнкт ИАН с 1830 г.,

* Имеется в виду оборона русскими войсками города Петропавловский Порт (ныне – Петропавловск-Камчатский) от превосходящих сил объединенной англо-французской эскадры и отражение высадки ее экспедиционных сил во время Крымской войны 1853–1856 гг. Попытка англичан и французов захватить Петропавловск закончилась полным провалом.



А.И. Шренк и Л.И. Шренк. *Из открытых источников*

экстраординарный академик с 1832 г., ординарный академик с 1833 г., президент Русского энтомологического общества в 1861–1862 гг., тайный советник с 1869 г.), К.М. Бэр, Г.П. Гельмерсеном (1803–1885; геолог, адъюнкт ИСПБАН с 1844 г., экстраординарный академик с 1847 г., ординарный академик с 1850 г.) и Ф.И. Рупрехтом (1814–1870; ботаник, адъюнкт ИСПБАН с 1848 г., экстраординарный академик с 1853 г., ординарный академик с 1857 г.) вошел в состав комиссии, специально созданной для рассмотрения вопроса о предназначении академических музеев. Комиссия высказалась за сочетание научно-исследовательских и широких просветительских функций музеев. С мая 1867 г. во время летнего отсутствия академика Ф.Ф. Брандта Л.И. Шренк заведовал Зоологическим музеем [Решетов, 1997].

14 января 1870 г. Императорское Русское географическое общество удостоило акад. Л.И. Шренка Константиновской золотой медали за сочинение «Очерк физической географии Северо-Японского моря». Как один из авторитетных членов Академии наук 15 сентября того же 1870 г. он был избран в члены Комитета правления Академии, а в апреле 1871 г. был поставлен во главе академической типографии. Л.И. Шренк состоял почетным членом многих русских и иностранных ученых обществ и учреждений. С 28 декабря 1873 г. состоял в чине действительного статского советника, с 1 января 1888 г. – тайного советника. С 1861 по 1884 гг. преподавал в Николаевской Морской академии, в январе 1877 г. назначен членом ее Конференции. 10 ноября 1879 г. определен директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

В ноябре 1884 г. Л.И. Шренк тяжело заболел, в связи с чем в 1885 г. выехал на длительное лечение в г. Лугано (Швейцария).



Иллюстрация «Гольды
в летнем одеянии».

Из: [Шренк, 1899, л. XXX]

В том же году Академия наук обратилась к Министру народного просвещения с письмом, в котором представила развернутую характеристику и оценку деятельности акад. Л.И. Шренка для России: «*Ординарный Академик Императорской Академии наук по части зоологии Действительный Статский советник Шренк, состоя около тридцати двух лет на службе по Академии, сперва в качестве ее путешественника для исследования Охотского моря, берегов Восточной Сибири и бывших русских владений в Америке, в течение этого времени оказал своею деятельностью многосторонние и важные услуги науке, доставившие его имени громкую известность во всех ученых кругах Европы, как одного из лучших знатоков зоологии, физической географии и антропологии. Многочисленные его сочинения, появившиеся преимущественно в изданиях Академии, обогатили означенные отрасли знания новыми фактами и выводами, в особенности такими, которые относятся до природы различных малоисследованных частей России. В числе этих трудов, по единогласному признанию всего ученого мира, самым важным должно считаться многотомное сочинение об Амурском крае, основанное на сделанных г. Шренком во время его путешествия туда в 1853–1857 годах наблюдениях и на собранных там естественно-исторических и этнографических коллекциях, составивших весьма важное приращение для Музея Академии. Сочинение это раскрыло перед ученым миром физические условия, фауну, флору, инородческий быт и языки одной из любопытнейших окраин Империи, в ту пору, когда эта страна, будучи только что присоединена к нашим владениям, еще не утратила ничего из своих отличительных особенностей. Отличаясь богатством содержания и превосходною разработкою собранных в нем данных, по всей справедливости должно быть признано одним из наиболее ценных вкладов в ученую литературу новейшего времени...*» [Решетов, 1997, с. 5–6, со ссылкой на: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 668. Л. 173].

Умер Л.И. Шренк в Санкт-Петербурге 8 [20] января 1894 г.

Среди прочих экспедиций второй четверти XIX в. выделяется путешествие в 1829 г. в районы Урала, Сибири и Прикаспия **Александра фон Гумбольдта** (1769–1859) – к тому времени уже всемирно известного немецкого натуралиста и путешественника, исследователя Южной Америки, основоположника ботанической географии, одного из основателей географии как самостоятельной науки, члена Берлинской, Прусской и Баварской академий. Императорская академия наук также избрала его своим почетным членом еще в 1818 г.: *«В другое заседание, бывшее 11 февраля (1818 г. – Авт.), такое же внимание (избрание в почетные члены Академии. – Авт.), по желанию Президента (Уварова. – Авт.), оказано Академиею Александру Гумбольту, гению многообъятному и глубоко во все проникающему»* [Плетнёв, 1855, с. 15].

Вместе с Гумбольдтом в путешествие отправились двое немецких коллег: ботаник и зоолог Христиан Эренберг (1795–1829; чл.-корр. ИАН с 1829 г., почетный член с 1840 г.), много путешествовавший по Африке, и минералог Густав Розе (1798–1873; чл.-корр. ИАН с 1829 г.). От российского Горного департамента к экспедиции был прикомандирован Дмитрий Меншенин – талантливый горный инженер, впоследствии горный инспектор Уральского округа. Ученые посетили Алтай, Урал, Прикаспийские области, причем на Среднем Урале исследователи провели несколько недель, уделив время геологическим изысканиям и осмотру месторождений железных, золотосодержащих руд, самородной платины, малахита. 5 июля 1829 г. под наблюдением Гумбольдта были обнаружены первые русские алмазы. Путешественники побывали также на известных уральских заводах, в том числе Невьянском и Верхнетурунском. Помимо прочего ученый в поездке наблюдал редких животных, описывал ландшафт, климат, горные породы, не имеющие аналогов в Европе и Америке, знакомился с обычаями местных жителей. Экспедиция преодолела почти 15 тыс. км по суше, более 700 км по рекам и 100 км по Каспию, путники останавливались на 568 станциях, 53 раза переправлялись через реки, из них 10 раз через Волгу, восемь раз через Иртыш и три раза через Обь. В результате поездки Российское правительство получило экспертное суждение о перспективах добычи и переработки полезных ископаемых – от руды до алмазов.

Эта поездка не была отмечена в списке экспедиций Академии наук, поскольку проходила под патронажем царского правительства, самого императора Николая I и министра финансов графа **Егора**

Францевича Канкрина (1774–1845; русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения, министр финансов России в 1823–1844 гг., почетный член ИАН с 1824 г., почетный член Санкт-Петербургского и Харьковского университетов, ряда научных обществ; в 1828 г. основал в Санкт-Петербурге Технологический институт, автор денежной реформы 1839–1843 гг.). В то же время в кратком изложении путешествия, изданном в Санкт-Петербурге в 1837 г., участники поездки посчитали своим долгом выразить Императорской Санкт-Петербургской академии наук и российскому горному начальству *«Содействием и благородным гостеприимством споспешествовавшему нашим изысканиям на Урале и горах Алтайских; дань уважения, признательности и преданности»* [Гумбольдт, 1837].

На обратном пути Гумбольдт стал гостем Московского университета. Здесь он выступил с докладом на торжественном заседании Московского общества испытателей природы*, почетным членом которого он являлся со дня его основания. В Петербурге Гумбольдт провел более месяца, общаясь с русскими учеными и государственными деятелями, посещая музеи и библиотеки, подводя итоги своего путешествия. На чрезвычайном заседании Академии наук, организованном в честь А. Гумбольдта, путешественник выступил с сообщением, в котором кратко коснулся успехов России в области естественных наук и результатах своей экспедиции [Бодрова, 2019; Чичагов, 2019]. На этом же заседании выступил давний друг Гумбольда академик **Адольф Яковлевич Купфер** (1799–1865; минералог, химик, физик, чл.-корр. ИАН с 1826 г., ординарный академик по минералогии с 1828 г., по физике с 1841 г., инициатор создания Главной физической обсерватории, он же был назначен первым ее директором) с докладом, в котором выразил надежду, что наряду с астрономией *«правительства признают магнетизм и метеорологию достойными столь же высокого внимания...»*. Надо отметить, что еще в 1825 г. Гумбольдт писал Купферу в Казань: *«Вашу организацию метеорологических станций я считаю одним из самых выдающихся предприятий, задуманных когда-либо для успешного изучения атмосферы»*. 29 апреля 1829 г. перед отъездом в экспедицию Гумбольдт, при вручении ему «диплома почетного академика в серебряном футляре», обратился

* **Московское общество испытателей природы** создано в 1805 г. при Императорском Московском университете с целью изучения природы страны, содействия развитию науки и образования, популяризации знаний, объединения ученых и любителей природы (см. главу 1).



Слева направо: А. Гумбольдт кисти Й.К. Штилера, 1843 г. *Дворец Сан-Суси, Потсдам, Германия*; А.Я. Купфер, 1855 г. Из: [Рычкаев, 1899]; А.Н. Демидов кисти Э. Росси, 1840 г. *Из открытых источников*

к Академии наук с предложением построить в Петербурге магнитную обсерваторию, оказав тем самым поддержку Купферу, который уже хлопотал перед Академией о ее постройке, подобной основанной им в Казани. Академия поддержала предложение своего гостя, и уже через несколько недель началось строительство магнитного павильона по плану Купфера. Далее в письме к А. Гумбольдту Купфер изложил проект создания в Петербурге Центральной обсерватории, специально предназначенной для исследования магнитных и метеорологических явлений, и наметил подробную программу работ этой обсерватории. Известно, что Гумбольдт в ответном письме от 23 ноября 1829 г. нашел проект Купфера настолько многогранным и исчерпывающим, что не мог внести в него какие-либо дополнения. В последующие года были созданы магнитные обсерватории в Нерчинске (1832), Екатеринбурге и Луганске (1836), Тифлисе (1837). Купферу отчасти в этом помогло содействие Гумбольдта, написавшего в 1839 г. письмо Николаю I, где говорилось о хорошо организованных в России астрономических и магнитных наблюдениях и необходимости расширения метеорологических наблюдений [Наумов, 2002]. Тем не менее только в 1843 г. по распоряжению императора было начато составление плана строительства здания Главной физической обсерватории (далее – ГФО), которая начала строиться в 1846 г. и открылась только в 1849 г. В «Положении», утвержденном императором [ПСЗРИ, 1850, т. 24, отд. 1: 1 апреля 1849 г., № 23147, с. 189–193], было отмечено: «§ 1. Для производства физических наблюдений и испытаний в обширном виде и вообще для исследования России в физическом отношении, учреждается в С.-Петербурге, при Институте Корпуса Горных Инженеров, Главная Физическая Обсерватория. § 2. Главная Физическая



Карта маршрута экспедиции Александра фон Гумбольдта 12 апреля – 28 декабря 1829 г. Из открытых источников

Обсерватория состоит в ведении Министра Финансов, как Главноуправляющего Корпусом Горных Инженеров. § 3. Главной Физической Обсерватории подчиняются Магнитная и Метеорологическая Обсерватория Горного Института и другие существующия в горном ведомстве Обсерватории»» [там же, с. 189, 190].

Таким образом, благодаря стараниям и настойчивости Гумбольдта Санкт-Петербургская академия наук стала центром, координирующим исследования в области геомагнетизма и метеорологии, а ГФО стала одним из первых центральных метеорологических учреждений Европы и Америки.

<...>

Среди наиболее значимых научных международных экспедиций следует еще выделить **первую научную Франко-российскую экспедицию 1837–1839 гг.**, организованную с целью изучения Крыма и Донецкого бассейна в интересах развития горного дела. Снарядил экспедицию **Анатолий Николаевич Демидов***, он же принял в ней личное участие, а затем профинансировал публикацию ее материалов. Для четырех академий наук – Петербургской, Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской – это послужило поводом объявить Демидова своим

* **Анатолий Николаевич Демидов** князь Сан-Донато (1813–1870) – действительный статский советник, дипломат, филантроп, путешественник. Почетный член ИСПБАН с 1841 г., президент Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (1844–1865). Большую часть жизни он провел вдали от России, жертвовал деньги на развитие науки, культуры, медицины.

почетным членом, а за публикацию материалов экспедиции по югу России он в 1847 г. стал тридцатым лауреатом полной Демидовской премии в номинации «География». Анатолий Николаевич активно пропагандировал и популяризировал русскую культуру за рубежом: установил в Брюсселе и Карлсбаде бюсты Петра I работы зодчего К.А. Тона, покровительствовал русскому живописцу К.П. Брюллову, причем знаменитая картина «Последний день Помпеи» была написана художником по заказу А. Демидова. В 1839 г. меценат финансировал экспедицию по России французского художника А. Дюрана (1807–1867). В пути художник делал зарисовки, а по возвращении в Париж подготовил почти сотню литографированных видов Санкт-Петербурга, Кронштадта, Москвы, Ярославля, Владимира, Казани, Новгорода, Твери, Нижнего Новгорода и их архитектурных памятников. Литографии были объединены в альбом «*Voyage pittoresque et archeologique en Russia, execute en 1839, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Dessins faits d'apres nature et litographies a deux teintes par Andre Durand*» / «Живописное и археологическое путешествие по России, предпринятое в 1839 году под руководством г-на Анатоля де Демидова. Рисунки с натуры и двухцветные литографии Андре Дюрана» (издавался выпусками с 1842 по 1848 г.). Достоинство альбома проявляется во внимании художника к архитектурным деталям изображенных зданий, в том числе ныне утраченных, отражении местного колорита и особенностей уникальной русской архитектуры.

5.6. Организация Русского географического общества и его первые экспедиции

В первой половине XIX в. происходило активное развитие экономики и расширение территории Российской империи. Россия остро нуждалась в достоверных географических сведениях как о собственной территории, так и сопредельных районов. В новых условиях требовались новые формы организации географической деятельности, которая бы замыкалась на собственные органы планирования, управления и финансирования.

Познанию природных условий и ресурсов империи также способствовало утвержденное Правительствующим Сенатом представление Уварова «*О повсеместном подтверждении узаконений, относительно доставления в Академию Наук всех вообще достопримечательных произведений природы и искусств*» [ПСЗРИ, 1833, т. 7: 20 июля 1832 г., № 5512, с. 514, 515]. В этом документе Правительствующий сенат для достижения «*столь благодетельной для наук мере*» (средствах доставления «*произведений природы и описаний оных*» в Академию наук) признал нужным возобновить «*состоявшиеся в Царствование Императора Петра Великого и Государыни Императрицы Екатерины II-й указы, предписывающие, все достопримечательныя произведения природы и искусств, обретаемыя в Губерниях внутри Империи, присылать в Академию*» [там же, с. 512].

К сожалению, несмотря на то что познание природных богатств империи было включено в Устав Академии наук, средств на выполнение все более расширяющихся географических задач постоянно не хватало.

По примеру ведущих западных держав (Франции, Германии, Великобритании) знаменитым мореплавателем адмиралом (генерал-адъютантом) Ф.П. Литке, к тому времени уже членом-корреспондентом Академии наук, была выдвинута идея создания национального географо-статистического общества при Министерстве внутренних дел. Эта идея была одобрена императором и по представлению министра внутренних дел графа Л.А. Перовского* 6 [18] августа

* **Лев Алексеевич Перовский** (1792–1856) – русский государственный и военный деятель, приближенный императора Николая I, археолог и коллекционер. Сенатор с 1831 г., министр внутренних дел в 1841–1852 гг., министр уделов в 1852–1856 гг., действительный тайный советник с 1843 г., генерал от инфантерии с 1855 г., генерал-адъютант с 1856 г., почетный член Императорской академии художеств с 1843 г. и ИСПБАН с 29 дек. 1852 г.

1845 г. было основано **Русское географическое общество** (РГО; с 28 дек. 1849 г. – «Императорское Русское Географическое Общество» – ИРГО)* и утвержден его временный устав [ПСЗРИ, 1846, т. 20, отд. 1: № 19259, с. 586–590]. Основная цель новой организации *«есть собрание в России географических, этнографических и статистических сведений вообще, и в особенности о России, равно как распространение достоверных сведений о нашем отечестве в других землях»* [там же, с. 586], при этом *«источником денежных средств общества суть: ежегодные вносы членов и пожертвований отечественного просвещения. Главнейшие же средства, без коих предприятия его не могут быть ни действительны, ни соразмерны достоинству государства, составят пособия от щедрот Монарших. <> Общество будет стараться основать капитал, коего процентами можно было бы в последствии покрывать часть издержек и в особенности снаряжать путешественников для известных исследований»* [там же, с. 587].

Помимо адмирала Ф.П. Литке, кстати, воспитателя будущего первого председателя РГО великого князя Константина Николаевича, основную организационную подготовку также провели члены ИСПБАН К.М. Бэр и Ф.П. Врангель, причем Ф.П. Литке составил проект Устава, который был подписан членами-учредителями, а затем утвержден государем. В число членов-учредителей, кроме упомянутых выше, вошли И.Ф. Крузенштерн, В.И. Даль, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, Ф.Ф. Берг, П.И. Рикорд, П.И. Кёппен, М.П. Вронченко, М.Н. Муравьев, К.И. Арсеньев, П.А. Чихачев, В.Ф. Одоевский и другие известные ученые и путешественники.

Со времени основания РГО и развития его экспедиционной деятельности значение экспедиций, организованных самой Академией наук, заметно снизилось, а ее участие в экспедициях других организаций, наоборот, усилилось и усложнилось. Например, Императорская академия наук принимала активное участие в экспедиционной деятельности морского и военного ведомств, оказывала содействие Географическому обществу, продолжала организовывать собственные экспедиции.

* Первое в истории научное географическое общество было создано во Франции 15 декабря 1821 г. В его задачу входило изучение новых частей света, что в тот исторический период было крайне актуальным, поскольку увеличивало число колоний в Новом Свете. По примеру французской модели были основаны географическое общества в Берлине в 1828 г. и в Лондоне в 1830 г. Некоторые общества, такие, как, например, Нюрнбергское, открытое в 1831 г., было направлено на получение коммерческой прибыли.

Деятельность иностранных географических обществ того периода отличалась от деятельности РГО: они служили главным образом только центрами, куда стекались географические данные из колониальных владений, которые затем обсуждались на их заседаниях. Инициатива новых исследований и научных путешествий принадлежала в этих обществах почти исключительно их отдельным членам или другим учреждениям. РГО учреждалось при Министерстве внутренних дел, что подчеркивало его государственный статус и стратегическую важность поставленных перед ним целей. Заметим, что помимо чисто научно-исследовательских экспедиций РГО принимало самое прямое участие в военной разведке и утверждении стратегических и геополитических интересов Российской империи в Арктике, Закавказье, Средней и Центральной Азии, Дальнем Востоке и даже Океании.

Заключительная часть временного Устава определяла порядок избрания органов управления Общества: *«В первое заседание общества имеют быть избраны Председатель и прочие должностные члены. До того времени, учредители избирают из среды своей прременного Председателя и образуют временный Совет»* [там же, с. 590].



Великий князь Константин Николаевич. Из открытых источников

Первым председателем Общества стал второй сын Николая I, **великий князь Константин** (1827–1892; генерал-адмирал, с 1855 по 1881 г. возглавлял Морское ведомство, в 1860 г. Председатель Главного Комитета по крестьянскому делу, в 1862–1863 гг. наместник Царства Польского, в 1865–1881 гг. председатель Государственного Совета, с 1845 г. возглавлял ИРГО, с 1873 г. – Русское музыкальное общество). После его смерти Общество возглавил великий князь Николай Михайлович, а с 1917 г. председатели стали избираться. Согласно постоянному Уставу 1849 г., в составе Общества было образовано четыре отде-

ления: физической географии, математической географии, статистики и этнографии. В начале 1850-х гг. в Обществе появились первые региональные отделы – Кавказский в Тифлисе и Сибирский в Иркутске. Затем были открыты Оренбургский и Северо-Западный (в Вильно),

Юго-Западный (в Киеве), Западно-Сибирский (в Омске), Приамурский (в Хабаровске), Туркестанский (в Ташкенте) отделы.

Академия после образования РГО сохраняла свой приоритет как учреждение, в котором сосредоточены крупные научные имена, причем в первой половине XIX в. она еще имела монопольное значение в астрономических работах, которые или непосредственно ею осуществлялись или проходили при помощи ее инструктажа. Так, все кругосветные плавания прошли при участии прикомандированных от академии астрономов или же при предварительном обучении в Академии отправляющихся в плавание наблюдателей [Материалы..., 1940]. С организацией РГО Академия смогла сосредоточиться на развитии иных научных направлений, а также решении экспертных и просветительских задач. Проведение же масштабных географических работ, которые требовали огромных усилий и средств, было поделено с Географическим обществом и военно-морскими ведомствами.

<...>

Первая экспедиция РГО, организованная осенью 1846 г., была направлена на Урал, территория которого в ту пору оставалась науке еще мало известной. Начальником экспедиции, в состав которой вошло 14 человек, стал **Эрнст Карлович Гофман** (1801–1871; российский геолог, минералог, географ и путешественник, полковник Института корпуса горных инженеров, впоследствии генерал-лейтенант, профессор геологии Санкт-Петербургского университета). В экспедиции также приняли участие горный инженер майор и ближайший помощник Гофмана Никифор Ильич Стражевский, имевший опыт работы в Богословском горном округе на Северном Урале в 1830-х гг., астроном Михаил Альбертович Ковальский (1821–1884; профессор астрономии Казанского университета, чл.-корр. ИСПБАН с 1826 г.), академик Ф.Ф. Брандт, военные топографы В.Г. Брагин и Д.Ф. Юрьев. В последний год работы в экспедиции принимал участие художник И.И. Бермелеев. Экспедиция, рассчитанная на два года, фактически заняла три весенне-летних сезона (1847, 1848 и 1850 гг.).



Э.К. Гофман, 1860-е гг.
Из открытых источников



Экипаж «особенного устройства» (носилки прикрепленные к лошадям), который применялся в экспедиции Гофмана в верховьях р. Печоры.

Из: [Гофман, 1856, с. 72]

Экспедицией были исследованы территории от истоков реки Печоры до Северного Ледовитого океана, проведена геодезическая съемка местности, астрономические и магнитные наблюдения, геологические и минералогические изыскания, изучение климата, растительности и животного мира, население края и путей его хозяйственного освоения. В одном из донесений Гофмана читаем: *«Путешествие по Уралу сопряжено со многими лишениями, но они все забываются и даже оставляют в воспоминании приятное чувство, но претерпеваемую от комаров муку забыть нельзя»*. Тем не менее участникам похода удалось получить значимые научные результаты: открыт хребет



Хребет Сабля (с Уральских гор).

Рис. И. Бермелева из: [Гофман, 1856, л. 160-а]

Пай – Хой и установлен высокогорный характер рельефа его осевой зоны, проведено первое геоботаническое районирование Северного Урала, собран уникальный этнографический материал о ненцах, ханты и коми (по материалам Центральной городской библиотеки г. Воркуты. Режим доступа: https://vk.com/vbiblioteki?w=wall-52580656_4273) [Гофман, 1856; Боровинских и др., 2014; информ. источники].

За заслуги в проведении Северо-Уральской экспедиции Русское географическое общество присудило Э.К. Гофману самую высокую награду – золотую Большую Константиновскую медаль, а Академия наук – Демидовскую премию.

<...>

Среди наиболее значимых для страны научных путешествий, частично организованных при поддержке правительства и РГО, выделяется так называемая **Амурская экспедиция 1849–1855 гг.** – общепринятое наименование российских исследований и организации поселений на Дальнем Востоке, предпринятых по инициативе русского морского офицера **Геннадия Ивановича Невельского** (1813–1876; исследователь Дальнего Востока, действительный член РГО) и губернатора Восточной Сибири **Николая Николаевича Муравьева***. Летом 1849 г. заручившись поддержкой губернатора и начальника главного морского штаба князя Александра Сергеевича Меншикова, капитан-лейтенант Невельской, командуя транспортом «Байкал», не дождавшись Высочайшего разрешения, 30 мая 1849 г. вышел из Петропавловской гавани в сторону Сахалина и 22 июля достиг устья Амура. В этом месте Невельской обнаружил пролив между материком и островом Сахалин. Через некоторое время по своей инициативе командир «Байкала» вошел в устье Амура и проник на нескольких десятках километров вверх по реке, тем самым доказав, что устье Амура доступно для входа морских судов. Таким образом, в это путешествие было установлено, что Сахалин, который в то время считался полуостровом, оказался островом, и что

* **Николай Николаевич Муравьев-Амурский** (1809–1881) – русский государственный деятель, с 1847 по 1861 г. служил генерал-губернатором Восточной Сибири. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант, почетный член ИСПБАН с 5 дек. 1858 г. В истории расширения российских владений в Сибири Муравьев-Амурский сыграл видную роль: ему принадлежит почин в возвращении Амура, уступленного Китаю в 1689 г. 16 мая 1858 г. Муравьев заключил с Китаем Айгунский трактат, по которому Амур до самого устья стал границей России с Китаем. Муравьев получил за заключение этого договора титул графа Амурского и чин генерала от инфантерии. Основатель Благовещенска, Хабаровска и Владивостока.



Г.И. Невельской по рис. П.Ф. Бореля (из открытых источников) и портрет графа Н.Н. Муравьева-Амурского кисти К.Е. Маковского, 1863 г.

Государственный Русский музей

из устья Амура, а также из восточной части Охотского моря можно непосредственно проникнуть в Японское море, не огибая Сахалин. Мореходом были открыты залив Счастья (залив лагунного типа у юго-западного берега Сахалинского залива Охотского моря) и закрытый от ветров залив Николая (небольшая узкая бухта в северо-западной части Охотского моря к югу от Шантарских островов). Кроме того, было установлено, что в устье Амура имеются небольшие гилияцкие деревушки, но отсутствовали китайские поселения и их вооруженные формирования.

По возвращении в Санкт-Петербург Невельской представил отчет об экспедиции и предложил уже следующим летом 1850 г. занять устье Амура. Однако Невельскому просто не поверили. Кроме того, на заседании Особого Комитета министр иностранных дел К.В. Нессельроде добавил, что «сведения Невельского об отсутствии китайских войск и флота (в устье Амура. – Авт.) ложны, о чем в Министерстве иностранных дел имеются точные сведения от русской миссии в Пекине» [Каманин, 1947, с. 17]. Однако при поддержке Муравьева и министра внутренних дел графа Льва Алексеевича Перовского (1792–1856; государственный и военный деятель, приближенный Николая I, археолог, коллекционер, почетный член Императорской академии художеств с 1843 г. и ИСПБАН с 1852 г.) Невельской не только избежал наказания (Особый Комитет ограничился лишением следовавшей по закону награды), но ему 6 декабря 1849 г. был присвоен чин капитана 2 ранга, а уже 8 февраля 1850 г. – капитана 1 ранга. В 1850 г. Невельской был вновь направлен на Дальний Восток, однако

с предписанием «не касаться устья Амура». Высочайшим повелением ему предписывалось в заливе Счастья, или в какой-либо местности на юго-восточном берегу Охотского моря, но не в Амурском лимане, а тем более не на реке Амуре, основать зимовье, в котором Российско-американская компания могла бы производить торговлю с местным населением.

По прибытии на бриге «Охотск» в залив Счастья Невельской основал здесь первое русское поселение, названное Петровское зимовье, которое в течение последующих трех лет служило главной базой экспедиции и основным пунктом ее снабжения. Однако вскоре стало ясно, что в заливе нет возможности создать надежный порт, и руководитель экспедиции принимает решение отправиться в устье Амура. Поднявшись по реке на 100 км и убедившись в отсутствии китайского влияния, Невельской спускается вниз до мыса Куегда, где 1 августа 1850 г. на свой страх и риск основывает Николаевский пост (впоследствии город Николаевск-на-Амуре), поднимает русский флаг и объявляет собравшимся гилякам и приехавшим к ним для торговли маньчжурам о суверенитете России над этим краем и островом Сахалин.

Самоуправные действия Невельского вызвали крайнее раздражение в правительственных кругах России. Особый Комитет счел поступок молодого офицера дерзостью, достойной разжалования в матросы, о чем и было доложено императору Николаю I. Однако выслушав доклад Н.Н. Муравьева, Николай I назвал поступок Невельского «*молодецким, благородным и патриотическим*» и даже наградил его Орденом Св. Владимира 4-й степени, а на доклад Особого Комитета наложил знаменитую резолюцию: «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен».

Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, тамъ онъ спускаться не долженъ.

В новых обстоятельствах Комитет принял постановление об учреждении под начальством Г.И. Невельского особой Амурской экспедиции «в составе 60 нижних чинов при трех офицерах», одновременно тем же постановлением потребовал «*никаких дальнейших распространений в этой стране не предпринимать и отнюдь никаких мест не занимать*» [Каманин, 1947].

В 1951–1852 гг. участники экспедиции провели подробное исследование Амурского края, описали берега, составили карты и собрали ценный материал, послуживший впоследствии основой

для российско-китайских переговоров. Было, например, установлено, что Хинганский хребет, который был ранее принят за границу России и Китая, от истока реки Уды направляется не к северо-востоку, как ошибочно до этого времени полагали и как обозначалось на всех картах, а к юго-западу. Это впоследствии стало одним из поводов к пересмотру Нерчинского договора 1689 г., по которому России запрещалось утвердиться в Амурском крае. Были исследованы природные ресурсы Приамурья, Сахалина и частично Уссурийского края, в том числе обнаружены запасы каменного угля на острове Сахалин. Благодаря успешной деятельности Амурской экспедиции Россия получила свободный выход к Тихому океану. Вскоре Россия ощутила и реальную пользу от открытий Г.И. Невельского. Весной 1855 г. во время Крымской войны 1853–1856 гг. в укрепленном низовье Амура нашли надежное укрытие жители Петропавловка.

Кроме всего прочего, южнее Амура были обнаружены стихийные русские поселения, хотя до этого считалось, что русского населения в этих местах нет. В 1853 г. были основаны несколько новых постов на западном побережье Сахалина, на материковом побережье Татарского пролива, правом берегу Амура, в северо-восточной части озера Большое Кизи. Невельской требовал от своих сотрудников обращаться с местными жителями дружелюбно и не навязывать им силой чужие обычаи. Характерно, что когда Н.Н. Муравьев в 1854–1855 гг. организовал походы вниз по Амуру, то он с удивлением отмечал весьма дружелюбный прием коренного населения Нижнего Амура, в то время как выше Сунгари, куда Невельской не дошел, жители, завидя шедшие суда, разбегались.

Во второй половине 1852 г., согласно полученному распоряжению из Санкт-Петербурга, Невельской занял залив Тамари-Анива на Южном Сахалине, учредил там Муравьевский пост и после поднятия российского флага объявил о принадлежности острова России*. Вот как об этом событии писал сам Невельской: *«21-го сентября, в 8 час[ов] утра, подтянувшись с судном сколько возможно*

* 26 января [7 февр.] 1855 г. в городе Симода (Япония) был подписан Симодский трактат – первое дипломатическое соглашение между Россией и Японией. Со стороны России переговоры вел вице-адмирал Евфимий Васильевич Путятин, японскую сторону представлял Тосиакира Кавадзи. В соответствии с трактатом Курильские острова к северу от о-ва Итуруп объявлялись владениями России, о-ва Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа о-вов Хабомаи – владениями Японии. Сахалин объявлялся неразделенной демилитаризованной зоной. В 1875 г. с подписанием Санкт-Петербургского договора Россия уступила Японии все Курильские острова в обмен на полное владение Сахалином.

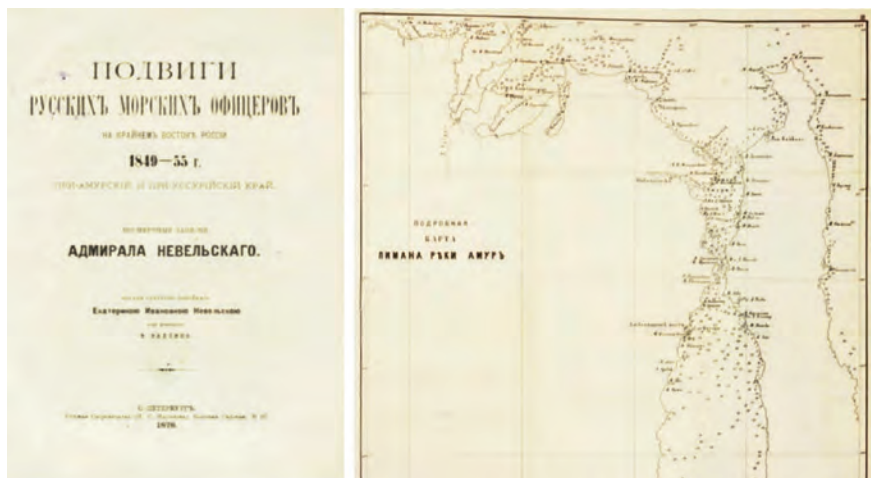
ближе к селению Тамари, я посадил на шлюпки 30 человек десанта при 2 орудиях, взял г[оспод] Буссе, Бошняка и Рудановского, и имея у себя на шлюпке русский общий военный флаг (белый с Андреевским крестом), а на прочих, в знак миролюбивой высадки, белые флаги, в 8½, час[ов] утра, мы пристали к берегу, где нас ожидали два старшины-японца и три старшины айнские, вдали от них, с одной стороны, стояли все айны, а с другой все японцы. Выйдя на берег, я сделал приветствие встретившим нас с радушием и торжественностью старшинам и через толмача айна объявил, что “мы становимся здесь на острове для защиты земли и народа, желаем жить мирно с японцами и всеми жителями острова, но нисколько не стеснять ни торговлю, ни промышленность их на острове”. Затем я приказал поставить флажок, десанту выйти и стать во фронт; тогда, помолясь Всевышнему Творцу за благоденствие Государя и Отечества, при криках “ура!” нашего десанта и с судна, а также и при салюте с оного, я вместе с г[осподином] майором Буссе поднял русский флаг, при этом, к удивлению моему, чтобы подсобить нам, подошли главные старшины айнский и японский. С поднятием флага выдвинуты были на берег и орудия... ..Так, благодаря Всевышнему Творцу, совершилось занятие главного пункта сахалинского, командующего всем островом! Согласно с Высочайшей волей и наставлениями вашего высокопревосходительства, не насилием, но миром и дружбой поднят флаг Русский! Все это совершилось так же тихо и спокойно, как и на берегах Амура и Татарии, с любовью и согласием народов, прибегающих к давно желанной защите, под кровом державы Монарха Русского... ..25-го числа, при прощании с японцами, я объявил им, что принимая защиту и покровительство России, все жители острова, составляющего отныне уже принадлежность Русского царства, суть подданные нашего Государя, потому я требую от них: 1) никому из айн никакого насилия не делать, без обоюдного соглашения в плате никого работать не заставлять, семейств с острова не брать и не перевозить; и 2) оружия никакого на остров не привозить. За точным исполнением чего <будут?> наблюдать оставленные нами на острове и суда наши, которые с весной будут опять при селении...» [Невельской, 1899, с. 25, 26].

Экспедиции по Амуру стала важнейшим политическим событием. Дело в том, что согласно Нерчинскому договору Россия не имела права плавать по Амуру, однако Китай не препятствовал этим сплавам. К середине 1850-х годов устье Амура, Сахалин и другие дальневосточные территории в основном были де-факто закреплены

за Россией. При этом Россия в ходе Амурской экспедиции не применяла военной силы. Более того, Амурская экспедиция Г.И. Невельского во многом опиралась на лояльность и даже помощь местного населения. По материалам: [Невельской, 1899; 1947; Алексеев, 1982, информ. источникам].

После завершения амурских путешествий Г.И. Невельской в 1857 г. вошел в состав директоров создаваемой коммерческой Амурской компании, фактически ее возглавив. В том же году был назначен членом Морского ученого совета. В 1864 г. Невельскому был присвоен чин вице-адмирала, а в 1874-м – чин полного адмирала. С 1866 г. он состоял членом ученого отделения Морского технического комитета. Здоровье Г.И. Невельского, подорванное в результате участия в Амурской экспедиции, постоянно ухудшалось. Поэтому периодически он был вынужден выезжать за границу для лечения. Последние годы жизни посвятил созданию книги об Амурской экспедиции – «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–55», которая была издана в 1878 г. уже после смерти автора [Невельской, 1878], переиздавалась в 1897, 1947, 2009 и 2013 гг.

Вскоре после смерти Невельского Муравьев-Амурский писал: *«ряд предшествовавших Невельскому экспедиций, посетивших берега Приамурья, достигли славы, но ни одна из них не принесла Отечеству той пользы, какую принес Невельской»* [Каманин, 1947, с. 26].



Титульный лист «Подвиги русских морских офицеров...» и «Подробная карта лимана р. Амур» по описи Невельского (л. III). Из: [Невельской, 1878]

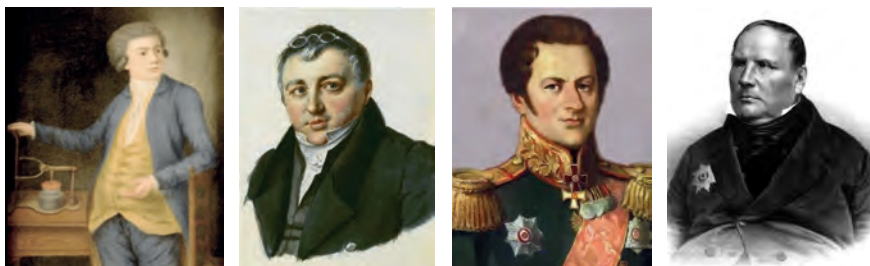
5.7. Научно-технологические достижения

К середине XIX в. Российская империя становилась в один ряд с великими научными державами и уже лидировала в ряде областей математики, астрономии, метеорологии, океанографии, по многим биологическим, физическим и химическим дисциплинам, в военной технике (в том числе была пионером минного и ракетного дела), полевой медицине.

Ниже приведены несколько примеров выдающихся научных и научно-технических достижений, полученных российскими учеными и изобретателями (помимо вышеперечисленных) в первой половине XIX в.

Василий Владимирович Петров (1761–1834; физик, электротехник, чл.-корр. АН с 1802 г., экстраординарный академик с 1809 г., ординарный академик с 1815 г.). В 1802 г. он сконструировал самую большую для своего времени гальваническую батарею, состоящую из 2100 медно-цинковых элементов с электродвижущей силой около 1700 В, и показал, что ее действие основано на химических процессах между металлами и электролитом. В экспериментах с гальванической батареей впервые продемонстрировал явление вольтовой дуги, а позже высказал идею о ее применении для плавки и сварки металлов, восстановления их из руд и освещения. Он первым применил изоляцию электропроводников, покрыв медную проволоку слоем сургуча, был первым, кто применил «параллельное» соединение проводников электрического тока, впервые использовал термин «сопротивление» как физическую величину, обозначающую способность вещества препятствовать прохождению электрического тока, развил учение о люминесценции (свечение тел без горения), первым показал различие в природе химического свечения тел (хемилюминесценции) и свечения, возникающего после взаимодействия с солнечным светом (фотолюминесценции). В 1815–1816 гг. впервые описал явление «возгонки» (сублимации) снега в рамках климатологических исследований.

Павел Львович Шиллинг (1786–1837; чл.-корр. ИАН с 17 дек. 1828 г.) в 1812 г. создал первые в мире подводные мины с электрическим запалом и продемонстрировал их действие на Неве. Впоследствии эти мины использовались русской армией во время войны 1812 г. Сделал ряд важных усовершенствований в литографском искусстве и в 1818 г. открыл в Петербурге первую в России литографскую мастерскую при Коллегии иностранных дел, приспособив ее для печатания художественных произведений, нужд картографии,



Слева направо: «Портрет молодого ученого (с электрической машиной)», приписываемый В.В. Петрову, неизвестный художник конца XVIII в.; П.Л. Шиллинг кисти А.П. Брюллова, 1828 г.; А.Д. Засядко, неизвестный художник; М.В. Остроградский. Из: *[Портретная галерея..., 1869]*

тиражирования военных документов, в том числе шифров, и т. п. В 1828 г. разработал первый в мире электромагнитный телеграф, а в 1832 г. сконструировал и испытал первую в мире линию электромагнитного телеграфа, положив начало проводной связи. В 1837 г. создал электрический кабель с каучуковой изоляцией. Разработал новую систему шифрования, которая оставалась непревзойденной более 50 лет и активно использовалась российскими дипломатами и военными. Внес крупный вклад в изучение тибетско-монгольской литературы.

Александр Дмитриевич Засядко (1779–1837; российский офицер-артиллерист, конструктор и специалист в области ракетного дела, генерал-лейтенант). В 1815 г. по собственной инициативе приступил к работам по созданию боевых пороховых ракет. Не имея на то средств, он продал свое имение под Одессой. С этого момента Александр I стал относиться к изобретателю с большим уважением и распорядился о финансировании его исследований. В дальнейшем Засядко сконструировал боевые пороховые ракеты четырех калибров, которые значительно превосходили английские образцы по дальности полета. Создал пусковые станки, позволяющие вести залповый огонь шестью ракетами (прообраз всех современных реактивных систем залпового огня), а также приспособления для их наведения. Эти прообразы ракетных комплексов стали первым ракетным вооружением, принятым в 1826–1827 гг. на вооружение русской армии. Ракеты Засядко успешно применялись во всех войнах России до Крымской войны включительно.

Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861; русский математик и механик, адъюнкт ИАН с 1828 г., экстраординарный

академик с 1830 г., ординарный академик с 1831 г.). Основные работы ученого относятся к прикладным аспектам математического анализа, механики, теории магнетизма, теории вероятностей. Известен также работами по алгебре, теории вероятностей, теории чисел. Предложил метод для интегрирования рациональных функций (метод Остроградского), в физике нашел формулу преобразования интеграла по объему в интеграл по поверхности (формула Остроградского). В теоретической механике Остроградскому принадлежат фундаментальные результаты, связанные с развитием принципа возможных перемещений и других вариационных принципов механики. Написал ряд учебников по высшей и элементарной математике («Программа и конспект тригонометрии», «Руководство начальной геометрии» и др.).

Павел Петрович Аносов (1796–1861; выдающийся русский ученый-металлург и организатор горнозаводской промышленности Южного Урала, томский губернатор). Разработал новый метод получения высококачественных сталей путем объединения науглероживания и плавления металла. В 1831 г. первым в России применил микроскоп для исследования структуры стали, а в 1841 г. раскрыл давно утраченную тайну изготовления булатной стали. Первым доказал, что физико-химические и механические свойства стали могут быть значительно изменены и улучшены добавками некоторых легирующих элементов. Изобрел и внедрил на Миасских золотых приисках новые золотопромывальные машины, в том числе с паровым приводом.

Константин Иванович Константинов (1818–1871; русский ученый и изобретатель в области артиллерии, ракетной техники, приборостроения и автоматики, генерал-лейтенант, внебрачный сын вел. князя Константина Павловича, до 1837 г. носил отчество Константинович). В 1844 г. изобрел один из первых электро-баллистических приборов, предложил прицел для навесной стрельбы из гладкоствольных орудий. В 1849 г. возглавил Петербургский ракетный, а по совместительству и Охтинский капсюльный заводы, где занимался как ракетами, так и стандартизацией боеприпасов. В эти годы сконструировал 2-, 2,5- и 9-дюймовые боевые ракеты с дальностью полета до 5 км и пусковые установки к ним. В 1853–1855 гг. для нужд Крымской войны по технологии Константинова было изготовлено несколько тысяч боевых ракет. В 1859 г. Константинов разработал проект Николаевского ракетного завода и был назначен его начальником. Завод получил новейшие по тому времени оборудование и технологии, что позволило изобретателю в 1862 г. создать новую ракетную систему, состоящую из двухдюймовой ракеты «цилиндросферической» формы,



Слева направо: П.П. Аносов, неизвестный художник; К.И. Константинов, неизвестный художник; Б.С. Якоби работы Р. Гофмана; Г.И. Гесс работы Карла Поля, середина XIX в. *Из открытых источников*

пускового станка и ударного пальника. Примененные конструкторские новшества позволили не только повысить надежность ракет, но и обеспечить устойчивую дальность их полета. 16 сентября 1864 г. последовал Именной указ в приказ военного министра «О переименовании С.-Петербургского ракетного заведения в Николаевское ракетное заведение»: «С.-Петербургское ракетное заведение, перемещаемое ныне в город Николаев, переименовать в Николаевское ракетное заведение» [ПСЗРИ, 1867, т. 39, отд. 1: № 41279, с. 889].

Борис Семёнович Якоби (Мориц Герман фон Якоби) (1801–1874; физик, специалист в области электротехники и гальванопластики, чл.-корр. ИСПБАН с 1838 г. по разряду физики, экстраординарный академик по прикладной математике с 1842 г., ординарный академик по технологии и прикладной химии с 1847 г., по разряду физики с 1865 г.). Исследовал возможности применения электрических двигателей в технике. Известен как первооткрыватель гальванопластики. В 1834 г. построил первый в мире электродвигатель, пригодный для практического использования, в 1837 г. – первый двигатель, способный приводить в движение судно. Вскоре появилась первая в мире электролодка, снаряженная двигателем Якоби, а также первая в мире электротележка. Разработки изобретателя легли в основу электротранспорта по всему миру. Кроме того, ученый изобрел телеграфные аппараты различных конструкций, в 1842–1845 гг. первым в мире построил проводной телеграф, соединивший Петербург и Царское Село, а также буквопечатающий телеграфный аппарат. Ведущий изобретатель гальванических батарей и морских противокорабельных мин нового типа, в том числе самовоспламеняющихся (гальваноударных) мин, мин с запалом от индукционного аппарата. Организатор комиссии по введению единой системы мер, весов и монет.



Н.Н. Зинин, неизвестный автор, до 1880 г.; Н.И. Пирогов, литография нач. 1860-х гг. Из: *[Портретная галерея..., 1869]*

Герман Иванович Гесс (1802–1850; химик, адъюнкт ИАН по химии с 1828 г., экстраординарный академик с 1830 г., ординарный академик с 1834 г.). Один из основоположников термохимии (химии тепловых явлений). Предложил использовать величину теплового эффекта реакции как меру химического сродства (1840 г.). Открыл закон «постоянства сумм тепла», согласно которому тепловой эффект реакции зависит только от начального и конечного состояний реагирующих веществ, а не от числа стадий процесса (1840 г., закон Гесса). Доказал (1842 г.), что при смешении нейтральных солевых растворов тепловой эффект отсутствует (правило термонеutrальности). Изучал (1832 г.) окислы кобальта. Установил катализирующее и адсорбционные свойства мелкораздробленной платины. Одним из первых исследовал состав кавказских нефтей. Открыл сахарную кислоту. Написал учебник «Основания чистой химии», выдержавший 7 изданий.

Николай Николаевич Зинин (1812–1880; химик, адъюнкт ИСПБАН по Физ.-мат. отделению с 1855 г., экстраординарный академик с 1858 г., ординарный академик с 1865 г.). Впервые в мире продемонстрировал возможность превращения ароматических нитро-соединений (например, нитробензола) в соответствующие амины (анилин), используя восстановление сульфидом аммония. Эта реакция стала основой для получения многих важных соединений. Совместно с молодым инженером-артиллеристом В.Ф. Петрушевским (1829–1891; военный инженер, внес значительный вклад в развитие отечественной артиллерии и производства взрывчатых веществ) решили проблему получения и использования сильнейшего взрывчатого

вещества – нитроглицерина (1853 г.). Первый председатель Русского химического общества (1868–1878).

Николай Иванович Пирогов (1810–1881; русский врач-хирург, анатом и естествоиспытатель, чл.-корр. ИСПБАН по разряду биологическому с 1846 г., основоположник российской школы военно-полевой хирургии, тайный советник). На Кавказе в 1847 г. он впервые применил перевязку бинтами, пропитанными крахмалом; крахмальная перевязка оказалась удобнее и прочнее, чем применявшиеся раньше лубки. В том же году Пирогов в полевых условиях (при осаде аула Салты) впервые в истории медицины провел операцию с эфирным наркозом и впоследствии выполнил около десяти тысяч таких операций. Во время Крымской войны впервые применил гипсовую повязку, чем положил начало сберегательной тактике лечения ранений конечностей, позволяющей избежать ампутации. Издал первый анатомический атлас «Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведенными через замороженное тело человека в трех направлениях» (1852–1859). Этот атлас стал основой последующего развития оперативной хирургии. Участник обороны Севастополя (1854–1855), Франко-прусской (1870–1871) и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

5.8. Итоги царствования Николая I и Крымская война

За 3 десятилетия царствования Николая I в российском обществе происходили глобальные изменения, связанные с развитием науки и промышленности. Начиная с 1830–1840 гг. в стране «стартовал» так называемый промышленный переворот, в результате которого ручной труд заменялся машинным, росло число заводов и фабрик. В 1837 г. было открыто железнодорожное движение из Петербурга в Царское Село, а в 1851 г. Николай уже впервые приехал на поезде из Петербурга в Москву на торжества в честь 25-летия своей коронации. В экономической политике Николай I старался учитывать интересы нарождавшейся буржуазии, потребности промышленного развития страны. Финансовая реформа 1839–1843 гг., проведенная министром финансов Е.Ф. Канкриним, обеспечила устойчивость рубля и позитивно сказалась на развитии отечественной торговли и промышленности. Университеты и другие учебные заведения готовили необходимых специалистов, реформированная Санкт-Петербургская академия наук обеспечивала экспертизу поступающих научно-технических предложений и проектов. В период царствования Николая I была организована Пулковская обсерватория (1839 г.), в Санкт-Петербурге учреждено Русское географическое общество (1845 г.). Научные общества стали возникать и в российских регионах, такие, например, как Общество сельского хозяйства Южной России в Одессе (1829 г.) или научное Горное общество и «музеум всех российских ископаемых» в Екатеринбурге (1834 г.).

Однако император не рискнул разрешить самый назревший для страны вопрос – ликвидацию крепостного права. Опасения хаоса и анархии поддерживали антиреформистские настроения Николая. Революционные события в Европе 1830 и 1848 гг. лишь усиливали осторожность императора в проведении социальных реформ в собственной стране и, наоборот, активизировали его помощь в подавлении революционных выступлений в других европейских странах. Тем не менее за время правления Николая I было образовано девять специальных секретных комитетов для выработки поэтапного подхода к решению проблемы крепостного права, принято около 100 указов, относящихся к решению крестьянского вопроса.

Николай I не только не раздавал частным лицам государственных имений с крестьянами, но распорядился приобретать в казну поместья разорившихся владельцев. При этом бывшие крепостные становились «государственными крестьянами». Беглых крепостных, ушедших

на окраины (на юг Украины, в Бессарабию, Сибирь, на Кавказ), правительство оставляло на свободе. Помещик же получал от государства компенсацию за потерю крепостных. В то же время землевладельцам запрещалось продавать крестьян без земли, разлучать их семьи, причем самим крестьянам разрешалось покупать недвижимость.

Итоги тридцатилетнего царствования Николая I подвела Крымская война 1853–1856 гг., начавшаяся как Русско-турецкая, но спустя некоторое время ставшая общеевропейской. Сама война возникла после длительной и сложной политической борьбы между государствами, интересы которых сталкивались на Ближнем Востоке. События развивались следующим образом. Первоначально 4 октября 1853 г. войну России объявила Турция. В 1853 г. и начале 1854 г. военные действия были успешны для России: русские войска одержали ряд побед на Кавказе, Черноморский флот под командованием адмирала П.С. Нахимова уничтожил турецкий флот при Синопе. Вскоре, в марте 1854 г., в войну вступили Великобритания и Франция. В июне 1854 г. состоялась первая артиллерийская дуэль между союзным флотом и укреплениями Севастополя, а в сентябре того же года в Крыму высадились первые отряды экспедиционного корпуса объединенной армии и начали осаду города.

В результате маневров русской армии надежды экспедиционных сил Лондона и Парижа выйти в Крыму к Перекопу так и не оправдались. Однако 13 [25] сентября 1854 г. англо-французская армия подошла к южной стороне Севастополя, который был объявлен на осадном положении. Здесь надо помнить, что в то время Севастополь, как приморский город, имел укрепления только с моря, но со стороны суши был даже не окопан. Воспользовавшись тем, что неприятель медлил с нападением, русские войска и население города стали готовиться к обороне. Выдающуюся роль в возведении системы сухопутных укреплений сыграл инженер-подполковник **Эдуард Иванович Тотлебен** (1818–1884; военный инженер, почетный член ИСПБАН с 1855 г.). Как по прошествии времени писал А.А. Шумахер (1854–1920; писатель, автор книги «Император Александр II: Исторический очерк его жизни и царствования»): *«Севастополь с невероятною быстротою огражден был и с сухого пути рядом таких укреплений, которые приводили в изумление самих союзников и превратили совершенно незащищенный до того времени город в неприступную твердыню»* [Шумахер 1903, с. 33]. Вскоре началась героическая оборона Севастополя.

В разгар войны 18 февраля [2 марта] 1855 г. скончался император Николай I. Согласно официальной версии – вследствие пневмонии (простудился, принимая парад в легком мундире, будучи уже больным гриппом).

Вступивший на престол 19 февраля [3 марта] 1855 г. Александр II вынужден был продолжить начатую войну.

27 августа [8 сент.] 1855 г. после ожесточенных боев противник сумел занять тактически важную высоту Малахов курган. В сложившейся ситуации главнокомандующий князь **Михаил Дмитриевич Горчаков** (1793–1861; русский военный и государственный деятель, генерал от артиллерии, генерал-адъютант, почетный член ИСПБАН с 1856 г.) *«решился очистить южную часть города и в продолжении ночи благополучно перевел свои войска, частию посредством судов, частию по мосту, устроенному через рейд, на северную сторону севаستопольской бухты, где и стал твердою ногою»* [Шумахер, 1902, с. 43]. Тем самым была сохранена боеспособная армия. В приказе главнокомандующего от 31 августа [13 сент.] говорилось: *«Грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но... и не Севастополь оставили мы нашим врагам, а одне пылающия развалины города, собственною нашею рукою подожженного, удержав за нами честь обороны, которую дети и внуки наши с гордостью передадут отдаленному потомству»* [там же, с. 44]. Город был подожжен, пороховые



Деталь панорамы Франца Рубо «Оборона Севастополя», 1904 г.
Из открытых источников

погреба – взорваны, военные суда, стоявшие в бухте, – затоплены. Союзники не решились преследовать российские войска, считая город заминированным, и только 30 августа [11 сент.] вступили в дымящиеся развалины города. Однако жить в этих развалинах было невозможно, поэтому английские и французские войска вернулись в свои лагерь.

За 11 месяцев осады союзники потеряли не менее 70 тыс. человек, не считая умерших от болезней. Русские только в обороне Севастополя, согласно спискам штаба гарнизона, потеряли 17 015 человек убитыми, 58 272 – ранеными, 15 174 – контужеными и 3 164 – пропавшими без вести. Всего – 93 625, а с легкоранеными, не покинувшими строя, – 102 669 чел. [Скориков, 1997]. При обороне города геройской смертью пали адмиралы **Владимир Алексеевич Корнилов**, **Владимир Иванович Истомин** и **Павел Степанович Нахимов**.

В сентябре 1855 г. Александр II прибыл в портовый город Николаев, а затем, в конце октября, лично посетил крымскую армию, чтобы поблагодарить героев. Новый император посетил Севастопольское кладбище, где были похоронены свыше 200 000 защитников города. В своем приказе от 31 октября [13 ноября] были и такие слова: *«Свидание с вами доставило мне невыносимое удовольствие, а блестящее состояние, в котором я нашел состояние крымской армии»* (выделено мной. – В.Б.), *при произведенных ныне смотрах, превзошли мои ожидания»* [Шумахер, 1902, с. 47].

Следует отметить, что на протяжении Крымской войны на всех фронтах, кроме западного Крыма, успех, несомненно, был у России: на Белом море англичанам так и не удалось высадить десант на Соловках, на Камчатке в августе 1854 г. англо-французская эскадра потерпела поражение под Петропавловском, а попытки высадить десанты в Экенесе, Ганге, Або и самом Свеаборге также закончились неудачей. Одна из причин – эффективная защита Финского залива с помощью подводных мин академика Б.С. Якоби с химическими контактными взрывателями. Подрыв на минах Якоби четырех британских пароходов 8 [20] июля 1855 г. сорвал план англо-французской эскадры по нападению на Кронштадт [Литвиненко, Сидоренко, 2006]. Вскоре последовала успешная оборона Таганрога, где с июня по ноябрь 1855 г. на Азовском море британская легкая флотилия проиграла бои береговым укреплениям города. Кроме того, 16 ноября 1855 г. главнокомандующим отдельным кавказским корпусом генерал-адъютантом **Николаем Николаевичем Муравьевым** (1794–1866; русский военный деятель, генерал от инфантерии, Кавказский наместник с 29.11.1854 по 22.07.1856 г., член Государственного Совета

в 1856–1859 гг., за взятие Карса во время Крымской войны получил почетное прозвище «Карсский») после многодневной осады была взята крепость Карс со всем гарнизоном. В плену оказался главнокомандующий Анатолийской армии мушир Махмед Вассыф-паша, кроме того, восемь пашей, много штаб- и обер-офицеров, английский генерал Вильямс со всем его штабом. Взято 130 пушек и все оружие, двенадцать турецких полковых знамен и крепостной флаг Карса [Татищев, 1903]. За взятие Карса генерал получил почетное прозвище «Карский», а само взятие Карса склонило враждующие стороны к переговорам [Высочков, 2022].

У России, несомненно, было достаточно сил для успешного продолжения боевых действий, однако в сложившейся ситуации Александр II принял смелое и крайне дальновидное политическое решение выйти из войны для последующего реформирования России.

По условиям Парижского мирного договора, подписанного 18 [30] марта 1856 г., Россия получила обратно оккупированную часть Севастополя и Балаклаву, «а равно и все прочие места, занятые союзными войсками», взамен возвратила Турции Карс и другие турецкие владения. В рамках соглашения Черное море объявлялось нейтральным, Россия теряла протекторат над Молдавией и Валахией, судоходство по Дунаю объявлялось свободным, Российской и Османской империям запрещалось держать на Черном море военные флоты и арсеналы. Контрибуцию Российская империя не платила; территориальные потери в итоге оказались для нее минимальны (первоначально Англия требовала, среди прочего, уступки Бессарабии и уничтожения Николаева).

Несмотря на ряд перечисленных уступок, Россия, тем не менее, достигла главной цели войны: *«турецкий султан торжественно объявился перед всею Европою не угнетать более подвластных ему православных христиан и сравнял их в правах с мусульманским населением своей Империи»* [Шумахер, 1902, с. 49].

Впоследствии при содействии князя **Александра Михайловича Горчакова** (1798–1883; министр иностранных дел в 1856–1882 гг., последний канцлер Российской империи с 1867 г., почетный член ИСПБАН с 1856 г. и Московского университета с 1867 г.) Россия дипломатическим путем восстановила свои суверенные права на Черном море, утвержденные Лондонской конвенцией 1871 г., а проведенные Александром II в конце 1850-х – 1-й половине 1870-х гг. либеральные реформы сыграли исключительную роль в последующем развитии страны.

6. ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

6.1. Формирование Отделения русского языка и словесности

До последнего времени много споров вызывает объединение императорских Санкт-Петербургской академии наук (далее – ИСПБАН; до 1836 г. имела название Императорская академия наук – ИАН) и Российской академии / Академии российской*, осуществленное указом императора 19 октября 1841 г. [ПСЗРИ, 1842, т. 16, отд. 1: 19 окт. 1841 г., № 14940, с. 854–856]. Известно, что слияние академий инициировал сам Николай I, который поторапливал президента ИСПБАН С.С. Уварова с объединением *«ради централизации управления наукой»*. Историк науки Е.Ю. Басаргина пишет, что *«Тот (Уваров. – Авт.) был в ужасе от предстоящей ломки выпестованной им академии и все медлил с преобразованием. Дело о Российской академии было кончено 19 октября 1841 г. Она вошла в состав Академии наук в виде Отделения русского языка и словесности (ОРЯС, или II отделение)... <...>...Навязанная «оптимизация» стала для Академии наук потрясением, и потребовалось немало времени для того, чтобы работа вошла в привычное русло»* [Басаргина, 2024, с. 157, 158].

Напомним, что объединение академий произошло уже после смерти президента Российской академии адмирала почетного члена ИАНХ / ИАН / ИСПБАН с 1800 г. **Александра Семеновича Шишкова**** (см.: [Богатов, 2024, разд. 2.3]). На должность президента

* Императорская Российская академия, или Академия российская по изучению русского языка и словесности, была учреждена 30 сентября [11 окт.] 1783 г. указом Екатерины II в Санкт-Петербурге. Первым директором Академии стала подруга императрицы княгиня Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова (подробнее см. в: [Богатов, 2024, ч. 1, раздел 2.3]). По утверждению историографа Российской академии академика ИСПБАН М.И. Сухомлинова: *«Академия наук находилась в ближайшей связи с российской академией отчасти по самой идее того и другого учреждения, отчасти по их личному составу. Российская академия, подобно академии наук, считала своим призванием разработку ученых вопросов с тою только существенною разницею, что круг исследований своих ограничивала отечественным языком и словесностью, прибегая к пособию других наук настолько, насколько они содействовали изучению ее главного предмета»* [Сухомлинов, 1875, с. 1].

** **Александр Семенович Шишков** (1754–1841) – русский писатель, литературовед, филолог-любитель, мемуарист, военный и государственный деятель, президент Императорской Российской академии (1822–1841), адмирал (1824), министр народного



Портрет А.С. Шишкова
кисти О. Кипренского,
1825 г. *Государственная
Третьяковская галерея*



Титульный лист
«Чтение в Беседе
любителей рускаго
слова. Книжка
третья». СПб., 1811 г.



Титульный лист
«О старом и новом
слоге Россійскаго
языка». СПб., 1813 г.

он был назначен еще в мае 1813 г., причем в 1824–1828 гг. Шишков одновременно занимал пост министра народного просвещения. На самом первом этапе президентства деятельность Шишкова способствовала формированию единого культурно-языкового поля страны. В частности, Шишков ратовал за то, чтобы Российская академия в противовес Академии наук (где преобладали иностранцы) стала базой для развития отечественных наук и просвещения, центром русской духовности и патриотизма. Шишков старался собрать в Академии всех национально мыслящих русских ученых-литераторов. Большое внимание президент уделял развитию как российской, так и общеславянской филологии. Организовал работу над вторым изданием «Словаря Академии Российской», одним из первых осуществил попытку по организации кафедр славяноведения при российских университетах, а также созданию Славянской библиотеки в Санкт-Петербурге. При Шишкове Академия многое делала для просвещения провинции,

просвещения (1824–1828). Еще в 1780-х гг. он составил «Детскую библиотеку», куда вошли его переводы с немецкого языка, собственные стихи и рассказы. Вскоре вышла в свет его книга «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». Шишков был одним из организаторов литературного общества «Беседы любителей русского слова» (1810). Беседчики проводили регулярные чтения и печатали периодическое издание под названием «Чтения в „Беседе любителей русского слова“». Он один из ведущих российских идеологов времен Отечественной войны 1812 г., инициатор издания охранительного цензурного устава 1826 г.

причем с этой целью по инициативе президента преподавание русского языка вводилось и на окраинах империи [Гребенщиков, 2024]. Шишков призывал искать истоки литературного языка и словесности в собственной многовековой культуре. Заимствование слов из другого языка, по его мнению, вело к отказу от собственного взгляда на вещи, к подчинению своего образа мысли чужому.

В 1828 г. адмирал почувствовал ухудшение здоровья, что не позволяло ему оставаться на посту министра, и 23 апреля император принял его отставку. За Шишковым сохранились должности члена Государственного совета и президента Российской академии с полным министерским содержанием. Однако в работе Российской академии уже не было системности, ее президент часто отлучался из Петербурга для лечения, а встречи академиков в основном проходили у него на дому. С 1829 г. здоровье Шишкова начало резко ухудшаться, к тому же через 10 лет он полностью ослеп. Скончался А.С. Шишков 9 апреля 1841 г., был похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге [Гребенщиков, 2024].

После смерти Шишкова Николай I поручил С.С. Уварову представить проект соединения Российской академии с Академией наук. Изначально Уваров предлагал учредить 3 академии: Академию наук в классическом смысле, Академию русской словесности и Академию истории и филологии под единым названием «Императорские соединенные академии». Однако император не одобрил этого проекта и повелел образовать три отделения под общим названием «Академия наук». Вследствие этого был учрежден комитет под председательством вице-президента ИСПбАН князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова (1794–1869). По утверждению филолога, вице-президента ИСПбАН с 1889 г. Якова Карловича Грота (1812–1893), *«Государь находил, что дело ведется медленно и на одном из докладов министра (Уварова. – Авт.) написал: “Пора кончить с делом Академии. Я все жду”. 14-го октября 1841 г. написаны были эти слова, а 19-го того же месяца последовал Высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения о присоединении Российской Академии к Академии Наук в виде второго Отделения. Тогда же было утверждено Государем и Положение об этом Отделении»* [Грот, 1892, с. 3].

19 октября 1841 г. Высочайше было утверждено Положение об Отделении русского языка и словесности (далее – ОРЯС / Второе отделение) при ИСПбАН, представленное 32 параграфами [ПСЗРИ, 1842, т. 16, отд. 1: № 14940, с. 853–856]. Данный рескрипт

открывался обращением на имя С.С. Уварова как министра народного просвещения:

«Сергей Семенович! Обращая непрерывное внимание на успехи отечественной словесности, имея в виду споспешествовать ей развитию приведением занятий учреждения, которому вверено попечение о Русском слове, в единство и совокупность с трудами первенствующаго ученаго сословия в Империи, Я признал за благо, на основании утвержденного сего дня положения и штата, присоединить Императорскую Российскую Академию к Императорской Академии Наук, в виде особаго Отделения Русскаго языка и словесности. В следствие сего оказывается необходимым изменить в некоторых отношениях устройство Академии Наук в новом, расширенном ея составе. Почему Повелеваю разделить оную на три Отделения: 1) Физико-Математических наук; 2) Русскаго языка и словесности, и 3) Исторических наук и Филологии; излишек прежних штатных и хозяйственных сумм Российской Академии употребить на усиление способов Академии Наук вообще и в особенности третьяго Отделения и целой Конференции, равно и управление хозяйственной части распределить согласно с настоящим постановлением».

Порядок работы нового отделения устанавливался первыми 11 параграфами Положения:

«§ 1. Императорская Российская Академия присоединяется к Императорской Академии Наук в виде особаго Отделения Русскаго языка и Словесности. В следствие сего, вся собственность первой, состоящая в зданиях, денежных суммах и других принадлежностях, обращается в состав имущества последней.

§ 2. Академия Наук, в распространенном таким образом объеме своем, разделяется, согласно с особым Высочайшим рескриптом, на три Отделения, в числе коих Отделение Русскаго языка и словесности занимает второе место.

§ 3. Главное управление Отделением Русскаго языка и словесности сосредоточивается по ученой части в Конференции, или общем собрании всех Отделений, а по хозяйственной – в Комитете Правления Академии Наук.

§ 4. Отделение Русскаго языка и словесности состоит из 16 Ординарных Академиков и 4 Адъюнктов, которые, на основании § 77 Высочайше утвержденного в 8 день Января 1836 года Устава Академии Наук, могут быть удостоены звания Экстраординарных Академиков.

§ 5. Назначение Академиков и Адъюнктов Отделения, на первый раз предоставляется Министру Народного Просвещения. По образовании Отделения, избрание их производится в общем собрании Академии Наук, на основании Устава ея, из кандидатов, предложенных от Отделения Русского языка и словесности. Удостоенные избрания, согласно с § 35 Устава, представляются Министром Народного Просвещения на Высочайшее утверждение.

§ 6. В Академики и Адъюнкты Отделения Русского языка и словесности могут быть избираемы лица, имеющие пребывание вне столицы, в иных городах Империи, также обязанные другими служебными занятиями, на основании § 61 Устава Академии Наук.

§ 7. Всем Действительным Членам Российской Академии, которые не поступят в число Академиков, и не имеют звания Почетных Членов Императорской Академии Наук, присвоится звание Почетных Членов Отделения Русского языка и словесности.

§ 8. Академики и Адъюнкты Отделения Русского языка и словесности, исключая особ духовного звания, состоят в государственной службе со всеми обязанностями и преимуществами сих званий в прочих Отделениях, но не получают жалованья и пенсий.

§ 9. Академики и Адъюнкты Отделения Русского языка и словесности, находящиеся в С. Петербурге, присутствуют в Конференциях Академии Наук, которая бывает один раз в месяц.

§ 10. Почетные Члены Отделения Русского языка и словесности могут также присутствовать в еженедельных собраниях оного и участвовать в его занятиях, что будет принимаемо с признательностью; но не вменяется в непрременную их обязанность.

§ 11. Отделение Русского языка и словесности состоит под ближайшим управлением одного из принадлежащих к нему Ординарных Академиков, избираемого Президентом Академии Наук и утверждаемого Министром Народного Просвещения на два года, с званием Председательствующаго...» [там же, с. 853, 854].

Согласно Положению, II отделение с самого начала получило характер исключительно ученого учреждения. Круг его занятий определялся в § 17 следующим образом: «1) основательное исследование свойств Русского языка, начертание, сколь можно, простейших и вразумительнейших правил употребления его и издание полного словаря; 2) изучение Славянских наречий в их составе и грамматических формах, относительно к языку Русскому, и составление сравнительного их словаря, и 3) Славяно-Русская Филология вообще и в особенности История Русской Словесности». И далее: «Впрочем, при таком

направлении трудов Отделения, ему не чуждо будет все входящее в область Изыщной Словесности и Русской Истории» (§ 18), причем «в отношении к историческим памятникам языка и древней письменности Русской, – Отделение состоит в сношениях с Археографическою Коммиссиею» (§ 19). Часть параграфов Положения (§ 26, 27, 30) относилась к вопросам денежных вознаграждений академиков, «явивших постоянное усердие и содействие к трудам Отделения, или особыми трудами заслуживших почетное имя на поприще изыщной литературы».

Первым председательствующим ОРЯС стал писатель, археограф, почетный член ИСПБАН с 1837 г., князь **Платон Александрович Ширинский-Шихматов** (1790–1853; русский государственный деятель, последователь А.С. Шишкова, один из создателей в 1834 г. Археографической комиссии, первым крупным проектом которой стало «Полное собрание русских летописей», издававшееся с 1841 г.; заместитель министра просвещения в 1842–1850 гг. и министр просвещения в 1850–1853 в гг., тайный советник), который возглавлял его до своей кончины в 1853 г. В дальнейшем во главе ОРЯС состояли литератор и педагог Иван Иванович Давыдов (1794–1863 / 1853–1854; здесь и ниже поочередно указаны годы жизни и занимаемой должности председательствующего ОРЯС); литератор и критик Пётр Александрович Плетнёв (1792–1865 / 1854–1865); филолог и этнограф Измаил Иванович Срезневский (1812–1880 / 1865–1880); филолог-славист, вице-президент ИСПБАН с 1889 г. Яков Карлович Грот (1812–1893 / 1884–1893); историк и археограф Афанасий Фёдорович Бычков (1818–1899 / 1893–1899); историк, в т. ч. историк литературы Михаил Иванович Сухомлинов (1828–1901 / 1899–1901); историк литературы Александр Николаевич Веселовский (1838–1906 / 1901–1906); филолог, историк древней литературы Алексей Александрович Шахматов (1864–1920 / 1906–1920); славист, историк литературы Василий Михайлович Истрин (1865–1937 / 1920–1930).

Среди первых ординарных академиков ОРЯС* мы видим выдающихся литераторов: Петра Андреевича Вяземского (1792–1878),

* Известно, что С.С. Уваров лично укомплектовал первоначальный состав ОРЯС, для чего из 60 действительных членов Российской академии он выбрал в ординарные академики 16 человек, в том числе князя П.А. Вяземского, поэта В.А. Жуковского, баснописца И.А. Крылова, митрополита Филарета (В.М. Дроздова), литератора П.А. Плетнёва и др., добавив к ним 4 адъюнкта со стороны: Я.И. Бередникова, М.П. Розберга, П.М. Строева и С.П. Шевырёва. Постепенно Отделение лишилось вошедших в него из Академии Российской поэтов и литераторов – в составе оставалось от 6 до 9 ученых. В 1893 г. по новому штату Академии наук, утвержденному Александром III, в составе ОРЯС числилось 7 ординарных академиков (с учетом председательствующего).

Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), Ивана Андреевича Крылова (1769–1844), Михаила Петровича Погодина (1800–1875), Владимира Ивановича Панаева (1792–1859) и др. Кроме литераторов ординарными академиками ОРЯС стали географ и историк Константин Иванович Арсеньев (1789–1865; чл.-корр. ИАН с 1826 г.), историк и археограф Яков Иванович Бередников (1793–1854; адъюнкт с 1941 г., ординарный академик с 1847 г.), историк церкви Иван Алексеевич Борисов (архиепископ Иннокентий) (1800–1857), историк Пётр Григорьевич Бутков (1775–1857), филолог-славист Александр Христофорович Востоков (1781–1864; чл.-корр. ИАН с 1826 г.), историк литературы и искусства Фёдор Иванович Буслаев (1818–1897; чл.-корр. ИСПБАН с 1852 г.) и др. Почетными членами Отделения стали археологи Константин Матвеевич Бороздин (1781–1848) и Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844), искусствовед Александр Александрович Писарев (1780–1848), богословы Фёдор Георгиевич Амфитеаров (митрополит Филарет) (1779–1857) и Стефан Васильевич Глаголевский (митрополит Серафим) (1757–1843), этнограф, писатель и лексиколог Владимир Иванович Даль (1801–1872; чл.-корр. ИСПБАН с 1838 г.), писатель, языковед и собиратель рукописей Авраам Сергеевич Норов (1785–1869; почетный член ОРЯС с 1841 г., ординарный академик с 1851 г.) и др. В дальнейшем членами Отделения избирались литератор и дипломат Василий Алексеевич Поленов (1776–1851; почетный член ИАН с 1834 г.), историк Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879), историк, археолог и литературовед Пётр Петрович Пекарский (1827–1872); членами-корреспондентами ОРЯС – поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897), писатели Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873), Иван Александрович Гончаров (1812–1891), Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), Лев Николаевич Толстой (1828–1910; чл.-корр. с 1873 г., почетный член с 1900 г.), Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) и другие крупные литераторы и историки.

По-видимому, С.С. Уваров, как президент уже укрупненной Академии наук, относился ко Второму отделению не как к равному другим, им выпестованным. Его членов не привлекали к участию в общеакадемических делах, они не получали жалованья и пенсий (взамен этого им предназначалась плата за каждое заседание, в котором они участвовали, и гонорар за издаваемые ими труды), кроме председательствующего. Именно так Уваров пытался оберегать первоначальный научный характер Академии, состоявшим, как мы уже знаем, из двух

отделений: Физико-математического и Историко-филологического*. Тем не менее при активной поддержке Уварова в объединенной Академии наук русский язык постепенно стал официальным наряду с немецким и французским**. Также Уваров соединил в ОРЯС непримиримых оппонентов: с одной стороны – Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842; чл.-корр. ИАН с 1832 г., ординарный академик с 1841 г.), основоположника русской скептической школы в историографии, отрицавшего достоверность летописей, а с другой стороны – историков официального направления М.П. Погодина и П.Г. Буткова, которые выступали защитниками самобытности начальной русской летописи и древнейшей русской культуры.

Известно, что П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, И.А. Крылов и ректор Санкт-Петербургского университета П.А. Плетнёв стали ординарными академиками совсем неожиданно для себя. Сам Плетнёв так оценивал это объединение: *«На самой середине периода, в который входят шестнадцать лет управления Графа С.С. Уварова министерством, ему предстояло встретиться с событием, принятым многими без сочувствия, если нельзя сказать с неодобрением. Министр приготовил непосредственному ведению Президенту новое отделение ученых, распространив объем Академии целую третью Академиков, под названием: Отделения Русского языка и словесности. Преобразование последовало в 19 день Октября 1841 года. Уничтожение Российской Академии вызвало много воспоминаний, относившихся к Великой Основательнице ее и знаменитым писателям той эпохи. Министр мог успокаивать себя заметным всеобщим охлаждением к деятельности Российской Академии в последние годы ее существования. К тому же, из ежегодных отчетов Академии он ближе и яснее всех видел, как истощались в ней год от году те ученые вопросы, для решения которых она некогда была учреждена (выделено мной. – В.Б.). По его соображениям, высшее дело отечественной науки требовало помощи сильной и неожиданной. Ему представилось лучшее к тому средство в слиянии двух Академий. План его*

* В состав **Физико-математического отделения** входили чистая математика, прикладная математика; астрономия, география и навигация; физика, общая химия, зоология, ботаника, минералогия, сравнительная анатомия и физиология. В состав **Историко-филологического отделения** входили политическая экономия и статистика; история древностей российских, греческие и римские древности; история и словесность азиатских народов.

** С 1841 г. протоколы Академии стали вестись на русском языке. Однако Физико-математическое и Историко-филологическое отделения Академии перешли на русский язык только в 1864 г. с назначением президентом Академии наук адмирала Ф.П. Литке.

исполнился. 20 Декабря 1841 года он приветствовал общее собрание уже трех Отделений Академии наук замечательною речью, в которой произнесены многозначительныя два слова в отношении к Отделению Русскаго языка и словесности: “хранить и утверждать”, заключающия в себе существенныя обязанности новых Академиков. Последствия оправдали отважный оборот, который дан Министром этому историческому делу. В недолгие годы своей деятельности Отделение Русскаго языка и словесности представило вниманию просвещенных судей три необходимыя для нации творения: в 1847 году «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка»; в 1852 году «Опыт общесравнительной Грамматики Русскаго языка» и «Опыт областного Велико-Русскаго Словаря» [Плетнёв, 1855, с. 61, 62].

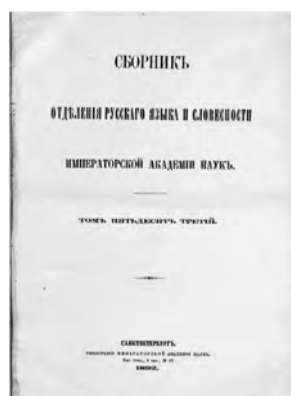
А вот как оценивал деятельность Академии российской председательствующий ОРЯС в 1884–1893 гг. Я.К. Грот в своей речи на праздновании 50-летия ОРЯС, произнесенной 29 декабря 1891 г.: «В начале нового столетия Академия (Российская академия. – Авт.) издала и грамматику. Но в остальное время своего почти 60-летнего существования Российская Академия не держалась никакой определенной программы. Ея периодическия и другия издания не имели никакой ясно сознанный цели.

Один из главных предметов ея заботливости составляли переводы древних и новых писателей; но и в этих трудах, в выборе авторов для перевода, господствовала случайность...» [Грот, 1901, с. 456].

ОРЯС за период своего существования (1841–1927) сыграло значимую роль в развитии гуманитарной науки и в истории российской



Второе издание «Церковно-славянского и русского языка». СПб., 1867 г.



Титульный лист «Сборник ОРЯС», Т. 53. СПб., 1892 г.

культуры в целом. Вторым отделением за годы деятельности было опубликовано более ста томов «Сборника ОРЯС», «Словарь Церковно-Славянского и Русского языка», «Опыт общесравнительной Грамматики Русского языка».

Выдающимся событием в истории русской культуры стал выход в свет четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1-е изд. 1863–1866, 2-е изд. 1880–1882), охватывающего огромный массив общенародной и областной лексики. Свой словарь Даль писал в течение 53 лет, в него вошло свыше 200 000 слов и 30 000 пословиц, поговорок, загадок и присловий, поясняющих значение и употребление приводимых слов. Известно, что большое количество слов Даль записывал во время Русско-турецкой войны (1828–1829), где он нес службу военного врача, от солдат, вчерашних крестьян, собранных со всех концов России, которые и принесли с собой в армию свои слова. Тетрадок и записных книжек со словами набралось так много, что их приходилось перевозить в больших мешках на верблюде. «Толковый словарь» В.И. Даля был высоко оценен еще при жизни составителя: Географическое общество наградило В.И. Даля в 1862 г. Золотой медалью, а в 1869 г. за создание словаря ему была присуждена академическая Ломоносовская премия.

И.И. Срезневский стал инициатором создания и редактором «Известий Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности» («Известия ОРЯС» издавались с 1896 по 1927 г.). В 1863 г. вышел в свет его классический труд «Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв.». Плодом многолетней работы



«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля



Портрет В.И. Даля
кисти В.Г. Перова,
1872 г. Государственная
Третьяковская галерея



И.И. Срезневский.
Литография по рис.
Н. Ванифатьева, 1854 г.



Титульный
лист «Древние
памятники русского
письма и языка»
И.И. Срезнецкого.
СПб., 1882 г.



«Материалы
для словаря
древнерусского языка»
И.И. Срезневского.
СПб., 1893–1912 гг.

Срезневского в области исторической лексикографии стали «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (тт. 1–3) и дополнения к ним, изданные уже посмертно в 1893–1912 гг. Этот труд стал единственным завершенным лексикографическим изданием, отражающим состояние русского языка в XI–XVII вв. В словаре отражен широкий круг памятников с определением времени их создания (хотя и с разной степенью точности), в хронологической последовательности фиксируются контексты употребления языковых единиц. Словарные статьи содержат богатые сведения не только о лексической, но и о словообразовательной системе древнерусского языка.

Большое научное значение до сих пор сохраняет выходившее в 1864–1883 гг. под редакцией Я.К. Грота 9-томное собрание сочинений Г.Р. Державина. В 1890 г. ОРЯС начало подготовку Полного собрания сочинений А.С. Пушкина. Одним из главных предприятий Отделения в области русского языка было составление «Словаря русского языка» (под редакцией Я.К. Грота, затем А.А. Шахматова). В 1891 г. под редакцией Грота начало печататься собрание сочинений М.В. Ломоносова. Благодаря усилиям академика А.А. Шахматова в Академии наук на основе специально разработанной программы началась планомерная работа над собиранием особенностей говоров с публикацией соответствующих материалов в изданиях Академии наук.

Обращает на себя внимание и самое крупное исследование М.И. Сухомлинова – 8-томный труд «История Российской академии» (1874–1888). В данном труде Сухомлинов проследил развитие филологических знаний в XVIII в. и первых десятилетиях XIX в. в связи с развитием русской литературы и общества. Некоторые элементы содержания: публикация документов и фактов по истории академии; биографии академиков и представителей литературы, науки и общественной жизни России; подробные комментарии и библиографическое описание многих трудов российских ученых. Также в издание вошли: «Словарь Российской Академии»; «Грамматика Российской Академии»; «Устав 1818 года»; «Общий Указатель ко всем восьми томам Истории».

Одним из главных предприятий ОРЯС ИСПБАН было издание «Словаря русского языка» (1891–1930; прекратилось на букве О). Вместе с научным изучением русского языка в Отделении на протяжении многих лет шло обсуждение практического вопроса о правописании. Особое внимание ОРЯС уделяла работе по упрощению русского правописания, начавшейся вскоре после Петровской реформы русской азбуки. Практическими вопросами орфографии занимались первые русские академики В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов. В начале XIX в. вышла в свет «Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией» (1802, 1803, 1819 гг.). В изучении практических вопросов орфографии участвовали также академики А.Х. Востоков и Ф.И. Буслаев. Однако даже во второй половине XIX в.



Титульные листы выпусков «История Российской академии» М.И. Сухомлинова. Вып. Первый. СПб. 1874 г.; Вып. восьмой и последний. СПб., 1887 г.

М.И. Сухомлинов.
Из: (Журнал «Нива»,
№ 29, 1901)



Титульный
лист «Спорные
вопросы русского
правописания...».
[Грот, 1876]



Титульный
лист «Русское
правописание...».
[Грот, 1885]



Портрет Я.К. Грота
кисти Йохана Кёлера,
1899 г. *Институт
русской литературы
(Пушкинский дом) РАН,
СПб.*

еще не существовало полного свода орфографических правил, поэтому в 1883 г. по почину академика Я.К. Грота ОРЯС признало необходимым составление руководства по русской фонетике и орфографии. Грот сумел значительно упорядочить русскую орфографию и в 1873 г. опубликовал капитальное исследование «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне» [Грот, 1876]. Затем ученым было составлено практическое руководство «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук» [Грот, 1885]. Дальнейшая судьба российской грамматики была связана с работой особой Комиссии по вопросу о русском правописании под председательством вел. кн. Константина Константиновича (внук Николая I, президент ИСПБАН с 3 мая 1889 г. по 2 июня 1915 г.), созданной при ОРЯС 14 февраля 1904 г. (см. ниже).

6.2. Литератор и историк П.А. Вяземский

Творческие поиски литературного сообщества Российской империи на протяжении почти всего XIX в. хотя бы в первом приближении можно проследить на примере общественной и литературной деятельности одного из выдающихся литераторов и литературных критиков XIX в. князя **Петра Андреевича Вяземского** (1792–1878) – участника Бородинского сражения 1812 г., действительного члена Российской академии (1839), одного из первых ординарных членов Второго отделения ИСПБАН (1841) и одного из организаторов и первого председателя Русского исторического общества (1866–1878). Пётр Андреевич родился за семь лет до Александра Пушкина, а умер за два года до появления на свет Александра Блока. Таким образом, князь Вяземский за свою долгую жизнь сумел и встретить, и проводить «золотой век» великой русской литературы (см. ниже). Как литературный критик, он знал всех его деятелей и сам активно участвовал в литературных спорах и баталиях.

В Советском энциклопедическом словаре [М., 1979, с. 266] о Петре Вяземском сказано следующее: «...князь, рус.<ский> поэт, лит.<ературный> критик, акад.<емик> Петерб.<ургской> АН (1841). Гражд.<анская> лирика родственна романтичес.<еской> поэзии декабристов. С 50-х гг. в стихах преобладают антиреволюц.<ионные> и монархич.<еские> мотивы».

В советское время Вяземского обычно представляли в качестве некоего «среднего» поэта пушкинской поры, который стал известным благодаря исключительно дружбе с Пушкиным. По-видимому, причиной низкого мнения советских литературоведов о поэзии Вяземского была его «реакционность», неприятие им революционных идей. Тем не менее, судя по эпистолярному наследию современников Вяземского, имя его было широко известно в литературных кругах Санкт-Петербурга, а его творчество оставило глубокий след в истории русской литературы. С особым пиететом к творчеству Вяземского относился сам А.С. Пушкин.

Например, в своем письме из Одессы Пушкин писал Вяземскому: *«Замечания твои на счет моих разбойников несправедливы; как сюжет, c'est un tour de force (это проявление силы – фр.), это не похвала, напротив; но как слог я ничего лучше не написал. Бахчи-сарайский фонтан, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть. К стати об эпиграфах – знаешь ли эпиграф К.<авказского> Пле.<нника>?»*



П.А. Ширинский-Шихматов. Автор неизвестен, 1840 г.
Из открытых источников



П.А. Вяземский.
Художник П.Ф. Соколов, 1824 г. *Государственный литературный музей, Москва*

***Под бурей рока твердый камень,
В волненьях страсти – легкой лист. – ****

*Понимаешь почему не оставил его. Но за твои 4 стиха я бы отдал 3 четверти своей поэмы. Addio —
14 окт. 1823 г.»*

(цит. по: [Левичева, 2001. с. 127]); отредактированный вариант в: [Пушкин, 1979, т. 10, с. 55].

В свою очередь Вяземский с восхищением отзывался о творчестве Пушкина, посвятив ему перевод романа «Адольф» [Констан, 1831]. Обращаясь в своем произведении к Пушкину, он писал: *«Прими мой перевод любимого нашего романа... ...мысленно относился я к суду твоему; в борьбе иногда довольно трудной мысленно вопрошал я тебя, как другую совесть, призывал в ареопаг свой и Баратынского, подвергал вам свои сомнения и запросы и руководствовался угадыванием вашего решения... ...Что бы ни было, дар, мною тебе подносимый, будет свидетельством приязни нашей и уважения моего к дарованию, коим радуется дружба и гордится отечество. К. Вяземский. Село Мецкерское (Саратовской г.) 1829 года»* [Вяземский, 1886, с. III].

Литературные связи, возникшие в эти годы, во многом определили жизнь и творчество Вяземского, как поэта. В то время он сблизился с В.А. Жуковским, Василием Львовичем Пушкиным (1766–1830;

* П. Вяземский. «Толстому (Американец и цыган)»: графу Фёдору Ивановичу Толстому (1782–1846).

русский поэт, дядя Александра Сергеевича Пушкина, его первый литературный наставник – «Парнасский отец»), Д.В. Давыдовым (1784–1839; русский поэт, мемуарист, генерал-лейтенант), К.Н. Батюшковым (1787–1855; русский поэт, прозаик, переводчик, литературный критик) и другими поэтами карамзинского направления. В 1815 г., в противовес возглавляемому А.С. Шишковым консервативному обществу «Беседа любителей русского слова», эта группа поэтов образовала литературное общество «Арзамас» (закрытое литературное общество, существовавшее в 1815–1818 гг.; подробнее см. в: [Богатов, 2014, ч. 1, разд. 2.3]). В «Старой записной книжке» у Вяземского имеется важное свидетельство об «Арзамасе»: *«Может быть и Арзамас, хотя не долго просуществовавший принес свою долю литературной пользы. Во-первых, это было скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее, это была школа взаимного литературного обучения, литературного товарищества* (выделено мной. – В.Б.). *А главное, заседания Арзамаса были сборным местом, куда люди разных возрастов, иногда даже и разных воззрений и мнений по другим посторонним вопросам, сходились потолковать о литературе, сообщить друг другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурачиться»* [Вяземский, 1883, с. 416].

Заметим, что дружба между Вяземским и Пушкиным началась еще в 1816 г., когда Вяземский вместе с Н.М. Карамзиным и В.Л. Пушкиным посетили Александра в Царскосельском лицее. В дальнейшем Пушкин и Вяземский находились в постоянной переписке. Известно более 70 писем от Пушкина к Вяземскому и более 40 – от князя к поэту. Вяземский был благодарен Пушкину за правки, внесенные им в некоторые из своих стихов, выступил издателем поэмы «Бахчисарайский фонтан». Пушкин в свою очередь ввел Вяземского в качестве действующего лица в роман «Евгений Онегин» (в VII главе Татьяна скучает на приеме у московской родственницы, и именно Вяземский *«душу ей занять успел»*). Эпиграф к первой главе «Евгения Онегина» – строки Вяземского из элегии «Первый снег»: *«И жить торопится, и чувствовать спешит»*. Их дружба длилась до конца жизни Пушкина. Все последние дни перед смертью поэта Вяземский находился при Пушкине.

Как одно из «весьма замечательных» явлений в истории русской литературы А.С. Пушкин называл книгу Вяземского «Фонвизин» [Вяземский, 1848]. В письме к П.А. Плетнёву от 11 апреля 1831 г. (из Москвы в Петербург) поэт писал о книге следующее: *«Вяземский*

везет к вам Жизнь Фон-Визина, книгу едва ли не самую замечательную с тех пор, как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина)» [Пушкин, 1979, с. 269]. Известен также отзыв Н.В. Гоголя о книге Вяземского. В письме к автору, написанном в 1842 г., Гоголь, в частности, утверждал: *«Как много сторон его сказалося в этом сочинении! Критик, государственный муж, политик, поэт, все соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость! Все принесли ему дань, со всего взята она. Столько сторон соединить в себе может только один всемирный ум»* [Гоголь, 1994, с. 179, 180]. Гоголь отмечал также, что самым любопытным в книге для него был сам автор, а не герой биографии – Д.И. Фонвизин.

Основная работа над первой редакцией книги Вяземским была совершена осенью 1830 г. во время пребывания в Остафьеве на холерном карантине. Пушкин после знакомства с рукописью одобрил новаторский подход князя к изучению истории литературы – стремление вписать творчество Фонвизина в широкую панораму общественной жизни России Екатерининской эпохи. Сам Вяземский так сказал об этом приеме: *«... Таким образом, одинокое лицо писателя Фон-Визина вошло в общественную жизнь эпохи, и современная ему эпоха обставила живую рамою написанное мною его изображение. Умел ли я с удовлетворительным искусством и знанием дела исполнить задачу, которую себе выбрал? Этот вопрос подлежит разрешению не моему, а моих читателей»* [Вяземский, 1848, с. IV]. И далее: *«... в вышенаписанных строках, точку зрения, с которой, во след некоторым благосклонным ко мне судиям, должно оценить книгу, едва ли не первую у нас попытку, в роде Биографической Литературы»* [там же, с. V].

Мнения о литературных произведениях в России, конечно, высказывали и до Вяземского, но он стал первым подлинным – «серьезным и последовательным» литературным критиком, сыгравшим ключевую роль в становлении русского романтизма, но и более того – в самоопределении русской литературы. Считается, что с монографии о Фонвизине началось реальное русское литературоведение. Именно Вяземский ввел понятие «народность» как отражение обычаев, ценностей, образа мыслей народа в литературе. В частности, свою книгу Вяземский начинал так: *«История литературы народа должна быть вместе историею и его общежития. Только в соединении с нею может она иметь для нас нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются мнения, страсти, оттенки, самые предразсудки*

современного общества; если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо господству и влиянию современной литературы: то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества. Можно еще допустить, что в некотором отношении литература бывает двоякая: одна для народа то, что дар слова для человека; то, чем передает он себя ближним и потомству; то, чем он человек, то есть, существо мыслящее и чувствующее. Человек без сего способа выражать себя и народ, неимеющий сей литературы, существа неполная, недостигающая цели бытия своего. Другую литературу можно причислить к искусствам изящным: к ваянию, к живописи, к музыке. Она – в разряде вспомогательных, уже благоприобретенных способностей, коими ум человеческий прихотливо выражает мысль свою, коими народ образующийся честолюбиво знаменует успехи свои на поприще гражданственности и умственного усовершенствования...<...>...Со всем тем, кажется, не страшась нареkania в неблагодарности и несправедливости к литературе отечественной, можно применить ее ко второму разряду из двух описанных выше» [Вяземский, 1848, с. 1, 2, 4].

Раскрывая этапы развития отечественной литературы, Вяземский пришел к выводу, что «Нет сомнения, Русское общество еще вполне не выразилось литературою. Русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы... <> ...Какое может быть на народ



Титульный лист «Адольф.
Роман Бенжамен-Констана».
Пер. П.А. Вяземского. [Констан, 1831]



Титульный лист «Фон-Визин.
Соч. Князя Петра Вяземского».
[Вяземский, 1848]

влияние литературы, неимеющей эпопеи, театра, романов, философов, публицистов, моралистов, историков? Ибо один историк*, и то историк давнопрошедших столетий, историк отечества своего, как ни сильно выразил он ум свой в творении своем, как ни верно воскресил он в нем наше прошедшее, но действие его всеже должно быть односторонне и органично самыми пределами предначертанного ему круга. Если-же захотеть найти непременно господствующую черту нашей литературы, то должно остановиться на поэзии лирической» [Вяземский, 1848, с. 4, 5].

Рассуждая о лирическом направлении в русской литературе, Вяземский отмечал, что: «*Лирическое, торжественное, хвалебное направление, данное поэзии нашей, не изменилось совершенно и в новейшие времена, когда другие потребности, другие усилия власти и гражданственности означились в явлениях более миролюбивых, но не менее сильных для честолюбия народа могущественного и повелительного. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и в лире Жуковского, который из мира созерцания и мечтательности вызываем бывал шумом победы и кликами празднующего народа на торжество действительности; отзывается и в лире самого Пушкина, коего гений своенравный, казалось бы, должен быть столь независим от господства, удручающего других. В эпилоге "Кавказского пленника" вы найдете краски, приемы поэзии, ему исключительно свойственной; но в духе восторга, оживляющего сию воинственную поэзию, вы поддадитесь какому-то обратному влечению, вознесшему столь высоко в свое время поэзию Ломоносова и Державина*» [Вяземский, 1848, с. 8, 9].

* Речь идет об историографе Российской империи Н.М. Карамзине, о котором во введении к своей книге упоминает Вяземский: «*Мне никак не верится, что последний период литературной деятельности Карамзина и Пушкина должен быть признан за младенчество, а нынешний период возмужалости и совершеннолетия Литературы нашей*» [Вяземский, 1848, с. III]. В то время, по свидетельству Вяземского, некоторые критики действительно считали, что: «*в последнее пятнадцатилетие, Литература наша так далеко ушла, что все прежнее должно быть предано забвению или равнодушно принято к сведению*» [там же, с. II]. Для Вяземского «История государства Российского» Карамзина «*Есть единственная у нас книга, истинно государственная, народная и монархическая. Не говорю о литературном или художественном достоинстве ее, ибо в этом отношении может быть различие в мнениях, но в другом оно быть не может, ибо повторяю вместе с вами, вместе со всеми, вместе с очевидностью: она одна*» (из проекта письма С.С. Уварову, 1836 г.). Тем не менее сам Вяземский, говоря о литературных достоинствах Карамзина, однозначно заявлял: «*С ним литература сделалась живою частью общества, членом общей народной семьи*» [Вяземский, 1984, с. 300].

Приведенные отрывки из произведений Вяземского, конечно, не раскрывают его литературные представления в полном объеме (по этому поводу уже имеются многочисленные публикации специалистов, а этические взгляды Вяземского подробно проанализированы в обширном очерке Л.В. Дерюгиной [1984]. В то же время в приведенных выше текстах раскрывается крайне значимая для Вяземского проблема – сохранение «исторической памяти» в общественном пространстве. Особенно пронзительным по этому поводу выглядит финальное напутствие Вяземского, помещенное в концовку книги о Фонвизине: *«Каждое поколение, каждый век есть сын и внук своих предшественников. Святая заповедь: “чти отца и мать, и будешь долголетен на земле” может применяема быть и к народам, и к представителям их на разных поприщах гражданственности и просвещения. Горе народу, непочитающему старины своей! Горе поколению, отвергающему заветы родоначальника своего! Горе писателям, которые самонадеянно предают забвению и поруганию дела доблестных отцов! Ни тем, ни другим не бывать долголетними на земле* (выделено Вяземским. – Авт.).

В полном убеждении, что память о прошедшем есть достояние, а частию и сила настоящего, предаю с доверчивостью труд мой вниманию читателей. Не смотря на недостатки его, надеюсь, что с означенной мною точки зрения, будет он в глазах их иметь некоторую занимательность и пользу» [Вяземский, 1848, с. 298, 299].

Нет сомнения в том, что столь полемический запал князя был выражением его собственного на то время внутреннего состояния и восприятия проблемы... Через почти 10 лет после смерти Пушкина и примерно в то же время, когда выходила в свет книга о Фонвизине, Вяземский признавался философу и публицисту Петру Чаадаеву: *«С.-Петербург, 6-го января 1847. ...какое-то охлаждение к умственной производительности, недостаток сочувствия и соревнования в окружающем меня мире, все это склоняет меня к бездействию. Со смертью Пушкина, с отсутствием Жуковского мои литературные отношения почти совершенно пресечены...»* [Кирпичникова, 1897, с. 5]. Вероятно в этом «бездействии» и кроется одна из причин значительной задержки публикации романа «Фонвизин», рукопись которого была готова еще в 1830 г. и с которой успел познакомиться Пушкин. Потеря Пушкина для Вяземского была и личной трагедией. Показательно, что в год смерти Пушкина Вяземский создал одно из наиболее трагичных своих стихотворений:

Я пережил и многое, и многих,
И многому извещал цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.

Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней;
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.

Не зановошусь вперед мечтою жадной,
Надежды глас замолк – и на пути,
Протоптанном действительностью холодной,
Уж новых мне следов не провести.

Как ни тяжел мне был мой век суровый,
Хоть житницы моей запас и мал,
Но ждать ли мне безумно жатвы новой,
Когда уж снег из зимних туч напал?

По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, след вчерашний,
Но ничего уж завтрашнего нет.

Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.

1837 г.

Очевидно, что со смертью Пушкина у Вяземского обострилось чувство личной невосполнимой утраты, которое перешло и на литературу. В поздней редакции статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» Вяземский писал: *«Если позволено несколько опозитизировать прозу действительности, то можно было бы сказать, что литература наша обрекла себя на десятилетний траур по кончине Пушкина. Вдова вся сосредоточилась и сама погребла себя в утрате и скорби своей. Она уже не показывается в праздничных и яркого цвета платьях. Она ходит в черной расе, чуть ли не в власянице. Дом ее затих и почти опустел. Новых гостей не видать в нем. Изредка посещают его одни старые приятели дома. Так и чувствуешь, так и видишь, что хозяина нет»* [Вяземский, 1984, с. 330]. Ощущение литературного творчества, в котором утраты невосполнимы, а замены невозможны, сформировало у писателя глубокое убеждение в необходимости сохранения и защиты исторического

наследия, которое сопровождало Вяземского на протяжении всей его долгой жизни. Посягательства литераторов на исторические имена оценивались князем, как предательство их памяти и таланта. Обратим внимание еще раз на напутствие Вяземского: *«Горе писателям, которые самонадеянно предают забвению и поруганию дела доблестных отцев!»*...

В 1852 г. со смертью Жуковского и Гоголя в жизни Вяземского закончилась литература «домашнего круга». Ушедшим друзьям Пётр Андреевич в 1861 г. посветил удивительно прекрасные стихи, положенные впоследствии на музыку и ставшие известными нам благодаря фильму Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово...»:

Я пью за здоровье немногих,
Немногих, но верных друзей,
Друзей, неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

Я пью за здоровье далеких,
Далеких, но милых друзей,
Друзей, как и я, одиноких
Средь чуждых сердцам их людей.

В мой кубок с вином льются слезы,
Но сладок и чист их поток,
Так, с алыми – черные розы
Вплелись в мой застольный венок.

Мой кубок за здравье немногих,
Немногих, но верных друзей,
Друзей, неуклончиво строгих
В соблазнах изменчивых дней.

За здравие ближних, далеких,
Далеких, но сердцу родных,
И в память друзей одиноких,
Почивших в могилах немых.

1861 г.

Уже после Крымской войны Вяземский активно критиковал так называемое либеральное направление в литературе и обществе, модное в то время. Свое отношение к либералам он выразил в стихотворении, созвучном с проблемами нашей современности. Поэт отметил главный принцип либерализма – абсолютное неприятие иной точки зрения, иного образа жизни, иного мировоззрения. В произведении автор указывает на возможность превращения любой, даже самой благой идеи, в собственную противоположность:

Послушать: век наш – век свободы,
А в сущность глубже загляни –
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

У них два веса, два мерила,
Двойкий взгляд, двойкий суд:
Себе дается власть и сила,
Своих наверх, других под спуд.

У них на все есть лозунг строгий
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом.

Когда кого они прославят,
Пред тем – колена преклони.
Кого они опалой давят,
Того и ты за них лягни.

Свобода, правда, сахар сладкий,
Но от плантаторов беда;
Куда как тяжки их порядки
Рабам свободного труда!

Свобода – превращеньем роли –
На их условном языке
Есть отречение личной воли,
Чтоб быть винтом в паровике;

Быть попугаем однозвучным,
Который, весь оторопев,
Твердит с усердием докучным
Ему насвистанный напев.

Скажу с сознанием печальным:
Не вижу разницы большой
Между холопством либеральным
И всякой барщиной другой.

16 мая 1860 г.

П.А. Вяземский участвовал в распространении в России либеральных ценностей, но никогда не считал себя сторонником либерализма, который сложился в Европе к середине XIX в., а на отечественной почве – к концу этого столетия. Его политические единомышленники внесли большой вклад в формирование «теории официальной народности», стремились к введению в России конституции, народного представительства и отмене крепостного права. Вяземский, несомненно, сыграл важную роль в формировании

консервативной и либеральной идеологии в Российской империи первой половины XIX в. Его общественно-политические взгляды можно охарактеризовать как «консервативный реформизм», который нашел продолжение в идеологии и политической практике второй половины XIX – начала XX в., в том числе и в деятельности П.А. Столыпина [Акульшин, 2012].

В 1861 г. отмечался 50-тилетний юбилей литературной деятельности Вяземского. К тому времени в живых не осталось почти никого из друзей юности князя, а потому, обращаясь к собравшимся гостям, Пётр Андреевич заявил с долей грусти:

«Вы в моем лице празднуете умилительную тризну славным покойникам, которых некогда был я питомцем, современником и товарищем. Не мои дела, не мои труды, не мои победы празднуете вы. Вы заявляете сердечное слово, вы подаете ласковую руку простому рядовому, который уцелел из побоища смерти и пережил многих знаменитых сослуживцев. На поприще гражданина имел я также один поэтический и достопамятный день, который означает особенную отметкой обыкновенную жизнь человека. Много ли насчитается ныне на лицо из тех, которые были хотя и незаметными, но присутствующими участниками в великой, эпической Бородинской битве? Не ищите имени моего в летописи этой битвы; но я под ядрами находился в сей день при Милорадовиче. В ушах моих еще звучит повелительный голос его; перед глазами моими еще рисуется его спокойное и мужественное лицо. На литературном поприще равно я живое воспоминание великой эпохи. Я напоминаю вам, милостивые государи, имена ея, имена Карамзина, Жуковского, Пушкина и некоторых других знаменитых ея деятелей, сих воинов мирного, но победительного слова. Я пережил их, как пережил и многих из своих Бородинских товарищей. Это не заслуга, но это право на сочувственное внимание ваше. Вы вменяете мне в заслугу счастье, которое сблизило и сроднило меня с именами, вам любезными и с блеском записанными на скрижалях памяти народной. Вы любите настоящее: вы горячо живете его жизнью, его заботами, успехами и надеждами. Но вы не отрекаетесь от минувшего и не остаетесь равнодушными к тому и к тем, которые честно отживают. Вы сочувствуете и радуетесь новым дарованиям, новым труженикам науки, слова и искусства, которые ныне обогащают литературу нашу. Но вы того мнения, что все новое хорошее, изящное, честное не должно насильственно замещать и уничтожать изящное и честное старое, а служить ему развитием и пополнением» [Юбилей..., 1861, с. 13–15].



Князь П.А. Вяземский. Гамбург,
июнь 1875 г. Из открытых
источников

В качестве некоего напутствия князя к потомкам приведем отрывок из письма Вяземского к издателю Русского архива «По поводу бумаг В.А. Жуковского», опубликованного в 1876 г., т. е. буквально за два года до смерти писателя: *«К событиям и лицам, более или менее историческим, нужно, по мнению моему, приступать и с историческою правдивостью и точностью. Сохрани Боже легкомысленно клепать и добровольно наводить тени на них; но не хорошо и раскрашивать историю и лица ее идеализировать; тем более, что, возвышая иных не в меру, можно тем самым понижать других несправедливо. История должна быть беспри-*

страстною и строгою возмездницею за дела и слова каждого, но не присяжным обвинителем и не присяжным защитником» [Вяземский, 1876, с. 17].

Продолжая тему об исторических изысканиях Вяземского, вновь обратимся к письму Гоголя, отправленному на имя князя, как автора рукописи «Фонвизин»:

«1842, июль – сентябрь н. ст.

...Назначение ваше и поприще явно. Неужели вы не видите? Вы владеете глубоким даром историка – венцом Божьих даров, верхом развития и совершенства ума. Я вижу в вас историка в полном смысле сего слова, и вечные упреки будут на душе вашей, если вы не приметесь за великий подвиг. Есть царствования, заключающие в себе почти волшебный ряд чрезвычайностей, которых образы уже стоят перед нами колоссальные, как у Гомера, несмотря на то, что и пятидесяти лет еще не протекло. Вы догадываетесь, что я говорю о царствовании Екатерины. Нет труда выше, благодарнее и который бы так сильно требовал глубокомыслия полного, многостороннего историка. Из него может быть двенадцать томов чудной истории, и клянусь – вы станете выше всех европейских историков. В этом труде вам откроется много наслаждения, вы много узнаете,

чего не узнает никто и что больше всего. Вы узнаете глубже и много таких сторон, каких вы, может быть, по скромности не подозреваете в себе. Ваша жизнь будет полна!» [Гоголь, 1994, с. 179, 180].

Пётр Андреевич не стал историком в чистом виде, но он стал одним из основателей **Императорского исторического общества** (создано в 1866 г. в Петербурге) из-за убежденности в необходимости сохранения исторической памяти. Вяземский считал, что история Отечества делается более привлекательной, чем более она будет известна, и лучшим способом сделать ее известной является беспристрастное напечатание документов, хранящихся недоступными в архивах. В число основателей Общества также вошли известные историки, литераторы и государственные деятели, такие, например, как К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897; чл.-корр. по ОРЯС с 1872 г., ординарный академик с 1890 г.), М.И. Богданович (1805–1882; военный историк, генерал-лейтенант), А.Ф. Бычков (1818–1899; чл.-корр. по ОРЯС с 1855 г., экстраординарный с 1866 г. и ординарный академик ИСПБАН с 1869 г., помощник директора Императорской публичной библиотеки), А.Ф. Гамбургер (1821–1899; статс-секретарь, почетный член Московского Публичного и Румянцевского музеев, в 1879–1896 гг. вице-президент Общества), А.Г. Жомини (1817–1888; русский дипломат и историк, действительный тайный советник), К.К. Злобин (1817–1877; директор Государственного Санкт-Петербургского главного архива Министерства иностранных дел, тайный советник), М.А. Корф (1800–1876; почетный член ИСПБАН с 1852 г., в 1849–1861 гг. директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, в 1861 г. был назначен главноуправляющим II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, а в 1864 г. – председателем департамента законов Государственного совета), Б.А. Перовский (1792–1856; почетный член ИСПБАН с 1852 г.), А.А. Половцев (1832–1909; почетный член ИСПБАН с 1884 г., фактический основатель и руководитель РИО, промышленник), Д.А. Толстой (1823–1889; почетный член ИСПБАН с 1866 г., президент ИСПБАН в 1882–1889 гг., обер-прокурор Синода, министр народного просвещения, министр внутренних дел) и Е.Ф. Феоктистов (1828–1898; историк и литератор, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», в 1883–1896 гг. главный цензор России).

Высочайшим рескриптом Русское историческое общество было основано 23 мая 1866 г. [ПСЗРИ, т. 41, отд. 1: № 43333, с. 587–591]. Утвержденный Устав Общества состоял из 5 разделов и 67 параграфов.

В первом разделе Устава обозначены цель и состав Общества, объединенные 11 параграфами, из которых наиболее важны первые 8:

«§ 1. *Русское Историческое общество имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России, с соблюдением существующих в сем отношении правил, материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящиеся у частных людей.*

§ 2. *Общество входит в сношения с возможно большим числом лиц внутри Империи, от коих может ожидать нужных ему сведений и содействия, а также с учеными обществами и лицами вне Империи, могущими доставлять ему материалы для отечественной истории.*

§ 3. *Общество издает Сборник, выходящий в свет без определенных сроков и заключающий материалы в том виде, в каком они находятся в архивах, и у частных лиц, с объяснениями, примечаниями, комментариями, которые признаны будут Советом Общества необходимыми. Документы и акты, писанные на иностранных языках, печатаются в подлинном тексте с переводом на Русский язык.*

§ 4. *Распространение сведений, предполагаемое Обществом, кроме издаваемого Сборника, совершается также посредством чтений и сообщений в собраниях Общества, а равно посредством переписки с сочленами, а равно посредством переписки с сочленами, находящимися внутри Империи и за границею.*

§ 5. *Общество составляют:*

- а) Члены действительные,*
- б) Члены почетные и*
- с) Члены соребнователи.*

Лица, положившие основание Обществу, именуются основателями.

§ 6. *Общество имеет также иностранных почетных членов и членов-корреспондентов.*

§ 7. *Делами Общества управляет Совет, состоящий из Председателя, Помощника его, трех членов, Секретаря и Казначей Общества.*

§ 8. *Кроме Председателя, Общество может иметь Почетного Председателя, если кто либо из Членов Императорской Фамилии удостоит Общество принятием на себя этого звания».*

В соответствии со 2-м разделом Устава, желающим вступить в члены Общества необходимо было заручиться поддержкой двух

членов Общества или одним из членов-основателей (§ 13). Если один из кандидатов будет не выбран, то он мог быть повторно предложен не ранее, чем через 3 года (§ 14). Действительные члены Общества ежегодно вносили в кассу не менее 10 рублей или единовременно 100 рублей (§ 19). Если же член Общества не платил взносы в течение 2 лет, то он считался сложившим с себя звание члена (§ 21). Лицо же, которое внесет Обществу единовременно 300 рублей, могло получить звание члена соребнователя с выдачей соответствующего диплома (§ 25). В должности по Обществу избирались действительные члены на общем собрании (§ 27), причем председатель Общества, его помощник, секретарь и казначей избирались на 3 года (§ 29). Ротация других членов Совета происходила ежегодно, путем выбывания одного из членов по жребию (§ 30). Регулировалась деятельность Общества разделами «О собраниях» (§§ 32–46), «О Совете» (§§ 47–56) и «О должностных лицах» (§§ 57–62).

По итогам первого Общего собрания, состоявшегося 19 октября 1866 г., П.А. Вяземский был избран его первым председателем и оставался на этом посту до своей кончины в 1878 г. 7 февраля 1867 г. в два часа дня Совет Общества в полном составе прибыл в Аничков дворец. Князь Вяземский представил наследнику цесаревичу Александру Александровичу, с 1881 г. императору Александру III, ходатайство РИО о принятии им на себя звания почетного председателя Общества, которое он принял «с большим желанием», оказывая в дальнейшем РИО всемерную поддержку.

24 ноября [6 дек.] 1873 г. Александром II Обществу было присвоено наименование «Императорское». Члены Общества занимались систематизацией документов и материалов об истории России, распространением их по губерниям. Отобранные материалы публиковались в «Сборниках Русского исторического общества», которых за 50 лет деятельности было издано 148 томов. Обычно публиковались редкие или ранее неизвестные документы, свидетельствующие о разных исторических фактах. В научный оборот было введено большое число документов XVIII-начала XIX в., ранее недоступных для исследователей, включая материалы по истории высших государственных учреждений в России в XVIII в., выдержки из дипломатической переписки иностранных послов и посланников при русском дворе; была отражена даже бытовая история городов и сельских поселений. Многие из перечисленных материалов Вяземский отыскивал благодаря своим связям в аристократических и литературных кругах Москвы. Кроме того, РИО занималось выпусками «Русского биографического



Титульный лист «Поминки по Бородинской битве...».
[Вяземский, 1869]



Обложка книги «Московское дворянство в 1812 году».
[1912]

словаря» — с 1896 г. Общество выпустило в свет 25 томов. Общество было инициатором созыва 6–8 мая 1914 г. I съезда представителей губернских ученых архивных комиссий, что способствовало выявлению бедственного положения архивов на местах и дальнейшему их государственному финансированию.

В 1920 г. РИО было ликвидировано и воссоздано только в 2012 г. Своей целью восстановленное Общество поставило объединение усилий государства, ученых, творческих деятелей и любителей истории для формирования общероссийской исторической культуры на основе объективного изучения, освещения и популяризации отечественной и мировой истории, сохранения национальной памяти.

Лично Вяземский постоянно упрекал некоторых литераторов о пренебрежении исторической памятью. Один раз он в полемическом запале даже заявил, что *«Беда нашей литературы заключается в том, что мыслящие люди не пишут, а пишущие люди не мыслят»* [Вяземский, 1883, с. 20]. В качестве примера активной полемической деятельности председателя РИО можно привести брошюру «Поминки по Бородинской битве и Воспоминания о 1812 году», направленную против искажения истории в «Войне и мире» Льва Толстого [Вяземский, 1869]. Будучи глубоко верующим человеком, князь в преамбуле к основному тексту уверял: *«Безбожие опустошает небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и неверие опустошают землю и жизнь настоящего отрицанием событий минувшего и отрешением народных личностей»* [Вяземский, 1869, с. 25].

Как очевидец событий 1812 г.^{*}, описанных Л.Н. Толстым в своем эпохальном романе «Война и мир», Вяземский замечал: *«В романе или истории “Война и мир” знаменательные дни 12–18 июля 1812 года представлены с другой точки зрения и расцвечены другими красками. Отдавая полную справедливость живости рассказа в художественном отношении, смею думать, что и мои впечатления, как очевидца этого события, могут быть приняты в соображение: едва ли они не вернее и ближе к истине, хотя с лишком полустолетнее расстояние могло, разумеется, ослабить и притупить эти впечатления. Мимоходом наткнувшись на упоминаемую книгу, не могу воздержаться от некоторых замечок на содержание ее, особенно же по тому предмету, которого я коснулся выше. Впрочем, и в этом случае остаюсь в 1812 году: следовательно, не выхожу из круга, который я себе предначертал»* [там же, с. 24]. Председатель РИО свидетельствовал: *«Приезд императора Александра I в Москву из армии 12 июля 1812 года был событием незабвенным и принадлежит истории... <...> ...С приезда государя в Москву война приняла характер войны народной. Все колебания, все недоумения исчезли; все, так сказать, отвердело, закалилось и одушевилось в одном убеждении, в одном святом чувстве, что надобно защищать Россию и спасти ее от вторжения неприятеля. Уже до появления государя в собрание дворянства и купечества, созванное в Слободском дворце, все было решено, все было готово, чтобы на деле оправдать веру царя в великодушное и неограниченное самопожертвование народа в день опасности. На вызов его единогласным и единодушным ответом было – принести на пользу отечества поголовно имущество свое и себя»* [там же, с. 17, 19].

Вяземский возлагал особую историческую ответственность на писателей с высоким уровнем таланта: *«Сей протест против 1812 года, под заглавием: “Война и мир”, обратил на себя общее внимание и, судя по некоторым отзывам, возбудил довольно живое*

^{*} Известно, что несмотря на сильную близорукость, Вяземский с началом вторжения Наполеона в Россию считал себя обязанным выступить на защиту Отечества и добровольцем вступил в армию. Ему довелось сражаться под Бородино. Под Вяземским убило одного коня, перебило ногу другому. Рискую своей жизнью, он вынес с поля боя тяжело раненного, истекающего кровью генерала, за что получил Орден Святого Владимира 4-й степени. В армии этот орден высоко ценился, офицеры почитали его боевой наградой, равной Ордену Святого Георгия 4-й степени. Здесь к месту отметить, что Лев Толстой, создавая образ Пьера Безухова, взял прообразом своего литературного героя как раз Петра Вяземского. Об этом было широко известно современникам Вяземского, сам же он всегда скромно умалчивал о своих военных подвигах.

сочувствие. В этом изъятии, вероятно, уплачивается заслуженная дань таланту писателя. Но чем выше талант, тем более должен он быть осмотрителен. К тому же, признание дарования не всегда влечет за собой, не всегда застраховывает и признание истины того, что воспроизводит дарование. Таланту сочувствуешь и поклоняешься; но, вместе с тем, можешь позволить себе и оспаривать сущность и правду рассказов, когда они кажутся сомнительными и положительно-неверными. Тут даже, может быть, возлагается и обязанность оспаривать их» [там же, с. 25, 26].

Претензии автора «Поминок по Бородинской битве» к великому писателю поучительны и сегодня. Обосновывая необходимость своего критического разбора событий 1812 г. Вяземский с горечью замечал:

«Так мало осталось в живых не только из действовавших лиц в этой народной эпической драме, громко и незабвенно озаглавленной: “1812 год”; так мало осталось в живых и зрителей ея, что на долю каждого из них выпадает долг подавать голос свой для восстановления истины, когда она нарушена. Новыя поколения забывчивы; а читатели легковжны, особенно же, когда увлекаются талантом автора. Вот почему я, один из немногих, переживавших это время, считаю долгом своим изложить, по воспоминаниям моим, то, что было, и как оно было... <...> ...Начнем с того, что в упомянутой книге трудно решить и даже догадываться, где кончается история и где начинается роман, и обратно. Это переплетение, или, скорее, перепутывание истории и романа, без сомнения, вредит первой и окончательно, перед судом здоровой и беспристрастной критики, не возвышает истинного достоинства последнего, то-есть романа...» [там же, с. 26, 27].

В качестве примера корректного отношения литераторов к историческим событиям Вяземский привел произведения Вальтера-Скотта и, конечно, Пушкина. В частности, по отношению к пушкинской «Капитанской дочке» Вяземский указывал: *«Пушкин в исторической своей драме, многое выдумал: например, сцену Дмитрия с Мариной в саду. Но эта сцена могла быть и, во всяком случае, именно так и могла быть* (здесь и ниже выделено Вяземским. – Авт.). *Когда знаешь историю, то убеждаешься, что поэт остался верен ей в изображении характеров пылкого самозванца и честолубивой полячки³). События-же и лица исторические, нам современные, или почти современные, так-сказать не остывшие еще на почве настоящего, требуют в воссоздании своем гораздо большей осмотрительности и тончайшего соблюдения сходства... С историей надлежит обращаться добросовестно и с любовью...*

³⁾ В «Капитанской дочке» есть также соприкосновение истории с романом; но соприкосновение естественное и вместе с тем мастерское. Тут история не вредит роману; роман не дурачит и не позорит историю» [там же, с. 28].

Обращаясь в «Воспоминаниях о 1812 годе» к писателям, князь вопрошал: «Не святотатственно-ли да и не противно-ли всем условиям литературного благоприличия и вкуса наводить историческую картину до каррикатуры и до пошлости?» И сам затем приходил к заключению: «Новейшая литература наша, по следам французской – т. е. по следам ее второстепенных писателей, – любит опошлять жизнь, действия, события, самые страсти общества. Она все низводит, все сплюсчивает, суживает. Пора людям с талантом несколько возвысить общий уровень умозрения и творчества. Некоторые повествователи и драматурги любят выводить напоказ личности посредственные, слабоумные, слабодушные или производить таких чудаков, которых образа и подобия в обществе не встречается. В последнем случае нет на авторе никакой нравственной и логической ответственности» [там же, с. 28, 29]. И вновь Вяземский задавался вопросами, но уже к автору романа: «К чему, в порыве юмора, впрочем, довольно-сомнительного, населять собрание 15-го числа*, которое все таки останется историческим числом, старикам подслеповатыми, беззубыми, плешивыми, оплывшими желтым жиром, или сморщенными, худыми? Конечно, очень приятно сохранить в целостности свои зубы и волосы: нам-старикам даже и завидно на это смотреть. Но чем-же виноваты эти старики, из коих некоторые, может-статься, были – да и, наверное, были – сподвижниками Екатерины; чем же виноваты и смешны они, что Бог велел им дожить

* Речь идет об исторических собраниях, проходивших в Слободском дворце Москвы 15 июля 1812 г., на которых император призывал московское дворянство и купечество к всенародной борьбе с врагом. Это было связано с Манифестом Александра I от 6 июля 1812 г., предписывавшим дворянам формировать ополчение из своих крепостных, самим вступать в него и выбирать командующего. На следующий день, 16 июля, Уездное Московское дворянское собрание, в присутствии Государя, заочно избрало Кутузова командующим московским народным ополчением. Вяземский писал: «С приезда государя в Москву война приняла характер войны народной. Все колебания, все недоумения исчезли; все, так сказать, отвердело, закалилось и одушевилось в одном убеждении, в одном святом чувстве, что надобно защищать Россию и спасти ее от вторжения неприятеля. Уже до появления государя в собрание дворянства и купечества, созванное в Слободском дворце, все было решено, все было готово, чтобы на деле оправдать веру царя в великодушное и неограниченное самопожертвование народа в день опасности. На вызов его единогласным и единодушным ответом было – принести на пользу отечества поголовно имущество свое и себя» [Вяземский, 1869, с. 19, 20].

до 1812 г. и до нашествия Наполеона? Можно, пожалуй, если есть недостаток в сочувствии, не преклоняться перед ними, не помнить их заслуг и блестящего времени; но, во всяком случае, можно и должно, по-крайней-мере, из благоприличия, оставлять их в покое...» [там же, с. 31–32].

Вяземский утверждал, что в книге «Война и мир» все это дворянское собрание состояло из лиц, сходных с Фамусовыми, лицами вымышленными. Но зачем тогда «...выводить тут же, например, Ст. Ст. Апраксина, лицо очень действительное и в то время известное в Московском обществе? К-чему – спрашивал Вяземский – выводить *en toutes lettres* (здесь – под полным именем – фр.), Гр. **Ростопчина** (генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия. – Авт.), лицо еще более известное и в Москве и в истории 1812 года? И выводя эту энергетическую и резко выдающуюся личность, можно-ли ограничиться некоторыми внешними приметами, как в виде, выданном от полиции, или отметкою, что он был в генеральском мундире и с лентой через плечо? Да, он был генерал и следовательно, не мог быть иначе, как в генеральском мундире. В чрезвычайном собрании и в присутствии Государя должен был он быть неминуемо и с лентой через плечо, как и все прочие, имевшие орденские знаки. Что это за характеристика? А между тем тут обнаруживается притязание или поползновение придать картине исторический оттенок. Вот что должно сбивать легкоговерного читателя и что, по моему мнению, нехорошо и непростительно.

А в каком виде представлен император Александр в те дни, когда он появился среди народа своего и вызывал его ополчиться на смертную борьбу с могущественным и счастливым неприятелем? Автор выводит его перед народ – глазам своим не веришь, читая это, – с «бисквитом, который он доедал». «Обломок бисквита, довольно большой, который держал государь в руке, отломившись, упал на землю. Кучер в поддевке (заметьте, какая точность во всех подробностях) поднял его. Толпа бросилась к кучеру отбивать у него бисквит. Государь подметил это и (вероятно, желая позабавиться?) велел подать себе тарелку с бисквитами и стал кидать их с балкона.

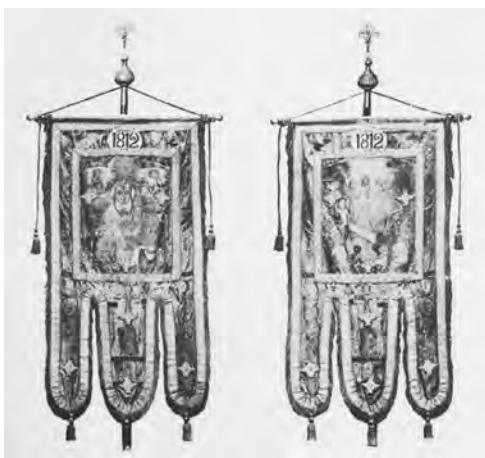
Если отнести эту сцену к истории, то можно сказать утвердительно, что это басня; если отнести ее к вымыслам, то можно сказать, что тут еще более исторической неверности и несообразности. Этот рассказ изобличает совершенное незнание личности

Александра I. Он был так размерен, расчетлив во всех своих действиях и малейших движениях, так опасался всего, что могло показаться смешным или неловким, так был во всем обдуман, чинен, представлен, оглядлив до мелочи и щепетливости, что, вероятно, он скорее бросился бы в воду, нежели бы решился показаться пред народом, и еще в такие торжественные и знаменательные дни, доедающим бисквит. Мало того: он еще забавляется киданьем с балкона Кремлевского дворца бисквитов в народ – точь-в-точь как в праздничный день старосветский помещик кидает на драку пряники деревенским мальчишкам! Это опять карикатура, во всяком случае совершенно неуместная и несогласная с истиной. А и сама карикатура – остроумная и художественная – должна быть правдоподобна. Достоинство истории и достоинство народного чувства в самом пылу сильнейшего его возбуждения и напряжения ничего подобного допускать не могут. История и разумные условия вымысла тут равно нарушены» [там же, с. 32–35].

Когда знакомишься с воспоминаниями очевидцев и документами, касающимися визита Александра I в Москву в июле 1812 г., нельзя не согласиться с Вяземским. Так, в сборнике материалов и документов московского дворянства, относящихся к 1812 г., имеется, например, запись князя С.Г. Волконского (1788–1865; генерал-майор, герой войны 1812 г., декабрист): «Порыв рациональности делом и словом высказывался при каждом случае. Удалившиеся из военной службы



Воины Московского ополчения. Из: [Московское дворянство..., 1912]



Хоругви-знамена Московского ополчения. Из: [Московское дворянство..., 1912]

вступали в оную; молодежь стремилась приобретать чтением военных книг более познаний в военном деле. Литература воспевала, выясняла всякую особенность патриотических прежних событий отечественных» [Московское дворянство..., 1912, с. 4]. Волконским отмечалось, что «В ночь на 12-е июля Государь прибыл в Москву, и хотя было приказано не устраивать никаких встреч, но нетерпение увидеть его было так велико, что весь путь от последней станции был усеян народом, ожидавшим проезда Государя, и от безчисленных фонарей было светло как днем» [там же, с. 16].

В этом же сборнике приведены воспоминания еще двух современников событий – одного бывшего в свите Государя генерал-адъютанта графа **Евграфа Фёдоровича Комаровского** (1769–1843; во время Отечественной войны 1812 г. содействовал формированию государственного ополчения и резервных полков) и московского дворянина, участника ополчения **Михаила Михайловича Еврейнова** (1788–1878; дворянин, московский ополченец, состоял при Главном штабе русских армий).

В своих записях Е.Ф. Комаровский вспоминал: «В следующий день, по утру (после приезда Александра I в Москву в ночь на 12 июля. – Авт.) император назначить изволил быть молебну в Успенском соборе. Стечение народа на всей Кремлевской площади было так велико, что находившиеся при государе генерал-адъютанты принуждены были составить из себя род оплота, чтоб довести Императора от Краснаго крыльца до собора. Всех нас можно было уподобить судну без матч и кормила, обуреваемому на море волнами; мы очутились почти у гауптвахты и оттуда уже кое-как добрались до церкви. Между тем громогласное «ура» заглушило почти колокольный звон. Это шествие продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились из сил. Я никогда не видел такого энтузиазма в народе, как в то время...» [там же, с. 17].

15 июля в Слободском дворце были назначены собрания дворянства и купечества. Далее Комаровский свидетельствовал: «Войдя в залу, где собрано было все Московское дворянство, губернским предводителем коего был В.Д. Арсеньев, Государь сказал: “Вам известна, знаменитое дворянство, причина моего приезда. Император французам вероломным образом, без объявления войны, с могочисленною армиею, составленною из поработанных им народов, вторгся в нашу границу... <> ...Настало время для России показать свету ея могущество и силу! Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно

предкам вашим, не потерпите ига чуждаго, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах; – сего ожидает от вас Отечество ваше и Государь!» Вся зала огласилась словами: “Готовы умереть скорее, Государь, нежели покориться врагу. Все, что мы имеем, отдаем тебе; на первый случай, назначаем десятого человека со ста душ крестьян наших на службу”. Все, бывшие в зале, не могли воздержаться от слез. Государь сам был чрезмерно тронут и прибавил: “Я многого ожидал от Московского дворянства, но оно превзошло мое ожидание”» [там же, с. 17, 18].

По воспоминаниям М.М. Еврейнова со ссылкой на «Памятку о 1812 г.» («Русский Арх.» 1874. I, 98): «...12 числа, назначен был выход Государя в Успенский собор. С раннего утра Кремль наполнился безчисленным множеством народа, так что крыши были покрыты людьми, как говорится, что яблоку негде было упасть. Я не побоялся тесноты и довольно искусно пробрался к самым южным дверям собора, в которые должен был вступить Государь, для слушания благодарственного молебствия по случаю только что заключенного мира с Турциею, столь благоприятного для сего времени. Во время шествия Государя из дворца в собор не умолкали крики, смешанные со звоном всех колоколов...» [там же, с. 18, 19]. Следом в сборнике документов имеется обобщающее резюме: «Все воспоминания современников рисуют нам яркую картину того воодушевления, которое охватило все население в Москве, когда оно увидало среди себя Государя. Нашествие Наполеона, казалось, сплотило все классы населения, в каждом зажглось чувство патриотизма, который в конце концов и спас Россию. 12 июля огромная толпа народа наполнила Кремль, ожидая выхода своего Государя. Александр вышел на Красное крыльцо и взволнованный поклонился народу, могучее “ура” заглушило колокольный звон, народ бросился к Императору, целовали руки, ноги, полы мундира. “Не унывай, Государь, видишь сколько нас в одной Москве, а сколько же по всей России! Все умрем за тебя» – эти слова были сказаны Государю одним из толпы, и эти слова, думаем, мы вправе считать, – соответствовали общему настроению не только Москвы, но и всей тогдашней России... <...> ...Здесь в Москве... Александр из военначальника стал русским царем и почувствовал силы народа; и Император Александр был несомненно искренен, говоря о 15 июля, что “этого дня я никогда не забуду”, этот день должен быть памятен и для Московского дворянства, которое 15 июля 1812 года точно определило свое отношение к предстоящей

борьбе за честь и славу родины и которое выполнило все то, что обещало в благородном порыве патриотического воодушевления» [там же, с. 20].

Известно, что уже на следующий день, 16 июля, здесь же, в Слободском дворце, было собрано все уездное дворянство, которое в присутствии императора избрало вождем Московского ополчения М.И. Голенищева-Кутузова: *«оно первое признало в нем единственного человека, который может противустать гению Наполеона.*

*Почти одновременно с Московским и Петербургское дворянство 17-го числа, т. е. на следующий день, также избрало главнокомандующим своим ополчением Кутузова, который и принял это избрание, не зная еще об избрании его и в первопрестольной Москве, о чем он узнал только случайно от графа Комаровского, встретившего его в Таврическом дворце, куда Кутузов приехал для представления Государю по случаю его избрания Петербургским дворянством. «Когда он узнал от меня, говорит в своих воспоминаниях гр. Комаровский, об этом назначении, с полными глазами слез сказал: **“Вот лучшая награда для меня, в моей жизни”** (здесь и ниже выделено Вяземским. – Авт.)...<...> ...Император Александр, нелюбивший и недоверявший Кутузову, все же утвердил это избрание и 8-го августа состоялось назначение его главнокомандующим всеми армиями и ополчениями» [там же, с. 31].*

Согласитесь, что приведенные свидетельства очевидцев и документы той эпохи, как-то не вяжутся ни с *«**плешивыми, оплывшими желтым жиром** стариками»*, ни с императором, кидающим в народ бисквиты с балкона Кремлевского дворца. Приезд императора в древнюю столицу и его встречи с представителями московского дворянства и купечества возымели свой результат: были собраны значительные финансовые средства и началось формирование общенародного ополчения.

Надо признать, что приезд императора в Москву стал крупным историческим событием в хронике отражения нашествия Наполеона.

Подводя некий итог о творческой деятельности князя П.А. Вяземского, нельзя не заметить, что вопросы развития отечественной классической литературы писателем рассматривались в тесной взаимосвязи с раскрытием достоверности исторических событий, т. е. обозначением той роли русского языка и литературы, которая непосредственно участвует в формировании русского национального самосознания. В этом плане мы видим несомненное влияние на мировоззрение князя



Усадьба князей Вяземских-Долгоруковых.
Фото из открытых источников

его тесных творческих и, что немаловажно, родственных контактов с официальным историографом Российской империи Карамзиным*.

Вероятно, здесь к месту будет привести высказывание Вяземского из своей «записной книжки» об одном неоднозначном представителе русской аристократии конца XVIII–XIX в. графе Фёдоре Ивановиче Толстом (1782–1846; авантюрист, путешественник, полковник, двоюродный дядя Л.Н. Толстого, который описал своего родственника в повести «Два гусара» под именем графа Турбина): *«Когда появились первые 8 томов Истории Государства Российского, он (Толстой. – Авт.) прочел их одним духом, и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово*

* Князю Петру было десять лет, когда умерла мать, а когда умер отец Андрей Иванович Вяземский (1754–1806), ему исполнилось пятнадцать. После смерти отца Н.М. Карамзин был назначен опекуном юного князя. У них сформировались теплые отношения, и в одном из своих стихотворений Пётр назвал Карамзина «вторым отцом». В свою очередь Карамзина в доме Вяземских привлекала прежде всего великолепная библиотека. Потеряв супругу, он решил сосредоточиться на работе и часами просиживал в ней. А через некоторое время Карамзин обратил внимания и на Екатерину Андреевну Колыванову (1780–1851), внебрачную дочь А.И. Вяземского, на которой он и женился в 1804 г. Карамзин поселился с молодой женой в Остафьеве – загородной усадьбе Вяземских-Шереметевых на правах родственника (для Карамзина в усадьбе был построен отдельный флигель). Карамзин прожил в усадьбе 12 лет (с 1804 по 1816 г.), написав здесь 8 томов главного труда своей жизни «История государства Российского». Николай Михайлович скончался в 1826 г., и его вдова помогала Д.Н. Блудову (1785–1864; литератор, государственный деятель, почетный член ИАН / ИСПБАН с 1826 г., президент ИСПБАН с 26 ноября 1855 по 19 февр. 1864 г., один из основателей литературного общества «Арзамас») и К.С. Сербиновичу (1798–1874; историк, литератор, государственный деятель, почетный член ОРЯС ИСПБАН с 1841 г.) закончить и в 1829 г. издать последний, 12-й, том «Истории...».

Отечество и получил сознание, что у него Отечество есть» [Вяземский, 1883, с. 60]. Немаловажно, что Ф.И. Толстой в 1812 г., несмотря на нахождение в ссылке в Калужской провинции, нашел возможность появиться на Бородинском поле и вместе с рядовыми шел в бой с неприятелем, отличился и получил Георгиевский крест 4-й степени.

Нет сомнений, что присоединение Российской академии к Императорской академии наук и организация Отделения русского языка и словесности, осуществленная волей императора Николая I, были на тот период настоящей необходимостью, ведь, как было сказано выше, Академия российская уже не имела возможности осуществлять на систематической основе дальнейший анализ происходящих языковых проблем и процессов. Академия российская практически не контролировала и литературное развитие, именно в этот период ослабла деятельность по популяризации русского языка. По этому поводу Вяземский привел в своей «записной книжке» мнение знаменитого баснописца И.А. Крылова: *«Крылов, как член старой Российской Академии, был недоволен хозяйственными и экономическими распоряжениями ея. Капитал, которым она владела, не употребляла она на пользу Русской словесности, не печатала полезных и дешевых книг, не изготовляла новых, улучшенных изданий наших классических писателей, не помогала молодым талантам»* [Вяземский, 1883, с. 453].

Сам Вяземский так видел сложившуюся в отечественной литературе ситуацию: *«Есть еще одно слабое и больное место в литературе нашей. Творения прежних писателей отзывались более или менее личностью их; слог их было чистое зеркало, которое отражало их самих внешне и внутренне. Ныне слог причисляется к каким-то предубеждениям и слабоумиям чопорной старины. Хотят ли порицать сочинение, о каком-нибудь поводам несоответственное понятиям и направлениям критиков, не находят более оскорбительного, более убийственного приговора, как следующий: сочинение писано Карамзинским слогом. Вот до чего утрачены всякое чувство изящного, вкус и всякое художественное понимание письменного искусства. А между тем, искусство существует. Дарования, призванные оставить по себе след в истории литературы, будут изучать это искусство в творениях Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина. Они ознакомятся с ними, пропитаются ими. У каждого будет свой склад, своя, так сказать, физиономия; каждый внесет в общее дело долю личности своей, не будет рабским сколком, а останется самим собой и только далее и глубже разрабатывает поле, переешедшее ему в наследство. Но все же эти лица сохранят черты сродства с образцами своими, будут члены одной избранной семьи, сыновья и внуки знаменитых предков»* [Вяземский, 1883, с. 309].

6.3. Развитие классической литературы и изящной словесности

Присоединение Академии российской к Академии наук совпало с расцветом **«Золотого века русской литературы»** – периода развития классической литературы, относящегося изначально к первой половине XIX в. Впоследствии выражение «золотой век русской литературы» было переосмыслено и ныне применяется к литературе всего XIX в. Показательно, что это время стало расцветом не только русской литературы, но и русской музыки и живописи, архитектуры и театра, философии и науки, поэтому XIX в. еще стали называть **«Золотым веком русской культуры»**. Фактически «Золотой век» сформировал русскую культуру, сделал ее важной частью мирового культурного наследия. Классические произведения, созданные в этот период, остаются актуальными и сегодня, продолжая вдохновлять новые поколения россиян.

Известно, что крылатое выражение «Золотой век русской литературы» вошло в жизнь с легкой руки критика и публициста М.А. Антоновича из его статьи «Литературный кризис» (Современник, 1863. № 1, 2)*, в которой журналист, рассматривая период А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, писал: *«Вся литература отличалась неслыханным бескорыстием, самую недоступною неподкупностью, упорною самостоятельностью и независимостью; не было ни одного литературного явления, ни одного факта, которые бы не соответствовали или противоречили этим высоким качествам; даже никто не верил в возможность подобных явлений и фактов; одна мысль об них привела бы в то время в ужас и омерзение всякого умевшего писать... <...> ... Публику бесконечно радовало такое состояние литературы и приводило в восторг это согласие, нигде не виданное литературное шествие к одной цели, этот дружный, почти фантастический крестовый поход против всего, что враждебно литературе и обществу и что мешает их развитию. Поистине, **то был золотой век нашей литературы, период ее невинности и блаженства!** (выделено мной. – В.Б.). Теперь же, особенно в последнее*

* Статья русского критика и публициста Максима Алексеевича Антоновича (1835–1918) написана в 1863 г. для журнала «Современник», где Антонович был одним из редакторов. Тема статьи – конфликт между писателями демократического лагеря («обличительного направления») и писателями – сторонниками реформ, не затрагивавших существа государственного строя России («защитительное направление»). Автор подверг резкой критике приверженцев «защитительного» направления в литературе.

время, в нашей литературе наступил век железный и даже глиняный; пора ее невинности и безукоризненной нравственной чистоты миновалась; единство в целях и единодушие в стремлениях исчезло; возникли несогласия относительно того самого пункта, который прежде соединял всех...». Цит. по: (http://az.lib.ru/a/antonowich_m_a/text_1863_lit_krizis.shtml?ysclid=mdrbjeo6k556361433).

Столь пессимистичный взгляд критика на дальнейшее развитие отечественной литературы, несомненно, имел под собой основания. Но дело, конечно, было не только в конфликте двух направлений литературной деятельности, а в более глубоких процессах, происходивших в обществе. Ведь начиная с эпохи Петра Великого при императорском дворе, как правило, говорили на иностранных языках – голландском, английском, французском или немецком (подробнее см. [Богатов, 2024]). Несмотря на деятельность Российской академии и заметную популяризацию русского языка в начале XIX в., знать продолжала общаться между собой и при дворе в основном на иностранных языках. Лишь Николай I обязал придворных говорить на русском языке*, чтобы уменьшить влияние Франции на русскую культуру, особенно после войны 1812 г. При поддержке Шишкова император выступал защитником родного языка, считая его необходимым условием для поддержания патриотических настроений в обществе. Царедворцы при Николае I стали носить традиционную русскую одежду, шла пропаганда традиционных русских ценностей и традиций. Тем не менее многие дисциплины в первых российских университетах из-за нехватки квалифицированных русскоязычных преподавателей долгое время читались на иностранных языках. В то время в основном иностранный состав имела и Императорская академия наук.

По сути Отделение русского языка и словесности ИСПБАН было призвано продолжить деятельность Академии российской по изучению русского языка и литературы, но уже с позиций более строгого научного подхода. Напомним, что в число занятий Отделения входили: исследование свойств русского языка, разработка правил его употребления и издание полного словаря; изучение славянских наречий в их составе и грамматических формах относительно к русскому языку; славяно-русская филология и история русской словесности.

Хорошей традицией становились выборы выдающихся писателей в члены ОРЯС, что представляло собой акты поддержки их творческой

* Александр II был более демократичным в отношении языковых предпочтений своих придворных, однако уже Александр III окончательно ввел при дворе русский язык и обращался к окружающим исключительно на русском языке.



Портреты (слева направо) Л.Н. Толстого кисти И.Н. Крамского, 1873 г.; А.П. Чехова кисти И.Э. Бразы, 1898 г.; Ф.М. Достоевского кисти В.Г. Перова, 1872 г. Государственная Третьяковская галерея

активности, определяющие ориентиры российской общественности на качественную литературу, развитие изящной словесности. Кроме того, творчество выдающихся писателей само становилось объектом исследования ОРЯС. И писатели с благодарностью откликались на свое избрание. Так, в 1877 г. Фёдор Михайлович Достоевский, став членом-корреспондентом ИСПБАН, 8 февраля 1878 г. направил на имя неперменного секретаря ИСПБАН **Константина Степановича Веселовского** (1819–1901; русский экономист, географ и климатолог, адъюнкт ИСПБАН с 1852 г., экстраординарный академик с 1855 г., ординарный академик с 1859 г., неперменный секретарь ИСПБАН с 1857 по 1890 г., в 1858 г. награжден Константиновской медалью за сочинение «О климате России», действительный тайный советник) письмо следующего содержания:

«Милостивый государь Константин Степанович,

Я получил (от 6 февраля сего года) уведомление Ваше о избрании меня в члены-корреспонденты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности вместе с тем и диплом на означенное звание. Убедительнейше прошу Вас, высокоуважаемый Константин Степанович, передать высокому ученому учреждению, удостоившему меня избрания, что я принимаю избрание это с живейшею признательностью, вполне сознавая и ценя всю великость оказанной мне чести за столь малые и слабые, покамест, заслуги мои. При сем покорнейше прошу Вас принять от меня уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Фёдор Достоевский.

8 февраля 1878» [Достоевский, 1988, с. 7].

Надо отметить, что несмотря на критику Вяземским Л.Н. Толстого за его трактовку истории России в романе «Война и мир» (среди критиков был и академик А.С. Норов), в 1873 г. Л.Н. Толстой был избран членом-корреспондентом ИСПБАН, а в 1900 г. – почетным академиком по разряду изящной словесности ОРЯС. Заметим, что в 1906 г. Российская академия наук выдвинула Л.Н. Толстого на Нобелевскую премию по литературе, однако писатель отказался от награды, поскольку одним из принципов религиозно-этического движения – толстовства – являлось опрощение – жизнь, не обремененная материальными ценностями.

Отделение русского языка и словесности уже в первые годы своего существования приступило к изданию полных собраний сочинений великих писателей (академических собраний) с целью обеспечения сохранности их творчества для будущих поколений, тем самым устранялось отмеченное выше Вяземским «одно слабое и больное место в литературе нашей». Причем первое полное собрание сочинений самого Петра Андреевича было предпринято еще при жизни литератора, в конце 1870-х гг. Но автор увидел лишь первый том из двенадцати, все остальные вышли в свет уже после смерти Вяземского. Большой вклад в издание вложили сын поэта – Павел Петрович Вяземский и Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918; историк, почетный член ИСПБАН с 1890 г.), муж внучки поэта.

Основное направление деятельности ОРЯС включало выпуск научно-подготовленных текстов литераторов, с учетом всех рукописных и печатных источников. Благодаря этой кропотливой работе дошедшее до нас литературное наследие страны становилось общим достоянием. Фактически академические собрания сочинений представляют собой базу для дальнейшего исследования творчества писателей, проблем истории и теории литературы. Выявленный точный и подлинно авторский текст признается каноническим и используется при подготовке изданий других типов, прежде всего массового характера. Научно подготовленные тексты воспроизводятся в массовых, в том числе школьных, изданиях и тем самым влияют на развитие русского языка. По изданиям классики определяются и иллюстрируются те или иные значения в лингвистических словарях, усиливается влияние классических текстов на отечественную и мировую культуру.

<...>

Новый этап в деятельности ОРЯС связан с назначением 3 мая 1889 г. великого князя **Константина Константиновича Романова** президентом Академии наук. Родился великий князь 10 [22] августа 1858 г. Он был вторым сыном великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны и внуком императора Николая I. По существовавшей практике, еще при крещении Константин был пожалован многими орденами, а также записан в списки различных воинских частей. Великий князь получил разностороннее домашнее образование, его наставниками и учителями были историки С.М. Соловьёв и К.Н. Бестужев-Рюмин, музыкальный критик Г.А. Ларош, виолончелист И.И. Зейферт, писатели И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский.

Константина с детства готовили к военной службе во флоте под началом известного военно-морского деятеля И.А. Зеленого. Занятия велись по программе Морского училища. В течение двух лет (1874–1876 гг.) великий князь принимал участие в дальнем походе в Атлантический океан и Средиземное море на фрегате «Светлана», после чего, сдав соответствующие экзамены, был произведен в чин мичмана. Боевое крещение Константина состоялось в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда он состоял в экипаже фрегата. За участие в боевых операциях молодой мичман был награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени.

В дальнейшем (1878–1882 гг.) Константин Константинович, произведенный к тому времени в лейтенанты, занимал различные должности – командовал ротой гвардейского экипажа, был вахтовым начальником на корабле «Герцог Эдинбургский», на котором до января 1882 г. находился в плавании по Средиземному морю. В 1882 г. по болезни он был переведен в сухопутное ведомство и произведен в штабс-капитаны гвардии. Служба великого князя продолжилась в Измайловском полку, а в 1891 г. он был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка с присвоением звания полковника, а позже – генерал-майора.

В 1900 г. Константин Константинович стал главным начальником военно-учебных заведений. В этой должности он проделал большую работу по организации военного образования, прежде всего кадетских корпусов и военных училищ. В 1901 и в 1907 гг. Константину Константиновичу были последовательно присвоены звания генерал-лейтенанта и генерала от инфантерии.

Помимо военной деятельности, у великого князя было увлечение, занимавшее значительную часть его жизни, – любовь к искусству

и поэзии. Константин Константинович унаследовал от отца артистические вкусы и способности: он хорошо играл на музыкальных инструментах и пробовал себя в качестве актера в различных постановках. Кроме того, великий князь (по мнению многих современников) был способным композитором и талантливым музыкантом, основательно знакомым с теорией музыки. В частности, им были написаны три романса на слова графа А.К. Толстого, А.Н. Майкова и Виктора Гюго.

В 1887 г. Константин Константинович был удостоен звания почетного члена ИСПБАН, а в 1889 г. был назначен ее президентом. Это назначение было встречено академиками «с дружным сочувствием» (<https://biography.wikireading.ru/hKCnlyGgY4>).

13 мая 1889 г. на Общем собрании Академии наук после оглашения Указа Императора Константин Константинович выступил с кратким словом, в котором отметил: *«Выпавшее на мою долю призвание представляется мне обязанностью столь же отрадной и завидной, сколь трудной и ответственной»*. Академики более-менее дружно встали и, по обычаю, молча поклонились президенту [Морачевский, Фирсова, 2018, с. 201]. Великий князь явно благоволил к Отделению русского языка и словесности. Показательно, что благодаря Константину Константиновичу с 1894 г. действительные члены ОРЯС наконец-то стали получать жалованье наравне с членами других отделений.

По словам неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга (1863–1934; филолог, востоковед, неперменный секретарь ИСПБАН / РАН / АН СССР в 1904–1929 гг.), за время президентства великого князя Константина Константиновича *«Академия стала русской Академией, и самые злые языки этого не решатся отрицать»*



Обложка книги «Новые стихотворения К.Р. 1886–1888».
СПб., 1889 г.



Обложка книги «Стихотворения К.Р. 1879–1899».
СПб., 1901 г.

(Письмо С.Ф. Ольденбурга великому князю Константину Константиновичу от 16 октября 1912 // СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 79 об–80).

В 1899 г. в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения А.С. Пушкина при ОРЯС по инициативе великого князя был учрежден **разряд изящной словесности*** [ПСЗРИ. 1902, т. 19, отд. 1: 29 апр. 1899 г., рескрипт «Об учреждении в Императорской Академии наук разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина», № 16807, с. 375, 376]. Во многих справочниках утверждается, что этим указом было введено звание «Почётный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка». На самом деле в указе за 29 апреля для ОРЯС учреждались лишь *«шесть новых должностей Ординарных Академиков с содержанием, по означенному штату положенным»*. Приведем полный текст постановляющей части указа:

«Одушевленные горячею любовью к родному языку и родной словесности, заветною Нам Державными Предками Нашими, признали Мы за благо, во внимание к представлению Его Императорского Высочества, Великого Князя Президента Академии Наук, ознаменовать столетие со дня рождения великого русского писателя Пушкина учреждением в Императорской Академии Наук, посвященных его памяти: разряда изящной словесности и особого фонда имени Пушкина.

Вновь учреждаемый разряд должен составить одно целое с Отделением Русского языка и словесности Императорской



Портрет великого князя
Константина Константиновича
кисти И.Е. Репина, 1891 г.
Третьяковская галерея

* Впервые мысль об учреждении для писателей и художников специального отделения была высказана С.Ю. Вите (1849–1915; российский государственный деятель, с 1893 по 1903 г. занимал пост министра финансов) на заседании комиссии по проведению юбилейных торжеств в честь столетия А.С. Пушкина под председательством великого князя Константина Константиновича. Константин Константинович записал в своем дневнике: *«Заседание Пушкинской комиссии в полном ее составе. Присутствовал Вите; он оказался смелее нас всех и для увековечивания памяти поэта предложил учредить при Академии наук Пушкинское отделение по изящной словесности. Это будет возвращением к прежней Российской Академии»*.

Академии Наук, образованным из Императорской Российской Академии, Членом которой был Пушкин; на открываемых в сем Отделении новых должностях Академиков должны быть избираемы как писатели-художники, так равно ученые исследователи в области словесности.

Пушкинский фонд предназначается для издания произведений русских писателей, а также словаря Русского языка и других трудов Второго Отделения Академии Наук.

В сих видах Всемилостивейше повелеваем:

1. В дополнение к Высочайше утвержденному, 1 Июня 1893 года (9717), штату Императорской Академии Наук, учредить во Втором Отделении Русского языка и словесности шесть новых должностей Ординарных Академиков с содержанием, по означенному штату положенным.

2. На образование Пушкинского фонда отпускать ежегодно из государственного казначейства, сверх ассигнуемых ныне Второму Отделению Академии Наук сумм, по пятнадцати тысяч рублей.

3. Потребную для содержания шести Ординарных Академиков и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить в смету по Министерству Народного Просвещения, начиная с 1900 г.

Мы твердо верим, что Второе Отделение Императорской Академии Наук, как высшее в России учреждение, в круг знаний коего входят словесные науки, не престанет ревностно трудиться для их процветания, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая в сою среду достойных представителей Русской науки и литературы.

На подлинном Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

“НИКОЛАЙ” ».

Однако следом, 23 декабря 1899 г., Высочайше было утверждено еще одно постановление, касающееся ОРЯС в связи с созданием Разряда изящной словесности [ПСЗРИ, 1902, т. 19, отд. 1: 23 дек. 1899 г., № 17908, с. 1247, 1248], в котором император повелел: «1. Постановления о Разряде изящной словесности ввести, как дополнительные статьи, в ныне действующее Положение об Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 2. Постановлениями о предметах занятий Отделения и о Председательствующим заменить соответствующие статьи ныне действующаго положения.

Все права и преимущества, дарованные Отделению Государственным Прадедом Нашим, Императором Н и к о л а е м I в сем Положении, должны остаться неприкосновенными. Право представлять на Наше утверждение избранного Отделением Председательствующаго да послужит новым знаком благоволения Нашего к Отделению Русскаго языка и словесности за его плодотворную деятельность на пользу отечественнаго просвещения» [там же, с. 1247].

Именно в этом постановлении (редакция § 34 действующего положения) и было упомянуто соответствующее звание: «Разряд изящной словесности составляют: 1) избираемые в Действительные Члены Академии писатели-художники и ученые исследователи в области словесности и 2) Почетные Академики и Корреспонденты отделения Русскаго языка и словесности по Разряду изящной словесности. В Почетные Академики и Корреспонденты Отделения избираются писатели-художники и литературные критики. Выборы производятся, с разрешения Президента, в Соединенном Собрании Действительных Членов Отделения и Почетных Академиков и считается окончательными, не требующими дальнейшего утверждения. Предложенный кандидат считается избранным, если соединит в свою пользу не менее двух третей голосов» [там же, с. 1247].

По новому Разряду в почетные академики в 1900 г. были избраны философы, писатели, художники и литературные критики, такие как Алексей Михайлович Жемчужников (1821–1908), Владимир Галактионович Короленко* (1853–1921; почетный академик с 5 января 1900 г. по апрель 1902 г., избран вторично 27 мая 1918 г.), Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900), Антон Павлович Чехов* (1860–1904; почетный академик с 8 января 1900 г. по сентябрь 1902 г.), Лев Николаевич Толстой (1828–1910; чл.-корр. ИСПбАН с 1873 г.), Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) и др. В последующие годы почетными академиками разряда изящной словесности стали Пешков Алексей Максимович (псевдоним М. Горький)* (1868–1936; почетный академик с 1902 г., избран вторично 20 марта 1917 г.), Алексей Николаевич

* 25 февраля 1902 г. почетным академиком ИСПбАН по разряду изящной словесности был избран Максим Пешков (Горький), но прежде чем Горький смог воспользоваться своими правами, российский император дал указание Константину Константиновичу, как президенту ИСПбАН, аннулировать это избрание на том основании, что писатель находился под следствием. 25 августа 1902 г. почетный академик А.П. Чехов послал в Академию письмо, в котором в знак протеста отказывался от своего звания. Отказался от звания почетного академика и писатель В.Г. Короленко. Вторично Горький был избран в члены Академии 20 марта 1917 г., а Короленко – 27 мая 1918 г.

Веселовский (1843–1918; почетный академик с 1906 г.), Василий Осипович Ключевской (1841–1911; чл.-корр. по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения с 1889 г., ординарный академик по тому же Отделению с 1900 г., почетный академик по разряду изящной словесности ОРЯС с 1908 г.), Иван Алексеевич Бунин (1870–1953; почетный академик с 1909 г.), Константин Сергеевич Алексеев (псевдоним Станиславский) (1863–1938; почетный академик с 20 марта 1917 г.), и др.

В связи с организацией нового разряда в задачи ОРЯС входило: *«Русский язык во всем его объеме, с его наречиями и говорами; история Русского языка; история Русской литературы и культуры; Церковно-Славянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к Русской; история и теория искусства; теория словесности и историко-литературной критики. На обязанности Отделения лежит составление Словаря Русского языка и критическое издание русских писателей»* [там же, с. 1248]. С 1909 г. Разрядом стала издаваться серия «Академическая библиотека русских писателей» в одиннадцати томах, куда вошли произведения А.В. Кольцова (выпуск 1), М.Ю. Лермонтова (вып. 2–6), А.С. Грибоедова (вып. 7–9), Е.А. Боратынского (вып. 10, 11).

Сам великий князь как поэт опубликовал несколько поэтических произведений под инициалами К.Р. Многие его стихотворения отличались мелодичностью и были положены на музыку. К таким произведениям можно отнести стихотворения «Молитва», «Я баловень судьбы» и др. Из-под пера великого князя также вышло несколько переводов сочинений иностранных авторов на русский язык, в том числе Шиллера «Мессинская невеста», трагедия И.В. Гёте «Ифигения в Тавриде», шекспировский «Король Генрих IV». Он автор перевода на русский язык шекспировского «Гамлета», над которым великий князь работал с 1889 по 1898 г. Перевод с обширными комментариями в трех томах был издан в 1899 г. и неоднократно переиздавался.

Молитва

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью –
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Я баловень судьбы

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, –
Рождением к величию я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?
Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей:
То песнь моя!.. Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!
Когда же звуки песни вдохновенной
Достигнут человеческих сердец,
Тогда я смело славы заслуженной
Приму неувядаемый венец.
Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь,
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

В 1899 г. Константин Константинович лично возглавил Пушкинский юбилейный комитет. Свою вступительную речь на торжественном собрании Академии наук в честь столетия А.С. Пушкина К.К. Романов закончил словами: «... *да живет навеки в русских сердцах имя Пушкина – любовь, гордость и слава России*» [Морачевский, Фирсова, 2018, с. 202]. По инициативе великого князя был создан Пушкинский Дом (ныне – Институт русской литературы РАН). Кроме того, под его руководством работало несколько академических комиссий, и прежде всего комиссия по реформе русской

орфографии. Еще с 1904 г. эта комиссия начала разрабатывать проект языковой реформы, позднее практически полностью скопированный большевиками и известный как советский декрет «О введении новой орфографии». Главной задачей комиссии стало приведение в соответствие фонетики и орфографии. В комиссию вошли ординарные академики Ф.Ф. Фортунатов (1848–1914), А.А. Шахматов (1864–1920), Ф.Е. Корш (1843–1915), А.И. Соболевский (1856–1929), почетные академики по Разряду изящной словесности А.А. Голенищев-Кутузов (1848–1913) и А.Ф. Кони (1844–1927). Впоследствии в комиссию были включены более 40 специалистов из различных учебных ведомств и учреждений. Товарищем председателя стал академик Ф.Ф. Фортунатов. Комиссия признала необходимость реформы и освобождение русского письма от графического балласта путем исключения из алфавита лишних букв (ять, фита, «и десятеричное», твердый знак на конце слов), сократила количество орфографических правил, не имевших опоры в произношении, и пр. Финальный проект реформы, с учетом поступивших замечаний, был опубликован в мае 1912 г. Официально реформа была объявлена 11 [24] мая 1917 г. в виде «Постановлений совещания по вопросу об упрощении русского правописания» и последующих циркуляров Министерства народного просвещения Временного правительства. 23 декабря 1917 г. [5 января 1918 г.] был опубликован декрет Народного комиссариата просвещения РСФСР «О введении нового правописания». Окончательно реформа была введена 10 октября 1918 г. после подписания декрета «О введении новой орфографии». В Декрете, в частности, говорилось: *«В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда, при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановил: 1. Все правительственные издания (газеты и журналы) и неперIODические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию с 15-го октября 1918 г.»*.

И еще, по просьбе Константина Константиновича в 1911 г. правительство выкупило имение «Ясную Поляну» у наследников писателя графа Л.Н. Толстого, сохранив его для России.

<...>

В XIX в. Императорская академия наук являлась одним из главных центров гуманитарного знания в стране. Глубоко символично, что по завершении XIX в. — «Золотого века русской культуры» Академия

наук вместе со всей страной широко отмечала 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Его вклад в отечественную культуру огромен, его творчество стало фундаментом для всей последующей русской словесности. Нет сомнения в том, что если бы не дуэль поэта с Дантесом, то член Российской академии А.С. Пушкин стал бы в 1842 г. (при объединении академий) членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук и в последующем смог бы внести еще больший, если не сказать первостепенный, вклад в развитие не только всех направлений деятельности ОРЯЛ, но и российской цивилизации.

Потенциал Пушкина как поэта, писателя, историка и гражданина безмерен. Буквально за несколько месяцев до своей кончины Пушкин написал страстное письмо П.Я. Чаадаеву в ответ на издание его «Философических писем к г-же... Письмо 1-ое», опубликованных в 1836 г. в журнале «Телескоп» (№ 15), где автор убеждал российскую общественность в исторической ничтожности России, призывая русский народ влиться в цивилизованную семью европейских стран под покровительством католической церкви... Ответ Пушкина, направленный Чаадаеву 19 окт. 1836 г., полон беспредельной любви и гордости за свое отечество, которому поэт посвятил свое творчество:

«Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли

евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человека с предрассудками – я оскорблен, – **но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал** (выделено мной. – В.Б.)...» [Пушкин, 1979, с. 688–689 (пер. с фр.)].

7. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II

7.1. Внутренняя и внешняя политика Александра II

19 февраля [3 марта] 1855 г. после кончины Николая I на российский престол вступил Александр II (17 [29] апреля 1818, Москва – 1 [13] марта 1881, Санкт-Петербург). Главной целью внутренней политики нового императора стала модернизация экономической и социально-правовой системы России. Александр издал ряд указов, значительно смягчавших политический режим. Так, 26 августа [7 сент.] 1856 г. по случаю своей коронации он объявил амнистию политическим заключенным: декабристам, участникам польского восстания, петрашевцам; приостановил на 3 года рекрутские наборы, списал недоимки. В 1857 г. император принял решение о ликвидации военных поселений, а в 1863 г. отменил телесные наказания, как карательную меру, определяемую по приговору общего суда. В это же время была разрешена свободная выдача заграничных паспортов, ослаблена цензура, стали издаваться новые журналы – «Русский вестник», «Гражданин», «Вестник Европы», «Сельское благоустройство», «Русская беседа» и др. Реформы, предпринятые Александром II и названные впоследствии великими, имели свою очередность: Отмена крепостного права (1861), Финансовая реформа (1863), Реформа высшего образования (1863), Земская реформа (1864), Судебная реформа (1864), Цензурная реформа (1865), Реформа городского самоуправления (1870), Реформа среднего образования (1871), а также церковные и военные реформы 1860–1870-х гг. Либеральные преобразования создали предпосылки для более динамичного развития России, усилили участие наиболее активной части общества в жизни страны. Однако оборотной стороной преобразований явилось обострение социальных противоречий и рост революционного движения.

В международной политике первой задачей для нового правителя стало прекращение истощавшей страну Крымской войны (см. главу 5). Приняв политическое решение о ее завершении, император в марте 1856 г. заключил Парижский мирный договор, в результате которого Россия вернула себе оккупированную часть Севастополя и Балаклаву, но потеряла свое влияние на Черном море*. Через

* Суверенитет России в Черноморском бассейне был восстановлен в 1871 г. на конференции в Лондоне.



Император Александр II, 1875 г.
Государственный музей-заповедник «Павловск»

некоторое время Николай II победоносно завершил Кавказскую войну (1859–1864 гг.) и войны в Средней Азии (в 1865–1881 гг. в состав России вошла большая часть Туркестана). Заметное расширение имперских владений произошло на Дальнем Востоке: по Айгуньскому договору 1858 г. и Пекинскому договору 1860 г. к России отошли территории соответственно Приамурья и Приморья.

В сентябре–октябре 1863 г. была осуществлена экспедиция военно-морского флота России к берегам Северной Америки. Русские эскадры прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско для демонстрации солидарности с Северными штатами,

ведущими войну против рабовладельческого Юга, поддерживаемого Англией и Францией. Отряды военных кораблей пребывали в американских водах до конца июля 1864 г. Именно присутствие русского флота не позволило англичанам и французам нарушить судоходство США в обоих океанах и ввести экономическую блокаду Севера, что кардинально изменило ход Гражданской войны. Благодаря созданной угрозе морским торговым путям, Англия и Франция отказались от идеи вмешаться в ход событий в Российской империи для поддержки Польского восстания 1863–1864 гг., направленного на восставление Речи Посполитой в границах 1772 г., т. е. «от моря до моря».

В 1867 г. Аляска (Русская Америка), которая становилась для империи дотационной, была продана Соединенным Штатам. Россия в тот период ожидала новый конфликт с Британией и исходила из того, что британцы с территории Канады смогут без проблем захватить Аляску. Кроме того, Россия видела в США потенциального союзника против британского влияния. При всем при том продаже не подлежали храмы, воздвигнутые русскими колонистами, они остались собственностью Православной церкви.

После поражения Франции во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. произошло объединение Германии и усиление ее позиций на мировой арене. В условиях обострения англо-русских отношений в Средней Азии и на Ближнем Востоке Россия искала сближения

с Германией и Австро-Венгрией. В 1873 г. Александр II вошел в так называемый Союз трех императоров (Вильгельма I, Франца-Иосифа и Александра II), призванный поддерживать баланс сил и интересы трех держав в Центральной и Восточной Европе*.

В 1875 г. Александр заключил Санкт-Петербургский договор, по которому передал Японии все Курильские острова в обмен на Сахалин. Эта уступка на двадцать лет обеспечила нейтралитет США и Японии по отношению к действиям России на Дальнем Востоке. В этом же году Александр II отказался от русской колонизации северо-восточного берега Папуа – Новой Гвинеи, к чему императора призывал русский путешественник и исследователь Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888). Позицией Александра II в данном вопросе воспользовались Австралия и Германия, вскоре разделившие между собой «бесхозные» территории Новой Гвинеи и прилегающих островов...

В 1877 г., после жесткого подавления турками восстания славян на Балканах, император объявил войну Османской империи, в результате которой по Сан-Стефанскому миру 1878 г. получили независимость Румыния, Сербия, Черногория и Болгария.

<...>

Отмена крепостного права стала главнейшим событием начавшихся реформ. Впервые крестьянский вопрос в царствование Александра II был поднят 10 мая 1855 г. вице-президентом Императорского Вольного экономического общества князем Василием Васильевичем Долгоруковым (1787–1858) в докладе, направленном для поднесения государю. В начале 1856 г., во время своего визита в Москву, император на приеме представителей дворянства Московской губернии сделал первое публичное заявление об отмене крепостного права, сказав буквально следующее: *«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»* (цит. по: [Шумахер, 1903, с. 61]).

Поставленная Александром задача оказалась необычайно сложной и двойственной: с одной стороны, разработчики реформы обязаны были

* Союз трех императоров распался в связи с Болгарским кризисом 1885–1886 гг., который привел к разрыву отношений между Веней и С.-Петербургом. Союз был заменен русско-германским «договором перестраховки» 1887 г., по которому, в частности, Германия признавала приоритет интересов России на Балканах, обе державы обязались не допускать территориальных изменений в этом регионе без предварительного соглашения между собой. Распад Союза содействовал сближению России и Франции, завершившемуся созданием русско-французского союза 1891–1893 гг.

сохранить выгоды помещиков, с другой – не оставить освобожденных крестьян без определенного надела земли, чтобы не превратить их «в бесприютных и безземельных бродяг» [Зайончковский, 1954]. В январе 1857 г. под личным председательством императора был учрежден особый негласный комитет, получивший в январе 1858 г. наименование «Главный комитет по крестьянскому делу». Показательно, что в состав Комитета вошел и новый президент ИСПБАН граф **Дмитрий Николаевич Блудов**^{*}, одновременно участвовавший в разработке проекта судебной реформы, направленной на отход от сословной системы и отделение судебной власти от исполнительной. Затем, в начале 1859 г., Александр II учредил две редакционные комиссии для подготовки «Общего Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, равно и других законоположений, относящихся к этому великому преобразованию». Председателем обеих комиссий стал почетный член ИСПБАН, член Главного Комитета по крестьянскому делу генерал-адъютант **Яков Иванович Ростовцев**^{**}, пользовавшийся полным доверием императора. К сожалению, Ростовцеву не было суждено дожидаться оглашения указа, так как в октябре 1859 г. он тяжело заболел, но не прекращал работ над проектом. До самой своей кончины генерал следил за ходом подготовки документа, «и под его диктовку была окончена отчетная записка, в которой излагались заключения и постановления Комиссией по крестьянскому вопросу, равно и личные взгляды его на дело» [Шумахер, 1903, с. 68]. А.А. Шумахер, автор очерка о жизни и царствовании императора

^{*} Граф **Дмитрий Николаевич Блудов** (1785–1864) – русский литератор и государственный деятель, министр внутренних дел (12 февраля 1832 г. – 15 февраля 1839 г.), главноуправляющий Вторым отделением (31 декабря 1839 г. – 6 декабря 1861 г.), председатель Государственного совета (8 января 1861 г. – 19 февраля 1864 г.) и председатель Комитета министров (8 января 1861 г. – 19 февраля 1864 г.), статс-секретарь Его Императорского Величества (11 июля 1826 г.), действительный тайный советник (14 февраля 1839 г.). Вместе с Д.В. Дашковым стоял у истоков литературного общества «Арзамас», которое собиралось на квартире Блудова. В конце 1820 – начале 1830-х гг. провел значительную работу по комплектации важнейших документов в Государственном архиве. Под его редакцией Второе отделение выпустило два издания Свода Законов (1842 и 1857). Во время революционных волнений 1848 г. (см. главу 6) отговорил Николая I от закрытия университетов. Почетный член ИАН с 20 дек. 1826 г., президент ИСПБАН (26 ноября 1855 г. – 19 февраля 1864 г.).

^{**} **Яков Иванович Ростовцев** (1803 [1804] – 1860) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1849) и генерал от инфантерии (1859), главноначальствующий военно-учебными заведениями (с 1849); почетный член ИСПБАН с 3 декабря 1855 г., герой военных кампаний николаевской эпохи, один из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 г., председатель Редакционных комиссий. Скончался 5 февраля 1860 г. в присутствии императора.



Я.И. Ростовцев [Портретная галерея..., 1865, л. 70]



Президент ИСПБАН граф Д.Н. Блудов [там же, л. 12]

Александра II, отмечал, что, *«приняв эту записку, Государь сказал: “Покойный оставил нам здесь как завещание, которое должно быть для нас священно”»* [там же]. После смерти Ростовцева председателем Редакционной комиссии был назначен министр юстиции граф **Виктор Никитич Панин***.

Манифест **«О Всемиловитейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта»**, опубликованный 19 февраля [3 марта] 1861 г. [ПСЗРИ, 1863, т. 36, отд. 1: № 36650, с. 128–134], т. е. в 6-ю годовщину восшествия Александра II на престол, открывался словами любви государя *«ко всем без различия подданным»*. В Манифесте разъяснялся порядок реформы и условия ее проведения. Завершался этот исторический документ призывом к молебну:

«Божиим Провидением и священным законом престолонаследия быв призваны на прародительский Всероссийский Престол, в соответствие сему призванию Мы положили в сердце своем обет обнимать Нашею Царскою любовью и попечением всех наших верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу Государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом...<...>...Как новое

* Граф **Виктор Никитич Панин** (1801–1874) – русский государственный деятель, почетный член ИСПБАН с 3 декабря 1855 г., действительный тайный советник с 1 января 1856 г., министр юстиции Российской империи в 1841–1862 гг. В 1860 г. был назначен председателем редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы. Главным содержанием его взглядов было желание оградить интересы помещиков, сохранить за ними полную собственность на наделенные земли.

устройство, по неизбежной многосложности требуемых оным перемен, не может быть произведено вдруг, а потребуются для сего время, примерно не менее двух лет; то в течение сего времени, в отвращение замешательства, и для соблюдения общественной и частной пользы, существующий доныне в помещичьих имениях порядок должен быть сохранен дотол, когда, по совершении надлежащих приготовлений, открыт будет новый порядок... <...> ...Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного...» [там же, с. 130–134].

Одновременно с Манифестом император подписал ряд законодательных актов, в том числе «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [там же, № 36657, с. 141–170], в котором заверялось, что «*Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей, отменяется навсегда...*» [там же, с. 141]. В соответствии с данным «Положением» крестьяне получали личную свободу, однако на протяжении 9 лет не имели права отказаться от выделенного им надела земли. Крестьянин был обязан уплатить помещику 20 % выкупной суммы, а остальные 80 % вносило государство. В свою очередь крестьяне должны были погашать оставшуюся часть долга в течение 49 лет ежегодно равными выкупными платежами*. Крестьяне, не выкупившие землю, продолжали исполнять оброк или барщину за пользование помещичьей землей, становясь «временнообязанными». Подобные условия освобождения крестьян приводили к обнищанию деревни, а самого надела часто не хватало для ведения хозяйства. Дворовые слуги освобождались без земельных участков, поэтому оставались без средств к существованию. В стране росла социальная напряженность, сопровождавшаяся волной крестьянских бунтов, наблюдался временный спад производства.

Несмотря на «половинчатость» реформ, отмена крепостного права стала исключительно важным шагом к созданию современного общества и государства, способствовала формированию рынка труда, развитию промышленности и урбанизации, товарного хозяйства. Освобождение крестьян положило начало масштабным преобразованиям в социальной, экономической и политической сферах, что дало мощный толчок экономическому и культурному развитию России, изменило социальное устройство страны.

* Изначально предполагалось, что выкуп всех земель завершится в 1932 г. Однако после революционных событий 1905 г. правительство Николая II было вынуждено с 1 января 1906 г. выкупные платежи уменьшить в 2 раза, а через год отменить вовсе.

7.2. Реформа высшего образования

В период царствования Александра II в России проходила кардинальная реформа высшего образования, связанная с принятием 18 июня 1863 г. Общего устава императорских российских университетов [ПСЗРИ, 1866, т. 38, отд. 1: № 39752, с. 621–638]. Новый устав возрождал уничтоженную в николаевское время автономию университетов, устанавливал при замещении должностей выборное начало. В университетах появился независимый суд. Кроме того, университеты получали право создавать под присмотром Министерства народного просвещения научные общества, что способствовало широкому развитию научных исследований в высшей школе.

В соответствии с уставом университеты состояли из 4 факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского (§ 2 по документу). Лишь в Санкт-Петербургском университете вместо медицинского факультета учреждался восточный факультет. Каждый университет под главным начальством министра народного просвещения вверялся попечителю учебного округа (§ 3). Ближайшее управление университетом принадлежало ректору (§ 4). Университетское управление было представлено университетским советом, правлением университета, университетским судом и проректором или инспектором (§ 5). Профессора в университетах избирались. Сначала каждый член факультета выдвигал своего кандидата, потом в факультетском собрании рассматривались их кандидатуры. После этого на университетском совете происходили сами выборы (§ 70). Профессоров утверждал министр народного просвещения, а доцентов и лекторов – попечитель учебного округа (§ 72). Профессора, ушедшие на пенсию, могли с разрешения университетского совета и попечителя учебным округом читать лекции в университете и пользоваться его пособиями (§ 79). Если профессор проработал в университете более 25 лет, то ему присуждалось звание заслуженного профессора (§ 80). В случаях нерадения профессоров и игнорирования ими замечаний их могли удалить с данной должности (§ 81).

Студентом университета мог стать молодой человек, достигший 17-летнего возраста и окончивший гимназию или сдавший там экзамен и получивший об этом аттестат, а также окончивший высшее или среднее учебное заведение (§ 85, 86). Учеба на медицинском факультете длилась пять лет, а на других факультетах – четыре академических года (§ 87). Кроме студентов к слушанию лекций допускались и посторонние лица по правилам, составленным советом университета

и утвержденным попечителем (§ 90). Академический год продолжался с 15 августа до 1 июня (§ 92).

На всех факультетах (кроме медицинского) действовали следующие ученые степени: кандидат, магистр и доктор (§ 110), причем ученую степень могли получить и русские, и иностранцы (§ 114). Учреждение ученых обществ определялось § 119: *«Университетам предоставляется, с разрешения Министра Народного Просвещения, учреждать, для усовершенствования совокупными усилиями какой либо определенной части наук и для содействия о способах к возвышению их уровня в Университетах, ученые общества, а также предлагать, с утверждения Университетского Совета, ежегодно к решению задачи, предметом коих должны быть новые вопросы, относящиеся к той или другой науке, и выдавать за решение сих задач установленные премии»* (там же, с. 635). Уставы ученых обществ утверждались министром народного просвещения (§ 120).

Всем университетам предписывалось иметь библиотеку, обсерваторию, тематические кабинеты, ботанический сад, госпитальное отделение, клиники, музеи, в том числе музей физиологической анатомии, музей древностей и художеств, собрание монет и медалей и т. п. (§ 121). Университеты могли выписывать из-за границы учебные пособия без пошлин, и они не подлежали цензуре.

Все университеты находились под попечением императора и носили имя императорских (§ 123).

Устав и штаты университетов вводились в действие немедленно в Санкт-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском и Св. Владимира университетах.

Фактически новый устав оказался самым либеральным из университетских уставов дореволюционной России, он вернул университетам значительную автономию, что способствовало подъему преподавательской и научной деятельности. В то же время университетский устав 1863 г. все еще запрещал женщинам входить в университетскую аудиторию. Поэтому многие женщины уезжали учиться за границу.

Следом за реформой высшей школы Александром II проводилась реформа начального и среднего образования. Так, 14 июля 1864 г. было принято «Положение о начальных народных училищах» [ПСЗРИ, 1867, т. 39, отд. 1: № 41068, с. 613–618], которое заложило основу для создания сети начальных школ по всей империи. Главной целью этих училищ было обеспечение базового образования для детей из крестьянских и городских семей: *«Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозныя и нравственныя*

понятия и распространять первоначальные полезные знания» (статья – ст. 1 по документу)... *...Для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоего пола, неимеющих возможности пользоваться учением ежедневно»* (там же, с. 614), учреждались воскресные школы (ст. 2, п. 4).

«Положение» впервые отменяло монополию государства и церкви на открытие учебных заведений начальной школы. Это право с разрешения уездного училищного совета получили земства, общественные организации и даже частные лица (ст. 2, 10). Правительственные учреждения и духовное начальство учреждали и закрывали училища по собственным распоряжениям. Обучение в начальной школе стало свободным для всех сословий и вероисповедания (ст. 6). По усмотрению учредителей оно могло быть платным или бесплатным (ст. 8). Обучались дети в возрасте 8–12 лет. Девочки обучались наравне с мальчиками, причем по возможности организовывались отдельные мужские и женские училища (ст. 7). Срок обучения составлял не более 3 лет. Преподавались русский язык, чистописание, арифметика, Закон Божий, церковнославянский язык и церковное пение (ст. 3).

19 ноября 1864 г. был принят «Устав Гимназий и Прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения» [ПСЗРИ, 1867, т. 39, отд. 2: № 41472, с. 167–179]. Гимназии предоставляли *«юношеству общее образование, и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в Университет и другия высшие специальные училища»* (§ 1 по документу, с. 168). Гимназии по целям разделялись на классические и реальные (§ 2). В гимназиях предусматривалось 7 классов с годичным курсом для каждого класса (§ 4). В местностях, где гимназии отсутствовали, могли быть учреждены «Прогимназии», *«состоящая только из четырех низших классов Гимназии и разделяющиеся также на классическая и реальная»* (§ 5, с. 168). В первые классы гимназий и прогимназий принимались дети не моложе 10 лет, *«умеющие читать и писать по русски, знающие главные молитвы и из арифметики сложение, вычитание и таблицу умножения»* (§ 55, с. 172).

Учебный курс классических гимназий, готовивших юношей к поступлению в университет, составляли следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковнославянским и словесность, латинский и греческий языки, математика, физика и космография, история, география, естественная история, немецкий и французский языки, чистописание, рисование и черчение (§ 39). Реальные гимназии отличались увеличенным объемом преподавания математики и естественных

наук «с присоединением химии» за счет сокращения предметов гуманитарного цикла и исключения из преподавания латинского и греческого языков (§ 40). Эти гимназии готовили учащихся к поступлению в высшие технические учебные заведения (§ 122). За обучение взималась плата (§ 59), при этом от уплаты освобождались дети «*совершенно недостаточных родителей*» (§ 60). Бедным ученикам, отличающимся успехами и поведением, по определению педагогического совета могли быть выданы единовременные денежные пособия и еже-



Граф Д.А. Толстой.
Из: [Граф..., 1889]

годные стипендии (§ 64). Учиться в гимназиях могли дети всех сословий (§ 53). Таким образом, гимназии становились главным звеном средней школы Российской империи.

В 1871 г. при участии министра народного просвещения, впоследствии президента ИСПБАН графа **Дмитрия Андреевича Толстого***, реформа среднего образования получила свое продолжение. Смысл ее нового этапа заключался во введении в учебные программы классических гимназий бóльших объемов математики вместе со значительным усилением преподавания латинского и греческого языков. После 1871 г. срок обучения

* Граф **Дмитрий Андреевич Толстой** (1823–1889) – русский государственный деятель и историк. Происходил из старинного дворянского рода, служившего России со времен великого князя Василия Темного, окончил Императорский Царскосельский лицей в 1842 г. с большой золотой медалью. 1 февраля 1843 г. определен на службу в канцелярию Ее Императорского Величества по управлению учебными и благотворительными заведениями младшим чиновником VIII класса, с чином титулярного советника. Эта служба продолжалась до отставки в 1847 г. В 1853 г. был произведен в статские советники и назначен директором Канцелярии Морского министерства. С 1 января 1858 г. Д.А. Толстой – камергер, а с 8 сентября 1859 г. – гофмейстер Двора Его Императорского Величества. Оставаясь в должности гофмейстера, Д.А. Толстой 19 сентября 1860 г. был назначен членом Главного правления училищ Министерства народного просвещения, а с 17 ноября 1861 г. управлял Департаментом народного просвещения. 25 декабря 1861 г. его уволили со всех должностей в Министерстве народного просвещения и назначили сенатором. Он принимал участие в работах по преобразованию Судебного ведомства. Затем были следующие назначения: обер-прокурор Святейшего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), член Государственного совета (1866–1889), сенатор (1861), действительный тайный советник (1872), почетный член (29.12.1866), а с 25 апреля 1882 г. по 25 апреля 1889 г. президент ИСПБАН. При Александре II был известен как энергичный реформатор, а при Александре III – как проводник политики контрреформ (см. главу 8).

в таких гимназиях стал составлять 8 лет, причем только их воспитанникам было предоставлено право поступать в университеты.

Бывшие реальные гимназии были преобразованы в реальные училища – средние учебные заведения, в которых существенная роль отводилась предметам естественной и математической направленности. Новый «Устав реальных училищ Министерства Народного Просвещения», утвержденный 15 мая 1872 г. [ПСЗРИ, 1875, т. 47, отд. 1: № 508304, с. 626–636], объявил целью этих учебных заведений *«доставлять учащемуся в них юношеству общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний»* (гл. 1, п. 1 – по документу, с. 626), имея в виду преимущественно потребности в таких сферах, как инженерия, промышленность, торговля и сельское хозяйство. В училищах обучались дети всех состояний без различия звания и вероисповедания (п. 23). Курс обучения длился шесть–семь лет. В старших классах преподавались прикладные дисциплины (механика, химия, а также технологические и коммерческие предметы). Выпускники таких училищ могли поступать только в технические, промышленные и торговые вузы. Уже в 1872/73 учебном году в семи реальных гимназиях низшие пять классов были преобразованы по учебному плану реальных училищ. С 1873 по 1877 г. было учреждено и открыто 55 реальных училищ и к 1 января 1878 г. их число составляло 67. В 1888 г. реальные училища были реформированы в общеобразовательные заведения, выпускники которых уже могли поступать в университет на физико-математический и медицинский факультеты. К 1913 г. в Российской империи насчитывалось 276 реальных училищ, в которых обучалось около 17 000 учащихся [БРЭ, 2004–2017].

В период царствования Александра II значительные шаги были сделаны в развитии женского начального и среднего образования. Так, 30 мая 1858 г. было утверждено «Положение о женских училищах Министерства Народного Просвещения» [ПСЗРИ, 1860, т. 33, отд. 1: № 33221, с. 689–691], которое предусматривало деление женских училищ на два разряда (первый и второй), различавшихся *«по объему научного образования»*. Полный курс обучения в училищах первого разряда определялся в шесть лет, а в училищах второго разряда – в три года. Цель создаваемых училищ: *«сообщить ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности же от будущей матери семейства»* [там же, с. 690].

24 мая 1870 г. было утверждено «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного Просвещения», по которому устанавливались семиклассные женские гимназии с возможностью (для готовящихся к педагогической деятельности) учреждения восьмого (одно или двухгодичного) класса. Согласно этому документу, женские училища первого разряда были переименованы в женские гимназии, а второго разряда – в женские прогимназии. «Положение» характеризовало женские учебные заведения как «бессловные» и «для представительниц разного вероисповедания». Срок обучения в гимназиях определялся в семь лет, в прогимназиях – в три года.

Годом ранее, в 1869 г., были созданы первые женские высшие учебные заведения – Высшие женские курсы с университетскими программами – Аларчинские в Санкт-Петербурге (1869–1875) и Лубянские в Москве (1869–1886). Женские курсы, особенно курсы Герье в Москве (1872–1888; 1900–1918) и Бестужевские (1878–1918) в Санкт-Петербурге, сыграли важную роль в развитии женского образования в России.

Школьная реформа позволила расширить сеть начальных и средних учебных заведений, сделав образование более доступным для различных слоев населения. Наряду с государственными возникали земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы. Появились реальные гимназии, дававшие естественнонаучное и техническое образование. Гимназисты классических гимназий без экзаменов поступали в университеты, а реальных – в технические институты. Благодаря созданию системы гимназий и реальных училищ, в России появился собственный слой инженеров – людей, которые имели техническое образование и могли применить свои знания на практике. Реформы в области образования и общая атмосфера перемен, несомненно, содействовали развитию науки, а организация научных обществ способствовала координации исследований и популяризации научных знаний.

7.3. Научные и научно-технические общества

Основу промышленного подъема в России, начатого еще при Николае I, составляли научные открытия и научно-технические разработки. Осознавая необходимость дальнейшего индустриального развития страны, император Александр II следом за отменой крепостного права поддержал инициативу преподавателей Санкт-Петербургского университета, инженеров и видных промышленников о создании **Русского технического общества (РТО)**, поставившего перед собой амбициозную задачу помощи развитию промышленности и техники в России. В соответствии с § 2 устава РТО, утвержденного 22 апреля 1866 г. [ПСЗРИ, 1869, т. 41, отд. 1: № 43219, с. 397–404], *«Средствами к достижению этой цели предполагаются: 1) чтения, совещания и публичные лекции о технических предметах; 2) распространение теоретических и практических сведений посредством периодических и других изданий; 3) содействие к распространению технического образования; 4) предложение к разрешению технических вопросов, особенно интересующих отечественную промышленность, с назначением премий и медалей за лучшее решение их; 5) устройство выставок мануфактурных и заводских изделий; 6) исследование заводских и фабричных материалов, изделий и особенных употребительных у нас способов работы, как по собственному усмотрению Общества, так и по запросам других Обществ и частных лиц; 7) учреждение технической библиотеки и, по мере средств, химической лаборатории и технического музея; 8) посредничество между техниками и лицами, нуждающимися в их услугах; 9) содействие к сбыту малоизвестных туземных произведений, и 10) ходатайство пред Правительством о принятии мер, могущих иметь полезное влияние на развитие технической деятельности в России»* [там же, с. 397].

По направлениям деятельности РТО первоначально разделялось на 4 отдела: химических производств и металлургии; механической технологии, механики и машиностроения; строительного и горного искусства и архитектуры; судостроения, морской техники, артиллерии и ружейного производства (§ 3). Общество также имело возможность учреждать с особого разрешения Министерства внутренних дел отделения в губерниях, снабжая их инструкциями, утвержденными общим собранием (§ 3, примечание). Исходя из § 4 устава: *«В видах содействия технической промышленности, Общество имеет в России и за границей комиссионеров, которые, именуясь комиссионерами Русского Технического Общества, выполняют по поручению онаго заказы*

и содействуют сбыту Русских изделий» [там же, с. 398]. Общество составляли члены: почетные, действительные, соревнователи и корреспонденты (§ 8). Действительными членами Общества могли быть избраны как русские, так и иностранцы, занимавшиеся какой-либо отраслью техники, причем все учредители Общества считались его действительными членами (§ 10). Членами-соревнователями могли быть те любители техники, которые не подходили под требования § 10, но интересовались деятельностью Общества (§ 11). Членами-корреспондентами избирались иногородние граждане, содействие которых Общество признавало для себя полезным (§ 13). Главное управление делами принадлежало общему собранию. Разработка технических вопросов и текущие дела возлагались на совет Общества и его отделы (§ 14).

Вскоре число отделов и направлений РТО было увеличено до 9. Всего же Обществом по губерниям и крупным городам было создано до 40 территориальных отделений и дочерних обществ. Кроме того, РТО основывало при заводах и фабриках специальные классы и общеобразовательные школы (ремесленные, технические, рисования, черчения). При Обществе функционировали специальные школы: часового дела, печатного дела, электротехнические, а также ремесленные училища. РТО организовывало публичные беседы и лекции для распространения технических знаний и исследований. Членами Общества был издан технический словарь.

Первым председателем РТО стал организатор и руководитель строительства крупных инженерных объектов барон **Андрей Иванович Дельви́г***, возглавлявший Общество в 1867–1879-х гг. В дальнейшем на протяжении XIX в. Общество возглавляли специалисты в области технических наук почетные члены ИСПбАН Пётр Аркадьевич Кочубей (1870–1892) и Константин Николаевич Посыет (1892–1894), известный специалист в области русского судостроения и мореплавания Михаил Ильич Кази (1894–1896), ученый-механик и инженер, инженер-генерал, профессор, почетный член ИСПбАН Николай Павлович Петров (1896–1905), российский государственный деятель, ученый и предприниматель Владимир Иванович Ковалевский

* Барон **Андрей Иванович Дельви́г** (1813–1887) – русский инженер-генерал из баронского рода Дельвигов, сенатор. Один из ведущих организаторов и руководителей строительства крупных инженерных объектов в Российской империи, включая водопроводы в Москве и Нижнем Новгороде, железные и шоссейные дороги, а также переправы на Кавказе. Первый председатель Русского технического общества. Автор фундаментального труда по устройству водопроводов и ценных мемуаров о русской жизни XIX в.

(1906–1916), геолог и горный инженер Дмитрий Львович Иванов (1916–1917).

22 апреля 1874 г. за заслуги в содействии развитию техники и промышленности «...*Государь Император Всемилостивейше соизволил даровать Русскому Техническому Обществу наименование „Императорское“ и принял над ним шефство*».

После Октябрьской революции 1917 г. РТО перестроило свою деятельность, в 1923 г. был принят новый устав и составлена программа РТО «Об основных нуждах промышленности». В 1929 г. РТО было закрыто и вместо него в 1931 г. были организованы инженерно-технические общества. Преемником РТО стал Всесоюзный совет научных инженерно-технических обществ (ВСНИТО), с 1954 г. – Всесоюзный совет научно-технических обществ (ВСНТО), с 1988 г. – Союз научных и инженерных обществ СССР, с 1991 г. – Российский и Международный Союзы научных и инженерных общественных объединений (РосСНИО, Союз НИО).

Среди иных значимых самостоятельных научно-технических обществ и комиссий, образованных в период царствования Александра II, отметим Императорскую археологическую комиссию, Общество русских врачей в Москве и Русское энтомологическое общество (созданы в 1859 г.), Императорское Русское общество акклиматизации животных и растений и Московское археологическое общество (созданы в 1864 г.), Русское историческое общество (создано в 1866 г.) Общество классической филологии и педагогики (создано в 1874 г.).

Положение об Императорской археологической комиссии Высочайше было утверждено 2 февраля 1859 г. В ее задачу входило *«разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией... собрание сведений о находящихся в Государстве как народных, так и других памятников древности...»* [ПСЗРИ, 1861, т. 34, отд. 1: № 34109, с. 70]. Комиссия находилась в ведении министра императорского двора,



А.И. Дельвиг кисти
И.Е. Репина, 1882 г.
*Государственная
Третьяковская галерея*

первым председателем комиссии был назначен граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882; государственный деятель, археолог, меценат, с 1828 г. почетный член ИАН / ИСПбАН, с 1837 г. возглавлял Общество истории и древностей российских при Московском университете) [Императорская археологическая комиссия, 2019].

Общество русских врачей в Москве возникло из небольшого научного кружка, состоявшего из соратников и учеников профессора Фёдора Ивановича Иноземцева (1802–1869; русский хирург, доктор медицины, ординарный профессор Московского университета, выполнивший 7 февраля 1847 г. первую в России операцию с применением эфирного наркоза). Первым председателем Общества по рекомендации Иноземцева стал русский медик ординарный профессор Московского университета Иван Матвеевич Соколов (1816–1872). В соответствии с уставом, утвержденным 4 декабря 1859 г., Общество способствовало успехам всех отраслей медицинской науки и врачебного искусства в России [ПСЗРИ, 1861, т. 34, отд. 2: № 35187, с. 300]. В задачи Общества также входил перевод новейшей иностранной литературы для издаваемой Иноземцевым и Семёном Алексеевичем Смирновым (1819–1911; русский врач, бальнеолог) «Московской медицинской газеты» (основана Иноземцевым в 1858 г.). Когда в 1878 г. издание газеты было прекращено, Общество стало издавать свои «Труды», выходившие 2 раза в год. По образцу Общества было создано более 50 провинциальных, губернских медицинских обществ. Ученик Ф.И. Иноземцева и член его кружка Сергей Петрович Боткин (1832–1889; русский врач-терапевт, патологоанатом, физиолог и общественный деятель, профессор Императорской медико-хирургической академии с 1861 г.) вскоре возглавил Общество русских врачей в Санкт-Петербурге и Общество Красного Креста (основано 3 мая 1867 г. как Российское общество попечения о раненых и больных воинах, с 1879 г. – Российское общество Красного Креста).

Русское энтомологическое общество (РЭО) было учреждено в Санкт-Петербурге, объединив специалистов по насекомым. В соответствии с уставом (утвержден 4 дек. 1847 г.), РЭО *«имело целью:*
а) Способствовать распространения знания Энтомологии в России.
б) Исследовать суставочных животных, в особенности отечественных,
в) Изучать и обнародовать изыскания о пользе и вреде, ими приносимых.
г) Акклиматизировать полезных насекомых.
д) Сблизить Русских Энтомологов между собою и споспешествовать сношениям их с обществами естествоиспытателей и с учеными за границею» [ПСЗРИ, 1861, т. 34, отд. 2: № 35189, с. 310–311]. Первым президентом



Слева направо: Ф.И. Иноземцев кисти В. Штембера, 1892. Из: [Васильева, 2015]; А.П. Богданов. Из открытых источников; А.И. Георгиевский. Из открытых источников; А.С. Уваров кисти И.С. Куликова. Муромский историко-художественный музей

РЭО стал Карл Максимович Бэр (1792–1876; естествоиспытатель, иностранный чл.-корр. ИАН с 1826 г., ординарный академик с 1828 г., почетный член с 1862 г.). С 1861 г. Общество издавало «Труды» («*Norae Societatis Entomologicae Rossicae*»), с 1901 – журнал «Энтомологическое обозрение».

5 января 1864 г. императором был утвержден устав **Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений (ИРОАЖиР)** – московское научное общество, первоначально созданное в 1856 г. по инициативе профессора Московского университета Анатолия Петровича Богданова (1834–1896; артрополог, зоолог, чл.-корр. ИСПБАН с 1890 г.) как комитет при Императорском Московском обществе сельского хозяйства. Первым председателем Общества был избран Карл Францевич Рулье (1814–1858; биолог, зоолог, геолог, палеонтолог, ординарный профессор Московского университета). В соответствии с уставом (§ 2) Общество должно было «*содействовать сохранению, водворению и распространению в России полезных животных и растений, как отечественных, так и иностранных*» [ПСЗРИ, 1867, т. 39, отд. 1: № 40461, с. 23]. В январе 1864 г. благодаря усилиям членов ИРОАЖиР состоялось открытие Московского зоосада, который на первом этапе в основном выполнял научную функцию. Деятельность Общества охватывала большую часть Российской империи. Его биологические станции были размещены в Ашхабаде, Минусинске Енисейской губернии и других местах.

15 сентября 1864 г. по инициативе графа Алексея Сергеевича Уварова (см. главу 5) император «*Высочайше соизволил разрешить учреждение Московского Археологического Общества*» (МАО)

[ПСЗРИ, 1867, т. 39, отд. 1: № 41277, с. 888] (с 1881 г. – Императорское Московское археологическое общество), имевшего своей целью «...исследование археологии вообще и преимущественно русской». Первое заседание учредителей состоялось еще 17 (29) февраля 1864 г., и эта дата считается официальной датой основания МАО. Впоследствии при Обществе существовали комиссии: по сохранению памятников (с 1876 г.), Восточная (с 1887 г.), Славянская (с 1892 г.), Археологическая (с 1896 г.), по изучению старой Москвы (с 1909 г.).

В марте 1866 г. в Санкт-Петербурге при участии известных отечественных историков, военных и государственных деятелей **было основано Русское историческое общество (РИО)** (см. главу 6). Устав Общества был утвержден Александром II 23 мая 1866 г. [ПСЗРИ, т. 41, отд. 1: № 43333, с. 587–591]. Цель РИО заключалась в сборе, обработке и распространении в России документов и материалов по истории, введении их в научный оборот. Отобранные материалы публиковались в «Сборниках Русского исторического общества». 24 ноября 1873 г. Обществу было присвоено наименование «Императорское». Первым председателем РИО стал князь Пётр Андреевич Вяземский (с 1866 по 1878 гг.), почетным председателем – цесаревич Александр Александрович, с 1881 г. император Александр III.

В 1874 г. в Санкт-Петербурге было создано **Филологическое общество – ФО (Общество классической филологии и педагогики)** [ПСЗРИ, 1876, т. 49, отд. 1: 17 мая 1874 г., № 53536, с. 785]. Инициатива его учреждения принадлежала **Александру Ивановичу Георгиевскому** (1830–1911; русский публицист, статистик, действительный тайный советник, сенатор с 1910 г., один из главных деятелей по введению классической системы образования), который до 1896 г. состоял председателем ФО. Печатным органом Общества до 1897 г. служил «Отдел классической филологии» «Журнала Министерства Народного Просвещения», а после 1897 г. – московский журнал «Филологическое обозрение». В 1882 г. Общество выпустило перевод «Реального словаря классических древностей» – энциклопедический словарь имен, понятий и терминов, описывающих быт, мифологию, право, экономику, политику Древней Греции и Древнего Рима. Общество предпринимало и другие отдельные издания.

После принятия общего университетского устава 1863 г. многие естественноведческие и медицинские научные общества стали учреждаться при российских университетах. Так, в 1863 г. при Императорском Московском университете было основано **Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ)**

(первоначально носило название «Общество любителей естествознания»; в 1868–1917 гг. – Императорское ОЛЕАЭ, в 1931 г. по распоряжению Наркомпроса РСФСР слито с МОИП). Президентом Общества был назначен профессор геологии и минералогии **Григорий Ефимович Щуровский** (1803–1884). Основная задача Общества заключалась в популяризации научных знаний. По инициативе ОЛЕАЭ Высочайшим постановлением от 23 сентября 1872 г. был учрежден Комитет для организации в Москве Музея прикладных знаний (ныне – Политехнический музей) и управления им. Его почетным председателем стал Великий князь Константин Николаевич. Первым председателем и управляющим делами также был поставлен Г.Е. Щуровский. Основу музея составили экспонаты Политехнической выставки 1872 г.

15 сентября 1864 г. начало свою работу **Московское математическое общество (ММО)**, официально учреждено 28 янв. 1867 г.), возникшее как научный кружок преподавателей математики, объединившихся вокруг профессора физико-математического факультета Московского университета **Николая Дмитриевича Брашмана***. В этот день Брашман был избран первым президентом ММО, вице-президентом – **Август Юльевич Давидов****; секретарем Общества – **Василий Яковлевич Цингер*****, ставший в 1886–1891 гг. его

* **Николай Дмитриевич Брашман** (1796–1866) – математик и механик, преподаватель, чл.- корр. ИСПБАН (1855), заслуженный профессор Московского университета (1859). Окончил Венский университет (1821), работал в Казанском университете (1825–1834), с 1834 проф. Императорского Московского университета. Брашман заложил научные основы преподавания механики. Основные труды – по гидромеханике и вариационному исчислению. Ему принадлежит один из лучших для того времени курсов аналитической геометрии (Демидовская премия, 1836). Основатель Московского математического общества (1864) и журнала «Математический сборник» (1866).

** **Август Юльевич Давидов** (1823–1885/1886) – математик и механик, заслуженный профессор и декан физико-математического факультета Московского университета; автор трудов по дифференциальным уравнениям с частными производными, по определенным интегралам и по применению теории вероятностей к статистике; президент Московского математического общества (1866–1885/1886). Также известен как автор школьных учебников по элементарной математике, многократно переиздававшихся с 1860-х по 1920-е годы.

*** **Василий Яковлевич Цингер** (1836–1907) – математик, заслуженный профессор Императорского Московского университета (1888); автор ряда трудов по механике и геометрии, основатель геометрической школы Московского университета; один из основателей Московского математического общества (1864), старший брат Николая Яковлевича Цингера (1842–1918), астронома и геодезиста, профессора, чл.- корр. ИСПБАН, одного из руководителей РГО. В.Я. Цингер известен также как ботаник: занимался систематикой растений, написал несколько значительных работ по флоре Средней России. За свои ботанические труды Цингер был отмечен званием почетного



Слева направо: Г.Е. Щуровский, Н.Д. Брашман и К.Ф. Кесслер.

Из открытых источников

президентом. В октябре 1866 г. вышел первый номер печатного органа ММО «Математический сборник», который одновременно стал первым математическим журналом страны. Впоследствии в России были образованы Харьковское (1879 г.) и С.-Петербургское (1890 г.) математические общества.

В 1868 г. при Санкт-Петербургском университете по инициативе Д.И. Менделеева было образовано **Русское химическое общество (РХО)**, его первым президентом был избран академик Николай Николаевич Зинин (см. главу 5). В 1878 г. по предложению Д.И. Менделеева РХО объединилось с Русским физическим обществом (основано в 1872 г.) в **Русское физико-химическое общество (РФХО)**. Первыми президентами РФХО были избраны А.М. Бутлеров (в 1878–1882 гг.) и Д.И. Менделеев (в 1883–1887 гг.). При РФХО издавался «Журнал Русского физико-химического общества».

В том же 1868 г. при Санкт-Петербургском университете было организовано **Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и врачей** или **Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей (СПБОЕ)**, которое имело три отделения: геологии и минералогии, ботаники, зоологии и физиологии. Возглавил Общество ректор Университета профессор **Карл Фёдорович Кесслер** (1815–1881; зоолог, чл.-корр. ИСПбАН с 1874 г.). В 1869 г. Общество провело первую научную экспедицию на Мурманское и Беломорское побережья, а в 1874–1876 гг. – Арало-Каспийскую экспедицию. Кроме экспедиционных исследований СПБОЕ создало Соловецкую биологическую

доктора ботаники. Цингер – автор нескольких научно-философских сочинений; представитель направления, которое позже получило название Московская философско-математическая школа.

станцию (1881–1899), которая на момент открытия была самой северной из всех подобных станций. В дальнейшем Обществом были организованы Мурманская (1899–1929), Бородинская (1896–1917) и Степная (1914–1919) биологические станции.

Помимо Московского и Санкт-Петербургского университетов общества естествоиспытателей стали открываться при Университете Св. Владимира в Киеве, а также в Харьковском и Новороссийском университетах. В конце 1880-х подобные общества были созданы в Варшаве и Дерпте.

7.4. Императорская Санкт-Петербургская академия наук

Так случилось, что в эпоху «Великих реформ» Академию наук сами реформы обошли стороной. Причем в год восшествия на престол Александра II Академия находилась в сложнейшем положении в связи с уходом из жизни ее неперменного секретаря Павла Николаевича Фуса (Фусса), исполнявшего в Академии секретарскую должность 30 лет, и президента Академии наук с 1818 г. Сергея Семёновича Уварова, последовавших соответственно 10 [22] января и 4 [16] сентября 1855 г. Как писал впоследствии неперменный секретарь Академии **Константин Степанович Веселовский**: *«Все в Академии, и в не ея, до того к ним привыкли, что в то время нельзя было себе представить Академию без Уварова, и Фусса, и одновременное исчезновение их открывало двери в неизвестность»* [Веселовский, 1901, с. 495].

Как было сказано выше, 26 ноября 1855 г. новым президентом Академии наук Александр II назначил графа **Дмитрия Николаевича Блудова**. По мнению Веселовского: *«Выбор этот был самым счастливым. По своим государственным заслугам он (Блудов. – Авт.) был, можно сказать, первым сановником в Империи; многосторонняя образованность и редкие качества прекрасной души соединились в нем с высоким уважением к науке, что и отражалось у него в постоянном, неподдельном благодушном расположении к ея представителям и служителям»* [там же, 496–497]. Уже 1 марта 1856 г. Блудов сделал попытку свести воедино Устав Академии и Положение об Отделении русского языка и словесности (см. главы 4, 5), для чего поручил Академии избрать из своей среды комиссию по два члена от каждого из трех отделений.

Комиссия закончила работу лишь к марту 1857 г. вынесением на обсуждение проекта нового устава, который академической конференцией был одобрен 30 мая 1857 г. Когда же Блудов узнал, что с принятием нового устава предполагается увеличение отпуска на Академию до 30 000 руб. в год, то заявил секретарю Академии Веселовскому следующее: *«вот видите, мне очень хорошо известно нынешнее затруднительное положение наших государственных финансов (имеется в виду сложное финансовое положение страны после прекращения Крымской войны. – Авт.), вынуждающее ограничиваться при назначении новых расходов крайнею неотложностью; характера такой неотложности потребности науки и Академия не имеют, и я составленному вами проекту нового устава не могу*



Портрет К.С. Веселовского
работы П. Бореля.
Из открытых источников



Президент ИСПБАН адмирал
Ф.П. Литке. Из: *[Портретная
галерея..., 1865, л. 44]*

дать хода» [там же, с. 500]. Блудов вернул Веселовскому разработанный проект, даже его не раскрыв.

Коренную реформу Академии наук Блудов считал в то время неуместной, потому что *«вся жизнь Академии заключается в ученых трудах ее членов, чему нынешний устав не препятствует»* (цит. по: [Басаргина, 2024, с. 160]). Веселовский, тем не менее, отмечал: *«Признав по обстоятельствам времени невозможным думать о каком-либо увеличении денежных средств Академии насчет государственного казначейства, Блудов за то стойко оберегал те средства, какими она пользовалась, от всяких посягательств на них для сторонних надобностей»* [Веселовский, 1901, с. 502]. А подобные посягательства, по свидетельству Веселовского, проявлялись постоянно.

Надо отметить, что финансовое положение в Академии наук в начале президентства Блудова действительно не было столь критичным до тех пор, пока 16 февраля 1959 г. в здании Академии не произошел большой пожар в химической лаборатории, помещавшейся на первом этаже здания, над которым находился Азиатский музей. Благодаря энергичным действиям пожарных музей удалось отстоять, но химическая лаборатория выгорела полностью. Академическим собранием было принято решение о необходимости постройки для лаборатории отдельного нового здания, чтобы лаборатория не оставалась в столь опасной близости от музея. Академия в своем бюджете хотя и имела так называемые экономические суммы / доходы в размере 40.000 рублей, однако их не хватало для постройки

нового здания (расчеты показали, что стоимость нового здания может составить до 90.000 рублей). Поскольку граф Блудов не считал возможным просить каких-либо государственных пособий на науку в то сложное время, то был найден необычный выход: в числе разных коллекций Академии было собрание египетских древностей, которое для Академии было не столь необходимо, так как египтолога в составе Академии никогда не было, но эта коллекция оказалась крайне желательна для Императорского Эрмитажа. Эта коллекция и была передана Эрмитажу, в результате чего 21 мая 1863 г. Блудов получил от министра императорского двора уведомление, что государь из сумм Кабинета пожаловал вознаграждение за коллекцию в 11.500 руб. В итоге общая доходная сумма Академии составила 56.500 руб. Веселовский писал: *«Так как и этой суммы было еще недостаточно для предполагаемой постройки, то граф Блудов, верный своему правилу не обременять государственную казну какими-либо требованиями на пользу науки, прибег к следующему средству: он предложил известному подрядчику ... петергофскому 2-й гильдии купцу Никите Артамонову, взять на себя всю работу постройки лаборатории оптом за 55.000 руб., а под рукою дано было знать, что за хорошее исполнение этой работы он может ожидать себе почетной награды»* [там же, с. 512]. Артамонов это предложение принял, лаборатория вскоре была отстроена, но уже после ухода из жизни Блудова.

С приходом в Академию наук нового президента адмирала **Фёдора Петровича Литке** (1797–1882; мореплаватель, географ, чл.- корр. ИАН с 1829 г., почетный член ИСПБАН с 1855 г., президент с 23 февраля 1864 г. по 25 апреля 1882 г.) возобновились попытки обновить академический устав, причем эта инициатива исходила в основном от министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина (1821–1886; государственный деятель, почетный член ИСПБАН с 1861 г.), от которого адмирал был крайне зависим. Веселовский в связи с этим подчеркивал: *«Пока жив был Блудов, влияние Головнина на Академию было еще не очень чувствительно, но при преемнике Блудова, – при графе Литке, оно было таково, что в сущности Академией управлял не столько президент, сколько непосредственно сам министр»* [там же, с. 516].

По настоянию министра народного просвещения Александра Васильевича Головнина (1821–1886; государственный деятель, почетный член ИСПБАН с 1861 г.) Блудов приступил к подготовке нового устава, а сама Академия продолжала работать по Уставу 1836 г. Здесь важно понимать, что в Академии наук в 1864 г.

на государственной службе состояли 21 ординарный академик, из которых 15 академиков представляли Физико-математическое отделение и 6 академиков – Историко-филологическое. Кроме того, на службе в этих отделениях числилось 10 адъюнктов, которые одновременно могли быть экстраординарными академиками. Отделение русского языка и словесности, имевшее собственное «Положение», объединяло 10 ординарных академиков. Избрание новых действительных членов Академии по какой-либо специальности проводилось только при наличии вакансий. Особенность ситуации заключалась в том, что в период Александровских «Великих реформ», вызвавших заметный рост науки в университетах, значительно возросло число претендентов на академические звания, в то время как, например, в начале XIX в. Императорская академия наук долгое время не могла заполнить даже меньшее число вакантных мест.

С учетом того, что Уставом число вакансий было строго ограничено, а действительным членом Академии мог быть избран только житель Санкт-Петербурга, многие выдающиеся ученые из-за отсутствия свободных позиций либо не могли своевременно избраться в члены Академии, либо не избирались вовсе. В отдельных случаях такая обстановка создавала крайне напряженные отношения среди ученых или даже вызывала недовольство в обществе... Так, Веселовский вспоминал, как сам Блудов стал ему выговаривать, *«что в Русской Академии до сих пор нет настоящего представителя русской истории, и говорилось это тоном упрека. Конечно, внутренне я не мог не соглашаться с Блудовым, но с формальной стороны мог бы заметить, что, по уставу, в Академии полагается лишь одна ординатура по истории, и ее занимает Н.Г. Устрялов (1805–1870; ординарный академик с 1844 г. – Авт.), а экстраординарным академиком по этой же части состоит А.А. Куник (1814–1899; экстраординарный академик с 1850 г. – Авт.)... такая вспышка недовольства меня очень удивила, и я стороной узнал, что было поводом к ней, и узнал следующее: утром того же дня у графини был профессор Московского университета С.М. Соловьев, обыкновенно приезжавший, во время университетских вакаций, в Петербург, для соби-
рания в государственном архиве материалов для своих работ. Этим все объяснялось. Соловьев считал кровною для себя обидою, что он, автор многотомной «Русской Истории», до сих пор не член Академии Наук...»* [там же, с. 509]. В результате лишь 3 марта 1872 г. Соловьёв был избран ординарным академиком ИСПБАН по Отделению русского языка и словесности, но не по Отделению историко-филологическому.

Аналогичный инцидент вскоре произошел и при избрании 3 декабря 1876 г. знаменитого химика Д.И. Менделеева членом-корреспондентом по разряду не химических, а физических наук. Затем, 11 ноября 1880 г., Д.И. Менделеев был забаллотирован при избрании ординарным академиком (см. ниже).

За время президентства Блудова на открывшиеся вакантные места были приняты следующие действительные члены: по Физико-математическому отделению математик О.Т. Сомов (1815–1876), астроном П.Н. Савич (1811–1883), зоолог Л.И. Шренк (1826–1894) и физиолог Ф.В. Овсянников (1827–1906); по Историко-филологическому отделению по языкам и этнографии финских племен Ф.И. Видеман (1805–1887), по греческой и римской словесности А.К. Наук (1822–1897), ориенталист В.В. Вельяминов-Зернов (1830–1904); по Отделению русского языка и словесности филолог П.П. Павский (1787–1863), историк литературы и искусства Ф.И. Буслаев (1818–1897), филолог-славист П.С. Билярский (1817–1867) и историк, археолог и литературовед П.П. Пекарский (1827–1872).

Несомненно, Академия наук, имевшая помимо ОРЯС в своем составе не более 31 действительного члена, на фоне внушительного контингента профессуры российских университетов выглядела более чем скромным по численности научным учреждением, в связи с чем ее назначение как «первенствующего научного сословия» вызывало со стороны университетской научной элиты определенные претензии. Высказывались и мнения о бесполезности Академии, к которым сами академики относились с небрежением. Веселовский, например, вспоминал, как *«Несколько дней после того, именно 12-го ноября того же 1863 г., я получил от Головнина следующую писульку* (выделено мной. – В.Б.): *«Вот, почтеннейший Константин Степанович, статья Современника», которую я прошу вас серьезно заняться и на которую написать сильное опровержение, чтобы раз навсегда покончить с толками о бесполезности Академии* (выделено Веселовским. – Авт.); *пожалуйста покажите мне вашу статью прежде напечатания»* [там же, с. 524]*.

* К.С. Веселовский отказался вступать в полемику с газетой, считая, что газетные «порицания» опровергнуть невозможно: *«против них можно только оправдываться, но оправдания путем газет были бы несогласны с достоинством Академии, да они были бы и бесполезны; единственным достойным ее оправданием служат ее собственные издания, весьма распространенные и уважаемые во всем ученом мире»* [Веселовский, 1901, с. 525]. Кроме того, парадокс просьбы министра заключался в том, что эта данная газета представляла собой официальный орган, возглавляемого Головниным

Кроме того, приверженность президента ИСПБАН Ф.П. Литке немецкой науке, что, по всей видимости, определялось его родственными связями с остзейским дворянством, также вызывала упреки со стороны так называемых русских националистов. Академия действительно к концу XIX в. становилась русской по составу, однако в ней продолжали работать приглашенные ученые из Германии и других европейских стран. В связи с этим полезно вновь обратиться к мнению по этому поводу неперменного секретаря Академии К.С. Веселовского:

«Я всегда был далек от духа партий, а еще менее имел сочувствия к тем, которые поднимают раздор во имя одной национальности. Смотреть неприязненно и завистливо на немцев значит иметь слишком мало веры в жизненные силы и будущность России. Когда же дело идет о науке, то влияния вопроса о национальности кажутся мне совершенно неуместными, и созданное недавно, писателями известного рода, слово: Р у с к а я наука считаю решительно лишенным всякого смысла. Если национальные раздражения вносятся иногда нашею современною литературою в область ученых споров, то это служит только доказательством младенчества у нас науки, которой мировое значение еще недостаточно сознается. Но в Академии, как соединении главных представителей науки, как высшего ученого сословия, коего задача состоит в расширении области человеческих знаний, всякия увлечения чувств национальности были бы крайне неуместны и не только оскорбляли бы достоинство науки, но и служили бы укором для целой Академии. – Академик, будь он русский или немец, если он добросовестно и по мере сил трудится над наукою, достоин в одинаковой степени признательности. – Иностранцы, оставляющие свое отечество для того, чтобы принести нам сокровища своих знаний и помогать нам в деле водворения у нас науки, достойны столько же благодарности России, как и природные русские...» [Веселовский, 1901, с. 505].

В 1866 г. после отставки А.В. Головнина новый министр граф Д.А. Толстой все проекты по реформе Академии «положил под сукно», а когда в 1882 г. он стал президентом Академии, то своей главной обязанностью считал поддержание в Академии спокойствия и нормального ритма научной работы [Басаргина, 2024].

Новые изменения в Устав Академии наук будут внесены только в 1926 г.

Министерства народного просвещения, и у его руководителя были все средства для прекращения газетных нападок, о чем Веселовский и поведал Головнину в *«совершенно частном, интимном письме»* [там же].

7.5. Исследование Дальневосточных территорий

С середины XIX в. Россия особое внимание уделяла освоению новых владений на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Что касается дальневосточных приобретений, то достаточно вспомнить, что по Айгунскому договору с Китаем 1858 г. к России отошла территория Приамурья, а по Пекинскому миру 1860 г. – Приморья, при этом уже 20 июня [2 июля] 1860 г. в бухте Золотой Рог (Японское море) был основан военный пост Владивосток*. Спустя два года данное поселение приобрело статус порто-франко (свободной экономической зоны)**.

Русское географическое общество при содействии Императорской академией наук организовали ряд географических экспедиций в эти практически неизвестные дальневосточные земли. Уже в 1855 г. в Приморье побывал известный естествоиспытатель **Карл Иванович Максимович*****, который исследовал залив Де-Кастри, мысы Лазарева и Чикрак, озеро Кизи и окрестности г. Николаевска. Часть пути по Амуру летом 1856 г. К.И. Максимович проделал вместе с зоологом Л.И. Шренком (см. главу 5), а в дальнейшем, до 1857 г.,

* В 1856 г. во время Крымской войны британские военные корабли – парусный фрегат «Винчестер» (командир Мэй) и паровой шлюп «Барракуда» (командир Фримэн) – при обследовании залива Петра Великого в поисках российской эскадры посетили бухту Золотой Рог и назвали ее в честь командира «Винчестера» – Френсиса Мэя – Порт Мэй (англ. Port May). В 1859 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, обходя на пароходо-корвете «Америка» залив Петра Великого, обратил внимание на эту хорошо укрытую бухту, напоминавшую ему бухту Золотой Рог в Стамбуле, предложил дать ей то же имя и приказал основать здесь военный пост Владивосток. Это название демонстрировало миру, что потеря влияния России на Черном и Средиземном морях после Крымской войны компенсировалась укреплением русских владений на Тихом океане [Хисамутдинов, 1989; Хен, 2020].

** В 1871 г. по решению государственных властей Владивосток был учрежден в качестве главного военного порта России на Тихом океане. Из Николаевска-на-Амуре сюда были переведены все морские учреждения, резиденция военного губернатора и главная база Сибирской военной флотилии. В 1875 г. Владивосток получил статус города. Постепенно его территория расширялась и включила полуостров Муравьев-Амурский и остров Русский. В 1879 г. во Владивосток прибыл первый пароход Добровольного флота, тем самым было установлено постоянное водное сообщение между Владивостоком, Петербургом и Одессой.

*** **Карл Иванович Максимович** (1827–1891) – русский ботаник, путешественник, адъюнкт ИСПБАН по Физ.-мат. отделению (ботаника) с 1865 г., экстраординарный академик с 1868 г., ординарный академик с 1871 г. С 1852 г. Максимович работал в Санкт-Петербургском ботаническом саду хранителем гербарной коллекции, а в 1869 г. стал его директором. Один из пионеров по изучению флоры Дальнего Востока и Японии. Труды по систематике и географии цветковых растений.

находился в Приамурье. Итогом путешествия стал 500-страничный труд «Primitiae florum amurensis» (лат.) = «Первенцы амурской флоры» (1859), за который ученый был удостоен Демидовской премии.

С 1859 г. Максимович участвовал в новом путешествии по Сунгари и Уссури. В 1860 г. он поднялся по Уссури до р. Фудзи (с 1972 г. – Павловка) после чего, перевалив через хребет, вышел к заливу Владивосток и оттуда на пароходе отбыл в Посыет. Вплоть до начала осени 1860 г. Максимович исследовал побережье Японского моря, а 12 сентября отправился в Японию на о-в Хоккайдо (Япония), где впервые основательно исследовал флору острова. Проведя на японских островах в общей сложности 3,5 года, К.И. Максимович в феврале 1864 г. направился в Санкт-Петербург с богатейшими материалами по флоре Приамурского края и Японии, подтверждавшими теорию единства природной среды Японии и всего Дальнего Востока (см. 20 выпусков *Diagnoses des nouvelles plantes du Japon et de la Mandchourie* (фр.) = «Диагнозы новых растений Японии и Маньчжурии» // *Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersburg*, 1866–1876).

<...>

В марте 1855 г. по поручению Сибирского отдела ИРГО естествоиспытатель **Ричард Карлович Маак*** принял руководство экспедицией для осмотра левого берега Амура от Усть-Стрелки до Мариинского поста. Сам Маак так характеризовал значение Амурского края и его изученности: *«Для науки, приобретения Амурского края столько же обещает выгод, как для торговли и промышленности. До сих пор значительная часть крайнего востока Азии, лежащая между бывшею границею России и собственно китайскими провинциями, была почти неизвестна образованному миру. Кругом этого пространства земли постоянно ездили путешественники, изучавшие страны во всех отношениях и обогащавшие науку плодами своих исследований; но само оно постоянно оставалось каким-то таинственным краем, о котором ученые едва имели несколько отрывочных, не всегда достоверных сведений. Такой значительный пробел в современных знаниях об Азии, конечно, прискорбен...»* [Маак, 1859 а, с. VI].

Финансирование похода взял на себя член-соревнователь Сибирского отдела ИРГО золотопромышленник Степан Фёдорович Соловьёв. Он же принял на себя и издание книги Маака об этом

* **Ричард Карлович Маак** (1825–1886) – географ, этнограф, исследователь Сибири и Дальнего Востока, совершил экспедиции на Виллю в 1854–1855 гг., в Амурский край в 1855–1856 гг. и в долину р. Уссури в 1859–1860 гг.

путешествии. Экспедиция отправилась из Иркутска 6 апреля 1855 г., начав свои работы с р. Шилки, и в дальнейшем продвигались вниз по Амуру вместе с военным отрядом, спускавшимся к Мариинскому посту. Назад, вверх по Амуру, путешественники двинулись из Мариинска 14 августа, посвящая время сбору разнообразных коллекций. 11 октября отряд добрался до окрестностей Айгуна (в прошлом город в северной Маньчжурии, расположенный ниже совр. Благовещенска), где начался ледоход: *«Было еще довольно рано, когда вдали на правом берегу показались строения города Айгуна; но, несмотря на то, что находились вблизи от него, нам не суждено было его достигнуть без особенных затруднений: от сильного ветра возле города скопилось так много льда, что мы так не могли причалить. Густая толпа народа высыпала на берег. Все с участием смотрели на нас; но никто не решался подать нам помощь, хотя все видели, что мы нуждаемся в ней и ежеминутно можем погибнуть. Мы врезались в лед, неумоимо рубили его, и только поздно вечером, после невероятных усилий, причалили и вышли на берег, измученные непрерывной работой и борьбой с чувством невольного страха»* [Маак, 1859 а, с. 273].

Здесь путешественник составил план города, описал храмы, познакомился с ритуалами, традициями и денежным обращением маньчжуров, условиями их быта, культурными артефактами. В Иркутск экспедиция вернулась только в конце декабря.

Научные результаты экспедиции были отражены Мааком в труде «Путешествие на Амур...» [Маак, 1859 а]. В «Альбом рисунков к путешествию на Амур...» [Маак, 1859 б] вошли первые рисунки Амурских пейзажей, изображения коренных жителей Приамурья, этнографических предметов и неизвестных до тех пор видов амурской флоры, а также геогностическая (общегеографическая) карта берегов и карта древесных и кустарниковых растений по берегам Амура, составленная на основании маршрутной съемки вдоль всего течения реки. Путешественником были собраны уникальные сведения о географии, флоре, фауне и этнографии Амурского края. Коллекции, собранные в экспедиции, были обработаны членами ИСПбАН: млекопитающие и гады академиком Фёдором Фёдоровичем Брандтом (1802–1879; зоолог, палеонтолог), растения – академиками Францем Ивановичем Рупрехтом (1814–1870; ботаник) и Карлом Ивановичем Максимовичем, чешуекрылые – чл.- корр. ИСПбАН Эдуардом Петровичем Менетрие (1807–1873; зоолог) и русским натуралистом и зоологом Оттоном Васильевичем Бремером (1812–1873; архитектор-художник, академик архитектуры Императорской академии художеств), и т. п.



Гробница Мангузского шамана (л. 15), культовые артефакты коренных жителей (часть табл. 1), зимник маньчжуров (л. 12), вид с Мариинского поста (л. 16). Из: [Маак, 1859 б]

Глубокую признательность Маак также выразил академику ИСПБАН Антону Антоновичу Шифнеру (1817–1879), составившему по просьбе путешественника тунгусский лексикон (словарь).

В 1858 г. для разграничения Уссурийского края с Маньчжурией Сибирский отдел ИРГО снарядил специальную Уссурийскую экспедицию под началом подполковника Константина Фаддеевича Будогосского (1822–1875; картограф, военный статистик, с 1846 г. находился на службе в Генеральном штабе, в 1861 г. назначен участвовать в комиссии для разграничения Амурского края с Китаем, генерал-майор) «для обозрения страны, лежащей между р. Уссури и морем, и для разграничения ея с остальною Манджурией» [Маак, 1861, с. VIII]. Для параллельного проведения научных работ был вновь приглашен Р.К. Маак, который в конце апреля 1859 г. вместе с молодым этнографом Александром Дмитриевичем Брылкиным (1835–?) и приданным казаком вышли из Читы. После остановки в Хабаровке и пополнения отряда 3 наемными рабочими путешественники поднялись вверх по Уссури и далее по р. Сунгачи к посту на озере Ханка, который и был конечным пунктом похода. Путешествие продолжалось четыре месяца. Отчет об экспедиции с посвящением историку,



Слева направо: К.И. Максимович, М.И. Венюков и Р.К. Маак.

Из открытых источников

почетному члену ИСПБАН барону Модесту Андреевичу Корфу (1800–1876), Маак опубликовал в двух томах под общим названием «Путешествие по долине реки Уссури...» [Маак, 1861].

В предисловии к своему труду исследователь писал: *«Из всех стран, которая айгунский трактат открыл для европейских путешественников, уссурийский край заслуживает особенного внимания. Не говоря уже о тех результатах, которые исследование этого края обещает чистой науке он в высшей степени интересен и по отношению к промышленной и торговой жизни всей Восточной Сибири. Страны, лежащие по Уссури, составляют самую южную часть всех русских владений в восточной Азии; оне наиболее вдаются в земли, подвластные Китаю, и потому представляют населению Восточной Сибири ближайший путь для торговли с самыми богатыми провинциями Китайской Империи, – средними и южными»* [там же, с. V].

Особенности своего похода Маак выразил следующими словами: *«Задача – положить начало специальному изучению этого края выпала на мою долю; до меня он хотя и был посещаем путешественниками, но только проездом, на весьма короткое время. Таким образом, мое путешествие было первое, предпринятое для исследования уссурийской страны»* [там же, с. VI].

Говоря о перспективах коренного населения, Маак отмечал: *«До сих пор они (китайцы. – Авт.) были в этой стране единственными покупателями, которым охотники сбывали свои товары по весьма низкой цене, произвольно установленной китайцами; вот почему ходжены (гольды. – Авт.) очень бедны, и, оставаясь постоянно в долгу у китайцев, так долго находятся в зависимости от них. Эта рабская зависимость ходженов от китайцев прекратится вместе с поселением*

здесь русских и лишь только установятся частыя торговыя сношения. Но можно ожидать большаго... потому что ходзены смотрят на русских, как на своих освободителей и весьма рады их приходу, так как манджурское господство до сих пор было для них тяжелым гнетом, главною причиною их уныния и их бедственного положения... При этом взывания дани, которое, конечно, идет от правительства, китайские чиновники гораздо более думают о своей пользе, и их незаконныя притеснения для бедных ходзенов тем более обременительны, что они почти каждый раз сопровождаются страшными телесными наказаниями и истязаниями. С того времени (1858 г.), как русские поселились в окрестностях устья Уссури и с поселения их по самой реке в 1859 году, уже переменились отношения туземцев к китайцам и становится заметною их привязанность к русским. Они делом и словом помогают русским в незнакомой им стране и уже успели многое перенять от них и в частых сношениях несколько выучились русскому языку – даже охотно меняют свой образ одежды на русский. Нельзя сомневаться, что впоследствии, от этого влияния русских на ходзенов, русский элемент все более и более будет вкореняться в них, но остается только желать, чтобы со стороны наших поселенцев эта привязанность была оценена, и чтобы со стороны русскаго правительства взяты были надлежащія меры для прочнаго присоединения этого племени к России» [там же, с. 9, 10].

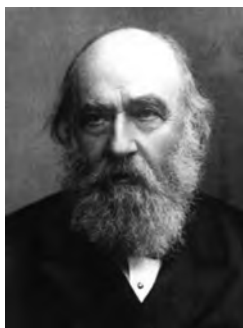
Надо отметить, что экспедиция Маака в Приморье не была единственной в те времена. Годом раньше, в 1858 г., обстоятельное исследование р. Уссури провел **Михаил Иванович Венюков** (1832–1901; этнограф и военный географ, разведчик, генерал-майор, участник экспедиций на Дальний Восток, в Японию и Китай, в Среднюю Азию, в верховьях р. Чу и на озере Иссык-Куль, служил на Кавказе и в Польше). В мае 1858 г. ему, выпускнику Академии Генштаба, довелось присутствовать при подписании Айгунского трактата и участвовать в закладке поста Хабаровка, а 1 июня того же года Венюков с приданным отрядом начал экспедицию в Приморье с целью открытия сообщения от Амура с заливами Владимира и Ольги* на западном берегу Японского моря. Свое путешествие, продолжавшееся два месяца, было описано им в книге «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря», вышедшей в 1868 г.

* Заливы Ольги и Владимира на побережье Приморского края были открыты в июле 1857 г. при следовании русского посольства в Китай из Николаевска-на-Амуре, на пароходо-корвете «Америка» и тендере «Камчадал».

Отряд Венюкова не был многочислен. Путешественник, в частности, писал: *«Один зауряд-офицер как начальник команды, один переводчик гольдского языка, моя прислуга и двенадцать казаков – таковы были мои спутники. Предполагалось, кроме того, дать мне в помощь двух топографов, находившихся уже в Приморской области (образована в 1856 г. – с административным центром в г. Николаевск-на-Амуре. – Авт.) и хорошо знающих свое дело; но топографы эти не прибыли к должному времени на Уссурийский пост, потому что распоряжение о них из Иркутска было сделано несвоевременно и получено в Николаевске слишком поздно. Таким образом, весь труд съемки и других подробностей обозрения лег на меня одного. Не желая, чтобы составленная мной карта оставляла в недоразумении тех, которые бы стали впоследствии руководствоваться ею, я не позволял себе определять расстояния на глаз, а прошел все пространств от Уссурийского поста до устья Лифулэ (р. Тадуши, впадающая в Японское море. – Авт.) пешком, ведя счет шагам; это значительно замедляло ход наш, потому что, оставаясь бессменным съёмщиком, я должен был несколько сберечь свои силы, преимущественно для проходов через горы, и потому идти средним числом по 20–22 версты в сутки, редко более 25-ти. Путь по высокой, густой траве на берегах, местами по грязи, крупным камням или лесной чаще очень утомлял меня, так что я иногда засыпал немедленно по окончании съёмочной работы, успев лишь написать дневник»* [Венюков, 1970, с. 102–103].

Поднявшись вверх по Уссури до устья р. Сунгачи, Венюков далее направился вверх по Уссури, затем по р. Лифудин (Фудзин, Павловка) и ее притокам к гавани Владимира. Однако обстоятельства не позволили путешественнику дойти до гавани, находившейся от него только в 35 км. Всего Венюков прошел пешком более 700 км от устья Уссури до перевала через Сихотэ-Алинь. Весь маршрут, включая изгибы рек, каждую протоку или приток, исследователь наложил на свой планшет. В марте 1859 г. Венюков выступил в ИРГО с докладом о своем путешествии по Уссури. Сведения, представленные им, получили высокую оценку собравшихся и, в частности, вице-председателя Общества Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского.

В дальнейшем первая подробная карта Амурской страны была составлена благодаря экспедиционным работам **Алексея Фёдоровича Будищева** (1830–1868; капитан / подполковник корпуса лесничих, топограф, путешествовал в Уссурийском крае в 1859–1867 гг., в результате чего в 1867 г. в «Записках Сибирского отдела



Слева направо: Г.И. Радде, Ф.Б. Шмидт и Г.П. фон Гельмерсен.

Из открытых источников

Географического общества» было напечатано «Описание лесов части Приморской области»), **Густава Ивановича Радде** (1831–1903; географ, этнограф, путешественник, чл.- корр. ИСПБАН с 1881 г., в 1857–1858 гг. изучал среднее течение Амура и низовья Уссури), **Фёдора Богдановича Шмидта** (1832–1908; геолог, палеонтолог и ботаник, экстраординарный академик ИСПБАН с 1874 г., ординарный академик с 1885 г., директор Геологического музея ИСПБАН с 1873 г., занимался изучением долины Амура и о-ва Сахалин, в 1861 г. пересек Уссурийский край с юга на север от Владивостока до Хабаровска: вверх по Суйфуну/Раздольной к озеру Ханка и далее вниз по Сунгаче к Уссури), штабс-капитана **Григория Петровича фон Гельмерсена** (1893–1885; основоположник русской школы геологической картографии, геолог, горный инженер, директор Горного института в 1856–1872 гг., экстраординарный академик ИСПБАН с 1847 г., ординарный академик с 1850 г., в 1864–1865 гг. как офицер Генштаба побывал в Южно-Уссурийском крае со специальными миссиями), и других исследователей.

По материалам: [Палибин, 1939; Хисамутдинов, 2007; Головлев, 2009; Петропавловский, Урусов, 2009; Манько, Пуреховский, 2016; информ. источники].

7.6. Путешествия Н.М. Пржевальского, П.П. Семёнова-Тян-Шанского и Н.Н. Миклухо-Маклая

Новоприобретенная дальневосточная территория выглядела многообещающей со всех точек зрения и требовала более детального изучения. На эту новую для империи малоизвестную область вскоре обратил внимание **Николай Михайлович Пржевальский** (1839–1888; путешественник, географ и натуралист, почетный член ИРГО, Генерального штаба генерал-майор с 1886 г., почетный член ИСПБАН с 1887 г.). В августе 1861 г. Николай Михайлович был зачислен в младший класс Николаевской академии Генерального штаба (г. Санкт-Петербург). В 1862 г., на втором (выпускном) курсе академии, написал статью на заданную тему «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» (региона, вошедшего в состав Российской империи в 1858 г.). В конце марта 1867 г. Пржевальский, исполняя должность обер-офицера для поручений при штабе Восточно-Сибирского военного округа, был направлен в командировку по статистическому описанию Уссурийского края с заданием провести инспекцию линейных батальонов и населенных мест, исследовать пути, ведущие к границе с Маньчжурией и Кореей, уточнить маршрутную топографическую карту и, по поручению от Сибирского отдела ИРГО, провести комплекс географических исследований, включая описание флоры и фауны, сбор зоологических и ботанических коллекций.

В апреле 1867 г. с письмами к администрации и руководителям филиала ИРГО в Сибири Пржевальский прибыл в Иркутск. Здесь он продолжил усердно готовиться к экспедиции в Уссурийский край, которая прошла с конца мая 1867 г. по начало октября 1869 г. и фактически стала началом исследовательской деятельности Пржевальского.

В 1870 г. Пржевальский издал книгу «Путешествие в Уссурийском крае», которая была удостоена серебряной медали ИРГО и стала первым энциклопедическим справочником по Уссурийскому краю и Приамурью. Хотя Пржевальский и не был первым путешественником по Уссурийскому краю, но он по праву может считаться первым исследователем, давшим всестороннее описание этой территории. В предисловии к упомянутой книге Пржевальского, изданной в 1947 г., по этому поводу сказано:

«Мировую славу Н.М. Пржевальский получил в результате четырех экспедиций в Центральную Азию. Первое его путешествие – Уссурийское менее известно.



Н.М. Пржевальский.
Из открытых источников



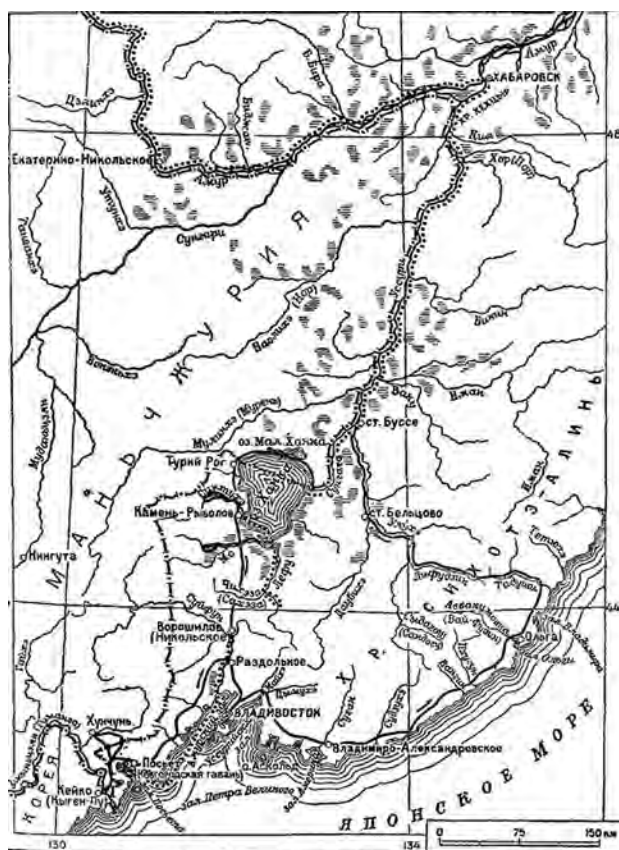
Медаль Императорской академии наук
Николаю Михайловичу Пржевальскому,
1886 г.

Грандиозные открытия Пржевальского в пустынях Монголии, в болотах Цайдама, в высоком Тибете и на Лоб-норе затмили результаты его исследований на Уссури и озере Ханка. Большие девяти лет провел он в Центральной Азии, прошел и нанес на карту свыше 30 000 км.

Путешествие в Уссурийском крае было началом исследовательской деятельности Пржевальского. В первой главе описания четвертого путешествия в Центральную Азию он писал: "Путешественнику-новичку необходимо сперва испробовать свои силы на небольшой и не особенно трудной экспедиции, какой для меня было путешествие в Уссурийском крае в 1867, 68 и 69 гг., дабы приобрести некоторую опытность и потом уже пускаться в более крупное предприятие".

Уссурийское путешествие, по словам Пржевальского, явилось для него "первой пробой сил", но и одного этого путешествия было достаточно, чтобы имя Пржевальского осталось в истории науки» [Пржевальский, 1947, с. 5].

По результатам поездки в Уссурийский край Пржевальским были рекомендованы участки для первоочередного заселения, среди которых наиболее пригодными, по мнению путешественника, «следует считать прежде всего Ханкайские степи, с их широким простором и благодатной почвой. Много тысяч семейств уместится здесь совершенно свободно, и если только новые поселенцы примутся за устройство своего житья-бытья, то можно ручаться, что через несколько лет они станут жить в полном довольстве и не пожалеют о том, что рискнули бросить свою долину» [там же, с. 232].



Карта маршрутов Н.М. Пржевальского в Уссурийском крае.
 Сплошной линией показан маршрут по суше, точками – по воде.
 Из: [Пржевальский, 1947]

Впоследствии Пржевальский совершил 5 путешествий по Центральной Азии (1871–1873; 1876–1877; 1879–1880; 1883–1885; 1888). За время экспедиций он со своими помощниками преодолел более 33 тысяч километров, нанес на карты 20 тысяч квадратных километров новых территорий, а его исследования охватили территорию более 6 миллионов квадратных километров. Крупнейшими заслугами Пржевальского стали географическое и естественно-историческое исследование горной системы Кунлуня, хребтов Северного Тибета, бассейнов Лобнора и Кукунора и истоков Желтой реки (Хуанхэ). Кроме того, он открыл целый ряд новых видов животных: дикого верблюда, лошадь Пржевальского и других млекопитающих, а также собрал огромные зоологические и ботанические коллекции. Академия наук

и ученые общества всего света приветствовали открытия Пржевальского. Санкт-Петербургская Академия наук наградила Пржевальского медалью с надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии», а в 1887 г. избрала своим почетным членом.

Скончался Николай Михайлович Пржевальский в Караколе (Кыргыстан) 20 октября 1888 г., похоронен на берегу оз. Иссык-Куль.

<...>

В серии исследований Центральной Азии особое место отводится **Петру Петровичу Семёнову**, в документах с 1906 г. и в последующей историографии известному как Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914) – русский ученый-естествоиспытатель и путешественник, экономист, статистик, энтомолог, государственный и общественный деятель, почетный член Императорских Академии наук (с 1873 г.) и Академии художеств (с 1874 г.), активный деятель Географического (действительный член с 1849 г., вице-председатель с 1873 г.), Энтомологического (действительный член с 1863 г., президент с 1889), Минералогического (действительный член с 1863 г., почетный член с 1900 г.) и Горного (действительный член с 1900 г.) обществ; также состоял членом многих других российских и западных ученых учреждений, в том числе всех действовавших императорских университетов. Сенатор с 1882 г., член Государственного совета с 1897 г., действительный тайный советник с 1895 г., участник крестьянской реформы 1861 г., организатор всероссийской переписи населения 1897 г.



П.П. Семёнов.

Фотопортрет работы

А. Кине, 1870-е гг.

Из открытых источников

В 1856 г. Семёнов по поручению ИРГО предпринял экспедицию для исследования горной системы Тянь-Шаня, являвшейся тогда местностью недоступной для европейцев. В течение двух лет ученый посетил Алтай, Тарбагатай, Семиреченский и Заилийский Алатау, озеро Иссык-Куль, первым из европейских путешественников побывал на высочайшей горной группе Хан-Тенгри. В это время им были собраны богатые коллекции по естественной истории и геологии страны. Кроме того, путешественник разрабатывал вопросы географического районирования России: в 1871 г. предложил деление



Городская площадь в Копале (Капале), 1857 г.
Из: [Семёнов-Тян-Шанский, 1946]

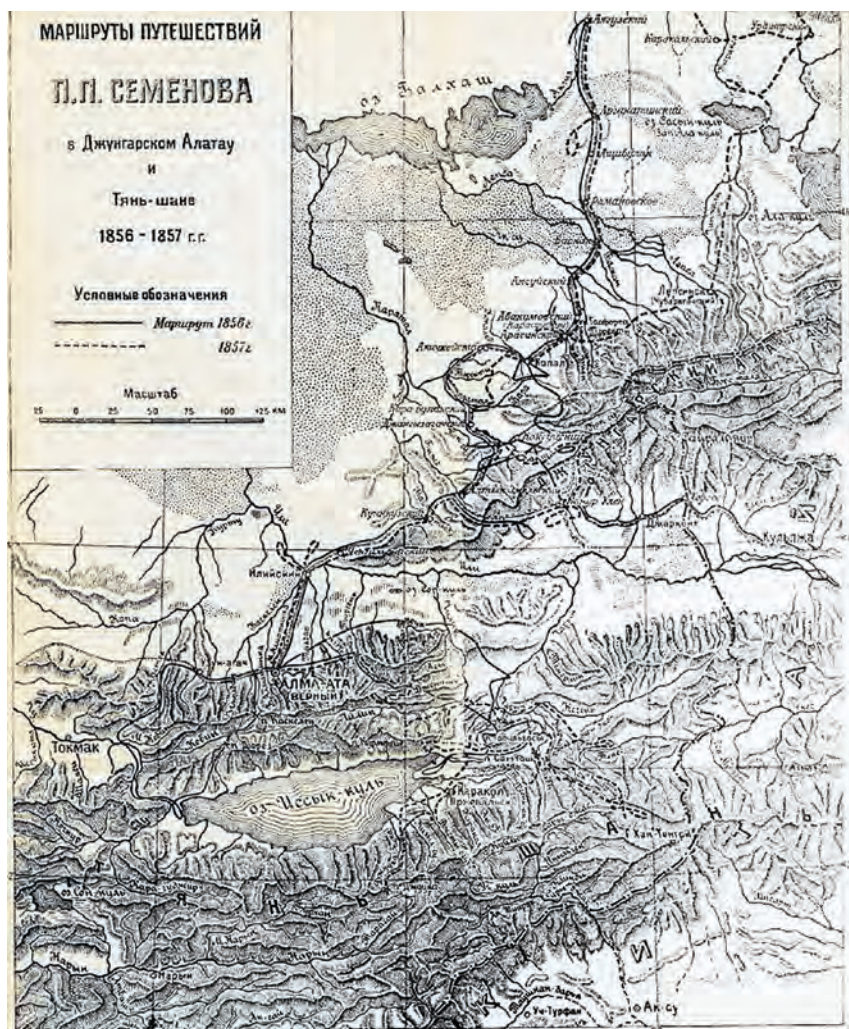


П.П. Семёнов
в 1856 г.
Из: [Семёнов-Тян-Шанский, 1946]



Буамское ущелье, Бурамбай – султан и манап дикокаменных киргизов,
Дуана (колдун) Большой орды. Из: [Семёнов-Тян-Шанский, 1946]

Европейской России на 14 областей, в 1877–1878 гг. обосновал ее разделение на 12 областей. Перевел на русский язык «Землеведение Азии» Карла Риттера (1779–1859; немецкий географ), дополнив его материалами по азиатской России. Выпустил в свет «Географическо-статистический словарь Российской империи» (5 томов, 1863–1885). Вместе с академиком Владимиром Ивановичем Ламанским (1833–1914; ординарный академик по Отделению русского языка и словесности с 1900 г.) руководил многотомным изданием «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (19 томов, 1899–1914). В 1873 г. был избран вице-президентом Русского географического общества и бессменно занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1914 г. В 1895 г. Семёнов написал «Историю полувековой деятельности Географического общества» (3 тома).



Маршруты путешествий П.П. Семёнова.

Из: [Семёнов-Тян-Шанский, 1946]

Императорским указом 23 ноября 1906 г. за заслуги в открытии и первом исследовании горной страны Тянь-Шань к его фамилии «с нисходящим потомством» была присоединена приставка – Тянь-Шанский.

Умер Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский в Петербурге 26 февраля [11 марта] 1914 г. от воспаления легких на 88-м году жизни. Похоронен на Смоленском православном кладбище.

По материалам: [Семёнов-Тян-Шанский, 1946, 2019; Алдан-Семёнов, 1965; Антошко, Соловьёв, 1977; информ. источники].

<...>

Одной из наиболее экзотичных и значимых с научной точки зрения экспедиций второй половины XIX в. стало путешествие **Николая Николаевича Миклухо-Маклая*** в Новую Гвинею, состоявшееся в 1871–1872 гг. и длившееся 15 месяцев. Идея о проведении экспедиции была поддержана ИРГО и Александром II лично. Для достижения побережья Новой Гвинеи Николаю Николаевичу было выдано разрешение от Морского министерства присоединиться к плаванию на корвете «Витязь».

Основная цель путешествия заключалась в проведении антропологических, этнографических и биологических исследований, которые включали наблюдения за природой, жизнью и культурой папуасов северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Миклухо-Маклай стремился изучить этот народ, чтобы опровергнуть расистские теории своего времени, утверждавшие, что папуасы являются промежуточным звеном между человеком и животным. Он хотел доказать, что все люди равны, независимо от цвета кожи. Удивительно, но Миклухо-Маклаю удалось первым из европейцев установить дружеский контакт с племенем папуасов-людоедов, которое по уровню развития жило в каменном веке. С точки зрения современников это была безумная затея.

Корвет «Витязь» вышел в море 27 октября 1870 г. и 19 сентября 1871 г. достиг берега Новой Гвинеи. Когда корабельная артиллерия

* **Николай Николаевич Миклухо-Маклай** (1846–1888) – русский этнограф. В 1870–1880 гг. изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, в т. ч. папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи (ныне – берег Миклухо-Маклая). Образование получил в Германии. В 1864–1869, 1870–1882 и 1883–1886 гг. жил за пределами России. Автор около 160 научных трудов, в основном статей и заметок, при жизни публиковавшихся чаще всего на немецком и английском языках. Первая экспедиция состоялась в 1866 г., когда под руководством зоолога Эрнста Геккеля студент Миклухо-Маклай поехал на Канарские острова. В результате был открыт новый вид известковых губок, названный *Guancha blanca* в честь коренных обитателей островов. Во время подготовки к этому путешествию Маклай успел познакомиться с Чарльзом Дарвином. В 1870–1871 гг. осуществил первое путешествие в Новую Гвинею. Затем он еще два раза посещал Новую Гвинею (1876–1877, 1883) и совершил несколько путешествий на другие острова Меланезии. Выдвигал проект создания единого сообщества папуасов под протекторатом России. Император Александр II заинтересовался возможностью создать опорный пункт в Океании, но многие отнеслись к идее с сомнением. В итоге Новая Гвинея в 1885 г. стала немецкой колонией. По возвращении в Санкт-Петербург в 1887 г. с намерением опубликовать описание своих путешествий он оказался совсем больным. Путешественник умер в апреле 1888 г. в возрасте 42 лет. Издание дневников ученого было осуществлено уже в советское и постсоветское время [1925, 1940, 1941 и др.], в т. ч. собрание сочинений в 6 томах [1990, 1993 а, б, 1994, 1997, 1999].

дала залпы по случаю молебна и в честь дня рождения одного из великих князей, папуасы, естественно, перепугались. Маклай, надеясь ослабить их испуг, поторопился в папуасскую деревню и описал этот случай следующим образом: «...когда уже начались пушечные выстрелы, но, повидимому, они большие приводили туземцев в недоумение, нежели пугали их. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши и тряслись всем телом, точно в лихорадке, или же приседали. Я чувствовал себя в очень глупом положении. При всем желании успокоить их и сохранить серьезность, я не в состоянии был удержаться от смеха. Но вышло так, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев... ..Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет...» [Миклухо-Маклай, 1925, с. 23].

Первые дни пребывания среди папуасов были наиболее сложными для Маклая, но он сумел с удивительным самообладанием находить нетривиальный выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Например, когда Миклухо-Маклай впервые посетил одну из деревень папуасов, те были настроены весьма враждебно – угрожали копьями и даже стреляли в сторону путешественника из луков, а один, наиболее «нахальный» туземец, со слов Маклая, «копьем, при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и чуть-чуть не попал мне в глаз или в нос» [там же, с. 33–34]. Ученый не испугался и не побежал. Вместо этого он разложил под деревом циновку и улегся спать: «Я проснулся, проспав вероятно больше двух часов, и, открыв глаза, увидел нескольких туземцев, сидевших вокруг циновки, в двух шагах от меня. Они жевали бетель и разговаривали вполголоса. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо, как прежде» [там же, с. 35].

В ходе экспедиции Миклухо-Маклай столкнулся с рядом многочисленных трудностей. Постоянные мучения «от укушений комаров, муравьев и других бестий» [там же, с. 29], частые болезни ученого и его команды, смерть от лихорадки одного из ее членов сильно осложнили проведение исследований. Зато враждебный настрой и опасения папуасов со временем сменились дружелюбностью и уважением. Миклухо-Маклай сумел расположить к себе местных жителей, он никогда не показывал собственного страха, с почтением относился к традициям и обычаям папуасов, лечил заболевших, обучал туземцев языку, сельскому хозяйству, дарил подарки и помогал в освоении новых орудий труда.



Зарисовка Н.Н. Миклухо-Маклая
«Берег Маклая», 1871 или 1872 г.
Государственный Дарвиновский музей



Н.Н. Миклухо-Маклай,
1876. *Из открытых источников*

Миклухо-Маклай собрал обширные материалы о быте, обычаях, языке и диалектах папуасов. Он привез с собой коллекцию многочисленных артефактов, рисунков и образцов флоры и фауны региона. Также исследователь систематически вел метеорологические наблюдения, антропометрические измерения, нанес на карту архипелаг к северу от залива Астролябия, назвав его архипелагом Довольных людей, подробно описал береговую линию, которую позже назвали Берегом Маклая в его честь. Эти материалы стали важнейшими источниками для этнографов, антропологов и биологов и внесли значительный вклад в дальнейшее развитие науки. 22 октября 1886 г. в Санкт-Петербурге открылась выставка этнографических коллекций Миклухо-Маклая, которые преподносились им в дар Академии наук.



Обложка книги «Один среди дикарей».
[Миклухо-Маклай, 1925]



Дом Н.Н. Миклухо-Маклая на мыске Бугарлом (Малаккский п-ов).
Из: [Миклухо-Маклай, 1993 а]

В один из первых дней после высадки на берег Новой Гвинеи Миклухо-Маклай написал: *«Чего мне больше? С одной стороны море с коралловыми рифами, с другой лес с тропической растительностью. Все это полно жизни и разнообразия. Я вижу вдали горы с их причудливыми очертаниями и над ними клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал на толстом стволе поваленного дерева, думая обо всем этом и был доволен, что добрался до цели или вернее до первой ступени длиннейшей лестницы, по которой я могу ее достигнуть»* [там же, с. 30].

По материалам: [Миклухо-Маклай, 1925, 1993; Тумаркин, 2011; информ. источники].

7.7. Формирование национальных научных школ

Эпоху Александра II (1855–1881) называют не только эпохой «Великих реформ», но и временем расцвета русской науки и культуры. Проведенные императором реформы в области образования и общая атмосфера перемен способствовали бурному развитию национальных научных школ, появлению этнически русских ученых мирового уровня.

Среди отечественных химиков международное признание получил **Александр Михайлович Бутлеров** (1828–1886; химик-органик, адъюнкт ИСПБАН по Физ.-мат. отделению с 1870 г., экстраординарный академик с 1871 г., ординарный академик с 1874 г., ректор Императорского Казанского университета в 1860–1863 гг. В 1868 г. Бутлеров стал лауреатом Ломоносовской премии и профессором химии Санкт-Петербургского университета). Он был одним из первых, кто осознал важность изучения молекулярных и атомных структур. Именно Бутлеровым были сформулированы положения химического строения молекулы, основанные на принципе единичной валентности. Выяснение феномена изомерии внесли значительный вклад в понимание процессов формирования химической структуры. В 1865 г. ученый синтезировал изобутан и третичный изобутиловый спирт, которые были предсказаны им теоретически. Бутлеров также был пионером в области геммологии (науки о самоцветах), активно изучал свойства и структуру драгоценных камней, занимался пчеловодством и исследовал чешуекрылых насекомых.

Огромная заслуга Бутлерова состояла в создании первой русской школы химиков, представителям которой Россия обязана выдающимися открытиями и достижениями.

К плеяде наиболее ярких отечественных химиков и естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX в. принадлежит **Дмитрий Иванович Менделеев** (1834–1907) – выдающийся русский ученый-энциклопедист, профессор Санкт-Петербургского университета с 1865 г. (в 1890 г. ушел в отставку в знак протеста против притеснения студенчества), один из создателей Русского химического общества (1868 г.), чл.-корр. ИСПБАН по разряду физических наук Физ.-мат. отделения с 1876 г., почетный член многих университетов, академий и научных обществ, тайный советник.

Создание Менделеевым периодической системы химических элементов стало одним из величайших открытий в истории человечества, однако работы ученого по открытию и разработке периодического



Слева направо: А.М. Бутлеров. *Из открытых источников*; Д.И. Менделеев кисти И.Н. Крамского, 1878 г. Музей Д.И. Менделеева при СПбГУ; П.Л. Чебышёв. Фотогалерея РАН

закона составили лишь небольшую часть его творческого наследия. По мнению современников, «Гений Менделеева прикасался к самым различным областям знаний, оставив в каждой из них основательные и оригинальные труды, будь то физика, химия, метеорология, метрология, различные направления техники (кораблестроение, воздухоплавание, пороходелие), отрасли развивающейся русской промышленности и сельского хозяйства (нефтяная и химическая, каменноугольная и металлургическая и др.), экономика, просвещение, философия, социология. Менделеев безусловно может рассматриваться как один из последних ученых-энциклопедистов, по широте своих интересов и колоссальному количеству сделанного приближающийся к универсальным гениям эпохи Возрождения» [Летопись жизни..., 1984, с. 3].

После своего избрания 3 декабря 1876 г. членом-корреспондентом ИСПБАН Менделеев 22 января 1877 г. направил секретарю Академии наук К.С. Веселовскому официальное письмо со словами благодарности: «Спешу... выразить Высокому Собранию русских ученых мою искреннюю признательность и заверить, что постараюсь и впредь приложить посильные труды к процветанию дела науки в России» [там же, с. 165].

Так случилось, что достижения талантливого химика по ряду обстоятельств не были приняты во внимание при избрании Менделеева ординарным академиком ИСПБАН*. Между тем уже при жизни

* В 1880 г. академик А.М. Бутлеров вместе с академиками П.Л. Чебышёвым, Н.И. Кокшаровым (1818–1892; минералог, кристаллограф, ординарный академик с 1866 г.) и Ф.В. Овсянниковым (1827–1906; медик, анатом, физиолог, ординарный академик с 1864 г.) предложил кандидатуру Менделеева на вакантное место действительного члена Академии. По информации К.С. Веселовского уже тогда было понятно, что

Дмитрий Иванович имел мировую известность, получил свыше 130 дипломов и почетных званий от русских и зарубежных академий, ученых обществ и учебных заведений, являлся автором более 500 печатных трудов. За учебник «Органическая химия» (1861) Менделеев Академией наук был удостоен Демидовской премии. Его классический труд «Основы химии» (1869–1871) при жизни Менделеева издавался в России 8 раз; переводился на немецкий, английский и французский языки. Под руководством Менделеева в 1893–1898 гг. были обновлены эталоны фунта и аршина, произведено сравнение русских мер с английскими и метрическими, он стал организатором и первым директором (1893) Главной палаты мер и весов (ныне – Всероссийский НИИ метрологии им. Д.И. Менделеева). В 1897 г. Менделеев стал членом Совета по учебным делам при Министерстве финансов. В тот же период Менделеев участвовал в работе Комиссий по организации Киевского и Варшавского политехнических институтов. В начале 1898 г. ученый выступил в прениях на общем собрании ИРТО, где обсуждалась резолюция Комиссии об организации политехнических институтов и особых технических факультетов при университетах и о расширении преподавания предметов, являющихся «основанием для прикладных технических наук». Как талантливый педагог-практик Менделеев проводил идею непрерывности

по ряду неблагоприятных для ученого обстоятельств Менделеев не сможет набрать необходимых 2/3 голосов для избрания. Единственной возможностью устранить скандал забаллотировки было право veto, имевшееся у президента Академии. Однако Ф.П. Литке, обладавший на выборах двумя голосами и намеревавшийся голосовать против Менделеева, разрешил их проведение. Как и ожидалось, 11 ноября Менделеев был забаллотирован: «за» – 9, «против» – 10 голосов, причем против избрания ученого проголосовала меньшая часть действительных членов Физ.-мат. отделения (7 человек), плюс Ф.П. Литке (2 голоса) и академик-секретарь К.С. Веселовский, выступавший против усиления влияния университетской профессуры на Академию [Веселовский, 1901; Дмитриев, 2002]. Научные круги России проявили солидарность с Менделеевым и до конца 1880 г. сразу 14 научных обществ и учебных заведений России избрали его своим почетным членом. Очевидно, что в то время энергичный Менделеев еще не был востребован властью и даже в чем-то был ей неугоден. Лишь с приходом в правительство С.Ю. Витте (министр финансов в 1893–1903 гг., председатель Комитета министров в 1903–1906 гг.) Менделеев не только стал активно участвовать в решении государственных дел, но и подружился с новым министром (см. главу 8). Помимо прочего, известно письмо С.Ю. Витте от 4 дек. 1899 г. президенту Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу с предложением об избрании Менделеева в Академию. *«В ответном письме от 10 декабря президент сообщил, что избрание представляется сложным из-за отсутствия вакантной кафедры, а также “экономических сумм” для выплаты жалования в случае избрания...»* [Летопись жизни..., 1984, с. 415–416].

образования, которая нашла свое отражение в таких его работах, как «Заметка по вопросу о преобразовании гимназий» (1871), «В пользу образования» (1899), «По вопросам русского школьного образования» (1900).

В 1903 г. Менделеев в личном письме С.Ю. Витте (оставшемуся неотправленным) выделил три собственные «службы Родине»: *«Плоды моих трудов – прежде всего в научной известности, составляющей гордость – не одну мою личную, но и общую русскую... Лучшее время жизни и ее главную силу взяло преподавательство... Из тысяч моих учеников много теперь повсюду видных деятелей, профессоров, администраторов, и, встречая их, всегда слышал, что доброе в них семя полагал, а не простую отбывал повинность.*

Третья служба моя Родине наименее видна, хотя заботила меня с юных лет по сих пор. Эта служба по мере сил и возможности на пользу роста русской промышленности...» [Летопись жизни..., 1984, с. 491].

Три направления в «службе Родине» этого великого ученого и гражданина на протяжении всей жизни были связаны между собой самым тесным образом.

В области математики фундаментальный вклад в теорию чисел (распределение простых чисел), теорию вероятностей и математический анализ (центральная предельная теорема, закон больших чисел) внес **Пафнутий Львович Чебышёв** (1821–1894; математик, механик, адъюнкт ИСПБАН по разряду прикладная математика Физ.-мат. отделения с 1853 г., экстраординарный академик с 1856 г., ординарный академик с 1859 г.). Величайшей заслугой П.Л. Чебышёва является создание знаменитой петербургской математической школы. Среди ее блестящих представителей отметим П.Н. Коркина, Е.И. Золотарёва, А.А. Маркова, А.М. Ляпунова, В.А. Стеклова и др. К концу XIX в. стараниями Николая Дмитриевича Брашмана (1796–1866; чл.- корр. ИСПБАН по разряду математическому Физ.-мат. отделения с 1855 г.) и Николая Васильевича Бугаева (1837–1903; чл.- корр. ИСПБАН по разряду математическому Физ.-мат. отделения с 1897 г.) формируется не менее знаменитая московская математическая школа. С тех пор Россия становится одним из мировых лидеров в области математики.

С 1863 по 1866 г. из печати вышло первое четырехтомное издание «Толкового словаря живого великорусского языка» **Владимира Ивановича Даля** (1801–1872; этнограф, лексиколог, писатель, чл.- корр. ИСПБАН по разряду естественных наук Отделения естественных наук с 1838 г., почетный член с 1863 г.). Словарь создавался

Владимиром Ивановичем с 1819 г., и его появление в свет наглядно показало неисчерпаемое синонимическое богатство русского языка. Благодаря Далю были сохранены для науки тысячи диалектных словоформ, более нигде не зафиксированных. В 1863 г. за первые выпуски «Толкового словаря» Даль получил Константиновскую медаль от ИГО, а по выходе в свет всех выпусков – Ломоносовскую премию (1869). Среди крупных работ Даля можно также отметить объемный в 1096 страниц труд «Пословицы русского народа», опубликованный в 1862 г. Эта книга была закончена Далем еще в 1853 г., однако цензура всячески противилась публикации сборника. На своей рукописи Даль написал «Пословица не судима». Показательно, что в свет книга вышла только в период александровских реформ.

Выдающимся достижением второй половины XIX в. стало открытие **Ильей Ильичём Мечниковым** (1845–1916; русский и французский биолог, микробиолог, цитолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог, чл.-корр. ИСПБАН по разряду биологических наук Физ.-мат. отделения с 1883 г., почетный член с 1902 г., почетный член многих зарубежных академий наук, университетов, институтов и научных обществ, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины 1908 г.) фагоцитоза – процесса, при котором особые клетки (фагоциты) поглощают и обезвреживают чужеродные объекты, например, бактерии. Впервые Мечников заметил это явление в 1882 г., наблюдая, как у личинок морской звезды клетки «набрасываются» на инородные тела. Доказал, что даже погибшие фагоциты сохраняют способность бороться с микробами. Впоследствии он создал фагоцитарную теорию иммунитета, согласно которой все клетки человеческого организма, участвующие в фагоцитозе, делятся на макро- и микрофаги.

Круг исследовательских интересов Мечникова был столь обширен, что трудно выделить какую-то одну особо предпочитаемую ученым сферу его деятельности. Во многих областях биологических и медицинских наук работы Мечникова закладывали фундамент будущих открытий. Он один из основоположников микробиологии и эпидемиологии. Ему принадлежат работы по эпидемиологии азиатской холеры, брюшного тифа, туберкулеза и других инфекционных болезней. Он первым описал феномен «бактерионосительства», когда переболевшие люди продолжают выделять вибрионы, оставаясь источником заражения. Эти работы легли в основу современных методов профилактики кишечных инфекций. Кроме того, Мечников выдвинул теорию, согласно которой преждевременное старение вызывается



И.И. Мечников, между 1910
и 1915 гг. *Из открытых
источников*



А.О. Ковалевский, около 1880 г.
Из открытых источников

хроническим отравлением организма токсинами кишечных бактерий. Ввел в обращение термин «геронтология» – науку о старости и путях ее преодоления. Совместно с **Александром Онуфриевичем Ковалевским** (1840–1901; русский биолог и эмбриолог, экстраординарный профессор Казанского университета, профессор Киевского и Новороссийского университетов, основатель и директор специальной зоологической лаборатории Академии наук – первого российского центра экспериментальных исследований по зоологии, чл.-корр. ИСПБАН по разряду биологических наук с 1883 г., ординарный академик с 1890 г.) считается основоположником сравнительной и эволюционной эмбриологии. Изучил развитие головоногих моллюсков и первым установил у беспозвоночных наличие трех зародышевых листков, хорошо известных у позвоночных. Это доказывало сходство развития позвоночных и беспозвоночных животных. На основе изучения внутриклеточного пищеварения у планарий и других животных разработал оригинальную теорию происхождения многоклеточных животных – теорию фагоцителлы.

В 1887 г. Мечников по приглашению французского ученого **Луи Пастера** (1822–1895; выдающийся французский химик и микробиолог, член Французской академии, иностранный чл.-корр. ИСПБАН с 1884 г., почетный член с 1893 г.) переехал в Париж и возглавил одну из лабораторий Пастеровского института, но никогда не прерывал связей с Россией, неоднократно приезжал на родину, помогал русским практикантам, вел постоянную переписку с Сеченовым, Менделеевым и другими русскими учеными.

В 1869 г. свою первую работу опубликовал создатель науки о почве – почвоведении – **Василий Васильевич Докучаев** (1846–1903; профессор минералогии и кристаллографии Санкт-Петербургского университета в 1884–1897 гг., директор Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства в 1892–1895 гг.). Среди других выдающихся деятелей науки отметим уже упоминавшегося выше историка **Сергея Михайловича Соловьёва** (1820–1879; профессор Императорского Московского университета с 1847 г., чл.-корр. ИСПБАН, ординарный академик с 1872 г.), получившего известность созданием 29 томов «Истории России с древнейших времен» (причем первый том вышел в свет в 1851 г., последний – после смерти автора), в которых описана русская история от поры первых киевских князей до XVIII в.; историка, археолога и литературоведа **Петра Петровича Пекарского** (1827–1872; адъюнкт ИСПБАН с 1863 г., экстраординарный академик с 1864 г., ординарный академик с 1868 г.), главные труды которого «Наука и литература при Петре Великом» (1862), за которую еще в рукописи Пекарский получил Демидовскую премию в 1861 г., а также «История Академии наук» в 2 томах [1870–1873]; физика **Александра Григорьевича Столетова** (1839–1896; экстраординарный профессор Императорского Московского университета с 1872 г., заслуженный профессор с 1891 г., инициатор создания при университете Физического института) – создателя классической теории магнитных свойств железа, опубликовавшего также крупные работы по фотоэффекту, исследовавшего газы, разряды, критические состояния тел и другие важнейшие направления физики; физико-химика и металлурга **Николая Николаевича Бекетова** (1826–1911; чл.-корр. ИСПБАН с 1877 г., ординарный академик с 1886 г.), одного из основоположников физической химии и химической динамики, заложившего основы принципа аллюминотермии, открывшего вытеснение металлов из растворов их солей водородом под давлением, руководителя многих работ по термохимии; геолога и палеонтолога **Александра Петровича Карпинского** (1846/1847–1936; профессор Горного института с 1877 г., адъюнкт ИСПБАН с 1886 г., ординарный академик с 1896 г., президент РАН / АН СССР в 1917–1937 гг.) – создателя общей классификации осадочных образований земной коры, составителя геологических и палеогеографических карт, общей геологической карты европейской части России, основоположника российской научной школы геологии; врача **Сергея Петровича Боткина** (1832–1889; профессор Медико-хирургической академии с 1860 г., председатель Общества русских врачей с 1888 г.), одного

из основоположников русской клинической медицины; изобретателей **Павла Николаевича Яблочкова** (1847–1894), который первым в мире изобрел дуговую электролампу, чем определил ускоренное внедрение электрического освещения, и **Александра Фёдоровича Можайского** (1825–1890) – изобретателя воздухоплавательного снаряда (самолета), построенного и испытанного в 1882 г., и многих других выдающихся ученых и конструкторов.

<...>

Следует особо отметить, что многие талантливые ученые, творившие в XIX в., опережали свое время и не были поняты современниками. В области математики к таким выдающимся провидцам относился **Николай Иванович Лобачевский** (1792–1856), который выступил против догмата евклидова пространства. Он построил геометрию Лобачевского и глубоко исследовал ее необычные свойства. В частности, ученый заменил аксиому о параллельных Евклида иным требованием: на плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, проходят по меньшей мере две прямые, не пересекающие данную. Первый набросок новой теории – доклад «Сжатое изложение начал геометрии» Лобачевский сделал 11 [23] февраля 1826 г., и дата этого выступления считается днем рождения неевклидовой геометрии. Ученый настолько «забежал вперед», что был оценен по заслугам только спустя много лет после смерти.

Родился Николай Лобачевский 20 ноября [1 дек.] 1792 г. в Нижнем Новгороде в семье мелкого чиновника. После ранней смерти отца вместе с матерью и братьями переехал в Казань. В 1802 г. поступил в Казанскую гимназию, а в 1807 г. стал студентом Казанского университета. В 1811 г. Лобачевский получил степень магистра по физике и математике с отличием и был оставлен при университете, где преподавал в течение 40 лет, в том числе 19 лет руководил им в должности ректора. Вел курсы по геометрии, тригонометрии, алгебре, анализу, теории вероятностей, механике, физике, астрономии и даже гидравлике, часто замещал отсутствующих преподавателей. В 1830 г. он разработал «Наставления учителям математики в гимназиях» – методическое руководство для преподавания математики. Среди опубликованных работ по геометрии нужно отдельно упомянуть работу ученого «О началах геометрии» (1829–1830) в журнале «Казанский вестник». Именно этот труд, представленный в 1832 г. советом университета в Академию наук, получил отрицательную оценку у самого М.В. Остроградского.

А вот как, например, писал об этой работе в 1834 г. некий анонимный «С.С.» в журнале «Сын отечества»: *«...как можно подумать, чтобы г. Лобачевский, ординарный профессор математики, написал с какою-нибудь серьезною целью книгу, которая немного принесла бы чести и последнему приходскому учителю? Если не ученость, то, по крайней мере, здравый смысл должен иметь каждый учитель; в новой геометрии, которая написана так, что никто из читавших ее почти ничего не понял, не достает и здравого смысла»* (цит. по: [Васильев, 1992, с. 147]). Служебный авторитет Лобачевского пошатнулся, и на третий срок (1833) он был избран ректором всего 9 голосами против 7.

В 1834 г. по инициативе Лобачевского вместо «Казанского вестника» началось издание «Ученых записок Казанского университета», где, бросая вызов своим оппонентам, ученый стал публиковать свои новые идеи, а затем вышла и наиболее полная его работа «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных». Петербургские академики оценивали научные труды Лобачевского неизменно отрицательно, поэтому ему так и не удалось защитить диссертацию.

16 августа 1846 г. Министерство «по указанию Правительствующего сената» отстранило Лобачевского и от профессорской кафедры, и от должности ректора. Вскоре Лобачевский разорился, в 1852 г. умер от туберкулеза его старший сын Алексей. Здоровье самого Лобачевского было подорвано, слабело зрение. Последний труд ослепшего ученого, «Пангеометрия», записали под диктовку ученики ученого в 1855 г. Лобачевский скончался 12 [24] февраля 1856 г., почти в тот самый день, в который 30 годами ранее впервые обнародовал свою версию неевклидовой геометрии. Похоронен великий математик был на Арском кладбище Казани.

Лобачевский умер непризнанным, не дожив до торжества своих идей всего 10–12 лет. Осознание того, что у евклидовой геометрии имеется полноценная альтернатива, произвело огромное впечатление на научный мир и придало импульс другим новаторским идеям в математике и физике. В частности, геометрия Лобачевского оказала решающее влияние на появление римановой геометрии, «Эрлангенской программы» Феликса Клейна и общей теории аксиоматических систем [Хилькевич, 1949]. Известный русский математик и общественный деятель заслуженный профессор Александр Васильевич Васильев (1853–1927) в своей работе, посвященной творчеству Н.И. Лобачевского, писал: *«Научная деятельность Лобачевского, поставившая его в ряд величайших мыслителей всех веков, связана с вопросом об основаниях геометрии... Оно (научное дело. – Авт.) доставило ему*

бессмертную славу «Коперника» и «Колумба» геометрии. Построивши геометрии на положении, отличном от постулатума Евклида, он решил вопрос, который занимал и беспокоил еще геометров Греции» [Васильев, 1992, с. 111].

К числу великих ученых, не сразу понятых современниками, мы должны отнести физиолога **Ивана Михайловича Сеченова** (1829–1905; чл.-корр. ИСПБАН по разряду биологических наук Физ.-мат. отделения с 1869 г., почетный член с 1904 г., заслуженный профессор Московского университета с 1896 г.), который в своем труде «Рефлексы головного мозга» (1863) обосновал рефлекторную природу психической деятельности и показал, что в основе психических явлений лежат физиологические процессы, которые могут быть изучены объективными методами.

Эта работа вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Первоначально основная идея «Рефлексов...» была сформулирована Сеченовым еще в 1860 г. в приложении к своей диссертации. Затем это произведение под названием «Попытки ввести физиологические основы в психические процессы» в виде научно-популярной статьи планировалось к публикации в журнале «Современник», однако было запрещено цензурой. Позже этот же материал под названием «Рефлексы головного мозга» с некоторой правкой был опубликован в 1863 г. в малоизвестном для широкой публики «Медицинском вестнике». Лишь в 1866 г. «Рефлексы...» были изданы отдельной книгой. Однако совет главного управления по делам печати вынес постановление о наложении на нее ареста и о возбуждении судебного преследования ее автора. Постановление было утверждено министром внутренних дел Петром Александровичем Валуевым (1814–1890; министр внутренних дел в 1861–1868 гг., разработчик земской реформы 1864 г., министр государственных имуществ в 1872–1879 гг., председатель Комитета министров в 1879–1881 гг., статс-секретарь Его Императорского Величества с 1859 г., действительный тайный советник с 1866 г., почетный член ИРГО с 1863 г. и ИСПБАН с 1867 г.). Причины столь неожиданного запрета были сформулированы следующим образом: *«Эта материалистическая теория, отвергая свободную волю и бессмертие души, не согласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением; она уничтожает понятие о добре и зле, о нравственных обязанностях человека и наконец о вменяемости преступлений, а потому ведет положительно к развращению нравов. Хотя эта теория прикрывается в сочинении Сеченова формою ученого исследования, но даже это обстоятельство не может быть принято в серьезное внимание при указанном содержании книги; да и притом нельзя*



Слева направо: Н.И. Лобачевский работы Л.Д. Крюкова, между 1833 и 1836 гг. *Из открытых источников*; И.М. Сеченов кисти И.Е. Репина, 1889 г. *Государственная Третьяковская галерея*; С.В. Ковалевская, 1880 г. *Из открытых источников*

не заметить, что книга отличается отнюдь не научным изложением, а представляет напротив популярную беседу с непосвященным читателем. Это обстоятельство, в связи с дешевой ценою книги (80 к.), указывает на намерение автора сделать свою теорию наиболее доступною для публики» [Сеченов, 1942, Приложения, с. 145, 146].

В докладной записке цензора Петербургского цензурного комитета Ф.Ф. Веселаго сказано: «В этом обширном (около 100 печатных страниц) ученом трактате автор чрезвычайно ловко и более или менее (для читателя неспециалиста) удовлетворительно объясняет чисто механическим образом все акты психической жизни. При спокойном и сдержанном изложении автор, хотя нигде прямо не касается религиозных верований и нравственных или политических начал, но тем не менее подрывает их, проводя самым обширным образом идею материализма во все акты жизни человека» (цит. по: [Коштоянц, 1942, с. 16]).

Надо заметить, что И.М. Сеченов был настолько глубоко уверен в правоте своих заключений, что, когда коллеги спросили его, кого из адвокатов он думает привлечь для защиты на предстоящем суде, то, по словам известного народника-публициста Н.Ф. Анненского, он ответил: «Зачем мне адвокат? Я возьму с собой в суд лягушку и продаю перед судьями все мои опыты: пускай тогда прокурор опровергает меня» [там же, с. 19].

Вскоре арест на книгу был снят. В приложениях к книге Сеченова, изданной в военном 1942 г., по этому поводу находим следующий документ: «24 июня 1867 г. за № 9730, управляющий министерством

юстиции статс-секретарь князь Урусов уведомил министра внутренних дел, что прокурор с.-петербургской судебной палаты... вошел в министерство юстиции с представлением о том, что помянутое сочинение профессора Сеченова не заключает в себе, по его мнению, таких мыслей, которые бы могли быть подведены под точный смысл уголовных законов, и за распространение коих сочинитель, на основании ныне действующих узаконений, мог бы быть признан подлежащим ответственности...». Среди приведенных оснований был и такой пункт: «Приводимая цензурным комитетом 1001 ст. улож. о нак. ни в каком отношении не может быть применена к настоящему делу, ибо, относясь лишь к сочинениям, противным нравственности и благопристойности, закон, изображенный в той статье, угрожает наказанием авторам только тех сочинений, которые имеют целью развращение нравов, или явно противны нравственности и благопристойности. Но в помянутом сочинении профессора Сеченова нет ни одного места, которое можно было бы осудить с этой стороны» [Сеченов, 1942, Приложения, с. 148].

В «Медицинском вестнике», подаренном будущей жене, Сеченов в конце своей статьи приписал от руки: «В заключение считаю долгом успокоить нравственное чувство моего читателя. Развитым перед этим учением нисколько не уничтожается значение доброго и прекрасного в человеке: основания для нашей любви друг к другу вечны, подобно тому как человек вечно будет ценить хорошую машину и предпочитать ее дурной из ряда однородных. Но эта заслуга развитого мною учения еще отрицательная, — а вот и положительная — только при развитом мной воззрении на действия человека в последнем возможна высочайшая из добродетелей человеческих — всепрощающая любовь, т. е. полное снисхождение к своему ближнему» (цит. по: [Коштоянц, 1942, с. 20]).

Книга «Рефлексы головного мозга» была издана в 1866 г., а затем переиздана в 1877 г. Тем не менее эту провидческую работу Сеченова так и не приняли многие современники, в том числе такие гениальные умы того времени, как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский.

Ныне И.М. Сеченов считается одним из величайших ученых в истории физиологии. Его труды, особенно «Рефлексы головного мозга», заложили основы для многих современных научных исследований в области нейропсихологии и психофизиологии. Именно Сеченов считается создателем первой российской физиологической научной школы и естественно-научного материалистического направления в психологии. Он воспитал многих ученых, включая будущего

лауреата Нобелевской премии 1904 г. чл.-корр. ИСПБАН с 1901 г., ординарного академика с 1907 г. Ивана Петровича Павлова (1849–1936), основоположника учения об общих закономерностях реагирования возбудимых систем организма чл.-корр. ИСПБАН с 1908 г. Николая Евгеньевича Введенского (1852–1922), князя, создателя учения о доминанте, академика АН СССР с 1935 г. Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) и других выдающихся физиологов. Исследования Сеченова оказали огромное влияние на развитие отечественной и мировой физиологии, на утверждение естественно-научных представлений о человеке, его психической организации и поведении.

Даже в последние годы жизни И.М. Сеченов не оставлял свою профессию и в 1904 г. был удостоен звания почетного члена Санкт-Петербургской академии наук. На следующий год он скончался и был похоронен на Ваганьковском погребальном участке, а в 1940 г. его останки были перенесены на Новодевичье кладбище.

По материалам: [Сеченов, 1942; Яновская, 1959; Брагин, 1981; Березовский, 1984; Ярошевский, 2021; и др.].

<...>

Среди выдающихся русских ученых второй половине XIX в. особой строкой выделяется **Софья Васильевна Ковалевская** (урожденная Корвин-Круковская) (1866–1891), ставшая первой в мире женщиной – профессором математики, сделавшая несколько важных открытий фундаментального характера, главным образом в теории вращения твердого тела, теории потенциала, математической физики, небесной механики. В частности, Ковалевской было завершено полное решение задачи вращения тяжелого твердого тела вокруг неподвижной точки. Из трех представленных задач две были решены Лагранжем*. Решение третьей, самой сложной, принадлежит Ковалевской. За эту работу ей была присуждена в 1888 г. премия Парижской академии наук. Работа была так высоко оценена, что денежные призы увеличили с 3000 до 5000 франков. Вторая работа на эту тему была отмечена в следующем году премией Шведской академии наук.

Одной из причин своего интереса к математике Ковалевская относила к «курьезному обстоятельству»: при переезде в семейную усадьбу Полибино на одну из детских комнат не хватило обоев и стену оклеили листами из печатного издания лекций по дифференциальному

* **Жозеф Луи Лагранж** (1736–1813) – французский математик, астроном и механик итальянского происхождения. Внес вклад во многие области математики, включая вариационное исчисление, теорию дифференциальных уравнений, решение задач на нахождение максимумов и минимумов, теорию чисел, алгебру и теорию вероятностей.

и интегральному исчислению академика М.В. Остроградского. В таком виде комната простояла много лет, и Софья, как она вспоминала, проводила перед этой загадочной стеной целые часы. В результате многие формулы и фразы так врезались ей в память, что позже, когда она в возрасте 15 лет стала брать уроки дифференциального исчисления, некоторые математические понятия давались ей на удивление легко, будто она «наперед их знала» [Кочина, 1981].

Получив блестящее домашнее образование, Софья страстно хотела учиться в высшей школе, но в России в то время поступление женщинам в университеты было запрещено, а ближайшие вузы, открытые для женщин, были в Европе. Так как юным, незамужним барышням не разрешалось путешествовать за границей в одиночку, в сентябре 1868 г. Софья фиктивно вышла замуж за 26-летнего молодого ученого-палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского (1942–1883; доктор философии, один из основоположников эволюционной палеонтологии, младший брат эмбриолога Александра Ковалевского). Жених не подозревал, что в итоге влюбится в свою фиктивную супругу.

В 1868 г. новобрачные отправились за границу. В июле 1874 г. Геттингенский университет заочно, на основании трех работ Софьи, предоставленных Карлом Вейерштрассом, присвоил ей степень доктора математической философии и магистра изящных искусств. Этих работ хватило для того, чтобы все забыли, по словам Вейерштрасса, о «принадлежности Софьи к слабому полу». Но даже с такой престижной степенью Софья осталась практически невостребованной даже в прогрессивной Германии, где никак не могла рассчитывать на должность преподавателя.

В России Софье предложили работу преподавателя начальных классов в женской гимназии. От предложения Ковалевская отказалась. В это время она, ненадолго оставив математику, решила попробовать себя в литературе и стала писать художественные, театральные обзоры, а также научные статьи для газеты. В 1878 г. у Ковалевских родилась дочь Соня. Софья целиком была поглощена малышкой и увлеклась уходом за ней с той же самоотверженностью, с какой до этого увлекалась театром, а еще раньше – математическими вычислениями. В 1883 г. после неудачных коммерческих сделок и вложений ее муж Владимир, потеряв все деньги и оставив семью без средств к существованию, покончил жизнь самоубийством. В 1884 г. Софья, благодаря поддержке знакомых, получила приглашение в Стокгольмский университет, в котором преподавала на немецком и на шведском языках, причем шведский язык она освоила за 2 месяца. Затем последовала

серия больших достижений. Ковалевская получила должность в университете, была назначена редактором журнала математики, написала и опубликовала первую статью о кристаллах, а в 1885 г. ей доверили кафедру механики.

В конце 1880-х годов близким другом Софьи стал однофамилец ее мужа социолог Максим Максимович Ковалевский (1851–1916; русский историк, публицист, социолог эволюционистского направления и общественный деятель, один из видных деятелей русского масонства), покинувший Россию из-за преследований со стороны правительства. Ковалевская пригласила его к себе в Стокгольм и обеспечила ему заработок посредством чтения лекций в местном университете. Максим Ковалевский сделал ей предложение, но Ковалевская его отвергла, так как не желала связывать себя узами нового брака. В 1890 г. после совместной поездки по Ривьере они расстались.

В России Ковалевскую признали только после того, как результаты ее научных изысканий были удостоены премий Парижской академии наук и Шведской королевской академии. 2 декабря 1889 г. наконец-то она стала первой женщиной членом-корреспондентом (но иностранным) на Физико-математическом отделении ИСПБАН.

В 1891 г. на пути из Берлина в Стокгольм Ковалевская узнала, что в Дании началась эпидемия оспы. Испугавшись, Софья решила изменить маршрут. Но кроме открытого экипажа для продолжения путешествия не оказалось ничего. По дороге Ковалевская простудилась. Простуда перешла в воспаление легких. Софья Ковалевская скончалась в возрасте 41 года 29 января 1891 г. в Стокгольме. Внезапная смерть Софьи Васильевны Ковалевской потрясла всех.

Единственным русским на похоронах был Максим Максимович Ковалевский. Вот его прощальные слова: *«Софья Васильевна! Благодаря вашим знаниям, вашему таланту и вашему характеру вы всегда были и будете славой нашей родины. Недаром оплакивает вас вся ученая и литературная Россия. Со всех концов обширной империи, из Гельсингфорса и Тифлиса, из Харькова и Саратова присылают венки на вашу могилу. Вам не суждено было работать в родной стране, и Швеция приняла вас. Честь этой стране, другу науки. Особенно же честь молодому Стокгольмскому университету! Но, работая по необходимости вдали от родины, вы сохранили свою национальность, вы остались верной и преданной союзницей юной России, России мирной, справедливой и свободной, той России, которой принадлежит будущее. От ее имени прощаюсь с вами в последний раз!»* (цит. по: [Кулакова, 2009]).

7.8. Несостоявшаяся Конституция

М.Т. Лорис-Меликова

1 [13] марта 1881 г. произошло убийство Александра II*. Российский император был смертельно ранен в результате нападения, осуществленного членами террористической организации «Народная воля» на набережной Екатерининского канала Санкт-Петербурга с помощью самодельных метательных снарядов. Покушение произошло около 14:25, когда император возвращался после войскового развода в Михайловском манеже с «чая» (второго завтрака) в Михайловском дворце у великой княгини Екатерины Михайловны. Народники надеялись, что убийство государя вызовет революцию и приведет к социальным преобразованиям. Однако идея народо-вольцев не возымела нужного эффекта, наоборот, царевбийц повсеместно осуждали.

Следует обратить внимание, что к концу царствования Александра II был составлен проект формирования при императоре двух органов – уже существовавшего Государственного совета, но в расширенном составе (включавшего в основном крупных вельмож и чиновников), и «Общей комиссии» (съезда) с возможным участием представителей от земств. Речь, конечно, шла не о парламентской монархии, при которой верховным органом является демократически избираемый парламент (которого в России не было и не планировалось), а о возможном ограничении самодержавной власти в пользу органов с ограниченным представительством (хотя предполагалось, что на первом этапе они будут чисто совещательными). Авторами данного «конституционного проекта» был министр внутренних дел граф **Михаил Тарилович Лорис-Меликов** (1829–1888; российский военный и государственный деятель армянского происхождения, генерал от кавалерии, почетный член ИСПБАН с 1880 г.) при участии министра финансов Александра Агеевича Абаза (1821–1895; государственный деятель, почетный член ИСПБАН с 1876 г.) и военного министра

* По общепринятой версии, на императора Александра II было совершено шесть покушений (последнее покушение было двойным), среди которых пятое покушение, свершенное 5 февраля 1880 г., оказалось крайне кровопролитным. Его совершил народо-волец Степан Халтурин, который устроился плотником в Зимний дворец. За полгода своей работы он успел пронести в подвал, который находился под царской столовой, тридцать килограммов динамита. Во время взрыва погибло 11 человек и ранено 56 человек – все солдаты караульной службы. Сам Александр II не пострадал, так как встречал запоздавшего гостя.



Собор Воскресения Христова (Спаса на Крови), воздвигнутого на месте покушения на Александра II как искупление за мученическую смерть императора. *Из открытых источников*

графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912; военный историк, чл.- корр. ИСПБАН по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения с 1853 г., почетный академик с 1866 г.)^{*}.

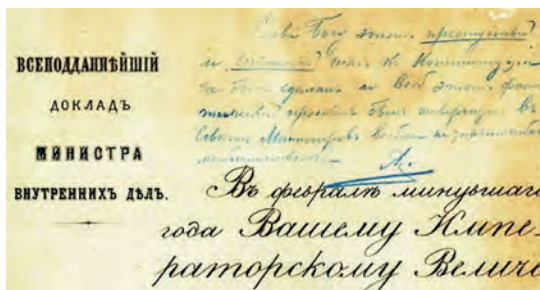
Александр II принял решение дать ход конституционному проекту Лорис-Меликова, полагая, что принятие этого проекта смягчит революционные настроения. 1 [13] марта в полдень монарх объявил Лорис-Меликову, что 4 марта проект будет обсуждаться на заседании Совета министров, однако через два часа император был убит.

Его наследник, император Александр III, по совету обер-прокурора Священного Синода Константина Петровича Победоносцева (1827–1907; крупный правовед и государственный деятель, почетный член ИСПБАН с 1880 г., преподавал законоведение наследникам престола – будущим императорам Александру III и Николаю II), ставшего

^{*} Несмотря на то что впоследствии документу дали громкое имя «Конституция», проект Лорис-Меликова предусматривал лишь самые робкие шаги к конституционному ограничению самодержавия. Основная идея состояла в привлечении общественности к сотрудничеству с правительством, а представителей третьего сословия (крупных городов и земства) – к законотворческой деятельности путем разового созыва представительного органа с законосовещательными правами. Право законодательной инициативы при этом сохранялось за монархом. Проект конституции был впервые издан в Берлине в 1904 г. М.М. Ковалевским с добавлением частной переписки графа Лорис-Меликова.



Обложка первого издания книги «Конституция Лорис-Меликова» (1904).
Из открытых источников



Резолюция императора Александра III синим карандашом: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством. А.». Доклад министра Лорис-Меликова, 1881 г. Из открытых источников

главным идеологом новой эпохи, отправил проект «Конституции» в архив.

Убийство Александра II вызвало резкую перемену общественных настроений. Террористы рассматривались как орудия западного влияния, либеральные министры убитого императора были вынуждены уйти в отставку. Политический режим при Александре III стал более жестким. Многие народники отказались от террористических актов как главного метода политической борьбы. В России воцарилось спокойствие. Но лишь на время.

8. РОССИЙСКАЯ НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

8.1. Научно-техническое и промышленное развитие

После убийства Александра II на престол 2 [14] марта 1881 г. взошел его сын **Александр III Александрович Романов** (26 февраля [10 марта] 1845–29 октября [1 ноября] 1894): второй сын Александра II и Марии Александровны, внук Николая I, муж императрицы Марии Фёдоровны, отец будущего императора Николая II.



Император Александр III.
Фото Надара

По свидетельству академика Н.Х. Бунге (1823–1895): *«Император Александр III вступил на Престол в смутное время. Общество было глубоко взволновано и ужасным преступлением, и кажущимся бессилием Правительства в борьбе с тайным врагом. Многие не постигали и не понимают даже теперь, почему славные дела, совершенные Царем-Освободителем: упразднение крепостного права, дарование неподкупного гласного суда, большая свобода печати, отмена телесных наказаний, устройство самоуправления, начиная от сельской общины и города и оканчивая уездными и губернскими земскими учреждениями, при несомненной любви народа к Своему Государю, виновнику дарованных благ, не только не сопровождались сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка»* [Бунге, 1993, с. 29].

Из сказанного становится понятным, почему уже 29 апреля [11 мая] 1881 г. новый монарх издал Манифест о незыблемости самодержавия [ПСЗРИ, 1885, т. I: № 118, с. 53, 54], в котором самодержавие провозглашалось единственно возможной формой правления для России, «завещанной предками», отвергались любые проекты ограничения монаршей власти, включая конституционные предложения, разработанные министром внутренних дел Михаилом Лорис-Меликовым. В Манифесте, в частности, было сказано: *«Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных*

НАШИХ подданных, всех любящих отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской власти. Под сению Ея и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великия смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ея.

Посвящая Себя великому НАШЕМУ служению, МЫ призываем всех верных подданных НАШИХ служить НАМ и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, — к утверждению веры и нравственности, — к доброму воспитанию детей, — к истреблению неправды и хищения, — к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ея Возлюбленным НАШИМ Родителем» [там же, с. 154].

Основные мероприятия правительства Александра III были направлены на стабилизацию (консервацию) социально-политической жизни в Российской империи после широкомасштабных реформ Александра II. Главным проводником этих мероприятий в жизнь стало Министерство внутренних дел во главе с графом **Дмитрием Андреевичем Толстым** (1823–1889), назначенным на эту должность 31 мая 1882 г. Кроме того, несколькими днями ранее (25 апреля 1882 г.) ему же было поручено руководство Императорской Санкт-Петербургской академией наук.

В своей речи при вступлении в должность президента ИСПБАН Дмитрий Андреевич указал на высокую миссию Академии: «*Наша академия никогда не забывала, что она в России и для России. Такое именно направление ученой деятельности академии несомненно будет соответствовать воле августейшего ее покровителя... Различие мнений и взглядов естественно, и в научных предметах даже неизбежно, но единство и возвышенность цели сглаживают крайности*» (цит. по: [Все президенты..., 2016, с. 8]). Таким образом,

Начальная часть текста
«Манифеста о незыблемости
самодержавия», 29 апр. 1881 г.





Портрет графа
Д.А. Толстого, президента
ИСПБАН кисти
И.Н. Крамского, 1884 г.
*Литературный музей
ИРЛИ (Пушкинский Дом)
РАН*

с 31 мая 1882 г. и до конца своей жизни Д.А. Толстому предстояло совмещать пост президента Академии наук с постом министра внутренних дел Российской империи.

Немаловажно, что к началу президентства имя графа Д.А. Толстого было широко известно в научных кругах, а его научная деятельность отмечена рядом самых престижных в России званий и наград. Так, его первый научный труд «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II» еще в рукописном виде был удостоен полной Демидовской премией в 1847 г., когда автору было всего 24 года. В том же году Толстого избрали действительным членом ИРГО, а на следующий год за эту работу по распоряжению Николая I

молодого историка наградили бриллиантовым перстнем. С 1848 г. граф занимался составлением истории иностранных исповеданий в России. Позднее одним из итогов данного исследования стало двухтомное сочинение «Римский католицизм в России», изданное в Париже в 1863–1864 гг., за которое Толстой Лейпцигским университетом был



СОДЕРЖАНИЕ	
ПЕРВАГО ТОМА.	
	СТРАН.
Предисловіе	V
I.—Покуще́ніа римскаго двора сопряга́тъ Россію въ римскій католицизмъ, съ десятаго до конца шестнадцатаго столѣтія	1
II.—Царь Іоаннъ IV Васильевичъ и Іезуитъ Посевинъ.	28
III.—Участвіе римскаго католицизма въ смутѣ Россіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія. — Посольство царя Алексѣя Михайловича въ Римъ	70
IV.—Римскій католицизмъ въ Россіи отъ царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей до возсоединенія съ нѣю западнаго края	109
V.—Историческій обзоръ римскаго католицизма въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши	183
VI.—Историческій обзоръ римско-католическихъ епархій въ Литвѣ.	251
Заключеніе первой части	328

Титульный лист первого тома «Римский католицизм в России» и его содержание. [Толстой, 1876]

удостоен звания доктора философии (1864), а Ватиканом – медали Пия IX (1883). В Санкт-Петербурге книга была издана в 1876, 1877 гг. В.Ф. Демаковым [Толстой, 1876, 1877].

Еще будучи министром народного просвещения (1866–1880), в ведении которого находилась Академия наук, Толстой хорошо знал ее текущие проблемы и состояние дел, поскольку через него шли все кадровые перемещения, избрание новых членов, ходатайства на имя императора. В этот период министр добился увеличения окладов академикам и лицам, служащим при Академии наук (1869), увеличения ассигнований и штатов Химической лаборатории (1873), открытия Отделения морской метеорологии, телеграфных сообщений о погоде и штормовых предупреждений при Главной физической обсерватории (1876), поддержал учреждение премии имени Виктора Яковлевича Буняковского (1804–1889; математик, адъютант ИАН по чистой математике с 1828 г., ординарный академик с 1841 г., вице-президент ИСПбАН с 1864 по 1889 г.), празднование 150-летнего юбилея Академии наук, подготовку собрания сочинений М.В. Ломоносова и т. п. При участии Толстого были открыты: Историко-филологический институт в Санкт-Петербурге (1867), Сельскохозяйственный институт в Новой Александрии (1869), Московские высшие женские курсы (1872), Сибирский (Томский) университет (1878), Русская филологическая семинария в Лейпциге для подготовки учителей древних языков (1875), а Нежинский и Ярославский лицеи были преобразованы в Историко-филологический институт и Юридический лицей соответственно. Кроме того, в 1869 г. по его предложению был воссоздан Варшавский университет.

С вступлением на престол Александра III и приходом в Академию наук Толстого ускорилось превращение ИСПбАН в национальное учреждение, чему способствовал ряд утвержденных императором законодательных актов. В частности, в конце января 1882 г. для поощрения русских исследователей были выделены средства для «Премии имени графа Дмитрия Андреевича Толстого», присуждаемой за работы в области естественных и гуманитарных наук *«за лучшие сочинения по всем отраслям наук, имеющих представителей в Академии, на следующих главных основаниях: 1) премии назначаются по конкурсу за лучшие оригинальные научные сочинения русских поданных; 2) срок для присуждения премий определяется трехгодичный; 3) при назначении конкурса соблюдается очередь между Отделениями Академии, так, чтобы в каждую очередь допускались на конкурс сочинения лишь по наукам, входящим в состав того Отделения, которое*

стоит на очереди...» [ПСЗРИ, 1886, т. 2: 29 янв. 1882 г., № 643, с. 30]. Обращает на себя внимание, что следом, 10 августа 1883 г., в свет выходит Высочайшее повеление, объявленное министром народного просвещения, «О принятии Академиею Наук капитала, пожертвованного Президентом Академии Графом Толстым и супругою его» [там же, т. 3: 10 авг. 1883 г., № 1703, с. 376]. В пояснении к повелению говорилось, что состоящий в распоряжении Академии капитал учрежденных с соизволения императора в январе минувшего года премий имени графа Д.А. Толстого (свыше 10.400 р.) дает Академии возможность присуждать из процентов с указанной суммы премии лишь через каждые три года в размере до 1.500 рублей. Желая расширить действие этих премий как президент Академии, Толстой предложил довести вышеуказанный капитал до 30.000 рублей, проценты (1.500) позволили бы присуждать премии ежегодно. В этой связи граф Толстой и его супруга, графиня София Дмитриевна, поручили Главному выкупному управлению причитающиеся им выкупные суммы передать в распоряжение Академии. Вдобавок к тому сам граф Толстой внес в Академию банковые билеты на сумму 13.500 руб. В целом император «Высочайше соизволил на принятие Академиею Наук пожертвованного Президентом Академии Графом Толстым и супругою его капитала в 19.567 рублей 98 копеек, для присоединения этих денег к капиталу премий имени графа Толстого...» [там же, с. 376]. Таким образом, премия со дня ее основания стала присуждаться ежегодно «поочередно каждый раз одним из трех Отделений Академии Наук». В последний раз премию графа Толстого вручали в 1918 г. известному историку, филологу и археографу Григорию Андреевичу Ильинскому (1876–1937; чл.-корр. РАН с 1921 г., академик Болгарской с 1929 г. и Польской с 1930 г. академий наук)*.

Среди законодательных актов, ускоривших превращение ИСПБАН в национальное учреждение, стал закон об избрании в адъюнкты исключительно российских подданных [ПСЗРИ, 1886, т. 2: 13 апреля 1882 г., № 798 «О порядке замещения вакансий Адъюнктов в Императорской Академии Наук», с. 159, 160], в котором, в частности, говорилось: «Вакансии Адъюнктов замещаются русскими учеными, по избранию самой Академии, которой предоставляется:

* Г.А. Ильинский был арестован 11 января 1934 г. по сфабрикованному НКВД делу «Русской национальной партии», осужден на 10 лет, затем тюрьма была заменена ссылкой. В 1936 г. ученый был освобожден и поселился в Томске, где заведовал библиотекой Музея краеведения. В 1937 г. был арестован повторно и 14 декабря расстрелян. Значительная часть поздних научных работ Ильинского безвозвратно утрачена.

или назначить для сего предварительный конкурс, или, не открывая онаго, приступить непосредственно к выборам, которые производятся порядком, определенным в сем Уставе для замещения вакансий Академиков» [там же, с. 160].

Император не обошел своим вниманием и Отделение русского языка и словесности ИСПБАН, для поддержки которого с 1 января 1884 г. были предусмотрены следующие меры:

«1. Усилить Второе Отделение Императорской Академии Наук назначением в состав его еще одного (шестого) Члена.*

2. Предоставить Членам упомянутого Отделения, не выслужившим пенсии в других учреждениях, право получать таковую при выбытии из Академии, на одинаковом основании с Членами других Отделений Академии.

3. В дополнение к суммам, отпускаемым ныне на расходы Второго Отделения Академии, отпускать ежегодно по пяти тысяч рублей на усиление до 150 руб. в месяц выдаваемого Академикам вознаграждения, на издержки по изданию их трудов и на канцелярские расходы Отделения...» [ПСЗРИ, 1886, т. 3: 1 ноября 1883 г., № 1805, с. 430].

Кроме того, 20 октября 1883 г. Александр III по докладу министра народного просвещения утвердил рисунок медали, *«установленной для выдачи посторонним рецензентам трудов, представляемых на соискание премий А.С. Пушкина при Императорской академии наук» [ПСЗРИ, 1886, т. 3: № 1780, с. 422].*

Помимо всего прочего граф Толстой выступил инициатором публикации архивных материалов по истории Академии наук. В 1885 г. вышел в свет первый том этого издания, а реализация всего проекта растянулась до 1900 г. Общий итог работы – издание 10 томов с огромным массивом архивных документов. По инициативе Толстого была создана комиссия под председательством Афанасия Фёдоровича Бычкова (1818–1899; историк, археограф, библиограф, чл.-корр. ИСПБАН с 1855 г., экстраординарный академик с 1866 г., ординарный академик с 1869 г., директор Императорской публичной библиотеки в 1882–1899 гг., член Госсовета с 1890 г.), начавшая подготовку и издание «Писем и бумаг императора Петра Великого». При поддержке Академии регулярно выпускались периодические издания: «Записки Академии наук», «Сборники Отделения русского языка

* На ближайших выборах, прошедших в 1886 г., на вакансии по Отделению русского языка и словесности членами-корреспондентами ИСПБАН на имевшиеся вакансии были избраны поэты Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) и Яков Петрович Полонский (1819–1898).



Рисунок медали, установленной для выдачи посторонним рецензентам трудов, представляемых на соискание премий А.С. Пушкина при Императорской академии наук. Из: [ПСЗРИ, 1886, т. 3, реестр рисунков, 20 окт. 1883 г., лист 22]

и словесности», «Метеорологический сборник», тома академических собраний сочинений Г.Р. Державина, А.С. Пушкина и другие серии, в том числе на французском языке.

Обращает на себя внимание, что после вступления на престол Александра III оживились поступления в Академию наук денежных средств из разных внебюджетных источников и от частных дарителей, среди которых наибольший взнос, как упомянуто выше, был сделан президентом ИСПБАН графом Д.А. Толстым и его супругой. Затем, 17 августа 1881 г., вышло Высочайшее повеление «О передаче Императорской Академии Наук остатка от сбора на памятник А.С. Пушкина» в количестве 20.313 руб. «для учреждения премий имени поэта: 1) за ученые сочинения по истории Русской литературы и Русского языка; 2) за оригинальные произведения русских авторов изящной словесности, а также за переводные в стихах, и 3) за критические разборы выдающихся произведений по Русской изящной словесности» [ПСЗРИ, 1885, т. 1: 17 авг. 1881 г., № 357, с. 267].

Немного погодя, 5 января 1882 г., последовало еще одно повеление «Об учреждении неприкосновенного капитала имени Полковника Н.М. Пржевальского, с причислением онаго к специальным средствам Императорской Академии Наук». В данном повелении говорилось, что на учреждение при ИСПБАН «на счет суммы тысячи пятисот шестидесяти семи рублей шестидесяти восьми копеек, собранной с бывшей в 1881 году в здание Академии выставки зоологических предметов, вывезенных из центральной Азии Полковником Генерального Штаба Пржевальским и принесенным им в дар зоологическому музею Академии, особаго неприкосновеннаго капитала имени Полковника Н.М. Пржевальскаго, с причислением онаго к специальным

средствам Академии Наук, для употребления процентов с этого капитала на пользу зоологического музея Академии, на основании Правил, которые будут на сей предмет составлены Академиею [ПСЗРИ, 1886, т. 2: № 598, с. 10].

Далее, 3 февраля 1882 г., вышло повеление императора «О принятии Императорской Академиею Наук капитала, пожертвованного потомственным почетным гражданином А.М. Сибиряковым»* в 10.000 рублей: «чтобы из процентов с этой суммы, через каждые три года, выдавалась премия имени жертвователя за лучшее историческое оригинальное сочинение о Сибири, и чтобы по открытии Сибирского Университета, сему последнему был передан как означенный капитал, так и обязанность присуждения и выдачи премий Сибирякова» [ПСЗРИ, 1886, т. 2: № 659, с. 37]. В 1898 г. эта премия, как и было предписано, Императорской академией наук была передана в распоряжение Томского университета.

Через некоторое время, 2 декабря 1882 г., Александр III учредил «при Императорской Академии Наук, на счет пожертвованного

* **Александр Михайлович Сибиряков** (1849–1933) – российский предприниматель, исследователь Сибири, меценат. В 1874 г. Александр принял в управление семейные золотые прииски и пароходные компании, приобрел Александрово-Невский стекольный завод и писчебумажную фабрику. Помимо существовавших предприятий, Сибиряков создал новые: в 1885 г. – «Ангарское пароходство» для организации буксирного движения по Ангаре до Братского острога, в 1894 г. – Амурское общество пароходства и торговли. Сибиряков являлся одним из спонсоров полярной экспедиции на пароходе «Вега» шведского мореплавателя профессора Адольфа Нерика Норденшёльда (1832–1901; шведский геолог и географ, исследователь Арктики), впервые прошедшего в 1878–1880 гг. Северным морским путем вдоль берегов Сибири по Северному Ледовитому океану и вышедшему через Берингов пролив в Тихий океан. В 1879 г., когда от Норденшёльда не было долго известий, он послал на розыски шведов в районе устья р. Енисея свой пароход и дал средства на попутные обследования Северного Ледовитого океана. Швеция оценила заслуги всех организаторов и участников экспедиции. Сибиряков был избран почетным членом Шведского общества антропологии и географии, чл.-корр. Общества военных моряков, членом научного и литературного обществ Гётеборга. Благотворительная деятельность Сибирякова была направлена главным образом на развитие просвещения и культуры Сибири. Самое известное его пожертвование в 169 000 руб. в 1878 г. передано первому сибирскому университету в Томске, за что Сибиряков был награжден Орденом Св. Владимира III степени. С началом XX в. Александр Михайлович отошел от активной предпринимательской деятельности. В 1904 г. он вместе с Д.И. Менделеевым был избран в почетные члены Томского университета. В 1910-х гг. Сибиряков покинул Россию. Жил в Батуме, Париже, Цюрихе, Ницце. В 1920 г. шведский консул разыскал Сибирякова в Ницце, где бывший меценат жил в глубокой бедности. Благодаря усилиям консула и председателя Географического общества в Стокгольме шведское правительство в 1921 г. назначило Сибирякову пожизненную пенсию в размере 3000 крон ежегодно.

Тамбовским дворянством капитала в пять тысяч рублей, премию за лучшее историческое описание двадцатипятилетия царствования Императора Александра II, с представлением Министру Народного Просвещения утвердить правила о конкурсе на эту премию» [ПСЗРИ, 1886, т. 2: 2 дек. 1882 г., № 1222, с. 457].

Вскоре, 17 марта 1883 г., последовало повеление императора «О принятии Императорскою Академиею Наук капитала, пожертвованного вдовою Ординарного профессора Университета Св. Владимира Екатериною Котляревскою» в 8.000 тысяч рублей «на учреждение при Академии Наук, на счет процентов с этого Капитала, согласно желанию жертвовательницы, премии имени Статского Советника А.А. Котляревскаго* за лучшие сочинения по части славянской филологии и археологии, с предоставлением Министру Народного Просвещения права утвердить правила о присуждении этой премии» [ПСЗРИ, 1886, т. 3: № 1442, с. 85].

Работая на двух столь ответственных постах (министра внутренних дел и президента Академии наук), граф Д.А. Толстой естественно не мог уделять достаточно времени Академии. Ее повседневной жизнью в основном занимались вице-президент В.Я. Буняковский и непрменный секретарь К.С. Веселовский, докладывавший Общему собранию о принятых президентом решениях. В то же время Толстой, используя свои двойные полномочия, стремился улучшить положение библиотеки при Академии наук, добился финансирования на реконструкцию и оснащение новейшими приборами Пулковской обсерватории и академической типографии. В период его президентства отечественная наука продолжала активно развиваться, российским ученым позволялось ездить в командировки за рубеж.

Как министр внутренних дел и шеф жандармов Д.А. Толстой был одним из главных действующих лиц в окружении Александра III по наведению в стране порядка. Законодательные меры, проведенные и подготовленные при Толстом, были направлены к возвышению дворянства, регламентации крестьянского быта и ограничению местного управления и самоуправления. В судебной сфере была снижена роль суда присяжных, практически все мировые суды были упразднены, а сами судьи попали под прямую зависимость от государства. Существенно ограничивалась свобода печати временными

* Александр Александрович Котляревский (1837–1881) – филолог-славист, археолог, этнограф, чл.- корр. ИСПбАН по Отделению русского языка и словесности с 1875 г. Отец историка Нестора Котляревского (1863–1925) – почетного академика ИСПбАН (1906), ординарного академика по тому же Отделению (1906).

правилами 1882 г., в соответствии с которыми закрытию подлежали 15 периодических изданий и книги нескольких сотен наименований.

В 1882–1889 гг. Жандармским управлением была раскрыта 251 нелегальная организация разной идеологической ориентации (в т. ч. группа А.И. Ульянова*), осуждено по политическим мотивам 2851 чел. В значительной степени благодаря Д.А. Толстому в России прекратились террористические акты. В идеологическом плане народничество в этот период переживало разброд и упадок.

В последние годы своей жизни Толстой не прекращал вести научную деятельность. Он изучал историю Академии наук и образования в XVIII в. Результаты этого труда были опубликованы в двух работах: «Академическая гимназия в XVIII столетии» (1885) и «Академический университет в XVIII столетии» (1885). Умер Дмитрий Андреевич 25 апреля 1889 г., похоронен в родовом имении – селе Маково Рязанской губернии.

<...>

Следующим президентом Академии наук еще в царствование Александра III впервые в ее истории стал член царской фамилии великий князь **Константин Константинович Романов** (10 [22] авг. 1858–2 [15] июня 1915; генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор военно-учебных заведений, поэт, переводчик и драматург), назначенный императором на эту должность 3 мая 1889 г. и занимавший ее до конца своей жизни в течение 26 лет (о деятельности великого князя на посту президента ИСПБАН см. также главу 6). В 1887 г. Константин Константинович уже был избран почетным членом ИСПБАН, поэтому для самих академиков это решение государя не было неожиданным. Впоследствии великий князь в своем дневнике от 2 мая 1889 г. вспоминал: *«Мое тщеславное самолюбие было в высшей степени польщено, но вместе с тем я немало смутился при мысли о таком высоком положении. Отказываться я не имею причин. Вечером я улучшил минуту поговорить с государем с глазу на глаз. Я спросил его, как он смотрит на сделанное мне предложение (стать президентом Академии. – Авт.). Государь ответил мне, что президент – великий князь может стать выше всяких интриг, выразил желание, чтобы я принял это звание, и пожал мне*

* **Александр Ильич Ульянов** (31 марта [12 апреля] 1866, Нижний Новгород – 8 [20] мая 1887, Шлиссельбург) – русский революционер-народник, один из организаторов и центральное лицо «Террористической фракции», старший брат Владимира Ульянова (Ленина). Арестован при подготовке покушения на императора Александра III. По приговору Особого присутствия Правительствующего сената был казнен через повешение.



Великий князь Константин
Константинович,
между 1896 и 1903 г.

Из открытых источников

руку. Величие, истинно духовное величие, сопряженное с внешним почетом, всегда имело для меня обаяние и само осеняет меня. С Богом, в добрый час. С Богом».

Решение Александра III, несомненно, польстило самолюбию великого князя, но и для Академии это назначение оказалось крайне выгодным, ведь великий князь имел исключительное право, которым он часто пользовался, напрямую обращаться к императору, минуя министра народного просвещения, что помогало решению многих академических дел.

С самого начала своей деятельности на посту президента Константин Константинович стал добиваться существенного улучшения финансового положения

Академии наук. Одним из важных достижений в этой области стало утверждение в 1893 г. Александром III нового Штата Академии наук, в котором были существенно увеличены оклады действительных членов и уравнены в правах члены всех трех отделений. Число действительных членов увеличилось до 41 (17 ординарных академиков и 4 экстраординарных академика и адъюнкта в Физико-математическом отделении; 7 ординарных академиков (с учетом председательствующего) в Отделении русского языка и словесности; 8 ординарных академиков и 5 экстраординарных академиков и адъюнктов в Историко-филологическом отделении). В соответствии с новым Штатом ординарный академик был отнесен к 4-му классу Табели о рангах и его ежегодное жалованье составляло 4.2 тыс. руб., экстраординарный академик и адъюнкт – к 6-му классу с жалованьем 3 тыс. руб. Вице-президент принадлежал к 3-му классу и получал за исполнение своих обязанностей дополнительно 1,5 тыс. руб., а непременный секретарь – 1.2 тыс. руб. в год [ПСЗРИ, 1897, т. 13: 1 июня 1893 г., № 9717: «О штате Императорской Академии Наук», с. 394; «Штат Императорской Академии Наук», с. 183–185].

<...>

20 октября [1 ноября] 1894 г. в Ливадийском дворце в Крыму после тяжелой и продолжительной болезни скончался Александр III. Императору было 49 лет. После его кончины на престол вступил

26-летний Николай II*, старший сын императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны.

Первым законодательным актом нового императора, связанным с деятельностью Академии наук, стал Именной Высочайший указ от 13 января 1895 г., данный министру финансов, «О ежегодном отпуске из средств государственного казначейства в распоряжение Императорской Академии Наук 50.000 рублей на вспомоществование нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, а равно их вдовам и сиротам» [ПСЗРИ, 1899, т. 15: № 11243, с. 14, 15]. От имени императора была выражена твердая уверенность, *«что таковая поддержка, оказываемая независимо от воспомоганий из средств ныне существующих с тою же целью частных учреждений, даст названным лицам возможность с еще большим рвением посвящать свои силы на служение наукам и отечественной литературе к вящей славе и величию Нашей горячо любимой России»* [там же, с. 14]. Следом, по ходатайству великого князя Константина Константиновича, была учреждена академическая комиссия по распределению выделенных пособий и пенсий. По результатам ее работы пенсии и единовременные пособия академиков были подняты до уровня профессоров университетов. В случае болезни академикам предоставлялся длительный, до полугода, отпуск и выплачивалось пособие на лечение в размере 1000 руб. Пенсии полагались в случае неизлечимой болезни и последующей отставки, а также семье умершего члена Академии.

Как показано в главе 6, важные начинания великого князя в период царствования Николая II включали организацию празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, учреждение фонда великого поэта для издания сочинений русских писателей, словаря русского языка и других трудов. В юбилейный 1899 г. Константин



Фотография Николая II,
1918 г. *Неизвестный
автор*

* **Николай II Александрович Романов** (6 [18] мая 1868, Царское Село – 17 июля 1918, Екатеринбург) – последний император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (20 октября [1 ноября] 1894–2 [15] марта 1917) из династии Гольштейн-Готторп-Романовых. Полковник гвардии (1892). Кроме того, от британских монархов имел звания адмирала флота Королевского ВМФ Великобритании (28 мая [10 июня] 1908 г.) и фельдмаршала Британской армии (18 [31] декабря 1915 г.).

Константинович возглавил Пушкинский юбилейный комитет. По его инициативе был создан Пушкинский Дом (ныне – Институт русской литературы РАН). Президент Академии наук впоследствии также возглавил несколько академических комиссий, и прежде всего комиссию по реформе русской орфографии, которая с 1904 г. начала разрабатывать проект реформы, известный как советский декрет «О введении новой орфографии». Наконец по инициативе великого князя 29 апреля 1899 г. в Академии наук был учрежден **разряд изящной словесности и особый фонд имени Пушкина** [1902, т. 19, отд. 1: № 16807, с. 375, 376], и в 1900 г. по этому разряду были избраны первые 12 почетных академиков.

В последние годы XIX столетия при содействии великого князя принимались отдельные правовые акты по оптимизации деятельности Академии. Так, 8 мая 1895 г. указом Николая II были отпущены средства на издание архивных документов XVI–XVIII вв. по 2.000 руб. в течение 3 лет [1899, т. 15: № 11652, с. 286], учреждена вторая должность хранителя Музея антропологии и этнографии при упразднении Музея классической археологии, увеличены средства на содержание Азиатского музея [1899, т. 15: 29 мая 1895 г., № 11736, с. 333, 334], увеличено содержание физического кабинета и его механика [1899, т. 15: 11 дек. 1895 г., № 12245, с. 707], с 1 янв. 1897 г. увеличены кредиты на хозяйственные расходы ИСПБАН с 57.735 до 69.020 руб. в год [1899, т. 16, отд. 1: 23 мая 1896 г., № 13012, с. 522], учреждена золотая медаль для рецензентов сочинений, представляемых на соискание различных премий, существующих при Академии наук [1900, т. 17: 18 сент. 1897 г., № 14526, с. 581, 582], а также медаль для рецензентов сочинений, представляемых на соискание премии Действительного Статского Советника Михельсона [1901, т. 18, отд. 1: 24 апр. 1898 г., № 15306, с. 269]. Кроме того, было учреждено звание корреспондентов музея ИСПБАН по антропологии и этнографии, которые стали утверждаться Конференцией ИСПБАН по представлению директора музея [1902, т. 19, отд. 1: 3 мая 1899 г., № 16828, с. 401]. Наконец в изменение и дополнение штата ИСПБАН, утвержденного 1 июня 1893 г. № 9717, была переименована должность экзекутора и казначея в должность чиновника особых поручений и казначея с сохранением за этой должностью оклада, служебных прав и преимуществ. Этим же решением учреждалась должность смотрителя зданий Академии, с присвоением упомянутой должности VII класса по чинопроизводству. Означенная мера вводилась в действие с 1 января 1902 г. [1903, т. 21, отд. 1: 19 ноября 1901 г., № 20739, с. 1128].



Рисунок золотой медали для рецензентов сочинений, представляемых на соискание премий, существующих при ИСПбАН. Из: [ПСЗРИ, 1900, т. 17: 18 сент. 1897 г., № 14526, рисунки, л. 20]

При содействии великого князя в Академии наук был осуществлен ряд крупных научно-организационных проектов: на Васильевском острове Санкт-Петербурга был открыт Зоологический музей*, открыты новые лаборатории и обсерватории, организованы научные экспедиции, в том числе Шпицбергенская экспедиция для градусного измерения (1898), полярная экспедиция барона Э.В. Толля (см. ниже), а также экспедиции в Монголию, на Памир и в Тянь-Шань.

* Официальной датой основания Зоологического музея считается 4 [15] июля 1832 г., когда его первый директор Ф.Ф. Брандт представил Физико-математическому отделению ИАН экспозицию в трех залах Музейного флигеля, построенного во дворе главного здания Академии. Музей был создан путем выделения зоологических фондов из состава Кунсткамеры. В XIX в. значительный вклад в коллекции музея внесли кругосветные путешественники И.Ф. Крузенштерна, Ю.Ф. Лисянского, Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, а также сухопутные экспедиции по исследованию Кавказа (А.Д. Нордман: 1803–1866; – финский и русский зоолог, ботаник и палеонтолог, исследователь Кавказа), Новой Земли (К.М. Бэр), Дальнего Востока и Русской Америки (И.Г. Вознесенский: 1816–1871; – русский учёный-путешественник, исследователь Дальнего Востока и Русской Америки, натуралист и зоолог), Восточной Сибири (А.Ф. Миддендорф) и Центральной Азии (Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов: 1863–1935; – русский путешественник, военный географ, этнограф, археолог, исследователь Центральной Азии, ученик и последователь Н.М. Пржевальского) и др. К своему 50-летию юбилею (1882) музей занимал 32 зала, а объем его коллекций вырос почти в 20 раз, превысив 40 тыс. экз. По фауне Палеарктики собрание стало лучшим в мире. В связи с нехваткой площадей в 1893 г. музею было передано здание южного пакгауза Биржи на Стрелке Васильевского острова (Университетская наб., д. 1). 13 марта 1895 г. Высочайше утверждено Положение о Зоологическом музее ИСПбАН с выделением дополнительного финансирования и штата [ПСЗРИ, 1899, т. 15: № 11454, с. 133–135], учреждена должность четвертого старшего зоолога Зоологического музея [ПСЗРИ, 1902, т. 19, отд. 1: 8 ноября 1899 г., № 17694, с. 1097]. После более чем пятилетней реконструкции помещений и подготовки экспозиции 6 [19] февраля 1901 г. музей в присутствии Николая II и членов царской семьи был торжественно открыт для посетителей [Наумов, 1980].



Рисунок медали для выдачи рецензентам сочинений, представляемых на соискание премии действительного статского советника Михельсона.

Из: [ПСЗРИ, 1901, т. 18, отд. 2: 24 апр. 1898 г., № 15306, рисунки, л. 8]

Известно, что Академия наук являлась участницей международных конгрессов и совместных научных проектов. На рубеже XIX–XX вв. наметилась тенденция к объединению усилий не только отдельных ученых, но целых научных учреждений разных стран. В 1899 г. при участии великого князя была создана Международная ассоциация академий, в которой каждая академия представляла науку своей страны. Под эгидой ассоциации в ИСПБАН велась подготовка полного издания сочинений Г.В. Лейбница, собрания сочинений Л. Эйлера, критического издания текста «Махабхараты» («Великой Бхаратиады», или «Сказания о великой битве потомков Бхараты», древнеиндийской эпической поэмы на санскрите, состоящей из 18 книг разного объема, насчитывающей в разных редакциях от 82 до 95 тыс. двустушии и представляющей собой самый большой книжный эпос в мире), энциклопедии ислама, собрания древнегреческих и латинских медицинских текстов и др.

Обязанности президента Академии наук великий князь продолжал совмещать с военной службой: 21 апреля 1891 г. его произвели в полковники, а 23 апреля назначили командующим лейб-гвардии Преображенским полком, в котором проходил офицерскую службу наследник цесаревич Николай Александрович (Николай II) вплоть до его восхождения в 1894 г. на российский престол.

После кончины великого князя, последовавшей 2 [15] июня 1915 г., Академия наук оставалась без президента до Февральской революции 1917 г. 15 [28] мая 1917 г. на Общем собрании Российской академии наук Александр Петрович Карпинский (1846–1836; русский и советский геолог, один из основоположников российской научной школы геологии) был избран ее президентом на пятилетний срок. Это

были первые в истории Академии наук выборы президента, в дальнейшем Карпинский еще дважды переизбирался на новый срок.

<...>

Важно подчеркнуть, что в последние два десятилетия XIX в. и, по крайней мере, первые годы XX столетия Российская империя жила в условиях финансовой стабилизации и бурного роста промышленности. Столь впечатляющие результаты были достигнуты во многом благодаря выдающимся государственным деятелям, назначенным императором Александром III на пост министра финансов. Первым из них стал действительный член ИСПБАН **Николай Христофорович Бунге**, занимавший должность министра с 1 января 1882 по 31 декабря 1886 г., а затем, с 1 января 1887 по 3 июня 1895 г., ставший председателем Комитета министров.

Николай Бунге родился 11 [23] ноября 1823 г. в Киеве. Его отец, выходец из Германии и выпускник Санкт-Петербургского медико-хирургического института, заведовал лучшей киевской аптекой. Мать Николая Христиановича также происходила из давно обрусевшей немецкой семьи. Она плохо владела языком предков, поэтому с маленьким сыном разговаривала только на русском. Получив хорошее домашнее образование, Николай с золотой медалью окончил Первую киевскую гимназию, затем – юридический факультет Университета Св. Владимира (1845) со степенью кандидата законоведения. В 1847 г. стал магистром государственного права, в 1850 г. – доктором политических наук (диссертация на тему «Теория кредита»). В 1859–1862, 1871–1875 и в 1878–1880 гг. он был ректором Университета Св. Владимира.

Будущий министр относился к сторонникам умеренного либерализма, частной собственности и свободы предпринимательства (признавая при этом необходимость ограниченного государственного вмешательства в экономику). Будучи председателем Комитета министров он стал автором неофициального завещания **«Загробные заметки»***

* Н.Х. Бунге назвал свои заметки «загробными», так как по замыслу автора они должны были попасть к императору после смерти Бунге. Первоначально «Заметки» предназначались для Александра III, но в октябре 1894 г. императора не стало. Тогда Бунге заново отредактировал завещание и переадресовал его новому самодержцу. «Загробные заметки» имели три варианта, схожие по тематике и структуре, связанные единым замыслом. Более известны 2-й и 3-й варианты, окончательным стал считаться 3-й вариант, размноженный по приказу Николая II типографским способом тиражом около 50 экз. Этот труд представляет собой небольшое, но емкое руководство, ненавязчиво призывающее к действию, и напоминает учебник, в котором изложены

для Николая II, в котором изложил проект преобразования государственного управления, направленный в основном на борьбу с угрозой социализма.

Предваряя свои знаменитые «Очерки политико-экономической литературы» [1894], посвященные критике теории Карла Маркса*, Бунге писал: *«Я далек от мысли, что все познаваемое нами условно, имея значение лишь для известной эпохи и при известных обстоятельствах; в каждой науке есть незыблемая истины. Так, уважение нравственного достоинства человека, его личности, понятия о долге и связанной с последним ответственности принадлежат к числу тех аксиом, которые облегчают для нас верное понимание явлений общественной жизни. Но я также далек от мысли, что ошибочные и эфемерные теории имеют одно лишь отрицательное значение – в них всегда есть если не доля истины, то нечто заслуживающее изучения; затем в них воплощаются господствующие стремления и идеалы, а потому они способствуют пониманию данной эпохи. Даже высокомерное пренебрежение, к которым такие теории относятся иногда к прошлому, в особенности же к современному, приносит своего рода пользу. Крайности позволяют им развивать свои мысли с большей ясностью и определенностью и тем самым облегчают задачу критического изучения. При этом слова учения не принимаются уже на веру, но с надлежащим пониманием и с сознанием степени их убедительности, а это существенно важно»* [Бунге, 1894, с. II, III]. Бунге обвинил Маркса в слабости аргументации, догматизме, тяжеловесности и малодоступности изложения, туманности терминологии. Председатель комитета пришел к выводу: *«Как самая теория*

предложения о применении гибких, либеральных методов в области национальной политики, рациональной организации государственного аппарата, предоставлении широких полномочий органам местного самоуправления и т. п. Предложенная Бунге программа, нацеленная на реформирование российской монархии, в тот момент была неприемлемой для подавляющего большинства высших чиновников. В то же время идеи Бунге оказали влияние на правительственную политику конца XIX – начала XX в., прежде всего на реформаторскую деятельность С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. В постсоветской России «Загробные заметки» были опубликованы в 1995 г. в книге «Река времени» (сборник забытых произведений и суждений), том 1, но не нашли широкого отклика в «рыночной» России... По материалам: [Кулиниченко, 2020].

* **Карл Генрих Маркс** (1818–1883) – немецкий философ, экономист, общественный и политический деятель. Его научные работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, а в политике – теорию классовой борьбы. Совокупность его творчества получила название «марксизм» и стала основой коммунистического и социалистического движений и их идеологий.

Маркса, так и практические заключения, к которым она приводит, ничего не дают.

Осуждая существующий порядок, Маркс не предлагает новой организации, а указывает на задачу, очень понятную для пролетариата – **на обобщение орудий производства** – что, по его мнению, подготавливается преобладанием крупного производства над мелким и обращением некоторых отраслей хозяйства в государственные предприятия. В одно и то же время Маркс и обращается к хищническим инстинктам обездоленного человечества, и вызывает к сочувствию желающих улучшить положение рабочих классов, и успокаивает капиталистов перспективою порядка, соблюдаемого при превращении частного хозяйства в социальное. Он и революционер, и филантроп, и приверженец мирного государственного социализма» [там же, с. 153, 154].

Причину популярности марксизма Николай Христофорович видел как раз в обращении Маркса «к хищническим инстинктам» народных масс и предупреждал, что попытка осуществить его заветы завершится социальной катастрофой. Однако, называя в «Загробных заметках» социализм «злом, от которого гибнут нравственность, долг, свобода, личность» [Бунге, 1993, с. 37], живучесть утопических идеалов в общественном сознании автор заметок объяснял естественным стремлением народа к социальной справедливости. В этой связи Бунге утверждал: «Есть однако признаки, что теория ценности Маркса не всех уже удовлетворяет, а если вынуть этот краеугольный камень из здания, воздвигнутого Марксом, то устоит ли оно? Едва ли. – Для объяснения происхождения нищеты и страдания не было надобности в построении целой теории, и притом такой, которая не принимала в расчет неизбежного несовершенства, как человеческих обществ, так и самого человека. Скачок из царства необходимости в царство свободы, возведенный марксистами, был бы скачком из царства признания права, труда, долга, совести, законности – или в царство деспотизма большинства и всеобщего рабства, или в царство анархии, где ничто не сдерживает личного индивидуального произвола, где человеку все позволено, чего он ни пожелает. – Никогда, ни одно цивилизованное общество при таких условиях существовать не может. В течение времени и самый образ «учителя» в глазах марксистов должен будет утратить свое обаяние. Человек с сердцем и с совестью призадумается над мыслью обратить частную собственность в общественную при помощи захваченной силы, на том только основании, что сила играла роль в рождении человеческих обществ.

Еще большего можно ожидать современем, когда разоблачится подпольная история социализма, когда сделается известным из-за чего происходила борьба между самыми коммунистами. Конечно, не из за принципов боролся Маркс с Бакуниным, выставляя последнего шпионом русского правительства (!) – дело шло не о нищете рабочего класса и как пособить ему, а о том, кому над ним господствовать до наступления мнимаго царства свободы, и в самом этом царстве свободы» [Бунге, 1895, с. 156].*

В целом, программа преобразований у Бунге сочетала в себе нацеленность на развитие рыночной экономики, становление частного крестьянского землевладения, обеспечение правовой самостоятельности низших слоев населения. «Народолюбие» министра объяснялось не только его гуманистическим мировоззрением, свойственным «людям 40-х годов», но и здравым смыслом экономиста-прагматика, понимавшего, что при нищете населения невозможно полноценное развитие производительных сил. Основа его реформаторских взглядов заключались в убеждении, что последовательная социальная политика, проводимая верховной властью, лишает почвы всевозможные «разрушительные» теории и является залогом экономического прогресса и мирной эволюции государства [Степанов, 1998].

На счету министра финансов – создание Крестьянского поземельного банка для долгосрочного кредитования крестьян на покупку земель. Бунге рекомендовал дополнить крестьянское законодательство отменой соляного налога, реформой паспортного устава и организации переселений страдающего от малоземелья крестьянства на окраины страны. Предвидя в будущем возрастания социальной угрозы со стороны «фабричного люда», министр становится первым инициатором и разработчиком фабричного (трудового) законодательства. С 1882 г. российское правительство впервые встало на путь защиты интересов фабрично-заводских рабочих: ограничивалась работа женщин на фабриках, заводах и мануфактурах в ночное время, ограничена продолжительность труда подростков восемью часами при запрете ночных работ, запрещался труд малолетних детей на фабриках с предписанием обязательного посещения школы, одновременно была учреждена фабричная инспекция для надзора за соблюдением фабричного законодательства. Ко всему прочему следует добавить проведенную Бунге отмену подушной подати (1882–1886), что стало

* Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) – русский мыслитель и революционер из русского дворянского рода Бакуниных, один из теоретиков анархизма, народничества. Стоял у истоков социального анархизма.

важным шагом на пути замены сословного налогообложения налогами по имущественному признаку.

При Бунге модификации была подвергнута и денежная система. Так, в 1885 г. содержание золота в золотых монетах и содержание серебра в полноценной серебряной монете было приведено к стандартам проб континентальной Европы. Это позволило перчеканивать русскую монету на иностранную (и обратно) без расходов на рафинирование и легирование металла, что приводило к увеличению привлекательности монеты для международного торгового оборота. Государственный банк приступил к накоплению золота из поступлений в уплату таможенных пошлин и за счет внешних займов. И хотя внешние итоги деятельности Бунге выглядели неудовлетворительно – бюджет по-прежнему не сводился с дефицитом, продолжались колебания курса рубля, вырастала задолженность Казначейства – последствия его реформ в полной мере проявились позднее [Степанов, 1998; Аканьич, Ганелин, 2000; Муравьева, 2014; и мн. др.].

Мероприятия, проведенные при Бунге в области налогообложения и государственного кредита, обеспечили в перспективе финансовую базу для стимулирования правительством промышленного роста. Курс на стабилизацию рубля и переход к золотому монометаллизму, продолженный его преемником **Иваном Алексеевичем Вышнеградским**^{*}, завершился денежной реформой 1895–1897 гг. очередного министра финансов **Сергея Юльевича Витте**^{**}, назначенного на эту

^{*} **Иван Алексеевич Вышнеградский** (1831–1895) – русский ученый-механик и государственный деятель. Основоположник теории автоматического регулирования, инженер-механик Главного артиллерийского управления (1867–1878), почетный член ИСПБАН (1888), член Госсовета (1886), министр финансов (1887–1892), действительный тайный советник (1890). Главный разработчик «Проекта общего нормального плана промышленного образования в России» (1884), на основе которого в 1888 г. принято «Основное положение о промышленных училищах» (действовало до 1917). На посту министра финансов провел конверсии государственных (внешних и внутренних) займов, инициировал увеличение косвенных налогов, добился частичной стабилизации финансов: преодолел хронический дефицит государственного бюджета, активизировал торговый и платежный балансы. Для реализации намеченного при Н.Х. Бунге плана денежной реформы накопил значительный золотой запас, что позволило его преемнику С.Ю. Витте провести денежную реформу (ввести «золотой рубль»). Проводил протекционистскую политику, существенно повысив таможенные пошлины, что проявилось, в частности, в Таможенном тарифе 1891 г. Голод в России 1891, 1892 гг. подорвал многие начинания Вышнеградского. В апреле 1892 г. по состоянию здоровья Вышнеградский ушел в отставку с поста министра, оставшись членом Государственного совета.

^{**} **Граф Сергей Юльевич Витте** (1849–1915) – выдающийся государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), почетный член ИСПБАН (1893), статс-секретарь (1896), действительный тайный советник (1899), член

должность Александром III в 1892 г. Оценивая столь значительный вклад И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в развитие экономики страны, Императорская академия наук избрала обоих министров в число своих почетных членов.

Понимая сложившуюся политико-экономическую ситуацию, в которой оказался Александр III при вступлении на престол, Витте отмечал: «...*Император Александр III, можно сказать, вступил на трон, обгаренный кровью его отца. Несомненно, это страшно подействовало на психологию молодого императора!*

Наконец, император Александр III вступил на трон после Восточной турецкой войны, на которой присутствовал сам император Александр II и на которой командовал отрядом цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III.

Таким образом, для того чтобы судить беспристрастно об императоре Александре III, о действиях императора в первые 5–6 лет его царствования, когда он вел политику реакционную под влиянием таких выдающихся лиц, как К.П. Победоносцев и др., не следует забывать, при каких нравственных, экономических и стратегических условиях вступил император Александр III на престол.

Не надо забывать также и то что Восточная война с Турцией уничтожила все плоды управления министерством финансов Рейтерна, который все время стремился водворить в России золотое обращение, т. е. поднять курс кредитного рубля до альпари, после того, когда этот рубль упал со своей серебряной ценности во время Севастопольской войны» [Витте, 1960, с. 406, 407].

Между тем полезно иметь в виду, что новый император с первых шагов царствования приступил к кардинальному перевооружению и преобразованию вооруженных сил и только затем – к экономическим

Государственного совета (1903), председатель Комитета министров (1903–1906), первый председатель Объединенного кабинета министров (1905–1906). На посту министра финансов организовал введение «золотого стандарта» рубля (1897), в результате чего Россия на период до 1914 г. получила устойчивую валюту, обеспеченную золотом. Поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том числе в Великий Сибирский путь и КВЖД), что резко ускорило сооружение Транссиба. Провел реформу налогообложения промышленности, содействовал введению государственной «винной монополии» на алкоголь. Деятельность Витте привела к резкому ускорению темпов промышленного роста в Российской империи, за что его прозвали «дедушкой русской индустриализации». Противник начала войны с Японией и главный переговорщик со стороны России при заключении Портсмутского мира (1905). Фактический автор манифеста 17 октября 1905 г., который предполагал начало трансформации России в конституционную монархию. В апреле 1906 г. ушел в отставку по собственному желанию. Автор многотомных мемуаров. По материалам: [Ананьич, Ганелин, 2000].

преобразованиям. Учитывая опыт Русско-турецкой войны 1875–1876 гг., армейские подразделения получили новое дальнобойное, разнозарядное стрелковое и артиллерийское оружие. Наиболее значимым рескриптом Александра III стал указ от 28 [16] апреля 1891 г. о принятии на вооружение русской армии трехлинейной винтовки образца 1891 г. системы Мосина. Было создано новое Положение о полевом управлении (1890), проведены преобразования в кавалерии, изменения в инженерных войсках. Большое внимание император уделил укреплению пограничных округов и опорных пунктов, в том числе крепостных сооружений. Значительные изменения претерпела система подготовки офицерского корпуса.

Как писал в своих воспоминаниях Великий князь Александр Михайлович (1866–1933; внук Николая I): *«Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины (город под Санкт-Петербургом, в котором Александр III после убийства своего отца постоянно жил с семьей. – Авт.). Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться Европе»* [Великий князь..., 1991, с. 56]. Александр III любил говорить своим министрам: *«Во всем свете у нас только 2 верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»* [там же, с. 57]. Император несомненно сознавал уровень своего политического влияния. Как-то раз, когда к Александру один из министров обратился с настойчивой просьбой срочно принять иностранного посла, император отвечал с гатчинской рыбалки: *«Когда русский царь улит рыбу, Европа может подождать»* [там же, с. 144].

Показательно, что в годы царствования Александра III **Россия не участвовала ни в одном значимом военном конфликте**, за что императора прозвали Миротворцем. Это мирное состояние стало важнейшей предпосылкой для начала ускоренного экономического развития страны. С.Ю. Витте подчеркивал: *«Главнейшая заслуга императора Александра III в том, что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке (военный поход Российской армии по завоеванию территорий туркменских текинцев в 1880–1881 гг. – Авт.); но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твердостью»* [Витте, 1960 а, с. 410].

Александром был заключен прочный мир с Германией и Великобританией, образован Франко-русский союз – военно-политический союз Российской империи и Третьей Французской республики для упрочения европейского мира, который стал основным вектором

внешней политики двух государств в 1891–1917 гг. и предшествовал созданию тройственной Антанты. Однако император был способен решительно отразить любые внешние угрозы. С.Ю. Витте в связи с этим вспоминал: *«...как-то раз по поводу какого-то доклада чуть ли не касающегося пограничной стражи, у нас перешел разговор на войну. И вот что мне сказал император Александр III:*

– Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал...<...>... Таким образом, вообще говоря, император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови» [Витте, 1960, с. 412].

Витте утверждал, что *«Он (Александр III. – Авт.) никогда не делал исподтишка, что, к несчастью, ныне возведено в принцип и почитается тонкой дипломатией. Но главнейшая заслуга Александра III заключается в том, что своими прямыми бесхитростными и честными действиями он, несмотря на многие осложнения ... поставил политический престиж России так высоко, как он никогда до него не стоял. Россия была главною шашикою на шахматной доске мировой политики»* [Витте, 1924, с. 254].

В целом, деятельность назначенных Александром III министров финансов способствовала заметному промышленному подъему конца 1880–1890 гг., в ходе которого в основном сложился комплекс крупных предприятий тяжелой индустрии, качественно изменивший экономическую структуру страны. Именно в эти годы Россия вышла на первое место в мире по темпам промышленного роста [Степанов, 1998].

Завершая раздел, посвященный времени царствования Александра III, вновь обратимся к мнению его сподвижника С.Ю. Витте: *«Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры, подобные той, которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому*



Слева направо: Н.Х. Бунге кисти Ивана Тюрина, 1887 г.; И.А. Вышнеградский. Из открытых источников; С.Ю. Витте кисти Ильи Репина, 1903 г.
Государственный Русский музей

пути жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что бог призвал его к себе» [Витте, 1960 а, с. 415, 416].

<...>

Характеризуя нового императора Николая II, С.Ю. Витте позднее вспоминал: *«Когда получили известие о кончине императора, я поехал к Ивану Николаевичу (министр внутренних дел И.Н. Дурново. – Авт.) договориться по некоторым вопросам. Он знал, как я был привязан к императору, точно так же, как и я знал, что Иван Николаевич очень его любил. Мы были, конечно, в довольно тяжелом и грустном расположении духа.*

Вот Иван Николаевич обратился ко мне и говорит:

– Что же вы, Сергей Юльевич, думаете относительно нашего нового императора?

Я ответил, что о делах говорил с ним мало, знаю, что он совсем неопытный, но и неглупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека. Действительно, я редко встречал так хорошо воспитанного человека, как Николай II, таким он и остался. На это И.Н. Дурново мне заметил: “Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня – это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности”. Я затем часто вспоминал этот разговор. Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере немало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость, и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I

по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства» [Витте, 1960 б, с. 5, 6].

Для понимания мотивации поступков Витте на государственных постах полезно ознакомиться с его взглядами по обустройству России. Так, в своих воспоминаниях, посвященных царствованию Николая II, Витте писал: *«Чтобы создать источник применения труда, было более, нежели желательно, развить нашу промышленность. Эту идею начал мудро и со свойственной его характеру твердостью проводить император Александр III. Я всячески старался развить нашу промышленность. Этого требовали не только интересы народные, взятые в частности, но высший государственный интерес.*

Современное государство не может быть великим без национальной, развитой промышленности. Это показывает история. Это очевидно из современной действительности и, наконец, это ясно из экономической здоровой теории. Если этого довольно много людей не понимает и не знает, то они заслуживают сожаления.

Во время управления моего финансами (а в то время министр финансов был также министром торговли и промышленности) я твердо устроил (выделено мной. – Авт.) нашу промышленность. Это тоже мне постоянно ставили и ныне ставят в вину. Глупцы!!!» [Витте, 1924, с. 414]. И далее: *«Вообще, вопрос о значении промышленности в России еще не оценен и не понят. Только наш великий ученый Менделеев*, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику. Надеюсь, что его книга по этому предмету принесет пользу русскому обществу.*

Конечно, когда он был жив, говорили, что он писал так, потому что подкуплен, заинтересован, но если вообще люди, то русские люди в особенности всегда более склонны отдавать должное мертвым, нежели живым» [там же, 1924, с. 415].

Еще одна значимая цитата из воспоминаний Витте: *«Богатство и экономическая, а потому в значительной степени и политическая мощь страны заключаются в трех факторах производства: природе – природных богатствах, капитале, как материальном, так и интеллектуальном, и труде.*

* Здесь имеется в виду работа Д.И. Менделеева «Учение о промышленности: Вступление в Библиотеку промышленных знаний / [Соч.] Д. Менделеева. СПб.: Тип. акц. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1900–1901. (Библиотека промышленных знаний под ред. Д. Менделеева). См. также обзор работ Менделеева в: [Сухорукова, Фролова, Нечехун, 2009].

Российская империя чрезвычайно богата природой, хотя значение этого богатства в довольно серьезной степени умаляется неумеренностью климата во многих ее частях. Она весьма слаба капиталами, накопленными ценностями главным образом потому, что она создана непрерывными войнами, не говоря о других причинах. Она может быть весьма сильна трудом физическим по числу жителей и интеллектуальным, так как русский человек даровитый, здоровый и богобоязненный. Все эти факторы производства находятся в тесной между собой связи в том смысле, что только совокупным и координированным действием они могут творить соответствующие затратам большие ценности, богатства, но при современном состоянии человечества, когда благодаря развитию сообщений природные богатства довольно легко перемещаются, а благодаря международному кредиту капиталы всего света в значительной мере интернационализировались, труд приобрел особое значение в создании богатства.

Из изложенного ясно, что надлежало обратить внимание на увеличение второго фактора – производства капитала и в особенности на развитие третьего фактора – труда.

Для первой цели нужно было прочно поставить национальный кредит. Надеюсь, что финансовая история признает, что никогда кредит России на международных и отечественном денежных ранках не стоял так высоко, как он стоял, когда я был министром финансов.

Не моя вина, что ребяческие затеи с войной его уронили и уронили, вероятно, надолго» [Витте, 1960 б, с. 499, 500].

Тем не менее в последние годы XIX в. при Николае II в империи произошли значимые события, одним из которых стала денежная реформа, когда стараниями С.Ю. Витте в 1895–1897 гг. был введен золотой рубль. Витте верил, что с введением золотой валюты ему удастся обеспечить условия для развития производительных сил империи. Он писал: «Огромное значение золотой валюты заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутой из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется» [Витте, 1924, с. 73].

Одной из наиболее значимых государственных акций в начальный период правления Николая II стала Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Впервые вопрос о проведении переписи обсуждался на статистическом съезде в 1870 г., однако по разным причинам ее осуществление было отложено на неопределенный срок. В 1889 г. русский ученый-естествоиспытатель, географ, статистик, председатель РГО

и почетный член ИСПБАН Петр Петрович Семёнов (с 1906 г. – Семёнов-Тян-Шанский) официально обратился в правительство по этому вопросу, но только в 1893 г. министр финансов С.Ю. Витте сообщил, что тормозящих это дело причин больше нет. В 1894 г. Статистический совет Министерства внутренних дел под председательством П.П. Семёнова выработал проект положения о переписи, который через год был утвержден верховной властью. Наконец первая перепись населения была проведена 29 января 1897 г. Обработка ее материалов была поручена Центральному статистическому комитету и заняла несколько лет [Антошко, Соловьев, 1977]. По ее итогам было установлено, что в России в то время проживало 125.68 млн человек, из них в городах – порядка 16.83 млн. По вероисповеданию: православные – 69.3 %, мусульмане (магометане) – 11.1 %, римокатолики – 9.1 % и иудеи – 4.2 %. По родному языку: великороссы – 44.3 %, малороссы (украинцы) – 17.8 %, поляки – 6.3 %, белоруссы – 4.3 %, евреи – 4.0 %. Проведенная перепись стала основой для понимания Российского государства как единого, но сложного и многогранного организма, дала беспрецедентно точные данные о составе общества, подготовив тем самым почву для дальнейшего управления государством.

В области внешней политики по инициативе Николая II были созваны Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., на которых удалось выработать и принять международные конвенции о законах и обычаях войны. Причем в 1901 г. Николая II даже номинировали на Нобелевскую премию мира за инициативу созыва Гаагской мирной конференции 1899 г. Однако награда досталась основателю «Международной лиги мира и свободы» Фредерику Пасси и инициатору создания Международного комитета Красного Креста Анри Дюнану.

Императором был заключен Союзный договор между Российской империей и Китаем (1896) и подписана Русско-китайская конвенция (1898), началось строительство Китайско-Восточной железной дороги, а также Южно-Маньчжурской железной дороги и порта Порт-Артур на Ляодунском полуострове.

В целом правление Николая II было ознаменовано экономическим развитием России и одновременно ростом социально-политических противоречий, революционного движения, вылившегося в революцию 1905–1907 гг., Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.

Оценивая состояние российской экономики на рубеже XIX–XX вв., обратимся к официальным данным, приведенным в работе Ю.А. Петрова «Государство и экономическая модернизация России.

XVIII – начало XX века» [2012]. Удивительно, но всего за 1887–1913 гг. объем промышленного производства в стране увеличился в 4.6 раза, что указывает на беспрецедентно бурный индустриальный рост российской экономики! Особенно динамично развивались тяжелая промышленность – металлообработка и горнозаводская индустрия, металлургия, угле- и нефтедобыча. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добыча железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и сахара страна вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. она стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

8.2. Комплексные научные экспедиции

Конец XIX в. ознаменовался расширением комплексных научных экспедиций, связанных в основном с изучением крайних северных районов и этнографо-археологическими исследованиями районов Средней Азии и Кавказа. Эти поездки были осуществлены по инициативе крупнейших ученых того времени: естественников К.М. Бэра, А.Ф. Миддендорфа, Ф.Ф. Брандта, Г.П. Гельмерсена, Ф.Б. Шмидта и др., а также археолого-лингвистов В.М. Шёгрена, М.И. Броссё, В.В. Радлова и др. Учеными руководило сознание огромного научного и практического значения постановки проводимых исследований.

Среди экспедиций, направленных в крайние северные регионы страны, выделяются путешествия д-ра А.А. Бунге* в устье р. Лены и Н.Д. Юргенса** на Новую Землю в 1882–1883 гг. в рамках программы Международного полярного года; поездки А.А. Бунге и барона Э.В. Толля (см. ниже) в районы систем Яны–Колымы и Новосибирских о-вов в 1885–1886 гг., И.Д. Черского*** в бассейны рек Яны, Индигирки и Колымы в 1890–1892 гг., Э.В. Толля и Е.И. Шилейко на северо-восточное побережье Северного Ледовитого океана и Новосибирские

* **Александр Александрович Бунге** (Александр фон Бунге) (1851–1930) – русский зоолог и путешественник, исследователь Сибири и Восточной Арктики. Сын дерптского профессора ботаники и известного путешественника Александра Андреевича фон Бунге (1803–1890; ботаник, флорист, путешественник, чл.-корр. ИСПБАН с 1833 г., почетный член с 1875 г., лауреат Бэровской и Демидовской премий). В 1870–1878 гг. обучался на медицинском факультете Дерптского университета, в декабре 1880 г. получил звание доктора медицины. В 1882–1884 гг. участвовал в работе полярной метеостанции на острове Сагастырь в дельте р. Лены, организованной по программе Первого международного полярного года (с 1 августа 1882 г. по 1 августа 1883 г.). В 1885–1886 гг. возглавил экспедицию ИСПБАН в бассейне р. Яны и на Новосибирские острова. В 1890–1900 гг. участвовал в работе российской станции на Шпицбергене. В 1904 г. Бунге участвовал в Русско-японской войне в качестве флагманского врача, в 1904 г. был флагманским врачом штаба главного командования флота на Тихом океане, а в 1905–1910 гг. – флагманским врачом Балтийского флота. С 1914 г. в отставке. Член ИРГО (награжден ИРГО медалью им. Ф.П. Литке, 1889). Чл.-корр. Общества испытателей в Дерпте и др.

** **Николай Данилович Юргенс** (1847–1898) – морской офицер, гидрограф и полярный исследователь. Участник Ленской экспедиции, проведенной в рамках первой в истории программы Первого международного полярного года (1882–1883), где Юргенс был начальником русской станции на острове Сагастырь (Усть-Ленская полярная станция). Эта деятельность была отмечена Константиновской медалью ИРГО (1885).

*** **Иван Деметьевич (Ян Доминикович) Черский** (1845–1892) – географ, геолог, палеонтолог, участник январского восстания 1863 г. Скончался от туберкулеза 25 июня [7 июля] 1892 г. во время экспедиции в Северо-Восточную Сибирь. Похоронен на берегу р. Колымы, в урочище Омолон, в 30 километрах ниже р. Прорвы.



Паузок и карбаз в экспедиции А.А. Бунге на р. Лена.

Из: [Труды Русской полярной станции..., 1895]

о-ва в 1892–1894 гг., как продолжение экспедиции И.Д. Черского, рассчитанной до 1894 г., но прерванной смертью ученого; экспедиции академика Ф.Н. Чернышёва* по исследованию геологическое строения Новой Земли в 1895 г. и на о-ва Шпицбергена в 1898–1901 гг. для совместных со шведскими учеными градусных измерений и, наконец, Русская полярная экспедиция Э.В. Толля в 1899–1902 гг.

Нельзя не упомянуть и об отдельных научных вояжах, проведенных членами Академии наук Л.И. Шренком в Охотском море и Амурском заливе, О.А. Баклундом (1846–1916; астроном, чл.-корр. ИСПБАН по разряду математических наук с 1881 г., ординарный академик с 1883 г.) и князем Б.Б. Голицыным (1862–1916; физик, сейсмолог, адъюнкт ИСПБАН с 1893 г., экстраординарный академик с 1898 г., ординарный академик с 1908 г.) на Новую Землю и в сел. Орловское на Амуре для наблюдения полного солнечного затмения 1896 г., а также палеонтологические и ботанические экспедиции в южную Россию академиков Ф.Ф. Брандта и Г.И. Радде.

Среди вышеперечисленных экспедиций по исследованию природы Севера наиболее значимыми оказались путешествия с участием **барона Эдуарда Васильевича Толля (Толя)** (1858–1902) – выдающегося

* **Феодосий Николаевич Чернышёв** (1856–1914) – геолог и палеонтолог, исследователь тектоники и палеозойских образований Урала и севера России. Адъюнкт ИСПБАН с 1897 г., экстраординарный академик с 1899 г., ординарный академик с 1909 г. Избран почетным членом многих русских и иностранных научных учреждений и обществ. Константиновская медаль ИРГО (1897) за географические и геологические исследования.

русского ученого-геолога и географа, арктического исследователя, положившего на алтарь науки свои знания, здоровье и саму жизнь.

Еще 29 декабря 1884 г. на торжественном годовом заседании Академии наук неприменный секретарь Академии К.С. Веселовский заявил следующее: *«Для полярных экспедиций, сопряженных с поездками по неровным и ненадежным морским льдам требуется от путешественника не одна только научная подготовка, но и готовность переносить всякие невзгоды и лишения, даже подвергаться многочисленным опасностям для жизни. Ныне Академия может считать себя счастливой, что, наконец, выискались лица, вполне соответствующие этим условиям и готовые в преданности своей интересам науки на всякие лишения и трудности полярного путешествия»* (цит. по: [Епишкин, Шпаро, 2021, с. 16]). Речь была адресована доктору А.А. Бунге и молодому ученому, кандидату зоологии Э.В. Толлю, которые в те дни направлялись в экспедицию Академии наук к Северо-Восточным областям империи (см. ниже).

Родился Эдуард Толль 2 [14] марта 1858 г. в г. Ревель (совр. Таллин). В 1872 г. семья (после смерти отца) переехала в город Дерпт (современный Тарту). Юноша поступил в Императорский Дерптский университет (с 1893 г. – Императорский Юрьевский университет) на естественно-исторический факультет, где изучал минералогию, геогнозию, ботанику, зоологию и медицину.

Первая экспедиция будущего ученого проходила у берегов Северной Африки под руководством учителя Эдварда профессора зоологии Макса Брауна (1850–1930). В Алжире и на Балеарских островах Толль изучал флору, фауну, геологию. Вернувшись в Дерпт, защитил кандидатскую диссертацию по зоологии и был оставлен при Университете.

На труды Э. Толля обратил внимание знаменитый ученый-полярник А.А. Бунге, который и пригласил молодого человека в экспедицию (1884–1886), снаряженную Академией наук по предложению академиков Л.И. Шренка, К.И. Максимовича, А.А. Штрауха* и Ф.Б. Шмидта в районы систем рек Яны, Индигирки и Колымы и на Новосибирские острова.

На проведение работ Академией было отпущено 15.000 руб., затем добавлено 6.000, причем вся поездка была рассчитана на двух

* Александр Александрович Штраух (1832–1893) – зоолог, адъюнкт ИСПБАН с 1867 г., экстраординарный академик с 1870 г., ординарный академик с 1879 г. В 1879–1890 гг. – директор Зоологического музея ИСПБАН, в 1890–1893 гг. – неприменный секретарь ИСПБАН.



Слева направо: А.А. фон Бунге, Э.В. Толль и Ф. Хансен.

Из открытых источников

участников: Бунге и Толля. Для научного руководства и контроля над проводимыми работами в Академии была создана комиссия из вышеперечисленных членов Академии и академика Г.И. Вильда (1833–1902; физик, метеоролог, экстраординарный академик ИСПБАН с 1868 г., ординарный академик 1870 г., почетный член с 1895 г.). Общие задачи путешествия заключались *«В изучении в естественно-историческом, физическом и других отношениях побережья Ледовитого моря и Восточной Сибири, преимущественно к востоку от Лены по рр. Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и в особенности острова, известного под названием Новой Сибири»* [Материалы..., 1940, с. 249].

Бунге и Толль встретились в Иркутске в январе 1885 г. и в апреле прибыли в Верхоянск, ставший исходным пунктом путешествия. Экспедиция проводилась в сложных условиях. В частности, в «Деле об экспедиции», хранящимся в Архиве Академии наук, помимо научно-организационной переписки, имеются, например, донесения ген.-губ. Восточной Сибири о некоторых происшествиях в экспедиции, включая убийство и ограбление проводника-якута. Тем не менее весь 1885 г. Толль проработал в бассейне р. Яны, пройдя пешком около 1500 км и собрав богатую научную коллекцию.

В 1886 г. Э. Толль впервые ступил на Новосибирские острова. На о-ве Большой Ляховский он изучал разрезы южного берега, «каменный лед» и его обнажения. Затем Толль на упряжках перебрался через о-в Малый Бельковский на о-в Котельный (самый большой остров в архипелаге Новосибирских островов), вслед за тем обследовал о-в Фаддеевский, а позднее – о-в Новая Сибирь. Ученый выяснял геологию островов, движение льда, его структуру. На Новой Сибири обнаружил пласты бурого угля. Огромную песчаную низменность

между островами Котельный и Фаддеевский он назвал Землей Бунге. Оказавшись в середине августа на севере о-ва Котельного, Толль километрах в 150–200 увидел (или ему это показалось) неизвестную землю. Путешественник был уверен, что это была легендарная Земля Санникова, ранее якобы виденная в 1806 г. русским купцом из Якутска **Яковым Санниковым** (около 1749–1825).

После завершения исследований 5 декабря 1886 г. Академией наук была получена телеграмма: *«Экспедиция окончена благополучно. Летовали на двух островах – Бунге на Большом Ляховском, Толль – на Котельном. Весною осмотрены все пять островов, особенно Новая Сибирь, Толлем. Все участвовавшие здоровы. Научная добыча богата – Бунге – Толль»* [Материалы..., 1940, с. 249, со ссылкой на «Отчет АН» за 1886 г., с. 7]. Выполнив обширные метеорологические, биологические и геологические исследования, 28 января 1887 г. путешественники вернулись в Санкт-Петербург.

Так случилось, что после столь сложного похода Толль заболел неврастением, расстройством речи и какое-то время не мог участвовать в новых путешествиях. Тем не менее в кругах специалистов и научной общественности ученый получил известность. Поэтому сразу после выздоровления Толль в 1889 г. был зачислен хранителем Минералогического музея ИСПБАН, где проработал до 1896 гг. В том же 1889 г. Толль женился на Эммелине Вилькон, уроженки рыцарской мызы Вока, уезда Вирумаа (Эстония), а в 1890 г. в Йене (университетский город в Германии) у него произошла знаменательная встреча с норвежским полярным исследователем Фритьофом Нансеном*, которая вскоре переросла в крепкую мужскую дружбу.

* **Фритьоф Вёдель-Ярлсберг Нансен** (1861–1930) – норвежский полярный исследователь, ученый – доктор зоологии, основатель новой науки – физической океанографии, политический и общественный деятель, гуманист, филантроп, лауреат Нобелевской премии мира за 1922 г., удостоен наград многих стран. В 27-летнем возрасте впервые в истории пересек на лыжах о-ов Гренландия. В ходе попытки достижения Северного полюса – экспедиции на корабле «Фрам» («Вперед») – достиг 8 апреля 1895 г. 86° 13' 36" с. ш., что на тот момент было рекордным достижением. В результате похода был открыт глубоководный полярный бассейн, являющийся северным продолжением Атлантического океана; окончательно опровергнуто предположение о существовании северного полярного континента или крупного архипелага; проведены трехлетние комплексные климатические, гляциологические и прочие измерения; уточнены северные границы архипелага Земля Франца-Иосифа. Несмотря на то что Ф. Нансен впоследствии не участвовал в первопроходческих предприятиях, методы передвижения и выживания во льдах и используемое им оборудование стали примером для подражания для многих полярников мирового класса.

В 1892–1893 гг. Эдвард Толль совершил новое путешествие, возглавив экспедицию Академии наук в северные районы Якутии для обследования пространства между нижним течением рек Лена и Хатанга*. За один год вместе с геодезистом Е.И. Шилейко он прошел 25.000 километров, из которых 4.200 км с маршрутной геодезической съемкой. Здесь путешественник описал Хараулахский хребет, Чекановского и Прончищева кряжи, нанес на карту Анабарскую губу, изучил Хатангскую губу и низовья р. Анабар, где обнаружил останки мамонтов. Хотя целых трупов мамонтов ученому отыскать не удалось, экспедиция была признана удачной. Их вымирание Толль впервые объяснил инфекционными заболеваниями, которые в условиях потепления климата могли быть занесены переселившимися на Север другими видами. Во время похода исследователь выполнил просьбу Ф. Нансена, устроив продовольственные склады на случай зимовки готовившегося к трехлетнему плаванию норвежца на шхуне «Фрам» (норвежская деревянная парусно-моторная шхуна, специально построенная для нужд полярных исследований, в т. ч. длительного дрейфа в паковых льдах)**.

Как награда за осуществленные изыскания в 1894 г. Императорское Русское географическое общество наградило Толля медалью имени Н.М. Пржевальского.

У Толля была мечта побывать на Земле Санникова. Ее существование он объяснял следующим образом: *«...мы видим, что Ново-Сибирские острова представляют собою продолжение горной страны материка Сибири на восток от Лены или отторженную часть Верхнеянской дуги, вся тектоника которой обуславливается двумя системами тектонических линий, разбивающих эту часть Сибири на ряд хорстов и грабень. Мы имеем основание думать, что эти тектонические линии могут быть прослежены, подобно тому как на Ново-Сибирских островах, также и на не открытом еще архипелаге, лежащем, вероятно, к северу от них. К этим тектоническим*

* Фактически эта поездка стала продолжением проводимой в 1890–1892 гг. И.Д. Черским экспедиции в области систем рек Яны, Индигирки и Колымы.

** Экспедиция Нансена на судне «Фрам» в 1893–1896 гг. была попыткой норвежского исследователя достичь географического Северного полюса, используя естественное течение с востока на запад в Северном Ледовитом океане. Для этого Нансен отправился на «Фраме» в восточную часть Северного Ледовитого океана, вмерз его в паковый лед и стал ждать, когда дрейф отнесет его к полюсу. Из-за медленной скорости и непредсказуемости дрейфа Нансен и его спутник Яльмар Йохансен через 18 месяцев покинули корабль с упряжкой самоедских собак и санями и отправились к полюсу. Когда до него оставалось около 400 км, Нансен был вынужден повернуть назад. В 1896 г. «Фрам» благополучно вернулся в Норвегию.

линиям приурочены выходы изверженных пород, – траппов, о которых я уже упомянул, говоря о Святом Носе. И действительно, на острове **Беннетта*** (здесь и ниже выделено Толлем. – Авт.) найдены траппы, а на **Земле Санникова**, которую и я видел издали, с северного конца острова Котельного во время ясной погоды летом 1886 г., замечаются столовые горы по форме которых можно предполагать, что они тоже трапповые. Эти соображения позволяют допустить, **что на север от Ново-Сибирских островов находится еще архипелаг, быть может не меньшего размера, чем острова Франца-Иосифа**» (цит. по: [Врангель, 1900, с. 9]).

Во всех своих обращениях к правительству Толль неизменно заверял о необходимости исследования Земли Санникова: *«Неужели мы отдадим последнее поле действия для открытий нашего севера опять другим народам? Ведь одна из виденных Санниковым земель (имеется в виду о-в Беннетта в группе о-вов Де-Лонга, Восточно-Сибирское море) уже открыта американцем De Long, несчастно погибшим вследствие незнания местных условий в устье Лены.*

Мы, русские, пользуясь опытом наших предков, уже по географическому положению лучше всех других наций в состоянии организовать экспедиции для открытия архипелага, лежащего на север от наших Ново-Сибирских островов и исполнить их так, чтобы результаты были и счастливы, и плодотворны» (цит. по: [Врангель, 1900, с. 11]).

В 1899 г. Толль принял участие под руководством С.О. Макарова в первом плавании ледокола «Ермак»** к берегам Шпицбергена.

* Самый крупный остров в группе о-вов Де-Лонга, Восточно-Сибирское море. Назван в честь американского яхтсмана и медиамагната Джеймса Гордона Беннетта (1841–1918), выделившего средства на поход Джоржа Де Лонга к Северному полюсу через Берингов пролив (1879–1881). Экспедиция закончилась трагически: Де Лонг и 19 членов команды умерли от голода в устье р. Лены.

** В декабре 1897 г. по инициативе адмирала С.О. Макарова на стапелях английской фирмы «Армстронг» в Ньюкасле по заказу России был заложен первый в мире ледокол, способный форсировать тяжелые льды двухметровой толщины. Идею адмирала поддержало сибирское купечество, предложившее назвать судно именем Ермака. В состав комиссии, участвовавшей в разработке ледокола, входили Д.И. Менделеев, В.Ф. Врангель, инженеры П.К. Янковский, Р.И. Рунеберг и др. Корпус «Ермака» при длине 93 м имел ширину 21,6 м и был разделен восьмью водонепроницаемыми переборками на девять отсеков. Корабль имел наклонный форштевень, что позволяло ему проламывать лед тяжестью корпуса. После заводских испытаний «Ермак» 21 февраля (5 марта) 1899 г. вышел в первое плавание. В 1920–1930-х гг. «Ермак» обеспечивал перевозки грузов на Балтике, в западном секторе Арктики и в Белом море. В феврале 1938 г. участвовал в эвакуации полярников станции «Северный полюс-1». В годы Великой Отечественной

В период этого похода проводились гидрологические и метеорологические наблюдения, а также киносъемка льдов. В том же году Толль приступил к организации Русской полярной экспедиции, целью которой было изучение морских течений в Карском и Восточно-Сибирском морях, исследование уже известных и поиск новых островов в этой части Арктики, а в случае удачи – открытие Земли Санникова, в существование которой Э. Толль свято верил. Исследователя поддерживали полярные авторитеты того времени: Фритьоф Нансен, Нильс Адольф, Эрик Норденшельд, адмирал С.О. Макаров, академики Ф.Б. Шмидт, А.П. Карпинский и др. В частности, Ф. Нансен, выступая на экстренном заседании ИРГО во время своего пребывания в Санкт-Петербурге, заявил, что *«Нет надобности указывать кому-либо из присутствующих, что исследование этих земель (имеется в виду Земля Санникова. – Авт.) было бы подвигом величайшей научной значимости»*. Учитывая увиденное в период плавания на «Фраме» открытое водное пространство к западу и северо-западу от Новосибирских островов, Нансен полагал, что при преобладающих восточных ветрах *«земли эти достижимы на судне каждое лето и думаю, что достижима на судне даже земля Беннета. Если это так, я бы только желал, чтобы Толль избрал этот последний остров для своей зимовки вместо Земли Санникова. На Земле Беннета он был бы севернее, ближе к сердцу неведомого пространства и, вероятно, ему представился бы лучший случай для производства важных исследований на севере, чем с Земли Санникова. Я не думаю, чтобы это было более рискованно потому что даже в случае, если бы оказалось невозможным вернуться на судне не следующий год, он легко мог бы перейти на Санникову Землю, где он в передний путь заложил бы склад, и оттуда на Котельный где он мог бы также иметь склады, подобные тем, какие он сам там устроил для нашей экспедиции»* (цит. по: [Врангель, 1900, с. 14]).

Наконец, вскоре было получено правительственное разрешение на проведение похода и отпущено 60.000 руб. на покупку в Норвегии подходящего судна. Подобным судном стал аналог нансоновской «Фрамы» – парусный барк с паровым двигателем, зарекомендовавший себя в Арктике и получивший впоследствии наименование «Заря». Картографическое, гидрологическое и магнитометрическое оборудование было заказано на лучших заводах России и Европы.

войны ледокол осуществлял проводку судов на Балтике. В 1964 г. был выведен из эксплуатации и разобран на металл.

По окончательному проекту* Толль предполагал провести в экспедиции две зимовки – 1900/01 г. и 1901/02 г.; первую – на восточном берегу п-ова Таймырского, а вторую – на островах к северу от Ново-сибирского архипелага (в идеальном варианте допускалась зимовка на Земле Санникова), а затем собирался пройти вдоль побережья Восточной Сибири через Берингов пролив во Владивосток, закончив путешествие к зиме 1902/03 г.

В состав научной группы кроме Э.В. Толля вошли: лейтенанты Российского флота А.В. Колчак** и Н.Н. Коломейцев***, геодезист

* В первоначальном варианте Толль намеревался провести экспедицию в течение 3 лет. В первый год планировалось отправить судно через Карское море и мыс Челюскин в устье Лены или выше на зимовку. Сама экспедиция в первую зиму должна была вернуться в Европу с тем, «чтобы на другой год начать настоящую кампанию». Учитывая, что до Земли Санникова на собаках добраться невозможно из-за имевшихся по пути полыней, сама экспедиция должна быть разделена на два отряда: *«До начала плавания одна партия, в марте месяце, отправляется на собаках на Ново-Сибирские острова для устройства спасательных депо и пополнения оставшихся на о-вах пробелов, именно на о-ве Новой Сибири, северном берегу о-ва Фадеевского и проч. Этот отряд или вернется заблаговременно к устью Лены, или останется на о-ве Котельном, и судно заберет его по пути во время плавания на север. Добравшись на судне до земли Санникова или о-ва Беннета, смотря по тому, который из островов окажется выступающим более на север, экспедиция выберет себе место зимовки и поставит себе дом для годовой станции, где будут произведены в течение круглого года магнитные, метеорологические и другие наблюдения. Между тем судно вернется опять к устью Лены. Во время летних месяцев третьего года экспедиция будет производить открытия и исследования архипелага до августа месяца, после чего судно, отправившись вторично из устья Лены на о-в Санникова, увезет экспедицию домой»* (цит. по: [Врангель, 1900, с. 12, 13]).

** **Александр Васильевич Колчак** (1874–1920) – русский государственный, политический и военный деятель, ученый-океанограф, полярный исследователь (1900–1903), флотоводец (1915–1917), в 1914–1917 гг. – вице-адмирал и адмирал Балтийского флота, с 1916 по 1917 г. – командующий Черноморским флотом. В 1898 г., получив чин лейтенанта, Колчак перешел на службу в Академию наук. Следующий период его жизни связан с океанографией. По приглашению Э. Толля принял участие в Русской полярной экспедиции в качестве второго офицера шхуны «Заря» в звании лейтенанта. Для ее подготовки Александр Васильевич отправился в Норвегию, где стажировался у Ф. Нансена. В 1903 г. А.В. Колчак возглавил связанную с большим риском для жизни Спасательную экспедицию, отправленную на поиски барона Э.В. Толля и его трех спутников. 10 января 1906 г. избран действительным членом ИРГО, 30 января награжден большой золотой Константиновской медалью. Во время Гражданской войны стал известен как руководитель Белого движения; на подконтрольных движению территориях бывшей Российской империи в должностях Верховного правителя России и Верховного главнокомандующего Русской армией возглавлял режим военной диктатуры до своей гибели (по материалам: [Синюков, 2000, 2009]).

*** **Николай Николаевич Коломейцев** (1867–1944) – полярный исследователь, вице-адмирал (1917), участник Цусимского сражения. В 1900–1901 гг. – командир шхуны

и метеоролог Ф.А. Матисен*, зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля**, астроном и магнитолог Ф.Г. Зееберг***, доктор Г.Э. Вальтер**** и др. Кроме того, для обследования Деревянных гор Новой Сибири (особый интерес их изучения был установлен предыдущими экспедициями Толля) была образована специальная санная партия под руководством кандидата естественных наук К.А. Воллосовича*****, которой поручалось пройти на Новую Сибирь через Якутск.

8 [21] июня 1900 г. шхуна «Заря» снялась с якоря в Санкт-Петербурге с 20 членами экипажа на борту. В своем дневнике***** Толль так описал это событие:

«Заря» в звании лейтенанта. Из-за разногласий с Толлем оставил судно и в начале 1901 г. вместе со Степаном Расторгуевым (1864 – после 1908 г.; путешественник и мореплаватель, урядник Якутского казачьего полка, участник последней Колымо-Индигорской экспедиции И.Д. Черского и Полярной экспедиции Э. Толля) за 40 дней прошел около 800 км к Гольчихе (Енисейская губа). По дороге открыл впадающую в Таймырский залив р. Коломейцева.

* **Фёдор Андреевич Матисен** (1872–1921) – морской офицер, военный гидрограф и путешественник; член ИРГО, в 1901–1902 гг. старший офицер шхуны «Заря» в звании лейтенанта. После отъезда Коломейцева стал командиром шхуны, а после ухода группы Э. Толля на о-в Беннетта возглавил экспедицию.

** **Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля** (1864–1937) – старший зоолог музея ИСПБАН, участник Шпицбергенской экспедиции 1899 г. и Полярной экспедиции Э. Толля, чл.-корр. РАН с 1923 г.

*** **Фридрих Георгиевич Зееберг** (Зеберг) (1871–1902) – преподаватель физики, арктический исследователь. Предлагал свое участие в Русской полярной экспедиции на шхуне «Заря» в 1900–1902 гг. в качестве кочегара, если бы в составе экспедиции не оказалось другого для него места [Синюков, 2000, 2009]. Рекомендован академиком О.А. Баклундом и профессором Юрьевского университета Г.В. Левицким (1852–1917) в качестве астронома и магнитолога.

**** **Герман Эдуардович Вальтер** (1864–1901/1902) – доктор медицины, орнитолог и бактериолог, судовой врач и второй зоолог экспедиции на шхуне «Заря», участник морских экспедиций за Северным полярным кругом, друг и спутник Э. Толля. Умер в Русской полярной экспедиции во время наблюдения за погодой от сердечной недостаточности и был похоронен на о-ве Котельный на мысе Вальтера.

***** **Константин Адамович Воллосович** (1869–1919) – ученый-геолог. В 1892 г. окончил факультет естественных наук Варшавского университета, получив степень кандидата естественных наук за работу по органической химии. Продолжил работу в Санкт-Петербурге в Лесном институте. За участие в революционной деятельности в 1894 г. был арестован, сидел в Петропавловской крепости и в Варшавской цитадели около двух лет. Затем был сослан на пять лет в Архангельскую губернию, где увлекся геологией и опубликовал ряд научных статей по геологии русского Заполярья. В 1900 г. был выслан в Восточную Сибирь. Оттуда Э.В. Толль пригласил молодого ученого в Русскую полярную экспедицию на шхуне «Заря». В начале 1902 г. Константин Адамович заболел и был отправлен на лечение в Иркутск. Погиб 25 сентября 1919 г. в железнодорожной катастрофе у станции Беспаловка под Харьковом.

***** Дневники Эдуарда Толля, согласно завещанию, были переданы его вдове,



А.В. Колчак во время
первой зимовки у п-ва
Таймыр, 1900/1901 г.

Из открытых источников



Лагерь Русской полярной экспедиции на о-ве
Котельный. У палатки стоит А.В. Колчак.

Из открытых источников

«Четверг 8 [21] июня 1900 г. Кронштадт, борт «Зари», 11 часов вечера. Сегодня в 2 часа пополудни мы снялись с якоря в Петербурге у семнадцатой линии на Неве, где стояли у набережной 22 дня. Многие глубоко запечатлевшиеся в памяти образы и нахлынувшие за последние недели воспоминания так нагромодились друг на друга, что мне не удастся еще привести в ясность свои впечатления. Во всяком случае достоверно то, что положено начало экспедиции, которой я так долго добивался. Начало ли? Правильное ли это слово? Когда же именно было положено начало? Было ли это в 1886 г., когда я видел Землю Санникова, было ли это в 1893 г., когда, находясь на Новосибирских островах, я мысленно представил себе возможность достигнуть с острова Котельного Земли Санникова быстрым переходом на собачьих нартах? Было ли это после опубликования моего плана в 1896 г. или же начало было положено, когда я прошлой весной передал президенту Академии наук свой отчет о плавании на «Ермаке»? Что считать началом? Как бы то ни было, фактически экспедиция началась сегодня, 21 июня 1900 г., в теплый ясный летний день, когда мы снялись с якоря и капитан Коломейцев вывел с большим мастерством «Зарю» без помощи буксира из устья Невы мимо множества судов и когда мы взяли курс на Кронштадт.

Эммелине Толль, которая издала их в 1909 г. в Берлине. В немецком издании записи в дневнике датированы по новому и старому стилям. В 1959 г. в сокращенном виде дневники были опубликованы в переводе с немецкого под названием *Плавание на яхте «Заря»* [Толль, 1959], где все даты приведены по новому стилю.



Шхуна «Заря» в Норвегии, 1899 г. *Из открытых источников*

Из наших глаз мало-помалу исчезали друзья, собравшиеся на набережной и на окружавших “Зарю” пароходах и лодках. Они долго еще посылали нам вслед прощальные приветствия и кричали “ура”».

Далее «Заря» обошла Скандинавский полуостров, прошла Баренцево и Карские моря и 13 [26] сентября встала на зимовку в Таймырском проливе в бухте Арчер (это место было рекомендовано Ф. Нансеном как наиболее безопасное для зимовки). Надо отметить, что со вступлением «Зари» в пределы Карского моря связь



Участники экспедиции Э.В. Толля на борту шхуны «Заря». В верхнем ряду: третий слева над Толлем – А.В. Колчак. Второй ряд: Н.Н. Коломейцев, Ф.А. Матисен, Э.В. Толль, доктор экспедиции Г. Вальтер, астроном Ф. Зееберг, зоолог А.А. Бялыницкий-Бируля. *Из открытых источников*

с экспедицией была потеряна и первая весть о ней пришла с места зимовки только через год: 25 и 26 июня 1901 г.

Все лето 1901 г. экспедиция обследовала Таймыр. Проводились наблюдения над процессом льдообразований; топографическая съемка, магнитные исследования. После улучшения ледовой обстановки 25 августа [7 сент.] «Заря» направилась в сторону о-ва Беннетта, однако 27 августа [9 сент.] наткнулась на пояс мощных льдов. В дневнике Толля читаем:

«Пятница 13 сент. Весь день я мучительно колебался, прежде чем принять решение. В 6 часов сообщил Матисену, а в полдень остальным, что мысль о достижении острова Беннета должна быть оставлена: на северо-северо-западе и востоке были сплошные льды, и только на западе и на юге видна открытая вода. Форсировать 3-метровый лед и еще более мощный пак на нашей яхте было невозможно. Несомненно, при сжатии льдов возникла бы угроза лишиться судна. Таким образом, ничего другого не остается, как повернуть на запад и северо-запад, чтобы возвратиться прежним курсом к положению 9 сентября, т. е. под 77°9' с. ш. и 140°23' в. д. Там «Заря» была ближе к тому ледяному полю, за которым в тумане, возможно, скрывалась Земля Санникова. Когда мы там приблизились к кромке льда, шторм и туман воспрепятствовали нам продолжить дальнейшие исследования».

На вторую зимовку шхуна встала в бухте на о-ве Котельный. Затертая льдами «Заря» превратилась в геофизическую и метеорологическую станцию. В конце весны 1902 г. в Петербург отбыл Колчак, чтобы доставить в столицу собранные исследователями материалы, а Толль решил двигаться дальше на север по льдам на собаках и байдарках. В апреле 1902 г. он начал подготовку санно-шлюпочного перехода на о-в Беннетта. Читаем некоторые выдержки из дневника Толля: «Суббота 12 апреля. На борту «Зари». Прибыли вчера в 7 часов утра. Все в порядке. Зееберг имеет здоровый и довольный вид. Сегодня он объявил, что готов идти со мной на остров Беннета. Я предоставил ему еще несколько дней на размышление. Надеюсь, что он не изменит своего решения, чему я буду чрезвычайно рад. Тогда мы отправимся с Николаем Омуком и Василием Чичагом около 1 июня с Новой Сибири. Отсюда выйдем месяцем раньше...».

«Среда 21 мая. Небо заволокло тучами, ночью температура была около -10°. Толстов привез на собачьей нарте с реки Чукотской застреленных им двух оленей. На скале того побережья, недалеко от устья реки Чукотской и на всем пути сюда он видел вчера сотни чистиков и близ поварни Воллосовича трех белых чаек.

Остро ощущаю правоту слов Гёте: «Юг хранит много сокровищ!» Но одно сокровище севера влечет непреодолимо к себе, словно сильный магнит.

Итак, бесповоротно решено – только через ту «неведомую гавань» на Беннете лежит мой путь на родину!

Покину «Зарю» спокойно. Только бы мне достигнуть цели! Если за нами придет «Заря», то наша яхта быстро помчится с попутным ветром обратно на юг, после того как на севере будут обретенны сокровища науки; если же «Заря» не придет и мы останемся зимовать, то приложим с Зеебергом все силы к тому, чтобы как можно лучше использовать этот год!»

При подготовке к наземному переходу настроение у путешественника после длительного бездействия стало улучшаться:

«Воскресенье 25 мая. Сегодня в 7 часов утра вернулся Колчак очень довольный своей поездкой на остров Столбовой. Он объехал весь остров, произвел съемку, определил астрономически много пунктов и привез мне образцы горных пород. Крутой западный берег сложен из диабазов и палеозойских известняков. Полынья находится почти у самой северо-западной оконечности острова, приблизительно в двух километрах и на расстоянии 15 км от юго-западной оконечности. Благодаря открытой воде здесь много птиц. На скалах ютятся до 100 кайр. Было много чаек. Благодаря застреленному оленю не ощущалось недостатка в свежем мясе. По медведю оба охотника промахнулись. Команда рьяно охотится. Сегодня посылаю на охоту своих каюров, чтобы они освежились перед началом путешествия; в связи с приготовлениями к поездке они сидят безвыходно в поварне. В последнее время стало много оленей, и охотники мешают друг другу.

Я устал и бездеятелен. Работа подвигается медленно. Нудное составление инструкций мало подается вперед.

Понедельник 26 мая. Сегодня в 5 часов утра неожиданно прибыла еще одна почта! Милые, дорогие письма, как посланное небом благословение перед отъездом на север! В письмах опять много выражений уверенности в моих силах и в успехе дела, но напрасно все так думают – у меня нет больше сил! Остается только надеяться, что общее доверие и любовь должны подкрепить меня и влить новую энергию.

Теперь я уже горю нетерпением прийти к цели, не только ради самой цели, но чтобы время быстро пролетело в напряженной деятельности. Сегодняшний день прошел за прочитыванием писем. Это был для меня большой праздник. Прибыла также посылка и портреты

моих дорогих дочерей! Что совершается в моем сердце, когда думаю о своих любимых, этого я не в силах передать на бумаге. Не в моей власти облечь в слова свою тоску по родине. Как туго натянутые струны напряжены мои нервы перед этим прыжком через полыньи и горы, через торосы и моря для того, чтобы через шесть месяцев вернуться обратно на родину! Завтра надо приняться за приготовления с удвоенной силой, так как днем снег заметно тает. Не позже конца этой недели надо трогаться в путь.

“Что должно свершиться, то сбудется!”».

Перед самым выходом в маршрут Толль писал: *«Понедельник 2 июня. Все еще здесь. Бесконечно много дела перед отъездом. Вчера Матисен снова застрелил трех оленей, в субботу Клух одного и боцман одного. Охота начинает становиться для меня нетерпимой, так как убивают почти одних только самок с телятами.*

Сегодня день рождения Матисена. Передам ему инструкцию, копия которой остается на хранении вместе с документами. Заносить ее сюда, в дневник, нет времени. Завтра он получит в запечатанном конверте назначение стать моим преемником, в случае если «Заря» не сможет снять меня с острова Беннета. Только что закончил последние письма к тебе. Спокойной ночи!

3 июня. Передаю Матисену запечатанное письмо с надписью: «Вскрыть, если экспедиция лишится своего корабля и без меня начнет обратный путь на материк, или в случае моей смерти».

Командиру яхты «Заря» лейтенанту Федору Андреевичу Матисену. Поручаю Вам весь личный состав Русской Полярной экспедиции, ученый персонал и судовую команду доставить на яхте «Заря» или другим, указанным мною в инструкции от 19 мая путем до сибирского берега и дальше на родину и передаю Вам на тот случай, если Вам не удастся снять меня с острова Беннета, или в случае моей смерти, все права начальника экспедиции.

Э. Толль».

В исторической и справочной литературе имеются некоторые расхождения по дате выхода группы Толля в маршрут. Точную дату можно найти в Материалах... [1940], составители которых, основываясь исключительно на документальных источниках, отмечали: *«30 сентября 1902 г. [13 окт.] Академия получила сообщение, что 1 [14] мая 1902 г. от экспедиции отделился зоолог А.А. Бируля, отправившийся летовать на о-в Новая Сибирь, а 23 мая [5 июня] оставили «Зарю» Толль и астроном Зеберг (Зееберг) с двумя промышленниками, направившись к о-ву Беннетта. По предварительным расчетам,*

их оттуда должна была снять летом «Заря», но вследствие неблагоприятных ледовых условий это не было осуществлено, и теперь оставалось ждать зимней дороги для возвращения Бирули по льду; с партией Толля вопрос был сложнее и зависел от того, успеют ли они вернуться осенью на о-в Новая Сибирь или же останутся на о-ве Беннетта. В первом случае их можно было ожидать также зимой 1902–1903 г., в последнем же – они смогли бы вернуться не ранее осени 1903 г. В виду этого академической комиссией по снаряжению Полярной экспедиции было отдано приказание сотруднику санной партии М.И. Брусневу идти на Новосибирские о-ва и устроить на каждом из северных о-вов летовки (строения для временного проживания летом), которые могли бы помочь Толлю. Это поручение было исполнено, но, как оказалось впоследствии, напрасно. А.А. Бируля вернулся в Якутск 23 января 1903 г., а о Толле не было никаких сведений. Комиссия Академии наук признала необходимым снарядить спасательную экспедицию» [Материалы..., 1940, с. 267].

Такая экспедиция по спасению групп барона Эдуарда фон Толля и Алексея Бялыницкого-Бируля была возглавлена лейтенантом Колчаком. Острое чувство ответственности и товарищеский долг побуждали А.В. Колчака на быстрые и решительные действия. Многие полярники замечали А.В. Колчаку, что с его стороны пускаться в плавание по Северному Ледовитому океану на шлюпках (именно этот способ для передвижения выбрал молодой офицер, поскольку



Маршрут Русской полярной экспедиции Толля 1900–1902 гг., положенный на современное очертание берегов. Из открытых источников

«Заря» для плавания была уже непригодна, так как ее избитый корпус нуждался в капитальном ремонте и не было угля) было бы просто безумием...

9 декабря 1902 г. Комиссия приняла предложенный Колчаком план санно-шлюпочного похода к Беннетту, хотя шлюпочное предприятие Колчака обещало быть не менее рискованным, нежели сам пеший поход барона Толля. Столь ответственное поручение привело к тому, что Колчаку пришлось отложить свою свадьбу с С.Ф. Омировой. Тем временем пришло известие о благополучном возвращении на материк с Новой Сибири партии Бирули, однако о судьбе Толля и он ничего сообщить не мог.

Блестяще преодолев многие трудности, Колчак и шесть его спутников 4 августа достигли о-ва Беннетта и обнаружили там оставленные Э.В. Толлем и его группой документы и геологические коллекции. Из последней записи, оставленной Толлем в адрес президента Академии наук, следовало, что полярник и его спутники еще 26 октября 1902 г. ушли на юг, имея запасов провизии лишь на две-три недели. Стало очевидно, что с неприбытием «Зари» путешественник принял решение отправиться по льду, т. к. основное время пребывания на острове было потрачено на исследования, а заготавливать провиант на зиму было уже поздно. Скорее всего, путешественники погибли во время перехода по льду между островами.

Колчак провел на острове трое суток, побывав во всех трех его концах. Северо-восточную оконечность острова Колчак назвал мысом Эммелины Толль, юго-восточную – п-овом Чернышёва, а мысу на п-ове Чернышёва Колчак дал имя Софии в честь своей невесты Софьи Фёдоровны. Самая высокая гора получила имя Де-Лонга, другая стала называться горой Толля. Двум ледникам на вершинах этих гор было присвоено имя Зееберга.

Выяснив относительно судьбы Толля все, что только представлялось возможным узнать, 7 августа Колчак и его команда отправились в обратный путь. С собой взяли документы и небольшую часть геологических коллекций, оставленных бароном Толлем при уходе с острова. 27 августа с трудом, в условиях сильного снегопада и мороза, достигли Котельного острова. Сентябрь и октябрь ждали становления льдов и промышляли охотой. За время экспедиции были обследованы все берега Котельного, Земли Бунге, Фаддеевского острова и Новой Сибири. 16 ноября тронулись в путь по еще не окрепшему льду. Когда в начале декабря путешественники пришли в Казачье, выяснилось, что с осени экспедицию ожидает какая-то дама.

Это была невеста Колчака, Софья Фёдоровна Омирова. Морозы в это время здесь доходили до -55°C . Завершив в Казачьем дела по сдаче имущества экспедиции, в начале января 1904 г. Колчак со спутниками добрался до Верхоянска.

7-месячная поисковая экспедиция со сложнейшим 90-дневным морским санно-шлюпочным походом была выполнена на пределе человеческих возможностей и вернулась без потерь. Помимо того, что Колчак предоставил достоверные сведения о судьбе Толля, он также собрал ценные данные о географии и формировании льда в этом регионе, которые впоследствии получили высокую оценку Петра Семёнова-Тян-Шанского.

26 января 1904 г., приехав в Якутск, Колчак дал телеграмму президенту Академии наук, в которой сообщил, что партия Толля покинула о-в Беннетта осенью 1902 г. и исчезла без вести. Эта телеграмма Колчака была опубликована многими газетами.

10 февраля пришло известие о начале Русско-японской войны* в Якутск, где после Спасательной экспедиции находились ее участники. В тот же день из Якутска в Академию наук ушла телеграмма Колчака: *«Срочная. Петербург. Секретарю полярной комиссии. Иду на войну из Иркутска. Документы и отчеты высылаю. Колчак»*.

В 1906 г. Колчак был избран членом Императорского Русского географического общества и удостоен его высшей награды – Константиновской медали *«за участие в экспедиции барона Толля и за путешествие к острову Беннетта»*. Позже он принимал участие в исследованиях Северного Ледовитого океана и Северного морского пути. Многие работы Колчака по ледовой навигации использовались десятилетиями...

По материалам: [Врангель, 1900; Материалы для истории..., 1940; Успенский, 1959; Толь, 1959; Виттенбург, 1960; Богданов, 1993; Синюков, 2000, 2009; Чайковский, 2002; Епишкин, Шпаро, 2021; и др.].

* Русско-японская война началась 27 января [9 февраля] 1904 г., когда Япония без объявления войны атаковала русскую эскадру у Порт-Артура. Продолжалась военные действия до 23 августа [5 сентября] 1905 г.

8.3. Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 г.

На рубеже веков, в 1900 г., в Париже с 15 апреля по 12 ноября проходила Всемирная выставка (фр. Exposition universelle), символом которой стала встреча нового XX в. Начало подобным выставкам было положено в 1851 г. в Лондоне, а с 1855 г. Всемирные выставки стали проводиться в столице Франции. Кроме того, в различных городах Европы и Северной Америки организовывались другие универсальные или крупные специализированные выставки.

Выставка 1900 г. отличалась от проводимых ранее громадной площадью в 1.12 кв. км, отведенной для строительства павильонов, где свои экспозиции представили 35 стран со всех континентов. Свыше 76 тыс. участников на протяжении восьми месяцев демонстрировали миру промышленные и технологические достижения. В Париже специально к открытию выставки возвели целый ряд объектов, таких как Лионский вокзал, вокзал Орсе, мост Александра III и др. С 19 июля 1900 г., т. е. уже во время работы выставки, жителей и гостей города начала перевозить первая линия парижского метро. Одной из достопримечательностей выставки стал движущийся электротротуар, протянувшийся на значительное расстояние.

Согласно постановлению французской администрации представленные на выставке предметы были распределены по 18 группам: 1) воспитание и образование, 2) произведения искусств, 3) пособия



Панорамный вид Всемирной Парижской выставки 1900 г.
Почтовая открытка

и техника в области литературы, науки и искусства, 4) механические двигатели и приспособления, 5) электричество, 6) инженерное дело, средства перевозок, пути сообщения, 7) земледелие, 8) садоводство и огородничество, 9) лесоводство и рыболовство, 10) питательные продукты, 11) горное дело и металлургия, 12) убранство и предметы меблирования, 13) пряжа, ткани и одежда, 14) химические производства, 15) разного рода производства, 16) гигиена и общественное призрение, 17) колонизация, 18) военное дело.

«Высочайше учрежденную комиссию» по подготовке русского отдела выставки возглавил директор Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевский*. Генеральным Комиссаром русского отдела был назначен князь В.Н. Тенишев**, главным архитектором – Р.Ф. Мельцер***. В числе устроителей русского отдела – архитектор О.И. Тибо-Бриньоль****. Благодаря особым дружественным отношениям с Францией, Российской империи была выделена самая большая экспозиционная площадь – 24 000 м². Из представленных 18 тематических отделов Россия не участвовала лишь в одном – отделе колонизации, однако получила по данной номинации несколько высших наград за материалы, представленные в других отделах. Всего в российском павильоне было выставлено около 2.400 экспонатов.

На участие в выставке Россия затратила 5.226.895 р. (из них правительство ассигновало 2.226.895 р., а учреждения и экспоненты 3.000.000 р.).

* **Владимир Иванович Ковалевский** (1848–1934) – российский государственный деятель, ученый и предприниматель. Тайный советник. Автор многочисленных статей и переводов по сельскохозяйственной тематике. В 1892–1900 гг. – директор департамента торговли и мануфактур. С 1900 по 1902 г. состоял в должности товарища министра финансов. В 1906–1916 гг. – председатель Русского технического общества. Один из создателей Санкт-Петербургского политехнического института.

** **Князь Вячеслав Николаевич Тенишев** (1844–1903) – русский этнограф, археолог и социолог, присяжный поверенный, основатель Тенишевского реального училища в Санкт-Петербурге. Входил в Совет торговли и мануфактур при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов и был рекомендован на должность генерального комиссара от России на Всемирной выставке 1900 г. в Париже.

*** **Роберт-Фридрих (Роман Фёдорович) Мельцер** (1860–1943) – русский архитектор и художник декоративно-прикладного искусства периодов историзма и модерна. После революции эмигрировал: с 1918 г. жил в Берлине (основал там мебельную фабрику), с 1921 г. – в Нью-Йорке. В 1900 г. был назначен главным архитектором русского павильона на Всемирной выставке в Париже.

**** **Оскар Иосифович Тибо-Бриньоль** (1850–1903) – российский архитектор французского происхождения. Работал в Санкт-Петербурге, на Кавказских минеральных водах и в Париже. За подготовку и организацию русского павильона Всемирной выставки 1889 г. удостоен награды Французской Академии – Ордена Академической пальмы.

В международном жюри Россию представляли 15 экспертов, среди которых были члены ИСПБАН Д.И. Менделеев (он же был вице-президентом международного жюри), Н.П. Петров*, П.П. Семёнов (Семёнов-Тян-Шанский), М.А. Рыкачев**, князь Б.Б. Голицын, академик Санкт-Петербургской медицинской академии князь И.Р. Тарханов-Моуранов***. В Художественную часть по группе произведений искусств входили академики живописи И.Е. Репин, А.Н. Бенуа и другие члены Императорской академии художеств. И.Е. Репин присутствовал также на выставке в качестве экспонента и члена жюри живописного раздела, получив в итоге высшую награду «вне конкурса».

Российский отдел выставки начал свою работу на два дня позже ее официального открытия, когда *«4-го (17-го) апреля, в здании павильона окраин, по почину генерального комиссара русского отдела на всемирной выставке, совершено молебствие по случаю ее открытия. К 10 часам утра собрались многия почетныя приглашенныя лица, в том числе русский посол, а также многочисленные русские экспоненты, приехавшие в Париж на открытие выставки. В 10½ часов в павильоне русских окраин прибыл Президент Французской республики, встреченный звуками марсельезы, исполненной расположенным на особой эстраде оркестром духовной музыки. Вслед за тем оркестр исполнил русский гимн, вызвавший громкие единодушные клики «ура» всех присутствовавших. Президента*

* **Николай Павлович Петров** (1836–1920) – русский ученый-механик и инженер, инженер-генерал, профессор, основоположник гидродинамической теории смазки. В 1894 г. избран почетным членом ИСПБАН. С 1896 по 1905 г. был председателем Русского технического общества. С 1900 г. – член Государственного совета. В реформированном Госсовете после 1906 г. – присутствующий член, с 1907 по 1916 г. – председатель 2-го департамента. Лауреат Ломоносовской премии (1884) за работу «Трение в машинах и влияние на него смазывающих масел».

** **Михаил Александрович Рыкачев** (1841–1919) – русский метеоролог, физик, чл.-корр. ИСПБАН по разряду физических наук с 1892 г., экстраординарный академик с 1896 г., ординарный академик с 1900 г. В 1896–1913 гг. – директор Главной физической обсерватории в Петербурге (с 1899 г. – Николаевская Главная физическая обсерватория). Автор трудов по метеорологии, океанографии, земному магнетизму и физической географии, один из основоположников гидрологических прогнозов, инициатор и руководитель магнитной съемки поверхности Земли в России. Оказал большое содействие К.Э. Циолковскому (в проведении опытов по сопротивлению воздуха), Н.Е. Жуковскому (в период его участия в создании первого в Европе Аэродинамического института в подмосковном имении Кучино).

*** **Иван Романович Тарханов-Моуранов** (Иван Рамазович Тархнишвили, Тархан-Моурави) (1846–1908) – русско-грузинский физиолог, переводчик, педагог и популяризатор науки.

сопровождали Министры Делькассе и Мильеран и Генеральный Коммиссар Выставки Альфред Пикар. В сопровождении русского посла и князя Тенишева Президент с Министрами и Альфредом Пикаром прошёл в Царскую каюту, где ему был принесён подарок Его Императорского Величества Государя Императора – рельефная карта Франции, в 1/1.000.000 величины, художественной работы из уральских и других камней. На этой карте каждый департамент составлен из яшмы, реки обозначены лентами из платины, моря – из уральского мрамора, названия – из золота, границы смежных государств проведены яшмою и, наконец, отдельные города обозначены: с населением более 100.000 чел. – драгоценными камнями, от 50.000 до 100.000 чел. – аметистом, от 20.000 до 50.000 чел. – сибиритом (розовым турмалином) и от 10.000 до 20.000 – тяжёлыми. Рама для карты, собранной на мраморной доске, толщиной в вершок, сделана из яшмы. В левом углу карты, на плите из цельной кокандской яшмы, изображена надпись: *France 1900. 1/1/000.000. Императорская Екатеринбургская гранильная фабрика* (этот шедевр и сегодня хранится в Компьенском дворце во Франции. – Авт.). Из Царской комнаты Президент Французской республики, в сопровождении генерального комиссара русского отдела и других лиц, прошёл в помещённый в том же здании зал удельного ведомства и затем осмотрел расположенные в центральной части здания экспонаты...» [Россия..., 1900, с. 51, 52]. По распоряжению французского президента подаренная карта была под специальной охраной выставлена на всеобщее обозрение, а затем передана в Луврский музей.

Центральным павильоном Русского отдела стал построенный по проекту Р.Ф. Мельцера **Павильон русских окраин**, повторявший архитектуру Московского и Казанского кремлей и ставший наглядным примером неорусского стиля, характерного для эпохи рубежа веков. Павильон представлял собой русский городок посреди Парижа. На одной из его башен даже звенели колокола. Павильон был одним из немногих на выставке, выполненных из кирпича. Его фасады украшала майолика, изразцы, рельефы и ажурные гребни. Шатровые завершения ярко выделяли эти здания на общем фоне построек. В самом павильоне экспонировались всевозможные материалы и экспонаты об окраинах империи – землях с большим потенциалом развития в наступающем XX в.

Внутреннее убранство павильона включало 28 живописных панно на темы из жизни Кавказа, Средней Азии, Сибири и Крайнего Севера. Демонстрировались виды Архангельска, Мурманска и Новой Земли,



Павильон Русских окраин. *Из открытых источников*

незнакомые публике картины тундры, становищ, тайги у Байкала, лежбищ котиков, добычи золота и пушного зверя. Большинство панно принадлежало кисти Константина Алексеевича Коровина (1861–1939; русский живописец, один из лидеров круга «русских импрессионистов»). Еще Коровин создал проекты деревянных зданий Кустарного павильона, который демонстрировал русские народные промыслы и ремесла. Эти избы, прозванные французами «русской деревней», напоминали целый сказочный городок с теремами, крылечками, переходами.

Начинался раздел выставки рубленой шатровой церковью, украшенной деревянной резьбой. Рядом стоял боярский терем, созданный по типу светлиц XVII в. В другом здании была представлена настоящая русская ярмарка: в открытой галерее выставили все разнообразие русских промыслов. За работу на выставке Коровин получил две золотые и семь больших серебряных медалей, а также звание кавалера Ордена Почетного легиона.

Кроме Павильона Русских окраин на вставке были и другие русские павильоны, среди которых отметим следующие.

Государственный павильон Военного министерства. Возведен из соснового леса по проекту Александра Ивановича фон Гогена (1856–1914; русский архитектор, действительный член Императорской академии художеств) «в современном русском вкусе».

Императорский павильон («Царские палаты»). Выполнен в древнерусском стиле, предназначался для членов царской семьи.

Павильон Главного управления казенной продажи питей (Алкогольный павильон), где действовала установка по ректификации спирта и продавались сувенирные бутылочки с русской водкой. Построен по проекту Владимира Петровича Цейдлера (1857–1914; русский архитектор, академик Императорской академии художеств) на Марсовом поле близ Эйфелевой башни.

Павильон Учреждений императрицы Марии. Деревянная постройка Р.Ф. Мельцера, в которой поместили свои экспонаты 114 учреждений, в том числе патриотические школы, Мариинские училища, женские институты, училище глухонемых, воспитательные дома, детские приюты, больницы, дома трудолюбия и призрения и т. п.

Павильон Российско-Американской резиновой мануфактуры. Построен по проекту Р.Ф. Мельцера на Марсовом поле близ авеню Суффрэн, производил впечатление тяжеловесного монумента.

Отдельно на набережной д'Орсэ был организован **Павильон Финляндии**, возведенный по проекту Элиэля Сааринена (1873–1950; финский архитектор и дизайнер) в формах финского модерна. В нем были помещены экспонаты финляндских школ, графические и статистические таблицы и карты разных административных учреждений Финляндии, труды научных и благотворительных обществ и, наконец, кустарные изделия.

Также на выставке были сооружены государственные и частные павильоны: Николаевской физической обсерватории, Лесоводства и охоты, Товарищества «Проводник», Цементного завода фирмы Смит и К° (вмещавший полную дробильную мастерскую), Чае-торговой фирмы Поповых (построен из дерева на Эспланаде Инвалидов), Русской мукомольной промышленности.

По традиции была представлена русская кухня в двух крупных ресторанах и закусочной.

Особой гордостью России стала экспозиция Министерства путей сообщения, на которой демонстрировалась «Транссибирская железнодорожная панорама». Ее основой служила панорамная картина Транссиба длиной 942 м. Она была написана художником Павлом Яковлевичем Пясецким (1843–1919; русский врач, путешественник, художник, писатель) по заказу Управления строительством дороги на базе его многочисленных путевых эскизов. Для демонстрации картины построили специальный павильон с тремя вагонами, включающими салон, спальные места и столовую. Публика проходила



Часть панорамы Транссибирской магистрали Павла Пясецкого.
Из открытых источников

в вагоны с имитацией движения поезда, посетители-пассажиры заходили в вагоны, рассаживались по местам и просматривали панораму российских пейзажей через окна. Специальные установки имитировали тряску вагонов, а картина движения поезда осуществлялась с помощью четырех экранов, создающих полную иллюзию путешествия. На посетителей выставки панорама Транссиба производила неизгладимое впечатление. Виды больших городов, таких как Челябинск, Омск, Томск, Чита, чередовались с поселками, маленькими станциями, полустанками величайшей магистрали мира. В конце «пути» посетители выходили в дверь с обратной стороны, попадая в Китайский отдел, т. е. сразу в Павильон империи Цин, куда, собственно, пассажиры и направлялись.

Этот аттракцион был удостоен высшей награды Гран-при, а автор панорамы – ордена Почетного легиона.

На выставке демонстрировались чудеса ювелирного искусства: пасхальное яйцо «Сибирский поезд» от фирмы Карла Фаберже (мастер Михаил Перхин), внутри которого находилась миниатюрная модель поезда: паровоз из платины, вагоны из золота, окна из хрусталя, рубиновый фонарь, алмазные фары.

Высшей награды в классе «живопись, картины, рисунки» был удостоен выдающийся русский живописец Валентин Александрович Серов (1865–1911). Кроме того, высшими наградами по классу «скульптуры, резьба на камнях и медальерное искусство» были отмечены известные ваятели Марк Матвеевич Антокольский (1840–1902), князь Павел Петрович Трубецкой (1866–1938), Вилле Вальгрен (1855–1940; финский скульптор и мастер декоративно-прикладного искусства), а по классу «Архитектура» – Р.Ф. Мельцер.

Гран-при и золотая медаль выставки – «За архитектурное совершенство и великолепное техническое исполнение» специальным комитетом во главе с Густавом Эйфелем была присуждена русскому инженеру Лавру Дмитриевичу Проскуракову (1858–1926; крупнейший российский специалист своего времени по мостостроению) за Красноярский железнодорожный мост (построен в 1895–1899 гг., существовал до 2007 г.). Премии Гран-при удостоилась также выкованная из рельса пальма Мерцалова (выкована Алексеем Ивановичем Мерцаловым с помощником-молотобойцем Филиппом Федотовичем Шкариным). Работа была сделана без сварки и соединений из целого куска рельса. Рельс был выбран в качестве исходного материала в рекламных целях, как основной продукт «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств». Высота пальмы составляет 3 метра 53 сантиметра. На ее верхушке расположен венчик, а вокруг ствола десять листьев. Листья пружинят, хотя они выкованы из стали и составляют единое целое со стволом. Для пальмы также выкована кадка, которая состоит из четырех укрепленных рельсовых стоек, вокруг которых уложены двадцать три металлических кольца разного сечения. Количество колец соответствовало возрасту



Пальма Мерцалова
на Парижской выставке 1900 г.
Из открытых источников



Богумил Боргач (мастер по окраске художественного литья) и Евгений Баумgarten у Чугунного павильона Кыштымского горного округа.
Париж, апрель 1900 г. *Из открытых источников*



Н.А. Лаврецкий:
Скульптура «Россия»,
1896 г.

завода – 23 года. Пальма весит 325 килограммов, а кадка – 200 (Пальма Мерцалова – Рувики: Интернет-энциклопедия). В настоящее время оригинал пальмы Мерцалова хранится в музее Горного института в Санкт-Петербурге.

Хрустальный Гран-при выставки и большую золотую медаль получил чугунный павильон Кыштымского горного округа работы Каслинского металлургического завода (старейший металлургический завод Южного Урала, действующий с 1740-х гг. и получивший мировую известность за художественное чугунное литье), созданный по проекту архитектора-художника Евгения Евгеньевича фон Баумгартена (1867–1919; русский архитектор-художник, акварелист, художник-прикладник и архитектурный критик). Выполнен в виде сооружения прямоугольной формы высотой около 5 метров с ажурными элементами на стенах и элементах каркаса. Собран в здании отдела горного дела и металлургии, в центре второго этажа, прямо под огромным стеклянным куполом. Экспонировался вместе с чугунной скульптурой «Россия» Николая Акимовича Лаврецкого (1837–1907; русский скульптор, академик Императорской академии художеств), отлитой для Нижегородской выставки 1896 г. и олицетворявшей



Пасхальное яйцо «Сибирский поезд». Из открытых источников

женщину-воина в древнерусских доспехах с мечом в руке, которая стояла при входе. В самом павильоне были выставлены лучшие образцы литых изделий, в том числе скульптуры, подсвечники, ажурные вазы и тарелки, шкатулки и письменные приборы.

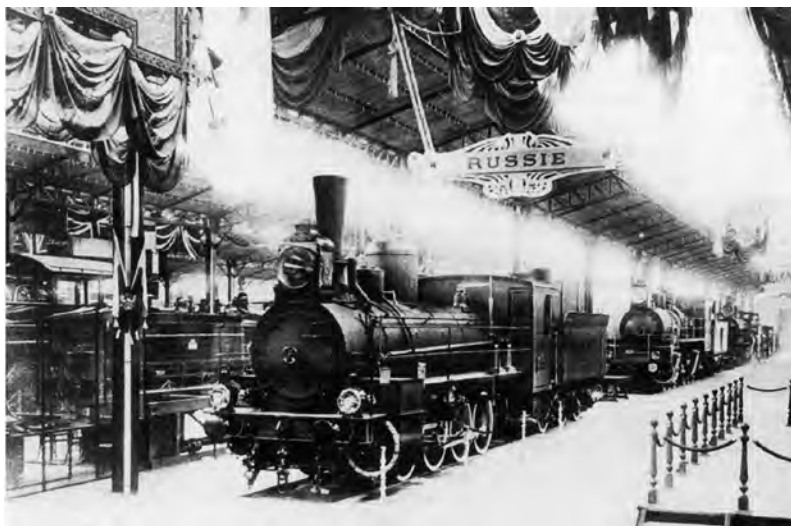
Также Гран-при получил «Лысьвенский доменный и молотовый Его сиятельства князя Бориса Григорьевича Шаховского, супруги его княгини Варвары Александровны завод» за свою продукцию, включая кровельное железо, которым до недавнего времени были покрыты купола собора Парижской Богоматери и Британского парламента. Скульптор Юлия Николаевна Бразоль (1856–1919) получила почетный отзыв за бронзовый канделябр и скульптуру «Будяк». Среди оригинальных экспонатов, привлекавших повышенный интерес гостей выставки, можно отметить медведя гвоздарно-шпилькового производства П.П. Калинина (Пермь), на котором шерсть животного состояла из обойных гвоздей различной величины.

На выставке Российская империя представила железнодорожную, промышленную и бытовую технику, фарфоровое производство, горную, литейную и цементную промышленность, химические производства... Были показаны новые модели подвижного состава железных дорог и трамваев, причем, например, Дружковские заводы (Донецкое общество железнорудных и сталелитейных заводов) выставили на показ рельс длиной в 100 м (отметим, что в Европе и рельсы, и колесные пары в основном делались из уральского металла, а русские тепловозы считались одними из лучших в мире). Внимание посетителей привлекали также действующая паровая машина братьев Бромлей, модели пассажирских и ледокольных судов, включая байкальские ледоколы «Байкал» и «Ангара», а также бытовые предметы, шерстяные и шелковые ткани, меховые товары, одежда, обувь, льняная продукция, орудия и техника портняжного дела, лесоводства, охотничьего хозяйства и рыболовства, кованные железные изделия, самовары, замки для несгораемых касс, медные колокола, клинки, ножницы и прочие товары из металлов, примеры строительных материалов, обыкновенной и художественной мебели, ковры, изделия из стекла и хрусталя, образцы бумаги, продукция кожевенного, часового и ювелирного производства, и т. п. В отделе бытовой техники были показаны ручные фены (отметим, что в США первый ручной фен был изобретен лишь в 1930-х гг.), посудомоечные машины, очистители воздуха от пыли и холодильники самых разных размеров. В рамках отдельных групп выставки были представлены картографические материалы, учебные программы, стенды попечительских

учреждений, различные сорта сельскохозяйственных культур (свыше 500 образцов зерна и колосьев), плодовые деревья, семена огородных и цветущих растений, свежие плоды и овощи, консервы и иные пищевые продукты, обширная коллекция русского мукомольного дела. Один из главных призов достался вкуснейшему шоколаду товарищества «Эйнем» (Москва; ныне – фабрика «Красный Октябрь»).

Широко на выставке продемонстрированы технические новинки. Для примера полезно познакомиться с некоторыми инновационными разработками в российской экспозиции группы 5 «Электричество», где две высших награды получило Акционерное Общество русских электротехнических заводов Сименс и Гальске (С.-Петербург). Обществом, в частности, были представлены приборы железнодорожной сигнализации, электродвигатели постоянного тока на вертикальной оси с центробежным вентилятором, центробежный насос, соединенный с электродвигателем постоянного тока, электродвигатель для вагонов электрических железных дорог, трансформатор и электродвигатели трехфазного переменного тока разных типов, реостат запуска и перемены направления вращения двигателей постоянного тока, другая электропродукция.

Среди получивших высшую награду по классу «точных инструментов, оптические принадлежности, меры, монеты и медали» прославилась Николаевская главная физическая обсерватория (С.-Петербург),



Экспозиция российской железнодорожной техники. Архив ЦМ ЖДТ.

Из открытых источников

показавшая устройства русских физико-метеорологических обсерваторий. Некоторые приборы по оригинальности своей конструкции были признаны специалистами особенно выдающимися. Отметим, что Николаевская обсерватория получила еще одну высшую награду в классе «Карты и принадлежности географии и космографии».

Среди приборов других российских производителей можно упомянуть точные инструменты меры и весов и другие измерительные приборы, нивелиры, геомерографы, арифмометры, различные метеоприборы, гелиограф, приборы для целей воздухоплавания, измерения твердости металлов, контроля тормозных систем, круговая линейка для определения радиусов кривизны поверхности, усовершенствованный циркуль, «грозоотметчик» А.С. Попова* (устройство для регистрации грозových разрядов, прототип радиоприемника), телеграфные аппараты, приборы для исследования почв, хирургические и ветеринарные инструменты, приборы военного назначения, в т. ч. коллекции точных измерительных и поверочных инструментов, служащих для измерения орудий, оружия, снарядов и патронов, исправления оружия в войсках и т. п., приборы для автоматического измерения колебания мостов и электроприборы для измерения напряжения в раскосах и поясах мостов, мореходные инструменты, в т. ч. модель прибора «Антитаран» для устранения столкновения судов, изобретенного Иваном Георгиевичем Куркумелли (СПб.), и мн. др.

Внушительное число высших наград российские предприятия завоевали в группе 11 «Горное дело. Металлургия», где наибольшие достижения продемонстрировали представители каменноугольной промышленности, Каспийско-черноморского нефтепромышленного общества; Товарищества нефтяного производства Нобеля, коллективной выставки Русской горной промышленности, Лысьвенского горнозаводского округа графа Павла Петровича Шувалова (1847–1902; граф, последний владеец Лысьвенского горного округа), Нижнетагильского горного производства, Уральских казенных горных заводов, Товарищества Московского металлического завода, Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств, Акционерного Общества Сосновицких трубопрокатных и железоделательных заводов, Кыштымских горных заводов наследников Льва Ивановича Расторгуева (1769–1823; русский купец 1-й гильдии,

* **Александр Степанович Попов** (1859–1905) – русский физик и электротехник, первый российский радиотехник, основатель радиотехнической научной школы, профессор (1901), изобретатель в области радиосвязи, почетный инженер-электрик (1899), статский советник (1901).

почетный гражданин, владелец металлургических заводов на Урале). Среди обладателей золотых медалей выделим обширную экспозицию торфмейстерской части Министерства земледелия и государственных имуществ с образцами торфа и оборудования по торфодобытанию в России.

Несмотря на то что Россия официально не участвовала группе 17 «Колонизация», тем не менее по классу «способы колонизации» высшими наградами были удостоены экспонаты от Комитета Сибирской железной дороги, Приамурского генерал-губернатора, Приамурского отдела РГО, владивостокского Общества для изучения Амурского края, Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе князя Г.С. Голицына, Иркутского генерал-губернатора, Восточно-Сибирского отдела РГО и Туркестанского генерал-губернатора. Кроме того, в данной номинации российскими участниками выставки было завоевано 10 золотых, 6 серебряных медалей, а также 4 почетных отзыва [Россия..., 1900, с. 115].

Необычно большую коллекцию высших наград Россия «собрала» во всех 5 классах группы 18 «Сухопутное и морское военное дело».

Россия через своих делегатов принимала участие в конгрессах по железнодорожному делу, торговле и промышленности, морскому и речному судоходству, гигиене и общественному призрению, медицине, горному делу, образованию и т. п.

Под руководством Василия Васильевича Андреева (1861–1918; организатор и руководитель первого в истории оркестра русских народных инструментов (1888), композитор, балалаечник-виртуоз) были представлены балалайки и домры, изготовленные народным мастером Семёном Налимовым, за которые Андреев получил золотую медаль, Налимов – бронзовую. От игры первого в России оркестра балалаечников под управлением Андреева (ныне – Государственный академический русский оркестр им. В.В. Андреева) посетители выставки получили представление о русской народной музыке.

Кроме того, на Выставке был составлен духовой оркестр из 23 музыкантов под управлением артиста Императорской С.-Петербургской оперы Цибарта, получивший название «La Fanfare du Kremlin / Кремлевский духовой оркестр». Оркестр играл русскую музыку на эстраде, устроенной во дворе русского здания Кремля (павильона окраин), ежедневно по несколько часов, причем с публики никакой платы не взималось. Художественная игра оркестра заслужила высокую оценку на международном состязании и была удостоена в лице своего капельмейстера золотого венка и почетного



Великорусский оркестр В.В. Андреева в начале 1900-х гг.

Из открытых источников

отзыва. Образцы русской оркестровой музыки были представлены на симфоническом концерте А.Н. Виноградского (1855–1912; русский музыкальный деятель, дирижер, председатель Киевского отделения Русского музыкального общества в 1888–1912 гг.), данным им на собственные средства. Финская музыка была исполнена в двух, преимущественно симфонических, концертах под управлением Роберта Каянуса (1856–1933; финский композитор и дирижер, в 1882 г. основал Хельсинкский филармонический оркестр).

Ехро-1900 стала подлинным триумфом Российской империи. Но самое главное – вместо «отсталой страны» посетители Всемирной выставки из Европы, обеих Америк и Азии увидели мощную державу, где передовые инженерные решения сочетаются с высоким искусством. Российские экспонаты завоевали 1589 наград, из которых – 212 высших (Гран-при), 370 золотых медалей, 436 серебряных, 347 бронзовых и 224 почетных отзыва. Многие русские участники выставки были награждены Орденом Почетного легиона.

В заключение очерка познакомимся с итоговым текстом отчета Генерального комиссара Русского отдела на Всемирной Парижской выставке:

«Парижская выставка заслуживает название Великой. Она превзошла все предыдущие, как по обширности, так и по содержанию и, наконец, по числу явившихся отовсюду посетителей, число которых превысило 47 миллионов ... Конечно, русская мощь и без выставки*

* Рекорд посещаемости Парижской выставки 1900 г. был превзойден только в 1967 г. на Всемирной выставке в Монреале (55 млн чел.) и вторично «побит» на ЭКСПО-2010 в Шанхае (более 70 млн чел.).



Обложки книг «Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 г.» [1900] и «Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г.» [1901]

известна всему свету. Но на выставке силы России представлены были наглядно, и не с одной стороны военного могущества. В группах земледелия, питательных веществ, горной и лесной, упомянутые миллионы посетителей могли видеть, что Россия не только имеет и производит все ей необходимое, но и вывозит массу нужных другим государствам продуктов... <...> ...Одним словом, всякому стало ясно, что Россия работает и добывает почти все ей нужное у себя дома, что она для этого в значительной степени оборудована, а потому меньше нуждается в заграничном привозе» [Участие России..., 1901, с. 74, 75].

Несомненно, участие Российской империи на Всемирной выставке в Париже 1900 г. было особенно значимо и масштабно, так как на предыдущих выставках научно-технические достижения России представлялись крайне слабо, за исключением художественного оформления павильонов. В этот раз правительство страны решило продемонстрировать многократно возросшую техническую мощь империи.

Парижская газета «Liberté / Либертэ» под заголовком «Промышленная Россия в концерте народов» отмечала: *«Мы находимся еще под влиянием чувства удивления и восхищения, испытанного нами при посещении русского отдела. В течение немногих лет русская промышленность и торговля приняли такое развитие, которое поражает всех тех, кто имеет возможность составить себе понятие о пути, пройденном в столь короткий срок. Развитие это до такой степени крупное, что наводит на множество размышлений»* [Россия..., 1900, с. 48].

Обсуждая предпосылки и причины, способствовавшие успехам России, газета добавляла:

«Почтим же память Императора Александра III, поздравим горячо тех государственных людей, управляющих судьбами Империи, сумевших порвать во-время те узы, вследствие которых Россия в экономическом отношении находилась в зависимости от своих соседей, создав в России сильные отрасли промышленности, могущия удовлетворить нуждам всех русских потребителей» [там же].

Завершался очерк о русском отделе Всемирной выставки следующими умозаключениями:

*«Основываясь на множестве цифр и статистических данных, парижская газета доказывает, что с 1893 г. Россия вступила в новую эру промышленного и торгового преуспевания, причем приписывает этот факт таланту и возвышенности взглядов министра финансов С.Ю. Витте и его сотрудника, б. директора департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского. **Événement** сравнивая нынешнюю Россию с Россией, официально участвовавшей в выставке 1867 г., ставит на вид невероятный прогресс ея во всех отраслях искусства и промышленности* (выделено мной. — В.Б.)» [там же].

По материалам: «Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году» [1900]; «Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет Генерального Комиссара Русского отдела» [1901] и др. информ. источников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении почти всего XIX в. Россия оставалась страной крестьянской: в сельской местности жила подавляющая часть ее населения (около 90 %), и земледельческие занятия оставались главными для большинства людей. Социально-экономической проблемой являлось крепостное право, ликвидация которого входила в повестку дня не только правительственных структур, но и Академии наук уже в правление Александра I. После победы над Наполеоном страна ожидала послаблений в области внутренней политики, освобождения крестьянства, введения либеральных реформ. Тем не менее вопрос об отмене крепостного права оказался не столь простым делом, и его реализация задержалась на несколько десятилетий: до времен правления императора Александра II. После восстания декабристов (1825 г.) возникла потребность в общественно-политическом переустройстве страны путем реформ «сверху» и соответствующей кодификации российского законодательства, в работе над которой непосредственное участие принимали многие члены Академии наук.

В XIX в. наступала эпоха специализации научных дисциплин и Академия наук продолжала расширять сеть своих научных учреждений, в отличие от большинства академий западно-европейских стран, которые свои научные организации передавали государственным ведомствам, а свои лаборатории переносили в университеты или научно-исследовательские институты. В ИСПБАН в это столетие получили развитие профильные научные учреждения – Азиатский музей, Пулковская обсерватория, Главная физическая обсерватория, Ботанический сад, Минералогический, Зоологический, Антропологии и этнографии музеи и прочие научные и научно-вспомогательные подразделения. В то же время XIX в. принес и новую задачу: создание в Российской империи сети университетов. Именно члены Академии выдвигались организаторами, руководителями, ректорами этих новых и жизненно важных для страны образовательных заведений. Причем первоначально университеты должны были курировать и всю систему начального и среднего образования в рамках своего учебного округа, а таких округов в империи было образовано 6, заниматься цензурой, подбором педагогических кадров. Лишь по новому Общему уставу

императорских российских университетов 1835 г. они отстранялись от заведования учебными делами в среднем и низшем звеньях, руководство которыми возлагалось в дальнейшем на попечителей учебных округов.

Университеты постепенно стали превращаться в крупные научные и просветительские центры, так как при них стали возникать научные общества, которые со временем становились новыми точками научного роста. Члены Императорской академии наук были инициаторами создания и самостоятельных научных и научно-образовательных обществ – Вольного общества любителей наук, словесности и художеств (1801; до 1803 г. – Дружеское общество любителей изящного), Московского общества испытателей природы (1805), Минералогического (1817), Московского сельского хозяйства (1820), Географического (1845), Археолого-нумизматического (1846), Любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863 г.), Русского технического (1866), Исторического (1866), Математического (1867), Астрономического (1890) и многих других обществ, ставших центрами научной работы не только в столичном регионе, но и на местах.

Академии наук в качестве главнейших предметов внимания Уставами 1803 и 1834 гг. предписывалось географическое и физическое познание империи, для чего *«она (Академия. – Авт.), по временам, должна отправлять Астрономов и Натуралистов для путешествия по тем губерниям, коих географическое положение и естественныя произведения не довольно еще известны, или не описаны подробно»*. Кроме того, в начале XIX в. Академия наук принимала участие в организации научной составляющей первых русских кругосветных плаваний или подготовки научных программ и специалистов для этих путешествий. Приоритетно изучались арктические и дальневосточные территории, а также североамериканские владения, находящиеся в то время под управлением Российско-американской компании. На просторах Мирового океана были сделаны многочисленные географические открытия, открыт ледяной континент Антарктида, осуществлены астрономические изыскания в малоизученных регионах, в том числе новоприобретенных. К середине столетия в экспедиционных исследованиях страны и ее ресурсного потенциала стали участвовать научные общества, такие как Московское общество испытателей природы, Минералогическое, Географическое, Историческое и др.

В 1841 г. в состав Академии наук была включена Российская академия в виде Отделения русского языка и словесности (Второе отделение). С этого момента на Императорскую Санкт-Петербургскую

академию наук была возложена ответственность за дальнейшее изучение и развитие русского языка и литературы. Члены нового Отделения занимались составлением словарей различного назначения, готовили к публикации собрания сочинений русских и зарубежных писателей, выпускали монографии. К началу XX в. члены ОРЯС при участии выдающихся писателей и поэтов подготовили реформу русского языка, которая впоследствии была внедрена в практику, но уже при большевиках.

Начиная с 1830–1840 гг. в Российской империи зарождался так называемый промышленный переворот, связанный с изобретением парового двигателя. Повсеместно ручной труд заменялся машинным, росло число заводов и фабрик. Страна приступила к строительству железных дорог, широкому освоению природных ресурсов, включая минеральные ресурсы Урала, Сибири, бакинские нефтяные промыслы и пр., введением на морских судах паровых двигателей и переходом от деревянных к железным судам. В 1817 г. на Ижорских заводах был построен первый в России военный пароход «Скорый», а в 1838 г. – первый железный пароход «Инкерман» (в Англии первый железный корабль построен только в 1843 г.). Сначала число кораблей с паровым двигателем было невелико, но уже в 1857 г. в России было прекращено строительство военных парусных судов.

XIX в. заложил основы для развития науки XX столетия, и Академия наук к этому времени смогла полнокровно синтезировать достижения мировой научной мысли, а в отдельных отраслях знания вышла на передовые рубежи науки.

Происходящие в стране перемены обозначили новый вектор научно-технологического развития России, ориентированный на создание новых научных, научно-технических и гуманитарных направлений, формирование национальных научных школ и инженерных кадров. Деятельность Академии наук на протяжении XIX в. содействовала консолидации всего научного сообщества, способствовала установлению диалога с правительственными структурами и зарождавшимся российским бизнесом, расширению международных связей. Именно прошедший XIX в. создал предпосылки для многих будущих изобретений и технологических нововведений нарождающейся научно-технической революции нового века.

Роль Академии наук как *«первенствующего ученого сословия в Российской Империи»* в обеспечении научно-технологического развития страны была определяющей. В связи с этим В.И. Вернадский в своем исследовании истории естествознания в России обратил

внимание на слова неперменного секретаря ИСПБАН Константина Семеновича Веселовского, заявившего на торжественном заседании Академии наук 1864 г. следующее: *«Нет ни одной Академии, которая для познания естественных произведений своей страны сделала бы столько, сколько наша Академия. Скажу даже более: нет ни одной Академии, которую в этом отношении можно было бы даже сравнить с нашею»* [Вернадский, 1988, с. 175].

Обладая громадными ресурсами и внедряя достижения науки и техники в производственную деятельность, Российская империя к началу XX в. из аграрной страны превратилась в аграрно-индустриальную державу. В этот период Россия представляла собой вполне сложившееся крупное суверенное государство с высоким потенциалом развития... Оставаясь крупнейшим мировым производителем и экспортером сельскохозяйственной продукции, Российская империя к концу XIX в. по абсолютному объему промышленного производства вошла в пятерку наиболее мощных индустриальных стран, наряду с США, Германией, Великобританией, Францией [Петров, 2012]. Этот экономический прорыв неопровержимо подтвердил триумф России на Всемирной выставке 1900 г. в Париже.

Вряд ли ведущие мировые государства были обрадованы столь стремительным возвышением России... Тем не менее Российская империя имела все возможности стать процветающей страной, но царственные власти при Николае II не сумели достойно распорядиться столь значимым суверенитетом страны: Россия была вовлечена сначала в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., пережила Первую русскую революцию 1905–1907 гг., затем ввязалась в Первую мировую войну 1914–1918 гг., вслед за этим прошла через Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. и крайне жестокую Гражданскую войну 1917–1922 гг.

Так сложилось, что в XX в. мощнейший научно-технический потенциал России был реализован лишь в советское время...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 238 с.

Акульшин П.В. Общественно-политические взгляды князя П.А. Вяземского: формирование, содержание и место в политической истории России // Вестн. Сургутского гос. пед. ун-та. 2012. № 4. С. 6–17.

Алдан-Семёнов А.И. Семёнов-Тян-Шанский. М.: Мол. гвардия, 1965. 304 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; Вып. 24 (415)).

Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. До конца XIX века / Отв. ред. А.П. Окладников; Институт истории СССР АН СССР. М.: Наука, 1982. 288 с.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 430 с.

Андреева Т.В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829–1834. // Вспомогательные исторические дисциплины. Б.м., 1990. Т. 21. С. 107–118.

Антонов А.Л., Махинов А.Н. Академик Александр Миддендорф – первый исследователь Хабаровского края // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 8–13.

Антошко Я.Ф., Соловьёв А.И. У истоков Яксарта: (К 150-летию со дня рождения П.П. Семёнова-Тян-Шанского). М.: Мысль, 1977. 128 с. (Замечательные географы и путешественники).

Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834. Сборник материалов. Вып. 1 / Ред. А.И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. [3], 122 с.

Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном Ледовитом океане и вокруг света в продолжении 1819, 1829 и 1821 годов: [рисунки с натуры / П. Михайлов]. – СПб.: [б. и.], 1831. [4] с., 64 л. ил., карт.

Атлас Российской Империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское. СПб.: Военно-типografическое депо, 1835. 68 с.

Балезин С.А., Бесков С.Д. Выдающиеся русские ученые-химики. Пособие для учителей. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1972. 222 с.

Басаргина Е.Ю. От Александра I до Николая I // Российская академия наук: 300 лет истории: в 2 т. Т. 1: Императорская академия наук – Академия наук СССР. 1724–1934. М.: Наука, 2024. С. 147–158.

Басаргина Е.Ю., Додеус М.Н. Полувековой и столетний академические юбилеи // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLV Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета

по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб. 2024. С. 55–56.

Бачурин А.М. Апостол Америки и Сибири. Сказание о миссионерских трудах Московского митрополита Иннокентия (Вениаминова), апостола Америки и Сибири, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Исторический роман. Владивосток: Дальнаука, 2012. 448 с.

Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Восток и Мирном под начальством капитана Беллинсгаузена, командира Шлюпа Востока: в 2 ч. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831 а. Ч. 1. [7], 397 с.; 1831 б. Ч. 2. 326 с.

Березовский В.А. Иван Михайлович Сеченов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Киев: Наук. думка, 1984. 168 с.

Бессуднова З.А. Иоганн Готтгельф Фишер фон Вальдгейм (1771–1853) в Московском университете. Его наследие в Государственном геологическом музее им. В.И. Вернадского (к 250-летию со дня рождения) // Бюлл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. геол. 2021. Т. 96, вып. 4. С. 13–34.

Богатов В.В. Организация науки в России. Владивосток: Дальнаука, 2005. 292 с.

Богатов В.В. Российская академия наук – 300 лет высокого служения России. Кн. 1: XVIII – начало XIX века. Владивосток: Дальнаука, 2025 а. 272 с.

Богатов В.В. Первое русское кругосветное плавание (к 255-летию со дня рождения И.Ф. Крузенштерна) // Биота и среда природных территорий. 2025 б. Т. 13, № 2. С. 58–83.

Богатов В.В. Кругосветные плаванья Отто Коцебу (к 210-летию начала первого научного кругосветного плаванья) // Биота и среда природных территорий. 2025 в. Т. 13, № 4. С. 77–109.

Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. 300 с.

Бодрова А. В Россию с любовью: что искал и нашел Александр Гумбольдт в экспедиции по нашей стране. Русское географическое общество. 16 сент. 2019 г. URL: <https://rgo.ru/activity/redaction/news/v-rossiyu-s-lyubovyu-cto-iskal-i-nashyel-aleksandr-gumboldt-v-ekspeditsii-po-nashey-strane/?ysclid=m d51qsgrbv292595340>

Бондаренко В.В. Вяземский. М.: Мол. гвардия, 2004. 678 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; Вып. 1084 (884)).

Боровинских А.П., Герасимов Н.Н., Маков В.М. и др. Идущие впереди. Геологическая служба Республики Коми: история и современность. Сыктывкар: Коми респ. тип., 2014. 576 с.

Брагин А.М. В поисках сокровенного: [О И.М. Сеченове]. М.: Мол. гвардия, 1981. 285 с.

Бунге Н.Х. Очерки политико-экономической литературы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. VI, 465 с.

Бунге Н.Х. Загробные заметки. «Записка, найденная в бумагах Н.Х. Бунге» (1881–1894 гг.) // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу Родина. М.: Пресса, 1993. № 0. С. 29–40.

Васильев А.В. Николай Иванович Лобачевский (1792–1856). М.: Наука, 1992. 229 с. (Научно-биографическая серия).

Васильев А.Д. И.Д. Рудаков – начальник северо-восточной окраины Российской империи // Россия и АТР. 2022. № 2. С. 50–63.

Васильева З.В. «Святая чистота полезного труда». О выдающемся русском враче Федоре Ивановиче Иноземцеве (1802–1869) // Московский журн. 2015. № 2 (290). С. 52–65.

Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 271 с.

Вениаминов И.Е. Записки об атхинских алеутах и колошах. Прибавление к запискам об островах Уналашкинского отдела. Ч. 3. Ижев. Рос.-амер. комп. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1840. 155 с.

Венюков М.И. Обзорение реки Усури и земель к востоку от нее до моря // М.И. Венюков Путешествия по Приамурию, Китаю и Японии. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1970. С. 102–137.

Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // В.И. Вернадский. Тр. по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 63–201.

Вернадский В.И. Памяти академика К.М. фон Бэра // В.И. Вернадский. Тр. по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 250–255.

Вернадский В.И. Очерки по истории Академии наук // В.И. Вернадский. Тр. по истории науки. М.: Наука, 2002. С. 321–365.

Веселовский К.С. Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетиях: речь, читанная в торжественном собрании Академии 29 декабря 1864 г. академиком К.С. Веселовским. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 40 с.

Веселовский К.С. Воспоминания К.С. Веселовского. Время президентства графа Д.Н. Блудова в Академии Наук (1855–1864) // Русская старина: ежемесячное историческое издание. 12-я книга. 1 декабря 1901. С. 495–528.

Виноградов И.А. Художник и власть. Н.В. Гоголь и цензурная политика XIX–XX вв. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 40–111.

Виноградов Ю.В. А.Ф. Миддендорф – исследователь русского Севера. К 200-летию со дня рождения А.Ф. Миддендорфа и 170-летию основания Русского географического общества // Российские полярные исследования. 2015. № 3 (21). С. 46–49.

Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1, 2-е изд. Л.: Гос. изд-во, 1924. XXVIII, 471 с.

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849–1894). Детство царствование Александра II и Александра III. М.: Соцэгиз, 1960 а. LXXXI, 555 с.; Т. 2 (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. М.: Соцэгиз, 1960 б. 639 с.; Т. 3 (17 октября 1905–1911). Царствование Николая II. М.: Соцэгиз, 1960 в. 723 с.

Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.

Виттенбург П.В. Жизнь и научная деятельность Э.В. Толля. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1960. 246 с.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедицией, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля. СПб.: Тип. А. Бородина и К°, 1841. Ч. 1. VI, 360 с.; Ч. 2. 364 с.

Врангель Ф.Ф. Русская полярная экспедиция. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1900. 28 с.

Все президенты Академии наук // Коммерсантъ. Наука. Информационный бюллетень, № 2, ноябрь 2016. С. 8.

Высочков Л.В. Император Николай I. Жизнеописание. СПб.: Наука, 2022. 423 с.

Вяземский П.А. Фон-Визин. Соч. Князя Петра Вяземского. СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1848. [4], VII, V, 468 с.

Вяземский П.А. Поминки по Бородинской битве и Воспоминания о 1812 годе. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 60 с.

Вяземский П.А. По поводу бумаг В.А. Жуковского. Два письма князя П.А. Вяземского к издателю Русского архива. М.: Тип. Грачева и К°, 1876. 17 с.

Вяземский П.А. Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: в 12 т. Т. 8–10: Старая записная книжка. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883–1886.

Вяземский П.А. Александру Сергеевичу Пушкину // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: в 12 т. Т. 10: Адольф. Роман Бенжамен-Констана. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. С. III.

Вяземский П.А. Письма князя П.А. Вяземского: из бумаг П.Я. Чаадаева / Кирпичникова А.И. [сост. и прим.]. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897. 8 с.

Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. Л.В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. 458 с. (История эстетики в памятниках и документах).

Гамель И.Х. Письмо акад. И.Х. Гамеля П.М. Строеву 4 авг. 1829 г. // Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834.

Сборник материалов. Вып. 1 / Ред. А.И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 71–72.

Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 391 с.

Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 9: Письма. 779 с.

Головлёв А.А. Густав Иванович Радде в Крыму, Сибири и на Кавказе // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2009. Т. 18, № 1. С. 202–217.

Головнин П.А. Мореплаватель Отто Фон Коцебу // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 358–392.

Горнер И. Инструкция, данная флота лейтенанту Г. Коцебу, об астрономических и физических наблюдениях во время путешествия его на корабле Рюрик // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах. В 3 ч. Ч. 1. 1821 а. СПб.: Тип. Ник. Греча, С. CXLIX–CLXXXX.

Гофман Э. (ред.-сост.) Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1851 годах. Т. 2: Пер. с нем. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1856. IV, 376, 76, 52 с.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой: [Биогр. очерк]. СПб: Тип. В. Авсенько, 1889. [4], 68 с.

Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 318 с.

Гринёв А.В. Российские и иностранные медики на Аляске (1784–1867) // Американский ежегодник. М.: Весь мир, 2011. С. 250–272.

Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. Филол. разыскание Я. Грота. 2-е изд., значит. пополненное с подробным указателем всех сомнительных случаев. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1876. XII, 460, II с.

Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской академии наук академиком Я.К. Гротом. // Сборник ОРЯС ИАН. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1894. 144 с.

Грот Я.К. Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 до 1891 г. Речь на пятидесятилетнем юбилее Отделения (29 дек. 1891 г.) / Труды Я.К. Грота. Т. 3. Очерки из истории русской литературы (1848–1893). СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1901. С. 455–478.

Гумбольдт А. Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе, в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю / пер. с подлинника И. Неронов. СПб.: Тип. Евгения Снегирева и К^о, 1837. 180 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним: в 2 ч. СПб.: Печатано в Морской тип., 1810–1812. Ч. 1. 1810. XLV, 287 с.; Ч. 2. 1812. 224 с.

Давыдов Ю. Фердинанд Врангель. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1959. 55 с.

Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А. Вяземского // Эстетика и литературная критика. М.: Искусство. 1984. (История эстетики в памятниках и документах). С. 7–42.

Дмитриев И.С. Скучная история (о избрании Д.И. Менделеева в Императорскую академию наук в 1880 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. Т. 23, № 2. С. 231–280.

Докучаев А.Я., Вакс Ю.А., Лобанов К.В., Кулаков Ф.В., Чичеров М.В. Первые научные экспедиции в Берингов пролив и к российским колониям в Америке // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 209–243.

Домакина П.В. Борис Семёнович Якоби. М.: И.Д. «Комсомольская правда», 2016. 96 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 30, кн. 1. Письма. 1878–1881. Л.: Наука, 1988. 456 с.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. 292 с.

Золотарев В.А., Козлов И.А. Флотоводцы России. М.: Терра, 1998. 462 с.

Епишкин С.М., Шпаро Д.И. Русская полярная экспедиция Э.В. Толля // Вечная мерзлота на страже качества продуктов (Клад Эдуарда Толля). История, результаты и перспективы уникального эксперимента по длительному хранению пищевых продуктов в условиях вечной мерзлоты / Под общ. ред. А.Б. Лисицына, Д.Ю. Гогина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Паулсен, 2021. С. 14–45.

Есаков В.А., Плехотник А.Ф., Алексеев А.И. Русские океанические и морские исследования в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1964. 160 с.

Есинов В.М. Переписка А.С. Пушкина с А.Х. Бенкендорфом. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.

Жабин И.А., Дубина В.А. Влияние стока реки Амур на гидрологические условия Амурского лимана // Биология, состояние запасов и условия обитания гидробионтов в Сахалино-Курильском регионе и сопредельных акваториях. Южно-Сахалинск: СахНИРО, 2008. С. 190–200. (Тр. СахНИРО; Т. 10).

Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке: Русско-тлинкитское противоборство (1741–1821). М.: Квадрига, 2017. 376 с. (Забывшие войны России).

Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры: Паулсен, 1954. 485 с.

Из записок П.М. Новосильского о переходе экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева из Рио-де-Жанейро в порт Джексон и о проведенных экспедицией географических открытиях // Русские флотоводцы. Документы. Т. 1. М.П. Лазарев. М.: Военно-мор. изд-во Военно-мор. мин-ва СССР, 1952. С. 152–168.

Ильин А.А. Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. СПб.: Издание картографич. заведения А. Ильина, 1876. 74 л.

Ильин Е.П. Психология и физиология. Союз или конфронтация? Исторические очерки. СПб.: Реноме, 2020. 578 с.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллективная моногр.: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 (1616) с.

Истомин А.А. Селение Росс и калифорнийские индейцы // Советская этнография. 1980. № 4. С. 57–69.

Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России (Науч. конф., посвящ. 200-летию образования Импер. Моск. о-ва сельск. хоз-ва: 22–23 сент. 2020 г.) / Отв. ред. А.В. Петрикова. М.: ВИАПИ, 2020. 165 с.

Каманин Л.Г. Геннадий Иванович Невельской // Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Изд. 3-е под ред. и со вступ. статьей Л.Г. Каманина. М.: Географгиз, 1947. С. 8–26

Козлов С.А. «Залог успеха лежит в общей дружной работе»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.) // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13, № 2. С. 128–142.

Козлов С.А., Петриков А.В., Баутин В.М., Иванов А.Л., Костяев А.И., Ореханов Г.Л. «Свободное государственное служение». К 200-летию Моск. о-ва сельск. хоз-ва // Вестн. РАН. 2020. Т. 90, № 5. С. 454–465.

Констан Б. Адольф. / [пер. П.А. Вяземского]. СПб.: Тип. Департ. народн. просвещения, 1831. XXXIV, 222 с.

Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах: в 3 ч. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1821–1823. 1821 а. Ч. 1. С. 1–169; 1821 б. Ч. 2. С. 3–320; 1823. Ч. 3. 440 с.

Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Александра Первого, на военном Шлюпе Предприятии в 1823, 24, 25 и 26 годах, под начальством флота капитан-лейтенанта Котцебу. СПб.: Мор. тип., 1828. [8], 201 с.

Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. / Пер. с нем., вступит. статья и коммент. Д.Д. Тумаркина; Отв. ред. Я.М. Свет. Изд. 2-е. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1981. 351 с.; Изд. 3-е. 1987. 384 с.

Коцебу О.Е. Путешествия вокруг света / Пер. с нем., вступит. статья и коммент. Д.Д. Тумаркина. М.: Дрофа, 2011. 966 с.

Кочина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская, 1850–1891. М.: Наука, 1981. 312 с.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева». По повелению Е. И.В. Александра Первого: Под начальством флота кап.-лейт., ныне кап. 2-го ранга, Крузенштерна, Гос. адмиралтейск. деп. и Имп. акад. наук члена. СПб.: Мор. тип., 1809–1812. Ч. 1–3. Ч. 1. 1809. XXV, 388 с.; Ч. 2. 1810. 471 с.; Ч. 3. 1812. IV, 449 с.

Крузенштерн И.Ф. Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна [Карты]. СПб.: Мор. тип., 1813 а. 40 л.

Крузенштерн И.Ф. Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна [Альбом гравюр]. СПб.: Мор. тип., 1813 б. 113 л.

Крузештерн И.Ф. Введение // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1821 а. С. II–XXXI.

Крузештерн И.Ф. Обозрение всех путешествий предпринятых к отысканию кратчайшего пути из Атлантического в Южный океан // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1821 б. С. XXXIV–CXXI.

Крузештерн И.Ф. Инструкция, данная флота лейтенанту Г. Коцебу, командиру корабля Рюрика // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1821 в. С. CXXIV–CXLVIII.

Крузештерн И.Ф. Рассмотрение открытий učinенных в Великом океане с корабля Рюрика // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1821 г. С. 321–342.

Крузенштерн И.Ф. Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря, капитан-командором Крузенштерном. Ч. 1. СПб.: Мор. тип., 1823. 423 с.

Крузенштерн И.Ф. Атлас Южного моря сочиненный флота капитан командором Крузенштерном [Атлас]: в 2 ч. Ч. 1. Южное полушарие. СПб.: [б. и.], 1824. 15 л.

Крузенштерн И.Ф. Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря, контр адмиралом Крузенштерном. Ч. 2. СПб.: Мор. тип., 1826 а. 504 с.

Крузенштерн И.Ф. Атлас Южного моря сочиненный контр-адмиралом Крузенштерном [Атлас]: в 2 ч. Ч. 2. Северное полушарие. СПб.: [б. и.], 1826 б. 19 л.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М.: Дрофа, 2007. 589 с. (Библиотека путешествий).

Кулакова Н. Прекрасный облик. Софья Ковалевская // ИЦ РОССАЗИЯ. Апрель 2009. № 4 (180). URL: <https://rossasia.sibro.ru/voshod/article/22390>

Кулиниченко В. Колесо истории. «Загробные заметки» // Московская правда, 17.03.2020. URL: <https://mospravda.ru/2020/03/17/145852/?ysclid=mhd0b8dqaq148148479>.

Курганов А. Кремль в Париже и путешествие в Китай за полчаса: чем поразила Россия на Парижской Экспо 1900 // Культура. 12.11.2025. URL: <https://portal-kultura.ru/>.

Курёнышев А.А. Сельскохозяйственная столица России: Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.) / Ассоц. исследователей российского о-ва. М.: Агро-XX, 2012. 403 с.

Лаперуз Жан-Франсуа. Путешествие по всему миру на «Буссоли» и «Астролябии». М.: Эксмо, 2014. 448 с.: ил. (Великие путешествия).

Левеништерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / Сост.: А.В. Крузенштерн, О.М. Фёдорова, Т.К. Шафрановская. СПб.: ЦКП ВМФ, 2003. 600 с.

Ленц Э.Х. Физические наблюдения, произведенные во время кругосветного путешествия под командованием капитана Отто фон Коцебу в 1823, 1824, 1825 и 1826 годах // Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 7–144.

Леонов Н.И. Александр Федорович Миддендорф. (1815–1894) М.: Наука, 1967. 147 с. (Научно-биографическая серия).

Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева / [Р.Б. Добротин, Н.Г. Карпило, Л.С. Керова, Д.Н. Трифонов]; Отв. ред. А.В. Сторонкин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 540 с

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803. 4. 5. и 1806 годах, по повелению Е. И.В. Александра Первого на корабле «Нева», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. СПб.: Тип. Е. Дрехслера, 1812 а. Ч. 1. IX, 246, IV с.; 1812 б. Ч. 2. [2], 335, III, [I] с.

Лисянский Ю. Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского, на корабле «Нева». СПб.: Мор. тип., 1812 в. 1 атл., 19 л. ил., III рис.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». М.: Дрофа, 2007. 350 с. (Библиотека путешествий).

Литвиненко Е.Я., Сидоренков В.В. Первое боевое применение минного оружия русскими военными моряками в XIX веке. // Военно-исторический журн. 2006. № 3. С. 48–51.

Литвинова Е.Ф. В.Я. Струве, его жизнь и научная деятельность: биографический очерк. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1893. 78 с. (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке: С присовокуплением путешествий лейтенанта Демидова в Белое море и штурмана Иванова на реку Печору. СПб.: Мор. тип., 1828. Ч. 1–2.: 1828 а. Ч. 1. IV, 324 с., [26] л. ил., карт.; 1828 б. Ч. 2. 251, [3] с., [23] л. ил., карт.

Литке Ф.П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе «Синявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, флота капитаном Федором Литке: Отделение мореходное. С атласом. СПб.: Тип. Х. Гинце, 1835. VI, X, 356 с., 12 л. карт.

Литке Ф.П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению имп. Николая I на военном шлюпе «Сенявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг., флота капитаном Федором Литке. Отделение историческое. СПб.: Тип. III отд. собств. Е.И.В. канц., 1834–1836. Ч. 1–3.: 1834. Ч. 1. 295 с.; 1835. Ч. 2. 282 с.; 1836. Ч. 3. IX, 270 с., 7 л. литогр.

Лукина Т.А. Иоганн Фридрих Эшшольц. 1793–1831. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 175 с.

Лялина М.А. Русские мореплаватели, арктические и кругосветные: Путешествия: В. Беринга, Г. Сарычева, Ф.П. ф.-Врангеля, гр. Ф.П. Литке, Пахтусова, А.Э. Норденшельда, И.Ф. Крузенштерна и Ф.Ф. Беллинсгаузена. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1898. [8], 447 с.

Ляпунова Р.Г. Записки иеромонаха Гедеона (1803–1807) – один из источников по истории этнографии Русской Америки // Проблемы истории и этнографии Америки. М.: Б. м., 1979. С. 215–229.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком: Один том, с портретом гр. Муравьева-Амурского и с отд. собр. рис., карт и планов / Маак Р.К.; Изд. члена-соревнователя Сиб. отд. С.Ф. Соловьева. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1859 а. VIII, 2, 577 с.

Маак Р.К. Альбом рисунков к путешествию на Амур, совершенному от Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком. СПб.: Изд. члена-соревнователя Сиб. отд. С.Ф. Соловьева, 1859 б. (отдельное собрание рис., карт и планов).

Маак Р.К. Путешествие по долине реки Уссури совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак: в 2 т. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1861 а. Т. 1. VIII, 204, 23 с.; 1861 б. Т. 2. XXIV, 345 с., 13 л. ил.

Малахова И.Г., Бессуднова З.А., Хомизури Г.П., Минина Е.Л. Иностранные члены Российской академии наук XVIII–XXI вв.: Геология и горные науки. М.: ГЦ РАН, 2012. 504 с.

Манифест 19 Февраля 1861 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение первое. 1861. СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1863. С. 130–134.

Манько Ю.И., Пуреховский А.Ж. Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев. СПб.: ИП Д.В. Львов, 2016. 512 с.

Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов. Сост. В.Ф. Гнучева; под общей ред. акад. В.Л. Комарова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. VIII, 312 с. (Тр. Архива АН СССР; Вып. 4).

Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885–1900. Т. 1–10.

Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Обзор архивных документов. СПб.: СПбГУ, 2001. 244 с.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири, А. Миддендорфа. Ч. 1. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1860. 188, XI с., XVII л. ил.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: в 2 ч. СПб.: Изд-во ГеоГраф, 2004. Ч. 1. 922, LIV с.; 2006. Ч. 2. VIII, 833 с.

Миклухо-Маклай Н.Н. Один среди дикарей: Путешествие Н.Н. Миклухо-Маклая / В изложении Э.К. Пименовой. Л.; М.: Т-во "Книга", 1925. 129 с. (Библиотека молодой России).

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. Том I [единственный]: Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. Со вступительной статьей Д.Н. Анучина 'Н.Н. Миклухо-Маклай' М.: Новая Москва, 1923. 616 с., 1 л. портр., 1 л. карт.

Миклухо-Маклай. Путешествия. Подготовили к печати И.Н. Винников и А.Б. Пиотровский: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940–1941. Т. 1. Океания. Новая Гвинея. 1940. 364 с.; Т. 2. Океания и Индонезия. 1941. 300 с.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Наука, 1990–1999. Т. 1. Путешествия 1870–1874 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты. 1990. 472 с.; Т. 2. Путешествия 1874–1887 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты. 1993 а. 528 с.; Т. 3. Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании. 1993 б. 416 с.; Т. 4. Статьи и материалы по антропологии и этнографии Юго-Восточной Азии и Австралии. Статьи по естественным наукам. 1994. 304 с.; Т. 5. Письма. Документы и материалы. 1996. 823 с.; Т. 6. Ч. 1. Этнографические коллекции. Рисунки. 1999 а. 687 с.; Т. 6. Ч. 2: Указатели. 1999 б. 189 с.

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия 1870–1874 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты. Собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая: в 6 т. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: РФФИ, 2020. 502 с.

Миллер Г.Ф. Избранные труды / Составление, статья, примечания С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 2006. 816 с.

Минеева Н.Н. МОСХ и сельскохозяйственное образование в России // Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России (Науч. конф., посвящ. 200-летию образования Импер. Моск. общ-ва сельского хоз-ва: 22–23 сент. 2020 г.) / Отв. ред. А.В. Петрикоа. М.: ВИАПИ имени А.А. Никольнова, 2020. С. 32–35.

Морачевский А.Г., Фирсова Е.Г. Президент Академии наук Константин Константинович Романов (к 160-летию со дня рождения) // Научно-технические ведомости СПбПУ. Естественные и инженерные науки. 2018. Т. 24, № 2. С. 199–206.

Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1999. № 4. С. 32–46.

Московское дворянство в 1812 г. М.: Издание Московского дворянства, 1912. [2], 105, [5], 510, III с.

Муравьева Л.А. Реформы министра финансов Н.Х. Бунге // Финансы и кредит. 2014. № 17 (593). С. 51–61.

Наумов Д.В. Зоологический музей АН СССР: Краткая история и описание экспозиции. Л.: Наука, 1980. 112 с.

Наумов Э.П. Адольф Яковлевич Купфер, 1799–1865. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 24 с.

Невельской Г.И. Рапорт генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками в оной расположенными, 16 октября 1853 года, по делу занятия острова Сахалина // Морской сборник. 1899. Т. 295, № 12. С. 58–70.

Невельской Н.Н. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849–55 гг. При-амурский и При-уссурийский край: посмертные записки адмирала Невельского. Изданы супругой покойного Екатериной Ивановной Невельской / под ред. и с предисл. В. Вахтина. СПб.: Русская скоропечатня (Л.С. Нахимова), 1878. [2], VIII, IV, 424 с.

Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Изд. 3-е под ред. и со вступ. статьей Л.Г. Каманина. М.: Географгиз, 1947. 398 с.

Непомнящий Н.Н. 100 великих русских путешественников. М.: Вече, 2013. 415 с.

Палибин И.В. Академик Ф.Б. Шмидт (1832–1908) // Природа. 1939. № 3. С. 105–107.

Пасецкий В.М. Иван Фёдорович Крузенштерн. М.: Наука, 1974. 176 с. (Научно-биографическая литература).

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге Петра Пекарского. Т. 1–2. Изд. Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб.: Тип. Имп. акад наук, 1870–1873.

Петров А.И. А.Ф. Миддендорф – ученый, путешественник // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 143–148.

Петров Ю.А. Государство и экономическая модернизация России. XVIII – начало XX века // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории: 18 декабря 2012 г. М.: Наука, 2012. С. 122–132.

Петропавловск-Камчатский, 1740–1990: история города в документах и воспоминаниях. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-ние, 1994. 503 с.

Петропавловский Б.С., Урусов В.М. К 150-летию первой лесоустроительной экспедиции капитана корпуса лесничих А.Ф. Будищева // Вестн. ДВО РАН. 2009. № 1. С. 91–103.

Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): Ист. очерк: Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. 620, 39 с.

Пирагис А.П. Петропавловск и русские кругосветные плавания // На перекрестке континентов: материалы XXXI Крашенинниковских чтений

[Петропавловск-Камчатский, 24 апр. 2014 г.] / Мин. культуры Камчат. края, Камчат. краевая науч. библ. им. С.П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 284–292.

Плетнёв П.А. Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Академии наук: Читано в торжественном собрании Императорской Академии наук 29 декабря 1855 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1855. 77 с.

Полное собрание законов Российской империи <ПСЗРИ>. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб.: Тип. II отд. собств. Е.И.В. канц., 1830; Собрание второе: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. 1830–1885; Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г.: в 33 т. СПб.: Гос. тип., 1885–1916.

Портретная галерея русских деятелей. В 2 т. СПб.: Тип. А. Мюнстера, 1864–1865, 1869. Т. 1. 1864–1865. 124 с., 100 л. портр.; Т. 2. 1869. 101 л. портр., 295 с.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 310 с.

Прибавления к Путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 г. экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон-Врангеля, содержащие в себе: замечания о Ледовитом море, полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест: с приложением 13 литогр. раскраш. рис. северных сияний и походных принадлежностей, изданные иждивением Имп. акад. наук. СПб.: Тип. А. Бородина и К°, 1841. [2], 125 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1897–1911.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Изд. 4. Т. 10: Письма. 1815–1837. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 711 с.

Райков Б.Е. Карл Бэр, его жизнь и труды / Отв. ред. Ю.И. Полянский; ИИЕТ АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд., 1961. 524 с.

Ратманов М.И. Первая русская кругосветная экспедиция (1803–1806) в дневниках Макара Ратманова / Отв. ред. М.Н. Луньковский. СПб.: Ригра, 2015. 568 с.

Решетов А.М. Леопольд Иванович Шренк (К 170-летию со дня рождения) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1997. Вып. 6/7. С. 72–87.

Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1910. 318 с.

Российская академия наук. Персональный состав: в 4 кн. Кн. 1: 1724–1917. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 2024. 576 с.

Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. СПб.: Изд. А.С. Шустова, 1900. 56, 116, 71, 5 с.

Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / Р.Г. Ляпунова, С.Г. Фёдорова (сост. введение и коммент.). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1979. 280 с.

Русские флотоводцы. Материалы для истории русского флота. Документы. Т. 1: М.П. Лазарев / Под ред. А.А. Самарова. М.: Военно-мор. изд-во Военно-мор. мин-ва Союза СССР, 1952. XXIX, 488 с.

Рыкчаев М.А. Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности. 1849–1899 / Сост. дир. Обсерватории акад. М. Рыкчаев. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. 126 с.

Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири. Собрание сочинений и писем: в 7 т. Т. 1: Апостол Америки (1824–1840); Т. 2: Записки об островах Уналашкинского отдела (1840). М.: Изд-во Москов. Патриархии РПЦ, 2012. 848 с.

Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2006. Вып. 2. 483 с.

Семёнов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1956–1957 годах / Со вступ. статьей Н.Г. Фрадкина. 1-е изд., просмотр. Л.С. Бергом. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1946. 256 с.

Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары П.П. Семёнова-Тян-Шанского: в 5 т. Т. 2: Путешествие в Тянь-Шань. 1856–1857 / вступ. ст. и коммент. А.В. Постникова. М.: Кучково поле, 2019. 512 с.: 48 л. ил. (Золотой фонд Русского географического общества).

Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М.: Наука, 2000. 324 с. (Серия «Научно-биографическая литература» / РАН).

Синюков В.В. Александр Васильевич Колчак. Ученый и патриот: в 2 ч. Ч. 1: Начало жизненного пути и арктические исследования. М.: Наука, 2009 292 с.,

Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб.: Стройиздат, 1997. 319 с.

Смирнова Т.В. Демидовский романс. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». Виртуальный проект. URL: museum.ru/content/visit/portfolio/case/?SECTION_ID=123.

Соболев В.С. Двенадцатый Президент Академии наук (к 100-летию со дня смерти великого князя Константина Константиновича Романова) // Вестн. РАН. 2015. Т. 85, № 7. С. 657–661

Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1979. 1600 с.

Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 398 с.

Строев П. Проект Археографического путешествия по России // Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834. Сборник материалов. Вып. 1 / Ред. А.И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1930 а. С. 3–7.

Строев П. Письмо П.М. Строева акад. Т.Х. Гамелю 15 сентября 1829 г. // Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834. Сборник материалов. Вып. 1 / Ред. А.И. Андреев. Л.: Изд-во АН СССР, 1930 б. С. 77.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 1–8. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1874–1887.

Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I: в 2 т. СПб.: Тип. С.Ф. Сущинского, 1865–1866. Т. 1. 1865. 164 с.; Т. 2. 1866. 220 с.

Сухорукова С.М., Фролова А.К., Нечехин К.К. Д.И. Менделеев как основоположник социо-эколого-экономического подхода к развитию промышленности в России // Вестник МИТХТ. 2009. Т. 4, № 1. С. 27–33.

Татищев С.С. Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. 538 с.

Тенсин М.А. Предисловие // Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. С. 5–18.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени: в 2 ч. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861–1863. Ч. 1. 1861. VI, II, 386, [2], 66 с.; Ч. 2. 1863. 388, (Приложение) 292 с.

Толстой Д.А. Римский католицизм в России: Историческое исследование: в 2 т. СПб.: Изд. и тип. В.Ф. Демакова. Т. 1. 1876. 538 с.; Т. 2. 1877. 438, 139 с.

Толь Э.В. Плавание на яхте «Заря» / Пер. с нем. З.И. Виттенбург; Ил. Б.В. Щварц. М.: Географгиз, 1959. 339 с.

Томсинов В.А. Создание «Полного собрания законов» и «Свода законов» Российской империи // Юридическое образование и юриспруденция в России в первой четверти XIX века. М.: Зерцало-М, 2011. С. 237–278.

Труды Русской полярной станции на устье Лены. Ч. 1. Астрономические и магнитные наблюдения за 1882–1884 год. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1895. 246 с.

Тумаркин Д.Д. Жизнь и путешествия Отто Коцебу // Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1981. Изд. 2-е. С. 3–22.; 1987. Изд. 3-е. С. 3–22.

Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Вост. лит-ра, 2011. 623 с.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с. 156 ил.

Тункина И.В. Хранители академической памяти (XVIII-первая треть XX вв.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. СПб.: Нестор-история, 2016 512 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 8).

Тункина И.В. (ред.) Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2018 а. Кн. 1. XII, 704 с.; Кн. 2. VI, 642 с. (Сер. «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»; Вып. 9).

Тункина И.В. Путешествие академика Е.Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы 15-й Междунар. науч. конф. СПб., 28–30 ноября 2018 г. Ч. 2. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т промышл. технологий и дизайна, 2018 б. С. 327–332.

Уваров С.С. Записка, читанная г. президентом Академии наук в общем ее собрании 21 марта 1832 года [по поводу открытой Строевым речи митрополита, произнесенной при короновании царя Василия Шуйского]. СПб., 1832.

Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1813. 28 с.

Успенский С.М. На пределе жизни: Экспедиция на остров Беннетта. М.: Географгиз, 1959. 125 с.

Устав о цензуре. Положение о правах сочинителей. СПб., 1828. С. 1–92; С. 93–101.

Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет Генерального Комиссара Русского отдела. СПб.: Тип. Исидора Гольберга, 1901. 117 с.

Форстер Г. Путешествие вокруг света / Пер. с нем. М.С. Харитонов, послесл. и коммент. Д. Тумаркина. М.: Наука, Главн. ред. вост. лит-ры, 1986. 568 с.

Форстер Г. Путешествие вокруг света. М.: Дрофа, 2008. 1023 с. (Библиотека путешествий).

Хартанович М.Ф. Николай I и граф Уваров – реформаторы Академии наук // Вестн. РАН. 1995. Т. 65, № 12. С. 1117–1124.

Хилькевич Э.К. Из истории развития и распространения идей Н.И. Лобачевского в 60–70-х годах XIX столетия // Историко-математические исследования. М.; Л.: ГИТТЛ, 1949. № 2. С. 168–230.

Хисамутдинов А.А. Terra Incognita, или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку: Владивосток: ДВГУ, 1989. 347 с.

Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока: (Материалы к библиографии исследователей). Вып. 1: (1639–1939). Владивосток: Дальнаука, 2007. 667 с.

Хлебников К. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб.: Мор. тип., 1835. [12], 209 с.

Хен Г.В. История открытия залива Петра Великого и океанографических исследований в Японском море до середины XX века // Известия ТИНРО. 2020. Т. 200, № 1. С. 3–23.

Чайковский Ю.В. Возвращение лейтенанта Колчака. К 100-летию Русской полярной экспедиции (1900–1903) // Вестн. РАН. 2002. Т. 72, № 2. С. 152–161.

Чельшев Е.П. От Екатерины Романовны и Константина Романова до наших дней. К 250-летию со дня рождения Е.Р. Дашковой // Вестн. РАН. 1993. № 6. С. 536–546.

Чельшев Е.П. Отделение литературы и языка РАН: истоки и традиции // Пространство и время. 2011. 2 (4). С. 95–102.

Чичагов В.П. Александр фон Гумбольдт. К 250-летию со дня рождения и 190-летию путешествия по России // Природа. 2019. № 12. С. 41–51.

Шамиссо А. Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Альберто Шамиссо...» // Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах. Ч. 3. СПб.: Тип. Ник. Греча, 1823. С. 5–372.

Ширина Д.А. Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1983. 137 с.

Ширина Д.А. Экспедиционная деятельность Академии наук на северо-востоке Азии, 1861–1917 гг. Новосибирск: Наука, 1993. 205 с.

Шокальский Ю.М. Океанография. Петроград: Артист. заведение т-ва А.Ф. Маркс. 1917. XIV, IV, 5–69, 614 с.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края / Соч. Л. Шренка, д. чл. Имп. акад. наук: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1883–1903. Т. 1. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. 1883. XII, 323 с., 9 л. ил., карт.; Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: Главные условия и явления внешнего быта. 1899. XXI, 314 с., 36 л. ил.; Т. 3. Этнографическая часть. Вторая половина. Основные черты семейной, общественной и внутренней жизни. 1903. XVIII, 145 с., 24 л. ил.

Шумахер А.А. Император Александр II. Исторический очерк его жизни и царствования. СПб.: Северная электропечатня Э.Э. Новицкогт, 1903. 207 с.

Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1861. 60 с.

Юргенсон П.Б. Неведомыми тропами Сибири [Об А.Ф. Миддендорфе]. М.: Мысль, 1964. 47 с. ил., карт.; 20. (Географические серии «Замечательные географы и путешественники»).

Яновская М. Сеченов. М.: Мол. гвардия, 1959. 377 с. (Жизнь замечательных людей; Вып. 14 [280]).

Ярошевский М.Г. Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905. Путь создателя российской физиологической школы и логика развития науки. М.: URSS Ленанд, 2021. 419 с.

Dauenhauer N.M., Dauenhauer R. The Battles of Sitka 1802 and 1804 From Tlingit, Russian, and Other Points of View // Alaska Studies. Unit 4. A Thematic Chronology of Alaska – Russian American Reader. P. 24–30. https://akhistory.lpsd.com/docs/russian_american_book7.pdf (дата обращения: 27.08.2025).

Dauenhauer N.M., Dauenhauer R. «The Battles of Sitka 1802 and 1804 From Tlingit, Russian, and Other Points of View»), представляющей собой собрание отрывков из публикации «Russia in North America» (edited by Richard A. Pierce, The Limestone Press 1990. P. 6–23.

Dauenhauer N.M., Dauenhauer R., Black L.T. (eds). Russians in Tlingit America. The Battles of Sitka, 1802 and 1804. Seattle: University of Washington Press, 2008. 560 p.

Kotzebue O. Neue Reise um die Welt in den Jahren 1823, 24, 25 und 26. Weimar. Bd I–II. 1830. 453 S.

Kraushar A. Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk 1800–1832: monografia historyczna osnuta na źródłach archiwalnych. Ks. 4, Czasy polistopadowe: epilog: 1831–1836. Adres wydawniczy: Kraków: Gebethner; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1906 (Kraków: W.L. Anczyc) Opis fizyczny: [4], 158, [5] s.

Lenz E. Physikalische Beobachtungen, angestellt auf einer Reise um die welt Unter dem Commando des Capitains Otto von Kotzebue in den Janren 1823, 1824, 1825 und 1826. Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg. VI Ser. Sciences Mathematiques, Physiques et Naturelles, 1, 1831. P. 221–344.

Lisiansky, Urey. A voyage round the world, in the years 1803, 4, 5, & 6; performed, by order of His Imperial Majesty Alexander the First, emperor of Russia, in the ship Neva, by Urey Lisiansky/ Published originally in Russian,

St. Petersburg, 1812; English translation by the author. London: Printed for John Boot, 1814. xxi, 388 p.

Tilesius W.G. 1815. De Cancris Kamtschaticus, Oniscis, Entomostracis et Cancellis marinis microscopicis nostilucentibus cum appendice de Acaris et Ricinis Kamtschaticis // Men. Acad. Imp. Sci. St.-Petersburg. 1815. 5. P. 331–405.

Hofmann E. Geognostische Beobachtungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1823–1826. Berlin, 1829.

Zoologischer Atlas, enthaltend Abbildungen und Beschreibungen neuer Thierarten, waehrend des Flottcapitains von Kotzebue zweiter Reise um die Welt, auf der Russisch – Kaiserlichen Kriegsschlupp Predpriaetie in den Jahren 1823–1826. Berlin: Gedruckt und verlegt Bei Gd. Reimer, 1829.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаз А.А. 379
Адамс А. 114
Адольф Н. 417
Аксаков С.Т. 272
Александр I 5, 8–13, 18, 19, 24, 31, 39–41, 54, 58, 60, 85, 105, 113, 129, 144, 159, 161, 165, 170, 187, 194–196, 214, 235, 256, 295, 297–302, 318, 405, 443
Александр II 27, 30, 196, 213, 214, 263–165, 293, 306, 319–326, 328, 329, 331, 335, 340, 360, 364, 379–382, 390, 402, 444
Александр III 50, 271, 293, 306, 328, 336, 380–382, 385, 387–393, 397, 402–406, 443
Александр Александрович (см. Александр III)
Александр Михайлович (вел. князь) 403
Александр Николаевич (см. Александр II)
Александра Иосифовна (вел. княгиня) 309
Алексеев К.С. 314
Ампер Андре-Мари 56
Амфитеаров Ф.Г. 272
Андерсон 69
Андреев В.В. 440, 441
Анжу П.Ф. 192, 194, 195
Анна Иоанновна 13, 18
Анненков М.Д. 172, 181
Анненский Н.Ф. 374
Аносов П.П. 257, 258
Антокольский М.М. 434
Антонович М.А. 305
Аракчеев А.А. 41
Арбузов П.П. 94
Арсеньев В.Д. 300
Арсеньев К.И. 245, 272
Артамонов Н. 342
Баклунд О.А. 411, 419
Бакунин М.А. 400
Балугьянский М.А. 209
Бандер Г. 91
Бантыш-Камёнский Н.Н. 25
Баранов А.А. 91–97, 101, 104, 132, 139, 141, 144, 145
Барант А.Г. 202
Барбер Г. 140, 141
Батюшков К.Н. 281, 304
Баузе Ф.Г. 29
Баумгартен Е.Е., фон 435, 436
Бекетов Н.Н. 370
Беклешев А.А. 11
Беллинсгаузен (Биллинсгаузен) Ф.Ф. 47, 66, 67, 106, 130, 157, 160–166, 170–178, 180–187, 395
Бенкендорф А.Х. 197, 199, 202
Беннетт Д.Г. 154, 416
Бенуа А.Н. 430
Берг Ф.Ф. 233, 245
Бередников Я.И. 228, 271, 272
Бережных И.А. 192
Беринг В. 124
Бермелеев И.И. 247
Бестужев-Рюмин К.Н. 291, 309
Биллингс И.И. (О.О.) 63
Билиарский П.С. 344
Бируля А.А. 419, 424–426
Блок А 279
Блудов Д.Н. 303, 322, 323, 340–343
Бовилье 28
Богданов А.П. 335
Богданович М.И. 291
Боратынский Е.А. 314
Боргач Б. 435
Борисов И.А. (архиепископ Иннокентий) 272
Борн И.М. 48

- Бороздин К.М. 272
 Боткин С.П. 334, 370
 Брагин В.Г. 247
 Бразоль Ю.Н. 437
 Брандт Ф.Ф. 55, 220, 235–237, 247, 348, 395, 410, 411
 Брансфилд Э. 172
 Браун М. 412
 Брашман Н.Д. 337, 338, 367
 Бремером О.В. 348
 Броссе М.И. 410
 Броутон (Бротон) У.Р. 78, 79
 Бруснев М.И. 425
 Брылкин А.Д. 349
 Брюлов К.П. 242
 Бугаев Н.В. 367
 Будищев А.Ф. 352
 Будогосский К.Ф. 349
 Бунге Александр Александрович фон 410–414
 Бунге Александр Андреевич фон 410
 Бунге Н.Х., фон 382, 397–401, 405, 406
 Буневиль (Бугенвиль) Л. 64,
 Бунин И.А. 314
 Буныковский В.Я. 55, 220, 385, 390
 Буслаев Ф.И. 272, 277, 344
 Бутков П.Г. 272, 273
 Бутлеров А.М. 338, 364, 365
 Бычков А.Ф. 271, 291, 387
 Бэр К.М. (К.Э.), фон 55, 90, 220, 230–232, 235, 237, 245, 335, 395, 410
 Бялыницкий-Бируля А.А. (см. Бируля А.А.) 419, 421, 425
 Валуев П.А. 373
 Вальгрен В. 434
 Вальдгейм Г.И. Фишер фон 26
 Вальтер Г.Э. 419, 421
 Вальтер-Скотт 296
 Васильев А.В. 372
 Васильев А.И. 80
 Васильев В.П. 229
 Васильев М.Н. 47, 106, 162, 170, 171, 188–190, 195
 Вассыф-паша Махмед 265
 Введенский Н.Е. 376
 Вейерштрасс К.Т.В. 377
 Вельяминов-Зернов В.В. 344
 Вениаминов И.Е. 149–151
 Венюков М.И. 350–352
 Вернадский В.И. 15, 27, 38, 46, 219, 231, 446
 Веселаго Ф.Ф. 193, 374
 Веселовский А.Н. 271, 313, 314
 Веселовский К.С. 233, 307, 340–345, 365, 366, 390, 412, 447
 Видеман Ф.И. 344
 Вильгельм I 321
 Вильд Г.И. 413
 Вилькон Э. 414, 420
 Виноградский А.Н. 441
 Витте С.Ю. 311, 366–398, 401–408, 443
 Вишневский В.К. 46, 47
 Воейков А.И. 45
 Вознесенский И.Г. 395
 Волков А.Г. 48
 Волконский С.Г. 299, 300
 Воллосович К.А. 419, 422
 Вормскильд (Вормшёльд) М. 112, 113
 Воронцов М.С. 41
 Востоков А.Х. 272, 277
 Врангель Ф.П. 90, 158, 192–195, 245, 416
 Вронченко М.П. 245
 Вышнеградский И.А. 401, 402, 405
 Вяземский А.И. 303
 Вяземский П.А. 271, 273, 279–288, 290, 291, 293–299, 302–304, 308, 336
 Вяземский П.П. 308

- Гагарин С.И. 51
 Гагемейстер Л.А. 84, 96, 106
 Гамбургер А.Ф. 291
 Гамели И.Х. 228
 Гаусс К.Ф. 55, 56
 Гедеон (см. Федотов Г.)
 Гей-Люссак Жозеф-Луи 55
 Гейден Л.П. 125
 Геккель Э. 360
 Гельмерсен Г.П., фон 237, 245, 353, 410
 Георгиевский А.И. 335, 336
 Гершель Джон Фредерик Уильям 55
 Гесс Г.И. 55, 258, 259
 Гёте И.В., фон 56, 314, 423
 Глаголевский С.В. (Серафим) 272
 Глинка С.Н. 201
 Гёген А.И., фон 432
 Гоголь Н.В. 198, 282, 287, 290, 305
 Голенищев-Кутузов А.А. 316
 Голенищев-Кутузов М.И. (см. Кутузов М.И.)
 Голицын Б.Б. 411, 430
 Голицын Г.С. 439
 Голицын Д.В. 51–53
 Головин А.В. 342, 344, 345
 Головин В.М. 157–159, 163, 191, 193
 Гончаров И.А. 272, 309
 Горнер И.К. 65–67, 69, 89, 109
 Горчаков А.М. 265
 Горчаков М.Д. 263
 Горький А.М. 313
 Гофман Э.К. 128, 132, 247–249,
 Грейг А.С. 224
 Грибоедов А.С. 314
 Гринёв А.В. 91, 141, 142
 Грот Я.К. 268, 271, 274, 276, 278
 Гумбольдт А., фон 239, 240, 241, 232
 Гурьев Д.А. 41,
 Гэсс Г.И. 220,
 Гюго В. 310
 Давидов А.Ю. 337
 Давыдов Г.И. 145, 149,
 Давыдов Д.В. 281
 Давыдов И.И. 271
 Даль В.И. 245, 272, 275, 367, 368
 Дарвин Ч. 127, 230, 360
 Дашков Д.В. 322
 Дашкова Е.Р. 4, 266
 Делиль де ла Кройер Л. 87
 Дельвиг А.И. 332, 333
 Демидов А.Н. 241–243
 Демидов Д.А. 172, 192
 Державин Г.Р. 157, 276, 284, 388
 Дерюгина Д.В.
 Джоуль Д. 135
 Докучаев В.В. 370
 Долгоруков А.А. 209
 Долгоруков В.В. 321
 Дондуков-Корсаков М.А. 268
 Достоевский Ф.М. 272, 307, 309, 375
 Дроздов В.М. 271
 Дурново И.Н. 405
 Дюран А. 242, 408
 Еврейнков М.М. 300, 301
 Екатерина II (Екатерина, Великая) 4, 13, 31, 59, 147, 244, 266, 290, 297, 318
 Екатерина Михайловна (вел. княгиня) 379
 Жемчужников А.М. 313
 Жомини А.Г. 291
 Жуковский В.А. 271–273, 280, 285, 287, 289, 290, 304
 Жуковский Н.Е. 430
 Завадовский И.И. 171, 185, 187
 Завадовский П.В. 18, 31, 32
 Засядко А.Д. 256
 Захаров Я.Д. 42
 Зееберг (Зеберг) Ф.Г. 419, 421–424

- Зейферт И.И. 309
 Зеленый И.А. 309
 Зивальд Г., фон 128, 132
 Зинин Н.Н. 259, 338
 Злобин К.К. 291
 Золотарёв Е.И. 367
 Зорин А.В.
 Зубов Н.Н. 155
 Иванов Д.Л. 333
 Иванов И.Н. 192
 Изыльметьев И.Н. 236
 Ильин А.А. 45
 Ильинский Г.А. 386
 Иноземцев Ф.И. 334, 335
 Иннокентий (см. Вениаминов И.Е.)
 Истомин В.И. 264
 Истрин В.М. 271
 Йохансен Я. 415
 Кавадзи Тосиакира 252
 Кази М.И. 332
 Калайдович К.Ф. 25
 Калинин Д. 97, 101, 102
 Калинин П.П. 437
 Камеамеа IV 102
 Канкрин Е.Ф. 239, 240, 261
 Карамзин Н.М. 25, 281, 284, 289, 303, 304
 Карпинский А.П. 370, 396, 397, 417
 Кастрй Шарль де 76
 Каченовский М.Т. 273
 Каянус Р. 441
 Керестури Ф.Ф. 25
 Кесслер К.Ф. 338
 Кёлер Е.Е. (Г.К.Э.) 227
 Кёппен П.И. 245
 Клейн Ф. 372
 Клерк Ч. 88, 89
 Ключевской В.О. 314
 Княжевич Д.М. 272
 Ковалевская С.В. 224, 374, 376, 377, 378
 Ковалевский А.О. 231, 369, 377
 Ковалевский В.И. 429, 443
 Ковалевский В.О. 377
 Ковалевский М.М. 378, 380
 Ковальский М.А. 247
 Козлов П.К. 395
 Козодавлев О.П. 52
 Кокшаров Н.И. 365
 Коломейцев Н.Н. 418, 420, 421
 Колумб Х. 185
 Колчак А.В. 418–421, 425–427
 Кольцов А.В. 314
 Колыванова Е.А. 303
 Комаровский Е.Ф. 300, 302
 Кони А.Ф. 316
 Константин Константинович (вел. князь) 278, 309–311, 313–316, 366, 391–394
 Константин Николаевич (вел. князь) 245, 246, 337
 Константин Павлович (вел. князь) 196, 214, 257
 Константинов К.И. (К.К.) 257, 258
 Коркин П.Н. 367
 Корнилов В.А. 264
 Коровин К.А. 432
 Короленко В.Г. 313
 Корф М.А. 291, 350
 Корш Ф.Е. 316
 Котлеан, тойон 94
 Котляревский А.А. 390
 Котляревский Н.А. 390
 Коцебу А. 107
 Коцебу О.Е. 47, 66, 90, 106–109, 112–121, 123–133, 135–143, 145–156, 160–162, 171, 180, 195
 Кочубей В.П. 12
 Кочубей П.А. 332
 Кошелев П.И. 80
 Красовский В.И. 48
 Круз А.И. 102

- Крузенштерн И.Ф. 47, 58–66, 69–85, 87–91, 97, 99, 105–109, 116, 117, 127, 128, 133, 144, 161, 162, 165, 245, 395
- Крылов И.А. 271–273, 304
- Кук Дж. 63, 64, 69, 81, 88, 89, 108, 122, 147, 164, 165, 172, 173
- Куник А.А. 343
- Куприянов И.А. 172
- Купфер А.Я. 55, 240, 241
- Куркумелли И.Г. 439
- Кутузов М.И. 185, 203, 297, 302
- Лабанд М. 65
- Лаверецкий Н.А. 435
- Лагранж Ж.Л. 376
- Лазарев А.П. 160, 191
- Лазарев М.П. 47 106, 130, 132, 157, 159–164, 172–187, 191, 395
- Лазарев П.Г. 157
- Лаланд Жозеф Жером
Лефрансуа де 28
- Ламанский В.И. 358
- Ламберт К.О. 198
- Лангсдорф Г.И. (Г.Г.), фон 47, 65, 66, 69, 84
- Лаперуз Жан-Франсуа де 63, 77–79, 89
- Лаптев Х. 232
- Ларош Г.А. 309
- Левенштерн В.И. 66, 67
- Левицкий Г.В. 419
- Лейбниц Г.В. 396
- Леман 37
- Ленц Э.Х. 55, 128, 129, 132, 134–136, 220
- Лерберг А.Х. 109
- Лермонтов М.Ю. 314
- Лесков М.П. 172
- Ливен К.А. 198, 204
- Ливен Х.А. 11
- Лисянский П.Ю. 59
- Лисянский Ю.Ф. 47, 59, 61, 62, 68, 79, 91–105, 144, 149, 395
- Литке Ф.П. 90, 106, 158, 191–194, 244, 245, 273, 341, 342, 345, 366
- Лобачевский А.Н. 372
- Лобачевский Н.И. 371, 372, 374
- Ломоносов М.В. 4, 18, 37, 54, 164, 165, 276, 277, 284, 385
- Лонг Джорж де 416
- Лорис-Меликов М.Т. 379–382
- Лукин А.А. 149
- Ляпунов А.М. 367
- Маак Р.К. 347–350
- Магеллан Ф. 185
- Магницкий М.Л. 199
- Майков А.Н. 272, 310
- Макаров С.О. 155, 195, 416, 417
- Максимович К.И. 346, 347, 348, 350, 412
- Малиновский А.Ф. 25
- Мария Александровна (императрица) 382
- Мария Фёдоровна (императрица) 30, 382, 393
- Марков А.А. 367
- Маркс К.Г. 398–400
- Маслов С.А. 53
- Матисен Ф.А. 419, 421, 422, 424
- Медведников В.Г. 143, 144
- Мельцер Р.Ф. 429, 431, 433, 434
- Менетрие Э.П. 348
- Менделеев Д.И. 338, 344, 364–367, 389, 406, 416, 430
- Меншенин Д. 239
- Меншиков А.С. 41, 249
- Мертенс А.К. 193
- Мерцалов А.И. 435
- Мечников И.И. 368, 369
- Миддендорф А.Ф. (А.Т.) 230–235, 395, 410
- Миклухо-Маклай Н.Н. 321, 354, 360–363

- Милорадович М.А. 289
 Милютин Д.А. 380
 Михаил Павлович (вел. князь) 214
 Михайлов П.Н. 181
 Михельсон М.И. 394, 396
 Можайский А.Ф. 371
 Моллер А.В. 182
 Мордвинов Н.С. 61
 Муловский Г.И. 59
 Муравьев М.И. 132, 145
 Муравьев М.Н. 25, 26, 29, 245
 Муравьев (Муравьев-Карсский) Н.Н. 264
 Муравьев (Муравьев-Амурский) Н.Н. 149–151, 249–252, 254, 346
 Мусин-Пушкин А.И. 25,
 Мэй Ф. 346
 Налимов С. 440
 Нансен Ф. 413–415, 417, 418, 421
 Наполеон 26, 32, 46, 51, 107, 125, 162, 171, 162, 171, 222, 295, 297, 301, 302, 443
 Нартов А.А. 28
 Наук А.К. 344
 Нахимов П.С. 160, 262, 264
 Невельской Г.И. 75, 249–254
 Нельсон Г. 64
 Нессельроде К.В. 52, 250
 Николай А.Л. 28, 29, 40,
 Николай I 21, 57, 134, 162, 192, 195–199, 203–205, 209, 211–214, 221, 223, 224, 227, 239, 241, 244, 250, 251, 261–263, 266, 268, 278, 304, 306, 309, 313, 319, 322, 331, 384, 403
 Николай II 5, 312, 320, 380, 393–398, 405–408, 447
 Николай Михайлович (вел. князь) 246
 Новосильский П.М. 172, 179, 181
 Новосильцев (Новосильцов) Н.Н. 12, 22, 40, 41
 Норденшельд Н.А.Э. 389, 417
 Нордман А.Д. 395
 Норов А.С. 272, 308
 Нурсийский Б. 53
 Ньюком (Ньюкомб) С. 226
 Обернибесов 175
 Овсянников Ф.В. 344, 365
 Одоевский В.Ф. 245
 Озерецковский Н.Я. 28, 42
 Ольденбург С.Ф. 310, 311
 Омирова С.Ф. 426, 427
 Омук Н. 422
 Остроградский М.В. 55, 220, 256, 257, 371, 377
 Павел I 8, 12, 34, 41, 60, 124, 144, 196, 405
 Павлов И.П. 376
 Павский П.П. 344
 Панаев В.И. 272
 Пандер Х.Г. 55, 220
 Панин В.Н. 323
 Панснер Л.И. 49, 50
 Паррот Е.И. (Г.Ф.) 55, 128, 129, 135, 220, 223, 224
 Паррот И.Ф. 223
 Парядин Я. 172
 Пасси Ф. 408
 Пастер Л. 369
 Пекарский П.П. 272, 344, 370
 Перовский Б.А. 291
 Перовский Л.А. 244, 250
 Перхин М. 434
 Пестель И.Б. 84
 Петерманн А. 185
 Пётр I (Великий) 3, 30, 155, 173, 214, 244, 318
 Петров В.В. 255, 256
 Петров Н.П. 332, 430
 Пешков А.М. (см. Горький А.М.)
 Пикар А. 431
 Пирогов Н.И. 259, 260
 Писарев А.А. 272, 273

- Плетнёв П.А. 55, 214, 271, 281
Победоносцев К.П. 380, 402
Повалишин П.А. 94, 102
Погодин М.П. 272, 273
Поленов В.А. 272
Ползунов И.И. 4
Поливанов С.Д. 236
Политковский Ф.Г. 25
Половцев А.А. 291
Полонский Я.П. 387
Полторацкий В.А. 44, 45
Попов А.С. 439
Попугаев В.В. 48
Посъет К.Н. 332
Потоцкий С.О. 29
Прейс В. 128, 132
Пржевальский Н.М. 354, 355–357, 388, 395
Проскуряков Л.Д. 435
Путятин Е.В. 160, 252
Пушкин В.Л. 280
Пушкин А.С. 197, 202, 203, 276, 279–281, 284–286, 289, 296, 304, 305, 311, 312, 315–318, 388, 393, 394
Пясецкий П.Я. 433, 434
Радде Г.И. 353, 411
Радлов В.В. 410
Разумовский А.К. 26, 27
Расторгуев Л.И. 439
Расторгуев С. 419
Ратманов М.И. 66, 117, 162
Резанов Н.П. 60, 71, 72, 91
Рейсс Ф.Ф. 25
Рейтерн М.Х. 402
Репин И.Е. 430
Риваса Д.М. 112
Рикорд П.И. 158, 245
Риттер К. 358
Рихтер В.М. 25, 26
Роггевен Я. 130
Розберг М.П. 271
Розе Г. 239
Роман (см. Лукин А.А.)
Романов К.К. (см. Константин Константинович)
Ромберг Ф. 77
Ростовцев Я.И. 322, 323
Ростопчин Ф.В. 298
Рулье К.Ф. 335
Румовский С.Я. 34
Румянцев (Румянцов) Н.П. 70, 104, 108, 115, 126
Рунеберг Р.И. 416
Рунич Д.П. 199
Рупрехт Ф.И. 237, 348
Рыкачев М.А. 430
Сааринен Э. 433
Савич П.Н. 344
Салтыков С.В. 10
Санников Я. 414
Сарычев Г.А. 63, 64, 84, 117, 161, 168
Севергин В.М. 22, 36, 46, 47
Семёнов П.П. 352, 354, 357–359, 408, 427, 430
Семёнов-Тян-Шанский П.П. (см. Семёнов П.П.)
Сербинович К.С. 303
Серов В.А. 434
Сеченов И.М. 373–375, 376
Сибирияков А.М. 389
Симонов И.М. 181
Скаутлелл (вождь) 141, 143
Смирнов С.А. 334
Смит У. 184
Соболевский А.И. 316
Соколов И.М. 334
Соловьёв В.С. 313
Соловьёв С.М. 272, 309, 343, 370
Соловьёв С.Ф. 347
Сомов О.Т. 344
Сперанский М.М. 30, 40, 198, 209–213,

- Спиридов Г.А. 116
 Срезневский И.И. 271, 275, 276
 Станиславский (см. Алексеев К.С.)
 Станюкович М.Н. 106, 192, 193
 Стасов В.В. 313
 Стеклов В.А. 367
 Столетов А.Г. 370
 Столыпин П.А. 289, 398
 Стражевский Н.И. 247
 Страхов П.И. 25
 Стрельбицкий И.А. 45
 Строганов П.А. 12
 Строганов С.Г. 334
 Строев В.М. 210
 Строев П.М. 210, 227–229, 271
 Струве В.Я. 55, 128, 220, 222–226, 245
 Струве О.В. 222, 223
 Струве Я. 222
 Сухомлинов М.И. 266, 271, 277
 Тарханов-Моуранов И.Р. 430
 Тейль ван Сераскен Ф.В. 185
 Тенишев В.Н. 429
 Теннер К.И. 226
 Тибо-Бриньоль О.И. 429
 Тиленау В.Г. Тилезиус фон 65–67, 69, 70, 80, 89
 Тихменев П.А. 140, 141
 Толль Эдуард В. 395, 410–422, 424–427
 Толль Эмmeliна (см. Вилькон Э.)
 Толстая С.Д. 386
 Толстой А.К. 310
 Толстой Д.А. 291, 328, 345, 383–391
 Толстой Л.Н. 272, 294, 295, 303, 307, 308, 313, 316, 375
 Толстой П.А. 51
 Толстой Ф.И. 280, 303, 304
 Тон К.А. 242
 Торсон К.П. 172
 Тотлебен Э.И. 262
 Траверсе (Траверзе) И.И. де 161, 163, 172, 177, 178, 187
 Тредиаковский В.К. 277
 Триниус К.А. 193
 Трубецкой П.П. 434
 Тургенев И.С. 272
 Тютчев Ф.И. 272
 Уваров А.С. 227, 335
 Уваров С.С. 55–57, 198, 200, 202, 204, 205, 208, 214, 215, 219, 337, 239, 244, 266, 268, 269, 271–273, 284, 340
 Ульянов А.И. 391
 Ульянов (Ленин) В.И. 391
 Устрялов Н.Г. 343
 Ухтомский А.А. 376
 Урусов С.Н. 375
 Федотов Г. 91
 Феоктистов Е.Ф. 291
 Фет А.А. 387
 Филарет (см. Амфитеаров Ф.Г.)
 Филарет (см. Дроздов В.М.)
 Фитингоф-Шель Б.И., фон 50
 Флиндерс М. 179
 Фонвизин Д.И. 282, 285
 Форстер Г.А. 147
 Форстер И.Р. 147
 Фортунатов Ф.Ф. 316
 Франц-Иосиф 321
 Фурье Жан-Батист-Жозеф 55
 Фус (Фусс) Н.И. 29, 38, 80, 224
 Фус (Фусс) П.Н. 224, 340
 Халтурин С. 379
 Хитрово Е.М. 203
 Хлебников К.Т. 139
 Хорис Л.А. 112, 113, 115,
 Цах Франц Ксавер фон 63
 Цейдлер В.П. 433
 Цибарт
 Цингер В.Я. 337, 338
 Циолковский К.Э. 430
 Цингер Н.Я. 337

- Чаадаев П.Я. 285, 317
 Чарторыйский А.Е. 12, 22,
 Чебышёв П.Л. 365, 367
 Челюскин С.И. 232
 Чернышёв Ф.Н. 411
 Черский Д.И.
 Черский И.Д. (Я.Д.) 410, 411, 415,
 419
 Чехов А.П. 307, 313
 Чихачёв П.А. 245
 Чичаг В. 422
 Шамиссо А., фон 112, 113, 117, 125,
 126, 156
 Шарко Ж.-Б. 173
 Шахматов А.А. 271, 276, 316
 Шевырёв С.П. 271
 Шелихов Г.И. 60, 91
 Шереметев С.Д. 308
 Шерер А.И. 47
 Шестаков А.А. 179
 Шёгрэн А.М. 55, 220, 229, 230, 410
 Шилейко Е.И. 410, 415
 Шиллинг П.Л. 255, 256
 Шиль (препаратор)
 Ширинский-Шихматов П.А. 271,
 280
 Шифнер А.А. 349
 Шишков А.С. 198, 199, 266–268,
 271, 281, 306
 Шишмарёв Г.С. 47, 106, 117, 119,
 121, 162, 188–190, 195
 Шкарин Ф.Ф. 435
 Шлегельмильх А.К. 47
 Шлёцер А.Л. 25
 Шмидт Ф.Б. 353, 410, 412, 417
 Шмидт Я.И. 55, 220
 Шокальский Ю.М. 135, 155, 172,
 173
 Шоутон (Скоутон) 115
 Шренк А.И. (А.Г.), фон 235, 237
 Шренк Л.И., фон 235–238, 344, 346,
 411, 412
 Штейн Ф. 188
 Штраух А.А. 412
 Шуберт Ф.И. 63
 Шуберт Ф.Ф. 224
 Шувалов И.И. 4
 Шувалов П.П. 439
 Шумахер А.А. 262, 322
 Щуровский Г.Е. 337, 338
 Эйлер Л. 30, 224, 396
 Эйфель Г. 434
 Энгельгарт М.Ф., фон 129
 Эренберг Х. 89, 239
 Христиан Эренберг
 Эшшольц (Эшгольц) И.Ф., фон 112,
 113, 117–119, 128, 133, 156
 Юргенс Н.Д. 410
 Юрьев Д.Ф. 247
 Яблочков П.Н. 371
 Якоби Б.С. (М.Г.), фон 258, 264
 Якоби К.Г. 56
 Янковский П.К. 416

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
1. СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I	8
1.1. Первые законодательные акты Александра I, в том числе в области образования	8
1.2. Учебные округа, новые университеты и университетские научные общества	16
1.3. Реформирование Академии наук	28
1.4. Передача изготовления топографических карт в военное ведомство	42
1.5. Академические экспедиции начала XIX в.	46
1.6. Научно-просветительские и научно-технические общества ...	48
1.7. Сергей Семёнович Уваров – первый президент Академии наук в постнаполеоновский период	55
2. ПЕРВОЕ РУССКОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ	58
2.1. Организация кругосветного плавания и его проведение	58
2.2. Плавание И.Ф. Крузенштерна	69
2.3. Плавание Ю.Ф. Лисянского	91
2.4. Послесловие	105
3. КРУГОСВЕТНЫЕ ПЛАВАНИЯ ОТТО КОЦЕБУ	107
3.1. Организация первого научного кругосветного плавания	107
3.2. Кругосветное плавание на бриге «Рюрик»	112
3.3. Кругосветное плавание на шлюпе «Предприятие»	128
3.4. Этнографические и социологические исследования	137
3.4. Послесловие	155
4. КОМПЛЕКСНЫЕ КРУГОСВЕТНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ НАЧАЛА XIX В.	157
4.1. Кругосветные плавания В.М. Головнина и М.П. Лазарева ...	157
4.2. Подготовка научных экспедиций в антарктическую и аркти- ческую зоны Земного шара	161
4.3. Плавание Беллинсгаузена-Лазарева	172
4.4. Плавание Васильева-Шишмарёва	188
4.5. Исследование Русского Севера	191
5. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I	196
5.1. Реформы в области образования	196
5.2. Систематизация законодательства, проведенная М.М. Сперанским	209

5.3. Реформа Императорской академии наук	214
5.4. Организация Пулковской обсерватории	221
5.5. Академические научные экспедиции	227
5.6. Организация Русского географического общества и его первые экспедиции	244
5.7. Научно-технологические достижения	255
5.8. Итоги царствования Николая I и Крымская война	261
6. ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ	266
6.1. Формирование Отделения русского языка и словесности	266
6.2. Литератор и историк П.А. Вяземский	279
6.3. Развитие классической литературы и изящной словес- ности	305
7. ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА II	319
7.1. Внутренняя и внешняя политика Александра II	319
7.2. Реформа высшего образования	325
7.3. Научные и научно-технические общества	331
7.4. Императорская Санкт-Петербургская академия наук	340
7.5. Исследование Дальневосточных территорий	346
7.6. Путешествия Н.М. Пржевальского, П.П. Семёнова-Тян- Шанского и Н.Н. Миклухо-Маклая	354
7.7. Формирование национальных научных школ	364
7.8. Несостоявшаяся Конституция М.Т. Лорис-Меликова	379
8. РОССИЙСКАЯ НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА	382
8.1. Научно-техническое и промышленное развитие	382
8.2. Комплексные научные экспедиции	410
8.3. Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 г.	428
Заключение	444
Список литературы	448
Именной указатель	468

Научно-популярное издание

Виктор Всеволодович Богатов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК –
300 ЛЕТ ВЫСОКОГО СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

Книга 2

XIX век

Корректор *Л.А. Русова*

Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

На лицевой стороне обложки –
Медаль «В память 100-летия Императорской Санкт-Петербургской
Академии наук», 1826 г.
Павильон Российской империи на Всемирной выставке
в Париже в 1900 году

Подписано в печать 10.03.2026 г.

Формат 60х90/16. Усл. п. л. 30,0. Уч.-изд. л. 27,7.

Тираж 300 экз. Заказ.

Издательство ООО «Дальнаука»
690106, г. Владивосток, пр. Красного Знамени, 10, каб. 20.
Тел. +7 9242630160. E-mail: naukadv2000@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(495)107-02-68